

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Ахмедов К.Б. Семейно-правовая политика как предмет сравнительно-правового анализа: понятие и основные исторические этапы.....	6
Васильев Р.В. Эволюция полиции Индии как института обеспечения колониального правопорядка.....	12
Вронская М.В. Механизм защиты прав достойных наследников: общетеоретическое исследование	18
Панченко В.Ю. Проблема объекта, цели и предмета теории государства и права как науки.....	24
Слинченко О.А. Развитие идеи народности в трудах русских и немецких правоведов XIX века: аспекты влияния на правовую доктрину	29
Соснин С.А. Взгляды Е.В. Васильевского на сущность адвокатской деятельности	33
Субботин Ю.В. Реализация педагогического потенциала дисциплины «Латинский язык» в системе подготовки специалистов для судебной системы	38
Шушпанов К.С. О некоторых технологиях выявления имманентных пределов права человека на информацию	42

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Бондаренко А.А. Реформирование статуса религиозных организаций в России: три возможных пути	47
Воскобойников Д.В. Конституционное правосудие как фактор обеспечения и защиты прав и свобод человека в Российской Федерации	53
Голубош О.С. Возможности внедрения концепции квазисудебного порядка разрешения публично-правовых споров в российской правовой системе	58
Клещёв А.С. Правовые основы ограничения ответственности продавцов в сделках слияний и поглощений в системе международного гражданского права	65
Крымский С.В. Профилактика органами внутренних административных правонарушений, совершаемых юридическими лицами, в рамках контрольно-надзорной деятельности	71
Курасова Е.О. Понятие и сущность государственных корпораций России.....	76
Мананников Д.Ю. Правовое регулирование применения информационно-аналитических технологий в деятельности органов прокуратуры	81

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

Главный редактор: **Кашкин Сергей Юрьевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Заместитель главного редактора: **Коровяковский Денис Геннадьевич**, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, Российская таможенная академия; доцент кафедры Института макроэкономических исследований, старший научный сотрудник Совета Института макроэкономических исследований, Всероссийская академия внешней торговли

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, доктор юридических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета, Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, первый проректор – проректор по научной работе АНО «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», академик РАЕН; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Торговое дело и торговое регулирование», Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»; **Малько Александр Васильевич**, доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры публичного права, МГИМО; **Махтаев Махтай Шапиевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Багда Владимирович**, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института ФГАОВ ВО «Российский университет дружбы народов», профессор РАО; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия; заведующий кафедрой служебного и трудового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теимуразович**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры юриспруденции, МГУУ Правительства Москвы, Университет Правительства Москвы; **Шохин Сергей Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет), академик РАЕН и РАЮН; **Шукина Татьяна Владимировна**, доктор юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, доктор юридических наук, профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагеева Розалина Васильевна**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джидждолия Рауль Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминального права, Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.08.2024

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Михаленко Н.А.</i> Правовое регулирование цифровых валют и активов в зарубежных юрисдикциях.....	87
<i>Орынбеков Алмас Сабитулы.</i> Некоторые проблемы использования категории оценочного характера в конструировании норм законодательства об административных правонарушениях.....	91
<i>Очирова П.И.</i> Практика применения НДС в майнинге.....	94
<i>Пономарёва И.П.</i> К новейшему решению вопроса о субъектах и объектах конституционных правоотношений.....	100
<i>Сенников Д.Э.</i> Подходы к разграничению полномочий между органами государственной власти в сфере образования в советский период.....	103
<i>Суханов С.А.</i> Развитие правового регулирования привлечения к ответственности за нарушение валютного законодательства.....	107
<i>Шишмарев А.Н.</i> Правовая природа электронных денег.....	113

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Акинфеев Д.В.</i> Нормативное определение категории «искусственный интеллект» в гражданском праве Российской Федерации и Республики Таджикистан.....	119
<i>Брыкина С.А.</i> Применение коллизионных норм международного права к трансграничным электронным сделкам.....	126
<i>Воскресенский И.Н.</i> Развитие практики правоприменения по делам о несостоятельности (банкротстве) жилищных накопительных кооперативов.....	130
<i>Гасников Н.И.</i> Законная платежная сила как свойство денег, выраженных в рублях.....	134
<i>Золотовская Е.А.</i> Правовое положение бывших членов семьи собственника жилого помещения.....	138
<i>Калинин А.В.</i> Сравнительный анализ структуры законодательства о банкротстве Российской Федерации и Республики Беларусь.....	144
<i>Каретин М.Г.</i> Защита прав заказчика от недобросовестных действий подрядчика при исполнении договора строительного подряда.....	150
<i>Карпенко В.А.</i> Анализ зарубежного опыта правовой защиты участников корпоративных конфликтов.....	155
<i>Крицкая С.Ю.</i> Эволюция статуса римских сенатусконсультов II–I вв. до н.э. как источника частного и публичного права.....	160
<i>Хоролец Д.В.</i> Доктринальные и практические подходы к определению существенности условия о сроке договора аренды здания или сооружений.....	163
<i>Махнева П.А., Попова Д.К.</i> Правовой статус кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве).....	169
<i>Неделько Д.Д.</i> Исследование практики гонорара успеха в адвокатуре на территории РФ: преимущества и риски.....	172

<i>Фролова А.А.</i> Возможности развития в российской правовой системе института отстранения работника от выполнения трудовых обязанностей с сохранением заработной платы в контексте защиты конфиденциальной информации.....	175
<i>Пурге А.Р.</i> Правовые инструменты обеспечения гарантий возврата средств в потребительском кредитовании.....	179
<i>Рагимова Э.М.</i> Формирование критериев определения размеров компенсации морального вреда.....	184
<i>Рудой А.А.</i> Правовое регулирование оборота цифровых прав.....	188
<i>Саяпин С.П.</i> О новых тенденциях в правовом регулировании цифровой валюты в России.....	193
<i>Чаштанова Д.П.</i> Определение правовой природы трудового договора, заключенного в форме смарт-контракта.....	197
<i>Старовойтова А.С.</i> Признание недействительным патента как способ защиты прав на изобретение, полезную модель и промышленный образец.....	201
<i>Тихов С.М.</i> Формирование института допустимого правомерного использования товарного знака.....	207
<i>Саяпин С.П.</i> Формирование правовой модели регулирования деятельности цифровой платформы в сфере туризма.....	213
<i>Федорова Р.Ю., Боброва В.К.</i> Влияние цифровизации на трансформацию юридических процессов.....	217
<i>Фентти М.Г.</i> Запрет рекламы потребительских кредитов как способ защиты граждан от чрезмерной закредитованности в условиях антироссийских санкций.....	222
<i>Филатов К.С.</i> Адаптация экспериментальных правовых режимов Европейского союза инновациям экономических отношений: на примере регулирования финансовых рынков.....	226
<i>Фролова А.А.</i> Привлечение работников к дисциплинарной ответственности за разглашение коммерческой тайны с применением информационных технологий.....	231
<i>Хоролец Д.В.</i> Развитие правового регулирования института аренды: на примере исполнения обязательств по оплате арендной платы и передачи объекта.....	235
<i>Чаштанова Д.П.</i> Подходы к разработке правовой регламентации реализации дистанционными работниками коллективных трудовых прав.....	240

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Андреева Я.В.</i> Анализ дополнительных обстоятельств, учитываемых при назначении наказания несовершеннолетним.....	243
<i>Ганюшкина С.Д.</i> Концептуальные основы системы межведомственного взаимодействия предупреждения организации нелегального игорного бизнеса в сети Интернет.....	250

<i>Голиков О.В., Иринчев В.В.</i> Усиление административных санкций путем применения криминалистических методов и средств в качестве предупреждения экологических правонарушений.....	256	<i>Богданова А.Ю.</i> Особенности договорных отношений с участием потребителя электрической энергии на розничных рынках в условиях энергоперехода.....	332
<i>Зацепин М.Н., Зацепин А.М., Аникин М.С.</i> Предпринимательская деятельность в механизме преступного поведения.....	261	<i>Бруевич М.Ю., Губанова О.А.</i> Анализ проблемных моментов деятельности органов дознания при расследований преступлений, связанных с пожарами.....	337
<i>Кораблев А.А.</i> Характеристика преступлений в сфере телекоммуникационных технологий и уголовно-процессуальные аспекты противодействия им.....	265	<i>Панюшкин М.А.</i> Закон о партнерском финансировании: первый шаг по легализации исламского банкинга в России.....	342
<i>Крюков А.В.</i> Вопросы оптимизации назначения наказания за заведомо ложный донос.....	269	<i>Богданова А.Ю.</i> Особенности защиты прав потребителей электрической энергии на розничных рынках.....	348
<i>Махнева П.А., Попова Д.К.</i> Правовая природа производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе.....	272	<i>Тугутова Д.А.</i> Генезис понятия «квалификация преступлений» и современные подходы к его пониманию.....	354
<i>Акимочкин В.И., Позняк В.Д.</i> К вопросу об эвтаназии в Российской Федерации.....	276	<i>Тюхтенкова Е.И.</i> Генезис и развитие правового регулирования института международной электронной торговли.....	357
<i>Примкулов А.А.</i> Содержание стадии собирания доказательств по уголовным делам в законодательстве Российской Федерации и Кыргызской Республики.....	279	<i>Черешнев А.В.</i> Право бенефициара на получение доступа к документам и информации в отношении подконтрольных обществ в Российской Федерации.....	363
<i>Росляков В.Д.</i> Особенности регламентации уголовной ответственности за криминальные банкротства в ФРГ.....	284	<i>Александрова А.А.</i> Правовое регулирование поднадзорных организаций Банком России: аспекты реализации риск-ориентированного подхода.....	368
<i>Степанюгин К.В., Тисемникова С.П.</i> Электронные носители информации как вещественные доказательства в уголовном процессе.....	289	<i>Баринова И.В.</i> Проблемы рассмотрения гражданских дел о причинение вреда здоровью и жизни граждан вследствие применения лекарственных средств.....	374
<i>Трусова Е.А.</i> Профилактика преступлений, совершаемых под влиянием депрессивных расстройств.....	293	<i>Курносова В.М.</i> Квалификация экономических преступлений, совершаемых путем сознательного введения в заблуждение.....	379
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ		<i>Перевалов А.Г.</i> К вопросу об эффективности основных внесудебных способов защиты трудовых прав работников в сфере малого предпринимательства.....	383
<i>Злобин Е.В.</i> Проблемы совместимости блокчейн-технологии и GDPR в Европейском союзе на примере использования криптоактивов.....	297	<i>Петрова Т.П.</i> Значение принципов корпоративного управления в контексте субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве.....	389
<i>Меджидов М.М.</i> Состояние и перспективы правового регулирования отношений в сфере возобновляемой энергетики в Евразийском экономическом союзе.....	304	<i>Сафин Т.И.</i> Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа перед юридическим лицом при совершении некоторых видов ничтожных сделок.....	392
<i>Чувахин П.И.</i> Становление и развитие концепции прав человека в международном праве.....	309	<i>Курносова В.М.</i> Нормативное определение подходов к квалификации мошенничества в сфере образовательных услуг: на примере личностного развития.....	398
<i>Назарова А.У.</i> Формирование общих рынков энергоресурсов ЕАЭС как фактор обеспечения энергетической безопасности.....	314	<i>Соломатин Е.О.</i> Формирование модели регулирования экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых валют.....	402
<i>Чувахин П.И.</i> Фрагментация международного права в контексте разрешения правовых споров при реализации проекта «Один пояс – один путь».....	320		
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА			
<i>Чернякова С.А.</i> Специфика расчетов цифровыми рублями: новый этап в развитии валютного законодательства.....	327		

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Akhmedov K.B.</i> Family law policy as a subject of comparative legal analysis: concept and main historical stages	6
<i>Vasilyev R.V.</i> The evolution of the Indian Police as an institution of colonial law enforcement	12
<i>Vronskaya M.V.</i> Mechanism for the protection of the rights of worthy heirs: general theoretical research.....	18
<i>Panchenko V.Yu.</i> The problem of the object, purpose and subject of the theory of state and law as a science.....	24
<i>Slinchenko O.A.</i> , The development of the idea of nationality in the works of Russian and German legal scholars of the 19th century: aspects of influence on legal doctrine.....	29
<i>Sosnin S.A.</i> E. Vaskovsky's views on the essence of the bar	33
<i>Subbotin Yu.V.</i> Realization of the pedagogical potential of the discipline "Latin language" in the system of training specialists for the judicial system	38
<i>Shushpanov K.S.</i> On some techniques for identifying the immanent limits of the human right to information	42

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Bondarenko A.A.</i> Reforming the status of religious organizations in Russia: three ways.....	47
<i>Voskoboynikov D.V.</i> Constitutional justice as a factor of ensuring the rule of law and protection of human rights and freedoms in the Russian Federation.....	53
<i>Golubosh O.S.</i> The possibilities of introducing the concept of a quasi-judicial procedure for resolving public law disputes in the Russian legal system.....	58
<i>Kleshchev A.S.</i> Legal Foundations of Limiting Seller Liability in Mergers and Acquisitions Transactions within the Framework of International Civil Law.....	65
<i>Krymsky S.V.</i> Prevention by the bodies of internal administrative offenses committed by legal entities within the framework of control and supervisory activities	71
<i>Kurasova E.O.</i> Concept and nature of state corporations in Russia	76
<i>Manannikov D.Yu.</i> Legal regulation of the use of information and analytical technologies in the activities of prosecutorial authorities	81
<i>Mikhalenko N.A.</i> Legal regulation of digital currencies and assets in foreign jurisdictions	87
<i>Orynbekov Almas Sabituly.</i> Some problems of using the category of evaluative nature in designing norms of legislation for administrative offenses	91
<i>Ochirova P.I.</i> Practice of applying pit in mining.....	94
<i>Ponomaryova I.P.</i> Towards the latest solution to the issue of subjects and objects of constitutional legal relations	100
<i>Sennikov D.E.</i> Approaches to the delimitation of powers between government bodies in the field of education in the Soviet period.....	103
<i>Sukhanov S.A.</i> Development of legal regulation of bringing to responsibility for violation of currency legislation	107

<i>Shishmarev A.N.</i> Legal nature of electronic money	113
---	-----

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Akinfeev D.V.</i> Normative definition of the category "artificial intelligence" in the civil law of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan.....	119
<i>Brykina S.A.</i> Application of conflict of laws rules of international law to cross-border electronic transactions....	126
<i>Voskresenskiy I.N.</i> Development of law enforcement practice in cases of insolvency (bankruptcy) of housing savings cooperatives	130
<i>Gasnikov N.I.</i> Legal tender as a feature of money denominated in rubles	134
<i>Zolotovskaya E.A.</i> Legal status of former family members of the owner of the dwelling	138
<i>Kalinin A.V.</i> Comparative analysis of the structure of bankruptcy legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus.....	144
<i>Karetin M.G.</i> Protection of the customer's rights from unfair actions of the contractor in the execution of the construction contract.....	150
<i>Karpenko V.A.</i> Analysis of foreign experience of legal defence of participants in corporate conflicts.....	155
<i>Kritskaya S.Yu.</i> Evolution of the status of the Roman <i>senatusconsults</i> of II-I cc. BC as the source of the private and public law.....	160
<i>Khorolets D.V.</i> Doctrinal and practical approaches to determining the materiality of the term condition of the lease agreement for a building or structure	163
<i>Makhneva P.A., Popova D.K.</i> The legal status of creditors in insolvency (bankruptcy) cases.....	169
<i>Nedelko D.D.</i> Research of the practice of success fee in the bar in the territory of the Russian Federation: advantages and risks	172
<i>Frolova A.A.</i> Possibilities for developing in the Russian legal system the institution of removing an employee from performing job duties while maintaining wages in the context of protecting confidential information	175
<i>Purge A.R.</i> Legal instruments for ensuring money back guarantees in consumer lending.....	179
<i>Ragimova Z.M.</i> Formation of criteria for determining the amount of compensation for moral damage.....	184
<i>Rudoy A.A.</i> Legal regulation of digital rights turnover	188
<i>Sayapin S.P.</i> About new trends in the legal regulation of digital currency in Russia.....	193
<i>Chashtanova D.P.</i> Determining the legal nature of an employment contract concluded in the form of a smart contract.....	197
<i>Starovoitova A.S.</i> Invalidation of a patent as a way to protect the rights to an invention, utility model and industrial design	201
<i>Tikhov S.M.</i> Formation of the institute of permissible lawful use of a trademark.....	207
<i>Sayapin S.P.</i> Formation of a legal model for regulating the activities of a digital platform in the field of tourism.....	213
<i>Fedorova R.Yu., Bobrova V.K.</i> The impact of digitalization on the transformation of legal processes.....	217

<i>Fentti M.G.</i> The ban on advertising consumer loans as a way to protect citizens from excessive debt in the face of anti-Russian sanctions	222
<i>Filatov K.S.</i> Adaptation of the experimental legal regimes of the European Union to innovations in economic relations: the example of regulation of financial markets.....	226
<i>Frolova A.A.</i> Bringing disciplinary action against employees for disclosing trade secrets using information technology	231
<i>Khorolets D.V.</i> Development of legal regulation of the institution of lease: on the example of the fulfillment of obligations to pay rent and transfer the property.....	235
<i>Chashtanova D.P.</i> Approaches to the development of legal regulation of the implementation of collective labor rights by remote workers.....	240

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Andreeva Ya.V.</i> Analysis of additional circumstances considered when assessing punishment to minors	243
<i>Ganyushkina S.D.</i> Conceptual foundations of the system of interdepartmental interaction to prevent the organization of illegal gambling business on the Internet....	250
<i>Golikov O.V., Irincheev V.V.</i> Strengthening of administrative sanctions through the use of forensic methods and tools as a prevention of environmental offenses	256
<i>Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Anikin M.S.</i> Entrepreneurial activity in the mechanism of criminal behavior	261
<i>Korablev A.A.</i> Characteristics of crimes in the field of telecommunication technologies and criminal procedural aspects of countering them	265
<i>Kryukov A.W.</i> Issues of optimization of sentencing for knowingly false denunciation.....	269
<i>Makhneva P.A., Popova D.K.</i> The legal nature of the proceedings at the conclusion of a pre-trial agreement on cooperation in criminal proceedings.....	272
<i>Akimochkin V.I., Poznyak V.D.</i> On the issue of euthanasia in the Russian Federation.....	276
<i>Primkulov A.A.</i> The content of the stage of collecting evidence in criminal cases in the legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic	279
<i>Roslyakov V.D.</i> Peculiarities of the regulation of criminal liability for criminal bankruptcies in Germany.....	284
<i>Stepanyugin K.V., Tisemnikova S.P.</i> Electronic media as physical evidence in criminal proceedings.....	289
<i>Trusova E.A.</i> Prevention of crimes committed under the influence of depressive disorders	293

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Zlobin E.V.</i> Compliance issues of blockchain technology and gdpr in the european union: case of cryptoassets.....	297
<i>Medzhidov M.M.</i> The state and prospects of legal regulation of relations in the field of renewable energy in the Eurasian Economic Union.....	304

<i>Chuvakhin P.I.</i> Formation and development of the concept of human rights in international law	309
<i>Nazarova A.U.</i> Formation of common energy markets of the EAEU as a factor in ensuring energy security	314
<i>Chuvakhin P.I.</i> Fragmentation of international law in the context of the settlement of legal disputes in the implementation of the «One Belt– One Road» project	320

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Chernyakova S.A.</i> Specificity of settlements in digital rubles: a new stage in the development of currency legislation	327
<i>Bogdanova A.Yu.</i> Features of contractual relations with the participation of consumers of electric energy in retail markets in terms of energy transition	332
<i>Bruevich M.Yu., Gubanova O.A.</i> Analysis of problematic aspects of the activities of the bodies of inquiry in the investigation of crimes related to fires.....	337
<i>Panyushkin M.A.</i> Law on partnership financing: the first step towards legalisation of Islamic banking in Russia.....	342
<i>Bogdanova A.Yu.</i> Features of rights protection for consumers of electricity in retail markets	348
<i>Tugutova D.A.</i> The genesis of “qualification of crimes” concept and modern approaches to its understanding	354
<i>Tyukhtenkova E.I.</i> Genesis and development of legal regulation of the institute of international electronic commerce.....	357
<i>Chereshnev A.V.</i> The right of the beneficiary to obtain access to documents and information in relation to the companies under its control in the russian federation	363
<i>Alexandrova A.A.</i> Legal regulation of supervised organizations by the Bank of Russia: aspects of implementation of a risk-based approach.....	368
<i>Barinova I.V.</i> Problems of consideration of civil cases of harm to the health and life of citizens due to the use of medicines	374
<i>Kurnosova V.M.</i> Qualification of economic crimes committed through deliberate misrepresentation	379
<i>Perevalov A.G.</i> On the issue of the effectiveness of the main non-judicial methods of protecting the labor rights of workers in the field of small business.....	383
<i>Petrova T.P.</i> Significance of corporate governance principles in the context of subsidiary liability of controlling persons in bankruptcy proceedings	389
<i>Safin T.I.</i> Civil liability of the sole executive body to a legal entity in the commission of certain types of void transactions	392
<i>Kurnosova V.M.</i> Regulatory definition of approaches to qualifying fraud in the field of educational services: the example of personal development.....	398
<i>Solomatin E.O.</i> Formation of a model for regulating experimental legal regimes in the field of digital currencies	402

Семейно-правовая политика как предмет сравнительно-правового анализа: понятие и основные исторические этапы

Ахмедов Кенан Бахрам Оглы,

аспирант, Красноярский государственный аграрный университет
E-mail: akenan@mail.ru

В рамках настоящей статьи нами изучаются понятие и этапы становления семейно-правовой политики как последовательной и системной деятельности государств, направленной на изменение демографических и семейных характеристик общества. Мы исследуем различные подходы к пониманию существенных характеристик, особенностей и эволюции семейно-правовой политики, рассматриваем основные исторические этапы формирования и развития семейно-правовой политики, а также оцениваем ее влияние на современную систему семейного права. В основном, фокус настоящего исследования сосредоточен в области сравнительного анализа и выявления объективных связей между проявлениями семейно-правовой политики прошлого и современным институтом регулирования семейных отношений. Особое внимание в рамках настоящей статьи мы уделяем сравнительно-правовой характеристике мер семейно-правовой политики стран России и Турции.

Ключевые слова: семейно-правовая политика, сравнительное правоведение, сравнительно-правовой анализ, семейное право, история права, законодательство о семье, Европа и Азия, Россия и Турция, социальная защита семьи.

Для исследования теоретико-методологических основ семейно-правовой политики современных Турции и России, прежде всего, необходимо установить дефиниции основных понятий. По мнению современных авторов, понятие «правовой политики» используется для обозначения научно-обоснованной, последовательной и системной деятельности государственных и негосударственных институтов по совершенствованию правового регулирования отдельных сфер общественных отношений и правовой жизни в целом¹. Как отмечают европейские эксперты в сфере правовой и социальной политики М. Нальдини и Ж. Лонг, большинство зарубежных авторов придерживаются сходного понимания правовой политики, как в сфере публичного управления, так и в юридической науке².

В своем наблюдении М. Нальдини и Ж. Лонг опираются на единую для большинства правовых систем структуру правовой политики, образованную единством четырех элементов, справедливых для всех направлений социально-правовой политики современных цивилизованных государств, будь то семейные отношения, вопросы образования или здоровья граждан. Таким образом, М. Нальдини и Ж. Лонг указывают на «структурное единообразие» в понимании природы правовой политики большинством зарубежных авторов, ученых-исследователей и публичных политиков, определяющих цели и задачи государственного управления³.

Следовательно, семейно-правовая политика как одно из социальных направлений общей правовой политики будет определяться нами как научно-обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных и негосударственных институтов, направленная на совершенствование правового регулирования семейных правоотношений супругов, родителей и детей, а также правовых отношений, возникающих вокруг процедур оформления опеки и попечительства, усыновления и удоочернения, с целью укрепления, развития и защиты прав и интересов семьи.

Как указывают И.А. Григорьянц и Д.И. Воробьев для систематизации и последовательного изучения опыта зарубежных стран в сфере основных мер семейно-правовой политики необходимо исследовать становление механизмов социально-

¹ Creasy R., Corby F. *Children, Family and the State: A Critical Introduction*. – Bristol: Policy Press, 2023. – P. 49–51.

² Naldini M., Long J. *Geographies of Families in The Europe: A Legal and Social Policy Analysis // International Journal of Law, Policy and the Family*. – 2017. – Vol. 31. – Iss. 1. – P. 94–113.

³ Ibid.

правового обеспечения поэтапно – с учетом исторической специфики развития института брачно-семейных отношений и семейно-правовой политики во всем мире¹. В этом свете мы можем выделить следующие этапы (периоды) развития данного института.

1. Архаический (ранний) период (VIII в. до н.э. – V в.): предлагаемая нами хронология архаического периода, на самом деле, выступает самой условной и продолжительной, т.к. технически включает в себя три античные эпохи (ранняя, классическая и поздняя античность) и период раннего средневековья. Главными достижениями этого периода можно назвать повсеместное утверждение на уровне первых нормативных актов (сборников, правд и грамот, например, «Салической правды») и источников обычного права запретов (табу) на убийство и увод в рабство детей, беременных женщин и стариков, а также первых норм, регулирующих правила наследования имущества².

2. Период средневекового канонического права (VI–XV вв.): период доминирования канонического права связан с возвышением католической церкви в Европейских государствах и образованием Османской империей, чей авторитет и опора на нормы шариата оказали влияние на большинство государств Востока и Малой Азии³. В контексте семейных правоотношений церковное каноническое и исламское право, главным образом, регулировали возраст и порядок вступления в брачные отношения, вводили и упраздняли институт полигамных браков (многоженство) и регламентировали правила перехода наследственного имущества в семьях.

3. Колониальный период (XVI – первая половина XX вв.): колониальный период отмечается беспрецедентной трансформацией всех общественных и экономических отношений на фоне образования трансконтинентальных империй. Исследователи К. Ленц и М.А. Адлер отмечают, что развитие семейно-правовой политики и мер социальной защиты семей было существенно замедленно с реставрацией института рабства в британских американских колониях в XVII–XIX вв. Эксперты также утверждают, что первый серьезный кризис семейно-правовых отношений в современной европейской истории связан с покорением Нового Света и потерей субъектности целых поколений темнокожих семей в британских и французских колониях⁴. С упразднением института рабства и признанием на уровне декларации права всех слоев насе-

ления на обретение статуса граждан (с принятием Тринадцатой поправки к Конституции США и Закона Уильяма Уилберфорса «О работорговле») европейские страны частично преодолели этот кризис. В то же время на Востоке и в Азиатском регионе, по мнению П. Ву, в данный период все еще преобладают религиозные представления об устройстве семейного быта и брачных отношениях⁵. Как отмечает, Е. Барковская: «на мусульманском Востоке семейное право продолжало оставаться «бастионом шариата» на фоне той стремительной модернизации по европейским образцам гражданского, особенно коммерческого, а также уголовного права, которое хотя и неравномерно, но неуклонно охватывала разные страны Востока со второй половины XIX в.»⁶. Таким образом, влияние колониального периода можно локализовать территорией Европы и франко-британских колоний Нового Света. Главными достижениями данного периода выступают учреждение светского брака, признание субъектности за женщинами и бывшими темнокожими рабами в вопросах семьи и собственности, широкое учреждение института расторжения брака и развитие норм об усыновлении и оформлении опеки над ребенком.

4. Пост-колониальный период (1940–1980-е гг.): до XX века в семейном праве большинства стран сохранялось множество положений, связанных с традициями патриархальной семьи и влиянием религиозных источников права, а на глобальном уровне связи различных государств сохранялись вне институциональных форм. Из-за этого семейно-правовая политика и нормы о социальном обеспечении семей были развиты в мире неравномерно, а правовое регулирование статуса семьи существенно различалось. Особенно критично указанные различия проявлялись между странами западной и восточной цивилизаций. В западной историографии смену курса развития института правового регулирования семейных правоотношений и создание единого курса социального обеспечения семьи связывают с окончанием Второй Мировой войны и учреждением Организации Объединенных Наций в 1945 г. В отечественных источниках данная позиция, как правило, разделяется, но саму трансформацию норм социального обеспечения связывают с процессом деколонизации доминионов, протекторатов и иных подконтрольных бывшим европейским империям территорий⁷. Главными организационно-правовыми достижениями международного сообщества в вопросах защиты семьи и детства становятся принятие на базе ООН Всеобщей декларации прав человека

¹ Воробьев Д.И., Григорьянц И.А. Отечественный и зарубежный опыт реализации государственной семейной политики // Гуманитарный научный журнал. – 2023. – № 1 (1). – С. 91–96.

² Böger T., Son K., Tonelli S. Origins of Family Policy: Prerequisites or Diffusion // Networks and Geographies of Global Social Policy Diffusion. – 2022. – № 25. – P. 169–193.

³ Барковская Е. Семейное право и законодательство на мусульманском Востоке // Россия и мусульманский мир. – 2006. – № 12. – С. 169–185.

⁴ Lenz K., Adler M.A. The Changing Faces of Families: Diverse Family Forms in Various Policy Contexts. – Routledge, 2023. – P. 106.

⁵ Wu P. Population Development Challenges in China: Family Planning Policy and Provincial Population Difference. – Singapore: Springer (China), 2020. – P. 188.

⁶ Барковская Е. Семейное право и законодательство на мусульманском Востоке // Россия и мусульманский мир. – 2006. – № 12. – С. 169–185.

⁷ Клупт М.А. Теории и практики семейной политики в XX и XXI столетиях // Петербургская социология сегодня. – 2019. – № 11. – С. 5–22.

и Конвенции о правах ребенка в 1948 и 1989 гг. соответственно.

5. Глобализационный период (1990-е гг. – н.в.): по мнению современных экспертов, существующие в настоящий момент режим правового регулирования мер социальной защиты семьи и тенденции семейно-правовой политики сформированы под влиянием общих для всего мира глобализационных процессов в культуре, политике и экономике. Более подробно особенности настоящего периода и конкретные меры семейной политики в праве различных государств мы исследуем ниже в качестве основной темы данного раздела.

Отметим, что указанные временные рамки являются довольно условными и при должном желании и наличии целей более подробного изучения семейно-правовых явлений соответствующих периодов, мы могли бы углубить и детализировать хронологию этапов до т.н. колониального периода. Однако на данном этапе мы намерены не углубить указанную хронологию, а представить особенности развития мер семейно-правовой политики с учетом культурной, исторической и социальной специфики отдельных стран. В рамках настоящей статьи, как было указано выше, мы сосредоточимся на изучении мер семейно-правовой политики российского и турецкого государств в динамике.

В частности, в российской правовой доктрине доминирует мнение о том, что семейное законодательство как явление российской государственности, как минимум, на несколько веков опережает формирование осмысленной социально-правовой политики, притом становление семейного права в дореволюционном российском государстве восходит к периоду принятия христианства в 988 г. Таким образом, если принимать за точку отсчета в истории развития семейно-правовой политики в Российском государстве конец IX в. и изучаем эволюцию данного института в контексте изменения семейного законодательства в целом, то наиболее корректной и репрезентативной нам представляется следующая периодизация.

1. Дохристианский период (ок. 882–988 гг.): дохристианский этап развития семейного права не только не содержит значимых источников, но и не включает в себя даже элементы проявлений семейно-правовой политики. В этот период на территории российского государства еще существует языческая система верований, и вопросы семейного права в значительной степени урегулированы обычаями и традициями, а не письменными законами или документами.

2. Канонический период (конец IX–XV вв.): в канонический период развития семейного законодательства (конец IX–XV вв.) появились первые источники брачно-семейного права Древней Руси. Среди них можно выделить различные редакции Кормчих книг, Русскую Правду, Судебник 1497 г. и Новгородскую и Псковскую судебные грамоты. Они регулировали брачные и семейные отношения, уголовные, обязательственные, наследственные и процессуальные вопросы. На этом этапе свое от-

ражение в источниках нашли такие положения как: оформление брака в соответствии с религиозной традицией, возрастные ограничения для вступления в брачно-семейные отношения (15 лет – для мужчин и 12 лет – для женщин), монополизация функций регистрации бракосочетания религиозной властью, формализация религиозных норм брачно-семейных отношений, введение юридической процедуры расторжения брака, а также разделение династических и т.н. «холопских браков».

3. Допетровский период (XV – начало XVIII вв.) данный этап развития семейного законодательства (XV–XVIII вв.) связан с окончанием татаро-монгольского ига и укреплением Московского княжества. Этот период называют «допетровским», так как он являлся переходным этапом между царской и императорской Россией. Отрасль семейного права зависела от сословного деления и политики местничества. Главными источниками права были Царский Судебник 1550 г. и Кормчая книга. Для указанного периода российской истории характерны такие тенденции как ослабление влияния церковных властей на брачно-семейные отношения, общая систематизация семейно-правовых норм и закрепление крестьянского населения, сопровождающееся лишением большей части населения имущественных и семейных прав.

4. Имперский (в советской историографии – дореволюционный) период (XVIII – начало XX вв.): наиболее важный этап развития семейно-брачного законодательства пришелся на XVIII – начало XX вв. Это период становления и развития российской империи, который охватывает царствование Петра I и до упразднения монархии после Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Основными источниками семейного права этого периода были Воинский устав Петра I, Свод законов Российской империи и другие нормативные акты. Среди главных направлений семейно-правовой политики имперской эпохи мы можем назвать установление новых светских возрастных ограничений для вступления лиц в брак (20 лет – для мужчин и 17 лет – для женщин), упразднение религиозных правил вступления в брак и ослабление влияния обычного права, введение образовательного ценза, либерализация и детализация правил наследования, введение светской процедуры расторжения брака, закрепление в законодательстве основ нравственного воспитания, опеки и попечительства.

5. Советский (в советской историографии – социалистический) период (1917–1991 гг.): семейно-правовая политика в советский период российской истории, начиная с 1917 г. и до юридического упразднения СССР в 1991 г., претерпела существенные трансформации в соответствии с идеологией и политикой коммунистической партии. В разные этапы советского периода были введены следующие меры семейно-правовой политики: ликвидация церковного брака (и религиозной семьи) в пользу светских институтов, установление свободы расторжения брака, установление единого брачного возраста для мужчин и женщин –

18 лет, законодательное закрепление права женщины на прерывание беременности и восстановление института усыновления ребенка.

6. Современный период (1991 г. – н.в.): в результате распада СССР в 1991 г. российский законодатель столкнулся с необходимостью пересмотра семейно-правовой политики в свете противоречивого правового наследия имперского и социалистического периодов. Уже 8 декабря 1995 года, Государственной думой был принят действующий Семейный кодекс Российской Федерации, ставший ключевым документом в сфере регулирования семейных отношений и формирования семейно-правовой политики в России.

В Турции историко-правовая специфика развития семейной политики государства определялась исключительным культурным и религиозным контекстом турецкого общества в различные исторические периоды. Как указывают турецкие ученые А. Хамза, Д. Витро и И. Юлиса, исторически сложилось так, что главные реформы в сфере семейного права в некоторых частях исламского мира, в том числе в Турции, начали предприниматься в лишь к концу XIX в. По мнению авторов, специфика исламских правовых реформ, проведенных в исламских странах Северной Африки, Ближнего Востока, Западной и Юго-Восточной Азии, привела к беспрецедентным изменениям в общественной жизни в пределах обозначенных регионов¹.

В соответствии с позицией А. Хамзы, Д. Витро и И. Юлисы, периодизация истории развития семейно-правовой политики Турции в наиболее обобщенном виде выглядит следующим образом.

1. Период Османской империи (1299–1922 гг.): до учреждения Турецкой Республики в 1923 г., Османская империя была многокультурной исламской державой. В семейно-правовом аспекте она основывалась на исламском праве шариата, что в значительной степени влияло на семейные нормы и обычаи. Главной особенностью семейного права того времени была явная патриархальная диспропорция прав мужчины и женщины в гражданских и семейных правоотношениях: лица женского пола в нормах шариата периода расцвета Османской империи не имели права принимать решение о вступлении в брак, были ограничены в наследственных правах, а также вынуждены были следовать строгим правилам поведения, таким как ношение хиджаба и соблюдении субординации в рамках супружеского гарема. В будущем положение женщин было незначительно улучшено в рамках реформационного периода «Танзимат» (с тур. – «упорядочение» или «уложение»), в рамках которого в 1839–1876 гг. были ограниченно учреждены институты светского брака, женского профессионального образования и гражданской самоорганизации.

2. «Однопартийный» период (1923–1945): в т.н. «однопартийный» период который связан с эпохой

¹ Witro D., Yulisa I., Hamzah A. Turkish State Family Law: History Reform, Legislation, and Legal Materials // *Politica: Jurnal Hukum Tata Negara dan Politik Islam*. – 2020. – Vol. 7. – № 1. – P. 16–21.

правления М.К. Ататюрка и его «Республиканской народной партии» («СНР»), семейно-правовая политика Турции продолжала развиваться и совершенствоваться: были приняты новые законы, регулирующие семейные отношения, такие как первый Гражданский Кодекс Турции 1926 г. и «Закон о защите прав детей» 1933 г. В частности, ГК ТР 1926 г. внес существенные изменения в семейные нормы, закрепляя юридическое равенство между мужчинами и женщинами в браке, отменяя полигамию и устанавливая в качестве единственно признаваемого законом институт светского брака. ГК ТР 1926 г. также лишил нормы шариата статуса основного источника права в семейных вопросах. Среди иных важных направлений указанного «однопартийного» периода развития семейно-правовой политики Турции мы можем назвать последовательную ликвидацию норм шариата в качестве источника права в различных областях, включая семейное право, уравнивание прав мужчин и женщин в сфере гражданских и семейных прав, а также образование семейных судов со специальной юрисдикцией².

3. Период многопартийной системы (1946–1980): после 1946 г. Турция перешла от однопартийного режима, представленного «Республиканской народной партией» под руководством М.К. Ататюрка, к многопартийной системе. Это привело к более широкому представлению интересов различных социальных групп, провоцируя определенные изменения в семейно-правовой сфере. В 1950 г. были внесены изменения в семейное законодательство. Одной из ключевых реформ выступила отмена положения о наказании за измену в браке, что рассматривалось как шаг к смягчению нравственных норм и привнесению более толерантного взгляда на вопросы семейной жизни. В 1965 г. была принята государственная политика планирования семьи (тур. «aile kurma politikası»). Эта инициатива ставила перед собой задачу контроля над рождаемостью и обеспечения лучших условий для воспитания детей³.

4. Современный период: в период т.н. «военного правления» с 1980 по начало 1990-х гг. в Турции были внесены консервативные изменения в семейно-правовую политику: некоторые из них были направлены на укрепление традиционных семейных ценностей. В последующие десятилетия ситуация в семейно-правовой сфере в Турции оставалась предметом дискуссий и изменений, включая вопросы, связанные с правами женщин, семейным насилием и другими социальными аспектами. Современное турецкое семейное законодательство сочетает в себе приверженность традиционным ценностям исламского права и влияние современных тенденций глобального характера. Эта дихотомия и правовая двойственность

² Doğan M. Türk Aile Politikasına İçten Bakış: Eğilimler ve Gelecek // *İstanbul Helisim Üniversitesi Habercisi*. – 2021. – № 3(15). – P. 108–122.

³ Moroglu N. Kadına yönelik şiddetin önlenmesi: 6284 Sayılı Yasa Ve İstanbul Sözleşmesi // *Hukukun Ufukları*. – 2021. – P. 27–44.

находят свое отражение, как в духе и букве закона Турецкой Республики, так и в судебной практике по семейным делам.

Подводя итог сравнению особенностей развития правового режима регулирования семейных отношений и семейно-правовой политики, следует сделать вывод о том, что в истории указанных институций есть как схожие, так и различные черты. Среди схожих показателей российской и турецкой модели развития можно выделить следующие черты:

- на первых этапах развития семейного законодательства и становления семейно-правовой политики в обществе обеих стран лидирующую роль в определении правил и моделей поведения в брачно-семейных отношениях играла религия, а сами семейные отношения, по большей части, регулировались религиозными источниками;
- российское и турецкое общества – это социумы с традиционно патриархальной моделью организации семьи, до XIX–XX вв. женщины были значительно умалены в правах по сравнению с мужчиной, эту диспропорцию можно проследить, как в брачных отношениях, так и в отношении родительских прав и обязанностей;
- на протяжении всей истории развития семейного законодательства России и Турции предмет пристального внимания законодателей выступал возраст вступления в брачно-семейные отношения, несмотря на редкие подвижки в сторону снижения брачного ценза, генеральная тенденция на протяжении всех периодов становления семейного права отражала стремление регулятора к повышению возраста вступления в брак и установлению равного возрастного ценза для мужчин и женщин.

В то же время российский и турецкий опыт развития правового режима регулирования семейных отношений и семейно-правовой политики также, во многом, различаются. Определяющим различием на исторической дистанции явился разный уровень принятия прогрессивных идей установления равенства правовых статусов мужчины и женщины. В традиционно-мусульманском обществе Турции данные идеи реципировались населением значительно хуже, нежели в российском обществе на рубеже XIX и XX вв. Кроме того, турецкое семейное право, в отличие от российского, опирается не на последовательный процесс реформирования, а испытывает смешанное попеременное влияние консервативных традиционалистских и либерально-прогрессивных тенденций.

Литература

1. Барковская Е. Семейное право и законодательство на мусульманском Востоке // Россия и мусульманский мир. – 2006. – № 12. – С. 169–185.
2. Воробьев Д.И., Григорьянц И.А. Отечественный и зарубежный опыт реализации государ-

ственной семейной политики // Гуманитарный научный журнал. – 2023. – № 1 (1). – С. 91–96.

3. Грибовский В. Семейная политика евроскептиков Германии, Австрии и Швейцарии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2019. – № 3. – С. 54–57.
4. Клупт М.А. Теории и практики семейной политики в XX и XXI столетиях // Петербургская социология сегодня. – 2019. – № 11. – С. 5–22.
5. Böger T., Son K., Tonelli S. Origins of Family Policy: Prerequisites or Diffusion // Networks and Geographies of Global Social Policy Diffusion. – 2022. – № 25. – P. 169–193
6. Creasy R., Corby F. Children, Family and the State: A Critical Introduction. – Bristol: Policy Press, 2023. – P. 49–51.
7. Doğan M. Türk Aile Politikasına İçten Bakış: Eğilimler ve Gelecek // İstanbul Helisim Üniversitesi Habercisi. – 2021. – № 3(15). – P. 108–122.
8. Lenz K., Adler M.A. The Changing Faces of Families: Diverse Family Forms in Various Policy Contexts. – Routledge, 2023. – P. 106.
9. Moroglu N. Kadına yönelik şiddetin önlenmesi: 6284 Sayılı Yasa Ve İstanbul Sözleşmesi // Hukukun Ufukları. – 2021. – P. 27–44.
10. Naldini M., Long J. Geographies of Families in The Europe: A Legal and Social Policy Analysis // International Journal of Law, Policy and the Family. – 2017. – Vol. 31. – Iss. 1. – P. 94–113.
11. Witro D., Yulisa I., Hamzah A. Turkish State Family Law: History Reform, Legislation, and Legal Materials // Politica: Jurnal Hukum Tata Negara dan Politik Islam. – 2020. – Vol. 7. – № 1. – P. 16–21.
12. Wu P. Population Development Challenges in China: Family Planning Policy and Provincial Population Difference. – Singapore: Springer (China), 2020. – P. 188.

FAMILY LAW POLICY AS A SUBJECT OF COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS: CONCEPT AND MAIN HISTORICAL STAGES

Akhmedov K.B.

Krasnoyarsk State Agrarian University

In this article we study the concept and stages of formation of family law policy as a consistent and systematic activity of states aimed at changing the demographic and family characteristics of society. We explore various approaches to understanding the essential characteristics, features and evolution of family law policy, review the main historical stages of formation and development of family law policy, and assess its impact on the modern family law system. Basically, the focus of the present study is concentrated in the field of comparative analysis and identification of objective links between the manifestations of family law policy of the past and the modern institution of regulation of family relations. Within the framework of the present article we pay special attention to the comparative legal characterization of family law policy measures of Russia and Turkey.

Keywords: family law policy, comparative jurisprudence, comparative legal analysis, family law, history of law, family legislation, Europe and Asia, Russia and Turkey, social protection of the family.

References

1. Barkovskaya E. Family law and legislation in the Muslim East // Russia and the Muslim world. – 2006. – No. 12. – P. 169–185.

2. Vorobyov D. I., Grigoryants I.A. Domestic and foreign experience in implementing state family policy // Humanitarian scientific journal. – 2023. – No. 1 (1). – P. 91–96.
3. Gribovsky V. Family policy of Eurosceptics in Germany, Austria and Switzerland // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. – 2019. – No. 3. – P. 54–57.
4. Klupt M.A. Theories and practices of family policy in the 20th and 21st centuries // Petersburg sociology today. – 2019. – No. 11. – pp. 5–22.
5. Böger T., Son K., Tonelli S. Origins of Family Policy: Prerequisites or Diffusion // Networks and Geographies of Global Social Policy Diffusion. – 2022. – No. 25. – P. 169–193
6. Creasy R., Corby F. Children, Family and the State: A Critical Introduction. – Bristol: Policy Press, 2023. – P. 49–51.
7. Doğan M. Türk Aile Politikasına İçten Bakış: Eğilimler ve Gelecek // İstanbul Helisim Üniversitesi Habercisi. – 2021. – No. 3(15). – P. 108–122.
8. Lenz K., Adler M.A. The Changing Faces of Families: Diverse Family Forms in Various Political Contexts. – Routledge, 2023. – P. 106.
9. Moroglu N. Kadına yönelik siddetin onlenmesi: 6284 Sayılı Yasa Ve İstanbul Sözleşmesi // Hukukun Ufukları. – 2021. – P. 27–44.
10. Naldini M., Long J. Geographies of Families in The Europe: A Legal and Social Policy Analysis // International Journal of Law, Policy and the Family. – 2017. – Vol. 31. – Iss. 1. – P. 94–113.
11. Witro D., Yulisa I., Hamzah A. Turkish State Family Law: History Reform, Legislation, and Legal Materials // Politica: Jurnal Hukum Tata Negara dan Politik Islam. – 2020. –Vol. 7. – No. 1. – P. 16–21.
12. Wu P. Population Development Challenges in China: Family Planning Policy and Provincial Population Difference. – Singapore: Springer (China), 2020. – P. 188.

Эволюция полиции Индии как института обеспечения колониального правопорядка

Васильев Роман Викторович,
адъюнкт Академии управления МВД России
E-mail: deputychief@ya.ru

Статья посвящена истории и назначению института полиции Индии, который несмотря на обретение государством независимости в 1947 году, динамичное экономическое развитие, декларируемое международными финансовыми учреждениями, являющимися инструментами реализации интересов их бенефициаров, в XXI веке продолжает оставаться колониальным наследием.

С установления британского правления в стране рассматриваются обстоятельства создания полицейской системы, отвечающей интересам английской администрации в обеспечении колониального правопорядка, его сущность и нормативные правовые акты, которыми он был закреплен. Создание в Синде полицейских подразделений по образцу Ирландской королевской полиции, продемонстрировавших свою эффективность в подавлении восстаний коренного населения. Распространение данной полицейской модели в других частях Индии. Эволюция института полиции, его неэффективность в реализации экзистенциальных задач и функций. Закрепление в 1861 году Законом о полиции, регламентирующим ее деятельность до настоящего времени, организационной структуры, подчиненной исполнительной власти колониального правительства через окружные магистраты, нацеленной на осуществление контроля за местным населением, его эффективного подавления, с учетом минимальных экономических издержек.

Ключевые слова: полиция Индии; полицейская система; правопорядок, деятельность полиции; полицейские функции; полицейское учреждение; должностное лицо; магистрат; суперинтендант.

Индия в современном мире является быстро развивающимся государством, обладающим мощным экономическим потенциалом, обширными запасами природных ископаемых, развитой атомной и космической промышленностью. Государство выступает в качестве крупнейшего экспортёра технологических и финансовых услуг, а также программного обеспечения. Экономика Индии в 2024 году признана самой быстрорастущей среди стран участников G20, что связана с ростом внутреннего потребления, развитием сельского хозяйства и повышением численности трудоспособного населения.

В настоящее время республика Индия занимает первое место в мире по численности населения. По подсчетам ООН в стране проживает 1 миллиард 442 миллиона человек. Благодаря огромному населению уже к 2030 году Индийское правительство поставило цель стать третьей экономикой мира. По оценкам экономистов, при сохранении нынешних темпов роста этот ориентир может быть достигнут уже к 2027 году.

Однако, несмотря на существенный рост индийской экономики и активную социальную политику, в Индии по-прежнему имеют место многочисленные социальные проблемы, наиболее острой из которых является бедность [1]. Профессор Принстонского университета Ашока Модии считает декларируемые статистические данные, характеризующие уровень бедности, который фактически не снизился с 2012 года, необъективными. По его консервативной оценке, уровень бедности в городах варьируется в пределах от 40% до 60%, то есть 30–40% всех индийцев – это бедняки. При этом степень неравенства между богатыми и бедными в Индии шокирует [2].

Индия представляет собой наиболее яркий пример экспроприационистской правовой политики колониальной Великобритании, направленной на рост благосостояния ее правящих классов, пополнение казны и создания посредством грабежа колонии условий для развития производства в метрополии. При этом грабеж, в качестве доминирующей колониальной практики, носил не только фактический характер, но и правовой [3].

С победой Ост-Индской компании при Плесси в июне 1757 года началась активная колониальная экспансия англичан в Индии, которая являлась богатейшим государством в Южной Азии. В 1763 году после семилетней борьбы с французами, был заключен Парижский мирный договор, согласно которому Франция потеряла почти все свои владения в Индии, а Бенгалия, Бихар и Орисса, пред-

ставлявшие собой богатые регионы с населением около 60 миллионов человек, перешли Ост-Индской компании. «События Семилетней войны превратили Ост-Индскую компанию из торговой державы в державу военную и территориальную. Именно тогда было заложено основание нынешней Британской империи на Востоке» [4].

В 1765 году с получением первым английским губернатором в Индии права финансового управления (дивани) в Бенгалии, Бихаре и Ориссе начался откровенный грабёж населения.

С конца XVIII века основой колониальной политики и стратегии Англии становится дальнейшее завоевание и порабощение Индии. Следствием экспроприационной политики, обеспечивающей развитие Великобритании, стали экономическая отсталость колонии, нищета местного, зависимо-го от колонизаторов и компрадорской элиты населения, узаконенные парламентами актами.

Карл Маркс писал: «Сокровища, притекавшие из Индии в Англию в течение всего XVIII в., приобрелись не столько путем сравнительно незначительной торговли, сколько путем прямой эксплуатации страны и захвата огромных богатств, переправлявшихся затем в Англию». Индия, завоеванная английской олигархией, была превращена плутократией и олигархией в свою вотчину [5].

Фундаментом для формирования англичанами в Индии уголовно-правовых норм и пенитенциарной политики являлись ощущения и представления колониальных властей об «особенных чертах неизменного характера» коренного населения [6]. Постулировались антагонизм колонизаторов и полностью бесправных объектов их воздействия, которые рассматривались в качестве источника материальных благ и одновременно угрозы, отсталость общественного развития и примитивный уровень политико-государственной организации покоренного населения, требующие цивилизующего воздействия Британской империи.

Генерал-губернатор Индии, а также губернаторы округов, в интересах обеспечения государственной безопасности и общественного порядка постановлениями 1818, 1819 и 1827 годов были наделены правом издания актов исполнительной власти о задержании любых лиц во внесудебном порядке без предъявления обвинения, при этом срок содержания под стражей не был ограничен, и не предусмотрено право заключенного знать причину своего ареста. Действие постановлений первоначально распространялось на Бенгалию, Мадрас и Бомбей. Впоследствии Законом XXXIV, принятым 23 августа 1850 года, вышеуказанные положения были распространены на всю страну [7]. Данные нормативные акты являлись инструментом колониальных властей, направленным на предотвращение народных восстаний эксплуатируемого местного населения.

Принятый в 1861 году Уголовно-процессуальный кодекс закрепил привилегии «европейски рожденных британских подданных» перед туземным населением, предоставив им возможность освобожде-

ния от наказания, подсудность только британским судьям и должностным лицам, а не индийским сельским судам, рассматривавшим дела о преступлениях коренных жителей [8].

Таким образом, британская колонизация Индии «вылилась в формирование нового, специфического правового порядка, основанного не на равенстве субъектов, а на коренном различии между двумя категориями... Такой правопорядок являлся ничем иным, как оборотной стороной европейского буржуазного правового и общественного порядка, который был способен существовать лишь за счет жесткой эксплуатации материальных и людских ресурсов других стран, обеспеченной достижениями колониальной территориальной экспансии и соответствующими нормативными актами. Так как весь колониальный порядок общественных отношений был предназначен для процветания совершенного иного порядка общественных отношений, существовавшего в метрополии» [9].

Реализация данного правопорядка осуществлялась полицейской системой, которая по словам английского исследователя индийской полиции J.C. Curry является творением британского правительства: «Трудно проследить в Индии что-либо похожее на полицейскую систему, как ее понимают британцы, до установления британского правления в стране». По мнению исследователя, «история полиции Британской Индии за столетие до 1860 года, как части общей администрации, представляла собой длинную серию экспериментов, часто неудачных» [10].

С 1772 года англичане полностью взяли власть в Бенгалии в свои руки, в том числе присвоили право уголовного суда и полицейские функции, которые реализовывались различными институтами, демонстрировавшими свою неэффективность в следствие того, что прежние, основанные на местных традициях, широкой поддержке населения, были упразднены англичанами, а новые совмещали правоохранительные функции с налоговыми, при этом последние выступали в качестве основных. Проблема усугублялась малочисленностью штата сотрудников, низким уровнем оплаты труда и слабым контролем за их деятельностью.

В первые четыре десятилетия XIX века неоднократно проводились исследования вопросов эффективности полиции (1815, 1832, 1838 гг.). Каждое расследование выявляло коррумпированность и неэффективность полиции.

Так, Специальный комитет, назначенный в 1832 году для составления отчетов о делах Ост-Индской компании, собрал много ценной информации по управлению полицией. Было продемонстрировано, что подчиненные коррумпированы, неэффективны и деспотичны, в то время как вышестоящие офицеры из-за множества своих обязанностей не могли осуществлять надлежащий надзор... Совет директоров обратил внимание на необходимость улучшений в работе полиции, и выразил желание, чтобы «никаким финансовым соображе-

ниям не было позволено встать на пути столь срочно требуемых изменений» [11].

Полиция, находившаяся под контролем окружающих магистратов, реализовывавших разнообразные функции, не обеспечивала эффективное выполнение обязанностей по борьбе с преступностью.

Выход из сложившейся ситуации был найден сэром Чарльзом Нейпиром, возглавлявшим Ост-Индскую компанию, завоевавшую и аннексировавшую в 1843 году провинцию Синд, располагавшуюся на территории, где ранее существовала древняя Харапская цивилизация.

Организация самостоятельных полувоенных полицейских сил по примеру Ирландии являлась одной из первых мер, предпринятых сэром Чарльзом Нейпиром в Синде [12].

Полицейская модель, основанная на колониальной полиции Ирландии XIX века, применялась к другим Британским колониям при аннексировании новой территории [13].

Королевская полиция Ирландии (Royal Irish Constabulary) отвечала потребностям колониальной администрации, связанным с коммерческими интересами англичан и контролем за эксплуатируемым населением, так как продемонстрировала свою эффективность в подавлении волнений ирландского населения в борьбе за свободу. Она представляла собой квазивоенную организацию, сотрудники которой были вооружены, размещались в казармах и находились в непосредственном подчинении британских колониальных властей.

В Синде ранее не существовало распространенной в других частях Индии деревенской полицейской системы, основанной на совместных усилиях по поддержанию правопорядка всеми членами сельской общины, подкрепленных их коллективной ответственностью за совершенные в ней правонарушения. Также не существовало централизованного налогового ведомства. Данные обстоятельства позволили Нейпиру создать для покоренной области отличную от остальной части страны организацию, осуществляющую исключительно полицейские функции, которой руководили ее собственные офицеры – европейцы. При этом полиция оказывала помощь коллекторам в выполнении обязанностей по поддержанию правопорядка.

Эта система предусматривала должность генерального инспектора полиции, который отвечал за правопорядок во всей провинции. Провинции были разделены на округа, находившиеся под контролем суперинтендантов полиции, которые возглавляли полицейские управления и контролировались генеральным инспектором полиции. В свою очередь, генеральный инспектор находился под контролем коллектора. Таким образом, правительство Синда поддерживало закон и порядок с помощью коллектора, но организация и руководство полицией были возложены на новый отдельный департамент.

Полицейская модель, реализованная в Синде, впоследствии была применена и в других местах Индии.

Губернатор Бомбея сэр Джордж Клерк, в 1847 году, посетивший Синд, был впечатлен реформами Нагьера, которые он решил провести в Бомбее [14]. В 1853 году полиция Бомбея, деятельность которой была неэффективна, была преобразована по образцу полиции Синда с некоторыми особенностями. В каждый район Бомбея был назначен суперинтендант полиции, а общее руководство полицией во всей провинции было передано от главного уголовного суда правительству провинции.

Комиссия по пыткам 1855 года выявила серьезные злоупотребления в работе полиции Мадраса. Один из свидетелей, выступавших перед Комиссией, заявил, что полиция наводила ужас на благонамеренных и миролюбивых людей, но никак не на воров и мошенников; и что, если бы она была полностью упразднена, экономия расходов правительства была бы значительной, а собственность была бы не менее защищенной, чем тогда. Другой свидетель дал показания, что полицейское учреждение стало проклятием и чумой общества, ужасом и источником половины страданий и недомогательства, существовавших в нем. Комиссия рекомендовала разделить функции налоговой службы и полиции и передать полицейские учреждения в ведение независимых европейских офицеров, которые могли бы полностью посвятить себе данной деятельности [15].

Совет директоров предоставил подробные руководящие указания по реорганизации полиции по всей стране в своей депеше от 24 сентября 1856 года, в которой говорилось: «То, что полиция Индии, к сожалению, не справилась с задачами, ради которых она была создана, является общеизвестным фактом. Как правило, признается, что она практически бесполезна для профилактики и, к сожалению, неэффективна для раскрытия преступлений. Полиция, за редкими исключениями, не в состоянии пресекать преступления. Она имеет общий характер коррупции и злоупотребления при использовании властных полномочий, данных ей для осуществления функций, которые не выполняются» [16].

После народного восстания 1857–1859 гг. англичане осознали угрозу потери власти и были вынуждены изменить свою политику в Индии.

В 1858 году Ост-Индская компания была лишена административных функций, а Британская Индия (British Raj) перешла в непосредственное подчинение английской короне. Английская королева стала Императрицей Индии, в то время как генерал-губернатор получил титул ее вице-короля и стал непосредственным представителем короны в стране. Англичане были полны решимости подавить все вызовы своей власти для того, чтобы обеспечить непрерывный поток финансовых поступлений в казну из Индии и усиление своего влияния в Азии и на международной арене. Были проведены реформы, направленные на укрепление административного аппарата, являвшегося орудием колониального порабощения Индии.

До восстания сипаев в 1857 году армия рассматривалась англичанами в качестве оплота своего правления в Индии. Восстание продемонстрировало, что на армию нельзя полностью положиться в обеспечении безопасности и преемственности британского правления. Местный контингент в армейских подразделениях не вызывал доверия, армия была локализована на обширной территории с неразвитыми коммуникациями и могла быть использована только для подавления восстания. В связи с указанными обстоятельствами проблема полиция стала рассматриваться в новом свете.

Полиция должна была стать первой линией внутренней обороны колониальной власти от местного населения. Она была реорганизована в своего рода гражданскую «оккупационную армию» и стала отвечать за подавление всех местных беспорядков, оккупационная полиция была усилена специальными вооруженными подразделениями.

В сентябре 1859 года был принят Закон о полиции Мадраса 1859 года. Данным Актом была закреплена структура полиции, согласно которой она подразделялась на военизированную, сотрудники которой были вооружены, и гражданскую, в которой констебли несли службу без оружия. В Мадрасе также был назначен суперинтендант полиции для каждого округа, в более крупных округах было назначено два суперинтенданта, которые остались под контролем окружного магистрата.

Увеличение численности вооруженных полицейских сил повлекло за собой усиление финансового бремени, а финансовый кризис, который наступил вслед за восстанием, вызвал необходимость немедленного снижения расходов на их содержание, особенно в Пенджабе, где они были существенно расширены. В связи с указанными обстоятельствами в 1860 году правительство назначило Комиссию по рассмотрению вопроса об управлении полицией в Британской Индии и представлению предложений по повышению ее эффективности и сокращению чрезмерных расходов на ее содержание.

Комиссии было поручено изучить все системы государственного управления, существующие в Индии, и подготовить предложения с учетом следующих общих принципов: индийская полиция должна подчиняться гражданскому правительству, и ее обязанности должны быть гражданскими, а не военными; функции полиции должны быть защитными по отношению к обществу и репрессивными по отношению к преступникам, полиция должна раскрывать преступления, полицейские и судебные функции должны быть разделены; организация и дисциплина должны быть аналогичны индийской армии и находиться в руках исполнительной власти; оплата труда низших чинов должна быть выше, чем у неквалифицированного рабочего; материальное обеспечение должно находиться в руках сотрудников полиции; в каждом населенном пункте должна была быть только одна полиция, а не отдельные, подчиняющиеся руководству полиции и магистрату; сельская полиция должна использоваться в основном как источник

информации, а не для выполнения административных обязанностей.

Комиссия рекомендовала упразднить военную полицию как отдельную организацию и создать в каждой части Индии на провинциальной основе единую однородную гражданскую полицию для выполнения всех обязанностей, которые не могли быть должным образом возложены на вооруженные силы. Общее руководство силами в каждой провинции должно было быть возложено на генерального инспектора полиции, который был подотчетен правительству провинции. В каждом округе полиция должна была подчиняться окружному суперинтенданту, который, при большом количестве округов, будет иметь помощника. Оба указанных офицера будут европейцами. Суперинтендант являлся подотчетным перед коллектором. Подчиненные силы состояли из инспекторов, младших инспекторов, главных констеблей, констеблей, сержантов и постовых, причем старший констебль отвечал за полицейский участок, а инспектор – за группу участков.

Деревенская полиция должна была находиться под надзором суперинтенданта полиции при выполнении всех своих государственных обязанностей, с тем чтобы стать полезным дополнением к регулярной полиции.

По образцу столичной полиции Лондона в Мадрасе, Бомбее и Калькутте была создана полицейская организация, основанная на системе комиссаров полиции. Комиссар отчитывался непосредственно перед правительством провинции, а не через генерального инспектора. Также в полномочия комиссара входили полномочиями окружного судьи и суперинтенданта полиции.

Таким образом, традиционное для Индии взаимодействие всего общества в вопросах охраны общественного порядка и противодействия преступности было полностью утрачено, а ответственность за всю полицейскую работу была вверена полицейским, которые в большинстве случаев были неквалифицированными и плохо образованными на нижнем уровне [17].

По результатам работы Полицейской комиссии, на основе представленного ей законопроекта, базировавшегося на Законе о полиции Мадраса, в 1861 году был принят Закон о полиции, который распространялся на все части Британской Индии, за исключением Бомбея и Мадраса, поскольку в этих двух провинциях действовали почти аналогичные полицейские законы. Исходя из преамбулы к закону, он был принят «с целью реорганизации полиции и превращения ее в более эффективный инструмент предупреждения и раскрытия преступлений» [18], а фактически, данный нормативный акт преследовал только две цели: создание единых полицейских сил в каждой провинции, непосредственно подчиненных исполнительной власти правительства через окружные магистраты, и меры по их использованию для эффективного подавления населения страны [19].

Данный закон помимо определения организационной структуры и иерархии полицейских сил, устанавливал, что полиция организовывается на уровне штатов. Впоследствии в других штатах Индии на его основе были приняты собственные законы (Закон о резервной полиции штата Бомбей 1951 года, Закон о вооруженных полицейских силах штата Андхра-Прадеш 1952 года, Закон о специальных вооруженных силах штата Мадхья-Прадеш 1958 года; Закон о вооруженных полицейских силах Сиккима 1981 года и др.).

Закон о полиции 1861 года был принят англичанами как прямой ответ на восстание 1857 года, в связи с чем, отвечал их потребностям в создании полицейской системы, которая подходила бы для подавления инакомыслия и любого движения за независимость. Данный нормативно-правовой акт действует до настоящего времени, несмотря на превращение Индии из колониальной страны в суверенную республику, независимость которой была провозглашена в 1947 году.

Несмотря на декларируемые глобалистскими институтами экономические успехи Индии, в государстве, открытом для интересов транснациональных корпораций и неолиберальных идеологических установок, имеют место нищета основной массы населения и растущее экономическое неравенство между эксплуатируемым большинством и представителями политической элиты, опираясь на которую, с середины XIX века англичане продолжали политику колониального грабежа.

Бедность, неблагоприятные социально-экономические условия приводят к росту преступности. Удовлетворение потребности населения в безопасности, поддержание правопорядка диктуют экзистенциальное назначение полиции. Однако, с момента своего создания полиция Индии предназначалась для контроля над населением в интересах английских колонизаторов и до настоящего времени воспринимается народом как прислужница политической элиты, а не как организация, обеспечивающая общественный порядок и безопасность.

Общество Индии, с укорененными за тысячелетия в сознании людей представлениями о варново-кастовой иерархии, соответствующей дхарме, которой необходимо следовать в течение земной жизни, представляет собой идеальную среду для эксплуатации. Ее бенефициары не считают необходимым даже формально вносить изменения в оформленные в XIX веке правоотношения, закрепившие существующую полицейскую систему как инструмент колонизаторов.

Независимость Индии, провозглашенная в 1947 года, не привела к существенным изменениям в управлении полицией, поскольку «отношения, которые существовали между полицией Индии и полицией Великобритании, как бывшей метрополии до независимости, продолжились с тем единственным изменением, что «иностранная держава» была заменена на политическую партию власти» [20].

Литература

1. Галищева Н.В. Проблема бедности и пути ее решения в современной Индии в условиях либеральных реформ // Мировое и национальное хозяйство. [Электронный ресурс]. URL: [https://№ 2\(55\), 2021 \(mgimo.ru\)](https://№ 2(55), 2021 (mgimo.ru) (дата обращения: 09.04.2024).) (дата обращения: 09.04.2024).
2. Ashoka Mody, India's poor will not be wished away. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/indian-government-data-conceal-poverty-increase-by-ashoka-mody-2024-03> (дата обращения: 11.08.2024).
3. Биушкина Н.И., Рувинский Р.З. Колонии Британской империи в XVIII–XIX вв.: администрация и правовой режим: учебное пособие. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2014, с. 34.
4. К. Маркс. Ост-Индская компания, ее история и результаты деятельности. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Том 9. Государственное издательство политической литературы. Москва, 1957, с. 152.
5. Там же, с. 157, 158.
6. Malik Sh. The Transformation of Colonial Perceptions into the Legal Norms: Legislating for Crime and Punishment in Bengal, 1790s to 1820s. PhD thesis. L., 1994, p. 116.
7. An Act for the better Custody of State Prisoners, (Act № XXXIV of 1850) [Электронный ресурс]. URL: https://www.indiacode.nic.in/repealed-act/repealed_act_documents/A1850-34.pdf (дата обращения: 15.05.2024).
8. The Code of Criminal Procedure (Act № XXV of 1861) [Электронный ресурс]. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.hl3x-90&view=1up&seq=14> (дата обращения: 20.05.2024).
9. Биушкина Н.И., Рувинский Р.З. Колонии Британской империи в XVIII–XIX вв.: администрация и правовой режим: учебное пособие. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2014, с. 56.
10. J.C. Curry. The Indian Police. London. Faber & Faber limited, 1932, pp.19, 23. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.220663> (дата обращения: 04.12.2023).
11. Report of the Indian Police Commission, 1902–03, Simla, Government Central Printing Office, 1903, p.9 [Электронный ресурс]. URL: <https://indianculture.gov.in/rarebooks/report-indian-police-commission-1902-03> (дата обращения: 23.08.2024).
12. S.K. Chaturvedi. Metropolitan Police Administration in India police. B.R. Publishing Corporation, 1985, DELHI-110052, p. 10.
13. David Arnold. The police and Colonial Control in South India. Social scientist. Vol. 4, No. 12 (Jul., 1976), pp. 3–16, p. 4.
14. B.B. Misra. The administrative history of India 1834–1947. General administration. Oxford university press, 1970, p. 536.

15. Report of the Indian Police Commission, 1902–03, Simla, Government Central Printing Office, 1903, p.10 [Электронный ресурс]. URL: <https://indianculture.gov.in/rarebooks/report-indian-police-commission-1902-03> (дата обращения: 23.08.2024).
16. Anandswarup Gupta. The Police In British India 1861–1947. Concept Publishing Company. New Delhi, 1979, p.7. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.111097/2015.111097.The-Police-In-British-India-1861-1947_djvu.txt (дата обращения: 05.12.2023).
17. B. B. Misra. The administrative history of India 1834–1947. General administration. Oxford university press, 1970, p.548.
18. The Police Act, 1861 (АКТ № .5 1861 [22nd March, 1861.]) [Электронный ресурс].URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2264/1/AApolice1861_05.pdf (дата обращения: 15.11.2023).
19. Anandswarup Gupta. The Police In British India 1861–1947. Concept Publishing Company. New Delhi, 1979, p.7. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.111097/2015.111097.The-Police-In-British-India-1861-1947_djvu.txt (дата обращения: 05.12.2023).
20. Володин А.Г. Демократия и гражданское общество: Индия (опыт сравнительно-исторического исследования): автореф. дис. докт. ист. наук. – М.: ИВ РАН, 1993, с. 8.

THE EVOLUTION OF THE INDIAN POLICE AS AN INSTITUTION OF COLONIAL LAW ENFORCEMENT

Vasilyev R.V.

Academy of Management of the MIA of Russia

The article is devoted to the history and purpose of the Indian Police Institute, which, despite the independence of the state in 1947, the dynamic economic development declared by international financial institutions, which are instruments for realizing the interests of their beneficiaries, continues to remain a colonial legacy in the 21st century.

Since the establishment of British rule in the country, the circumstances of the creation of a police system that meets the interests of the British administration in ensuring colonial law and order, its essence and the normative legal acts by which it was fixed are being considered. The creation of police units in Sindh modeled on the Royal Irish Police, which have demonstrated their effectiveness in suppressing uprisings of the indigenous population. The spread of this police model in other parts of India. The evolution of the police institution, its inefficiency in the implementation of existential tasks and functions. The consolidation in 1861 of the Law on the Police, which regulates its activities to the present day, of an organizational structure subordinate to the executive branch of the colonial Government through district magistrates, aimed at exercising control over the local population, its effective suppression, taking into account minimal economic costs.

Keywords: Indian police; police system; law and order, police activities; police functions; police institution; official; magistrate; superintendent.

References

1. Galishcheva N.V. The problem of poverty and ways to solve it in modern India in the context of liberal reforms // World and national economy. [electronic resource]. URL: <https://mgimo.ru> № 2(55), 2021 (date of access: 04/09/2024).
2. Ashoka Mody, India's poor will not be wished away. [electronic resource]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/indian-government-data-conceal-poverty-increase-by-ashoka-mody-2024-03> (date of application: 08/11/2024).
3. Biushkina N.I., Ruvinsky R.Z. Colonies of the British Empire in the XVIII–XIX centuries: administration and legal regime: textbook. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy, 2014, p. 34.
4. K. Marx. The East India Company, its history and results of activity. K. Marx and F. Engels. Essays. Volume 9. The State Publishing House of Political Literature. Moscow, 1957, p. 152.
5. Ibid., p. 157, 158.
6. Malik Sh. The Transformation of Colonial Perceptions into the Legal Norms: Legislating for Crime and Punishment in Bengal, 1790s to 1820s. PhD thesis. L., 1994, p. 116.
7. An Act for the better Custody of State Prisoners, (Act No. XXXIV of 1850) [Electronic resource].URL: https://www.indiacode.nic.in/repealed-act/repealed_act_documents/A1850-34.pdf (date of access: 05/15/2024).
8. The Code of Criminal Procedure (Act No. XXV of 1861) [Electronic resource].URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.hl3x90&view=1up&seq=14> (date of reference: 05/20/2024).
9. Biushkina N.I., Ruvinsky R.Z. Colonies of the British Empire in the XVIII–XIX centuries: administration and legal regime: textbook. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy, 2014, p. 56.
10. J.S. Siggü. The Indian Police. London. Faber&Faber limited, 1932, pp.19, 23. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.220663> (accessed: 04.12.2023).
11. Report of the Indian Police Commission, 1902–03, Simla, Government Central Printing Office, 1903, p.9 [Electronic resource]. URL: <https://indianculture.gov.in/rarebooks/report-indian-police-commission-1902-03> (date of access: 08/23/2024).
12. S.K. Chaturvedi. Metroplitan Police Administration in India police. B.R. Publishing Corporation, 1985, DELHI-110052, p. 10.
13. David Arnold. The police and Colonial Control in South India. Social scientist. Vol. 4, No. 12 (Jul., 1976), pp. 3–16, p. 4.
14. B.B. Misra. The administrative history of India 1834–1947. General administration. Oxford University press, 1970, p. 536.
15. Report of the Indian Police Commission, 1902–03, Simla, Government Central Printing Office, 1903, p.10 [Electronic resource]. URL: <https://indianculture.gov.in/rarebooks/report-indian-police-commission-1902-03> (date of application: 08/23/2024).
16. Anandswarup Gupta. The Police In British India 1861–1947. Concept Publishing Company. New Delhi, 1979, p.7. [Electronic resource]. URL: https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.111097/2015.111097.The-Police-In-British-India-1861-1947_djvu.txt (date of application: 05.12.2023).
17. B. B. Misra. The administrative history of India 1834–1947. General administration. Oxford university press, 1970, p.548.
18. The Police Act, 1861 (АКТ No. 5 1861 [22nd March, 1861.]) [Electronic resource].URL: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/2264/1/AApolice1861_05.pdf (accessed: 11/15/2023).
19. Anandswarup Gupta. The Police In British India 1861–1947. Concept Publishing Company. New Delhi, 1979, p.7. [Electronic resource]. URL: https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.111097/2015.111097.The-Police-In-British-India-1861-1947_djvu.txt (date of application: 05.12.2023).
20. Volodin A.G. Democracy and civil society: India (comparative historical research experience): Abstract of the dissertation of the Doctor of Historical Sciences. – М.: IV RAS, 1993, p. 8.

Механизм защиты прав достойных наследников: общетеоретическое исследование

Вронская Мария Владимировна,

доцент, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
E-mail: m.vronskaya@mail.ru

Статья посвящена онтологическому исследованию механизма защиты прав достойных наследников, результатом которого, стали авторские выводы нормотворческого характера, посвященные реформированию гражданско-правовых норм, регулирующих механизм защиты субъективных гражданских прав. Объектом исследования стали правоотношения, возникающие в связи и по поводу защиты прав достойных наследников. Методологической основой исследования стали общие (онтологические, догматические) и специально юридические приемы (анализ, обобщение). Недостаточность легального и законодательного определения и содержания механизма защиты прав, как отмечается автором, выразились в узконаправленном научном осмыслении и практики применения механизма защиты прав достойных наследников при котором последние могли реализовать свое право исключительно сквозь призму норм об отстранении и (или) признании недостойными других лиц, что противостоит онтологии понятия субъективная защита прав. В этой связи автором предлагается внести дополнения в ст. 12 ГК РФ, ст. 1117 ГК РФ.

Ключевые слова: защита прав, гражданско-правовой механизм, достойные наследники, функциональное назначение, принципы права, доктрина, реализация права, субъективное право, право наследования.

Введение

Актуальность. В настоящий момент конституционно-правовые основы определяют и гарантируют право на защиту (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ) [1] при том что, само понятие «защита прав» не получила своего законодательного закрепления, а имеющиеся доктринальные исследования характеризуются узконаправленным характером. Так, в достаточной степени распространена позиция, в соответствии с которой, под указанной категорией понимают «систему мер правового воздействия в отношении лица, нарушившего чье-либо право, направленная на восстановление нарушенного права» (в частности, такой точки зрения придерживается Д.Н. Кархалев [2, с. 13]. Другим ученым-теоретиком, Е.М. Тужиловой-Орданской, защита прав определяется как «субъективное правомочие лица, обладающего каким-либо правом, на его восстановление в случае нарушения» [3, с. 108]. Не подвергая критическому анализу указанные позиции авторов, стоит отметить их незавершенность, и более полным и точным определением понятия «защита права» могла бы стать их «коллаборация», в содержании формулировки которой, учитывались бы сразу эти две точки зрения. Связано это с тем, что нарушение любого гражданского права, включая право достойного наследника, обязательно должно влечь за собой его защиту при применении легальных способов юридического воздействия на лицо, его нарушившего, поскольку в таком случае уменьшается материальное право лица на наследование, а право требовать такой защиты, в этом контексте выступает в качестве специфического правомочия лица, чье субъективное право было нарушено.

Целесообразность разработки темы определяется ее недостаточным научно-теоретическим исследованием. Наиболее полным, с точки зрения защиты прав достойных наследников выступает диссертационное исследование Савиной Т.В [4], в других диссертационных работах отечественных ученых-правоведов, подготовленных в области наследственного права, рассматриваемый вопрос затрагивался лишь поверхностно, чего явно недостаточно для его научного осмысления. Комплексный онтологический анализ механизма защиты прав достойного наследника позволит установить его сущность и содержание, сформулировать понятийный аппарат, который составит основу для законодательских инициатив в части совершенствования института защиты прав достойных наследников.

Научная новизна определяется теоретико-прикладным характером исследования, результа-

том которого выступают выводы нормотворческого характера.

Теоретическая значимость определяется привлечением научных знаний относительно содержания и сущности механизма защиты прав достойных наследников.

Практическая значимость состоит в предложении нормотворческого характера состоящих в дополнении положений гражданского законодательства, определяющих механизм защиты прав.

Основная часть

Для обеспечения реальной защиты нарушенных субъективных прав граждан, включая право наследования, необходим законодательно регламентированный и эффективный с позиции применения правовой инструмент защиты, элементы которого раскрывают сущность и содержание оснований и способов его реализации. При этом на доктринальном уровне понятие «механизм защиты прав» толкуется учеными-правоведами по-разному (как совокупность мер, средств, способов защиты права [5, с.26–29], как инструменты по восстановлению нарушенного права в их совокупности [6, с. 11]). Общим для всех них является выделение такого признака механизма защиты гражданских прав, как наличие законодательно регламентированной совокупности оснований, способов, процедур, которые необходимы в своем применении в целях защиты и восстановления нарушенного гражданского права.

При этом, несмотря на огромное множество доктринальных авторских взглядов, относительно сущности и легального определения, содержание понятия «гражданско-правовой механизм защиты субъективных (и в частности, наследственных) прав» на законодательном уровне не раскрывается. Более того, обратим внимание, что само понятие «гражданско-правовой механизм защиты прав достойных наследников» и вовсе не подвергалось комплексной и углубленной научной разработке, и является малоизученным. В этой связи мы попытаемся сформулировать собственное авторское видение рассматриваемой категории.

Прежде всего, отметим, что под защитой прав достойных наследников, как отмечает Т.В. Савина, следует понимать «базирующуюся на наличии действующих правовых нормах деятельность заинтересованных субъектов, а также уполномоченных и компетентных органов, целью которой выступает восстановление нарушенного права лица, являющегося достойным наследником, путем применения конкретно-определенных легальных мер, материально-правового и процессуально-правового характера, предусмотренных положениями действующего российского законодательства о недостойных наследниках». Из такого авторского видения сущности защиты прав достойных наследников следует, что основным способом ее практической реализации является применение норм закона, регламентирующих порядок отстранения от наследования лиц, признанных недостойными

наследниками (обратим внимание, что мнение автора базируется и правовых позициях Конституционного Суда РФ, выраженных в содержании определения от 22.03.2011 № 343-О-О [6]). Более того, в решениях высшего органа правосудия также определялось особое целевое назначение механизма гражданско-правовой защиты прав лиц, являющихся достойными наследниками, которое состоит в защите прав граждан при наследовании имущества, ранее принадлежавшего наследодателю в случае их нарушения со стороны третьих лиц, и обеспечении баланса интересов всех управомоченных субъектов при наследовании, сохранении наследственных прав лиц, являющихся достойными наследниками [7]. С такими выводами Конституционного Суда РФ, трудно не согласиться.

В доктрине права устойчивым является положение о том, что механизм защиты отдельных субъективных прав есть ни что иное, как часть общего механизма регулятивной и охранительной функции механизма защиты права в целом [8, с. 112], что нами не оспаривается и, следовательно, может быть применимо в отношении реализации субъективного права на защиту достойных наследников. При этом полагаем неверным и противоречивым действительное состояние реализации субъективного права на защиту достойного наследника через призму отрицания права других лиц на наследование. Полагаем такой подход законодателя, содержащийся в нормах гражданского законодательства противоречит существу и элементам механизма защиты прав. Исходя из этого, можно полагать, что наиболее полным и точным научным представлением о сущности механизма защиты субъективных прав будет то, в соответствии с которым будет пониматься система правовых средств и процедур, предусмотренных и установленных законодательными положениями, посредством применения которой обеспечивается восстановление нарушенных субъективных прав как физических, так и юридических лица, а отрицания и (или) лишения прав других. Именно такой подход будет взят нами за основу при формулировании собственного авторского определения ключевого для целей настоящего исследования понятия «механизм защиты прав достойных наследников».

Определив главную цель в уяснении сущности механизма защиты прав лиц, являющихся достойными наследниками, далее сформулируем его функциональное назначение. Так, в числе его функций, в частности, логичным и закономерным образом выделяются следующие:

- пресекательная, состоящая в том числе, в отстранении других лиц совершающих противоправные действия от достойных наследников;
- устранение препятствий в законной реализации субъективных прав защиты прав достойных наследников в части наследования ими имущества;
- восстановление субъективных прав достойных наследников, утраченных в результате совер-

шения противоправного посягательства на него со стороны третьих лиц;

- обеспечение действия на территории российского государства общеправовых принципов законности и социально справедливости, а также поддержание правопорядка в стране.

Продолжая логику научного повествования, полагаем исследование сущности гражданско-правового механизма защиты прав лиц, являющихся достойными наследниками, было бы неполным, без проведения детального анализа принципов, на которых он построен и базируется при своей практической реализации. Отметим, что в рамках общей теории права, категория «принципы права» наиболее часто трактуется как «основополагающие, концептуальные идеи правового регулирования каких-либо общественных отношений, которые, находят свое сущностное отражение на законодательном уровне» (такой точки зрения, в частности, придерживается А.С. Опанасенко [9, с. 34]). Полагаем, онтологически сущность принципов может быть раскрыта и применительно к принципам защиты достойных наследников под которыми следует понимать основополагающие, концептуальные идеи о защите и восстановлении нарушенных прав лиц, являющихся достойными наследниками, в результате совершенных посягательств на наследственную массу со стороны третьих лиц, не являющихся таковыми, на которых базируется и осуществляется его практическое применение». Отметим, что отдельного онтологического исследования принципам наследственного не проводилось, в доктрине авторы ограничиваются лишь их конкретизацией, раскрытием содержания. Так, в частности, П.С. Гришаев пишет, что в настоящий момент выделяется два основных и главенствующих принципа любых наследственных правоотношений: первый из них именуется свободой наследования (как наследники, так и наследодатели абсолютно свободны в реализации своих наследственных прав, никто не может быть принужден к составлению завещания, или к вступлению в наследство), второй – принцип охраны наследственных прав обязательных в силу закона наследников (речь здесь идет об выделе обязательной наследственной доли лицам, являющимся наследниками первой очереди (супругам, детям, родителям), даже при наличии составленного наследодателем завещания с указанием в качестве наследников иных лиц). В свою очередь, дополнительными принципами автор считает принцип универсальности правопреемства в наследственных правоотношениях, а также принцип охраны наследственных прав граждан от противоправных посягательств со стороны третьих лиц [10, с. 9–10]. Другой отечественный правовед Ю.К. Толстой в числе принципов наследственного права (регулирования наследственных правоотношений) называет следующие: принцип универсальности наследственного правопреемства принцип свободы реализации наследственных прав, принцип обеспечения прав и законных интересов лиц, являющихся наследниками,

учет воли наследника [11, с. 105], Иные авторские подходы во многом дублируют приведенные нами, в связи с чем не будут подвергнуты научному осмыслению в контексте настоящего исследования.

Сказанное выше, в полной мере учитывается также и в системе принципов функционирования и практической реализации гражданско-правового механизма защиты прав лиц, являющихся достойными наследниками. Учитываются в их системе и общие принципы гражданско-правовой защиты, среди которых в отечественной цивилистической науке наиболее часто выделяются следующие из них: принцип гарантированности защиты нарушенных прав; принцип инициативности защиты нарушенных прав, со стороны лица, являющегося их носителем; принцип соразмерности мер защиты нарушенному праву; принцип восстановления нарушенного права в полном объеме (в частности, именно такие принципы защиты субъективных гражданских прав были проанализированы в научной работе Т.М. Резер [12, с. 10]). Учитывая это, ниже определим следующие принципы гражданско-правового механизма защиты прав лиц, являющихся достойными наследниками, которые должны быть положены за основу его легальной регламентации и практической реализации:

- учет воли лица, являющегося наследодателем (в юридической практике его действие проявляется в возможности «прощения» со стороны наследодателя в отношении его недостойного наследника, выраженного в содержании составленного им при жизни завещания);
- обеспечение нравственности и правопорядка при регулировании наследственных правоотношений (этот принцип находит свое выражение в том, что норма действующего российского гражданского законодательства об отстранении от наследования лиц, являющихся недостойными наследниками, выступает своего рода гарантом конституционно провозглашенных предписаний о обеспечении общественной нравственности, законности и правопорядка);
- гарантированность обеспечения и защиты прав лиц, являющихся достойными наследниками, при наследовании имущества, ранее при жизни принадлежащего наследодателю;
- инициативность защиты прав лицами, являющимися достойными наследниками (этот принцип находит свое содержание в необходимости выражения соответствующих требований о защите нарушенных наследственных прав и отстранении от наследования лиц, являющихся недостойными наследниками, заинтересованных лиц (то есть, лиц, являющихся достойными наследниками);
- соразмерность мер защиты допущенному нарушению права лица, являющегося достойным наследником (этот принцип находит собственное выражение в том, что лицо, являющееся недостойным наследником, лишается права наследовать имущество, оставшееся после

смерти конкретного наследодателя, а не права наследования вообще);

- определенность пределов защиты нарушенного права лица, являющегося достойным наследником (указанный принцип предполагает недопустимость применения иных мер, способов, средств защиты нарушенных прав лиц, являющихся достойными наследниками, за исключением тех, что прямо закреплены в положениях действующего российского гражданского законодательства);
- окончательное восстановление нарушенного права лица, являющегося достойными наследниками (названный принцип зависит и коррелируется с целевым назначением гражданско-правового механизма защиты прав указанных субъектов, которое выражается в обеспечении реализации наследственных прав достойными наследниками, то есть, в получении ими имущества наследодателя в собственность после его смерти в порядке наследования, что позволит обеспечить полное восстановление нарушенных прав лиц, являющихся наследодателями).

Изложенное выше, в совокупности своей позволяет нам сформулировать собственное авторское определение понятия «гражданско-правовой механизм защиты прав лиц, являющихся достойными наследниками», которое в формулировке собственного содержания наиболее полно и точно учитывает все его признаки, включая целевое и функциональное предназначение: это установленная в положениях действующего российского гражданского законодательства совокупность средств, как материально-правовых, так и процессуально-правовых, вытекающих из норм о недостойных наследниках, применение которых в процедурной деятельности заинтересованных лиц (самих правообладателей и уполномоченных, компетентных органов), позволяет достичь его главного целевого предназначения – защиты прав граждан при наследовании имущества, ранее принадлежавшего наследодателю в случае их нарушения со стороны третьих лиц, обеспечение баланса интереса всех управомоченных субъектов при наследовании; обеспечения гарантированности наследственных прав лиц, являющихся достойными наследниками, функциональное предназначение применения которой заключается в незамедлительном пресечении совершаемых нарушений прав лиц, являющихся достойными наследниками, со стороны третьих лиц; устранении всякого рода препятствий в законной реализации субъективных прав лиц, являющихся достойными наследниками, в части наследования ими имущества, ранее при жизни принадлежавшего наследодателю; восстановлении нарушенных субъективных прав и законных имущественных интересов, лиц, являющихся достойными наследниками, утраченных в результате совершения противоправного посягательства на него со стороны третьих лиц; обеспечении действия на территории российского государства об-

щеправовых принципов законности и социально справедливости, а также поддержание правопорядка в стране.

Учитывая то, что на сегодняшний день в положениях действующего российского гражданского законодательства не закреплено легального определения искомой категории, мы полагаем возможным и целесообразным закрепить предложенное нами авторское определение понятия «гражданско-правовой механизм защиты прав лиц, являющихся достойными наследниками», в положениях ст. 1117 ГК РФ, в виде примечания.

Заключение и результаты

В настоящий момент на законодательном уровне в России отсутствует легально закрепленное определение понятия «защита права», что определяет дискуссию на доктринальном уровне. Проанализированное нами множество авторских определений рассматриваемой категории продемонстрировало ее несостоятельность, в связи с чем нами было предложено собственное авторское определение понятия «защита права», которое было рекомендовано к легальному закреплению отечественному законодателю. В это связи нами предлагается дополнить пункт 1 статью 12 ГК РФ, изложив его в следующей редакции: «*Защита гражданских прав – это система мер негативного юридического воздействия в отношении лица, допустившего нарушение субъективного права другого лица, в целях восстановления последнего, применяемая в принудительном порядке по требованию лица, чье право было нарушено*».

Вопросы понятия и сущности, функционального назначения, а также принципов осуществления гражданско-правового механизма защиты прав лиц, являющихся достойными наследниками, в текущий момент также являются малоразработанными в отечественной цивилистической доктрине. В результате проведенного научного анализа юридической литературы, материалов сформированной судебной практики, а также положений действующего российского законодательства, нами было сформулировано собственное авторское определение искомой категории, в формулировке содержания которого учитывается также его целевое и функциональное назначение. В этой связи мы предлагаем внести изменения в положения ст. 1117 ГК РФ в виде примечания, изложив его в следующей редакции: «*Защита прав достойных наследников осуществляется на основе действующего законодательства, определяющего материальные, процедурные и процессуальные нормы о недостойных наследниках и иные положения, применение которых заинтересованными лицами и органами власти, позволит достигнуть цели и смысла законодательного регулирования, в части защиты субъективных прав при наследовании, обеспечении баланса интересов и гарантированности прав на наследство, а равно устранении и пресечении противоправных действий третьих*

лиц в отношении достойных наследников путем восстановления их нарушенных прав»

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (посл. ред. от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.06.2024).
2. Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений / Д.Н. Кархалев. – Москва: Инфотропик, 2022. – 892 с.
3. Тужилова-Орданская Е.М. Пределы осуществления права на защиту недвижимости / Е.М. Тужилова_Орданская // Вестник СГЮА. – 2012. – № 5. – С. 108–114.
4. Савина Т.В. Гражданско-правовой механизм защиты прав достойных наследников: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Савина Татьяна Викторовна. – Ульяновск, 2021. – 190 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (посл. ред. от 11.03.2024 N 48-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 07.06.2024).
6. Васянина Е.Л. Проблемы реализации судебного механизма защиты прав физических лиц и организаций от неправомерных фискальных взиманий (принудительных изъятий) / Е.Л. Васянина // Налоги. – 2017. – № 1. – С. 26–29.
7. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. Монография / Ю.Н. Андреев. – Москва: Норма, 2022. – 464 с.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2011 г. № 343-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Зисман Ангелины Александровны на нарушение ее конституционных прав статьей 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58100890/?ysclid=lt0j-zlitiw853288133> (дата обращения: 07.06.2024).
9. Определение Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 624-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Намкиной Веры Александровны на нарушение ее конституционных прав положением абзаца первого пункта 1 статьи 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/70980516/?ysclid=lt0k606hza515828031> (дата обращения: 07.06.2024).
10. Демин А.А. О соотношении понятий «обеспечение» и «защита» субъективного гражданского права / А.А. Демина // Legal Concept. – 2018. – № 2. – С. 111–118.
11. Опанасенко А.С. Понятие и сущность принципов права / А.С. Опанасенко // Пробелы в рос-

сийском законодательстве. Юридический журнал. – 2019. – № 6. – С. 33–38.

12. Гришаев С.П. Наследственное право: учебно-практическое пособие / С.П. Гришаев. – Москва, Проспект, 2023. – 184 с.
13. Толстой Ю.К. Наследственное право. Учебник для высшей школы / Ю.К. Толстой. – Москва: Проспект, 2023. – 224 с.
14. Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина / под ред. Т.М. Резер. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. – 110 с.

MECHANISM FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF WORTHY HEIRS: GENERAL THEORETICAL RESEARCH

Vronskaya M.V.
Vladivostok State University

This article is devoted to an ontological study of the mechanism of protection of the rights of worthy heirs, which resulted in the author's conclusions of a normative nature devoted to the reform of civil law norms regulating the mechanism of protection of subjective civil rights. The object of the study was the legal relations arising in connection with and concerning the protection of the rights of worthy heirs. The methodological basis of the study was general (ontological, dogmatic) and specifically legal techniques (analysis, generalization). The insufficiency of the legal and legislative definition and content of the mechanism for protecting rights, as noted by the author, was expressed in a narrowly focused scientific understanding and practice of applying the mechanism for protecting the rights of worthy heirs in which the latter could exercise their right exclusively through the prism of norms on the removal and (or) recognition of other persons as unworthy, which is unnatural to the ontology of the concept of subjective protection of rights. In this regard, the author proposes to amend Article 12 of the Civil Code of the Russian Federation, Article 1117 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: protection of rights, civil law mechanism, worthy heirs, functional purpose, principles of law, doctrine, implementation of law, subjective law, right of inheritance.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (post. ed. dated 03/14/2020 No. 1-FKZ) // SPS "ConsultantPlus". – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of appeal: 06/07/2024).
2. Karkhalev D.N. The mechanism of civil law regulation of protective relations / D.N. Karkhalev. – Moscow: Infotropik, 2022. – 892 p.
3. Tuzhilova-Ordanskaya E.M. Limits of the right to protection of real estate / E.M. Tuzhilova_ordanskaya // Bulletin of the SSYAA. – 2012. – No.5. – pp. 108–114.
4. Savina T.V. Civil law mechanism of protection of the rights of worthy heirs: dis. ... cand. Jurid. sciences': 12.00.03 / Savina Tatyana Viktorovna. – Ulyanovsk, 2021. – 190 p.
5. The Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law No. 51-FZ of 11/30/1994 (post-ed. dated 03/11/2024 N 48-FZ) // SPS "ConsultantPlus". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of application: 06/07/2024).
6. Vasyanina E.L. Problems of implementing a judicial mechanism for protecting the rights of individuals and organizations from unlawful fiscal levies (forced seizures) / E.L. Vasyanina // Taxes. – 2017. – No. 1. – pp. 26–29.
7. Andreev Yu.N. Mechanism of civil legal protection. Monograph / Yu.N. Andreev. – Moscow: Norma, 2022. – 464 p.
8. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 22, 2011 No. 343-O-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Zisman Angelina Alexandrovna for violation of her constitutional rights by Article 1117 of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS "Garant". – URL:

- <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58100890/?ysclid=lt0jzlitw853288133> (accessed 07.06.2024).
9. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 24, 2015 No. 624-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Naumkina Vera Alexandrovna for violation of her constitutional rights by the provision of paragraph one of paragraph 1 of Article 1117 of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS "Garant". – URL: <https://base.garant.ru/70980516/?ysclid=lt0k606hza515828031> (accessed 07.06.2024).
 10. Demina A.A. On the relationship between the concepts of "provision" and "protection" of subjective civil law / A.A. Demina // Legal Concept. – 2018. – No.2. – pp. 111–118.
 11. Opanasenko A.S. The concept and essence of the principles of law / A.S. Opanasenko // Gaps in Russian legislation. Law Journal. – 2019. – No. 6. – pp. 33–38.
 12. Grishaev S.P. Inheritance law: an educational and practical guide / S.P. Grishaev. – Moscow, Prospekt, 2023. – 184 p.
 13. Tolstoy Yu.K. Inheritance law. Textbook for higher education / Y.K. Tolstoy. – Moscow: Prospekt, 2023. – 224 p.
 14. Mechanisms for the implementation and protection of human and civil rights / ed. by T.M. Rezer. – Yekaterinburg: Ural University Press, 2019. – 110 p.

Панченко Владислав Юрьевич,

доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории, истории государства и права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета; главный научный сотрудник Сибирского федерального университета; главный научный сотрудник НИИ ФСИН России
E-mail: panchenkovlad@mail.ru

Обоснован вывод о том, что с учетом нахождения политико-правовых явлений и процессов, изучаемых учеными, в прошлом, а «явление, ставшее прошлым, перестает обладать наличным бытием и не может быть объектом непосредственного, чувственного наблюдения, какой бы уровень развития общественно-исторической практики не существовал» (Н.Г. Козин) и «прошлое вовлечь в познавательную деятельность можно, только обладая возможностью перемещения во времени» (А.С. Барабаш) в качестве объекта теория государства и права как наука имеет не сами государственно-правовые явления и процессы, а информацию (сведения, данные) о них: фактические сведения, полученные исследователем непосредственно, а также из различных источников, и теоретическая информация, содержащаяся в политических и правовых учениях прошлого и современности. Поскольку предмет познания задан его целью – получением истинных знаний о закономерностях социальной жизни в аспекте возможностей государственного и правового воздействия на общественные явления и процессы в конкретных исторических обстоятельствах, то полученные в результате познавательного процесса такие знания и выступают в качестве предмета теории государства и права

Ключевые слова: объект теории государства и права, предмет теории государства и права, цель теории государства и права, научное познание, теория государства и права.

По верному замечанию профессора В.М. Сырых, «проблема объекта теории государства и права является пока что мало разработанной российскими правоведом. В юридической литературе объект данной науки достаточно редко выделяется в качестве ее самостоятельного компонента. Гораздо чаще государство и право, правоотношения и другие явления объективной реальности понимаются как предмет теории государства и права, исчерпывают его содержание полностью либо включаются в предмет наряду с юридическими закономерностями»¹.

Объект теории государства и права, как полагает В.М. Сырых, «состоит из механизма государства, норм права, юридической, политической практики, а также социальной практики, в той части, в какой она обуславливает формирование и развитие права»².

При этом «чувственно-предметная деятельность государства, общества, индивидов и иных субъектов права в сфере правового регулирования представляет собой обособленную сферу деятельности, осуществляемой человечеством в процессе его социального бытия, которая обозначается в философии категорией практика», а «философские категории имеют всеобщее значение. Поэтому представители конкретных наук, в том числе и правоведы, обязаны использовать эти категории в строгом соответствии с их смыслом, данным философией, а не выдумывать собственные конструкции, какими бы убедительными они не казались на первый взгляд»³.

Однако и в философии вопрос о том, что считать объектом познания является дискуссионным. Под объектом понимается философская категория, выражающая то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности; то, что дано в познании. Когнитивным, или эпистемологическим, объектом является все, что воспринимается, воображается, представляется или мыслится. Объект – то, на что направлена активность (реальная и познавательная) субъекта; то, что может быть индивидуально описано и рассмотрено; предмет, вещь, явление, на которые направлена деятельность; то, что подвергается какому либо воздействию⁴.

¹ Теория государства и права: учебник для бакалавров / Н.А. Власенко, В.В. Гриб, А.В. Малько [и др.]; Под редакцией В.В. Гриба, В.Ю. Панченко. – М.: Издательская группа «Юрист», 2021. С. 972.

² Там же. С. 975.

³ Сырых, В.М. О категории «правовая жизнь» как чувственно-предметной деятельности и объекте правовой науки // Правовая культура. 2024. № 1. С. 12.

⁴ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/84246/%D0%9E%D0%91%D0%AA%D0%95%D0%9A%D0%A2?ysclid=lyzwf>

Из приведенных определений объекта познания видно, что в ряде случаев он отождествляется с целью («на что направлено»), иногда утрачивает самостоятельный смысл («то, что дано в познании»).

По справедливому замечанию А.С. Барабаша, «объекта познания не существует для субъекта до тех пор, пока у него не сформировались познавательные цели и он не обратился для удовлетворения их к действительности. Сказанное не позволяет согласиться с тем, что объект – это то, что противостоит субъекту в его познавательной деятельности. Безусловно, реальный объект находится вне познающего субъекта и в этом смысле противостоит ему. Но это противостояние не есть противодействие <...>. В том же случае, когда речь идет об идеальном объекте, противостоянию вообще нет места. О каком бы объекте ни шла речь, объект – это то, что втянуто в деятельность субъекта, он часть этой деятельности, если субъект не взаимодействует с объектом, то его для субъекта не существует. Термин «противостояние» неправильно отражает диалектику отношений субъекта и объекта. Более правильно в этом случае подчеркивать взаимодействие, которое существует между субъектом и объектом и выражается в том, что не только познающий субъект воздействует на объект, но и объект воздействует на него, требуя зачастую изменить план исследования объекта, выбрать другие средства воздействия или сконструировать новые»¹.

В философии установлено значение категории «практика» по отношению к познанию: практика «является источником познания, его движущей силой», она «дает познанию необходимый фактический материал, подлежащий обобщению и теоретической обработке», «питает познание, как почва дерево, не дает ему отрываться от реальной жизни»; «практика является сферой приложения знаний. И в этом смысле она – цель познания»; «практика служит критерием, мерилom проверки истинности результатов познания. Только те результаты познания, которые прошли через очистительный огонь практики, могут претендовать на объективное значение, на независимость от произвола и заблуждений», «практика – это основа формирования и развития познания на всех его ступенях, источник знания, критерий истинности результатов процесса познания. Она входит в определение объекта в том смысле, что объект либо с той, либо с иной целью выделен субъектом из бесконечного сплетения вещей, либо видоизменен, либо создан им»².

Вместе с тем, признание государственно-правовой и иной социальной практики объектом познания теории государства и права является

серьезным упрощением и даже искажением действительных проблемных познавательных ситуаций, в которых находятся и которые призваны решать ученые-юристы.

Это объясняется тем, что политико-правовые явления и процессы, с которыми «работают» ученые, находятся в прошлом, а «явление, ставшее прошлым, перестает обладать наличным бытием и не может быть объектом непосредственного, чувственного наблюдения, какой бы уровень развития общественно-исторической практики не существовал»³, «прошлое вовлечь в познавательную деятельность можно, только обладая возможностью перемещения во времени, только в таком случае прошлое станет для нас настоящим и мы получим реальную возможность взаимодействия с объектом»⁴. «прошлое – это субъективный образ такой реальности», а исследователь в определенной мере «создает прошлое, опираясь на определенные методы и собственное мировоззрение»⁵. Неверный образ прошлого не позволит адекватно решать практические политико-правовые задачи в настоящем и прогнозировать будущие последствия тех или иных политико-правовых решений.

С учетом этого обстоятельства более адекватной для определения объекта и предмета теории государства и права как науки является предложенная профессором А.С. Барабашом модель познания (доказывания) применительно к уголовному процессу (не случайно следователь и исследователь – однокоренные слова). Она может быть взята за основу и в самом общем виде такова: «в качестве объекта, с которого начинается познавательная деятельность в уголовном процессе, следует выделить след, оставленный совершенным преступлением. Цель, которая среди множества следов позволяет отобрать значимые, зафиксирована в статье, говорящей об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. После того, как информация снята с различных следов, задача следователя заключается в том, чтобы на основе выявления связи между различными блоками информации получить любое фактическое данное. Эти блоки в данном случае выступают как объекты познания. В свою очередь, используя любые фактические данные как объекты познания, на основе выявленной взаимосвязи между ними мы получаем вывод более высокого уровня – об обстоятельстве, подлежащем доказыванию. И только тогда, когда знание обо всех обстоятельствах непротиворечиво ложится в одну схему, мы получим искомое – знание о совершенном в прошлом деянии. На этом уголовно-процессуальное доказывание закончено, мы получили предмет. В дальнейшем он используется для уголовно-правовой квалификации»⁶.

d802w366101499 (дата обращения 24.07.2024).

¹ Барабаш, А.С. Публичное начало российского уголовного процесса / А.С. Барабаш. – Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С. 255. URL: <https://law.sfu-kras.ru/data/method/e-library-kup/Mono/%D0%91%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%88,%202009.pdf?ysclid=izpn78a87f918840363> (дата обращения 25.06.2024)

² Спиркин А.Г. Философия: Учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2006. С. 413–414.

³ Козин Н.Г. Познание и историческая наука: Эмпирические и теоретические уровни знания и познания и историческая наука. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. С. 61.

⁴ Барабаш А.С. Указ соч. С. 260.

⁵ См.: Герасимов Г.И. Прошлое как объект истории // Genesis: исторические исследования. 2017. № 10. С. 1–19.

⁶ Барабаш А.С. Указ соч. С. 261.

Теория государства и права как наука взаимодействует не с самими государственно-правовыми явлениями и процессами, а с информацией (сведениями, данными) о них, которая и выступает для нее объектом познания. Такая информация может быть троякого рода.

Во-первых, информация, полученная исследователем непосредственно, собственным эмпирическим опытом. Речь идет о научных трудах специалистов, которые сами находились в гуще политико-правовых событий¹. Такая непосредственная информация как объект теории государства и права существенно ограничена в силу того, что ученые-государствоведы и ученые-юристы ни индивидуально, ни на уровне совокупной общественной научной деятельности, как правило, не являются непосредственными участниками политико-правовых процессов. Нельзя не согласиться с Дж. Остином, утверждавшим, что «мало знаний любого человека приобретается путем собственного исследования. Главным образом они состоят из результатов, добытых исследованиями других»².

Во-вторых, объектом теории государства и права выступает фактическая информация – сведения о тех или иных фактах проявления отдельных сторон, свойств и отношений изучаемого политико-правового явления или процесса, о фактах его взаимодействия с другими политико-правовыми и социальными явлениями или процессами, полученная из различных источников.

В-третьих, объектом теории государства и права выступает теоретическая информация о тех или иных сторонах, свойствах и отношениях изучаемого политико-правового феномена, а также о его целостных теоретических моделях и установленных закономерностях его внутреннего развития и внешнего взаимодействия, содержащаяся в политических и правовых учениях прошлого и современности, а также в иных источниках теоретической информации как интерпретаций исторических фактов. В процессе научной деятельности «осуществляется вычленение объективных внутренних и внешних отношений вещи, и тем самым происходит своеобразное моделирование объекта. Завершающим этапом данного процесса является осуществляемый с помощью языковых средств перенос снятой с объективного мира модели во внутренний план, превращение

¹ Например, кандидат юридических наук О.Г. Румянцев, бывший с июня 1990 года ответственным секретарем Конституционной комиссии Съезда народных депутатов РСФСР, руководителем рабочей группы Конституционной комиссии, непосредственно руководил разработкой текста проекта Конституции России и его согласованием с ведущими политическими силами, в 1993 году участником Конституционного совещания при Президенте России, опубликовал монографию «Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления» (М.: Юрист, 1994. – 288 с)

² Austin J. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. Third edn. In Two Vols. London: John Murray, 1869. P. 128 // Цит по.: Дробышевский, С.А. Правовое регулирование в первобытном обществе: теоретическая возможность и ее практическая реализация: монография / С.А. Дробышевский. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. С. 9. – 252 с.

ее в идеальный образ. С теоретическим объектом работают в мышлении и при помощи мышления, получая новое знание в относительной независимости от опыта, извлекая из идеальных объектов потенциально заключенное в них знание»³ до тех пор, пока в сознании не сложится относительно непротиворечивая модель политико-правового явления или процесса, взятая в определенном аспекте и масштабе рассмотрения.

В условиях информационного общества, когда сами источники информации вряд ли поддаются регистрации, а также с учетом информационных войн, особую сложность представляет установление достоверности сведений, в них содержащихся. Гарантией достоверности не является ни авторитетность источника, ни его официальное признание государствами, ни публикация информации в научных изданиях – рецензируемых журналах с высокой категорией, ни ее содержание в официальных документах и даже статистических данных. Любая социально значимая информация с высокой вероятностью может содержать идеологические искажения. Поэтому установление фактических обстоятельств проявления политико-правовых процессов в рамках теории государства и права всегда сопряжено с выявлением достоверности источников информации на основе критического мышления, путем изучения множества источников, анализа и сопоставления разных мнений, суждений, оценок и пр., сравнения сведений из нескольких независимых источниках. Значительный пласт информации о политико-правовых процессах на самых высоких уровнях власти в государствах остается закрытым. Бесспорно, высокую ценность имеют описания, мнения, суждения, оценки, высказанные в воспоминаниях, мемуарах и т.д. государственных и общественных деятелей относительно событий, участниками которых они являлись, практикующих юристов о своей профессиональной деятельности и т.п., но и они также должны подвергаться всесторонней полной и по возможности объективной оценке, ибо, как известно из законов формальной логики, при ложных посылах и правильном рассуждении вывод может быть каким угодно – и истинным, и ложным.

Предметом теории государства и права, исходя из общего родового понятия предмета познания⁴ – это зафиксированные в опыте и включенные в процесс практической деятельности человека государственно-правовые стороны, свойства и отношения социальных объектов, или, иными словами, государственно-правовые закономерности.

Предмет познания задан его целью – получением истинного знания. Цель любой науки (и не только науки, но и познавательной деятельности вообще, включая обыденное повседневное познание) – описать, объяснить и спрогнозировать развитие того или иного явления или процесса. На предельно общем уровне эта цель – один из аспектов выживания отдельных особей и их групп (иногда говорят

³ Барабаш А.С. Указ соч. С. 257–258.

⁴ Спиркин А.Г. Философия: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2001. С. 412.

об инстинкте истины или инстинкте правды, присущих всему живому, как об одном из аспектов инстинкта жизни вообще, поскольку без адекватной, истинной информации о внешней среде риск гибели живого организма многократно возрастает). На этом самом общем уровне стремление к знаниям, цель добыть любую истинную информацию – самообусловлена и самоценна. Однако в реальных условиях ограниченности ресурсов цель познания всегда конкретизирована применительно к определенным условиям и обстоятельствам, ибо как утверждал древнегреческий драматург, которого впоследствии назвали отцом греческой и европейской трагедии, Эсхил: «Мудр не тот, кто знает много, а тот, кто знает нужное». Разнообразие потребностей и способностей людей, как известно, лежит в основе разделения труда и кооперации, проявлением такого разделения труда является специализация различных наук и отраслей наук.

Теория государства и права как социальная и гуманитарная наука исследует человеческое общество с целью выявить, описать, объяснить и спрогнозировать развитие государственно-правовых процессов в обществе, найти оптимальные для сохранения и прогрессивного развития общества и человека в нем государственно-правовые средства воздействия на поведение людей. Цель теории государства и права как науки – получение истинных знаний о закономерностях социальной жизни в аспекте возможностей государственного и правового воздействия на общественные явления и процессы. Теория государства и права как наука призвана открывать объективные существенные необходимые стороны, свойства и отношения, взаимосвязи и взаимозависимости государственного и правового воздействия на общественные отношения и человеческую деятельность.

Познавательная цель, задающая предмет теории государства и права, охватывает более обширную область, масштаб рассмотрения по сравнению с целями отраслевых юридических наук – получить истинные знания о наиболее общих государственно-правовых закономерностях, которые влияют на функционирование политических организаций в целом, т.е. знания:

- о закономерностях становления, развития и функционирования государства и права как относительно самостоятельных компонентов общества;
- о социально-экономических, политических, нравственных и иных закономерностях, которые детерминируют развитие и функционирование государства и права, без знания которых нельзя раскрыть предмет теории государства и права; специфические закономерности познания государства и права;
- о закономерностях познания государства и права, т.е. о методе теории государства и права, разработка которого представляет собой самостоятельную научную ценность¹.

¹ Теория государства и права: учебник для бакалавров / Н.А. Власенко, В.В. Гриб, А.В. Малько [и др.]; Под редакцией

Дальнейшая конкретизация познавательных целей, и соответственно, предмета познания науки теории государства и права приводит к построению сообразно «дереву целей» направлений научных исследований в области теории государства и права и, в конечном результате продуктивного процесса познания, к предметам конкретных индивидуальных и коллективных научных исследований.

Целевые направления научных исследований в области теории государства и права получили официальное закрепление в нормативно-правовых актах, регламентирующих научные специальности, и установивших требования, предъявляемые к научным работам – диссертациям на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Так, согласно паспорта научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки», целями познания в рамках теории государства и права названы более 30 направлений от «1. Юридическая наука: проблемы объекта, структуры, функций до 33. Государство, право и научно-технический прогресс»². Разумеется, паспорт научной специальности не должен являться догмой, он лишь задает направления научных исследований по специальности и устанавливает некоторые рамки, поскольку часто научные открытия делаются на стыке различных наук без всякой привязки к научным специальностям.

Целей научных исследований, указанные в паспорте специальности, конкретизированы требованиями к кандидатским и докторским диссертациям³, согласно которым теория государства и права призвана, во-первых, формулировать теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, т.е. устанавливать неизвестные ранее, объективно существующие закономерности процессов государственной и правовой действительности, во-вторых, решать научные проблемы (т.е. добывать новые знания), имеющие важное политическое, социально-экономическое, культурное или хозяйственное значение; в-третьих, предлагать новые научно обоснованные решения относительно организации и функционирования государственных и правовых институтов, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны.

Описание целей теории государства и права как науки не будет полным без учета государственно-правового обеспечения развития других наук, правового регулирования оборота их достижений, стимулирования научной активности. Поэтому теория государства и права не должна оставаться в стороне от закрепленных в нормативных документах программно-политического характера приоритет-

В.В. Гриба, В.Ю. Панченко. – М.: Издательская группа «Юрист», 2021. С. 970–972.

² <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=17&name=92259542002&f=15285>

³ Положение о присуждении ученых степеней: утв. постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 25.01.2024) «О порядке присуждения ученых степеней» // СПС «КонсультантПлюс».

ных направлений научных исследований как в области естественных и технических наук, так и актуальных для социогуманитарного знания задач¹ в конкретно-исторических условиях развития конкретного государства.

Литература

1. Austin J. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. Third edn. In Two Vols. London: John Murray, 1869. P. 128 // Цит по.: Дробышевский, С.А. Правовое регулирование в первобытном обществе: теоретическая возможность и ее практическая реализация: монография / С.А. Дробышевский. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 252 с.
2. Барабаш, А.С. Публичное начало российского уголовного процесса / А.С. Барабаш. – Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. 417 с. URL: <https://law.sfu-kras.ru/data/method/e-library-kup/Mono/%D0%91%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%88,%202009.pdf?ysclid=Izpn78a87f918840363> (дата обращения 25.06.2024)
3. Герасимов Г.И. Прошлое как объект истории // Genesis: исторические исследования. 2017. № 10. С. 1–19.
4. Козин Н.Г. Познание и историческая наука: Эмпирические и теоретические уровни знания и познания и историческая наука. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 150 с.
5. Теория государства и права: учебник для бакалавров / Н.А. Власенко, В.В. Гриб, А.В. Малько [и др.]; Под редакцией В.В. Гриба, В.Ю. Панченко. – М.: Издательская группа «Юрист», 2021. 1008 с.
6. Спиркин А.Г. Философия: Учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2006. 736 с.
7. Спиркин А.Г. Философия: Учеб. пособие. М.: Гардарики, 2001. 735 с.
8. Сырых, В.М. О категории «правовая жизнь» как чувственно-предметной деятельности и объекте правовой науки // Правовая культура. 2024. № 1. С. 7–14.

THE PROBLEM OF THE OBJECT, PURPOSE AND SUBJECT OF THE THEORY OF STATE AND LAW AS A SCIENCE

Panchenko V.Yu.

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia); Mordovian State University; Siberian Federal University; Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The conclusion is substantiated that, taking into account the location of political and legal phenomena and processes studied by scientists in the past, and “a phenomenon that has become the past ceases to have a present existence and cannot be an object of direct, sensory observation, no matter what level of development of socio-historical practice exists” (N.G. Kozin) and “the past can be involved in cognitive activity only by having the ability to move in time” (A.S. Barabash), the theory of state and law as a science has as its object not the state and legal phenomena and processes themselves, but information (data, data) about them: factual information obtained by the researcher directly, as well as from various sources, and theoretical information contained in political and legal teachings of the past and present. Since the subject of knowledge is determined by its purpose – obtaining true knowledge about the laws of social life in the aspect of the possibilities of state and legal influence on social phenomena and processes in specific historical circumstances, then such knowledge obtained as a result of the cognitive process acts as the subject of the theory of state and law.

Keywords: object of the theory of state and law, subject of the theory of state and law, purpose of the theory of state and law, scientific knowledge, theory of state and law.

References

1. Austin J. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. Third edn. In Two Vols. London: John Murray, 1869. P. 128 // Quoted from: Drobyshevsky, S.A. Legal regulation in primitive society: theoretical possibility and its practical implementation: monograph / S.A. Drobyshevsky. – Krasnoyarsk: Sib. federal. University, 2020. 252 p.
2. Barabash, A.S. Public beginning of Russian criminal proceedings / A.S. Barabash. – St. Petersburg: R. Aslanov's Publishing House “Legal Center Press”, 2009. 417 p. URL: <https://law.sfu-kras.ru/data/method/e-library-kup/Mono/%D0%91%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%B0%D1%88,%202009.pdf?ysclid=Izpn78a87f918840363> (date of access 06/25/2024)
3. Gerasimov G.I. The past as an object of history // Genesis: historical research. 2017. No. 10. Pp. 1–19.
4. Kozin N.G. Cognition and historical science: Empirical and theoretical levels of knowledge and cognition and historical science. Saratov: Publishing house of Sarat. University, 1980. 150 p.
5. Theory of State and Law: a textbook for bachelors / N.A. Vlasenko, V.V. Grib, A.V. Malko [et al.]; Edited by V.V. Grib, V. Yu. Panchenko. – M.: Jurist Publishing Group, 2021. 1008 p.
6. Spirkin A.G. Philosophy: Textbook. 2nd ed. M.: Gardariki, 2006. 736 p.
7. Spirkin A.G. Philosophy: Textbook. M.: Gardariki, 2001. 735 p.
8. Syrykh, V.M. On the Category of “Legal Life” as a Sensory-Objective Activity and an Object of Legal Science // Legal Culture. 2024. No. 1. Pp. 7–14.

¹ См. напр.: Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий: Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 // СПС КонсультантПлюс; Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2024–2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: распоряжение Правительства РФ от 01.07.2024 № 1734-р // СПС КонсультантПлюс.

Развитие идеи народности в трудах русских и немецких правоведов XIX века: аспекты влияния на правовую доктрину

Слинченко Олеся Александровна,

младший научный сотрудник сектора философии права, теории и истории государства и права Института государства и права Российской академии наук
E-mail: Gesse2021@yandex.ru

Идея народности оказала значительное влияние на формирование различного рода политико-правовых доктрин. Вместе с тем, до сих пор эта идея понимается абстрактно, в отношении нее отсутствует четкая дефиниция. Как следствие, существующая проблема актуализирует значимость проведения ряда исторических, философских, теоретико-правовых исследований в отношении раскрытия основополагающих компонентов и значимости идеи народности в праве. Рамки настоящего исследования определены знаковой для научного развития идеи народности периодом XIX века, наиболее ярко проявленного в трудах немецких и русских философов и правоведов.

Ключевые слова: народность, народный дух, народное самосознание, общественное мнение, право, политико-правовые доктрины.

Введение

В данной статье исследуется такой феномен философской и политико-правовой мысли, как «идея народности». Идея народности выражается в многовариативных содержательных интенциях, например: «народный дух», «коллективное сознание», «народное самосознание», «народное правовое чувство», «общественное мнение», «когнитивная ментальность».

Идея народности имеет глубокие исторические корни, идущие с античных времен и до сегодняшнего времени. К идее народности обращались во все древние периоды народы различных культурно-исторических типов. Например, у Пифагора в размышлениях встречается упоминание как назидание для правителя, чтобы он прежде издания законов советовался с «законами безмолвными или с внутренним народным чувством» [4, с. 34]. В Древней Руси XI–XII вв. идея народности проявлялась в племенном, культурном и международном единстве славян, а также в ранних истоках славянофильского направления мысли, основным вопросом которой являлось национальное самоопределение славянской самобытности Руси [11, с. 73–75].

Примечательно, что период древнерусского государства XI века, отличительно от западноевропейских государств, являет собой рост сознания, как самосознания народа и как сам автор (летописец) осознает себя. Ярким примером является первый философско-политический трактат митрополита Иллариона «Слово о законе и благодати». Отдельно будет отмечено, что «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона Киевского и на сегодняшний день имеет особое значение в исследованиях русской национальной идеи.

Идея народности включает в себе объединительный потенциал, находящий свое выражение в языке, обычае, морали, традиции, политике, науке, праве, вере, как духовном и психологическом элементе в основе сознания. Идея народности является конституирующей основой формирования общественно-политической жизни государства.

Однако следует констатировать, что до сих пор такие понятия в политико-правовой мысли, как «народный дух», «народное самосознание», «идея народности» являются абстрактными, «мистифицированными» и недостаточно изученными, что служит препятствием к четкому осознанию роли идеи народности в правообразовательном процессе и определению народной правовой идеологии. Проблематика идеи народности в праве все еще

остаётся пробельной в рамках фундаментальных исследований.

Вместе с тем, идея народности оказывает значительное и плодотворное влияние на формирование права, народной правовой культуры и политико-правовых доктрин.

Идея народности – это универсальный, межкультурный, философско-исторический и политико-правовой феномен, раскрывающий коллективное сознание, психологию народа, способствующий диалогу культур и содержащий в себе охранительный потенциал стремления к народному объединению, союзу государств, юридических лиц, стремление к цельности познания. Также в применении к правовой области рассматриваемая идея раскрывает значение правового чувства и воли, обычного права, роль общественного мнения в деле законодательного реформирования.

Идея народности обрела многообразное научное выражение в исторической, филологической, правовой, философской мысли Германии XIX века на фоне зарождения теории прогресса, идеи органицизма, истории культуры, развития начал исторической школы права и первых попыток рассматривать нацию, как историческую индивидуальность.

Еще в XVII веке Г. Лейбницем была определена задача по изучению истории права (обычаев, законов) в его непрерывном (линейном) развитии и в соотношении с другими сторонами общественной жизни, что позволяло сохранять правовые традиции и историческую преемственность развития права. Позже в политическом трактате «О духе законов» Ш.Л. Монтескье акцентирует научный взгляд на необходимости соответствия закона свойствам народа, в котором он формируется.

И.Г. Гердер, в свою очередь, не только выявлял различные типы культуры, но и определял возможность раскрыть отпечаток рассудка и характера (души) определенного народа через язык, как неотъемлемую часть познавательной деятельности человека [3, с. 239, 252]. Язык является одним из признаков самобытности народности и средством борьбы за единство народное, народный путь развития, сохранение коллективной памяти народа. Основой же формирования языка, является традиция, иначе теоретико-практический опыт народности. Идея И.Г. Гердера, в которой он через язык, как код культуры народа, выявлял особенные черты типа народности, его мышления, получили схожее выражение в труде славянофила А.С. Шишкова, писавшим о том, что «язык делал народ единомышленным, вера единокорным» [12, с. 264], а также в идейных зачатках культурно-исторических исследований славянофилов. Идея И.Г. Гердера оказала влияние на оригинальную научную теорию цивилизаций (культурно-исторических типов) Н.Я. Данилевского.

В XIX веке наступает период, в котором история права является историей самопознания народа. Тогда же формируется историческая школа права, областью которой становится раскрытие основ

и роли народного сознания, как части правосознания, оказывающего влияние на формирование правовой психологии и правовой идеологии.

Ф.К. фон Савиньи и Г.Ф. Пухта, представители исторической школы права, а также «германист» О.Ф. Гирке, в ходе унификации немецкого законодательства, как одной из сторон проявления народного самосознания, стремились защитить аутентичное развитие немецкого права путем выявления его первоначального духа исконной народности. За их активную позицию в исследовании и защите основ немецкого права, российский ученый, юрист Ф.В. Тарановский дал им остроумное определение – «немецкие самобытники» [10, с. 159]. «Самобытниками» впоследствии будут также именоваться славянофилы, в лице А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова и др.

Историческая школа права, еще именуемая как «чистая наука об обществе» [10, с. 161, 165], явила собой факт пробуждения исторического сознания, мистической идеи «народного духа», веры в фатум, т.е. в иррациональное развитие истории, постижение «души эпохи» и интуицию – как цель и метод познания [2, с. 149, 152]. В качестве источников права, благодаря деятельности одного из последователей исторической школы права, Я. Гримма, вводится народная мифология и поэзия, через изучение которых раскрывается правовой обычай древнего немецкого права, познается самобытность народа, его отличительные психологические свойства.

В исторической школе права Ф.К. фон Савиньи был осуществлен первый теоретический опыт применения органической теории в отношении права, раскрывающей непреходящий во времени характер правовых ценностей народа, как исторического продукта народного сознания. Для того, чтобы образно объяснить органическое развитие права, Ф.К. фон Савиньи обращался к биологическим аналогиям популярным в XIX в., в части соотношения поступательного исторического развития права, его роста сознания с возрастными периодами развития личности. В иных интерпретациях органический метод будет преемственно применяться и в философских построениях славянофилов, и в теории Н.Я. Данилевского. Органическая теория явилась одной из связующих звеньев исторических эпох, начиная с античных времен и теории Платона, содержащей в себе идею системного (системно-функционального) метода познания.

Итак, историческая школа права через критику юридического рационализма и идеализма раскрывала исторические истоки развития народного права, ценность обычного права как выражения духа народа, его моральных и культурных характеристик. Исторической школой права был перенесен акцент внимания на важность понимания исторических и культурных особенностей при формировании права [5]. Ф.К. фон Савиньи доказывал, что право составляет продукт культурной жизни народа, продукт народного духа. Право, выражая общенародные убеждения, предстает

как «своеобразный национальный отпечаток, точно также как и язык народа, его нравы и политическое устройство» [6, с. 230].

Идея народности через историческую школу права пробуждает национальное самосознание; определяет право не как продукт разума, а исторического народного сознания; выявляет значение обычного права, исходящего из опыта народной жизни; определяет роль общественного мнения в законодательном реформировании и идеологическом обновлении государственной политики.

Историческая школа права через идею народности, народное самосознание оказала влияние на разработку новых научных дисциплин, методов познания, направлений деятельности и мысли: сравнительного правоведения и истории национального права; проведение археографической деятельности и систематизации законодательства; введение культурно-исторического подхода к трактовке права; актуализацию интуитивного права и расширение источников права, среди которых – обычаи, народная мифология, язык и поэзия.

Идея народности стала побудительной причиной к формулированию теории юридических лиц: теории фикции Ф.К. фон Савиньи и теории корпораций (общественных союзов) О.ф. Гирке, которые по аналогии были применены к интерпретации понятия государства. Теория корпораций (общественных союзов) до сих пор не теряет своей актуальности, приобретая особое значение в теории государства-корпорации. Всесторонне основные политико-правовые взгляды О.ф. Гирке, оказавшие особое влияние на формирование социологических концепций права были исследованы Сериковой С.В. [9]

Многие положения исторической школы права, сформировавшиеся под влиянием идеи народности, получили свое дальнейшее отличительное развитие в философской и политико-правовой мысли русских философов и правоведов.

Немецкая философия и положения исторической школы права оказали влияние, в том числе, на взгляды русского историка С.М. Соловьева, политического философа и правоведа Б.Н. Чичерина, а также на славянофильское самобытное направление русской философии.

Одними из ярких выразителей самой эпохи – народного самосознания, представляющих собой «самобытное направление русской философской, богословской и научно-исторической мысли в его теоретических и национально-политических положениях» [7, с. 1], стали славянофилы. Старшие славянофилы стремились произвести критическую оценку прошедшей и современной истории с целью получения ответа на важнейшие национальные вопросы государственного и общественного самоопределения.

Определение, данное народному союзу Г.Ф. Пухтой, в большей степени могло бы быть разделено и славянофилами, а именно, что народный союз есть естественный союз людей, общение которых основано на любви к ближнему, на любви

к Отечеству, общем происхождении, общем языке. Только с возникновением народа начинается история права [8, с. 19].

Славянофилы народность рассматривали, как “лицо” человека, его внутренний душевный склад и рост умственных и нравственных сил, оказывающих влияние на политику государства и его укрепление. Развитие народности также было отмечено определенными возрастными периодами, как это было предпринято еще Ф. К. фон Савиньи и его учеником И.К. Блунчили. Так органический метод нашел свое применение в социальной теории славянофилов.

Отличительные признаки, позволившие русским мыслителям перейти на другую ступень развития идеи народности, были заложены в народной идее, основанной на многовековом религиозном политическом опыте, выразившемся в православной вере, соборности, общинном начале. По словам, К.С. Аксакова, славянская община представляла собой «союз людей, основанный на нравственном начале, управляемый внутренним законом, и отсюда обычаям общественным» [1, с. 335]. Применительно к правовой области в согласии с народной русской идеей, как части идеи народности, славянофилы выступали в частности: за введение нравственных начал в право, обращение акцента внимания на раскрытие мотива поведения человека, эмоционально-интеллектуальной составляющей права; этизацию культурно-исторического развития; за свободу общественного мнения; открытие народных школ; установление корреляции личных и коллективных начал в общественных правоотношениях через призму святоотеческой литературы и духовных поучений.

Основываясь на взглядах славянофилов, можно дать следующее определение идеи народности. Идея народности – охранительно-либеральное направление общественной мысли, в котором особо выделяются три компонента процесса познания данной идеи: коллективное сознание, представляющее психологический тип общества; коллективная память, как исторический опыт народности и общественное мнение, как переменная составляющая, представляющая собой измерительную шкалу умственного и нравственного развития народного сознания в определенный исторический период. Все три обозначенные компоненты народного самосознания объединяются духовным, по существу своему надправовым и сверхсознательным началом – верой, как одним из основных факторов оказывающих влияние на формирование политико-правовых доктрин и являющаяся основанием внутреннего преобразования народного менталитета.

Взгляды славянофилов через призму идеи народности и положений исторической школы права оказали влияние на дальнейший вектор развития российской философской и правовой мысли, в том числе на взгляды В.Н. Лешкова, Б.Н. Чичерина, К.П. Победоносцева и в культурно-исторических типах развития Н.Я. Данилевского, в почвеннических идеях Н.Н. Страхова, в психологической теории права Л.И. Петражицкого.

Заключение

Идея народности оказала значительное и плодотворное влияние на политико-правовые доктрины XIX века. Идея народности есть основа недопущения деморализации общества и проявления деструктивных начал в народном сознании. Идея народности – это не абстрактное понятие, а фундаментальная основа права, выводящая ее на международный уровень взаимодействия с сохранением своей самобытной идеи. Однако, идея народности пока еще не стала предметом комплексного анализа, в том числе через уникальный исторический опыт русской философской и политико-правовой мысли, что открывает перспективы для будущих исследований.

Литература

1. Аксаков К.С. Государство и народ/ Составление и комментарии А.В. Белова, предисловие А.Д. Каплина/ Отв. Ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 608с.
2. Вайнштейн О.Л. Historiografia средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. Москва. Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. 365с.
3. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. / Иоганн Готфрид Гердер. М.: Издательство «Наука», 1977. 703с.
4. Лафитский В.И. Поэзия права: страницы правотворчества от древности до наших дней/ Лафитский В.И. М.: 2003. 376с.
5. Казанцев Л.Н. Курс истории римского права / [Соч.] А.К. [Л.Н.] Казанцева. 3-е изд., перераб. Киев: изд. студентами Юрид. фак. Ун-та св. Владимира в пользу недостаточ. товарищей, 1896. X, 116, 2с.
6. Коркунов Н.М. История философии права: Пособие к лекциям / [Соч.] Н.М. Коркунова, проф. С.-Петербур. ун-та. Санкт-Петербург: тип. М. Меркушева, 1896. [2], IV, 267с.
7. К истории славянского самосознания и славянских сочувствий в русском обществе: (из 40 годов XIX столетия) / [К. Грот]. [Санкт-Петербург]: Тип. М-ва внутренних дел, [1904?]. 14с.
8. Пухта Г.Ф. Энциклопедия права / [Соч.] Г.Ф. Пухты; Пер. с 6 изд. под ред. П. Карасевича студентом Демидов. юрид. лицея Линденбратенов. Ярославль: тип. Г. Фальк, 1872. 99с.
9. Серикова С.В. Политико-правовые взгляды О. фон Гирке: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.1. / Серикова Светлана Владимировна; [Место защиты: Институт государства и права Российской академии наук; Диссовет Д 002.002.XX (24.1.058.01)]. Москва, 2022. 177с.
10. Тарановский Ф.В. Историческое и методологическое взаимоотношение истории, догмы и политики права. Журнал Министерства Юстиции, № 3, март 1907, С. 151–170.

11. Шахматов М.В. История древнерусских политических идей. Начало соборности и начало единоличной власти. М.: Издательство М.Б. Смолина (ФИБ), 2023. 520с.
12. Шишков А.С. Записки, мнения и переписка А.С. Шишкова: в 2 т. Берлин, 1870.

THE DEVELOPMENT OF THE IDEA OF NATIONALITY IN THE WORKS OF RUSSIAN AND GERMAN LEGAL SCHOLARS OF THE 19TH CENTURY: ASPECTS OF INFLUENCE ON LEGAL DOCTRINE

Slinchenko O.A.,

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

The idea of nationality has had a significant impact on the formation of various kinds of political and legal doctrines. At the same time, this idea is still understood abstractly; there is no clear definition for it. As a consequence, the existing problem actualizes the importance of conducting a number of historical, philosophical, theoretical and legal studies in relation to the disclosure of the fundamental components and significance of the idea of nationality in law. The framework of this study is determined by the 19th century, a significant period for the scientific development of the idea of nationality, most clearly manifested in the works of German and Russian philosophers and lawyers.

Keywords: nationality, national spirit, national self-awareness, public opinion, law, political and legal doctrines.

References

1. Aksakov K.S. State and People / Compilation and commentary by A.V. Belov, foreword by A.D. Kaplin / Ed. O.A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2009. 608p.
2. Weinstein O.L. Historiography of the Middle Ages in connection with the development of historical thought from the beginning of the Middle Ages to the present day. Moscow. Leningrad: State Socio-Economic Publishing House, 1940. 365p.
3. Herder I.G. Ideas for the philosophy of the history of mankind. / Johann Gottfried Herder. Moscow: Publishing House "Nauka", 1977. 703p.
4. Lafitsky V.I. Poetry of law: pages of law-making from antiquity to the present day / Lafitsky V.I. Moscow: 2003. 376p.
5. Kazantsev L.N. Course in the history of Roman law / [Comp.] A.K. [L.N.] Kazantseva. 3rd ed., revised. Kyiv: ed. Law students fak. University of St. Vladimir in favor of the lack. Comrades, 1896. X, 116, 2p.
6. Korkunov N.M. History of the philosophy of law: A manual for lectures / [Oc.] N.M. Korkunova, prof. St. Petersburg un-ta. St. Petersburg: type. M. Merkusheva, 1896. [2], IV, 267p.
7. On the history of Slavic self-awareness and Slavic sympathies in Russian society: (from the 40s of the 19th century) / [K. Grotto]. [St. Petersburg]: Type. Ministry of Internal Affairs, [1904?]. 14p.
8. Pukhta G.F. Encyclopedia of Law / [Op.] G.F. Pukhty; Translated from the 6th edition edited by P. Karasevich by student Demidov. legal lyceum Lindenbraten. Yaroslavl: type. G. Falk, 1872. 99p.
9. Serikova S.V. Political and legal views of O. von Gierke: dissertation ... candidate of legal sciences: 5.1.1. / Serikova Svetlana Vladimirovna; [Place of protection: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Dissertation Council D 002.002.XX (24.1.058.01)]. Moscow, 2022. 177p.
10. Taranovsky F.V. Historical and methodological relationship between history, dogma and policy of law. Journal of the Ministry of Justice, No. 3, March 1907, pp. 151–170.
11. Shakhmatov M.V. History of ancient Russian political ideas. The Beginning of Sobornost and the Beginning of Sole Power. Moscow: M.B. Smolin Publishing House (FIV), 2023. 520p.
12. Shishkov A.S. Notes, Opinions and Correspondence of A.S. Shishkov: in 2 volumes. Berlin, 1870.

Соснин Сергей Александрович,

аспирант Московского университета имени А.С. Грибоедова
E-mail: lawsosnin@gmail.com

Статья посвящена взглядам ученого-юриста Е.В. Васьковского на сущность адвокатской деятельности и её соотношение с иными видами деятельности, прежде всего с судебным представительством. Автор статьи предпринял попытку выделить критерии разграничения, которые прослеживаются в научных трудах Е.В. Васьковского при анализе им соотношения адвокатуры и судебного представительства. В статье отмечается, что не все идеи Е.В. Васьковского прошли проверку временем, вместе с тем, взгляды ученого на адвокатуру как на неотъемлемый фактор правосудия сохраняют свою актуальность до настоящего времени. Статья написана как на основе русскоязычных трудов Е.В. Васьковского, так и на основе польскоязычных работ ученого, до сих пор не переведенных на русский язык. Исследование взглядов Е.В. Васьковского будет способствовать формированию научной базы, которая может быть использована для дальнейшего совершенствования современного института адвокатуры.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская деятельность, Е.В. Васьковский, правозаступничество, представительство, адвокатская этика.

В настоящее время адвокатура в Российской Федерации является одним из важнейших профессиональных сообществ, без которого невозможно представить реализацию гражданами права на получение квалифицированной юридической помощи. За время существования данного института федеральный законодатель неоднократно менял нормы, регулирующие его функционирование, а органы адвокатского самоуправления принимали корпоративные акты по самым разным вопросам адвокатской деятельности.

Нет никаких сомнений, что и дальше перед законодателем, а также органами адвокатского самоуправления будут возникать всё новые и новые сложные практические вопросы устройства адвокатуры и правил ведения адвокатской деятельности. Это актуализирует необходимость исследований, посвященных истории взглядов на адвокатскую деятельность в отечественной юриспруденции. Одним из видных юристов, посвятившим свое научное творчество вопросам адвокатуры, являлся Е.В. Васьковский (1866–1942).

Настоящая статья посвящена вопросу понимания Е.В. Васьковским сущности адвокатской деятельности и отграничения ее от иных видов деятельности.

Тема адвокатуры являлась для Е.В. Васьковского предметом не только лишь теоретического интереса, он был юристом-практиком и с 1894 по 1897 являлся присяжным поверенным в г. Одессе¹. Его отец Владимир Николаевич Васьковский был присяжным поверенным при Кишиневском окружном суде, а брат Анатолий бы присяжным поверенным в Санкт-Петербурге и Одессе².

Известно, что биография Е.В. Васьковского, уехавшего из России в Польшу (вероятнее всего, в 1924 году³), распадается на два периода: «русский» и «польский». В этой связи особенно интересно проследить его взгляды по обозначенному вопросу на основе не только его русскоязычных, но и польскоязычных работ, значительная часть которых до сих пор не переведена на русский язык⁴.

Определение адвокатской деятельности и выявление ее сущности Е.В. Васьковский излагает, прежде всего, в своем фундаментальном труде «Организация адвокатуры», состоящем из двух частей. И в данной работе, и в последующих, определение природы адвокатской деятельности

¹ Redzik A. Poczet jurystów i ekonomistów: Eugeniusz Waškowski // Glos Prawa. – 2021. – NR 1(7). – S. 273.

² Ibid. S. 286.

³ См. об этом: Васьковский Е.В. Избранные работы польского периода. М.: Статус, 2016. – С. 17–20.

⁴ Перевод части его работ см.: Васьковский Е.В. Избранные работы польского периода. М.: Статус, 2016. – 640 с.

Е.В. Васьковский проводит через противопоставление правозаступничества и судебного представительства.

Излагая свое определение адвокатуры, Е.В. Васьковский пишет, что она «в собственном смысле слова представляет собой правозаступничество т.е., другими словами, юридическую помощь, оказываемую нуждающимся в ней лицам специалистами-правоведами»¹. Адвокат дает советы по правовым вопросам, составляет процессуальные документы, участвует в судебных прениях на суде. В этой связи он не замещает на суде своего доверителя, а является лишь его советником.

В противовес этому, «судебное представительство есть такая замена в процессе тяжущегося другим лицом, при которой все последствия судебной деятельности представителя падают непосредственно на тяжущегося»². Судебный представитель избавляет своего доверителя от необходимости личной явки в суд, которая часто бывает невозможной в силу разных обстоятельств.

Таким образом, правозаступник только помогает тяжущемуся. Судебный представитель, напротив, заменяет личность тяжущегося, отождествляется с нею и с ее интересами. Первый – только патрон и покровитель стороны, а второй – ее процессуальный двойник³.

По мнению Е.В. Васьковского, достоинство этих видов деятельности не одинаково. Так, продолжая придерживаться того же противопоставления и в «польский» период своего научного творчества, он в своей статье 1937 года «Адвокатура при Верховном суде» пишет: «Отношение адвокатов к судебным представителям примерно такое же, как врачей к фельдшерам и медсестрам, или архитекторов к техникам. Адвокаты, будучи свободными от «черной», ремесленной практики, связанной с ведением дел, имеют дело только с их юридической стороной, оставаясь в сфере чистого права...»⁴.

Поначалу может показаться, что для Е.В. Васьковского критерий разграничения между правозаступничеством и представительством является отраслевым: защита по уголовным делам и есть правозаступничество, а представление в суде по гражданским делам относится к представительству и к собственно адвокату не имеет отношения. Однако внимательное прочтение работ Е.В. Васьковского позволяет сделать вывод, что такое разграничение не связано с видом судопроизводства либо отраслевым делением права.

Так, в своей работе «Организация адвокатуры» он пишет, что обязанности адвокатов состоят в подаче юридических советов и устной защи-

те по уголовным и спорным гражданским делам, а в обязанности поверенных входит представление по гражданским делам (в бесспорных – самостоятельно, а в спорных – с участием адвокатов), а также ведение тех маловажных уголовных дел, в которых не требуется личная явка обвиняемого⁵.

Позже, в своей статье 1937 года «Qui vadis, адвокатура?», ученый, доказывая, что после Судебной реформы 1864 года российская адвокатура была переполнена в столицах и некоторых крупных городах Российской Империи, пишет: «Об этом свидетельствует тот факт, что в более крупных центрах многие адвокаты почти или полностью не появлялись в судах в уголовных делах и спорных гражданских, а занималось ведением дел неспорных, конкурсных, исполнительных, по иском открытых наследств и наследников, посредничеством при продаже недвижимости и тому подобными посредническими делами, не имеющими ничего общего с задачами адвокатуры»⁶.

Таким образом, и в «польский» период творчества Е.В. Васьковского мы видим ту же логику разграничения им двух видов деятельности.

Итак, если разграничение между адвокатурой и судебным представительством проходит не по отраслевому принципу, то каковы же действительные критерии такого разграничения по Е.В. Васьковскому? Что значит, оставаться в сфере «чистого права»?

Представляется, что в работах ученого-юриста можно выделить четыре ключевых критерия для такого разграничения, которые позволяли ему рассматривать их как различные институты, требующих разных принципов организации и неодинакового законодательного регулирования.

Во-первых, различие между адвокатом и судебным представителем заключается в том, что адвокат действует в интересах общества, тогда как судебный представитель преследует частный интерес. По уголовным делам такой интерес общества заключается в защите обвиняемых от нарушения его прав со стороны государства⁷, а по спорным гражданским делам – в том, чтобы в частном споре судебную защиту получила именно правая сторона, поскольку тем самым осуществляется легальная борьба права против неправа (здесь Е.В. Васьковский опирается на идеи Р. Иеринга)⁸. В этой связи участие адвоката в гражданском деле уместно там, где дело сомнительно (неоднозначно) юридически, но нравственно обоснованно⁹.

Во-вторых, из разности преследуемого интереса вытекает то, что адвокат является неотъемлемым фактором правосудия, равным суду и проку-

¹ Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 1. Очерк всеобщей истории адвокатуры. Спб.: Типография Сойкина П.П., 1893. – С. 5.

² Там же – С. 4.

³ Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 2. Исследование принципов организации адвокатуры. Спб.: Типография Стасюлевича М.М., 1893. – С. 24.

⁴ E. Waśkowski. Adwokatura przy Sądzie Najwyższym // Gazeta Sądowa Warszawska. – 1937. – № 21. – S. 301 (здесь и далее цитаты приводятся в переводе автора).

⁵ Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 2. Исследование принципов организации адвокатуры... С. 162.

⁶ E. Waśkowski. Qui vadis, palestro? // Gazeta Sądowa Warszawska. – 1937. – № 27–28. – S. 402–403.

⁷ См.: Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 2. Исследование принципов организации адвокатуры... С. 6–7.

⁸ См. там же. С. 7–9.

⁹ Васьковский Е.В. Основные вопросы адвокатской этики. Спб.: Типография М.Микрушева (бывш. Н. Левидкева), 1895. – С. 18.

рору. Однако если прокурор действует в интересах государства, то адвокат действует в интересах общества, является его уполномоченным. В свою очередь, судебный представитель является уполномоченным лицом своего клиента. Иными словами, институт адвокатуры является институтом публичного, а не частного права¹.

В-третьих, различная правовая природа института адвокатуры и судебного представительства предопределяет различия в правовой природе взаимоотношений адвоката и судебного представителя с клиентом. Отношения между адвокатом и его клиентом публично-правовые, в связи с чем «частно правовое начало свободного соглашения так же неприменимо к ним, как и к отношениям между прокурором и потерпевшим»². В отличие от этого, судебный представитель связан с клиентом «договором доверенности или поручения (мандата)»³.

В-четвертых, изначально неодинаковое назначение адвоката и судебного представителя означает, что к профессиональным качествам адвоката и представителя предъявляются разные требования. Адвокат – советник в области права, а потому он является специалистом, имеющим юридическое образование; адвокатская деятельность – это результат разделения труда и специализации знаний⁴. В свою очередь, представительство, вызванное к жизни необходимостью освободить участника процесса от личной явки в суд, не требует специальных познаний, а потому «не имеет ничего общего с наукой права»⁵.

Если сопоставить первые названные два критерия разграничения с двумя основополагающими принципами адвокатской этики, которые выделял Е.В. Васьковский в своей работе «Основные вопросы адвокатской этики», то можно увидеть прямую связь между ними. К таким двум главным принципам этики адвоката ученый-юрист относил: (1) преследование адвокатом в своей деятельности общественного интереса и (2) принцип, согласно которому адвокат, будучи фактором правосудия, должен вести себя с достоинством, присущим прокурору и судье⁶.

Несмотря на четкое разделение или даже принципиальное и последовательное противопоставление двух видов деятельности, Е.В. Васьковский, тем не менее, допускает широкое понимание термина «адвокатура», который объединяет в себе правозаступничество и судебное представительство⁷.

Полагаем, что включение Е.В. Васьковским судебного представительства в понятие адвокатуры в широком смысле этого слова было вызвано тем, что в современной ему Европе лишь только в части стран сложилась дуалистическая модель системы оказания юридической помощи с ее разделением юристов на две категории с неодинаковым статусом (по терминологии Е.В. Васьковского, англо-французская модель). Иная модель, именуемая им австро-германской, отождествляющая адвоката и судебного представителя, сложилась в большинстве государств, что Е.В. Васьковский констатирует и в труде 1932 года «Учебник гражданского процесса»⁸, и в работе 1934 года «Задачи адвокатуры и принципы адвокатской этики»⁹.

С этой реальностью ученому приходилось считаться, в связи с чем исключить институт судебного представительства из сферы своего научного исследования он не мог, хотя свои симпатии он всегда отдавал именно англо-французской модели. Так, в своей статье «Что делать с адвокатурой?» он писал, что «Если же свобода профессии при англо-французской системе не грозит деморализацией, отсюда следует, что эта система лучше и что следовало бы её принять [в Польше]»¹⁰.

Как известно, последующий исторический опыт второй половины XX века показал, что страны, в которых сложилась дуалистическая модель юридической помощи, принимали законы, направленные на сближение двух профессий. И сам же Е.В. Васьковский констатировал, что «новейшие законодательства обнаруживают тенденцию к слиянию этих двух учреждений»¹¹, однако такое совмещение в Российской Империи «повредило достоинству профессии»¹², поэтому он продолжал отстаивать идею отделения адвокатской профессии от судебного представительства. Уже будучи в Польше, Е.В. Васьковский, понимая, что внедрить на польскую почву французскую модель будет очень сложно, предлагал выделить особый класс адвокатов, практикующих исключительно при Верховном суде республики. Тем самым, по представлениям ученого-юриста, была бы создана элита юридической профессии, которая занималась бы «чистой» юриспруденцией.

Как выделенные выше сущностные характеристики адвокатской деятельности, на которых настаивал ученый, рассматриваются современной наукой?

Выше было показано, что Е.В. Васьковский настаивал на преследовании адвокатом общественного интереса, который разделен с частным инте-

¹ Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 2. Исследование принципов организации адвокатуры... С. 10, 25.

² Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 2. Исследование принципов организации адвокатуры... С. 142.

³ Там же. С. 144.

⁴ Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 1. Очерк всеобщей истории адвокатуры... С. 15.

⁵ Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 2. Исследование принципов организации адвокатуры... С. 50.

⁶ См.: Васьковский Е.В. Основные вопросы адвокатской этики. СПб.: Типография М. Меркушева, 1895. – С. 2.

⁷ См.: Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 2. Исследование принципов организации адвокатуры... С. 1.

⁸ E. Waśkowski. Podręcznik procesu cywilnego. Wilno.: Drukarnia "ZORZA", 1932. – S. 71.

⁹ E. Waśkowski. Zadanie adwokatury i zasady etyki adwokackiej. Warszawa.: Drukarnia Roineza., 1934. – S.4. См. данную работу в переводе: Е.В. Васьковский. Избранные работы польского периода... С. 529–561.

¹⁰ E. Waśkowski. С począz z adwokaturą? // Gazeta Sądowa Warszawska. – 1937. – № 31–32 – S. 439.

¹¹ Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 1. Очерк всеобщей истории адвокатуры... С. 8.

¹² Там же. С. 336.

ресом, по утверждению автора, огромной пропастью¹. Но вряд ли можно признать, что такое видение роли адвоката по отношению к своему клиенту стало актуальным для наших дней. При том, что в Кодексе профессиональной этики адвоката закреплено правило о том, что закон и нравственность выше воли доверителя, одним из ключевых не только этических², но и законодательных³ требований является запрет для адвоката занимать позицию вопреки воле доверителя. Таким образом, адвокат в настоящее время рассматривается, скорее, не как патрон для своего доверителя (на чем настаивал Е.В. Васьковский), а как его помощник. Данное понимание в настоящее время представляется доминирующим в доктрине⁴.

По представлениям же Е.В. Васьковского, если адвокату известно о виновности доверителя, но последний просит адвоката говорить о своей невиновности в условиях недостаточности улик, то такое поведение адвоката будет неэтичным и он обязан отказаться от ведения такого дела, поскольку это противоречит интересам общества, уполномоченным которого является адвокат⁵.

Не прошли проверку временем и взгляды Е.В. Васьковского на природу правоотношений между адвокатом и его доверителем, которые в настоящее время рассматриваются как частно правовые, поскольку они основаны на гражданско-правовом договоре (соглашении), в котором подлежат согласованию все существенные условия. Исключением из этого правила в настоящее время является защита по назначению органов предварительного расследования или суда с определением размера вознаграждения по заранее определенным органом власти расценкам.

Вместе с тем, идея адвокатуры как равного суду и прокурору фактора правосудия и института публичного права воспринята в юридической науке и вопросы практической реализации такого понимания статуса адвокатуры сохраняют свою актуальность и по сей день. Равным образом не вызывает сейчас ни у кого сомнения отстаивавшееся Е.В. Васьковским представление о том, что к адвокату должны предъявляться специальные квалификационные требования, поскольку адвокатура представляет собой сообщество профессиональных советников, владеющих познаниями в области права.

Таким образом, Е.В. Васьковский являлся последовательным сторонником отделения института адвокатуры от судебного представительства,

¹ Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 2. Исследование принципов организации адвокатуры... С. 12.

² Ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003).

³ Ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

⁴ См. об этом, например: Ревина И.В. К вопросу о внутреннем убеждении адвоката при оказании юридической помощи по уголовным делам // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 1. – С. 5–8.

⁵ См. Васьковский Е.В. Основные вопросы адвокатской этики... С. 4–5.

в том числе в «польский» период его научного творчества. Тем самым он настаивал на исключительно публично-правовой природе адвокатской деятельности, отрицая в ней частно правовые начала. В частности, он считал недопустимым преследование адвокатом частного интереса своего доверителя и осуществление адвокатской деятельности на основании гражданско-правового соглашения. Не все идеи Е.В. Васьковского прошли проверку временем, однако заслуга Е.В. Васьковского состоит в раскрытии им публично-правовой составляющей института адвокатуры. Его взгляд на адвоката как на неотъемлемый фактор правосудия, равный суду и прокурору, сохраняет свою актуальность и до настоящего времени.

Литература

1. Васьковский Е.В. Избранные работы польского периода. М.: Статус, 2016. – 640 с.
2. Васьковский Е.В. Основные вопросы адвокатской этики. СПб.: Типография М.Микрушева (бывш. Н. Левидкева), 1895. – 46 с.
3. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 1. Очерк всеобщей истории адвокатуры. СПб.: Типография Сойкина П.П., 1893. – 396 с.
4. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 2. Исследование принципов организации адвокатуры. СПб.: Типография Стасюлевича М.М., 1893. – 213 с.
5. Кодекса профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ, № 3, 2003.
6. Ревина И.В. К вопросу о внутреннем убеждении адвоката при оказании юридической помощи по уголовным делам // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 1. – С. 5–8.
7. Фойницкий И.Я. Защита в уголовном процессе как служение общественное. СПб.: Типография А.М. Вольца, 1885. – 64 с.
8. E. Waśkowski. Adwokata przy Sądzie Najwyższym // Gazeta Sądowa Warszawska. – 1937. – № 21. – S. 301–304.
9. E. Waśkowski. C począć z adwokaturą? // Gazeta Sądowa Warszawska. – 1937. – № 31–32 – S. 439–442.
10. E. Waśkowski. Zadanie adwokatury i zasady etyki adwokatskiej. Warszawa: Drukarnia Roin-eza, 1934. – 34 s.
11. Waśkowski. Podręcznik procesu cywilnego. Wilno: Drukarnia “ZORZA”, 1932. – 301 s.
12. E. Waśkowski. Qui vadis, palestro? // Gazeta Sądowa Warszawska. – 1937. – № 27–28. – S. 400–404.
13. Redzik A. Poczet jurystów i ekonomistów: Eugeniusz Waśkowski // Głos Prawa. – 2021. – NR 1(7). – S. 271–293.

E. VASKOVSKY'S VIEWS ON THE ESSENCE OF THE BAR

Sosnin S.A.
Griboyedov Moscow University

The article is devoted to the views of legal scholar E.V. Vaskovsky on the essence of the bar and its correlation with other types of activities, primarily with judicial representation. The author of the article has made an attempt to identify the criteria of differentiation that can be indicated in the scientific works of E.V. Vaskovsky in his analysis of the correspondence of the bar and judicial representation. The author notes that not all of E.V. Vaskovsky's ideas have passed the test of time, however, the scientist's views on the bar as an integral factor of justice remain relevant to the present. The article is written both on the basis of the Russian-language works of E.V. Vaskovsky and on the basis of the Polish-language works of the scientist, which have not yet been translated into Russian. The study of E.V. Vaskovsky's views will contribute to the formation of a scientific base that can be used to further improve the modern institute of advocacy.

Keywords: advocacy, advocacy, E.V. Vaskovsky, legal advocacy, representation, lawyer ethics.

References

1. Vaskovsky E. Selected works of the Polish period. M.: Status, 2016. – 640 c.
2. Vaskovsky E. The main issues of lawyer ethics. St. Petersburg: Printing house of M. Mikrushev (former N. Levidkeva), 1895. – 46 c.
3. Vaskovsky E. Organization of the bar. Part 1. An essay on the universal history of the bar. St. Petersburg: Printing house of Soikin P.P., 1893. – 396 c.
4. Vaskovsky E. Organization of the bar. Part 2. Research of the principles of the organization of the bar. St. Petersburg: Stasyulevich M.M. Printing house, 1893. – 213 c.
5. The Code of Professional Ethics of a lawyer (adopted by the I All-Russian Congress of Lawyers on 01/31/2003) // Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, N 3, 2003.
6. Revina I. About the issue of the inner conviction of a lawyer in providing legal assistance in criminal cases // Criminal proceedings. – 2011. – N 1. – C. 5–8.
7. Foinitsky I. Ya. Defense in criminal proceedings as a public service. St. Petersburg: Tpo-Lithography A.M. Volts, 1885. – 64 p.
8. E. Waskowski. Advocate at the Supreme Court // Warsaw Judicial Newspaper. – 1937. – № 21. – S. 301–304.
9. E. Waskowski. What we should do with the bar? // Warsaw Judicial Newspaper. – 1937. – № 31–32 – S. 439–442.
10. E. Waskowski. The role of the lawyer and the principles of lawyer ethics. Warsaw.: Roinez Printing House., 1934. – 34 s.
11. E. Waskowski. Manual of Civil Procedure. Vilnius. Printing house "ZORZA", 1932. – 301 s.
12. E. Waskowski. Qui vadis, the bar? // Warsaw Judicial Newspaper. – 1937. – № 27–28. – S. 400–404.
13. Redzik A. A host of Jurists and economists: Evgeny Vaskovsky // The Voice of law. – 2021. – NR 1(7). – S. 271–293.

Реализация педагогического потенциала дисциплины «Латинский язык» в системе подготовки специалистов для судебной системы

Субботин Юрий Викторович,

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Северо-Западного филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Санкт-Петербург),
СЗФ ФГБОУВО «РГУП»
E-mail: theopol@yandex.ru

Статья посвящена раскрытию широкого спектра мотивов, которые должны побудить современных студентов, обучающихся на разных направлениях юридических факультетов высших учебных заведений и учреждений среднего специального образования, изучать латинский язык во многих его аспектах. Особенно автор статьи выделяет актуальность изучения лексикологических аспектов латинского языка вследствие интенсивного характера процесса формирования новых понятийно-терминологических образований в современном российском и международном праве. В современной условиях юристы не могут не обращаться к вопросам, связанным с юридической терминологией, особенно применительно к легальным дефинициям. В статье рассматриваются проблемы, возникающие в процессе преподавания латинского языка, делается попытка поделиться опытом их разрешения в ходе общения преподавателя со студентами. Данная статья лишь очерчивает существующие проблемные поля и является, как надеется автор статьи, началом будущего, основательного, комплексного исследования.

Ключевые слова: латинский язык, юридическая терминология, юридическое образование, судебная система, специалист, бакалавриат

Все учебники и учебные пособия по латинскому языку начинаются с подробного объяснения важности изучения латинского языка будущими юристами, филологами, врачами, биологами, теологами, историками. Но за исключением лишь юристов необходимость изучения латинского языка представителями данных специальностей не вызывает сомнения. Так у медиков, для которых изучение является повсеместным и общеобязательным, поскольку, во-первых, терминология в курсе «анатомия» построена на основе латинских и древнегреческих корней и основ, например, латинское *gelu, us n* – «мороз, лед» дало «гель, желе, желатин (через французский)» а греческое *νεφρός* «почка» – нефрит, нефролог; во-вторых, международные названия лекарственных препаратов и действующих веществ пишутся на латинском языке, например, *herba Thymi vulgaris* – «трава тимьяна обыкновенного», в-третьих, при образовании названий болезней и врачебных специальностей также используются латинские и древнегреческие термины-элементы, например, латинская основа *pes, pedis m* «нога» дала «педикюр, педикулез а греческая *πούς, ποδός* «нога» – «подолог, подагра», наконец, до сих пор существует традиция составления рецептов и диагнозов с использованием латинского языка, например, *recipe: Solutionis Hydrogenii peroxidati dilutae 50,0. Da. Signa.* – «Возьми: Разведенного раствора перекиси водорода 50,0. Выдай. Обозначь.» [4, с.209]. По сути, латинский язык является международным языком врачей, тем предметом, который лежит в основе становления врача как профессионала в области медицины. Если суммировать все термины из анатомической, клинической и фармацевтической терминологии, то получается, что врачу необходимо держать в памяти огромное количество медицинских терминов, что в принципе невозможно. «Между тем, в отличие от остальных слов языка, термины создаются искусственно по определенным правилам из определенных элементов. Если освоить эти правила и знать эти элементы, можно научиться понимать даже новые термины». [6, с.3] Отсюда следует, что единственно правильный путь в освоении медицинской терминологии состоит в запоминании базовых элементов и правил образования терминов из этих элементов, а не в «зубрежке» готовых терминов. Это определяет специфику преподавания латинского языка как учебного предмета на медицинских факультетах.

Такая же ситуация наблюдается у биологов, поскольку образование биологических терминов, что в ботанике, что в зоологии, что в бактериоло-

гии, что в вирусологии, как и, впрочем, и во всех остальных разделах биологии аналогично образованию терминов в медицине.

Также не вызывает сомнения преподавание латинского языка на некоторых направлениях в филологии. Очевидно, что у студентов, обучающихся на романском отделении филологических факультетов не может не быть учебного курса «латинский язык», поскольку общеизвестно, что романские языки произошли от латинского языка. Он является их, можно так сказать, их «родным родителем». Поэтому полное овладение ни одним из языков романской группы невозможно без латинского языка. Он является начальной точкой в изучении данной группы языков и позволяет изучать и процесс их формирования. Так, латинские слова *persona* «лицо» стало во французском языке *personage* «персонаж, театральная роль», а латинский глагол *dirigere* «управлять» превратилось в *diriger* «дирижировать оркестром» [5, с.244–245]

Также не вызывает сомнения важность латыни для филологов-германистов и славистов. Это обусловлено как принадлежностью к одной и той же индоевропейской языковой семье, то есть общностью происхождения, так и тем огромным влиянием, которое оказало на германцев римская империя в ходе их длительного соприкосновения друг с другом, в особенности в языковой сфере. Даже немецкое название города Кёльн восходит к латинскому слову *colonia* – «поселение».[7, р.132]

Оправдано включение латинского языка в учебные планы на исторических и философских факультетах. В особенности студентами историками и философами, связанными профессиональными интересами с античностью и средневековьем. Латинский язык прочно укоренился в словах: анналы, апробировать, аргумент, аспект, артикул, аспирант, аттестация, ассоциация, атавизм, атрибут, аудиенция – и это только небольшая часть слов на букву А.

Другая ситуация сложилась в юридическом образовании. Если в дореволюционной юриспруденции знание латинского языка было «краеугольным камнем» в образовании юриста, то в советское время латинский язык исчезает из числа предметов, преподаваемых студентам юридических факультетов университетов и институтов. Фактически латинский язык возвращается к юристам как учебная дисциплина только лишь после 1991 года и на данный момент латинский язык, в отличие от философии и истории, которые являются обязательными предметами во всех юридических факультетах, относится к вариативным, гуманитарным, общеобразовательным дисциплинам. Поэтому латинский язык до сих пор есть не во всех учебных планах подготовки юристов на юридических факультетах. Примечателен следующий факт: на юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета латинский язык появился только в начале двухтысячных в качестве спецкурса по выбору и назывался «Латинская юридическая терминология в социально-культурном контексте».

Его востребованность показала целесообразным ввести уже именно дисциплину «латинский язык» для студентов первого курса юридического факультета СПбГУ как общеобязательный предмет.

Если студент, пришедший учиться на юридический факультет, как правило, не сомневается в необходимости изучения им, например, теории государства и права, гражданского или уголовного права, то изучение латинского языка очень часто встречает сопротивление с его стороны. Хотя по личному опыту автора статьи встречаются и такие отдельные студенты, которые оспаривают даже эти дисциплины. Аргументация их позиции примерно следующая: у нас гражданско-правовая специализация, а нас заставляют учить «уголовку», но мы не будем работать по уголовному профилю и, соответственно, наоборот у представителей уголовно-правовой специализации. Но это, тем не менее, единичные случаи, в основной своей массе студенты понимают значимость дисциплин, составляющих основу их будущей профессии.

Тогда как с латынью все обстоит намного сложнее, можно даже сказать, что у очень многих людей, а у будущих юристов в особенности существует некоторое предубеждение против латинского языка, сомнение в его праве на существование в стенах юридических факультетов. Особенно явно это проявляется на первом занятии. Во-первых, как правило, на вопрос преподавателя: «Вы приступаете к изучению латинского языка, что вы знаете о латинском языке?», дается следующий ответ: «Латынь – это мертвый язык». В большинстве студенческих групп знания о латинском языке на этом, к большому сожалению, и заканчиваются. Конечно, иногда попадают студенты, у которых была латынь в школе и некоторые из них показывают основательные знания в области латинского языка, но, к сожалению, это очень редкое явление. Неплохие познания о латинском языке, как правило, показывают студенты, которые окончили школы с углубленным изучением иностранных языков. В этой ситуации вспоминается дореволюционный анекдот о гимназисте, которого спросили, почему он никак не может сдать латинский язык. На что он отвечает: «Латынь – мертвый язык, но учителя латыни живы». Во-вторых, с самого начала знакомства с латинским языком у студентов, можно так сказать, « витают в воздухе » вопросы – зачем латинский язык юристам знать в наше время, как латинский язык поможет юристам именно в их профессиональной деятельности, способствует их карьерному росту. Были случаи, когда это предубеждение высказывалось в словесной форме, например: «Мы же не будем по-латински в суде выступать» или же «Мы же не будем по-латински приговоры выносить». Ситуация немыслимая для большинства учебных дисциплин за исключением, может быть, некогда преподаваемого, а сейчас исчезнувшего из учебных планов предмета «концепции современного естествознания».

Поэтому преподавание латинского языка нельзя начинать непосредственно с латинского языка:

его фонетики, алфавита. Большую часть первого занятия всегда необходимо посвящать опровержению данных предрассудков против латинского языка, рассказывать не только о латинском языке, но и об античной культуре, показать вклад, сделанный греками и римлянами в развитие человеческой цивилизации и важность знания латинского языка для каждого образованного человека, поскольку он притязает на столь высокое призвание «быть образованным, интеллигентным человеком». После этого преподавателю необходимо рассказать студентам о том, как используется латинский язык в работе современными юристами и какое влияние оказала латынь непосредственно и опосредованно через рецепцию римского права в истории на формирование современных правовых систем.

Эта проблема является общей для всех общеобразовательных дисциплин, которые преподаются студентам юридических факультетов. За исключением, может быть, только истории, поскольку предполагается, что историю должны знать все независимо от их специальности, уровня образования и интеллекта.

В современных условиях юристы не могут не обращаться к вопросам, связанным с юридической терминологией, особенно применительно к легальным дефинициям. [2, с. 56]

Изучения самых разных языков, необходимых современному отечественному юристу для понимания достижений юриспруденции, является одним из самых важных: ведь, например, латинский язык всегда был опорой гуманитарного образования. Поэтому юридическая лексика наполнена как словами, заимствованными из латинского языка, так и созданными в русской юриспруденции искусственно при помощи основ иностранных слов, приспособленных из латинского языка к нуждам национальных правовых систем.

Поскольку содержание права отражает жизнь в конкретных словах, в которых зафиксированы правовые нормы, то анализ языковой текстуры юридических терминов, без сомнения, связан с нашим профессиональным правосознанием.

Правоведы с древнейших времен интересовались значениями юридических терминов и определений. Попытки раскрыть этимологии слов, постоянно встречающихся в юридических трудах, известны нам еще из произведений античных юристов. Так, в Дигестах давалась объяснение слова «консул» и «трибун»: «Затем после изгнания царей была учреждена должность двух консулов... Названы они были так потому, что весьма заботились о государстве... Плебеи... находясь на Священной горе, избрали себе плебейских должностных лиц. Последние были названы трибунами, потому что некогда народ был поделен на три (tres, tria) части, в каждой из которых избирался один трибун, либо потому, что избрание (всех) происходило по трибам.» [3, с. 76–77]

Современное отношение терминов права к структурным элементам национальной правовой системы, можно охарактеризовать как «словесное

обозначение государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства».[1, с.782]

Науку права может познать только тот юрист, который наряду с хорошей языковой подготовкой, обладает широким культурным кругозором. Будучи студентами, в вузах будущие юристы получают в процессе обучения необходимую им языковую подготовку, в том числе и по латинскому языку.

Известно, что современным знатокам права необходимо не только знание латинских терминов, но и умение переводить, понимать, комментировать тексты, а, следовательно, знание всего объема грамматики – чтения (так как мы имеем дело лишь с терминологической латынью, то вопрос об установлении подлинного латинского произношения не стоит, а мы только соблюдаем установленные во всем мире правила чтения латинских слов), морфологии, синтаксиса, словообразования, поскольку без знания грамматики не может обойтись ни один юрист.

Латынь и поныне служат базисом для создания новых научных терминов, которые понятны любому образованному человеку как межнациональные слова, например, юриспруденция, юстиция, прокурор, адвокат, цивилистика, корпорация, арбитр, федерация, конституция, статут, муниципалитет, президент, министр, криминальный, администрация, институт, университет, аргумент, алиби, презумпция, номинация, фамилия, фикция, монумент, традиция, деликт, декрет, делегация, реализм, кодекс, легальный и многие, многие другие.

Следовательно, точно и корректно используя все богатство латинского языка, нынешние и будущие юристы смогут яснее понять сущность права.

Языковые моменты показывают необходимость более тщательного изучения латинского языка, усиления преподавания общеобразовательных гуманитарных дисциплин, повышения требований к уровню культуры, необходимой студентам юридических вузов, что в лучшую сторону отразится и на специальном юридическом образовании.

Литература

1. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. – М., 1998. 895 с.
2. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – М., 2007.
3. Дигесты / История Древнего Рима. Тексты и документы. Ч. 1. Общество. Государство. Религия. – М.: Высшая школа, 2004. 430 с.
4. Латинский язык и основы терминологии / Под ред. Ю.Ф. Шульца. – М.: Медицина, 1982. 336 с.
5. Ольгович С.И. Этимология и орфография. – Томск: Пеленг, 1996. 264 с.
6. Петрова Г.В., Ермичева В.И. Латинская терминология в медицине: справ.-учеб. пособие для медиков и фармацевтов., М.: Астрель: АСТ, 2005.- 157с

7. Ernout A., Meillet A. Dictionnaire etymologique de la langue latine. – Paris: Klincksick, 2001. 835 p.

REALIZATION OF THE PEDAGOGICAL POTENTIAL OF THE DISCIPLINE “LATIN LANGUAGE” IN THE SYSTEM OF TRAINING SPECIALISTS FOR THE JUDICIAL SYSTEM

Subbotin Yu.V.

North-Western Branch of the FSBEHE “Russian State University of Justice”

The article is devoted to the disclosure of a wide range of motives that should encourage modern students studying in different areas of law faculties of higher educational institutions and institutions of secondary specialized education to study the Latin language in its many aspects. The author of the article especially emphasizes the relevance of studying the lexicological aspects of the Latin language due to the intensive nature of the process of forming new conceptual and terminological entities in modern Russian and international law. In modern conditions, lawyers cannot help but address issues related to legal terminology, especially with regard to legal definitions. The article examines the problems that arise in the process of teaching the Latin language, an attempt is made to share the experi-

ence of resolving them in the course of communication between the teacher and students. This article only outlines the existing problem areas and is, as the author of the article hopes, the beginning of a future, thorough, comprehensive study.

Keywords: latin language, legal terminology, legal education, judicial system, specialist, bachelor's degree.

References

1. Large legal dictionary / Ed. A. Ya. Sukhareva. – M., 1998. 895 p.
2. Gubaeva T.V. Language and law. The art of speaking in professional legal practice. – M., 2007.
3. Digests / History of Ancient Rome. Texts and documents. Part 1. Society. State. Religion. – M.: Higher School, 2004. 430 p.
4. Latin language and basic terminology / Ed. Yu.F. Schultz. – M.: Medicine, 1982. 336 p.
5. Olgovich S.I. Etymology and spelling. – Tomsk: Peleng, 1996. 264 p.
6. Petrova G.V., Ermicheva V.I. Latin terminology in medicine: a reference and study guide for physicians and pharmacists., Moscow: Astrel: AST, 2005.- 157 p.
7. Ernout A., Meillet A. Dictionnaire etymologique de la langue latine. – Paris: Klincksick, 2001. 835 p.

О некоторых технологиях выявления имманентных пределов права человека на информацию

Шушпанов Константин Сергеевич,

адвокат Коллегии адвокатов Енисейской Сибири
(Красноярский край)

E-mail: shushpanov_konst@inbox.ru

В статье демонстрируется применение к праву человека на информацию механизма выявления имманентных пределов прав человека, состоящего из отдельных технологий профессиональной юридической деятельности, таких как предпосылочный анализ, телеологический анализ, ресурсный анализ, правореализационное моделирование.

Ключевые слова: право на информацию, пределы прав человека, выявление имманентных пределов прав человека.

Целью профессиональной деятельности юриста при работе с такими правовыми средствами-установлениями¹ как права человека, является нахождение их пределов. Процесс такого поиска включает три стадии: определение внутренних (имманентных) пределов права, т.е. выявление его предельного объема и содержания, формулирование права (обычно на конституционном уровне); определение внешних границ (ограничений) права, связанных с необходимостью охраны иных прав и законных интересов; определение пределов осуществления права на уровнях правоприменения и непосредственной реализации, на которой властные субъекты, а также индивиды и организации уже самостоятельно определяют пределы правомочий субъектов, с учетом своих законных интересов, социально-политической ситуации и сложившейся юридической практики.

Под имманентными пределами автор понимает форму границ прав человека, имеющую онтологическую природу и объективный характер. Природа имманентных пределов права преследует внутреннюю цель – само существование права в максимальном объеме свободы и возможность его осуществления².

В контексте материалистической теории права³ имманентные пределы права человека на информацию являются выражением объективного права, представляющего собой совокупность всеобщих правовых принципов (равенства, свободы воли, взаимозависимости, эквивалентности, общеобязательности), которые через деятельность человека объективируются в нормах международного права, а также в конституционных нормах.

Интеллектуальная деятельность законодателя по выявлению имманентных пределов права заключается в нахождении и описании объективно существующих свойств юридических явлений. Такое выявление осуществляется с использованием специальных технологий профессиональной юридической деятельности.

В качестве отдельных таких технологий могут выступать технологии предпосылочного анализа, телеологического анализа, ресурсного анализа, правореализационного моделирования.

¹ Малько А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 2 (225). С. 8.

² Панченко В. Ю., Шушпанов К.С. Имманентные пределы прав человека как их объективные границы // Право и образование. 2014. № 11. С. 69.

³ См. Сырых В.М. Основы материалистической теории права. Москва: Юрлитинформ, 2022.

В настоящей статье автор продемонстрирует применение указанных технологий выявления имманентных пределов права на примере права человека на информацию.

Предпосылочный анализ

Согласно исследованиям британской правозащитной организации «Article 19», по состоянию на 2021 год в 124 странах действуют законы, а в 8 странах действуют подзаконные нормативные акты, предоставляющие отдельным лицам общее право на доступ к информации, хранящейся в государственных органах, и налагающие на государственные органы обязанность предоставлять эту информацию и активно раскрывать ключевые типы информации¹.

Базовой предпосылкой для широкого признания рассматриваемого права разными странами является, с практической точки зрения, описанное во введении к настоящей статье всеобъемлющее влияние доступа к информации на огромный круг благ: экономические, политические, социальные, на защиту общественной и частной безопасности и другие блага.

Более абстрактной предпосылкой является тезис о том, что государственный аппарат обязан служить обществу, и в этой связи осуществляет хранение информации и регулирование доступа к ней не для себя, а скорее от имени общественности.

Именно по данным основаниям право на свободу информации признано как имеющее фундаментальную правовую природу и большинством международных организаций, в том числе Организацией Объединенных Наций, Советом Европы, Африканским Союзом.

Право на доступ к информации признается статьей 19 Всеобщей декларации прав человека и статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. В обоих случаях оно описано как свобода искать, получать и распространять любую информацию, и рассматривается как элемент права на свободное выражение человеком своего мнения и убеждений.

Комитет ООН по правам человека в Замечании общего порядка 34, принятом в 2011 году, описал объем и пределы права на информацию, указав, что статья 19 Международного пакта о гражданских и политических правах гарантирует право на доступ к информации, находящейся в распоряжении государственных органов. Он требует, чтобы государства активно распространяли информацию в общественных интересах и обеспечивали, чтобы доступ был «простым, быстрым, эффективным и практичным». В комментарии также говорится, что страны должны принять «необходимые процедуры», такие как законодательство, для

¹ International standards: Right to information [Электронный ресурс] // Article 19. URL: <https://www.article19.org/resources/international-standards-right-information> (дата обращения: 27.01.2024).

реализации права на информацию. Комментарий далее предусматривает, что плата за доступ должна быть ограничена, ответы на запросы должны быть своевременными, власти должны предоставлять объяснения по поводу сокрытия информации, а государствам необходимо создать соответствующие механизмы обжалования незаконных действий по ограничению доступа к информации².

В своей Совместной декларации от 06 декабря 2004 года три специальных докладчика-представителя Организации Объединенных Наций, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и Организации Американских Государств по свободе выражения мнения установили общие принципы и конкретные рекомендации государствам по вопросам доступа к информации³, в том числе о критериях прозрачности взаимодействия заинтересованных сторон, о недопустимости ограничения критики политических, идеологических или религиозных объединений, о поощрении предпринимательских Интернет-инициатив, о недопустимости огульных запретов на шифрование и анонимность и т.д.

Право на информацию также признано в международном праве, касающемся социальных и экономических прав. В соответствии с международными конвенциями и соглашениями право на информацию считается правом, позволяющим людям лучше реализовывать другие права и более эффективно участвовать в общественных дискуссиях по вопросам политики и деятельности правительства. ООН также признала право на информацию важным фактором в обеспечении права на воду, права на здоровье и права на образование. Право на информацию также особо защищено в Конвенции о правах ребенка и Конвенции о правах инвалидов.

Существуют также другие важные международные договоры, которые требуют публичного доступа к информации. Статья 10 Конвенции ООН против коррупции требует от государств «принимать такие меры, которые могут быть необходимы для повышения прозрачности в государственном управлении», включая принятие процедур или правил, позволяющих представителям общественности получать, где это необходимо, информацию об организации, функционировании и процессах принятия решений ее государственного управления и, с должным учетом защиты конфиденциальности и персональных данных, о решениях и правовых актах, которые касаются представителей общественности.

Не меньше внимания уделено праву на информацию и такими международными организациями

² Замечание общего порядка № 34, ССРР/С/ГС/34, 12 сентября 2011 г. [Электронный ресурс] // Университет Миннесоты. Библиотека по Правам человека. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom34.html> (дата обращения: 27.01.2024).

³ Совместная декларация о свободе выражения мнения и противодействии насильственному экстремизму [Электронный ресурс] // Organization for Security and Co-operation in Europe. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/f/239991.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).

как Совет Европы, Африканский Союз, Организация Американских государств, однако в рамках настоящей статьи автор не будет подробно на них останавливаться.

Таким образом, предпосылкой права человека на информацию является объективная потребность людей в политических, экономических, социальных благах, для удовлетворения которых в условиях информационного общества требуется обладание большим объемом сведений о разных областях деятельности государственного аппарата, а также возможность беспрепятственного обмена любой информацией между членами общества. С точки зрения объективного права предпосылкой права человека на информацию являются различные международно-правовые акты, в том или ином виде устанавливающие данное право и предъявляющие к государствам требования о принятии мер по его обеспечению.

Телеологический анализ

В рамках телеологического анализа, для выявления имманентных пределов права человека на информацию требуется уяснить, каких целей добиваются управомоченные субъекты, реализуя данное право, т.е. для чего именно оно существует и какие функции реализует само по себе.

Как было указано, в современном обществе информация является необходимым ресурсом для обретения большого количества благ разных видов. В связи с этим, цели субъектов права при его реализации также могут быть самыми разнообразными¹.

Являясь социальными существами, люди испытывают потребность по взаимодействию друг с другом, т.е. по обмену информацией, из чего следует *коммуникативная* функция права на информацию, в рамках которой предполагается свобода беспрепятственного обмена данными любыми способами, в том числе с использованием любых сервисов и технологий, социальных сетей, форумов и так далее. При этом, условие о внутренних границах права как о максимально возможном объеме правомочий субъекта, предполагает в данном контексте полное отсутствие цензуры, контроля над информационным обменом со стороны государства.

Полная, достоверная информация является необходимым условием для принятия решений в управлении любой областью общественных отношений, в т.ч. в политической, экономической, социальной, образовательной сферах. Таким образом реализуется *управленческая* функция права на информацию. На абсолютно любом уровне, независимо от сферы общественных отношений, будь то бизнес, образование или военный конфликт, ин-

формация может являться ключевым конкурентным преимуществом над соперниками.

На уровне государственного управления данная функция права на информацию предполагает доступ общественности к той информации, которой располагает государство, для реализации непосредственной демократии, т.е. участия общества в управленческих процессах. С практической точки зрения это выглядит как обязанность государства создавать механизмы раскрытия информации, относящейся к указанным отраслям.

На уровне общественных институтов управленческая функция права на информацию проявляется в контексте потребности таких институтов и их руководства в актуальных сведениях о происходящих экономических, социальных процессах, о современных технологиях организации таких процессов, для принятия правильных стратегических управленческих решений. Самым простым примером может послужить уже упомянутый во введении к настоящей статье бизнес как социальный институт, нуждающийся в постоянном притоке новых технологий, макроэкономических и статистических сведений. Непростой задачей государства в данной части является постоянный поиск баланса между созданием условий для раскрытия таких сведений во имя экономического процветания, с одной стороны, и необходимостью обеспечения государственной безопасности путем ограничения доступа к сведениям, которые могут быть использованы для подрыва общественной безопасности, – с другой.

На уровне отдельных индивидов управленческая функция права человека на информацию также находит свое проявление. Так, современному человеку необходимо учитывать массу факторов для планирования собственной жизни, с учетом данных об экологии, образовании, рынке труда, о происходящих событиях и т.д., позволяющих субъектам трезво оценивать перспективы принятия тех или иных жизненных решений. Корреспондирующей обязанностью государства в данной части также является раскрытие соответствующих областей информации.

В литературе также выделяют *товарную функцию* информации (и, соответственно, права человека на информацию), в качестве самостоятельной. Автор соглашается с таким подходом. В современном мире информация является неисчерпаемым экономическим ресурсом и товаром, участвующим в свободном обмене на другие блага. Данную функцию легко перепутать с коммуникативной, поскольку последняя также исходит из потребности в обмене информацией. Однако, когда участники экономического обмена рассматривают те или иные сведения не как средство коммуникации, а как средство товарных отношений, они рассматривают информацию как продукт труда, имеющий определенные потребительские свойства и меновую стоимость, что коренным образом отличает подход к объекту обмена от коммуникативного. В данном случае субъекты преследуют специ-

¹ Satija M.P. Information: Nature, importance and functions // Annals of Library and Information Studies. 2013. Vol. 60. Pp. 128–133 [Электронный ресурс] // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/286980383_Information_Nature_importance_and_functions (дата обращения: 27.01.2024).

фические цели, и, соответственно имеют специфические потребности по обеспечению государством своего права на запуск информации в товарный обмен. Соответственно, корреспондирующей обязанностью государства в данной части является создание необходимой правовой инфраструктуры для того, чтобы обмен информацией как товаром мог происходить между его участниками в рамках правового поля, чтобы каждый участник таких отношений имел возможность защитить свои нарушенные права, обратившись в соответствующие государственные органы и т.д.

Ресурсный анализ

Какими бы ни были предпосылки объективного существования права человека на информацию, следующие из большой ценности объекта права, объективных целей и потребностей людей, международного законодательства, всегда необходима оглядка на реальную экономическую способность конкретного государства реализовать защиту такого объекта в том объеме, который был определен по результатам предпосылочного и телеологического анализа. Это необходимый тест, который всегда вносит определенные коррективы в объем и содержание закрепляемого права. В противном случае, любые конституционные нормы являлись бы декларациями, реально исполнить которые объективно невозможно.

Необходимо отметить, что с приходом новых технологий у государств имеется все больше ресурсов как для обеспечения максимально свободной реализации права граждан на информацию, так и для ее контроля и ограничений. Так, хранение информации в практически неограниченных объемах с появлением облачных хранилищ стало в десятки, если не в сотни раз дешевле чем когда-либо. Обработка информации с использованием мощных компьютеров и нейросетей бьет исторические рекорды по скорости, эффективности и дешевизне. Обмен любой информацией в условиях высокоскоростного интернета, технологий блокчейн и смарт-контрактов стал максимально простым, быстрым и безопасным.

Таким образом, в современном мире едва ли приходится говорить об ограниченности государств в ресурсах при работе с правом на информацию. Напротив, новые возможности и технологии порождают новые проблемы: огромные массивы хранящихся данных становятся достоянием хакеров. Нейросети используются для создания и распространения вредной ложной информации, в том числе так называемых «дипфейков», когда создаются видеоизображения, максимально реалистично подделывающие внешний вид, мимику, особенности речи и голоса любого человека, в том числе официальных лиц, одно лишь публичное слово которых способно существенным образом влиять на экономику и политику. В свою очередь, технологии блокчейн могут использоваться злоумышленниками для финансирования незаконной

деятельности, отмывания денег, их скрытого вывоза за рубеж и т.д.

Озвучена лишь малая часть вновь возникших проблем информационного общества. Однако, и этих примеров достаточно, чтобы показать наглядно: задача по поиску правильного баланса в интересах личности, общества и государства при конституционном закреплении права человека на информацию становится все более актуальной для современных государств.

Правореализационное моделирование

Последним этапом интеллектуальной деятельности законодателя при выявлении и формулировании объема и содержания того или иного права является правореализационное моделирование. Задача данного этапа – выявить как раз те внутренние границы, при переходе которых действия управомоченного субъекта утратят признаки непосредственной реализации права и приобретут признаки недобросовестного, незаконного поведения. Игнорируя данный шаг, законодатель рискует конституционно закрепить такой объем и содержание права, который логически исключит сам себя, т.е. само действительное существование права.

Как указывалось, современные технологии открывают большой простор для деятельности злоумышленников в информационной сфере. Тем не менее, поскольку на данном этапе речь идет о выявлении юридического явления и формулировании его в виде наиболее абстрактной юридической нормы, ошибкой была бы и попытка законодателя подменять этим этапом отраслевое законодательство, ссылаясь на конкретные жизненные ситуации, при которых возможен выход за пределы добросовестной реализации права.

С учетом изложенного, обоснованным и достаточным является подход авторов Конституции Российской Федерации, ограничившим объем и содержание права каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию, добавив фразу «любым законным способом». Данная фраза является как раз результатом правореализационного моделирования, в процессе которого законодатель учел и исключил возможность неправомерного поведения субъектов права, и при этом не вышел за рамки задач экспликации имманентных пределов права человека на информацию, оставив простор для работы при федеральном законодательстве, в том числе на этапе формулирования допустимых ограничений рассматриваемого права.

Литература

1. Малько А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 2 (225). С. 4–16.
2. Панченко В. Ю., Шушпанов К.С. Имманентные пределы прав человека как их объективные

границы // Право и образование. 2014. № 11. С. 69–73.

3. Сырых В.М. Основы материалистической теории права. Москва: Юрлитинформ, 2022.
4. International standards: Right to information [Электронный ресурс] // Article 19. URL: <https://www.article19.org/resources/international-standards-right-information> (дата обращения: 27.01.2024).
5. Замечание общего порядка № 34, CCPR/C/GC/34, 12 сентября 2011 г. [Электронный ресурс] // Университет Миннесоты. Библиотека по Правам человека. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom34.html> (дата обращения: 27.01.2024).
6. Совместная декларация о свободе выражения мнения и противодействии насильственному экстремизму [Электронный ресурс] // Organization for Security and Co-operation in Europe. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/f/239991.pdf> (дата обращения: 27.01.2024).
7. Satija M.P. Information: Nature, importance and functions // Annals of Library and Information Studies. 2013. Vol. 60. Pp. 128–133 [Электронный ресурс] // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/286980383_Information_Nature_importance_and_functions (дата обращения: 27.01.2024).

ON SOME TECHNIQUES FOR IDENTIFYING THE IMMANENT LIMITS OF THE HUMAN RIGHT TO INFORMATION

Shushpanov K.S.

Bar Association of Yenisei Siberia

The article demonstrates the application to the human right to information of a mechanism for identifying the inherent limits of human rights, consisting of particular technologies of professional legal activity, such as background analysis, teleological analysis, resource analysis, and law-implementation modeling.

Keywords: right to information, limits of human rights, identification of the immanent limits of human rights.

References

1. Mal'ko A.V. Legal means as a general theoretical problem // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1999. № 2 (225). Pp. 4–16.
2. Panchenko V. Yu., Shushpanov K.S. Immanent limits of human rights as their objective boundaries // Law and education. 2014. № 11. Pp. 69–73.
3. Stryh V.M. Fundamentals of the materialistic theory of law. Moscow: Yurlitinform, 2022.
4. International standards: Right to information [Electronic resource] // Article 19. URL: <https://www.article19.org/resources/international-standards-right-information> (access date: 25.01.2024).
5. General Comment No. 34, CCPR/C/GC/34, September 12, 2011 [Electronic resource] // University of Minnesota. Library of Human Rights. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rhrcom34.html> (access date: 27.01.2024).
6. Joint Declaration on Freedom of Expression and Countering Violent Extremism [Electronic resource] // Organization for Security and Cooperation in Europe. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/f/239991.pdf> (access date: 01/27/2024).
7. Satija M.P. Information: Nature, importance and functions // Annals of Library and Information Studies. 2013. Vol. 60. pp. 128–133 [Electronic resource] // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/286980383_Information_Nature_importance_and_functions (access date: 27.01.2024).

Реформирование статуса религиозных организаций в России: три возможных пути

Бондаренко Александр Александрович,

аспирант, Институт государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации (РАНХИГС)
E-mail: aleksbondarenko2012@yandex.ru

Уровень развития гражданского общества в значительной мере определяется наличием добровольных автономных объединений, обеспечивающих эффективное взаимодействие общества с государством. Хотя религиозные объединения отделены от государства, они являются одним из важнейших видов объединений в современном обществе и, что важно, исторически первыми объединениями людей на основе мировоззренческих ценностей. На данный момент в Российской Федерации существуют две основные формы религиозных объединений – религиозные организации и религиозные группы, эти формы обладают принципиально различным объемом правоспособности, что подвергается критике как со стороны юридической общественности, так и со стороны самих верующих. Автор статьи предлагает рассмотреть три возможных пути реформирования статуса религиозных объединений в России, которые позволили бы избежать «громоздкости» конструкции религиозных организаций и «ограниченности правоспособности» религиозных групп.

Ключевые слова: религия и право, религиозные объединения, религиозные организации, религиозная группа, светское государство.

Согласно статье 14 Конституции Российской Федерации, Россия является светским государством. Светский статус государства означает, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной, а религиозные объединения отделены от государства и равны по своему статусу, имеющимся правам и обязанностям друг с другом. Хотя религиозные общины и отделены от государства, невозможно разорвать связь общества и религиозных объединений: согласно данным, ВЦИОМ, большинство россиян называют себя верующими, а 66% регулярно посещают церковь (по иным данным, этот показатель выше и достигает 75%). Таким образом, религиозные объединения остаются одними из важнейших объединений в современном обществе. Для России религиозно-правовая политика приобретает особую значимость, поскольку в многонациональном и многоконфессиональном Российском Государстве религиозный фактор способен как консолидировать население, так и расколоть его, явиться источником серьезных общественных конфликтов, использоваться иностранными государствами для разжигания межрелигиозной розни.

К сожалению, приходится констатировать, что в России пока не накоплен ни значительный опыт свободного существования религиозных и общественных объединений, ни создана надлежащая правовая база для этого. В данной статье и ставится цель выявить наиболее острые существующие проблемы правового регулирования статуса религиозных объединений, предложить возможные пути их решения. Для достижения данной цели будет использован комплексный подход, сочетающий в себе широкий спектр методов. Наиболее часто будет использован динамический анализ законодательства о религиозных объединениях (в его ретроспективе и в сочетании с историческим и кейс-методами) с целью выявления особенностей сложившихся традиций национально-правового регулирования статуса религиозных объединений и тенденций его развития. Это заложит основу для дальнейшего применения системного метода, который позволит структурировать полученные данные, рассмотреть их в качестве целостной совокупности, проследить взаимосвязи между ними и построить на их основе выводы о необходимости или ненужности изменения существующего правового регулирования статуса религиозных объединений. Теоретической основой данной статьи являются монографии, обзорные статьи и рефераты таких учёных, как Г.Ф. Шершеневич, Е.А. Флейшиц, С.Н. Братусь, О.Н. Петюкова, А.Н. Пчелинцев

и других. Учитывая, что проблема статуса религиозных организаций активно обсуждалась не только в современной, но и в дореволюционной научной литературе, можно сделать вывод о её вневременной актуальности для права.

На данный момент в Российской Федерации существуют две основные формы религиозных объединений – религиозные организации и религиозные группы, эти формы обладают принципиально различным объёмом правоспособности, что подвергается критике как со стороны юридической общественности, так и со стороны самих верующих.

Традиционно считается, что в случае провозглашения государства светским, религиозные объединения должны быть отделены от него и равны по своему статусу, имеющимся правам и обязанностям друг с другом. [1] Однако в современной России существуют разные виды религиозных объединений граждан, для которых предусмотрены совершенно разные границы правосубъектности, и, как следствие, совершенно разный правовой статус. В российском законодательстве термин «религиозное объединение» широко применяется для различных религиозных общин. Закон № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», принятый 26 сентября 1997 года, описывает это как добровольное объединение граждан Российской Федерации и лиц, проживающих законно на её территории, для совместного исповедания и распространения религий, обладая для этого соответствующими признаками.

Религиозные объединения могут оформляться как религиозные группы или религиозные организации, от этого зависят их последующие права и обязанности. Так, религиозные группы действуют без регистрации и не обладают правами юридического лица; в отличие от них, религиозные организации имеют специальный юридический статус, предусмотренный законом. Таким образом, ключевым различием между ними является именно наличие или отсутствие государственной регистрации, что определяет правоспособность каждой из форм. Отметим, что дискуссия о различии в статусе между религиозными группами и религиозными организациями восходит еще ко временам СССР, и граница между этими формами в те времена была исчезающе тонкой, поскольку действовало иное правовое регулирование и обе формы религиозных организаций подлежали государственной регистрации и обладали ограниченной правоспособностью.

При этом необходимо оговориться, что под некую процедуру, пусть лишь отдалённо напоминающую регистрацию, религиозные группы подпадают. Эта процедура носит уведомительный характер: руководитель или представитель религиозной группы обязан уведомить в письменной форме орган, отвечающий за государственную регистрацию религиозных организаций, о начале своей деятельности по месту её осуществления. Помимо этого, религиозная группа обязана каждый год сообщать о продолжении своей деятельности, начиная

с последнего уведомления. Конституционный Суд в определении от 15 октября 2018 года № 2514-О отметил, что отсутствие подобных уведомлений может быть истолковано как прекращение деятельности группы, что делает подачу уведомлений крайне важной. Представляется, что упомянутая уведомительная процедура и обуславливает наличие, пусть и узкой, правоспособности у религиозных групп, превращая их в квази-юридическое лицо.

Интересно, что эта процедура имеет и другие специфические правовые последствия – так, с соблюдением уведомительного порядка 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. связывает возникновение у религиозных групп права на осуществление миссионерской деятельности,

Как указывает исследователь П.М. Воронецкий [3], религиозные организации имеют широкую гражданскую правоспособность, включая возможность заключения договоров (от купли-продажи до заемных сделок). Однако утверждение, что эти организации обладают полноценной гражданской правоспособностью, вызывает сомнения. При этом ограничение правоспособности религиозных организаций проходит не только «по правам», но и по видам деятельности, где религиозные организации могут присутствовать. Подобное регулирование для России не является чем-то новым и сложилось исторически; начало отходу от частного правового регулирования деятельности религиозных общин положил декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Двенадцатый и тринадцатый пункт декрета устанавливали запрет для религиозных организаций владеть собственностью, а также лишение религиозных организаций прав юридического лица. Запреты для религиозных организаций постепенно расширялись, и в своём труде 1950 г. «Субъекты гражданского права» С.Н. Братусь отмечал [2], что предоставление общественным организациям имущественной правоспособности осуществляется лишь в той мере, в какой это необходимо для разрешения поставленных перед ними задач – формулировка, по существу, повторявшая нынешнее регулирование.

Религиозная организация способна нести административную и гражданскую ответственность, её можно контролировать через инструменты приостановления деятельности, запрета или ликвидации. Однако её гражданская ответственность носит также весьма ограниченный характер: на движимое и недвижимое имущество богослужебного назначения не может быть обращено взыскание по претензиям кредиторов, а сделка, совершенная без согласия уполномоченного органа религиозной организации, ничтожна.

Гораздо интереснее ситуация с правоспособностью религиозной группы. Здесь наличествуют две интересные проблемы. О первой уже было упомянуто в работе, это проблема регистрации. В отношении религиозной группы нет классической про-

цедуры регистрации, есть лишь уведомительная процедура. В данном случае это представляет уже новую, производную проблему, поскольку именно регистрация в гражданском праве является тем публичным актом, который вызывает возникновение или прекращение гражданских правоотношений. Нет регистрации – нет и надлежащего контроля за деятельностью коллективного субъекта, а если нет надлежащего контроля за деятельностью коллективного субъекта, данному субъекту нельзя предоставить широкую правоспособность, так как мы не сможем должным образом следить за правомерностью совершаемых им действий. Следовательно, возможности религиозной группы весьма ограничены; их деятельность сводится к проведению богослужений, религиозных обрядов и церемоний, а также к обучению и воспитанию своих последователей в религиозном контексте.

На взгляд автора исследования, данных прав безусловно недостаточно. Представляется, в частности, что по религиозной группе больно бьёт отсутствие права собственности. Как провести католическую мессу без свечей? Как провести крещение без омовения? [6] Право собственности, право на осуществление предпринимательской деятельности для формирования имущественной массы, из которой будет состоять эта собственность – важнейшие для деятельности религиозной группы права, отсутствие которых крайне затрудняет функционирование религиозной группы. В литературе можно встретить возражение, что отсутствие данных прав компенсируется возможностью преобразования религиозной группы в религиозную организацию. Но что, если участники религиозной группы не хотят совершать подобное преобразование? Может ли быть оправдано ненужное принуждение? Конституционная статья 55 гласит, что «права и свободы человека и гражданина могут ограничиваться федеральным законом только в той степени, насколько это необходимо для охраны основ конституционного строя, морали, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также для обеспечения обороны страны и государственной безопасности».

При этом религиозную организацию достаточно трудно создать. Согласно требованиям закона, потребуется десять участников, достигших восемнадцати лет и проживающих в одной местности. Уже здесь возникают некоторые сложности: А.В. Пчелинцев описывает курьёзный случай, когда учредители проживали в г. Петропавловске-Камчатском и в селе Эссо Камчатской области: Управление Министерства юстиции отказалось считать расположенные неподалеку населённые пункты «одной местностью» [5]. Основная же сложность заключается в обширном списке необходимых документов. Отправляя заявление на регистрацию, необходимо предоставить список учредителей религиозной организации, её устав и протокол учредительного собрания, а также информацию об основах вероучения и квитанцию об уплате государственной пошлины.

Для централизованной организации список документов ещё более длинный. Граждане оказываются между двух огней – они могут либо создать религиозную группу с крайне урезанной правоспособностью, либо создать религиозную организацию со сложной процедурой создания. Проблемами при создании религиозных организаций дело не исчерпывается – религиозные организации также станут объектом плановых и внеплановых проверок, требований о предоставлении документов, письменных предупреждений. В случае поступления иностранного финансирования религиозным организациям придётся вести отдельный учёт указанных и иных доходов, размещать сведения об этом в сети «Интернет». Законодательство в данной сфере имеет бланкетный характер, что создает отдельные трудности для религиозных организаций. Г.И. Дудко правильно отмечает, что в ряде федеральных законов установление ответственности религиозного объединения не поддерживает создание системного подхода в этом институте [4].

Исходя из вышесказанного, автору исследования представляется, что можно было бы ввести дополнительные формы, помимо религиозных групп и религиозных организаций, обладающие своего рода «промежуточной» дееспособностью между двумя указанными формами. Подобный подход позволил бы избежать «громоздкости» конструкции религиозной организации и «ограниченности правоспособности» религиозной группы. Альтернативой этому могли бы послужить процедуры, позволяющие религиозной группе заполучить дополнительную правоспособность (например, регистрации на конкретный вид деятельности).

Данный вопрос интересно решён в соседней Белоруссии. Основные организационно-правовые формы религиозных организаций в Белоруссии – религиозные общины и религиозные объединения (отметим, что в Белоруссии предусмотрены и другие организационно-правовые формы религиозных организаций, которые, впрочем, пользуются значительно меньшей популярностью; тем не менее, действующая в Белоруссии вариативность возможных организационно-правовых форм – то, на что стоит, на взгляд автора статьи, обратить внимание российским законодателям). Религиозные общины могут осуществлять свою деятельность независимо или входить в состав религиозного объединения. Для создания религиозной общины понадобится не менее 20 белорусских граждан, проживающих в одном или нескольких населённых пунктах (данное требование очевидно жёстче аналогичного российского требования: в России для этого потребуется лишь 10 верующих). Интересно, что в Белоруссии не стоит вопрос, что считать «одной местностью»: граждане могут проживать в разных населённых пунктах и образовывать общину, если эти населённые пункты имеют смежные границы. При этом в Белоруссии и религиозные общины, и религиозные объединения обладают гражданской правоспособностью, что является,

несомненно, притягательным опытом для возможной интеграции в российскую правовую систему. К сожалению, после законодательных поправок 2023 года (уже принятых на данный момент) религиозные организации в Белоруссии подлежат обязательной регистрации, то есть грань между различными формами религиозных организаций стирается. Хотя белорусское законодательство после реформ 2023 года с очевидностью предоставляет религиозным организациям меньше свободы, чем российское, некоторые законодательные решения (многообразие существующих организационно-правовых форм, гражданская правоспособность для всех существующих религиозных организаций, использование термина «смежные границы») имеют весьма прогрессивный характер и заслуживают внимания российских законодателей.

«Третий путь» выработала европейская судебная практика. ЕСПЧ вместо термина «религиозные объединения» предпочитает использовать неопределённый термин «религиозные общины», что в данной ситуации, на взгляд автора, является скорее позитивной тенденцией: отказ от разграничения религиозных организаций по их статусу, по наличию или отсутствию государственной регистрации, обладает мощным потенциалом для предотвращения дискриминации. Примером, достойным внимания, является дело «Католическая церковь Канеи против Греции». Дело касалось защиты прав католической церкви в Канее, столкнувшейся с разрушением стены, окружавшей её территорию. Соседи настаивали на том, что церковь не может обращаться в суд, поскольку у неё нет статуса юридического лица. Однако Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) постановил, что отказ в предоставлении судебной защиты нарушает право на справедливое разбирательство. В этом деле ЕСПЧ также выявил дискриминацию, определив её как нарушение статьи 14 Европейской конвенции по правам человека из-за отказа церкви в доступе к национальной системе правосудия.

Кейс «Католическая церковь Канеи против Греции» заложил фундамент для целого пласта судебной практики. На постсоветском пространстве, как наиболее культурологически близком к России, наиболее значимы кейсы «Бессарабская митрополия и другие против Молдовы» и «Кимля и другие против Российской Федерации».

Хронологически первым был «молдавский кейс». Каковы были фактические обстоятельства дела? После распада СССР в 1991 году и объявления независимости Молдавии, часть молдавского духовенства предприняла попытку возродить Бессарабскую митрополию в составе Румынской православной церкви. Однако митрополия столкнулась с отказом в регистрации из-за её отделения от признанной государством молдавской митрополии Московского Патриархата. Руководство митрополии подало жалобу, утверждая, что без официальной регистрации их деятельность в Молдавии невозможна. Молдавское законодательство отличалось крайней строгостью: без признания со сто-

роны государства священники не имели права совершать богослужения, а прихожане не могли проводить религиозные обряды в собрании.

Помимо этого, отсутствие статуса юридического лица лишало митрополию возможностей для правовой защиты её собственности. Таким образом, отсутствие официального статуса исключало не только гражданскую правоспособность, способность защищать свои права в суде (что роднит его с греческим делом), но даже возможность любой религиозной активности для непризнанной церкви. ЕСПЧ в данном кейсе усмотрел нарушение сразу двух статей Конвенции: статьи 9 и статьи 13 ЕКПЧ, поскольку у заявителей не было возможности добиться от властей восстановления своих прав.

Следует отметить дело «Кимля и другие против Российской Федерации», которое поднимает вопросы юридического статуса религиозных объединений в контексте российского законодательства и правовой теории. В этом деле заявитель утверждал, что без статуса юридического лица религиозная группа утратила возможность владеть имуществом, издавать религиозную литературу и предметы культа, а также реализовывать благотворительные инициативы. ЕСПЧ заключил, что разделение на категории религиозных групп и религиозных организаций не соответствует международным стандартам прав человека. Кроме того, это деление нарушает международные обязательства, которые взяла на себя Российская Федерация. Суд выразил мнение, что привилегированное положение некоторых религиозных объединений над другими может привести к дискриминации и нарушению принципа равенства перед законом. Российские власти утверждали, что статус «религиозной группы» может быть подходящей заменой статусу юридического лица. Тем не менее, Европейский Суд постановил, что религиозные группы без правоспособности не могут иметь права, присущие юридическим лицам, такие как владение или аренда имущества, доступ к банковским счетам, наем сотрудников и судебная защита общин и активов. Соответственно, статус религиозной группы не является полноценной альтернативой юридическому статусу. Это мнение разделяют не только Европейский Суд, но и Парламентская Ассамблея Совета Европы, ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека, а также российский Уполномоченный по правам человека.

Конституционный Суд Российской Федерации выразил несогласие с позицией Европейского Суда. В своих постановлениях N 16-П от 23 ноября 1999 г., N 46-О от 13 апреля 2000 г., и N 7-О от 7 февраля 2002 г., Суд заявил, что государство имеет право устанавливать определённые ограничения, чтобы статус религиозной организации не предоставлялся автоматически. Он подчеркнул, что религиозное объединение может существовать без государственной регистрации, но не вправе пользоваться правами и льготами, доступными только религиозной организации, что является прерогативой законодателя. Суд также указал,

что отказ в предоставлении статуса юридического лица религиозной организации может быть оправдан для предотвращения нарушений прав человека или незаконной деятельности экстремистского характера. В аргументации Конституционного Суда очевидна приоритетность защиты публичных и общественных интересов.

Стоит отметить, что ЕСПЧ признал процессуальную правоспособность церкви; о правоспособности материальной речь не шла. Однако в науке гражданского процесса есть устойчивое мнение, восходящее к трудам Е.А. Флейшиц [7], что, если у субъекта права наличествует процессуальная правоспособность, она дана ему для того, чтобы защищать какие-то материальные права этого субъекта: а это, в свою очередь, означает наличие материальной правоспособности у субъекта. Если принять соответствующие выводы Е.А. Флейшиц, окажется, что процессуальная правоспособность неразрывно связана с материальной.

Итак, в Российской Федерации гарантируется свобода вероисповедания, в том числе – право совместно исповедовать любую религию и создавать религиозные объединения. На практике же созданы две формы религиозных объединений – религиозные организации и религиозные группы, что является очевидным заимствованием из советского законодательства (при этом, по сравнению с советским законодательством, правоспособность всех форм религиозных объединений расширена, что облегчает отправление культа верующими и, безусловно, является позитивной тенденцией). Каждая из двух вышеназванных форм имеет как значительные преимущества, так и немаловажные недостатки. Правоспособность религиозных организаций значительно шире, она включает в себя в том числе право собственности, право заключения договоров и право ведения предпринимательской деятельности, право заключения трудовых договоров. Однако нельзя согласиться с тем, что правоспособность религиозной организации является полноценной: будучи целевой по своему назначению, правоспособность религиозной организации ограничивается поставленными целями. Правоспособность религиозной группы является ещё более узкой: на взгляд автора исследования, это прямо связано с отсутствием полноценной процедуры регистрации, и, как следствие, возможности государства осуществлять полноценный контроль в отношении религиозной группы. Подобный подход подвергается обоснованной критике: такое положение дел может приводить к дискриминации, нарушению равенства прав граждан перед законом, невозможности эффективного осуществления права на объединение. Поэтому в данной статье рассмотрены и предложены пути решения существующих проблем правового регулирования. Можно выделить три пути: это введение дополнительных «промежуточных» форм религиозных объединений, придание религиозной группе статуса юридического лица или использование более общих, неопределённых терминов по примеру

практики ЕСПЧ. Какой бы путь ни выбрала Россия, ключом к решению возникших проблем будет установление прочного и справедливого баланса между публичными интересами и правами граждан, основанного на системе юридических гарантий.

Литература

1. Баглай Марат Викторович Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов / М.В. Баглай. – 6-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – 784 с. Available online at: <https://krasinskiy.ru/Baglai1.pdf> (дата обращения: 28.07.2024).
2. Братусь Сергей Никитич Субъекты гражданского права / Проф. С.Н. Братусь. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 368 с. – (Курс советского гражданского права / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР). Available online at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005762933> (дата обращения: 28.07.2024).
3. Воронецкий Петр Михайлович О правоспособности религиозных объединений // Журнал российского права. 2011. № 6 (174). Available online at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-privosposobnosti-religioznyh-obedineniy> (дата обращения: 28.07.2024).
4. Дудко Игорь Геннадьевич Проблемы юридической ответственности религиозных объединений в Российской Федерации // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1 (34). Available online at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-yuridicheskoy-otvetstvennosti-religioznyh-obedineniy-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 28.07.2024).
5. Пчелинцев Анатолий Васильевич Физические лица как субъекты права на создание религиозного объединения / А.В. Пчелинцев // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 21. Available online at: <https://old.lawinfo.ru/catalog/contents-2009/konstitucionnoe-i-municipalnoe-pravo/21/> (дата обращения: 28.07.2024).
6. Султанов Айдар Рустэмович О проблемах правосубъектности религиозных объединений // Некоммерческие организации: теоретические и практические проблемы: Материалы ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся. Москва, 29 октября 2008 г. – М.: Эксмо, 2009. Available online at: <http://www.yurclub.ru/docs/corporate/article77.html> (дата обращения: 28.07.2024).
7. Флейшиц Екатерина Абрамовна // Вестник гражданского права. 2009. № 2. Available online at: <https://istina.msu.ru/journals/93817/> (дата обращения: 28.07.2024).

REFORMING THE STATUS OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN RUSSIA: THREE WAYS

Bondarenko A.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

The level of development of civil society is to a large extent determined by the presence of voluntary autonomous associations that ensure effective interaction between society and state. Although religious associations are separated from the state, they are one of the most important types of associations in modern society and, what is important, historically the first associations of people based on ideological values. At the moment, in the Russian Federation there are two main forms of religious associations – religious organizations and religious groups; these forms have a fundamentally different scope of legal capacity, which is criticized both by the legal community and by the believers themselves. The author of the article suggests considering three possible ways to reform the status of religious associations in Russia, which would avoid the “cumbersomeness” of the structure of a religious organization and the “limited legal capacity” of a religious group.

Keywords: religion and law, state-confessional relations, religious associations, religious organizations, religious group, secular state.

References

1. Baglai Marat Viktorovich Constitutional Law of the Russian Federation: a textbook for universities / M.V. Baglai. – 6th ed., amended and supplemented. Available online at: <https://krasinskiy.ru/Baglai1.pdf> (date of access: 07/28/2024).
2. Bratus Sergey Nikitich Subjects of Civil Law / Prof. S.N. Bratus. – M.: State Publishing House of Legal Literature, 1950. – 368 p. – (Course of Soviet Civil Law / All-Union Institute of Legal Sciences of the Ministry of Justice of the USSR). Available online at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005762933> (date of access: 07.28.2024).
3. Voronetsky Petr Mikhailovich On the legal capacity of religious associations // Journal of Russian Law. 2011. No. 6 (174). Available online at: <https://cyberleninka.ru/article/n/opravosposobnosti-religioznyh-obedineniy> (date of access: 07/28/2024).
4. Igor Gennadievich Dudko examines the issues surrounding the legal accountability of religious associations within Russia in his article from the 2020 edition of “Monitoring of Law Enforcement,” Issue No. 1 (34). This resource is accessible at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-yuridicheskoy-otvetstvennosti-religioznyh-obedineniy-v-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 07/28/2024).
5. In “Constitutional and Municipal Law,” Issue No. 21, 2009, Anatoly Vasilievich Pchelintsev discusses the role of individuals as initiators in establishing religious associations. The article can be found at: <https://old.lawinfo.ru/catalog/contents-2009/konstitucionnoe-i-municipalnoe-pravo/21/> (date of access: 07/28/2024).
6. Sultanov Aidar Rustemovich On the problems of legal capacity of religious associations // Non-profit organizations: theoretical and practical problems: Materials of the scientific readings in memory of Professor S.N. Bratus. Moscow, October 29, 2008 – M.: Eksmo, 2009. Available online at: <http://www.yurclub.ru/docs/corporate/article77.html> (date of access: 07/28/2024).
7. Fleishits Ekaterina Abramovna // Bulletin of Civil Law. 2009. No. 2. Available online at: <https://istina.msu.ru/journals/93817/> (date of access: 07/28/2024).

Конституционное правосудие как фактор обеспечения и защиты прав и свобод человека в Российской Федерации

Воскобойников Денис Васильевич,

аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики
E-mail: dvtvin@gmail.com

Российская правовая модель предполагает, что догматика фундаментальных прав способствует большему доверию к конституционному правосудию. В рамках данной статьи проанализированы понятия «верховенство закона» и «верховенство права» в их системной взаимосвязи. Отмечено что верховенство закона само по себе не предполагает существования фундаментальных прав, которые являются частью более высоких стандартов естественного права. Контроль конституционности закона – основная задача конституционного правосудия – направлен на обеспечение верховенства высшей нормы, воплощающей идеи и стандарты естественного права. Определено, что конституционное правосудие представляет собой ограничение демократии большинства, посредством которого определенные законодательные решения выборного парламента могут быть отменены судебным путем из-за противоречия с требованиями Конституции и концепциями верховенства права и закона. Сделаны выводы о необходимости модернизации механизма сдержек и противовесов в отношении монопольной функции Конституционного суда и о целесообразность разработки понятия и критериев правовой иерархии между основными правами в контексте осуществления функции конституционного правосудия.

Ключевые слова: конституционное правосудие, конституционный контроль, права и свободы граждан, Конституционный Суд РФ, верховенство права, верховенство закона.

Идея о том, что политическая власть лежит в основе существующего права, поднимает вопрос об отношениях между политической властью и правом. В современном мире основой регулирования отношений между государством и обществом признается концепция о верховенстве права [1, с. 1]. Верховенство права – понятие многозначное, полиморфное и разностороннее. Его содержание, а также факторы обеспечения реализации данной концепции было предметом многочисленных исследований, как доктринальных, так и эмпирических, отечественных и зарубежных ученых. Российская академическая традиция хоть и не дала общепринятого определения данного понятия, но предложила значительное число анализов, рассматривающих его систематическим образом. Существующие подходы к определению сущностных характеристик концепции верховенства права обычно сосредоточены на выявлении соотношения между понятиями права и закона, на формальных характеристиках элементов правовой системы, правовой процедуре требования ясности, конкретности и публичности правовой нормы, на верховенства стандартов уважения и защиты прав и свобод человека. Они также касаются роли судьи, который должен быть нейтральным по отношению к сторонам и независимым по отношению к органам государственной власти, сохранять непредвзятость при рассмотрении каждого конкретного юридического спора, оставаться верным закону больше, чем личным, политическим или социальным целям [2–6].

Конфигурацию верховенства права как институциональной модели определяет понимание права как социального феномена. В концепциях юснатурализма естественное право – право существующее объективно, универсальное, подлинное, истинное, обладающее непринудительным безусловным и безграничным действием противопоставляется праву позитивному – субъективно сконструированному, ограничено действующему, неподлинному, неистинному, изменяемому, гарантированному государственным принуждением. Естественное право, в отличие от позитивного, понимается как совокупность норм, не «созданных» людьми, а «данных» им (Богом, разумом или природой). Фактически это разделение в рамках философской традиции онтологического дуализма (то есть учения о том, что материя и сознание на самом деле имеют радикально разную природу). Естественное и позитивное право движутся в разных планах бытия – идеальном и эмпирическом, теории и практики.

Фактически разграничение и сопоставление права и закона происходит с позиции принципов справедливости, основанных на нормах морали. Естественное право ориентируется на поиск справедливости как сущности права и критерия оценки закона (позитивного права), а так же иных правовых решений.

Таким образом, проблема соотношения естественного и позитивного права рассматривается в двух аспектах: как взаимодействие фундаментальных структурных элементов права и как противоборство между теорией естественного права и практическим проявлением позитивного права в форме закона. Это попытка определить, является ли правовая реальность чем-то, существующим независимо от нашей воли и желания, или верно представление о праве как творении человека, которое является лишь способом организации и интерпретации определенных аспектов социальной жизни.

Хотя ряд авторов в основу концепции верховенства права кладут понимание права как писаного закона [3], мы полагаем, что опираться следует на доктрину рационального естественного права, различая понятия «верховенство закона» и «верховенство права».

Верховенство права – это организация и деятельность государства в соответствии с естественным правом, что позволяет не утратить моральные и нравственные ориентиры при разработке и реализации закона. Ее основа находится в природе личности: в свободе и равенстве людей, которые объединяются в сообщество и развивают личностную автономию и юридическое равенство. Концептуально верховенство права предполагает следующие моменты: 1) формальную структуру правовой системы и гарантию уважения и защиты основных прав и свобод (естественных прав) посредством общих законов, применяемых независимыми судьями; 2) разделение политических сил (разделение властей) в структуре государства; 3) интеграцию различных социальных и экономических секторов в правовую структуру.

Верховенство закона следует понимать как подчинение всех лиц, учреждений и организаций, государственных и частных, включая само государство, законам, которые публично обнародуются и применяются на равной основе. Правовая безопасность, нейтральность закона и справедливость юридических санкций – это черты, характеризующие концепцию верховенства закона. Таким образом, верховенство закона формируется двумя факторами: суверенным государством в его конгломерате политической организации и правом, рассматриваемым как нормативный контекст, защищающий целостное развитие общества. Власть государства признает правовую систему препятствием на пути к своему экспансивному вмешательству в личную свободу человека вопреки закону и (или) без правового основания.

Вместе с тем, между законом и позитивным правом, и, соответственно, концепциями верхо-

венства закона и верховенства права, не может быть разрыва, и отношения между одним и другим представляют собой отношения развития, ведущие к высшему осуществлению естественного права, где позитивный закон государства должен стремиться к рациональному идеалу, который является естественным законом. Таким образом, реализация естественного права находится в государстве, а защита прав человека придает смысл существованию государства, в котором власть исходит от народа через представителей, избранных для осуществления управления.

Сбалансированная концепция материального верховенства закона предполагает, что государственная власть считается связанной, прежде всего, с определенными высшими правовыми принципами и ценностями. Материальное верховенство закона требует верховенства конституции, закрепляющей достижения естественного права. Однако необходим определенный баланс: некоторые постулаты и ценности необходимо уважать, поскольку они представляются фундаментальными, но интерпретация этих постулатов или ценностей трансформируется с учетом изменений обстоятельств и морали.

Установки естественного права не самоочевидны, они возникли и развивались в условиях постепенной гуманизации общества и в какой-то мере утопичны. Универсализм фундаментальных прав достаточно спорная концепция. Те, кто ее отрицает, приводят достаточно убедительные примеры, показывающие, что перечень и содержание этих прав является переменной, зависящей от эволюции морального и правового сознания человечества; от социального контекста, понимаемого в самом широком смысле (социальные отношения, экономические отношения, политические формы, культура и т.д.). Изменяясь во времени и пространстве, они не могут быть реализованы вне признания правовой системой, однако позитивные нормы, признавшие их в данном правовом порядке, могут быть – как и любая другая позитивная норма – отменены, и, следовательно, эти права могут – как и любое другое право – быть подавлены [7]. Таким образом, универсализм прав человека, понимаемых как фундаментальные права, присущие человеческой природе, далеко не соответствует реалиям современного мира.

Если мы обобщим идею о том, что определение прав и свобод человека должно быть не только формально интегрировано в Конституцию, но и что эти права и свободы должны быть гарантированы от нарушений со стороны органов государства, то получим базис концепта «фундаментальных прав». Верховенство закона (в отличие от верховенства права) само по себе никоим образом не предполагает существования фундаментальных прав. Но, если фундаментальные права существуют, они, по определению, являются частью более высоких стандартов естественного права и должны преобладать над более низкими стандартами позитивного права.

Конституции суверенных государств устанавливают гарантии защиты высших ценностей. Так, сейчас в большинстве конституций гарантируется право на жизнь, свободу, достоинство, собственность, защиту в суде и проч., а также на пользование благами – материальными и нематериальными – установление которых в Основных законах произошло примерно во второй половине 20-го века и в 21-м веке (например, право на благоприятную окружающую среду). В случае нарушения таких гарантий, правовая система предоставляет лицам механизмы для прекращения этого состояния беззакония и возвращения к «статус-кво».

Важнейшим инструментом механизма восстановления нарушенных прав является правосудие, отвечающее требованиям справедливости и функционирующее на основе нормативно определенных закрепленных критериев [8]. Правосудие – это деятельность, осуществляемая специальными государственными органами – судами, суть которой в рассмотрении и разрешении правовых конфликтов на основе верховенства закона в рамках различных видов судопроизводства.

Отметим, что конституционное правосудие неразрывно связано с триумфом конституционализма – процесса развития государственности, зародившийся в эпоху Просвещения, целью которого было, в ответ на деспотизм и королевский абсолютизм того времени, предоставить государствам писаную конституцию, чтобы, с одной стороны, регулировать или даже ограничивать власть правителям, с другой стороны, чтобы гарантировать права и свободы управляемых.

Контроль конституционности закона – основная задача конституционного правосудия – направлен на обеспечение верховенства высшей нормы. В его основе лежит идея о том, что воля суверенного народа, прямо и торжественно выраженная им через Конституцию, превосходит волю его представителей, обычно выражаемую законом. Из-за этой иерархии закон будет разумным и подлинным выражением общей воли только до тех пор, пока он соответствует фундаментальной норме.

Системы конституционного правосудия разнообразны, но можно выделить две основных модели: диффузная, когда право оценивать конституционность или неконституционность законов предоставляется всем судьям страны, независимо от их иерархии, и концентрированная, согласно которой право конституционного контроля предоставляется единому органу судебной власти, будь то Верховный суд или специально созданный для этой цели Конституционный суд. Остальные модели представляет собой вариации либо смещения этих двух.

В романо-германской правовой системе, в связи с отсутствием принципа *stare decisis*, характерного для систем общего права, логичным способом достижения единообразного толкования конституции является отказ от децентрализации – вертикальной или горизонтальной – контроля и, соответственно, поручение обеспечения верховенства

конституции исключительно специализированному органу. Объяснение выбора концентрированной модели конституционного правосудия так же лежит в области профессиональных навыков и мышления, которым должен обладать судья. Политическая и моральная окраска современных конституционных текстов явно отличает их от обычных законов. Их связь с абстрактными ценностями и фундаментальными правами более сильна и требует иных методов, чем те, которые применимы к толкованию законов и требует иного профессионального мышления от субъекта толкования.

Кроме того, выделение особой конституционной юрисдикции, несколько отличной от традиционного функционала судебной власти, имеет важное символическое значение и органично встраивается в концепцию разделения властей, согласно которой судьи не имеют права подвергать цензуре действия законодателя, который выражает общую волю. Оставив без изменений правоприменительную функцию обычных судей, установление специальной конституционной юрисдикции, позволяющей объявлять акты законодателя неконституционными, позволяет сохранить доминирующую в современных государствах концепцию разделения властей.

Рассматривая феномен конституционных судов в контексте обеспечения верховенства права и защиты прав и свобод человека отметим следующее.

1. Контроль конституционности закона, который наделяет судью полномочиями осуждать нарушения прав человека со стороны органов государственной власти, поднимает фундаментальный вопрос об отношениях между теми, кто управляет, и теми, кем управляют, а также об осуществлении суверенитета. Принято считать, что наиболее серьезные посягательства на общественные и личные свободы совершаются политической властью, законодательной и исполнительной ее ветвями. Нарушения свобод со стороны законодателя происходят из-за репрессивных законов. Исполнительная власть, отвечая за исполнение законов и поддержание общественного порядка, часто вынуждена регулировать или ограничивать общественные свободы, когда, по ее мнению, этого требуют обстоятельства. Забота об эффективности, защита общих интересов, императив общественного порядка являются предлогами для такого ограничения свобод. Вместе с тем, исполнительная власть, имея в своем распоряжении принудительную силу государства, часто испытывает искушение использовать ее для осуществления самых серьезных посягательств на индивидуальные и коллективные свободы.

В связи с этим, вопрос о способе возбуждения производства в Конституционном суде имеет первостепенное значение: именно от его решения главным образом зависит, в какой степени Конституционный суд сможет выполнить свою миссию как гаранта верховенства права и защиты прав и свобод человека. Российское законодательство определяет трех возможных заявителей в консти-

туционных судебных разбирательствах: политические действующие лица и, следовательно, выборные должностные лица; суды и физические лица. Именно народные действия, то есть прямое обращение любого гражданина в Конституционный суд, придают всю жизненность российскому конституционному правосудию и делают его законным оплотом основных прав.

Исходя из информации, опубликованной на официальном сайте Конституционного Суда РФ, с 2019 года по настоящее время количество обращений составляет порядка 12 000 в год (с некоторыми колебаниями плюс/минус), причем более 90 процентов – это обращения граждан. Более трети из них касаются вопросов уголовного права и процесса, следом идут споры относительно конституционного статуса личности и проблемы социальной защиты.

Таким образом, можно говорить о стабильной уверенности граждан в конституционном правосудии, которая основано на престиже и авторитете Конституционного суда.

2. Решения Конституционного Суда являются окончательными и не подлежат обжалованию. Таким образом, Суд в качестве первой и последней инстанции выносит решение о конституционности актов различного рода. Он также обладает монополией на интерпретацию своих решений. Такая монополизация конституционной юрисдикции потенциально может привести к превышению полномочий судьями Конституционного Суда и превратить его из решения из значимого фактора обеспечения верховенства права и защиты свобод человека в инструмент политического лоббирования. Так, следует признать достойным внимания мнение А.М. Абдуллаева, который указал, что «принимая решение о «бессрочном моратории» смертной казни и ее фактическом запрете, Конституционный Суд перешагнул пределы полномочий, предоставленных ст. 125 Конституции РФ: вышел за рамки предмета рассмотрения, проявив nepозволительную инициативу, особенно опасную в связи с обязательностью его решений; чрезмерно вторгся в сферу полномочий законодательной ветви» [9, с. 138]. В настоящее время средствами чрезмерной монополизации власти Конституционного Суда можно обозначить отсутствие возможности действовать инициативно (суд всегда действует в рамках запроса граждан, организаций или органов власти) и невозможность прямого исключения или модификации нормы, признанной неконституционной из правового порядка (это прерогатива законодателя). Вместе с тем, с учетом изложенного, следует рассмотреть вопрос о вариантах пресечения чрезмерно широкого понимания членами Суда своих полномочий.

3. Интересен тот факт, что 26 июня 2020 года Конституционный Суд РФ в тексте Постановления № 30-П, указал на необходимость разработать механизм пересмотра основанных на признанных неконституционными нормах судебных решений, которые на момент вынесения соответствующего

постановления КС не исполнены или исполнены частично. Таким образом, сейчас защита КС РФ распространяется и на тех, кто не был заявителем в конституционном судопроизводстве, но находится в аналогичном положении. Такой подход поможет защитить большее число граждан, не увеличивая нагрузку на Конституционный Суд.

4. Естественные права, даже когда они позитивизированы (классически в конституционном документе), тем не менее, сохраняют свою природу, так что интерпретация нормативных положений, признающих их, требует моральные оценки, и их применение также требует моральной аргументации. Этот тезис требует некоторых пояснений. Во-первых, «моральный» аргумент не отличается от юридического аргумента, за исключением того факта, что он включает в себя правила и/или моральные оценки, которые присущи естественному, а не позитивному праву. Во-вторых, интерпретация и применение норм, которые позитивизируют основные права обусловлены правилами и оценками, специфичными для критической морали субъектов толкования (судей конституционного права), а также политической и социальной ситуации конкретного времени, следовательно, рассматриваемые интерпретационные решения носят в высшей степени дискреционный характер. В третьих, в любом случае толкование и применение любого положения позитивного права в рамках конституционного правосудия, неизбежно обусловлено концептуальными теориями юристов о верховенстве права и верховенстве закона.

5. Венская декларация, принятая 25 июня 1993 года Всемирной конференцией по правам человека, в пункте 5 первого раздела юридически закрепляет принцип неделимости основных прав и свобод и, как следствие, отсутствие юридической иерархии между этими же правами и свободами. Однако каким бы последовательным ни был на доктринальном и международном уровне запрет любой юридической иерархии между фундаментальными правами, его реализация кажется маловероятной на практике. Можно продемонстрировать, что некоторые основные права по своей сути (и в решениях КС РФ) обладают более высокой иерархической ценностью. К примеру, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П относительно ограничения передвижения граждан во время пандемии коронавируса, Суд обозначил приоритет ценности жизни и здоровья человека и безопасности общества в целом над свободой передвижения. В Постановлении от 23 сентября 2014 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова», Суд отметил, что такие конституционно значимые ценности, как семья и детство, здоровье несовершеннолетних, их нравственное и духовное развитие вызывают необходимость разумного ограничения в свободы мысли и слова.

Не утверждая, что принцип неиерархичности между основными правами должен быть полностью отброшен, следует отметить, что понятие правовой иерархии между основными правами должно получить доктринальное обоснование. Так же следует выработать основные критерии установления существования материальной иерархии между основными правами человека в рамках российской правовой системы.

В заключение отметим, что конституционное правосудие – это институт, ответственный за обеспечение верховенства конституции над другими правовыми нормами в соответствии с процедурой юрисдикционного типа. В частности, в его обязанности входит обеспечение защиты основных прав человека перед лицом государственного вмешательства, что делает конституционное правосудие, в конечном итоге, главным щитом граждан от произвола парламента и исполнительной власти.

Литература

1. Зорькин В.Д. Цивилизация права: современный контекст // Журнал Конституционного правосудия. – 2014. – № 5. – С. 1–15.
2. Грачева С.А. Доктрина верховенства права и судебные правовые позиции // Журнал российского права. – 2014. – № 4(208). – С. 33–45. – DOI 10.12737/2917.
3. Иванова А.П. Верховенство права: в поисках смысла и содержания // Образование и право. – 2023. – № 12. – С. 193–197. – DOI 10.24412/2076–1503–2023–12–193–197.
4. Чиркин В.Е. Верховенство права: современные варианты терминологии // Журнал российского права. – 2015. – № 12(228). – С. 5–11. – DOI 10.12737/16624.
5. Айвазян В.Н. Конфликтотенная природа принципа верховенства права и генезис системных конфликтов конституционно-правового регулирования // Бизнес в законе. – 2016. – № 2. – С. 120–126
6. Умнова-Конюхова И.А. Принцип верховенства права: эволюция доктрин правопонимания в национальном праве и международном праве / И.А. Умнова-Конюхова, В.А. Николаев // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – № 4. – с. 92–100.
7. Кича М.В. Универсализм прав человека: миф или реальность? // Правосудие. – 2019. – Т. 1, № 1. – С. 43–62. – DOI: 10.17238/issn2686-9241.2019.1.43-62
8. Атагимова Э.И. Роль Конституционного правосудия в обеспечении прав и свобод человека в Российской Федерации // Правовая информатика. – 2017. – № 4. – С. 55–61. – DOI: 10.21681/1994-1404-2017-4-55-61

9. Абдуллаев А.М. Право человека на жизнь и смертная казнь в актах конституционного правосудия // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ЭКОНОМИКА и ПРАВО. – 2023. – № 06. – С. 136–141. – DOI 10.37882/2223–2974.2023.06.20

CONSTITUTIONAL JUSTICE AS A FACTOR OF ENSURING THE RULE OF LAW AND PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Voskoboynikov D.V.

St. Petersburg University of Management and Economics Technologies

The Russian legal model assumes that the dogma of fundamental rights contributes to greater trust in constitutional justice. Within the framework of this article, the concepts of “rule of law” and “rule of law” in their systemic relationship are analyzed. It is noted that the rule of law in itself does not imply the existence of fundamental rights, which are part of higher standards of natural law. The control of the constitutionality of the law – the main task of constitutional justice – is aimed at ensuring the supremacy of the highest norm embodying the ideas and standards of natural law. It is determined that constitutional justice is a limitation of majority democracy, through which certain legislative decisions of the elected parliament can be overturned by judicial means due to contradiction with the requirements of the Constitution and the concepts of the rule of law and the law. Conclusions are drawn on the need to modernize the mechanism of checks and balances in relation to the monopoly function of the Constitutional Court and on the expediency of developing the concept and criteria of a legal hierarchy between fundamental rights in the context of the exercise of the function of constitutional justice.

Keywords: constitutional justice, constitutional control, citizens' rights and freedoms, the Constitutional Court of the Russian Federation, the rule of law, the rule of law.

References

1. Zorkin V.D. Civilization of Law: Modern Context // Journal of Constitutional Justice. – 2014. – No. 5. – P. 1–15.
2. Gracheva S.A. Doctrine of the Rule of Law and Judicial Legal Positions // Journal of Russian Law. – 2014. – No. 4 (208). – P. 33–45. – DOI 10.12737/2917.
3. Ivanova A.P. Rule of Law: In Search of Meaning and Content // Education and Law. – 2023. – No. 12. – P. 193–197. – DOI 10.24412/2076–1503–2023–12–193–197.
4. Chirkin V.E. The Rule of Law: Modern Terminology Options // Journal of Russian Law. – 2015. – No. 12 (228). – P. 5–11. – DOI 10.12737/16624.
5. Ayvazyan V.N. Conflictogenic Nature of the Rule of Law Principle and the Genesis of Systemic Conflicts of Constitutional and Legal Regulation // Business in Law. – 2016. – No. 2. – P. 120–126
6. Umnova-Konyukhova I.A. The Rule of Law Principle: Evolution of Doctrines of Legal Understanding in National Law and International Law / I.A. Umnova-Konyukhova, V.A. Nikolaev // Gaps in Russian Legislation. – 2019. – No. 4. – P. 92–100.
7. Kicha M.V. Universalism of Human Rights: Myth or Reality? // Justice. – 2019. – Vol. 1, No. 1. – P. 43–62. – DOI: 10.17238/issn2686-9241.2019.1.43-62
8. Atagimova E.I. The Role of Constitutional Justice in Ensuring Human Rights and Freedoms in the Russian Federation // Legal Informatics. – 2017. – No. 4. – P. 55–61. – DOI: 10.21681/1994-1404-2017-4-55-61
9. Abdullaev A.M. The Human Right to Life and the Death Penalty in Acts of Constitutional Justice // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: ECONOMICS and LAW. – 2023. – No. 06. – P. 136–141. – DOI 10.37882/2223–2974.2023.06.20

Возможности внедрения концепции квазисудебного порядка разрешения публично-правовых споров в российской правовой системе

Голубош Олеся Сергеевна,

магистр Финансового университета при Правительстве РФ, главный специалист Дирекции методологии и технологий образования Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС
E-mail: o.golubosh@yandex.ru

Исследование посвящено изучению проблем и перспектив правового регулирования административного порядка защиты прав граждан в современной России. В силу того, что на сегодняшний день судебный порядок защиты прав граждан в публично-правовых отношениях недостаточно эффективен, встает вопрос поиска и/или совершенствования альтернативного порядка защиты прав граждан, которым, как считает автор, выступает административный порядок. При использовании обще- и частно-научных методов, системного и формально-юридического метода соответственно, автор анализирует положения законодательства, позиции судов высшей инстанции и примеры судебной практики, отражающие специфику применения административного порядка защиты прав граждан в публично-правовых отношениях в настоящий момент, а также формулирует условия и критерии его применения. В результате автор приходит к выводу о необходимости и реальных перспективах внедрения концепции квазисудебного порядка разрешения споров между гражданином и государством, предлагает свое видение её воплощения в российскую правовую действительность. Кроме того, автор считает необходимым закрепить на уровне законодательства отдельный порядок рассмотрения административно-правовых споров, раскрывающий специфику квазисудебного способа их разрешения, в форме федерального закона.

Ключевые слова: защита прав граждан, публично-правовые отношения, судебный порядок защиты прав граждан, административный порядок защиты прав граждан, квазисудебные органы, административные споры.

Введение

Создание эффективного механизма защиты прав граждан – общегосударственная задача, диктуемая Основным законом страны и соответствующими стратегическими документами [5]. При этом наибольшую значимость такая задача приобретает в контексте публично-правовых отношений, на что обращают внимание известные научные деятели России – такие как Л.Л. Попов, В.В. Ярков, П.В. Крашенинников.

По мнению Л.Л. Попова, гражданин «заведомо является более слабой стороной по сравнению с представителем власти, несмотря на обладание равными с последним правами и обязанностями при рассмотрении дела» [20]. Сильной стороной в административных (публично-правовых) правоотношениях П.В. Ярков называет «государственные органы, организации, должностные лица, наделенные определенными властными полномочиями» – те субъекты, которые «противостоят в административном процессе гражданам» [12]. В связи с этим, как указывает П.В. Крашенинников, в целях «выравнивания» положения гражданина и субъекта публичной власти должны использоваться специальные процессуальные механизмы: «на сильную сторону [субъекта публичной власти] возлагается процессуальная обязанность доказать законность своих действий или принятого нормативного, ненормативного акта» [13]. Также научный деятель говорит об активной роли суда: «суд более активен в сфере доказывания: он может по своей инициативе затребовать доказательств, иным образом оказать помощь слабой стороне» [13]. На это обращает внимание и Конституционный суд Российской Федерации, считая в своем Определении обоснованным наделение суда в административном процессе полномочием выйти за пределы оснований и доводов заявленных требований, «поскольку это имеет целью обеспечение полноты проверки законности оспариваемых решений, действий (бездействия) и установление дополнительных гарантий права на судебную защиту граждан как слабой стороны в публичных правоотношениях» [10].

Однако, исходя из анализа законодательства РФ и судебной практики, очевидным становится факт, что далеко не всегда «слабая сторона» защищена таковыми «процессуальными механизмами», а также действиями самого суда и предписаниями судов высшей инстанции. На практике довольно часты случаи, когда гражданин сталкивается с невозможностью полноценной и беспрепятственной

защиты своих прав в отношениях с субъектом публичной власти в судебном порядке, который преимущественным образом применяется гражданами.

Как было выяснено в ходе предыдущего исследования автора [15], «несмотря на открытый перечень способов защиты прав граждан в судебном порядке, закрепленных в статье 12 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), граждане Российской Федерации вправе использовать те или иные способы защиты лишь в конкретных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации» [15]. Это «порождает ситуации, когда в разрезе публично-правовых отношений гражданином применяются те или иные способы защиты прав ненадлежащим образом, в связи с чем могут возникнуть риски отказа в защите нарушенного или оспариваемого права» [15].

Описанные ситуации нередки, и суды, действительно, отказывают гражданину в защите нарушенного права, объясняя это неверно избранным способом защиты права [8]. При этом зачастую в подобных случаях судами не учитывается позиция Пленума Верховного суда РФ, изложенная в п. 9 его Постановления от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление), которым устанавливаются так называемые гарантии принятия иска гражданина к рассмотрению в том случае, если им избран неверный способ защиты. Следует полагать, что это может быть вызвано отсутствием в указанном Постановлении более детальной конкретизации применения судами положений статьи 12 ГК РФ, в связи с чем судьи при рассмотрении искового заявления гражданина, где неверно указан способ защиты прав, нередко вынуждены самостоятельно трактовать разъяснения Верховного Суда.

То же прослеживается, когда, ввиду специфики правового регулирования защиты прав граждан в публично-правовых отношениях, некорректно определяется вид судопроизводства – как со стороны самого гражданина, так и судов Российской Федерации. Как отмечают В.И. Майоров и В.В. Денисенко, «зачастую сами суды общей юрисдикции ошибочно относят административные дела к гражданским, и наоборот, дела, подпадающие под нормы КАС РФ, рассматривают на основе ГПК РФ» [20]. В свою очередь, ввиду неверного определения вида судопроизводства суды нередко прекращают производство по административному иску (ст. 194 КАС РФ [2]), отказывают в принятии административного иска (ст. 128 КАС РФ [2]), либо возвращают его (ст. 129 КАС РФ [2]). Перечисленные процессуальные основания зависят от конкретных обстоятельств дела и, как показывает анализ практики, могут служить причиной препятствия гражданину доступа к правосудию по формальным основаниям.

Эти и другие результаты анализа судебной практики говорят об отсутствии достаточной правовой регламентации вопросов выбора способов защиты

прав, определения вида судопроизводства – с одной стороны, а с другой – о «недостаточной детализации действующих позиций судов высшей инстанции, которые могли бы отчасти решить имеющиеся проблемы правового регулирования некоторых аспектов судебного порядка защиты прав» [15]. И, как следствие, некоторые правовые нюансы, негативно сказывающиеся на процессе защиты прав граждан в спорах с государством, не могут быть разрешены ни положениями законодательства РФ, ни позициями судов высшей инстанции.

В свою очередь, неверное определение гражданином способа защиты прав, вида судопроизводства влечет за собой повторные рассмотрения соответствующих споров. Как следствие, как было выяснено в рамках предыдущего исследования автора, «в силу большей применимости такого порядка защиты прав граждан кратно возрастает нагрузка, которая приходится на судебную систему России, увеличивается количество дел в производстве судов» [15].

В этой связи актуальным становится вопрос «выбора альтернативного порядка защиты гражданских прав, более гибкого и простого с точки зрения применения в публично-правовых отношениях, которым, как представляется, выступает административный порядок защиты прав граждан» [15]. Потенциальная применимость гражданином административного порядка связана с отсутствием «необходимости выбора способа защиты прав, определения вида судопроизводства» [15]; в свою очередь, в перспективе более активное применение административного порядка защиты прав граждан может снизить судебную нагрузку – с одной стороны, и повысить эффективность деятельности органов публичной власти в соответствующих частях.

Основная часть

В доктрине, которая была ранее изучена, неоднократно отмечается «эффективность такого порядка и соответствующих способов защиты прав граждан именно в контексте публично-правовых отношений» [15]. Богданова Е.Е., описывая преимущества защиты гражданских прав в административном порядке, указывала на «оперативность осуществления защиты права, что отличает его от судебного порядка» [14].

Однако, несмотря на имеющийся потенциал применения указанного порядка защиты прав граждан, в действующем законодательстве Российской Федерации не уделяется должного внимания его способам и формам. Сегодня законодательство РФ во многом лишь «декларирует возможность защиты нарушенного права в административном порядке» [15], не устанавливая конкретных действенных способов восстановления нарушенных прав, а также «адекватные компенсационные механизмы и гарантии защиты прав» [16]. Так, например, как было выяснено автором в ходе предыдущего исследования, «статья 11 ГК РФ

говорит о возможности защиты гражданских прав в административном порядке, которая осуществляется «лишь в случаях, предусмотренных законом» [1]. Однако перечень таких случаев статьей не указан, что явно не способствует беспрепятственной защите гражданином своих прав» [15].

В целях более детального раскрытия специфики и проблематики правового регулирования административного порядка защиты прав граждан в публично-правовых отношениях необходимо изучить отдельные положения законодательства РФ, которые прямо указывают на возможность (или необходимость) разрешения споров с субъектами публичной власти в административном порядке. Такой анализ позволит сформулировать критерии административно-правовых споров и условия, при которых административный порядок в принципе возможен. Это необходимо для обеспечения характера реальности и соответствия российским правовым реалиям предлагаемых мер по усовершенствованию административного порядка.

Анализ положений Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», а также соответствующих статей Гражданского кодекса Российской Федерации и положений других правовых актов, позволяет сделать вывод о преимущественном применении административного порядка защиты прав в целях обжалования решений, действий (бездействия) органов власти. В случае, если решение, действие (бездействие) подразумевает предоставление государственной (муниципальной) услуги, то гражданин вправе обжаловать их в порядке, предусмотренном Федеральным законом № 210-ФЗ. В других случаях, как правило, гражданин обжалует решение, действие (бездействие) в виде обращения, в соответствии с Федеральным законом № 59-ФЗ. При этом порядок обжалования решения, действия (бездействия) в указанных федеральных законах носит достаточно общий характер, который не подразумевает активное участие гражданина в рассматриваемом споре, не закрепляет процессуальные права и обязанности, как это предусмотрено в судебном порядке. Подобное судебному порядку рассмотрение по существу в административном порядке предусмотрено лишь в отдельных случаях, подробно регламентированных в соответствующих законах, что указывает на специальный характер подобных случаев рассмотрения административного спора.

Отсюда вытекает ключевое условие применения административного порядка: он возможен только в тех случаях и формах, которые прямо предусмотрены законодательством РФ. Очевидно также, что возможность применения такого порядка обусловлена отсутствием необходимости при-

влечения к разрешению административного спора независимого арбитра (суда). Однако есть исключения. В категорию таких споров, например, не могут входить дела, где «имеет место действие нормативных правовых актов, актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» [17].

Приведенные тезисы соотносятся с результатами анализа применения гражданином административного порядка защиты прав на примере конкретных органов публичной власти (Минфин России, ФТС России, ФНС России). Изучение соответствующих нормативно-правовых [3] и локальных актов [4] также говорит об отсутствии у гражданина процессуальных возможностей активного участия в рассмотрении жалобы и/или административного спора как такового в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 27.07.2010 № 210-ФЗ и Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ, а также в отдельных случаях, подразумевающих обязательный досудебный порядок урегулирования спора гражданина с субъектом публичной власти.

Анализ практики досудебного урегулирования спора в ФНС России позволяет заключить, что действующий порядок обращения гражданина с жалобой в порядке подчиненности также не наделяет гражданина правами и обязанностями. В силу отсутствия открытого и развитого порядка рассмотрения жалоб граждан, решения, принимаемые по ним, зачастую дублируют ранее принятые, либо содержат в себе обоснование законности действия (бездействия) нижестоящего органа. При этом существует риски необъективности такого рассмотрения для граждан. Поэтому те, минуя процедуру досудебного обжалования (в случае, если та не является обязательной), как показывает судебная практика, обращаются напрямую в суд за защитой своих прав, где неоднократно удовлетворяются требования гражданина, в чем было отказано ему в рамках рассмотрения жалобы налоговым органом.

С позиции органа публичной власти, «сильной» стороны публично-правовых отношений, несовершенство административного порядка влечет за собой повторные рассмотрения споров либо в рамках подчиненности, либо в судебном порядке, подразумевает наличие рисков возникновения соответствующей ответственности, что также негативно сказывается на деятельности самого органа публичной власти.

С учетом вышесказанного становится очевидно, что предусмотренные действующим законодательством Российской Федерации возможности защиты гражданином своих прав в публично-правовых отношениях в административном порядке сегодня ограничены, и это негативно сказывается на каждую из сторон таких правоотношений. При этом процессуальные возможности, которыми вправе воспользоваться гражданин в административном порядке, могут быть предусмотрены лишь в конкретных случаях и только в рамках правоот-

ношений с такими субъектами публичной власти, где обеспечены соответствующие условия, которые частично были выявлены ранее.

На такую особенность правового регулирования административного порядка указывают суды в своих актах. Так, например, Конституционный суд РФ в своем Определении говорит о необходимости установления «четких и однозначных критериев, по которым производится рассмотрение данным органом переданных в его компетенцию административных споров в течение определенных сроков» [9], при этом их отсутствие означает, что «необходимая юридическая инфраструктура защиты нарушенных прав в административном порядке соответствующим федеральным органом исполнительной власти не создана» [9].

Результаты

Все вышесказанное говорит о необходимости разработки законодательных мер по совершенствованию административного порядка защиты прав граждан в публично-правовых отношениях в целях усовершенствования всего механизма защиты прав граждан Российской Федерации. В качестве первоочередных действий автор считает актуальным закрепить в статье 11 ГК РФ общее условие применения административного порядка защиты прав граждан в соответствующем субъекте публичной власти: право на административную защиту может быть реализовано только с учетом полномочий органа власти, уполномоченного на предоставление соответствующей защиты в административном порядке.

Вопрос совершенствования российского законодательства в части регулирования административного порядка защиты прав требует отдельного рассмотрения так называемого «квазисудебного способа» разрешения административно-правового спора, в частности – обжалования решений, действий (бездействия) органа публичной власти, подразумевающее «рассмотрение административно-правового спора на основе устного разбирательства специализированными органами, не включенными в судебную систему» [18].

Представляется, что в современной России существуют предпосылки, необходимые для постепенного воплощения указанной концепции. В подтверждение тезиса следует привести пример создания относительно самостоятельной структуры – комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости. С точки зрения процесса рассмотрения таких споров, как следует из Приказа Минэкономразвития России от 04.05.2012 года № 263, «по каждому рассматриваемому спору проводится устное разбирательство на заседании комиссии с извещением заинтересованных лиц о времени и месте заседания, предусмотрено ведение протокола заседания комиссии, в котором фиксируются пояснения присутствующих лиц, а также результаты голосования членов комиссии» [6], что по многом отражает порядок организации судебных процессов.

Однако здесь же стоит уточнить, что создание и развитие концепции «квазисудебного» разрешения административных споров не является направлением государственного администрирования, общегосударственной «нормой». «Квазисудебные» органы, структуры, создаются только в тех органах, которые ввиду своей специфики нуждаются в подобном разрешении споров с гражданами. Поэтому на данный момент «нельзя констатировать о существовании в Российской Федерации отдельного, «квазисудебного», способа рассмотрения административно-правовых споров» [18], о чем также говорят научные деятели России.

При этом стоит полагать, что создание «квазисудебного» способа обжалования действия (бездействия), решений органов власти, наряду с совершенствованием законодательства Российской Федерации в тех частях, что указаны выше, потенциально могло бы стать серьезным толчком в совершенствовании административного порядка защиты прав граждан, поскольку сама идея создания такого института, близкого к суду, но им не являющимся, может позволить в значительной степени «облегчить» судебную систему России – с одной стороны, а с другой – стать ключевым элементом механизма защиты прав гражданина, а также снизить расходы органов публичной власти на участие в судебных разбирательствах.

Учитывая российские реалии, видится возможным концептуально выделить перспективные типы организации рассмотрения административных споров в рамках квазисудебного способа:

- функционирование в структуре органа власти структурного подразделения, которое занимается урегулированием конкретных споров в досудебном (внесудебном) порядке;
- функционирование независимого органа вне структуры органа власти, рассматривающего споры в административном порядке.

Исходя из указанных типов организации рассмотрения административных споров в специальных подразделениях (органах), представляется возможным сформулировать общее понятие квазисудебного органа.

«Квазисудебный орган» – это специально созданное и функционирующее на базе основного органа публичной власти подразделение, правовой статус которого устанавливается актами соответствующего органа публичной власти, или самостоятельная организационная структура, действующая в соответствии с установленным регламентом, деятельность которых направлена на рассмотрение административно-правовых споров в досудебном (внесудебном) порядке в целях обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц в сфере публично-правовых отношений».

Потенциально полномочия квазисудебных органов условно можно поделить на две группы:

1. Полномочия по делопроизводству, выражающиеся, помимо прочего, в документальной фиксации процесса рассмотрения административно-

правовых споров, итогов голосования (в случае с работой комиссий), присутствующих сторон и результатов (решений) и пр.

2. Полномочия по непосредственному рассмотрению и разрешению административно-правового спора, подразумевающие:
 - a. рассмотрение вопроса о принятии поступившей жалобы к производству;
 - b. привлечение иных заинтересованных лиц к участию в рассмотрении жалобы;
 - c. восстановление пропущенного срока обжалования;
 - d. истребование дополнительных документов и доказательств;
 - e. возложение на стороны административного спора обязанностей (представление дополнительных доказательств, пояснений, возражений, документов и пр.);
 - f. признание обжалуемое решение, действие (бездействие) незаконным, обязанность устранить допущенные нарушения.

В основе предлагаемых полномочий – идея о наделении специальных органов процессуальными полномочиями суда. При этом важно подчеркнуть, что полноценная реализация концепции квазисудебных органов не общеприменима, но возможна с учетом тех критериев и условий применения административного порядка рассмотрения и разрешения спора, которые были ранее сформулированы. Иными словами, функционирование квазисудебных органов возможно лишь в тех случаях, когда для этого существуют соответствующие предпосылки. Кроме того, такой процесс требует существенных изменений в кадровых процессах, финансировании в соответствующих частях, ресурсах, но более того – внесения изменений в действующее законодательство Российской Федерации.

Представляется, что возможность разрешения публично-правовых споров «квазисудебным» способом есть при проведении масштабной реформы порядка защиты прав граждан на законодательном уровне в целом. Проблема требует введения изменений как в материальное, так и процессуальное право. Так, если первое уже частично оговорено выше, то в контексте совершенствования процессуального права необходимо законодательно закрепить порядок защиты прав граждан в административном порядке, права и обязанности обеих сторон, четкие сроки, а также рассмотреть возможность участия заявителя в процессе рассмотрения жалобы, создав тем самым «квазисудебный» порядок разрешения споров.

При этом, наиболее подходящая форма закрепления такого порядка, как представляется – «федеральный закон, который отдельно регламентирует такой способ рассмотрения и разрешения административных споров» [18]. В нём важно отразить понятие, статус, полномочия и условия формирования компетентных органов (структурных подразделений), рассматривающих такие споры и выносящие по ним и контролирующие решения (в рам-

ках настоящего исследования ранее их именовали «квазисудебными» органами), а также закрепить ключевые этапы административного порядка рассмотрения жалоб в качестве отдельных статей (глав) такие, как: возникновение юридического факта; срок для подачи жалобы: начало течения и его восстановление; подача жалобы и её содержание; принятие жалобы к производству и рассмотрение её по существу; права и обязанности лиц, участвующих при рассмотрении жалобы; решение компетентного органа (уполномоченное лицо, комиссия) по жалобе; контроль за исполнением принятого решения.

Соответственно, общий порядок разрешения административно-правовых споров может представлять собой совокупность следующих этапов:

- 1) Обращение лица с жалобой на решение, действие (бездействие) публичного органа;
- 2) Принятие жалобы к производству компетентным органом, назначение даты очного рассмотрения;
- 3) Приглашение сторонами своих позиций, представление доказательств, решение иных процессуальных вопросов и рассмотрение жалобы по существу;
- 4) Вынесение решения о признании недействительным решения, действия (бездействия) органа публичной власти;
- 5) Решение компетентного органа передается на контроль в отдельное подразделение, которое напрямую передает его (решение) в публичный орган и обязывает устранить допущенные нарушения (т.е. привести решение в исполнение в соответствии с изложенными в нем указаниями/требованиями).
- 6) Права гражданина считаются восстановленными (защищенными).

Таким образом, назначение отдельного порядка рассмотрения и разрешения споров гражданина и государства состоит в предоставлении гражданину процессуальных возможностей, во многом схожими с теми, которые он имеет в судебном порядке, вследствие чего его роль при рассмотрении споров приобретает активный характер. При этом такой порядок не требует от гражданина предварительного разрешения ряда вопросов в момент инициирования судебного разбирательства. Всё это может повлиять на выбор гражданина в пользу административного порядка в целях обжалования решений, действия (бездействия) органов публичной власти, что «в перспективе позволит избежать кратного нарастания судебной нагрузки по однотипным спорам гражданина с «сильной» стороной публично-правовых отношений» [15].

Вместе с тем, нельзя не учитывать определенные риски, связанные с деятельностью второй стороны публично-правовых отношений – органов публичной власти. Разумеется, наибольшее количество рисков (прежде всего, кадровых, организационных) и расходов несут за собой мероприятия по формированию отдельного порядка рассмотрения административных споров, в частности, свя-

занные с созданием «квазисудебных» органов, которые предполагают возрастание нагрузки на кадры и увеличение ответственности за принятие соответствующих решений в органах публичной власти. Именно поэтому целесообразным представляется постепенная, поэтапная, реализация приведенных в работе рекомендаций с периодическим измерением социальных и экономических эффектов от их внедрения в российскую правовую действительность.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федер. закон [принят Государственной Думой 21 октября 1994 от 30.11.1994 № 51-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – 5 дек. – № 32. – Ст. 3301.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федер. закон [принят Государственной Думой 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – 9 марта. – № 10 – Ст. 1391.
3. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ: принят Государственной Думой 26 июля 2018 г.: одобрен Советом Федерации 28 июля 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – 5 дек. – № 32 (часть I). – Ст. 5082.
4. Об утверждении Административного регламента Федеральной налоговой службы по предоставлению государственной услуги по бесплатному информированию (в том числе в письменной форме) налогоплательщиков...: Приказ ФНС России от 08.07.2019 N ММВ-7-19/343 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> – 2019. (дата обращения: 20.03.2024).
5. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9.11.2022 г. № 809. // Официальный портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 25.11.2023).
6. Об утверждении Порядка создания и работы комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости и признании утратившим силу приказа Минэкономразвития России от 22 февраля 2011 г. № 69 «Об утверждении Типовых требований к порядку создания и работы комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости»: Приказ Минэкономразвития России от 04.05.2012 № 263 // Российская газета. – 2012. – 3 марта. – № 177.
7. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28.07.2022 по делу N 8а-17587/2022, 88а-23655/2022 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2024).
8. Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 N 448-О // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.03.2024).
9. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 2088-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Пастухова Виталия Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 246 и частью первой статьи 251 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (абз. 3 п. 2 мотивировочной части) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.01.2024).
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.06.2020 N Ф05–7943/2020 по делу N А40–216377/2019 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.03.2024).
11. Административное судопроизводство: учебник для студентов высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / Под ред. В.В. Яркова. – Москва: Статут, 2016.
12. Гражданское процессуальное право. Общая часть: учебник: в 2 т.» (том 1). – (2-е изд., переработанное и дополненное / Под ред. П.В. Крашенинникова. – Москва: Статут, 2022.
13. Богданова Е.Е. Административный порядок защиты гражданских прав // Право и экономика. 2004. – № 5. – С. 17.
14. Голубош, О.С. Порядок и способы защиты прав граждан в публично-правовых отношениях в современной России: актуальные вызовы и перспектива / О.С. Голубош, Г.М. Минасян // Право и управление. – 2023. – № 6. – С. 54–59.
15. Горбунова (Коршунова) И.В. Проблемы определения вида судопроизводства по делам об оспаривании действий (бездействия) и решений органов публичной власти // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова: электрон. научн. журн. – 2022.
16. Кощеева, Е. С. К вопросу об альтернативных формах прекращения публичного спора / Е.С. Кощеева, А.Н. Петрунева // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 12(133). – С. 69–78.
17. Леонов, Д.В. Способы оспаривания актов органов государственного управления: сравнительный анализ проблем правового регулирования / Д.В. Леонов // Административное право и процесс. – 2020. – № 2. – С. 82–85. – DOI 10.18572/2071–1166–2020–2–82–85.
18. Майоров, В. И. К вопросу о возможности создания административных судов в России /

В.И. Майоров, В.В. Денисенко // Административное право и процесс. – 2020. – № 1. – С. 36–40.

19. Попов, Л.Л. Нужен ли нам Административно-процессуальный кодекс Российской Федерации? / Л.Л. Попов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 8(12). – С. 75–78.

THE POSSIBILITIES OF INTRODUCING THE CONCEPT OF A QUASI-JUDICIAL PROCEDURE FOR RESOLVING PUBLIC LAW DISPUTES IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Golubosh O.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The research is devoted to the study of the problems and prospects of legal regulation of the administrative procedure for the protection of citizens' rights in modern Russia. Due to the fact that today the judicial procedure for protecting the rights of citizens in public relations is not effective enough, the question arises of finding and/or improving an alternative procedure for protecting the rights of citizens, which, according to the author, is the administrative procedure. When using general and private scientific methods, systematic and formal legal methods, respectively, the author analyzes the provisions of legislation, the positions of the courts of higher instance and examples of judicial practice reflecting the specifics of the application of the administrative procedure for protecting citizens' rights in public relations at the moment, and also formulates the conditions and criteria for its application. As a result, the author comes to the conclusion about the need and real prospects for introducing the concept of a quasi-judicial procedure for resolving disputes between a citizen and the state, and offers his vision of its implementation into Russian legal reality. In addition, the author considers it necessary to consolidate at the legislative level a separate procedure for the consideration of administrative and legal disputes, revealing the specifics of the quasi-judicial method of their resolution, in the form of a federal law.

Keywords: protection of citizens' rights, public law relations, judicial procedure for the protection of citizens' rights, administrative procedure for the protection of citizens' rights, quasi-judicial bodies, administrative disputes.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation: Feder. The law [adopted by the State Duma on October 21, 1994 No. 51-FZ dated 11/30/1994] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – 5 Dec. – No. 32. – Article 3301.
2. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation: Feder. The law [adopted by the State Duma on March 8, 2015 No. 21-FZ] // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2015. – March 9th. – No. 10 – Article 1391.
3. On Customs regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Feder. Law No. 289-FZ of August 3, 2018: adopted by the State Duma on July 26, 2018; approved by the Federation Council on July 28, 2018 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2018. – 5 Dec. – No. 32 (Part I). – Article 5082.
4. On approval of the Administrative Regulations of the Federal Tax Service for the provision of public services for free information (including in writing) to taxpayers...: Order of the Federal Tax Service of Russia dated 08.07.2019 N MMV-7–19/343 // The official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> – 2019. (date of access: 03/20/2024).
5. On the approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: Decree of the President of the Russian Federation dated 11/19/2022 No. 809. // Official portal of Legal Information. URL: pravo.gov.ru (date of access: 11/25/2023).
6. On Approval of the Procedure for the Creation and Work of the Commission for the Consideration of Disputes on the Results of determining the cadastral value and Invalidation of Order No. 69 of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated February 22, 2011: Order No. 263 of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated 05/04/2012 // Rossiyskaya Gazeta. – 2012. – March 3. – № 177.
7. 8. Cassation ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated 07/28/2022 in case No. 8a-17587/2022, 88a-23655/2022 // Reference-the legal system "ConsultantPlus" – URL: <https://www.consultant.ru> / (date of access: 10/01/2024).
8. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 03/10/2016 N 448-O // Legal reference system "ConsultantPlus" – URL: <https://www.consultant.ru> / (date of access: 03/10/2024).
9. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09/29/2015 No. 2088-O "On refusal to accept for consideration the complaints of citizen Pastukhov Vitaly Yuryevich for violation of his constitutional rights by part three of Article 246 and part One of Article 251 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation" (paragraph 3, paragraph 2 of the motivational part) // Reference Legal System "ConsultantPlus" – URL: <https://www.consultant.ru> / (date of access: 10/01/2024).
10. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 30.06.2020 N F05–7943/2020 in the case N A40–216377/2019 // ConsultantPlus Legal Reference System – URL: <https://www.consultant.ru> / (date of access: 03/10/2024).
11. Administrative proceedings: textbook for students of higher educational institutions in the field of "Jurisprudence" (specialist, bachelor, master) / Edited by V.V. Yarkov. – Moscow: Statute, 2016.
12. Civil procedure law. General part: textbook: in 2 volumes" (volume 1). – (2nd ed., revised and supplemented / Edited by P.V. Krashenninikov. – Moscow: Statute, 2022.
13. Bogdanova E.E. Administrative procedure for the protection of civil rights // Law and economics. 2004. – No. 5. – p. 17.
14. Golubosh, O.S. The order and methods of protecting the rights of citizens in public relations in modern Russia: current challenges and prospects / O.S. Golubosh, G.M. Minasyan // Law and management. – 2023. – No. 6. – pp. 54–59.
15. Gorbunova (Korshunova) I.V. Problems of determining the type of legal proceedings in cases of challenging actions (inaction) and decisions of public authorities // Bulletin of the N.F. Katanov Khakass State University: electron. scientific Journal. – 2022.
16. Kosheeva, E.S. On the issue of alternative forms of termination of a public dispute / E.S. Kosheeva, A.N. Petrunova // Current problems of Russian law. – 2021. – Vol. 16, No. 12(133). – pp. 69–78.
17. Leonov, D.V. Methods of challenging acts of public administration bodies: a comparative analysis of problems of legal regulation / D.V. Leonov // Administrative law and process. – 2020. – No. 2. – pp. 82–85. – DOI 10.18572/2071–1166–2020–2–82–85
18. Mayorov, V.I. On the question of the possibility of creating administrative courts in Russia / V.I. Mayorov, V.V. Denisenko // Administrative law and process. – 2020. – No. 1. – pp. 36–40.
19. Popov, L.L. Do we need the Administrative Procedure Code of the Russian Federation? / L.L. Popov // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). – 2015. – № 8(12). – Pp. 75–78.

Правовые основы ограничения ответственности продавцов в сделках слияний и поглощений в системе международного гражданского права

Клещёв Александр Сергеевич,

аспирант Дагестанский государственный университет
E-mail: Kleshevas@gmail.com

Статья посвящена комплексному анализу правовых основ ограничения ответственности продавцов в международных сделках слияний и поглощений (M&A). Рассматриваются основные механизмы ограничения ответственности, такие как caps, baskets, de minimis и другие. Проводится сравнительный анализ подходов различных юрисдикций к регулированию вопросов ответственности в M&A сделках. Исследуются тенденции стандартизации условий об ответственности в международной практике, особенности ограничения ответственности при предоставлении заверений и гарантий, а также влияние пандемии COVID-19 на структурирование ответственности в M&A сделках. Методология исследования основана на комплексном подходе, сочетающем формально-юридический, сравнительно-правовой и эмпирический методы. Особое внимание уделяется анализу проблем и перспектив развития механизмов ограничения ответственности продавцов в контексте международного гражданского права и *lex mercatoria*.

Ключевые слова: слияния и поглощения, M&A, ограничение ответственности, международное гражданское право, заверения и гарантии, caps, baskets, de minimis, COVID-19, *lex mercatoria*, трансграничные сделки, правовое регулирование.

Ограничение ответственности продавцов в сделках слияний и поглощений (M&A) является одним из ключевых аспектов структурирования таких сделок в международной практике. В условиях глобализации экономики и роста трансграничных M&A транзакций вопросы правового регулирования ответственности сторон приобретают особую актуальность. Сложность и многогранность данной проблематики обусловлена необходимостью учета различных правовых систем, международных обычаев делового оборота и тенденций развития *lex mercatoria* в сфере M&A.

Целью данного исследования является комплексный анализ правовых основ ограничения ответственности продавцов в международных сделках M&A.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- Изучить основные механизмы ограничения ответственности продавцов в M&A сделках (caps, baskets, de minimis и др.).
- Проанализировать подходы различных юрисдикций к регулированию вопросов ответственности в M&A.
- Рассмотреть тенденции стандартизации условий об ответственности в международной практике M&A.
- Выявить особенности ограничения ответственности при предоставлении заверений и гарантий.
- Исследовать влияние пандемии COVID-19 на практику структурирования ответственности в M&A сделках.

В основу методологии исследования положен комплексный подход, сочетающий формально-юридический, сравнительно-правовой и эмпирический методы. Анализ проводится на основе изучения доктринальных источников, нормативно-правовой базы различных юрисдикций, судебной практики, а также эмпирических данных и статистики международных M&A сделок. Особое внимание уделяется сравнительному анализу подходов, сложившихся в системах общего и континентального права.

Сделки M&A представляют собой важный инструмент корпоративной стратегии, позволяющий компаниям расширять свою деятельность, выходить на новые рынки и повышать эффективность. Под слиянием понимается объединение двух или более компаний в одну, в то время как поглощение предполагает приобретение одной компанией контрольного пакета акций другой [1].

Как отмечает И.В. Вселенская, сделки M&A являются сложными многоэтапными процессами, включающими предварительные переговоры, due diligence, структурирование сделки, подписание соглашений и их исполнение [12]. Их сущность заключается в перераспределении корпоративного контроля и изменении структуры собственности компаний.

Международные сделки M&A характеризуются рядом специфических черт, обусловленных трансграничным характером. Э.Р. Салгириев, К.Х. Ильясова и С.А. Вахабов подчеркивают, что в условиях глобализации происходит разгосударствление регулирования международных коммерческих отношений [16], что особенно ярко проявляется в сфере M&A.

Ключевыми особенностями международных сделок слияний и поглощений являются:

- необходимость учета различий в правовых системах и корпоративном законодательстве разных стран;
- валютные риски и налоговые аспекты;
- культурные различия между компаниями из разных юрисдикций;
- более сложная процедура due diligence;
- необходимость получения разрешений регулирующих органов нескольких государств.

Продавец играет ключевую роль на всех этапах сделки M&A. Как отмечают Е.Н. Александрова и В.В. Коршикова, «расширение сферы действия корпоративных актов повышает значимость позиции продавца при структурировании сделки» [11].

Основные функции продавца в сделках M&A включают:

- подготовку компании к продаже (предпродажная подготовка);
- проведение оценки стоимости бизнеса;
- предоставление информации для due diligence;
- ведение переговоров об условиях сделки;
- предоставление гарантий и заверений об обстоятельствах;
- передачу акций/долей и контроля над компанией покупателю [14].

От действий продавца во многом зависит успешность сделки и достижение поставленных целей обеими сторонами. При этом продавец должен соблюдать баланс между раскрытием информации и защитой коммерческой тайны компании.

В международной практике сделок M&A сложились общепринятые принципы ограничения ответственности продавцов, основанные на балансе интересов сторон и справедливом распределении рисков. Эти принципы нашли отражение как в национальных законодательствах разных стран, так и в международных актах. Основными принципами являются:

1. Принцип разумности ограничений. Ограничения ответственности должны быть разумными и соразмерными. Этот принцип закреплен, например, в ст. 7.1.6 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА, где указывается о том, что «оговорка, которая ограничивает или ис-

ключает ответственность одной стороны за неисполнение или предусматривает, что одна сторона может предоставить существенно иное исполнение, чем то, которое другая сторона разумно ожидала, не может быть использована, если ее использование приведет к явной несправедливости с учетом цели договора» [15].

2. Принцип добросовестности сторон. Стороны должны действовать добросовестно при согласовании и применении ограничений ответственности. Этот принцип отражен в ст. 1.7 Принципов УНИДРУА, обязующей стороны действовать в соответствии с принятыми в практике международной торговли добросовестностью и честной деловой практикой.

3. Запрет на ограничение ответственности за умышленное нарушение. Ответственность за умышленное нарушение обязательств, как правило, не может быть ограничена или исключена. Этот принцип закреплен во многих национальных законодательствах, например, в п. 4 ст. 401 ГК РФ: «Заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства ничтожно» [2].

4. Принцип предсказуемости убытков. Ответственность может быть ограничена размером предвидимых на момент заключения договора убытков. Этот принцип отражен в ст. 74 Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров: «Убытки не могут превышать ущерба, который нарушившая договор сторона предвидела или должна была предвидеть в момент заключения договора как возможное последствие его нарушения» [1].

5. Принцип свободы договора в установлении ограничений. Стороны вправе по своему усмотрению согласовать ограничения ответственности, если это не противоречит императивным нормам. Это отражено, например, в ст. II.-1:102 Модельных правил европейского частного права (DCFR): «Стороны свободны в заключении договора и в определении его содержания» [8].

6. Принцип толкования ограничений в пользу ответственной стороны. Положения об ограничении ответственности должны толковаться ограничительно. Этот принцип закреплен, в частности, в ст. 4.6 Принципов УНИДРУА: «Если условия договора, выдвинутые одной стороной, являются неясными, то предпочтение отдается толкованию, которое противоположно интересам этой стороны».

Эти принципы находят отражение в конкретных механизмах ограничения ответственности в M&A сделках, таких как ограничение максимальной суммы ответственности, установление пороговых значений для предъявления требований (de minimis, basket), ограничение сроков предъявления требований и др.

Важно отметить, что применение этих принципов может варьироваться в зависимости от юрисдикции и конкретных обстоятельств сделки. Тем не менее, они служат общим ориентиром для обеспечения справедливого баланса интересов сто-

рон при согласовании положений об ответственности в международных M&A сделках.

Основными договорными механизмами ограничения ответственности продавцов в международных сделках M&A являются:

1) Ограничение максимальной суммы требований (cap). Как правило, устанавливается в размере 25–50% от цены сделки. Данная практика соответствует рекомендациям Международной ассоциации юристов (International Bar Association – IBA) в руководстве по сделкам M&A [21].

2) Минимальные пороги для предъявления требований:

- De minimis – минимальный размер отдельного требования;
- Basket – совокупный минимальный размер всех требований.

Эти механизмы отражены в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА (, в частности, в статье 7.4.1 о праве на возмещение убытков.

3) Ограничение сроков предъявления требований и направления уведомлений о нарушениях. Данная практика соответствует положениям Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года (CISG), в частности статье 39 об уведомлении о несоответствии товара.

4) Совместное ведение судебных разбирательств по требованиям третьих лиц. Этот подход согласуется с принципами, изложенными в Руководстве ЮНСИТРАЛ по составлению международных контрактов на строительство промышленных объектов [4].

5) Запрет на уступку прав требования к продавцу. Данное положение соответствует принципам, отраженным в Конвенции УНИДРУА о международном факторинге 1988 года, которая признает возможность ограничения уступки прав по договору.

6) Ограничение ответственности в связи с изменением применимого законодательства. Этот механизм соответствует принципам, изложенным в Руководстве ICC по форс-мажорным обстоятельствам и затруднениям [18].

7) Положения о раскрытии информации (disclosure schedules), ограничивающие ответственность за раскрытые факты. Данная практика отражена в рекомендациях Международной торговой палаты (ICC) по составлению международных договоров купли-продажи.

В современном международном гражданском праве наблюдается тенденция к установлению законодательных ограничений ответственности продавцов, которые варьируются в зависимости от юрисдикции. Данные ограничения призваны обеспечить баланс интересов сторон и предотвратить злоупотребления договорной свободой.

В Российской Федерации правовое регулирование в этой сфере осуществляется преимущественно нормами Гражданского кодекса и разъяснениями высших судебных инстанций. Согласно

пункту 4 статьи 401 ГК РФ, априорные соглашения об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства признаются ничтожными. Более того, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. N 49 устанавливает, что ответственность лица, предоставившего заверение, может быть ограничена в пределах, установленных вышеупомянутой статьей ГК РФ [3].

В англо-американской правовой системе также существуют аналогичные ограничения. В США, согласно Единообразному торговому кодексу (UCC § 2–719(3)) [7], недействительны условия об ограничении ответственности за грубую неосторожность и умышленные нарушения. При этом ограничение ответственности за обычную неосторожность допускается при условии явного выражения и согласования сторонами, что отражено в Своде договорного права (Restatement (Second) of Contracts § 195).

Правовая система Великобритании, в свою очередь, уделяет особое внимание защите жизни и здоровья граждан. Закон о несправедливых условиях договора 1977 года (Unfair Contract Terms Act 1977) [11] в разделе 2(1) устанавливает недействительность условий об ограничении ответственности за смерть или телесные повреждения, вызванные неосторожностью. Ограничение ответственности за иные убытки, вызванные неосторожностью, допускается только при условии разумности такого ограничения.

В континентальной Европе наблюдается схожий подход к регулированию данного вопроса. Германское гражданское уложение (BGB) [6] в § 307 ограничивает возможности исключения ответственности за нарушение существенных договорных обязательств, а § 276 устанавливает недействительность условий об ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательств. Французское законодательство, согласно статье 1231–3 Гражданского кодекса, также признает недействительными условия об ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательств или грубую неосторожность. При этом судебная практика Кассационного суда Франции допускает ограничение ответственности за нарушение существенных обязательств только в разумных пределах.

Аналогичные нормы содержатся в законодательстве Нидерландов. Статья 6:248(2) Гражданского кодекса Нидерландов [5] устанавливает недействительность условий об ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательств или грубую неосторожность. Более того, согласно статье 6:233 того же кодекса, ограничение ответственности за нарушение существенных обязательств может быть признано недействительным, если оно противоречит принципам разумности и справедливости.

Таким образом, можно констатировать, что в различных правовых системах наблюдается общая тенденция к ограничению договорной свободы в части исключения или чрезмерного ограничения

ответственности продавцов, особенно в случаях умышленного нарушения обязательств или грубой неосторожности. Это свидетельствует о стремлении законодателей к обеспечению справедливого баланса интересов сторон в коммерческих отношениях.

Проблемы и перспективы развития механизмов ограничения ответственности продавцов в международных сделках M&A представляют собой комплексную и многогранную область исследования. Анализ существующей практики и тенденций развития позволяет выделить ряд ключевых аспектов данной проблематики.

Одной из основных проблем является неоднородность правового регулирования в различных юрисдикциях. Это создает значительные сложности при структурировании трансграничных сделок, поскольку стороны вынуждены учитывать особенности нескольких правовых систем. Например, в странах общего права (США, Великобритания) широко распространена практика детального регулирования ответственности в договоре, в то время как в странах континентального права (Германия, Франция) большее значение имеют законодательные нормы. Эта проблема отмечается в исследовании Международной ассоциации юристов (IBA) «Global M&A Trends Report» [19], где подчеркивается необходимость гармонизации подходов к регулированию ответственности в M&A сделках.

Отсутствие единообразного подхода к толкованию и применению механизмов ограничения ответственности (caps, baskets, de minimis) в судебной практике разных стран также создает правовую неопределенность. Например, в деле *Sycamore Partners Management, L.P. v. Endurance American Insurance Co.* (2021) [21] Верховный суд штата Делавэр (США) подтвердил важность четкой формулировки условий о caps и baskets в договоре, поскольку их толкование может существенно повлиять на объем ответственности сторон.

В ответ на эти вызовы наблюдается тенденция к усилению стандартизации условий об ответственности в международных сделках. Значительную роль в этом процессе играют международные организации, такие как УНИДРУА и IBA. Например, Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 года содержат рекомендации по формулированию положений об ограничении ответственности, которые могут быть применены в M&A сделках.

Развитие механизмов страхования ответственности продавцов (Warranty & Indemnity insurance) становится все более популярной альтернативой традиционным договорным ограничениям. Согласно отчету AIG «M&A Insurance – The new normal?» за 2020 год [20], объем рынка W&I страхования в Европе вырос на 35% по сравнению с предыдущим годом, что свидетельствует о растущем интересе участников рынка к этому инструменту.

Пандемия COVID-19 оказала существенное влияние на практику структурирования ответственно-

сти в M&A сделках. Появились специальные оговорки и расширился перечень форс-мажорных обстоятельств. Это нашло отражение в рекомендациях Международной торговой палаты (ICC) по адаптации контрактов к условиям пандемии.

Для совершенствования механизмов ограничения ответственности продавцов в международных M&A сделках представляется целесообразным разработка международных стандартов и руководств, учитывающих специфику различных правовых систем. Примером такого подхода может служить Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой медиации и международных мировых соглашениях, заключенных в результате медиации (2018) [10], который предлагает унифицированный подход к регулированию процедуры медиации в международных коммерческих спорах.

Гармонизация подходов к регулированию ответственности в национальных законодательствах, особенно в части признания и исполнения договорных ограничений ответственности, также может способствовать повышению правовой определенности в международных M&A сделках. Примером успешной гармонизации может служить Регламент Рим I [9], который устанавливает единые правила определения применимого права для договорных обязательств в странах ЕС.

Реализация этих и других рекомендаций позволит повысить эффективность механизмов ограничения ответственности продавцов в международных M&A сделках, способствуя развитию трансграничного экономического сотрудничества и снижению правовых рисков для участников рынка.

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров: (заключена в г. Вене 11.04.1980). – Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024). – Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
3. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49. – Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
4. Правовое руководство ЮНСИТРАЛ по составлению международных контрактов на строительство промышленных объектов. – 1987. – URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/procurement/explanatorytexts/construction_of_industrial_works (дата обращения: 29.07.2024).
5. Гражданский кодекс Нидерландов / Под ред. В. Тиммерманса; Пер. Е.Е. Гращенковой // Вестник международного коммерческого арбитража. 2013. № 1 (7). С. 254–292.

6. Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению / Под ред. Т.Ф. Яковлева. Инфотропик, 2015. 888 с.
7. Единообразный торговый кодекс Соединенных Штатов Америки. – URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/0201> (дата обращения: 29.07.2024).
8. Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н.Ю. Рассказова. – М.: Статут, 2013. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Регламент № 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам («Рим I»)»: (принят в г. Страсбурге 17.06.2008). – Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
10. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой медиации и международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации. – 2018. – URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/mediation/modellaw/commercial_conciliation (дата обращения: 29.07.2024).
11. Unfair Contract Terms Act 1977. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/50> (дата обращения: 29.07.2024).
12. Александрова, Е.Н. Правовые основы регулирования слияний и поглощений на опыте международных компаний / Е.Н. Александрова, В.В. Коршикова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 11–1(105). – С. 24–27.
13. Вселенская, И.В. Теоретическое обоснование выделения этапов сделки слияния и поглощения / И.В. Вселенская // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2019. – № 3(41). – С. 15–18.
14. Махортов, А.И. Влияние сделок слияний и поглощений на эффективность деятельности российских компаний / А.И. Махортов // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 4(153). – С. 774–778.
15. Новикова, О.В. Стандартизация сделок M&A в США и Европе: эмпирические исследования и концептуальный анализ / О.В. Новикова // Lex Russica. – 2021. – № 9(178). С. 131–143.
16. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА): (1994 год).
17. Салгириев, Э.Р. Международное право в условиях глобализации мировой экономики / Э.Р. Салгириев, К.Х. Ильясова, С.А. Вахובה // Вестник КНИИ РАН. Серия: Социальные и гуманитарные науки. – 2023. – № 2(5). – С. 64–69.
18. ICC Force Majeure and Hardship Clauses. – 2020. – URL: <https://iccwbo.org/news-publications/icc-rules-guidelines/icc-force-majeure-and-hardship-clauses/> (дата обращения: 29.07.2024).
19. Lex Mundi's Global M&A Trends Report 2023. – URL: <https://www.lexmundi.com/resources/insights/m-a-trends-report/> (дата обращения: 29.07.2024).
20. M&A Insurance – The new normal? – URL: <https://www.aig.dk/content/dam/aig/emea/denmark/documents/manda-thenewnormal.pdf> (дата обращения: 29.07.2024).
21. The growing importance of in-house counsel in today's M&A landscape. – URL: <https://www.ibanet.org/the-growing-importance-of-in-house-counsel-in-todays-manda-landscape> (дата обращения: 29.07.2024).

LEGAL FOUNDATIONS OF LIMITING SELLER LIABILITY IN MERGERS AND ACQUISITIONS TRANSACTIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF INTERNATIONAL CIVIL LAW

Kleshchev A.S.

Dagestan State University

This article is dedicated to a comprehensive analysis of the legal foundations for limiting seller liability in international mergers and acquisitions (M&A) transactions. It examines the main mechanisms for limiting liability, such as caps, baskets, de minimis, and others. A comparative analysis of various jurisdictions' approaches to regulating liability issues in M&A deals is conducted. The article explores trends in the standardization of liability terms in international practice, the specificities of limiting liability when providing representations and warranties, and the impact of the COVID-19 pandemic on structuring liability in M&A transactions. The research methodology is based on a comprehensive approach that combines formal-legal, comparative-legal, and empirical methods. Special attention is given to analyzing the problems and prospects of developing seller liability limitation mechanisms in the context of international civil law and *lex mercatoria*.

Keywords: mergers and acquisitions, M&A, liability limitation, international civil law, representations and warranties, caps, baskets, de minimis, COVID-19, *lex mercatoria*, cross-border transactions, legal regulation.

References

1. United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods: (concluded in Vienna on 11.04.1980). – Access from the ConsultantPlus reference and legal system.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part one): dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 11.03.2024). – Access from the ConsultantPlus reference and legal system.
3. On certain issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 25.12.2018 No. 49. – Access from the ConsultantPlus reference and legal system.
4. UNCITRAL Legal Guide to Drafting International Contracts for the Construction of Industrial Facilities. – 1987. – URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/procurement/explanatorytexts/construction_of_industrial_works (date of access: 29.07.2024).
5. Civil Code of the Netherlands / Ed.V. Timmermans; Trans. E.E. Grashchenkova // Bulletin of International Commercial Arbitration. 2013. No. 1 (7). P. 254–292.
6. Civil Code of Germany. Introductory Law to the Civil Code / Ed. T.F. Yakovlev. Infotropic, 2015. 888 p.
7. Uniform Commercial Code of the United States of America. – URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/0201> (date of access: 29.07.2024).
8. Model Rules of European Private Law / trans. from English; scientific ed. N. Yu. Rasskazova. – М.: Статут, 2013. – Access from the reference and legal system “ConsultantPlus”.
9. Regulation No. 593/2008 of the European Parliament and of the Council of the European Union “On the law applicable to contractual obligations (“Rome I”)”: (adopted in Strasbourg on 17.06.2008). – Access from the reference and legal system ConsultantPlus.
10. UNCITRAL Model Law on International Commercial Mediation and International Settlement Agreements Resulting from Mediation. – 2018. – URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/mediation/modellaw/commercial_conciliation (date of access: 29.07.2024).

11. Unfair Contract Terms Act 1977. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/50> (date of access: 29.07.2024).
12. Aleksandrova, E.N. Legal basis for regulating mergers and acquisitions based on the experience of international companies / E.N. Aleksandrova, V.V. Korshikova // *Economy and business: theory and practice*. – 2023. – No. 11–1 (105). – P. 24–27.
13. Vselenskaya, I.V. Theoretical justification for identifying the stages of a merger and acquisition transaction / I.V. Vselenskaya // *Theory and practice of service: economics, social sphere, technology*. – 2019. – No. 3 (41). – P. 15–18.
14. Makhortov, A.I. The Impact of Mergers and Acquisitions on the Performance of Russian Companies / A.I. Makhortov // *Economy and Entrepreneurship*. – 2023. – No. 4 (153). – P. 774–778.
15. Novikova, O.V. Standardization of M&A Transactions in the USA and Europe: Empirical Research and Conceptual Analysis / O.V. Novikova // *Lex Russica*. – 2021. – No. 9 (178). P. 131–143.
16. Principles of International Commercial Contracts (UNIDROIT Principles): (1994).
17. Salgiriev, E.R. International Law in the Context of Globalization of the World Economy / E.R. Salgiriev, K. Kh. Ilyasova, S.A. Vakhobova // *Bulletin of the KNI RAS. Series: Social and Humanitarian Sciences*. – 2023. – No. 2(5). – P. 64–69.
18. ICC Force Majeure and Hardship Clauses. – 2020. – URL: <https://iccwbo.org/news-publications/icc-rules-guidelines/icc-force-majeure-and-hardship-clauses/> (date of access: 29.07.2024).
19. Lex Mundi's Global M&A Trends Report 2023. – URL: <https://www.lexmundi.com/resources/insights/m-a-trends-report/> (date of access: 29.07.2024).
20. M&A Insurance – The new normal? – URL: <https://www.aig.dk/content/dam/aig/emea/denmark/documents/mandatthenewnormal.pdf> (accessed: 29.07.2024).
21. The growing importance of in-house counsel in today's M&A landscape. – URL: <https://www.ibanet.org/the-growing-importance-of-in-house-counsel-in-todays-manda-landscape> (accessed: 29.07.2024).

Профилактика органами внутренних административных правонарушений, совершаемых юридическими лицами, в рамках контрольно-надзорной деятельности

Крымский Станислав Васильевич,

государственный инспектор дорожного надзора Управления
Госавтоинспекции УМВД России по Рязанской области

Предметом исследования выступает деятельность органов внутренних дел Российской Федерации, направленная на профилактику административных правонарушений, совершаемых юридическими лицами, в процессе реализации контрольно-надзорной деятельности осуществляемой в пределах полномочий указанных органов.

В целях перехода от карательной к предупредительной функции органов внутренних дел, в условиях введения моратория на проведения проверок, рассматривается вопрос актуальной классификации контрольно-надзорной деятельности, с использованием сравнительно-правового метода исследуются такие понятия как профилактика административных правонарушений и профилактические мероприятия, предусмотренные Федеральным законом о государственном контроле (надзоре). Делаются выводы о тождественности данных дефиниций и о том, что деятельность органов внутренних Российской Федерации по профилактике нарушений обязательных требований юридическими лицами, являющимися объектами надзора, можно считать одной из форм деятельности по профилактике административных правонарушений, совершаемых юридическими лицами.

Ключевые слова: профилактика административных правонарушений, профилактические мероприятия, административная ответственность юридических лиц, контрольная (надзорная) деятельность полиции, обязательные требования, профилактика контрольно-надзорной деятельности.

В настоящее время, в условиях вынужденной трансформации национальной экономики Российской Федерации принимается комплекс мер обеспечивающих устойчивое развитие экономики и снижения нагрузки на бизнес в условиях санкций, с целью формирования благоприятного предпринимательского климата [1, с. 148]. Данные факторы непосредственно затрагивают и заставляют по-новому взглянуть на такую категорию субъектов административных правонарушений, как юридические лица.

Неоднократно Президентом Российской Федерации В.В. Путиным на заседаниях Совета Безопасности Российской Федерации и на заседании коллегии МВД Российской Федерации отмечалась важная роль профилактики правонарушений в развитии страны и необходимость поиска новых, современных подходов к профилактике органами внутренних дел Российской Федерации административных правонарушений, в том числе совершаемых юридическими лицами [2; 3]. Главой государства, также отмечено стремление к отмене плановых и внеплановых проверок предприятий не связанных с высокими рисками причинения вреда гражданам или окружающей среде и ограничиться проведением профилактических мероприятий [4].

Принятие решения о внесении в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих исключение возможности привлечения субъектов предпринимательской деятельности к административной ответственности сотрудниками полиции за нарушение обязательных требований, оценка соблюдения которых осуществляется контрольными (надзорными) органами в рамках видов государственного контроля (надзора) и муниципального контроля; а также реализация процесса перехода от проведения контрольных (надзорных) мероприятий и проверок в отношении субъектов предпринимательской деятельности, деятельность которых не относится к высокой или чрезвычайно высокой категории риска причинения вреда, к проведению в отношении таких субъектов исключительно профилактических мероприятий нашли свое отражение, как в перечне поручений Президента по итогам XXVI Петербургского международного экономического форума [5], так и в послании Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года [9].

Вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о высокой озабоченности высших органов

государственной власти Российской Федерации вопросами привлечения юридических лиц к административной ответственности и профилактики административных правонарушений, совершаемых данной категорией лиц, как факторами, влияющими на экономический рост и последующий переход к процессу устойчивого социально-экономического развития.

Рассматривая вопрос административных правонарушений, совершаемых юридическими лицами, выражающихся в несоблюдении обязательных требований, оценка соблюдения которых является предметом государственного контроля (надзора), муниципального контроля следует понимать на какие сферы деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, распространяются положения нормативных актов, регулирующих контрольно-надзорную деятельность.

Г.Ф. Чекашин [6, С. 8–10], анализируя правовую основу контрольно-надзорной деятельности полиции, выделил следующие основные сферы:

1. Сфера безопасности дорожного движения;
2. Сфера миграционного учета иностранных граждан и регистрационного учета граждан России;
3. Сфера оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;
4. Сфера административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Однако вышеуказанное разделение сфер контрольно-надзорной деятельности было обозначено до принятия и вступления в законную силу Федеральных законов «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [11] и «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [11] и в настоящее время не в полной мере соответствует нормам действующего законодательства.

С учетом положений действующего законодательства, считаем целесообразным, разделить контрольно-надзорную деятельность, осуществляемую органами внутренних дел Российской Федерации на:

1. Сферы, к которым не применяются положения Федерального закона о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации:

- Надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства российской Федерации о безопасности дорожного движения. Под участниками дорожного движения следует понимать такие категории, как водитель, пассажир, пешеход;
- Контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;
- Федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции;
- Лицензионного контроля за деятельностью, связанной с оказанием услуг по трудоустройству граждан

2. Сферу административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы,

регулирующуюся отдельным Федеральным законом;

3. Сферу деятельности органов внутренних дел, предусмотренную Федеральным законом о государственном контроле (надзоре), направленную на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений.

При рассмотрении последней из указанных сфер деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, следует отметить, что контрольные (надзорные) органы, уполномоченные на осуществление контроля; критерии отнесения объектов контроля к категориям риска причинения вреда (ущерба); перечень профилактических мероприятий в рамках осуществления вида контроля; виды проводимых контрольных (надзорных) мероприятий и иные вопросы контрольно-надзорной деятельности, в соответствии законодательством определяются положением о виде контроля.

Анализом принятых Правительством Российской Федерации положений и видах контроля установлено, что органы внутренних дел Российской Федерации осуществляют контрольную (надзорную) деятельность за соблюдением обязательных требований, исключительно в области безопасности дорожного движения [12].

Предметом федерального надзора в данной области является соблюдение установленных законодательством Российской Федерации и международными договорами обязательных требований в области дорожного и технического надзора.

286 страница Докторской диссертации Калужного о терминах дорожный и технический надзор.

В перечне объектов федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения, учитываемых в рамках формирования ежегодного плана контрольных (надзорных) мероприятий на 2023 год, подготовленном МВД России, находится 155740 объектов надзора, половина из которых является юридическими лицами [7].

Стоит отметить, что закрепление в КоАП РФ [13] возможности возбуждения дел об административных правонарушениях, совершаемых юридическими лицами, выражающихся в несоблюдении обязательных требований, только после проведения контрольного (надзорного) мероприятия во взаимодействии с контролируемым лицом, проверки, совершения контрольного (надзорного) действия в рамках постоянного государственного контроля (надзора), постоянного рейда, несомненно, усложняет порядок привлечения юридических лиц, являющихся объектами контрольно-надзорной дея-

тельности органов внутренних дел Российской Федерации, к административной ответственности.

Введение моратория на проведение контрольно-надзорных мероприятий [14], который устанавливает особый порядок их проведения и акцентирует внимание субъектов надзора на профилактической работе, обязывает подразделения органов внутренних дел Российской Федерации, осуществляющие контрольно-надзорную деятельность, использовать в полной мере механизмы проведения профилактических мероприятий, с целью недопущения нарушения обязательных требований юридическими лицами.

При рассмотрении профилактики нарушений обязательных требований, как одной из форм профилактики административных правонарушений, совершаемых юридическими лицами, следует обратиться к понятиям данных процессов.

Так законодатель определяет [15], что профилактика правонарушений – это совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения.

Е.Н. Смирнова [8, с. 48] формулирует понятие профилактики нарушений обязательных требований, как комплекс мер социального, экономического, информационного, организационного и правового характера, направленных на выявление, минимизацию, устранение факторов и рисков, а также условий и причин, имеющих возможность влиять, или оказывающих непосредственное влияние на источники вреда и риска, способствующих созданию условия для неправомерного и общественно вредного поведения контролируемых лиц.

Данные понятия фактически являются тождественными, это дает основания сделать вывод о том, что профилактические мероприятия, предусмотренные Федеральным законом о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации и направленные на профилактику нарушений обязательных требований являются одной из форм профилактики правонарушений.

Исходя из вышеизложенного и принимая во внимание наличие административной ответственности за нарушения обязательных требований, в том числе совершаемых юридическими лицами, полагал бы считать деятельность органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике нарушений обязательных требований юридическими лицами, являющимися объектами надзора, одной из форм деятельности по профилактике административных правонарушений, совершаемых юридическими лицами

Положением о виде контроля [12] предусмотрено проведение должностными лицами органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченными на осуществление федерального надзора

в области безопасности дорожного движения, следующих видов профилактических мероприятий:

- а) информирование;
- б) обобщение правоприменительной практики;
- в) объявление предостережения;
- г) консультирование;
- д) профилактический визит.

Считаем, что профилактические мероприятия проводимые органами внутренних дел Российской Федерации в отношении юридических лиц, служат, в числе прочего, для перехода от карательной функции к предупредительной, повышения правовой сознательности юридических лиц – субъектов надзора и создания благоприятного облика органов внутренних дел.

Министерством экономического развития Российской Федерации в 2021 и 2022 годах опубликованы сводные доклады о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации, в которых подробно проанализировано осуществление профилактических мероприятий контролирующими органами.

В опубликованных докладах составлен топ-5 контрольных органов по количеству проведенных профилактических мероприятий, в который Министерство внутренних дел Российской Федерации не вошло ни в 2021, ни в 2022 годах, что свидетельствует о потребности совершенствования подхода органов внутренних дел Российской Федерации к проведению профилактических мероприятий, как основы профилактики административных правонарушений совершаемых юридическими лицами.

Литература

1. Шлычков В.В., Нестулаева Д.Р., Зарезнов Д.А. Российская экономика 2023: неизбежное изменение парадигм и прогнозы развития // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. № 2 (12). С. 144–151.
2. Расширенное заседание коллегии МВД // Кремль. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70744> (дата обращения: 12.10.2023 г.).
3. Совещание с постоянными членами Совета Безопасности // Кремль. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70971> (дата обращения: 12.10.2023 г.).
4. Пленарное заседание XXVI Петербургского международного экономического форума // Кремль. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/71445> (дата обращения: 14.10.2023 г.).
5. Перечень поручений по итогам XXVI Петербургского международного экономического форума // Кремль. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/72060> (дата обращения: 14.10.2023 г.).
6. Чекашкин Г.Ф. Правовая основа контрольно-надзорной деятельности полиции на совре-

менном этапе // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 3. С. 6–13.

7. Перечень объектов федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения, учитываемых в рамках формирования ежегодного плана контрольных (надзорных) мероприятий, с указанием категорий риска // МВД.РФ – URL: https://мвд.рф/deyatelnost/plan_checks/документы-в-сфере-контроля-надзора-бдд (дата обращения: 16.10.2023 г.).
8. Смирнова Е.Н. Административно-правовое регулирование профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении государственного контроля (надзора): дис. канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2021. – 187 с.
9. Послание Президента Федеральному Собранию // Кремль. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (дата обращения: 14.10.2023 г.).
10. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2021 г. № 2535 “Об утверждении Положения о лицензировании деятельности, связанной с оказанием услуг по трудоустройству граждан Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации”
11. Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ (ред. от 24.09.2022) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1101 (ред. от 03.11.2023) «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
13. Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
14. Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 (ред. от 10.10.2023) «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» [Электронный ресурс] – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
15. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ (ред. от 23.06.2023) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

PREVENTION BY THE BODIES OF INTERNAL ADMINISTRATIVE OFFENSES COMMITTED BY LEGAL ENTITIES WITHIN THE FRAMEWORK OF CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES

Krymsky S.V.

State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Ryazan region

The subject of the study is the activity of the internal affairs bodies of the Russian Federation aimed at preventing administrative offenses committed by legal entities in the process of implementing control and supervisory activities carried out within the powers of these bodies.

In order to move from the punitive to the preventive function of the internal affairs bodies, in the context of the introduction of a moratorium on inspections, the issue of the current classification of control and supervisory activities is being considered, using a comparative legal method, concepts such as the prevention of administrative offenses and preventive measures provided for by the Federal Law on State Control (Supervision) are being investigated. Conclusions are drawn about the identity of these definitions and that the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation for the prevention of violations of mandatory requirements by legal entities that are objects of supervision can be considered one of the forms of activity for the prevention of administrative offenses committed by legal entities.

Keywords: Prevention of administrative offenses, preventive measures, administrative responsibility of legal entities, control (supervisory) activities of the police, mandatory requirements, prevention of control and supervision activities.

References

1. Shlychkov V.V., Nestulaeva D.R., Zareznov D.A. Russian Economy 2023: Inevitable Change of Paradigms and Development Forecasts // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology. 2023. No. 2 (12). Pp. 144–151.
2. Expanded Meeting of the Collegium of the Ministry of Internal Affairs // Kremlin. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70744> (date of access: 10/12/2023).
3. Meeting with Permanent Members of the Security Council // Kremlin. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70971> (date of access: 10/12/2023).
4. Plenary Session of the XXVI St. Petersburg International Economic Forum // Kremlin. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/71445> (date of access: 14.10.2023).
5. List of instructions following the XXVI St. Petersburg International Economic Forum // Kremlin. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/72060> (date of access: 14.10.2023).
6. Chekashkin G.F. Legal basis for control and supervisory activities of the police at the present stage // Problems of law enforcement. 2019. No. 3. P. 6–13.
7. List of objects of federal state control (supervision) in the field of road safety, taken into account as part of the formation of the annual plan of control (supervisory) activities, indicating the risk categories // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation – URL: https://мвд.рф/deyatelnost/plan_checks/документы-в-сфере-контроля-надзора-бдд (date of access: 16.10.2023).
8. Smirnova E.N. Administrative and legal regulation of the prevention of violations of mandatory requirements in the implementation of state control (supervision): dis. candidate of legal sciences. – Nizhny Novgorod, 2021. – 187 p.
9. Message of the President to the Federal Assembly // Kremlin. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585> (date accessed: 14.10.2023).
10. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 29, 2021 No. 2535 “On approval of the Regulation on licensing activities related to the provision of employment services to citizens of the Russian Federation outside the territory of the Russian Federation, and recognizing as invalid certain acts and individual provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation”
11. Federal Law of July 31, 2020 No. 247-FZ (as amended on September 24, 2022) “On mandatory requirements in the Russian

- Federation” [Electronic resource] – Access from the Consultant-Plus SPS.
12. RF Government Resolution No. 1101 of 30.06.2021 (as amended on 03.11.2023) “On approval of the Regulation on federal state control (supervision) in the field of road safety and recognition of certain acts of the Government of the Russian Federation and certain provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation as invalid” [Electronic resource] – Access from the ConsultantPlus SPS
 13. Federal Law No. 195-FZ of 30.12.2001 (as amended on 19.10.2023) “Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” [Electronic resource] – Access from the Consultant-Plus SPS
 14. RF Government Resolution No. 336 of 10.03.2022 (as amended on 10.10.2023) “On the specifics organization and implementation of state control (supervision), municipal control” [Electronic resource] – Access from the SPS “ConsultantPlus”
 15. Federal Law of 23.06.2016 No. 182-FZ (as amended on 23.06.2023) “On the Fundamentals of the Crime Prevention System in the Russian Federation” [Electronic resource] – Access from the SPS “ConsultantPlus”

Курасова Елена Олеговна,

аспирант института «Аспирантуры и докторантуры» ФГАОУ
ВО «Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: kurasova.eo@mail.ru

В статье исследуется понятие и сущность государственных корпораций на основе систематизации существующих теоретических подходов к данному определению. Проведено сравнение государственных корпораций с иными видами некоммерческих организаций: автономных учреждений и публично-правовых компаний. Автором определены достоинства и недостатки государственных корпораций, а также предложено направление совершенствования законодательства, регулирующего деятельность государственных корпораций. Каждая государственная корпорация создается на основе определенного федерального закона, данный вид некоммерческих организаций имеет право для достижения поставленных целей вести предпринимательскую деятельность. Деятельность государственных корпораций России сосредоточена в стратегически значимых отраслях экономики, что свидетельствует об актуальности рассматриваемой темы. В статье отмечается необходимость разработки федерального закона, регламентирующего общий правовой статус государственных корпораций. Цель статьи заключается в определении понятия и сущности государственных корпораций России. Достижение указанной цели обусловило необходимость решения следующих задач: формулирование определения государственных корпораций, анализ правовой их основы деятельности, выделение преимуществ и недостатков, а также сравнительный анализ государственных корпораций с другими видами некоммерческих организаций. В заключении статьи делается вывод о значимости и особенностях государственных корпораций России.

Ключевые слова: государственные корпорации, гражданское право, некоммерческие организации, сущность, понятие, государственный хозяйствующий субъект

Введение

В общем смысле под государственной корпорацией понимается корпорация, владельцем которой является государство. Государственные корпорации в современных условиях являются системообразующими структурами, ведущими свою деятельность на территории России, что обуславливает актуальность исследования их понятия и сущности. Деятельность данных государственных хозяйствующих субъектов нацелена на достижение общественно-значимых целей в энергетической, инновационной и иных стратегически значимых сферах.

Цель исследования – теоретически изучить понятие и сущность государственных корпораций России.

Материалы и методы исследования

Методологической основой статьи послужили действующие нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность государственных корпораций, а также пул научных публикаций, посвященных исследованию их сущности и правового статуса: Е.П. Губин и П.Г. Лахно [9], И.Н. Завершинский [5], А.И. Лахина [6], А.П. Лукьянова [7], М.Ш. Мазанаев и Н.А. Бекишиев [8], Н.Г. Рожков [10], Л.В. Тедеева [11], Т.Р. Шаймарданов [12].

Основным методом исследования, используемым в данной статье, является теоретический анализ, направленный на исследование сущности государственных корпораций. Кроме того, в процессе написания статьи использовались следующие методы: анализ и синтез, обобщение, индукция и дедукция, а также абстрактно-логический метод.

Результаты и обсуждения

Рассматривая общее определение корпорации, отметим, что с позиции Е.П. Губина и П.Г. Лахно, под корпорацией понимается искусственно-правовая конструкция, отличающаяся от иных форм предпринимательской деятельности [9].

Согласно п. 1 ст. 7.1 Федерального закона № 7 от 12.01.1996 г. «О некоммерческих организациях» государственной корпорацией является «не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций. Государственная корпорация создается на основании федерального закона» [2]. Важно отметить, что согласно данной статьи государственная корпорация и российское государство, если не предусмотрено иное, не от-

вечают по обязательствам друг друга. Согласно п. 2 ст. 7.1 ФЗ «О некоммерческих организациях» реализуя поставленные цели, государственная корпорация может вести предпринимательскую деятельность [2]. Поскольку указанная статья говорит только о некоммерческой сущности государственной корпорации и ее праве собственности на переданное ей имущество, необходимо отметить наличие законодательного отказа от нормативного регулирования правового положения некоммерческой организации, что обуславливает необходимость определения правового режима государственной корпорации в каждом конкретном случае. Кроме того, следует отметить, что за российским государством как учредителем государственной корпорации не сохраняется каких-либо вещных прав на переданное имущество для осуществления функцией государственной корпорацией, что дает обоснование не относить государственные корпорации к группе юридических лиц, на имущество которых учредитель сохраняет право собственности.

Мы согласны с мнением И.Н. Завершинского, отмечающим, что «нормативно-правовое регулирование будет вынуждено подменяться индивидуально-правовым», а также необходимости предоставления учредительных документов, поскольку все аспекты ее деятельности определяются на законодательном уровне [5]. Таким образом, понятие корпорации в данном случае используется в синонимическом значении понятия организации.

Следует отметить, что процесс создания государственных корпораций в отличие от процесса создания иных юридических лиц имеет распорядительный характер, они создаются на основе властных мер.

Государственные корпорации обязаны публиковать ежегодный отчет о своей деятельности с учетом требований Закона РФ «О государственной тайне» [4], также проводится обязательный аудит аудиторской компанией, выигравшей открытый конкурс, совместно с внешним аудитом Счетной палаты (п. 1 ст. 15 ФЗ № 41 «О Счетной палате Российской Федерации» [3]).

В п. 1 ст. 7.2 «О некоммерческих организациях» дано определение государственной компании [2], которая в отличие от государственной корпорации:

- предоставляет населению государственные услуги;
- обеспечивает материально-организационное оснащение процесса оказания государственных услуг.

Таким образом, несмотря на то что в научной литературе зачастую государственная компания употребляется как синоним государственной корпорации, данные понятия различны по своей природе.

В отличие от автономных учреждений, оперативно управляющих имуществом, распоряжающихся им только по согласию учредителя и обеспечивающих бюджетное финансирование, госу-

дарственная корпорация является полноправным собственником своего имущества, может передавать его другим юрлицам, а также ее деятельность подконтрольна лишь в том объеме, который прописан правительственных программах.

Что касается отличий государственных корпораций от публично-правовых компаний, имеющих конкретные цели деятельности, создаваемые как федеральным законодательством, так и президентскими указами, а также в результате процесса реорганизации государственной компании, госкорпорации или акционерного общества, единственным участником которого является РФ, то государственные корпорации имеют указание только общих направлений их деятельности, образуются только на основе федерального законодательства и согласно правовым нормам конкретных федеральных законов.

Сравнивая государственные корпорации с унитарными предприятиями, Т.Р. Шаймарданов указывает на автономность имущественной ответственности госкорпораций. При этом исследователь отмечает некоторую схожесть госкорпораций с унитарными предприятиями, которая заключается в [12]:

- административной природе их создания и деятельности (учредительным документом государственного унитарного предприятия является устав, а госкорпорации – федеральный закон);
 - приоритете социально значимых целей по сравнению с финансовыми показателями;
 - зависимости от воли государственных органов.
- А.П. Лукьяновой выделяются следующие особые признаки государственных корпораций [7]:
- имущество государственных корпораций не является государственным;
 - деятельность государственных корпораций подконтрольна Правительства РФ;
 - руководство государственной корпорации назначается Президентом РФ;
 - не предусмотрено обязанности публичного раскрытия своей деятельности;
 - ликвидация государственной корпорации предусмотрена по решению Правительства РФ;
 - деятельность государственных корпораций не попадает под нормы законодательства о банкротстве.
- Преимуществами государственных корпораций являются:
- участие в обеспечении государственной национальной безопасности посредством ведения своей деятельности в стратегически значимых отраслях экономики;
 - наличие широких возможностей инновационного развития стратегически значимых отраслей экономики;
 - тесное взаимодействие с коммерческим сектором и международными организациями, что положительно сказывается на развитии государственного международного сотрудничества;

- стабилизация рыночной волатильности после экономических кризисов;
- реализация модели стратегического планирования;
- достаточно высокий уровень гибкости в принятии решений, использование практик частного бизнеса.

В качестве недостатков государственных корпораций целесообразно указать следующие:

- высокий уровень ригидности и бюрократичности организационно-управленческой структуры государственных корпораций;
- низкий уровень государственного контроля за деятельностью государственных корпораций, что создает благоприятные возможности для развития коррупции;
- на данный момент отсутствуют регламентируемые процедуры оценки эффективности их деятельности, поскольку финансовые показатели не являются приоритетными целями;
- отсутствие стимулов повышения эффективности управленческих решений, что сужает инвестиционный потенциал и в целом качество управления государственными корпорациями;
- невозможность выделения обобщенного правового статуса государственных корпораций, поскольку каждая из них является уникальной, а также имеющей право осуществлять публичные функции органов власти, например, в ст. 7 ФЗ № 317 «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»» указано, что «Росатом» осуществляет государственное управление в области использования атомной энергии [1].

В статье М.Ш. Мазанаева и Н.А. Бекишиева нивелировать недостатки государственных корпораций предлагается путем преобразования государственных корпораций в акционерные общества с государством как единственным участником, либо путем ликвидации и передачи их имущества вновь созданным государственным компаниям [8]. Однако такой подход сопровождается чрезмерными затратами временных, финансовых и иных видов ресурсов, а также неизбежным снижением активности в стратегически значимых отраслях, что в современных условиях недопустимо.

По нашему мнению, с целью устранения указанных выше недостатков государственных корпораций целесообразно разработать федеральный закон, устанавливающий общий правовой статус государственных корпораций, а действующие федеральные законы будут разъяснять особенности деятельности каждой госкорпорации отдельно.

В настоящее время в России существуют следующие государственные корпорации:

- государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»;
- государственная корпорация «Ростех»;
- государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»;

- государственная корпорация Агентство по страхованию вкладов;
- государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос».

По мнению Н.Г. Рожкова, существуют фундаментальные пробелы в регулировании деятельности государственных корпораций, иллюстрирующие цивилистическую неопределенность [10]. Приводя в пример госкорпорацию «Росатом», исследователь говорит о наличии единственного исполнительного органа в лице генерального директора, назначаемого Президентом РФ, что свидетельствует об иной природе статуса государственных корпораций, имеющего характеристики административного органа. Таким образом, мы согласны с мнением Н.Г. Рожкова, указывающего на государственные корпорации как носителей государственной воли, прав и обязанностей.

Созвучное мнение имеет и Л.В. Тедеева, указывающая на наделение государственных корпораций властными полномочиями, включая нормативно-правовое регулирование, относящееся к сфере деятельности органов государственной власти [11].

Интересным представляется выводы А.И. Лахиной, полученные в результате анализа взаимодействия государственных корпораций с органами государственной власти в процессе стратегического планирования [6]:

- государственные корпорации разрабатывают долгосрочные стратегии развития;
- стратегии развития имеют инновационный приоритет, основанный на правительственных программах и стратегиях;
- государственные корпорации выражают государственные интересы;
- излишняя бюрократичность процесса разработки стратегий развития.

Таким образом, можно говорить о необходимости повышения правовой прозрачности контроля за деятельностью государственных корпораций. Полагаем, что создание государственных корпораций для реализации социально значимых и государственно важных проектов в стратегически важных отраслях экономики оправдано, и позволяет обеспечивать государственные интересы на национальном и международном уровне.

Выводы

Таким образом, государственная корпорация представляет собой некоммерческую организацию, созданную на основании конкретного федерального закона, имеющую имущество и не отвечающая по обязательствам российского государства, а также имеющая право вести предпринимательскую деятельность для реализации поставленных целей.

Результаты сравнительного анализа государственных корпораций с другими видами некоммерческих организаций показали, что государственные корпорации являются самостоятельными, реализуют общественно значимые цели, контроль

за деятельностью осуществляется Счетной палатой РФ с учетом требований федерального законодательства.

С целью совершенствования законодательства в области регулирования деятельности государственных корпораций, а также нивелирования выявленных недостатков государственных корпораций предлагается разработка федерального закона, регламентирующего общий правовой статус государственных корпораций.

Литература

1. О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом». Федеральный закон от 01.12.2007 № 317-ФЗ (в ред. 08.07.2024) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
2. О некоммерческих организациях. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (в ред. 13.07.2024) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
3. О Счетной палате Российской Федерации. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (в ред. 10.07.2023) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
4. О государственной тайне. Закон от 21.07.1993 № 5485–1 (в ред. 04.08.2023) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
5. Завершинский И.Н. Понятие и сущность государственной корпорации // Закон и право. 2020. № 1. С. 185–187.
6. Лахина А.И. Взаимодействие государственных корпораций и органов государственной власти Российской Федерации в области стратегического планирования // Аспирантские тетради: Сборник научных статей, Воронеж, 22 декабря 2023 года. Том Выпуск 7. Воронеж: Воронежский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. С. 103–106.
7. Лукьянова А.П. Государственная корпорация как организационно-правовая форма некоммерческих организаций // Конституционализм и власть в России: история, современные проблемы и перспективы: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием, посвященной Дню Конституции Российской Федерации, Иркутск, 15 декабря 2020 года. Иркутск: Иркутский национальный исследовательский, 2021. С. 213–218.
8. Мазанаев М.Ш., Бекишиев Н.А. Правовой статус и особенности государственных корпораций в современной России // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 44, № 4. С. 83–90.
9. Предпринимательское право Российской Федерации / Е.П. Губин, П.Г. Лажо. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма; Инфра- М.Т. 1. 2024. 806 с.
10. Рожков Н.Г. Современная роль и специфика организационно-правовой формы государственной корпорации в Российской Федерации // Юридическая наука. 2023. № 11. С. 179–182.
11. Тедеева Л.В. Понятие, признаки и особенности создания государственной корпорации // Молодой ученый. 2021. № 40 (382). С. 146–149.
12. Шаймарданов Т.Р. Государственные корпорации и государственные компании как особые субъекты гражданского оборота // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 16. С. 92–97.

CONCEPT AND NATURE OF STATE CORPORATIONS IN RUSSIA

Kurasova E.O.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA)

The article explores the concept and essence of state corporations based on systematizing existing theoretical approaches to this definition. A comparison of state corporations with other types of non-profit organizations such as autonomous institutions and public-law companies is conducted. The author identifies the advantages and disadvantages of state corporations, as well as proposes directions for improving the legislation regulating the activities of state corporations. Each state corporation is established based on a specific federal law, and this type of non-profit organization has the right to conduct entrepreneurial activities to achieve its goals. The activities of state corporations in Russia are concentrated in strategically important sectors of the economy, which indicates the relevance of the topic under consideration. The article notes the need to develop a federal law regulating the general legal status of state corporations. The aim of the article is to determine the concept and essence of state corporations in Russia. Achieving this goal necessitated addressing the following tasks: formulating the definition of state corporations, analyzing the legal basis of their activities, identifying advantages and disadvantages, as well as conducting a comparative analysis of state corporations with other types of non-profit organizations. The conclusion of the article highlights the significance and characteristics of state corporations in Russia.

Keywords: state corporations, civil law, non-profit organizations, essence, concept, state economic entity.

References

1. About the State Atomic Energy Corporation “Rosatom”. Federal Law of 01.12.2007 No. 317-FZ (as amended on 08.07.2024) [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. – Access mode: <http://www.pravo.gov.ru>
2. On non-profit organizations. Federal Law of 12.01.1996 No. 7-FZ (as amended on 13.07.2024) [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. – Access mode: <http://www.pravo.gov.ru>
3. On the Accounts Chamber of the Russian Federation. Federal Law of 05.04.2013 No. 41-FZ (as amended on 10.07.2023) [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. – Access mode: <http://www.pravo.gov.ru>
4. On state secrets. Law of 21.07.1993 No. 5485–1 (as amended on 04.08.2023) [Electronic resource] // Official Internet Portal of Legal Information. – Access mode: <http://www.pravo.gov.ru>
5. Zaverinsky I.N. The concept and essence of state corporations // Law and Justice. 2020. No. 1. P. 185–187.

6. Lakhina A.I. Interaction of state corporations and authorities of the Russian Federation in the field of strategic planning // Aspirant's notebooks: Collection of scientific articles, Voronezh, December 22, 2023. Volume Issue 7. Voronezh: Voronezh branch of the federal state budgetary educational institution of higher education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation", 2023. P. 103–106.
7. Lukyanova A.P. State corporation as an organizational and legal form of non-profit organizations // Constitutionalism and Power in Russia: History, Current Issues and Perspectives: Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists with International Participation dedicated to the Day of the Constitution of the Russian Federation, Irkutsk, December 15, 2020. Irkutsk: Irkutsk National Research, 2021. P. 213–218.
8. Mazanaev M.Sh., Bekishiev N.A. Legal status and features of state corporations in modern Russia // Legal Herald of DPO. 2022. Vol. 44, No. 4. P. 83–90.
9. Entrepreneurial Law of the Russian Federation / E.P. Gubin, P.G. Lakhno. 4th ed., rev. and add. Moscow: Norma; Infra- M. Vol. 1. 2024. 806 p.
10. Rozhkov N.G. The modern role and specificity of the organizational and legal form of the state corporation in the Russian Federation // Legal Science. 2023. No. 11. P. 179–182.
11. Tedeieva L.V. Concept, characteristics, and features of creating a state corporation // Young Scientist. 2021. No. 40 (382). P. 146–149.
12. Shaymardanov T.R. State corporations and state companies as special subjects of civil circulation // Innovation. Science. Education. 2020. No. 16. P. 92–97.

Правовое регулирование применения информационно-аналитических технологий в деятельности органов прокуратуры

Мананников Дмитрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Правосудие»
Пензенского государственного университета
E-mail: manannikovjr@rambler.ru

В статье рассмотрены аспекты применения информационно-аналитических (цифровых) технологий в деятельность органов прокуратуры в условиях цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации. Автором проанализирована роль функционирования различных программных обеспечений с учётом активного развития информационного пространства и комплексного перехода системы государственного управления в цифровую форму. Приводятся актуальные примеры, призванные иллюстрировать значимость применения цифровых компетенций при осуществлении надзорной работы. В предмет исследования, помимо действующего законодательства и научных трудов ученых, включена актуальная практика использования информационных технологий прокуратур субъектов Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Методологическая основа исследования включает в себя диалектический метод, системный метод, методы анализа, синтеза, аналогии, дедукции, индукции, наблюдения, моделирования, статистический и иные методы. Отмечается, что в свете интенсивного развития систем коммуникации прокуратуре требуется масштабнее и увереннее применять искусственный интеллект, посредством его использования исследовать динамику уголовно-наказуемых и иных правонарушений, устанавливать основные векторы прокурорской работы, которые окажутся действенными и востребованы. Автор предлагает и обосновывает градацию (классификацию) прокурорских проверок по признаку использования цифровых технологий.

Ключевые слова: органы прокуратуры, программный комплекс, информационный ресурс, цифровые технологии, технологическое обеспечение, компетенции, искусственный интеллект, проверки, прокурорская деятельность, надзор.

Цифровизация деятельности – сложный и многоэтапный процесс, но автоматизированные программы, электронный документооборот и искусственный интеллект существенно помогают повысить качество и уровень работы правоохранительных органов [1, с. 1].

В условиях активного развития информационного пространства и комплексного перехода системы государственного управления в цифровую форму работа на этом направлении требует постоянного совершенствования на основе выработки современных подходов и использования положительного опыта. Систематическое повышение профессиональной подготовки работников, а также совершенствование у них технических приёмов и практических навыков использования информационных систем способствует также надзорному процессу и эффективному проведению прокурорских проверок [2, с. 73].

Так, в органах прокуратуры разработано программное решение – информационная система межведомственного электронного взаимодействия (ИС МЭВ) Генеральной прокуратуры РФ. Данный программный комплекс обеспечивает возможности осуществлять в электронном виде мониторинг хода оказания услуги (функции), а также предоставлять результат оказания государственной услуги, если это не запрещено законодательством.

Посредством использования сервисов, доступных в ИС МЭВ, может быть получена, в частности, информация:

- о доходах служащего, его близких и иных лиц, выплаченных налоговыми агентами (к примеру, для оценки наличия финансовой возможности у указанных в качестве дарителей и заимодавцев лиц предоставления денежных средств в указанном размере);
- о доходах по форме 3-НДФЛ (о продаже недвижимости, получении дорогих подарков не от близких родственников, выигрыше в лотерею, доходах от сдачи имущества в аренду или получении дохода от зарубежных источников и др.);
- о размере выплат (включая пенсию, доплаты, устанавливаемые к пенсии, социальные выплаты и выплаты по уходу);
- об участии в юридических лицах в качестве руководителя, учредителя (участника);
- о счетах (депозитах) проверяемых лиц, открытых в банках, в том числе расположенных за пределами территории Российской Федерации;

- об имеющих и имевшихся объектах недвижимости, земельных участках, их кадастровой стоимости и сделках с ними;
- о регистрационных действиях с транспортными средствами и их владельцах;
- об административных правонарушениях в области дорожного движения (для установления фактов владения транспортным средством);
- о регистрации граждан по месту жительства и месту пребывания (для установления факта пользования спорным недвижимым имуществом, наличия фактических брачных отношений).

В настоящее время важное значение приобретает работа с открытыми (общедоступными) информационными ресурсами.

К примеру, система «СПАРК-Интерфакс» предоставляет широкий спектр возможностей для проверки юридических лиц по таким различным показателям, как аффилированность, банкротство, данные ЕГРЮЛ, судебная практика, исполнительные производства и др. С использованием этой информационной системы проверяется аффилированность представителей государственных заказчиков и исполнителей работ, в том числе поставщиков.

Программно-информационный комплекс (ПИК) «Однодневка» представляет собой реестр имеющих признаки анонимных структур организаций, содержит сведения о массовых учредителях и руководителях компаний, об адресах их регистрации. Данный информационный ресурс также можно «взять на вооружение» надзирающим прокурором при организации и осуществлении проверок.

Кроме того, на сегодняшний день используется множество других прикладных систем информационной системы органов прокуратуры РФ, в том числе АИК «Надзор-Web», АИК «Кадры-ОП», АИС «Архивное дело ОП».

К примеру, АИК «Надзор-Web» предназначен для внедрения юридически значимых процессов электронного документооборота и надзорного делопроизводства, основанные на современных Web-технологиях в органах прокуратуры РФ. Основные архитектурные принципы «Надзор-Web» – единая база документооборота для всех органов прокуратуры РФ и однократной регистрации документов. На текущий момент внедрены технологии поточного сканирования документов, записи на приём к прокурору, работы с электронной подписью, обработки обращений граждан с единого портала государственных услуг. АИК «Надзор-Web» работает в Генеральной прокуратуре РФ, всех прокуратурах субъектов РФ и приравненных к ним специализированных прокуратурах. С указанным программным обеспечением работают все участники делопроизводственного процесса, включая руководителей и исполнителей.

АИК «Кадры-ОП» предназначен для использования в Генеральной прокуратуре РФ, а также в органах прокуратуры субъектов РФ и организаций органов прокуратуры в качестве системы ав-

томатизированного управления кадрами надзорного ведомства. Объектами автоматизации в АИК «Кадры-ОП» являются рабочие места сотрудников подразделений Генеральной прокуратуры РФ и сотрудников органов прокуратуры субъектов Федерации, участвующих в технологических процессах работы с кадровой информацией (документацией).

АИС «Архивное дело ОП» используется в Генеральной прокуратуре РФ, прокуратурах субъектов РФ и приравненных к ним специализированных прокуратурах. С помощью этой системы сотрудники делопроизводственных служб решают задачи подготовки и согласования в электронном виде сводной номенклатуры дел аппарата.

В Генеральной прокуратуре РФ отмечается увеличение числа поступающих обращений граждан о ненаправлении органами прокуратуры результатов рассмотрения обращений в форме электронного документа в личный кабинет федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (ЕПГУ).

Работа с обращениями посредством ЕПГУ регламентирована приказом Генерального прокурора РФ от 04.03.2019 № 171 «О вводе в эксплуатацию программного обеспечения, реализующего функцию подачи обращения и записи на прием в органы прокуратуры РФ в федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». В соответствии с данным приказом информирование заявителя о результатах рассмотрения обращения в форме электронного документа осуществляется на портале в личном кабинете и по адресу электронной почты. По указанной причине для направления ответов в личный кабинет ЕПГУ пользователям АИК «Надзор-Web», осуществляющим регистрацию ответов, необходимо в исходящей регистрационной карточке АИК «Надзор-Web» прикреплять файл ответа по рассмотренному обращению, добавлять файл визуализации и проставлять отметку «Ответ в ЕПГУ» на файлах, подлежащих отправке заявителю.

Измененная в последнее время процедура разрешения обращений, в большей мере обеспечила адресность надзорных мер, а также их популярность и эффективность.

В рамках реализации Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Приказом Генерального прокурора РФ от 14.09.2017 № 627, в Генеральной прокуратуре РФ принят комплекс организационных, практических и методических мер, направленных на непрерывное обучение работников органов прокуратуры цифровым компетенциям и навыкам [3, с. 283].

В этих целях изданы соответствующие организационно-распорядительные документы, скорректированы образовательные программы Университета прокуратуры РФ и его филиалов. Вопросы совершенствования навыков работы с информационными системами и комплексами нашли

отражение в отдельных решениях коллегии Генеральной прокуратуры РФ.

Главным управлением правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры РФ регулярно проводятся учебные мероприятия с демонстрацией в формате видеоконференц-связи возможностей эксплуатируемых информационных ресурсов. Осуществляется информационно-аналитическая деятельность.

Так, в 2023 году проведено 61 учебное мероприятие, подготовлено и направлено прокурорам субъектов Российской Федерации и приравненным к ним специализированным прокурорам 16 информационно-аналитических документов.

Положительной оценки заслуживает опыт ряда прокуратур по организации информационного взаимодействия на региональном уровне.

Например, в Приморском крае с мая 2023 года по защищенному каналу связи VipNet Client обеспечен доступ краевой прокуратуры к информационной системе «Мониторинг чрезвычайных ситуаций» правительства края. Указанная система позволяет дежурным прокурорам в режиме реального времени получать из ситуационного центра информацию о чрезвычайных ситуациях, введении особых режимов, пожарной обстановке, паводках, ходе поисково-спасательных работ и значимых происшествиях на объектах жилищно-коммунального хозяйства. Полученные сведения ежедневно докладываются заместителям прокурора края по направлениям деятельности.

Прокуратурой Оренбургской области с правительством области 03.12.2023 заключено соглашение об информационном взаимодействии, предметом которого является направление в прокуратуру аналитической информации Центра управления региона Оренбургской области.

В прокуратуре г. Москвы при осуществлении надзорной деятельности широко используются возможности дежурно-диспетчерской службы «Горячая линия» и АИС «Реестр зеленых насаждений» Департамента природопользования и охраны окружающей среды города Москвы, АИС «Отходы строительства, сноса и грунты» Департамента строительства г. Москвы, доступ к которым предоставлен в рамках соглашения о сотрудничестве в сфере информационно-технологического взаимодействия с Правительством Москвы от 30.12.2021.

В рамках соглашения об информационном взаимодействии от 14.12.2015 управлением Судебного департамента в Республике Татарстан уполномоченным работникам прокуратуры республики предоставлен удаленный защищенный доступ к модулям судебной системы республики «Отчетность» и «Судимость». Возможности модулей позволяют изучать отчетность судебных органов по показателям до уровня районных судов и мировых судей, а также формировать различные наборы данных в рамках статистических карточек на подсудимого. Полученная информация используется прокурорами для проверки достоверности статистических сведений.

К примеру, в Республике Карелия во взаимодействии с Североморским межрегиональным управлением Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору 23 работникам аппарата прокуратуры и прокуратур районного звена предоставлен доступ к Федеральной государственной информационной системе в области ветеринарии «ВетИС» (компонент «Меркурий», модуль «Государственная ветеринарная экспертиза») [4, с. 5].

Подобная практика расширения механизмов межведомственного информационного взаимодействия способствует обмену данными и опытом в сфере цифровой трансформации, сокращая время на восстановление нарушенных прав граждан/

Показала свою эффективность деятельность рабочих групп по распространению цифровых компетенций, созданных в прокуратурах во исполнение пункта 2.22 решения коллегии Генеральной прокуратуры РФ от 25.04.2022 «Об итогах работы органов прокуратуры за 2021 год и о задачах по укреплению законности и правопорядка на 2022 год».

Для повышения цифровой грамотности прокурорских работников активно практикуется проведение обучающих семинаров, в том числе действующих на постоянной основе. Организована работа по совершенствованию практических навыков использования информационных систем и комплексов. Подготовлены методические рекомендации, информационные письма, программы повышения квалификации, инструкции по работе с эксплуатируемыми ресурсами. Проводятся тренинги, анкетирования, мастер-классы, иные мероприятия, направленные на приобретение новых знаний и умений в сфере информационных технологий. Ведется активная работа с молодыми специалистами.

Так, Северо-Западной транспортной прокуратурой совместно с Департаментом лесного хозяйства по Северо-Западному федеральному округу в III квартале 2023 года состоялся учебно-практический семинар-совещание для транспортных прокуроров по вопросам практики проведения проверок исполнения законодательства в сфере лесопользования с применением единой государственной информационной системы учета древесины и сделок с ней (ЛесЕГАИС)¹.

При реализации предоставленных прокурорам полномочий положительно зарекомендовало себя проведение в органах прокуратуры приема граждан с использованием различных видов связи на базе специального программного обеспечения.

Осуществление личного приема в режиме видеосвязи позволило руководству прокуратуры Республики Саха (Якутия) принять жителей отдаленных населенных пунктов. Кроме того, прокурор республики и его заместители выезжали в 18 районов региона из 34. По результатам проверки обращения Сперанской Э.В., принятого прокурором респу-

¹ См.: Обзор Генеральной прокуратуры РФ положительного опыта проведения мероприятий по освоению цифровых компетенций от 17.05.2024 № 11–04–2024/Ип12863–24. С. 5.

блики на выездном личном приеме в Усть-Майском районе, в деятельности 7 лесничеств, подведомственных Министерству экологии, природопользования и лесного хозяйства Республики Саха (Якутия), выявлены нарушения трудовых прав более 500 работников. По итогам рассмотрения мер прокурорского реагирования территориальных прокуроров республики нарушения устранены, в том числе произведены компенсационные выплаты на общую сумму 126 тыс. рублей, к дисциплинарной и административной ответственности привлечено 51 должностное лицо. В связи с ненадлежащим ведомственным контролем прокуратурой республики внесено представление в указанное министерство.

Представляет интерес опыт прокуратуры Нижегородской области, в которой в целях совершенствования форм организации приема граждан в 2023 году введена практика осуществления руководством личных приемов «в режиме одного дня». В рамках такого вида приема выявляются актуальные вопросы жителей конкретных территорий, включая отдаленные населенные пункты, путем осуществления одновременного посещения предприятий (в том числе системообразующих, оборонно-промышленного комплекса), домов-интернатов, центров социального обслуживания граждан пожилого возраста, пунктов временного размещения беженцев, а также семей социально уязвимых категорий населения, в том числе инвалидов, участников СВО, ветеранов Великой Отечественной войны.

После выезда прокурора названной области в городской округ город Чкаловск подтверждены доводы граждан о ненадлежащем содержании автомобильных дорог, по требованию прокурора района дорожное полотно приведено в соответствие с нормативными требованиями. По итогам рассмотрения обращения Жесткова Ф.Г. вскрыты факты нарушения сроков перечисления заработной платы сотрудникам муниципального предприятия, по актам прокурорского реагирования работникам выплачена денежная компенсация, виновные лица привлечены к административной и дисциплинарной ответственности. Кроме того, ветерану Великой Отечественной войны Маркову Н.И., 1925 года рождения, оказано содействие в получении 5 куб. метров колотых березовых дров, которые в рамках акции «Помоги ветерану» складированы силами добровольцев ГБПОУ «Чкаловский техникум транспорта и информационных технологий».

Мониторинг СМИ, социальных сетей, анализ состояния законности в регионах помогает в будущем организовать выездные приемы прокурора. В целях дальнейшего совершенствования работы представляется целесообразным внедрять новые способы и методы реализации конституционного права граждан на личное обращение. С учетом роста доверия населения к органам прокуратуры и потребности заявителей в прямом диалоге с должностными лицами ведомства необходимо эффективно использовать современные формы организации личного приема, уделяя особое

внимание социально незащищенным категориям граждан, добиваясь восстановления в полном объеме нарушенных прав и свобод обратившихся лиц.

Тактические особенности проведения отдельных проверочных мероприятий могут включать в себя использование современных информационных технологий. Полученные навыки использования информационных ресурсов активно применяются при реализации полномочий по надзору за исполнением федерального законодательства, законодательства о противодействии коррупции, а также при осуществлении надзора за уголовно-процессуальной деятельностью.

В частности, в Астраханской области прокурорами с использованием X-Compliance и Единой информационной системы в сфере закупок в деятельности министерства здравоохранения области выявлены нарушения законодательства при планировании закупок и формировании начальной (максимальной) цены государственного контракта на выполнение работ по благоустройству территорий фельдшерско-акушерского пункта ГБУЗ «Камызякская районная больница». Министру здравоохранения области внесено представление, а его заместитель привлечен к административной ответственности по ч. 2 ст. 7.29.3 КоАП РФ.

Восточно-Сибирской транспортной прокуратурой отмечена удобность использования в работе ЛесЕГАИС, возможности которой позволяют контролировать процесс оборота древесины с момента вырубki деревьев до ее продажи конечному пользователю. В истекшем году с использованием системы проведено 17 проверок, результаты которых послужили поводом к возбуждению уголовных дел по фактам контрабандного перемещения лесоматериалов в объеме свыше 50 тыс. куб. метров на сумму 352 млн рублей (ст. 226.1 УК РФ).

Прокуратурой Республики Марий-Эл наработана практика, которая позволяет с использованием ГИС ЖКХ выявлять нарушения на ранних этапах, не допуская нарушения прав граждан.

Так, в марте 2023 г. прокурором Оршанского района внесено представление в ООО «Гамаюн» по факту несоблюдения срока исполнения контракта о разработке проектно-сметной документации на осуществление капитального ремонта многоквартирного дома. При этом в ГИС ЖКХ получены сведения об исполнителе контракта и его реквизитах, степени готовности контракта. По результатам рассмотрения представления нарушения устранены, капитальный ремонт дома выполнен в срок.

Активно прокурорами используются возможности программно-технического комплекса федеральной государственной информационной системы «Интегрированный банк данных федерального уровня» МВД России (ПТК «ИБД-Ф»).

Так, с помощью этого ресурса прокуратурой Чукотского автономного округа выявлены 2 лица, у которых на момент привлечения к административной ответственности по статье 6.1.1 КоАП РФ за нанесение побоев имелись непогашенные суди-

мости за ранее совершенные преступления с применением насилия. В территориальные органы внутренних дел направлены постановления в порядке ст. 37 УПК РФ для осуществления уголовного преследования указанных лиц. Возбужденные в отношении их уголовные дела окончены производством и направлены в суд [5, с. 7].

С учётом изложенного, на взгляд автора, в свете сегодняшнего развития цифровой среды и информационных технологий представляется возможным классифицировать прокурорские проверки по критерию применения передового опыта цифровой компетенции:

- проверки, проводимые без использования цифровых технологий;
- проверки, проводимые с использованием цифровых технологий.

При этом важно добиваться, чтобы компетенции прокурорских работников были достаточными для эффективной реализации ими своих полномочий в современных условиях. Данные обстоятельства необходимо учитывать при планировании учебных мероприятий, которые должны проводиться на постоянной основе с учетом потребностей в получении знаний и навыков по использованию информационных ресурсов на всех направлениях деятельности.

Как представляется, следует обеспечить участие в деятельности рабочих групп по распространению цифровых компетенций всех подразделений прокуратур, исключив практику проведения занятий только силами подразделений, осуществляющих технологическое обеспечение деятельности эксплуатируемых информационных ресурсов. К учебному процессу целесообразно активнее привлекать наиболее подготовленных работников, способных передавать накопленный опыт применения информационных технологий для решения профессиональных задач [6, с. 45].

Очевидно, что в обстоятельствах интенсивного развития систем коммуникации, прокуратуре требуется масштабнее и увереннее применять искусственный интеллект, посредством его использования исследовать динамику уголовно-наказуемых и иных правонарушений, устанавливать основные векторы прокурорской работы, которые окажутся действенными и востребованы на протяжении ближайших лет.

В то же время следует признать, что обновленные подходы к проведению надзора, а также искусственный интеллект, не способны в полной мере заменить профессиональные способности прокурора, его умения, моральные качества, отношение к гражданам. Последнее имеет особое значение, так как физические лица нередко испытывают острую потребность в установлении справедливости, в решении различных социальных проблем.

Литература

1. Яцуценко В.В. Проблемы и перспективы внедрения цифровых технологий в деятельность

органов прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 11. – С. 187–193.

2. Алексеев Д.А. Цифровизация деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Актуальные исследования. – 2022. – № 36 (115). – С. 72–75.
3. Жак Д.И. Цифровизация деятельности органов прокуратуры / Д.И. Жак. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 20 (415). – С. 282–284. – URL: <https://moluch.ru/archive/415/91878/> (дата обращения: 01.08.2024).
4. Обзор Генеральной прокуратуры РФ положительного опыта проведения мероприятий по освоению цифровых компетенций от 17.05.2024 № 11–04–2024/Ип12863–24. С. 5.
5. Обзор Генеральной прокуратуры РФ практики организации личного приёма граждан в органах прокуратуры Российской Федерации в 2023 году от 15.03.2024 № 24–03–2024/Иф4606–24. С. 7.
6. Завьялова И.С. Цифровая трансформация органов и организаций прокуратуры Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 4 (47). – С. 44–52.

LEGAL REGULATION OF THE USE OF INFORMATION AND ANALYTICAL TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF PROSECUTORIAL AUTHORITIES

Manannikov D.Yu.

Penza State University

The article discusses aspects of the use of information and analytical (digital) technologies in the activities of prosecutors in the conditions of digital transformation of bodies and organizations of the prosecutor's office of the Russian Federation. The author analyzed the role of the functioning of various software, taking into account the active development of the information space and the comprehensive transition of the public administration system to digital form. Current examples are provided to illustrate the importance of using digital competencies in supervisory work. The subject of the study, in addition to the current legislation and scientific works of scientists, includes the current practice of using information technologies of the prosecutor's offices of the constituent entities of the Russian Federation and the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. The methodological basis of the study includes the dialectical method, system method, methods of analysis, synthesis, analogy, deduction, induction, observation, modeling, statistical and other methods. It is noted that in light of the intensive development of communication systems, the prosecutor's office needs to use artificial intelligence on a larger scale and more confidently, through its use, to study the dynamics of criminal and other offenses, to establish the main vectors of prosecutorial work that will be effective and in demand. The author proposes and justifies a gradation (classification) of prosecutorial checks based on the use of digital technologies.

Keywords: prosecutorial authorities, software package, information resource, digital technologies, technological support, competencies, artificial intelligence, inspections, prosecutorial activities, supervision.

References

1. Yatsutsenko V.V. Problems and prospects for introducing digital technologies into the activities of prosecutors // Current problems of Russian law. – 2021. – Т. 16. – No. 11. – P. 187–193.
2. Alekseev D.A. Digitalization of the activities of the prosecutor's office of the Russian Federation // Current research. – 2022. – No. 36 (115). – P. 72–75.

3. Zhak D.I. Digitalization of the activities of the prosecutor's office / D.I. Zhak. – Text: immediate // Young scientist. – 2022. – No. 20 (415). – P. 282–284. – URL: <https://moluch.ru/archive/415/91878/> (date of access: 08/01/2024).
4. Review of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation of positive experience in carrying out activities to develop digital competencies dated May 17, 2024 No. 11–04–2024/lp12863–24. S. 5.
5. Review of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation of the practice of organizing personal reception of citizens at the prosecutor's office of the Russian Federation in 2023 dated March 15, 2024 No. 24–03–2024/lf4606–24. P. 7.
6. Zavyalova I.S. Digital transformation of bodies and organizations of the prosecutor's office of the Russian Federation // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. – 2021. – No. 4 (47). – pp. 44–52.

Правовое регулирование цифровых валют и активов в зарубежных юрисдикциях

Михаленко Никита Алексеевич,

аспирант, ГАОУ ВО «Самарский государственный
экономический университет»

E-mail: bote2018@gmail.com

В статье автор предлагает ознакомиться с исследованием правового регулирования цифровых валют и криптовалют в России и других странах. Для достижения поставленной цели автором проводится сравнительно-правовой анализ зарубежных юрисдикций и анализируется нормативная основа в сфере регулирования цифровых валют и активов. Дается характеристика безбумажным цифровым валютам. Выделяется несколько основных подходов: активный контроль и управление, пассивное отношение, запретительная позиция. Приводятся в пример проекты Сингапура, Канады и Венесуэлы, как важный этап в изучении цифровых валют. Также, рассматриваются правовые инициативы Мальты, Лихтенштейна и России. Отмечается то, что кодификация базовых понятий в законодательстве способствует правовой определенности и формированию надежной нормативно-правовой базы для цифровой экономики. Автор приходит к выводу, что в настоящее время отсутствует единая унифицированная стратегии правового регулирования виртуальных валют.

Ключевые слова: цифровая безопасность, информация, система, правовое регулирование, активы, юрисдикции.

Введение

Цифровая безопасность является важным компонентом общей системы национальной безопасности страны. Ее можно определить как состояние, при котором информационная сфера страны защищена от значительного ущерба, который может быть нанесен ее гражданам, общественным группам, обществу и самому государству в результате информационного воздействия.

Необходимо отметить, что на фундаментальном уровне объекты цифровой безопасности можно рассматривать как саму информацию, включая данные, контент и знания, которые генерируются, обрабатываются, хранятся и передаются по различным цифровым каналам и платформам. Данные аспекты включают личную информацию о физических лицах, корпоративные данные, принадлежащие организациям, а также стратегические и оперативные данные, относящиеся к правительственным и военным операциям.

Целью исследования является изучение правового регулирования цифровых валют и активов. Объектом выступают вопросы цифровой безопасности как составляющей национальной безопасности. Предметом – правовое регулирование цифровых валют и криптовалют в разных странах. Теоретическую основу исследования составили труды Артемова Н.М. [1].

В настоящем исследовании использованы следующие методы изучения: теоретическо-правовой анализ, структурно-логический метод, методы классификации и обобщения.

Основная часть

Цифровая революция в последние годы кардинально изменила ландшафт связей с общественностью (PR). Такой цифровой сдвиг в значительной степени заменил традиционные регулирующие инструменты, открыв новую эру управления PR. Рост цифрового PR привел к замечательной трансформации в способе взаимодействия организаций и отдельных лиц со своими заинтересованными сторонами.

Следует подчеркнуть, что появление цифровых валют, также известных как криптовалюты, создало множество проблем для традиционных государственных, финансовых и юридических институтов. Фундаментальные характеристики цифровых валют, а именно их нефизическая природа и относительная анонимность по сравнению с физическими фиатными валютами, имеют определенные последствия для установленных рамок, регулирую-

ющих финансовые операции, и более широких экономических и правовых систем.

Нефизический, децентрализованный характер цифровых валют, которые работают на основе технологий распределенного учета, таких как блокчейн, по своей сути разрушает традиционные механизмы денежно-кредитного контроля и регулирования, используемые правительствами и центральными банковскими органами. Отсутствие физического представительства и централизованного органа, осуществляющего эмиссию, затрудняют мониторинг, отслеживание и управление цифровыми валютами с помощью обычных инструментов регулирования [2, с. 349].

В сфере цифровых валют многие зарубежные страны приняли законодательные меры, направленные на предотвращение преступной деятельности. Такие законы служат для регулирования и, в некоторых случаях, ограничения использования цифровых валют в рамках их соответствующих юрисдикций. Разработка международных руководящих принципов соблюдения законодательства и нормативных актов в отношении цифровых валют, которые в основном издаются центральными банковскими органами, оказала глубокое влияние на производство, распространение и использование цифровых активов.

Надлежащее соблюдение этих правил имеет первостепенное значение для специалистов в области бизнеса, юриспруденции и технологий, работающих в экосистеме цифровых валют, что позволяет разрабатывать, внедрять и управлять стратегиями, практиками и процедурами, которые обеспечивают надлежащее и законное осуществление деятельности, связанной с цифровыми валютами и активами.

Юридический контекст вокруг цифровых валют продолжает развиваться, и все больше юрисдикций предпринимают активные шаги по разработке нормативно-правовой базы, специально адаптированной к этой новой финансовой технологии. Такие юрисдикции, как Канада, Австралия, остров Мэн, Нью-Йорк и Калифорния, находятся в эпицентре усилий, внедряя различные правовые инициативы, направленные на прямое регулирование цифровых валют [3, с. 205].

Распространение цифровых валют создало многогранный правовой ландшафт, характеризующийся множеством законодательных и регулятивных обязательств, которые выходят далеко за рамки зарождающихся политических инициатив. Даже в юрисдикциях, где еще не приняты четкие меры регулирования, пользователям и организациям, работающим с цифровыми валютами, приходится сталкиваться со сложной правовой ситуацией. Данная ситуация охватывает широкий спектр правовых дисциплин, влияющих на использование, структуру транзакций и коммерческую практику, связанную с виртуальными валютами.

С договорной точки зрения, участники операций с цифровой валютой должны обеспечить соответствие соглашений установленным принципам

коммерческого права, что включает возможность принудительного исполнения цифровых контрактов, легитимность электронных подписей и соблюдение Единого коммерческого кодекса (UCC) в Соединенных Штатах, а также аналогичных положений в других юрисдикциях, которые регулируют продажу товаров и оказание услуг с помощью цифровых средств.

Существует три определенных позиции по отношению к цифровым валютам и активам. Первая категория отношения к цифровой валюте, характеризующаяся активным мониторингом и управлением, иллюстрирует коллективную склонность различных юрисдикций использовать потенциальные преимущества цифровых валют с помощью нормативных инициатив.

Принимая законодательство, устанавливающее надзор и поощряющее ответственные инновации, такие страны, как Япония, Германия, Австралия, Канада и Индия, демонстрируют конструктивное взаимодействие с рынком цифровых валют, которое стремится сбалансировать регулирующий надзор с поощрением технологического прогресса. Данная парадигма не только служит защите потребителей и поддержанию целостности рынка, но и позиционирует эти страны как дальновидных лидеров в развивающейся сфере финансовых технологий.

Вторым вариантом является «пассивное» отношение к цифровой валюте, которое демонстрирует Франция, является примером тщательно продуманного нормативного баланса. Такая модель поощряет бдительность инвесторов и одновременно способствует созданию среды, благоприятствующей инновациям и сотрудничеству в секторах блокчейна и финтех. Осторожная, но открытая позиция Центрального банка Франции отражает приверженность поддержанию финансовой стабильности при одновременном изучении потенциальных преимуществ, которые цифровые валюты и блокчейн-технологии могут предложить для более широкого экономического вида. Поскольку глобальный ландшафт цифровых валют продолжает развиваться, такой подход служит моделью для юрисдикций, стремящихся справиться со сложностями интеграции новых финансовых технологий в свою нормативно-правовую базу.

Третья категория отношения к цифровой валюте характеризуется запретительной позицией, при которой страны принимают меры по ограничению транзакций с использованием цифровых валют с целью стабилизации существующей ситуации на финансовом рынке.

Такой подход отражает фундаментальный скептицизм по отношению к легитимности и полезности цифровых валют в рамках традиционных финансовых систем. Наглядный пример такой позиции можно наблюдать в Таиланде, где регулирующие органы выразили явное неприятие признания цифровых валют в качестве законного платежного средства или законного финансового инструмента [4, с. 150].

В таких юрисдикциях отказ в предоставлении правового статуса цифровым валютам часто сопровождается введением строгих нормативных рамок. Данные рамки направлены на то, чтобы очертить границы допустимой деловой практики, связанной с цифровыми валютами, и часто предполагают запрет таких видов деятельности, как первичное размещение монет (ICO), торговля криптовалютами и работа бирж, работающих с цифровыми валютами.

В настоящее время рельеф цифровой валюты характеризуется появлением относительно полных и систематических практик, примером которых являются такие инициативы, как проект «Jaspeg-Ubin», осуществляемый Денежно-кредитным управлением Сингапура и Банком Канады, а также проект «Libra», возглавляемый Facebook, и криптовалюта Petro из Венесуэлы. Такие проекты представляют собой важные этапы в изучении цифровых валют и их потенциальной роли в глобальной финансовой экосистеме.

По мере того, как Интернет продолжает развиваться, принятие мобильных платежных систем резко возросло, возвещая о наступлении эпохи преобразований в финансовых транзакциях. Изменение основных концепций и методов все больше характеризуется ростом безбумажных цифровых валют, которые демонстрируют значительные преимущества, включая повышенное удобство, эффективность и доступность. Такие атрибуты, как конфиденциальность, свободные транзакции, прозрачность и нейтральность, подчеркивают потенциал цифровых валют для революционного изменения традиционных финансовых экосистем.

Необходимо отметить, что правовой и регулятивный вид, окружающий виртуальные валюты, был предметом обширных социально-правовых исследований, примером чего может служить работа эксперта Артемова Н.М. Н. [1].

Результаты исследования высветили отсутствие единой, унифицированной стратегии правового регулирования виртуальных валют, которая могла бы эффективно формировать их восприятие и приемлемость среди пользователей.

Сравнительный анализ правового регулирования оборота криптовалют в таких странах, как Япония, США и Швейцария, выявил значительную степень несогласованности подходов, принятых в разных юрисдикциях. Данное несоответствие не ограничивается различиями между странами, но проявляется и внутри отдельных государств, о чем свидетельствуют различные нормативно-правовые базы, существующие в Соединенных Штатах и Швейцарии.

Также следует отметить, что принятие Мальтой в 2018 году Закона о виртуальных финансовых активах (VFA) определяет всеобъемлющую правовую базу, которая подразделяет цифровые активы на четыре различных типа: виртуальные финансовые активы, финансовые инструменты и другие формы цифровых токенов. Законодательство имеет ключевое значение, поскольку оно

устанавливает нормативный надзор за поставщиками виртуальных финансовых услуг, охватывая такие важные компоненты, как защита инвесторов и обязательства по раскрытию информации, которые обычно формулируются посредством выпуска «белой книги». Такой документ служит для информирования потенциальных инвесторов о проекте с подробным описанием его структуры, цели и связанных с ними рисков, тем самым повышая прозрачность и подотчетность на рынке цифровых активов.

В сфере новых финансовых технологий несколько юрисдикций предприняли активные шаги по созданию нормативно-правовой базы для выпуска цифровых активов и управления ими. Лихтенштейн, небольшая европейская страна, приняла Закон о токенах и доверенных технологических поставщиках услуг (2019), который закладывает основу для юридического признания экосистем, основанных на токенах, и надзора за ними [5, с. 194].

Данный закон определяет правовые параметры выпуска и обращения токенов, обеспечивая четкую и прозрачную среду для их использования. Он также регулирует деятельность надежных поставщиков технологических услуг, которые играют решающую роль в обеспечении безопасного и достоверного управления этими цифровыми активами.

В Российской Федерации классификация цифровых активов охватывает широкий спектр инструментов, включая криптовалюту, цифровые финансовые активы (DFA) и цифровой рубль (CBDC – цифровая валюта Центрального банка). С 1 августа 2023 года была введена ключевая правовая база, регулирующая операции с использованием цифрового рубля, которая создает структурированную нормативно-правовую базу для аспектов развития и функционирования данной цифровой валюты.

Центральный банк Российской Федерации был назначен авторитетным оператором платформы цифрового рубля, что отражает значительную институциональную поддержку поддерживаемых государством инициатив в области цифровых валют [6].

Заключение

В заключение следует отметить, что оценка нормативно-правовой базы, окружающей цифровые права и цифровую валюту, как в Российской Федерации, так и в различных иностранных юрисдикциях, указывает на преобладающий консенсус в отношении того, что кодификация основополагающих концепций в законодательных текстах в сочетании с формулированием особенностей их гражданско-правовых режимов принесла существенные выгоды.

В частности, такие достижения привели к повышению правовой определенности и созданию надежной нормативно-правовой базы, регулирующей многочисленные аспекты цифровой экономики.

В юрисдикциях, где цифровые права и валюты явно признаются и регулируются, заинтересованные стороны, включая потребителей, предприятия и финансовые учреждения, ощущают большую предсказуемость.

Такая правовая основа имеет решающее значение для снижения рисков, обычно связанных с цифровыми транзакциями и управлением активами, облегчая взаимодействие с новыми технологиями. Но простого объединения концепций в законодательстве недостаточно для содействия росту цифровой экономики, необходим многогранный подход к развитию регулирования.

Литература

1. Артемов, Н.М. Валютные рынки: учебное пособие / Н.М. Артемов. – Москва.: Профобразование, 2001. – 95 с. – ISBN 5-94297-017-3: Б. ц
2. Баддави Кадим, Каррар Джаафар. Опыт правового регулирования цифровых активов в международном законодательстве / Баддави Каррар Джаафар Кадим. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 15 (514). – С. 348–351.
3. Ёлохова И.В., Ахметова М.И., Крутова А.В. Подходы к определению правового статуса криптовалют в ведущих странах мира / И.В. Ёлохова, М.И. Ахметова, А.В. Крутова // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2019. – N 1. – С. 201–209.
4. Сидоренко, Э.Л. Криминологические риски оборота криптовалюты в проблемы ее правовой идентификации / Э.Л. Сидоренко // Библиотека криминалиста. – 2019. – N 3. – С. 148–155.
5. Сидоренко, Э.Л. Криптовалюта как новый юридический феномен / Э.Л. Сидоренко // Общество и право. – 2019. – N 3 (57). – С. 193–197.
6. Федеральный Закон Российской Федерации от 24.07.2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Текст: электронный – Режим доступа: – URL: https://fssp.gov.ru/storage/77cd70cd-ba78-4085-83e9-f8d447fb-3b6e/00npa2024/prikaz_fssp_340_1.pdf (дата обращения 20.08.2024).

[ru/storage/77cd70cd-ba78-4085-83e9-f8d447fb-3b6e/00npa2024/prikaz_fssp_340_1.pdf](https://fssp.gov.ru/storage/77cd70cd-ba78-4085-83e9-f8d447fb-3b6e/00npa2024/prikaz_fssp_340_1.pdf) (дата обращения 20.08.2024).

LEGAL REGULATION OF DIGITAL CURRENCIES AND ASSETS IN FOREIGN JURISDICTIONS

Mikhalenko N.A.

Samara State University of Economics

In this article, the author suggests getting acquainted with the study of the legal regulation of digital currencies and cryptocurrencies in Russia and other countries. To achieve this goal, the author conducts a comparative legal analysis of foreign jurisdictions and analyzes the regulatory framework in the field of regulation of digital currencies and assets. The paperless digital currencies are characterized. There are several main approaches: active control and management, passive attitude, prohibitive position. The projects of Singapore, Canada and Venezuela are cited as an example, as an important stage in the study of digital currencies. The legal initiatives of Malta, Liechtenstein and Russia are also being considered. It is noted that the codification of basic concepts in legislation contributes to legal certainty and the formation of a reliable regulatory framework for the digital economy. The author concludes that there is currently no single unified strategy for the legal regulation of virtual currencies.

Keywords: digital security, information, system, legal regulation, assets, jurisdictions.

References

1. Artyomov, N.M. Currency markets: a textbook / N.M. Artyomov. – Moscow.: Vocational education, 2001. – 95 p. – ISBN 5-94297-017-3: B. ts
2. Baddawi Kadhim, Karrar Jaafar. Experience in the legal regulation of digital assets in international law / Baddawi Karrar Jaafar Kadeem. – Text: direct // Young scientist. – 2024. – № 15 (514). – Pp. 348–351.
3. Elokhova I.V., Akhmetova M.I., Krutova A.V. Approaches to determining the legal status of cryptocurrencies in the leading countries of the world / I.V. Elokhova, M.I. Akhmetova, A.V. Krutova // Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences. – 2019. – N 1. – pp. 201–209.
4. Sidorenko, E.L. Criminological risks of cryptocurrency turnover in the problems of its legal identification / E.L. Sidorenko // Library of criminalist. – 2019. – N 3. – pp. 148–155.
5. Sidorenko, E.L. Cryptocurrency as a new legal phenomenon / E.L. Sidorenko // Society and law. – 2019. – N 3 (57). – pp. 193–197.
6. Federal Law of the Russian Federation No. 340-FZ dated 07/24/2023 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. Text: electronic – Access mode: – URL: https://fssp.gov.ru/storage/77cd70cd-ba78-4085-83e9-f8d-447fb3b6e/00npa2024/prikaz_fssp_340_1.pdf (accessed 08/20/2024).

Некоторые проблемы использования категории оценочного характера в конструировании норм законодательства об административных правонарушениях

Орынбеков Алмас Сабитулы,

аспирант, кафедра международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: Olzheke2030@gmail.com

Использование категорий оценочного характера, при рассмотрении административных правонарушений в Российской Федерации, необходимая реальность, но для реализации одного из главных принципов, осуществления законности, правоотношения возникающие при их применении должны развиваться и совершенствоваться. Исследования приводят автора к выводу, что применение оценочных категорий, не имеющих в законодательстве элементарных основных признаков (элементов) может привести к нарушению прав граждан и повышают коррупционные риски. Рассматривается содержание некоторых оценочных категорий как в Российском законодательстве, так и в законодательстве зарубежных государств, на их примере прослеживаются некоторые слабые стороны применения оценочных категорий. Для дальнейшего развития судебно-правовой системы государства необходимо изучение применения оценочных категорий в практической деятельности, анализ правоприменительной практики позволит найти «золотую середину», баланс в соблюдении норм права.

Ключевые слова: оценочные категории, оценочные понятия, административное право, теория права.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – Кодекс) является основным нормативным актом, в котором предусматривается ответственность за нарушение административного законодательства, при этом он определяет очень широкий спектр правонарушений практически во всех сферах общественной жизни и затрагивает интересы фактически каждого жителя страны. Возникающие таким образом правоотношения регулируются, развиваются и должны в первую очередь способствовать законности, которая представляет собой многостороннее явление.

Задача Кодекса также многогранна, они предусматривают охрану прав и свобод человека – личных, экологических, культурных, политических, социально – экономических, политических, защиту существующего государственного и общественного строя, а одним из основных принципов является – равенство перед Законом[1].

Однако в повседневной практической работе правоохранительных и судебных органов возникают многочисленные вопросы и сложности, которые в конечном итоге порождают многочисленные жалобы, апелляции, то есть то самое нарушение законности, кроме того если смореть глубже способствует развитию коррупционных рисков.

Одним из решений данного вопроса автору видится изучение, исследование и применение оценочных категорий в КоАП РФ. Данное исследование, при всем объеме Кодекса, в следствии разнообразия обстоятельств совершения правонарушения и различного лексического толкования не сможет полностью решить всех проблем, но может способствовать выявлению основных пробелов в законодательстве, установлению спорных «очагов» в правоприменительной практике.

Для правильного дальнейшего толкования оценочных категорий рассмотрим лексическое понятие оценочной категории, так согласно словаря Ожегова С.И.: оценить – высказать мнение, суждение о ценности или значении кого-чегонибудь[2], категория – научное понятие выражающее наиболее общие свойства и связи явлений действительности[3].

Действительно оценочные категории на наш взгляд необходимы для установления общего значения применительно к разным статьям Кодекса, но при этом естественно они должны быть взаимосвязаны с оценочными понятиями используемыми в административном праве.

В данном контексте автор согласен с Белоусовой К.А., которая говорит о необходимости оптимального соотношения формальной определенности в оценочных категориях, это по ее словам позволяют избежать его «сухости», поскольку формализм придает праву четкость, а оценочные категории – гибкость и подвижность[4].

Перейдем к более детальному рассмотрению некоторых оценочных категорий и попытаемся понять какую роль они играют и могут в дальнейшем нести при конструировании норм Кодекса.

Многие авторы начинают со статьи 2.2, которая регулирует формы вины, и включает в себя понятие «вредные последствия». Официальное определение этих вредных последствий законодательством не предусмотрено, поэтому они имеют субъективную оценочную природу[5].

Действительно в законодательстве Российской Федерации «вредные последствия» не имеют даже приблизительных признаков, указывающих на отправную точку, изучив законодательство других стран мы нашли в Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь от 21 апреля 2003 года № 194-З, что «Вредные последствия – это причинение имущественного, морального и иного вреда охраняемым настоящим Кодексом правам и интересам[6]. В новом Кодексе, принятом Республикой Беларусь в 2021 году данное понятие отсутствует, осталось только понятие вреда, но необходимо отметить, что и в старом и в новом Кодексе имеется статья, разъясняющая отдельные термины. Наши оппоненты могут сказать, что по данному толкованию также имеется много вопросов, но оно, оставаясь оценочной категорией, дает определенное направление.

На наш взгляд, рассматривая формы вины, умысел и неосторожность, которые приводят к определенным последствиям, эти «вредные последствия» должны быть более конкретно определены и законодательно закреплены отображая наиболее общие свойства и связи явлений, о чем автор сказал выше.

В Кодексе Республики Казахстан «Об административных правонарушениях», статья 11 рассматривает принцип вины, по которому к ответственности привлекаются лица за те правонарушения, в отношении которых установлена его вина, при этом никаких оценочных категорий не содержится, а суть самих нарушений прописана в соответствующих статьях.

Республика Узбекистан пошла по пути Российской Федерации, статья 11 рассматривая умышленные административные нарушения, предусматривает «вредные последствия», и одинаково нигде об этих последствиях больше не упоминается.

На наш взгляд, рассматривая формы вины, умысел и неосторожность, которые приводят к определенным последствиям, эти «вредные последствия» должны быть более конкретно определены и законодательно закреплены. Отображать наиболее общие свойства и связи явлений, о чем автор сказал выше, так как применение этой оценочной кате-

гории, при определенных обстоятельствах, может иметь разные конечные результаты при рассмотрении административных правонарушений.

Следующая оценочная категория – «малозначительность совершенного правонарушения», не смотря на то, что имеет разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда от 24.03. 2005 № 5, также подвергается постоянному обсуждению.

В Постановлении обращено внимание на основные элементы по которым правонарушение может быть отнесено к малозначительным и отмечено, что при формальном наличии всех признаков состава правонарушения малозначительное нарушение характеризуют низкая степень общественной опасности и то, что оно не наносит значительного ущерба государственным органам и охраняемым законом общественным отношениям[7]. Это разъяснение привело к возникновению новых споров, действительно, изучая судебную практику, мы видим, что принимаются разные решения по сходным правонарушениям, и естественно возникает вопрос: - как к этому относится?

В соседних государствах, рассматриваемых нами, существуют отдельные статьи, которые предусматривают освобождение от административной ответственности при малозначительности правонарушения.

В Республике Беларусь и Республике Казахстан судьи и должностные лица рассматривающие дела об административных правонарушениях, самостоятельно принимают решение об освобождении лица от ответственности и ему объявляется устное замечание, при этом сама оценочная категория «малозначительность правонарушения» в общих чертах имеет какое-то обозначение.

В Республике Узбекистан должностное лицо рассматривающее дело, направляет представление в суд для решения вопроса об освобождении от ответственности или применении более мягкого взыскания, однако какое правонарушение может быть признано малозначительным в Законе не оговаривается.

Статья 3.9 КоАП РФ – «Административный арест», вторая часть данной статьи содержит оценочную категорию, в ней сказано, что административный арест назначается лишь в исключительных случаях за отдельные виды административных правонарушений. Рассматривая оценочную категорию «исключительный случай» понимаешь, что возможности применения его безграничны и для судей является широким пространством при вынесении решений.

Что касается «отдельных видов административных правонарушений» за которые может быть назначена санкция в виде административного ареста, то в Кодексе они также не указаны, в данном случае автор считает, что «отдельные виды административных правонарушений» является «оценочным понятием» поэтому должно в законе иметь свое обоснованную формулировку.

По статье 20.21. «Появление в общественных местах в состоянии опьянения», граждане часто

оспаривают совершение данного правонарушения из за применения оценочной категории «другие общественные места».

На приведенных примерах мы видим, как в законодательстве происходит «превращение» «оценочных понятий» – например «общественные места» в «оценочные категории» – «другие общественные места». На наш взгляд, в научной литературе у авторов нет четкого разграничения – «оценочных понятий», «оценочных категорий», некоторые авторы в своих работах рассматривают «оценочные категории», потом сами того не замечая переходят к «оценочным понятиям». Как видится автору, «оценочные понятия» это более конкретные сведения, которые применяются в законодательстве, их элементы, признаки оговариваются в определенных статьях Закона.

Во всех работах связанных с изучением «оценочных категорий» красной нитью проходит мысль о том, что применение «оценочных категорий» дает правоприменителю некоторую свободу в процессе осуществления правосудия в связи с широким спектром возникающих ситуаций, с другой стороны позволяет использовать Кодекс об административных правонарушениях несмотря на изменения происходящие в общественных отношениях страны и в этом автор абсолютно согласен.

Применение оценочных категорий в практической работе должны анализироваться, необходимо постоянно заниматься изучением зарубежного опыта законодательной регламентации оценочных категорий в административной юстиции, так как она представляют собой достаточно сложную область современной российской теории права, в целях укрепления законности.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 08.07.2024, с изм. от 18.07.2024).
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка 1983. С-429.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка 1983. С-240.
4. Белоусова К.А. Оценочные категории в праве: вопросы теории и практики, диссертация на соискание ученой степени кандидат наук. 2019.
5. Тимошенко И.В. Дефинирование понятийного аппарата как один из способов минимизации оценочных категорий законодательства об административной ответственности // Известия ЮФУ. Технические науки. 2006. № 10. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/definirovanie-](https://cyberleninka.ru/article/n/definirovanie)

ponyatiynogo-apparata-kak-odin-iz-sposobov-minimizatsii-otsenochnyh-kategoriy-zakonod atelstva-ob-administrativnoy (дата обращения: 13.04.2023).

6. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» от 21 апреля 2003 года № 194-З.
7. Пленум ВС РФ Постановление от 24.03. 2005 N 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».
8. <https://www.kodap.ru/razdel-1/glava-3/st-3-9-koap-rf>.

SOME PROBLEMS OF USING THE CATEGORY OF EVALUATIVE NATURE IN DESIGNING NORMS OF LEGISLATION FOR ADMINISTRATIVE OFFENSES

Orynbekov Almas Sabituly

Financial University under the Government of the Russian Federation

The use of evaluative categories when considering administrative offenses in the Russian Federation is a necessary reality, but for the implementation of one of the main principles, the implementation of legality, legal relations arising from their application should be developed and improved. Research leads the author to the conclusion that the use of evaluative categories that do not have elementary basic features (elements) in legislation can lead to a violation of citizens' rights and increase corruption risks. The content of some evaluative categories is considered both in Russian legislation and in the legislation of foreign countries, and some weaknesses in the use of evaluative categories are traced using their example. For the further development of the judicial and legal system of the state, it is necessary to study the use of evaluative categories in practice; an analysis of law enforcement practice will allow finding a "golden mean", a balance in compliance with legal norms.

Keywords: evaluative categories, evaluative concepts, administrative law, legal theory.

References

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” of 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 08.07.2024, as amended on 18.07.2024).
2. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language 1983. P-429.
3. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language 1983. P-240.
4. Belousova K.A. Evaluation categories in law: issues of theory and practice, dissertation for the degree of candidate of sciences. 2019.
5. Timoshenko I.V. Definition of the conceptual apparatus as one of the ways to minimize the evaluative categories of the legislation on administrative responsibility // Bulletin of the Southern Federal University. Technical sciences. 2006. No. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/definirovanie-ponyatiynogo-apparata-kak-odin-iz-sposobov-minimizatsii-otsenochnyh-kategoriy-zakonod atelstva-ob-administrativnoy> (date of access: 13.04.2023).
6. Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses” of April 21, 2003 No. 194-Z.
7. Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Resolution of March 24, 2005 N 5 “On Some Issues Arising in Courts When Applying the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses.
8. <https://www.kodap.ru/razdel-1/glava-3/st-3-9-koap-rf>.

Очинова Полина Игоревна,

аспирант 1 курса ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»

E-mail: ochirova@sdm38.ru

Майнинговая система представляет собой явление, которое появилось относительно недавно. Майнинг предполагает собой извлечение прибыли из криптовалюты. В настоящий момент законодательство Российской Федерации не содержит легального определения термина «майнинг» или «криптовалюта». При этом основные вопросы связаны с налогообложением деятельности, которая связана с майнингом. В данной статье рассмотрены проблемы применения НДС в майнинге и предложены пути решения таких проблем.

Ключевые слова: майнинг, оборудование, криптовалюта, налогообложение, налоги, организация.

Несмотря на то что майнинг в Российской Федерации серьезно ограничивается, это не мешает его развитию. В соответствии со статистическими показателями Россия выходит на второе место в мире по мощностям для майнинга криптовалют¹. Даже на территории Иркутской области были зафиксированы операции, связанные с криптовалютой. Например, примечательна судебная практика Иркутского областного суда²³, где было подчеркнуто, что лица получали регулярно доходы от операций с криптовалютой и применяли специальное оборудование для криптовалюты.

В судебной практике все чаще возникают споры, которые касаются майнинга виртуальных денег, что обусловлено распространением криптовалюты не только на территории России, но и на территории иных стран. Например, в Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции отмечено, что между сторонами спора был заключен гражданско-правовой договор по продаже виртуальной валюты (биткойна). Понятие криптовалюты теперь все чаще упоминается в судебных актах⁴.

Особый теоретический и практический интерес представляет рассмотрение вопроса о налогообложении майнинга в Российской Федерации, поскольку представленный вопрос никак не регулируется на законодательном уровне. Единственный нормативно-правовой акт, который мог бы регулировать налогообложение майнинга – это законопроект № 419090–7, который, как, однако, не раскрывает вопрос, касающийся налогообложения майнинга в Российской Федерации. Он лишь содержит определение понятия «майнинг»⁵.

¹ Россия вышла на второе место в мире по майнингу криптовалют // Официальный сайт Forbes – URL: <https://www.forbes.ru/finansy/487282-rossia-vysla-na-vtoroe-mesto-v-mire-po-majningu-kriptoalut> (дата обращения 12.07.2024)

² Апелляционное определение Иркутского областного суда от 27.02.2023 № 33–1773/2023 по делу № 2–3725/2022 // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=306107&ysclid=lycpzaxd1d20791826#enWFvHUuRoBCCTYQ> (дата обращения: 12.07.2024)

³ Апелляционное определение Иркутского областного суда от 13.03.2023 по делу № 33–1772/2023 // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=305977&ysclid=lycpzu8vhs812682294#mHdFvHUF2btQ4S56> (дата обращения: 12.07.2024)

⁴ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.04.2023 № 88–6958/202 // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=100237#agImHIU2FRs-dOSL5> (дата обращения: 12.07.2024)

⁵ Проект федерального закона № 419090–7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» // Официальный интернет-портал правовой информации – URL:

Интерес исследования данной темы также состоит в том, что гражданское законодательство постоянно меняется. Например, в статью 141.4 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) были внесены изменения по поводу цифровых прав, которые тесно взаимосвязаны с криптовалютой¹.

Д.А. Колесниченко и О.В. Колесниченко отмечают, что, как правило, множество современных научных работ, которые посвящены налогообложению майнинга, содержат позицию о том, что такая деятельность должна регулироваться общими положениями Налогового кодекса Российской Федерации (далее по тексту – НК РФ). Как считают правоведы, майнинг должен облагаться НДФЛ, с чем нельзя не согласиться².

Однако, на наш взгляд, майнинг и криптовалюта – это совершенно новые понятия для законодательства Российской Федерации, поэтому они требуют совершенного иного правового регулирования с точки зрения обложения НДФЛ майнинга.

В феврале 2022 года Министерство финансов Российской Федерации указало, что оборот криптовалюты на территории страны запрещен, но допускается применять криптовалюту в сфере инвестиций. Предполагается, что операции, касающиеся оборота криптовалюты, могут быть возможны только при условии проведения идентификации клиента, а ввод и вывод криптовалюты допустимы только через банковские организации с применением банковского счета. Регулирование перечисленных вопросов предполагается в новом федеральном законе³.

В соответствии с позицией Министерства финансов Российской Федерации операции, которые связаны с оборотом криптовалют, должны регулироваться общими нормами налогового законодательства об определении дохода (статья 41 НК РФ). Аналогичная позиция изложена во многих письмах Министерства финансов Российской Федерации⁴.

В соответствии со статьей 41 НК РФ доход – это экономическая выгода в денежной или натуральной форме, которая учитывается в случае возмож-

ности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить⁵. Также такая выгода определяется согласно положениям налогового законодательства Российской Федерации.

Также в соответствии со статьей 271 НК РФ доход, который был получен, подлежит налогообложению. Орган государственной власти (налоговая служба) признает доходом экономическую выгоду, которую гражданин получил в денежной или натуральной формах.

Здесь снова следует привести позицию Д.А. Колесниченко и О.В. Колесниченко, которые указывают, что майнинг должен облагаться НДФЛ, поскольку экономическое основание для этого возникает в момент вывода полученной криптовалюты (фиат и обмен). Более того, в соответствии с нормами НК РФ лицо, которое выводит криптовалюту, получает доход, а доход должен подлежать налогообложению.

Интересно то, что действующее законодательство России не регулирует вопрос, связанный со статусом субъекта, который занимается оборотом криптовалюты. Так, не указано, должно ли быть зарегистрировано такое лицо в качестве самозанятого или индивидуального предпринимателя, что существенно затрудняет налогообложение. Более того, пункт 7 статьи 3 НК РФ закрепляет один из фундаментальных принципов налогового права, касающийся того, что все неустранимые сомнения, противоречия и неясности налогового законодательства трактуются в пользу налогоплательщика. Деятельность, связанная с майнингом, достаточно неоднозначна, поскольку практически не регулируется нормативно-правовыми актами Российской Федерации. Поэтому применение НДФЛ в данном случае также может быть затруднено.

С другой стороны, не установлен и запреты на занятие майнингом для физических лиц в статусе самозанятого или индивидуального предпринимателя. Добыча криптовалюты по своей сущности ничем не отличается от других видов деятельности, с помощью которых извлекается прибыль.

По моему мнению, все доходы, которые были получены от операций с криптовалютой, должны быть учтены при определении налоговой базы для расчета НДФЛ.

20 мая 2022 года в законодательный орган России поступил на рассмотрение Законопроект № 127303–8, который был отклонен 19.10.2022 года⁶. На мой взгляд, данный законопроект имел шанс на существование, поскольку указывал, что запрещено заниматься майнингом лицам, которые не зарегистрированы в качестве индивидуального предпринимателя или самозанятого.

<http://government.ru/activities/selection/303/32371/> (дата обращения: 12.07.2024)

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994 г. № 32. ст. 3301

² Колесниченко Д.А., Колесниченко О.В. Налогообложение майнинга криптовалют в Российской Федерации: существует ли экономическое основание для взимания НДФЛ? // Налоги и налогообложение. 2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogooblozhenie-mayninga-kriptovalyut-v-rossiyskoy-federatsii-suschestvuet-li-ekonomicheskoe-osnovanie-dlya-vzimaniya-ndfl> (дата обращения: 07.07.2024).

³ 18 февраля 2022 года Минфином направлен в Правительство проект закона о регулировании криптовалют // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/73543.html> (дата обращения: 12.07.2024)

⁴ Письмо Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России от 26 сентября 2019 г. N 03–04–05/74126 О налогообложении НДФЛ доходов от осуществления операций с криптовалютами // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72685880/>

⁵ Законопроект № 127303–8 «О майнинге в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/127303-8?ysclid=ly-bi3baejw733827428> (дата обращения: 12.07.2024)

⁶ Законопроект № 127303–8 «О майнинге в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/127303-8?ysclid=ly-bi3baejw733827428> (дата обращения: 12.07.2024)

На данный момент Государственной Думой Российской Федерации рассматривается еще один законопроект № 1065710–7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации», который закрепляет положение о том, что если лицо с продажи криптовалюты получает более 600 000 рублей, то оно обязано подавать налоговую декларацию¹.

Сейчас в Российской Федерации применяется несколько систем налогообложения. Преимуществом в данном случае обладает налог на доходы физических лиц (далее по тексту – НДФЛ), который представляет собой основной вид прямых налогов.

Е.А. Осадченко отмечает, что в последние несколько лет налоговые органы стали все чаще обращать внимание на граждан, которые занимаются криптовалютой и получают с такой деятельности доход. Однако, как указывает исследователь, точной позиции по поводу налогообложения майнинга на территории России пока не существует, как в судебной практике, так и в законодательстве государства. Е.А. Осадченко ссылается на пункт 7 статьи 3 НК РФ, где указан один из принципов, гласящий, что все неустранимые сомнения должно быть истолкованы в пользу налогоплательщика².

Автор говорит о том, что налоговая база по операциям, связанным с криптовалютой, должна определяться в национальной валюте Российской Федерации в качестве превышения общей суммы доходов, полученных налогоплательщиком в налоговом периоде от продажи соответствующей криптовалюты, над общей суммой документально подтвержденных расходов на ее приобретение.

В юридической литературе подчеркивается, что нормативно-правовыми актами Российской Федерации правовой статус криптовалюты и майнинга не определяются, соответственно, отсутствуют основания применения льготного порядка налогообложения (пункт 17.1 статьи 217 НК РФ). Это означает, что полученный доход от продажи криптовалюты облагается НДФЛ вне зависимости от срока нахождения криптовалюты в собственности налогоплательщика. Некоторые исследователи говорят о том, что такая позиция достаточно спорна. Позиция Министерства финансов Российской Федерации сводится к тому, что преимуществом в отношении майнинга обладает НДФЛ, однако, судебная практика нередко противоречит позиции органа государственной власти.

Например, интересно Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда, где указа-

но, что майнинг в России никак не регулируется на законодательном уровне, соответственно, налогообложению он не подлежит³. Однако интересно Определение Верховного Суда Российской Федерации, которое указывает, что криптовалюта признается имуществом⁴. Значит, криптовалюта облагается НДФЛ в 13%.

Интерес также представляют Решение Арбитражного суда города Москвы⁵ и Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.03.2015 года № 09АП-2062/201, где указано, что криптовалюта подлежит налогообложению⁶. Но указанные судебные органы отнесли к криптовалюте также виртуальную валюту, которая, на наш взгляд, к таковой не относится, поскольку методы криптографии и математические алгоритмы не применяются при создании виртуальной валюты (игровой валюты).

Как правило, продажей криптовалют занимаются именно физические лица. Юридические же лица должны уплачивать налог в размере 20% на прибыль от продажи криптовалюты, что на практике встречается крайне редко.

Основные тонкости и нюансы применения НДФЛ в майнинге связаны со следующими аспектами:

недоработки в области механизмов контроля налогообложения цифровой валюты; определения налоговой базы и порядка расчета налога;

операции с криптовалютами зачастую совершаются анонимно, что не позволяет своевременно привлечь к ответственности лиц, совершающих налоговые правонарушения и преступления (отмывание денег и иные противозаконные операции с криптовалютой);

неопределенность правового статуса криптовалюты в России, а также в международном сообществе. Для решения данной проблемы были разработаны специальные рекомендации, направленные на разъяснение вопросов в области налогообложения криптовалюты. Многие страны сейчас стали пересматривать свое законодательство в отношении налогообложения майнинга.

А.Т. Муханов, М.А. Бабаев справедливо указывают, что криптовалюта представляет собой новое явление на законодательном уровне, поэто-

¹ Законопроект «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7> (дата обращения: 12.07.2024)

² Осадченко Е.А. перспективы организации, регулирования и налогообложения майнинга в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-organizatsii-regulirovaniya-i-nalogooblozheniya-mayninga-v-rossii> (дата обращения: 07.07.2024).

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.08.2023 № 09АП-35215/2023 по делу № А40-273884/2022 // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/txdatMvq0zLU/?ysclid=lycpv-5i9fh535467184> (дата обращения: 12.07.2024)

⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации № 44-КГ20-17-К7, 2-2886/2019 // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?> (дата обращения: 12.07.2024)

⁵ Решение Арбитражного суда города Москвы от 24.11.2014 года № А40-124668/17-71-160Ф // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/kriptovalyuta-vne-pravovogo-polya/> (дата обращения: 12.07.2024)

⁶ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.03.2015 года № 09АП-2062/201 // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://base.garant.ru/60600305/?ysclid=lycprupn84m845523019> (дата обращения: 12.07.2024)

му в данном случае необходим детальный подход к правовому регулированию применения НДС при майнинге. По мнению авторов, отсутствие законодательного регулирования криптовалюты приводит к тому, что лица уклоняются от уплаты налогов, несмотря на то, что такая деятельность приносит им немалый доход.

Исследователи так же подчеркивают, что необходимо на законодательном уровне закрепить норму о том, что майнинг облагается НДС, поскольку это может стать дополнительным источником дохода для казны государства. Но стоит также определить налоговую базу, поскольку стоимость виртуальной валюты, как правило, колеблется, что существенным образом затрудняет установление дохода. Авторы также подчеркивают сложность налогообложения операций в сфере майнинга¹.

Но все доходы, которые были получены от операций с криптовалютой, должны облагаться налогом, поскольку такой вид деятельности ничем не отличается от других видов деятельности, поэтому физические лица обязаны подавать декларацию 3-НДФЛ. Доходами в данном случае признается прибыль, полученная с реализации криптоактивов. Между тем, налоговое законодательство Российской Федерации требует нового подхода к определению правового статуса криптовалюты.

Таким образом, система майнинга на территории Российской Федерации пока в полной мере не урегулирована, следовательно, в судебной практике встречаются противоречивые позиции по поводу правовой природы и налогообложения майнинга. Также судебная практика вступает в разногласия с разъяснениями Федеральной налоговой службы.

Многие исследователи придерживаются позиции, что наиболее приемлемой системой налогообложения для майнинга выступает НДС, то есть по ставке 13%. На наш взгляд, декларировать доходы, которые были получены в связи с куплей-продажей криптовалюты целесообразнее с применением НДС. Аналогичной позиции придерживается Федеральная налоговая служба Российской Федерации.

Основная проблема состоит в том, что действующее законодательство не содержит правового регулирования экономического основания для взимания НДС при майнинге, что создает дискуссии в теории и правоприменительной деятельности. Данное исследование показало, что к настоящему времени применение НДС в отношении майнинга остается неразрешенной проблемой.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред.

¹ Муханов А.Т., Бабаев М.А. Налогообложение криптовалют: Законодательная база, проблемы и перспективы развития // Всемирный ученый. 2024. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogooblozhenie-kriptovalyut-zakonodatelnaya-baza-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 08.07.2024).

- от 11.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994 г. № 32. ст. 3301
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 22.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000 г. № 32. ст. 3340
3. Письмо Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России от 26 сентября 2019 г. N 03-04-05/74126 О налогообложении НДС доходов от осуществления операций с криптовалютами // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72685880/>
4. Законопроект № 127303-8 «О майнинге в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/127303-8?ysclid=lybi3baejw733827428> (дата обращения: 12.07.2024)
5. Проект федерального закона № 419090-7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <http://government.ru/activities/selection/303/32371/> (дата обращения: 12.07.2024)
6. Законопроект «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7> (дата обращения: 12.07.2024)
7. Колесниченко Д.А., Колесниченко О.В. Налогообложение майнинга криптовалют в Российской Федерации: существует ли экономическое основание для взимания НДС? // Налоги и налогообложение. 2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogooblozhenie-mayninga-kriptovalyut-v-rossiyskoy-federatsii-suschestvuet-li-ekonomicheskoe-osnovanie-dlya-vzimanija-ndfl> (дата обращения: 07.07.2024).
8. Муханов А.Т., Бабаев М.А. Налогообложение криптовалют: Законодательная база, проблемы и перспективы развития // Всемирный ученый. 2024. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogooblozhenie-kriptovalyut-zakonodatelnaya-baza-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 08.07.2024).
9. Осадченко Е.А. перспективы организации, регулирования и налогообложения майнинга в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-organizatsii-regulirovaniya-i-nalogooblozheniya-mayninga-v-rossii> (дата обращения: 07.07.2024).
10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.08.2023 № 09АП-35215/2023 по делу № А40-273884/2022 // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/lx-datMvq0zLU/?ysclid=lycpv5i9fh535467184> (дата обращения: 12.07.2024)
11. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 44-КГ20-17-К7, 2-2886/2019 //

Интернет-портал правовой информации – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?> (дата обращения: 12.07.2024)

12. Решение Арбитражного суда города Москвы от 24.11.2014 года № А40–124668/17–71–160Ф // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/kriptoalyuta-vne-pravovogo-polya/> (дата обращения: 12.07.2024)
13. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.03.2015 года № 09АП-2062/201 // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://base.garant.ru/60600305/?ysclid=lycpupn84m845523019> (дата обращения: 12.07.2024)
14. Апелляционное определение Иркутского областного суда от 27.02.2023 № 33–1773/2023 по делу № 2–3725/2022 // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=306107&ysclid=lycpzaxd1d20791826#enWFvHUuRoBCCTYQ> (дата обращения: 12.07.2024)
15. Апелляционное определение Иркутского областного суда от 13.03.2023 по делу № 33–1772/2023 // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=305977&ysclid=lycpzu8vhs812682294#mHdFvHUF-2btQ4S56> (дата обращения: 12.07.2024)
16. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.04.2023 № 88–6958/202 // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=100237#aglmHIU2FRsdOSL5> (дата обращения: 12.07.2024)
17. Россия вышла на второе место в мире по майнингу криптовалют // Официальный сайт Forbes – URL: <https://www.forbes.ru/finansy/487282-rossia-vysla-na-vtoroe-mesto-v-mire-po-majningu-kriptoalut> (дата обращения: 12.07.2024)
18. 18 февраля 2022 года Минфином направлено в Правительство проект закона о регулировании криптовалют // Интернет-портал правовой информации – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/73543.html> (дата обращения: 12.07.2024)

PRACTICE OF APPLYING PIT IN MINING

Ochirova P.I.
Baikal State University

The mining system is a phenomenon that has appeared relatively recently. Mining involves making profit from cryptocurrency. Currently, the legislation of the Russian Federation does not contain a legal definition of the term “mining” or “cryptocurrency”. At the same time, the main issues are related to the taxation of activities related to mining. This article discusses the problems of using personal income tax in mining and suggests ways to solve such problems.

Keywords: mining, equipment, cryptocurrency, taxation, taxes, organization.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994 No. 32. Art. 3301
2. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) of August 5, 2000 No. 117-FZ (as amended on June 22, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2000 No. 32. Art. 3340
3. Letter of the Department of Tax and Customs Policy of the Ministry of Finance of Russia dated September 26, 2019 N 03–04–05/74126 On taxation of personal income tax on income from transactions with cryptocurrencies // Internet portal of legal information – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72685880/>
4. Bill No. 127303–8 “On Mining in the Russian Federation” // Official Internet portal of legal information – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/127303-8?ysclid=lybi3baejw733827428> (date of access: 12.07.2024)
5. Draft federal law No. 419090–7 “On alternative methods of attracting investments (crowdfunding)” // Official Internet portal of legal information – URL: <http://government.ru/activities/selection/303/32371/> (date of access: 12.07.2024)
6. Bill “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation” // Official Internet portal of legal information – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7> (date of access: 12.07.2024)
7. Kolesnichenko D.A., Kolesnichenko O.V. Taxation of cryptocurrency mining in the Russian Federation: is there an economic basis for levying personal income tax? // Taxes and taxation. 2020. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogooblozheniemayninga-kriptoalut-v-rossiyskoy-federatsii-suschestvuet-likonomicheskoe-osnovanie-dlya-vzimaniya-ndfl> (date of access: 07.07.2024).
8. Mukhanov A.T., Babaev M.A. Taxation of cryptocurrencies: Legislative framework, problems and development prospects // World scientist. 2024. No. 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogooblozhenie-kriptoalut-zakonodatel'naya-baza-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (date of access: 08.07.2024).
9. Osadchenko E.A. Prospects for the organization, regulation and taxation of mining in Russia // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2024. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-organizatsii-regulirovaniya-i-nalogooblozheniya-mayninga-v-rossii> (date of access: 07.07.2024).
10. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated August 15, 2023 No. 09AP-35215/2023 in case No. A40–273884/2022 // Internet portal of legal information – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/lxdatMvq0zLU/?ysclid=lycpv5i9fh535467184> (date of access: July 12, 2024)
11. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation No. 44-KG20–17-K7, 2–2886/2019 // Internet portal of legal information – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?> (date of access: 12.07.2024)
12. Decision of the Arbitration Court of Moscow dated 24.11.2014 No. A40–124668/17–71–160Ф // Internet portal of legal information – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/kriptoalyuta-vne-pravovogo-polya/> (date of access: 12.07.2024)
13. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 06.03.2015 No. 09AP-2062/201 // Internet portal of legal information – URL: <https://base.garant.ru/60600305/?ysclid=lycpypn84m845523019> (date of access: 12.07.2024)
14. Appellate ruling of the Irkutsk Regional Court dated 27.02.2023 No. 33–1773/2023 in case No. 2–3725/2022 // Internet portal of legal information – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=306107&ysclid=lycpzaxd1d20791826#enWFvHUuRoBCCTYQ> (date of access: 12.07.2024)
15. Appellate ruling of the Irkutsk Regional Court dated 13.03.2023 in case No. 33–1772/2023 // Internet portal of legal information – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=305977&ysclid=lycpzu8vhs812682294#mHdFvHUF2btQ4S56> (date of access: 12.07.2024)
16. Determination of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated 11.04.2023 No. 88–6958/202 // Internet portal of legal information – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/on->

line.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=100237#aglmHIU2FRs-dOSL5 (date of access: 12.07.2024)

17. Russia has become the second largest cryptocurrency mining country in the world // Official Forbes website – URL: <https://www.forbes.ru/finansy/487282-rossia-vysla-na-vtoroe-mesto-v-mire-po-majningu-kriptovalut> (date of access: 12.07.2024)

18. On February 18, 2022, the Ministry of Finance sent a draft law on the regulation of cryptocurrencies to the Government // Internet portal of legal information – URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/73543.html> (date of access: 12.07.2024)

К новейшему решению вопроса о субъектах и объектах конституционных правоотношений

Пономарёва Ирина Павловна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
E-mail: paradigm775@mail.ru

Предпринята попытка осуществить постановку вопроса о научном осмыслении субъектов и объектов конституционных правоотношений в связи с поправками к Конституции 2020 года. В статье автор анализирует ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ на предмет её влияния на состояние духовности и нравственности в России и отмечает, что в указанной поправке тема основополагающих ценностей российского государства и общества занимает центральное место. Автор приходит к выводу, что поправка конституирует укрепление духовности и государственности России.

Анализ указанной поправки позволил сделать вывод о появлении нового субъекта и объекта конституционных правоотношений.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, поправка к Конституции Российской Федерации, конституционные правоотношения, субъекты конституционных правоотношений, объекты конституционных правоотношений.

Вопросы теоретического осмысления правоотношений, а также субъектов и объектов правоотношений всегда привлекали внимание правоведов. Универсального, исчерпывающего решения указанных вопросов не существует до настоящего времени. Единство мнений отсутствует как в общей теории права, так и в отраслевых науках.

Категория «конституционно-правовые отношения» («конституционные правоотношения») является важнейшей частью науки и отрасли конституционного права. Указанная категория стала чрезвычайно актуальной после внесения поправок к Конституции Российской Федерации в 2020 году. Конституция России была дополнена статьёй 67.1, в которой часть вторая содержит указание на феномен Бога: «Российская Федерация, объединённая тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признаёт исторически сложившееся государственное единство».

Несомненно, конституционные поправки 2020 года – это одно из самых значимых событий последнего времени. Потенциал конституционных изменений настолько велик, что его воздействие на теорию и практику государственного строительства ещё предстоит осмыслить научному сообществу. Полномасштабная работа по осмыслению конституционных нововведений была начата Конституционным Судом Российской Федерации в связи с запросом Президента России. В своём Заключении Конституционный Суд сформулировал вывод о соответствии поправок положениям глав 1, 2, и 9 Конституции России. Конституционный Суд также пояснил, что указания на веру в Бога в ст. 67.1 Конституции не означает отказа от принципа светского государства, а потому полностью соответствует основам конституционного строя, поскольку «по своей формулировке не сопряжено с конфессиональной принадлежностью», не объявляет наличие тех или иных религиозных убеждений обязательным в РФ, не ставит граждан России в неравное положение в зависимости от наличия «такой веры и ее конкретной направленности». Данное положение призвано «лишь подчеркнуть необходимость учета при осуществлении государственной политики той исторически значимой социально-культурной роли, которую религиозная составляющая сыграла в становлении и развитии российской государственности» [1].

Председатель Конституционного Суда России В.Д. Зорькин напомнил, что «...упоминание о Боге содержится в 115 действующих конститу-

ционных актах, вне зависимости от того, в какое время были они приняты и к какой правовой либо религиозной традиции принадлежит соответствующая страна. При этом оно далеко не обязательно соединено ни с упоминанием конкретной религии (деноминации, конфессии и т.д.), ни с признанием официального статуса за какой-либо церковью. В частности, конституции многих государств, также провозгласивших принцип «светского государства», содержат упоминание Бога (например, Австралия, Бразилия, Канада, США, Швейцария, Швеция и др.)» [2].

Положение ч. 2 ст. 67.1 Конституции России закрепляет не только новый субъект конституционно-правовых отношений высшего порядка (феномен Бога), но и новый объект – веру в Бога, которая обеспечивает сплочённость многонационального российского народа и способствует укреплению государственного единства. По справедливому утверждению С.С. Алексеева, «...объекты – это один из главных моментов, характеризующих правоотношения» [3 С. 291]. В юридической науке отсутствует единое мнение по вопросу объекта правоотношений, в связи с чем, научные дискуссии продолжаются.

Появление феномена Бога в тексте Основного Закона направлено на усиление российской государственности и сплочение конфессий, преемственности нравственных и культурно-исторических идеалов различных поколений российского народа. Феномен Бога и веры в Бога как экзистенциальные ценности высшего порядка, несомненно, доминируют и в системе конституционных ценностей современной России. Вместе с тем следует обратить внимание на слова председателя Конституционного Суда России В.Д. Зорькина о том, что «...закрепление веры... в Бога не означает отказа от светского (что не равнозначно атеистическому или антиклерикальному) характера нашего государства» [2].

Положение статьи 67.1 Конституции России относится к правовым нормам общего характера (нормы-принципы, нормы-декларации). Реализация таких норм не порождает конкретных правоотношений, а реализуется в виде правоотношения общего характера, которое в свою очередь способствует появлению целой совокупности конкретных правоотношений. Основное предназначение норм-принципов и норм-деклараций состоит в закреплении конституционных ценностей.

Феномен Бога в конституционном тексте – это не просто фигура речи. Очевидно, что конституционное положение о вере в Бога является логическим продолжением усилий Президента России по выстраиванию новых взаимоотношений между государством и религиозным сообществом, по сплочению многонационального российского народа и обеспечения единства страны. Так, ещё в 2013 году, на встрече с участниками Архиерейского собора РПЦ, Президент России заявил о необходимости «...уйти от вульгарного примитивного понимания светскости» [4].

Следует отметить, что вопрос о субъектах правоотношений всегда был непростым. Так, в середине двадцатого века в советской юридической науке имели место серьёзные дискуссии о признании советского народа субъектом права. Если С.Ф. Кечекьян признавал советский народ в качестве субъекта правоотношений [5 С. 126–127], то А.В. Мицкевич был против такого признания [6 С. 42–43].

В связи с появлением нового субъекта следует уточнить классификацию конституционно-правовых отношений. Конституционная норма статьи 67.1 – это сакральное правоотношение высшей степени абстракции, закрепляет феномен Бога и веру в Бога в качестве высших конституционных ценностей, тем самым возглавляя аксиологическую иерархию. Исследователи науки приходят к выводу о том, что духовные ценности, закреплённые в главе 3 Конституции России, являются основой российской культурной идентичности [7 С. 12–14].

Таким образом, в результате конституционных изменений 2020 года появился уникальный субъект правоотношений – феномен Бога и новый уникальный объект – вера в Бога. В этой связи может быть выделен и классифицирован новый вид конституционных правоотношений (внутри общего вида) – правоотношения сакрального вида. Вера в Бога – это нематериальный объект (благо) экзистенциального порядка в классификации объектов конституционно-правовых отношений.

Конституционно-правовые отношения, содержащие объект «вера в Бога», относятся к правоотношениям общего вида. Конкретные конституционно-правовые отношения являются эманацией указанного общего правоотношения из части 2 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации и порождают сложную систему правомочий и компетенций органов публичной власти, определяют права и обязанности общественных и религиозных объединений, а также отдельных граждан. Таким образом, общее правоотношение, возникшее на основе нормы-принципа, обладает высшим аксиологическим потенциалом, в том числе для множества конкретных правоотношений.

Следовательно, Бог, являясь сакральным феноменом и экзистенциальным субъектом государственных (конституционных) правоотношений, обладает чрезвычайно важными и ответственными полномочиями по сохранению России и многонационального, многоконфессионального российского народа. В частности, сакральные полномочия Бога указаны в Государственном гимне Российской Федерации: «...храняемая Богом родная земля» [8].

Таким образом, поправка к Конституции России обогатила науку и отрасль государственного (конституционного) права уникальным субъектом и объектом конституционных правоотношений. Правовая норма ч. 2 ст. 67.1 Конституции России дополнила представление о субъектах и объектах конституционно-правовых отношений, наполнив конституционный текст глубоким философским смыслом, что можно подтвердить высказыванием

Г.В. Гегеля: «Сокровеннейшее в человеке, его совесть, только в религии получает свое абсолютное обоснование и надежность. Поэтому государство должно опираться на религию» [9].

Конституционная поправка о вере в Бога является своеобразным профессиональным вызовом для исследователей науки, поскольку возникла необходимость наполнить феномены «Бог» и «вера в Бога» содержанием, соответствующим информационной стадии развития общества, сохраняя при этом исторические традиции и преемственность в понимании высочайших ценностей духовного порядка. Как справедливо отмечают исследователи науки, «познание и осмысление Божественной сущности сотворения и развития мира достигается опытным путём, и всё больше учёных, в т.ч. и среди юристов, начинают приходить к Богу через осмысление происходящих в мире событий, явлений и процессов» [10 С. 26]. Фундаментальные изменения конституционного текста открыли новые перспективы в теории и практике государственного строительства.

Литература

1. Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 года № 1-30 соответствии положениям глав 1, 2, и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации // Российская газета – Федеральный выпуск № 56 (98110). – 17.03.2020.
2. Под знаком обновлённой Конституции <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96>
3. Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права: сб. ст./под ред. С.Н. Братуся. М., 1960. С. 291.
4. Путин высказался против узкого понимания «светского государства» <https://aif.ru/society/religion/294367>
5. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.
6. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962.
7. Игнатушко И.В. Российская идентичность и нормы-ценности в Конституции РФ // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 5. С. 12–14.

8. Приложение 2 к Федеральному конституционному закону «О Государственном гимне Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.
9. Гегель Г. В.Ф. Философия права. Москва: Мысль, 1990. – 524 с.
10. Мазурин С.Ф. Духовность и нравственность в совершенствовании общественных отношений и государственности в России // История государства и права. 2013. № 11. С. 26.

TOWARDS THE LATEST SOLUTION TO THE ISSUE OF SUBJECTS AND OBJECTS OF CONSTITUTIONAL LEGAL RELATIONS

Ponomaryova I.P.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

An attempt has been made to raise the issue of scientific understanding of the subjects and objects of constitutional legal relations in connection with the amendments to the Constitution of 2020. In the article, the author analyzes Part 2 of Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation for its impact on the state of spirituality and morality in Russia and notes that the topic of fundamental values of the Russian state and society occupies a central place in this amendment. The author concludes that the amendment constitutes the strengthening of spirituality and statehood of Russia. The analysis of this amendment allowed us to conclude that a new subject and object of constitutional legal relations has appeared.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, amendment to the Constitution of the Russian Federation, constitutional legal relations, subjects of constitutional legal relations, objects of constitutional legal relations.

References

1. Opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 16, 2020 No. 1-Z on compliance with the provisions of Chapters 1, 2, and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the provisions of the Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority” that have not entered into force, as well as on the compliance with the Constitution of the Russian Federation of the procedure for the entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta – Federal issue No. 56 (98110). – 03/17/2020.
2. Under the sign of the updated Constitution <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96>
3. Alekseev S.S. On the object of law and legal relations // Issues of the general theory of Soviet law: collection of articles / edited by S.N. Bratus. M., 1960. P. 291.
4. Putin spoke out against the narrow understanding of the “secular state” <https://aif.ru/society/religion/294367>
5. Kechekyan S.F. Legal relations in a socialist society. M., 1958.
6. Mitskevich A.V. Subjects of Soviet law. M., 1962.
7. Ignatushko I.V. Russian identity and norms-values in the Constitution of the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2024. No. 5. P. 12–14.
8. Appendix 2 to the Federal Constitutional Law “On the National Anthem of the Russian Federation” // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>.
9. Hegel G. V.F. Philosophy of Law. Moscow: Mysl, 1990. – 524 p.
10. Mazurin S.F. Spirituality and Morality in Improving Social Relations and Statehood in Russia // History of the State and Law. 2013. No. 11. P. 26.

Подходы к разграничению полномочий между органами государственной власти в сфере образования в советский период

Сенников Дмитрий Эдуардович,

соискатель кафедры конституционного права им. Н.В. Витрука
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия»

Изучение вопросов состояния нормативного правового регулирования той или иной сферы общественных отношений представляется более эффективным при учете исторических предпосылок и тенденций такого регулирования. Не исключением является и правовое регулирование разграничения полномочий между органами государственной власти в сфере образования.

Для проведения такого исследования необходимо сравнить положения нормативных актов, регулирующих указанное разграничение, существовавшее в период активного развития сферы образования как массового социального института, а именно в период существования советского государства.

Результатам такого исследования посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: полномочия, конституция, органы государственной власти, образование, компетенция, разграничение полномочий, федеративное устройство

Современное состояние федеративного устройства в Российской Федерации невозможно представить без учета того опыта государственного устройства, который сложился за весь период существования Российского государства. Немаловажным в таком вопросе как федеративное устройство представляется опыт разграничения полномочий между федеральными властями и властями союзных республик и входящих в их состав образований во времена существования Союза ССР.

В свою очередь принимая во внимание массовость и масштабность системы образования разграничение полномочий в указанной сфере также не могло не учитывать те предпосылки, которые предопределили существующую модель такого разграничения в современности.

Соответственно, объектом исследования настоящей статьи является правовое регулирование разграничения полномочий между уровнями государственной власти и органами государственной власти в сфере образования в период существования Союза ССР.

Одна из ключевых категорий федеративных отношений «предметы ведения» была закреплена в отечественном конституционном регулировании в 1918 году в момент принятия Конституции (Основного Закона) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, которая, в свою очередь, разграничила такие предметы ведения между Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов и Всероссийским Съездом Советов (разделение между органами государственной власти одного уровня) и органами советской власти субъектов [2]. При этом, в случае отсутствия поименного предмета ведения в перечне, за органами государственной власти Союза ССР закреплялось право устанавливать собственное правовое регулирование, тем самым формируя полномочия таких органов в том числе по «остаточному» принципу.

В свою очередь наряду с конституционным текстом положения о разграничении полномочий сохранились в актах союзных республик, в том числе в декретах Совета Народных Комиссаров. Так, Декрет Народных Комиссаров «Об организации дела народного образования в Российской Республике» [3] устанавливал полномочия органов государственной власти различного уровня, в том числе созданной [1] в 1917 Государственной комиссии по просвещению, областных органов, губернских, уездных и волостных отделов народного образования, а также предусматривал положения о подчиненности органов государственной власти, осуществляющих деятельность в сфере образования.

Таким образом, ранние годы существования РСФСР характеризуются централизованным характером государственного управления в сфере образования с широким кругом полномочий федеральных органов, ограниченных поименованными полномочиями нижестоящих органов государственной власти. В свою очередь, полномочия разграничивались как конституционным текстом, устанавливающим систему федеративного устройства, так и актами органов государственной власти, фактически распределяющими полномочия в области образования.

Общее развитие правового пространства Союза ССР не могло не оказать влияние на разграничение полномочий, в том числе в сфере образования. Так, за союзными органами государственной власти закреплялось полномочие по установлению общих начал в области народного просвещения, оставляя за пределами такого предмета ведения возможности для самостоятельного правового регулирования для союзных республик.

Вместе с тем на уровне актов союзных органов власти осуществлялась детализация полномочий органов государственной власти союзных республик: в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) СССР о всеобщем начальном обучении за органами государственной власти союзных республик закреплялось полномочие по обеспечению обязательного обучения детей, стимулированию роста доходов учителей, изменению нормативного срока обучения, определению нагрузки учителей в части численности учащихся, что, представляется, сложно отнести к категории «общие начала народного просвещения» [4].

Немаловажным также стал объем полномочий автономных республик в составе РСФСР в сфере образования. Согласно постановлению СНК РСФСР о ходе работ по введению всеобщего обязательного начального обучения в РСФСР автономным республикам предоставлялась возможность учитывать местные особенности при реализации собственных полномочий, что было обусловлено «бытовыми и организационными трудностями», от которых, предполагается, зависел возраст обязательного поступления на обучение [5].

Соответственно, с учетом особенностей времени и социально-экономической обстановке в ранние годы Союза ССР распределение полномочий в период формирования единой системы образования было сопряжено с существенным влиянием такого фактора как региональные возможности союзных республик и входящих в их состав автономных республик.

Конституционный цикл 1936–1978 включил в себя принятие Конституции РСФСР 1937 года [7], которая детализировала часть компетенции РСФСР путем определения предметов ведения союзной республики, в том числе определив как собственный предмет ведения «руководство делом начального, среднего и высшего образования», что являлось развитием соответствующих

конституционных положений Конституции Союза ССР 1936 года [6].

Важным явлением для дальнейшего развития правового регулирования разграничения полномочий в сфере образования стало принятие Закона Союза ССР об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР [8].

Указанный закон устанавливал комплексное регулирование разграничения полномочий по дальнейшему нормативно-правовому регулированию исходя из уровней образования, которые также определял данный закон – в частности, за органами государственной власти различного уровня устанавливались полномочия по утверждению положений о таких уровнях образования (об обязательной восьмилетней школе, о вечерней (сменной) средней общеобразовательной школе и средней общеобразовательной трудовой политехнической школе с производственным обучением, положения о профессионально-технических училищах, средних специальных учебных заведений, высших учебных заведениях). Примечательно, что такие полномочия распределялись, судя по всему, исходя из «массовости» и «сложности» того или иного вида образования.

Так, исходя из массовости, все положения, затрагивающие уровни образования, осваиваемые в школе, лежат в плоскости полномочий органов государственной власти (советов министров) союзных республик. В свою очередь более прикладные уровни образования, направленные на формирование профессиональных навыков и профессиональной подготовки в части утверждения нормативно-правового регулирования закреплялось за Советом Министров СССР как органа союзного регулирования.

В развитие общесоюзного закона на уровне РСФСР в 1959 году принят Закон РСФСР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР» [9], который наряду с существенным дублированием положений соответствующего Закона СССР (необходимо отметить, что подобная практика до сих пор широко используется в законах субъектов уже Российской Федерации), содержал ряд положений о реализации задач государственного регулирования в сфере образования, материально-техническом обеспечении образовательных организаций и даже о льготных условиях поступления в высшие учебные заведения.

Также наряду с указанными законами вопросы разграничения полномочий между органами государственной власти в РСФСР затрагивались в положении «О восьмилетней школе» – например, к полномочиям Министерства просвещения РСФСР относилось утверждение учебно-методического комплекса, а за нижестоящими органами закреплялось полномочия по внесению в них изменений [10]. При этом в части, не урегулированной на вышестоящем уровне государственной власти, автономные республики и иные обра-

зования обладали возможностями по обеспечению организации образования в соответствии с региональными особенностями.

Следующим важным этапом в формировании правовой основы системы образования в советский период стало принятие Закона Союза ССР «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании», который объединил ранее установленное в других нормативных правовых актах регулирование вопросов образования [11].

Новый фундаментальный Закон включил в себя также и вопросы разграничения полномочий между органами государственной власти. В частности, расширились полномочия Союза ССР по установлению правового регулирования организации образования в средней образовательной школе, порядка распределения штатов педагогических работников, что ранее относилось к компетенции республик, входящих в состав Союза ССР. Кроме того, к полномочиям СССР относилось определение общих принципов руководства и системы управления народным образованием и государственный контроль. Наряду с этим такое перераспределение сформировало компетенцию союзных республик вокруг вопросов планирования и управления системой образования, что приводит к формированию тенденции централизации полномочий органов государственной власти в области образования.

Общая трансформация подходов к конституционному регулированию разграничению полномочий в 1977 году не могло не найти отражения в регулировании разграничения полномочий в сфере образования. Так, ранее предусмотренное полномочие Союза ССР по установлению основ (например, просвещения) было трансформировано в полномочие по установлению основ законодательства Союза ССР и союзных республик. Вне пределов таких основ союзные республики остались вправе осуществлять государственную власть самостоятельно. При этом в той части, которая не поименована в конституционном тексте, соответствующие полномочия были отнесены к компетенции общесоюзных органов. Таким образом, несмотря на закрепление в Конституции РСФСР 1978 г. положения о том, что к полномочиям РСФСР относится руководство народным образованием, общесоюзные республики в силу конституционных положений становятся полноценно зависимыми от общесоюзной повестки в сфере образования при учете определенной неограниченности в установлении правового регулирования [12].

Соответственно, на разграничение полномочий в области образования между органами государственной власти в разные периоды времени оказывали влияние территориальные особенности (что, например, обеспечивало необходимость предоставления возможности для самостоятельного регулирования органам государственной власти союзных республик) и необходимость обеспечения эффективности решения вопросов управления системой образования (что, в частности, выража-

лось в распределении полномочий по правовому регулированию отдельных уровней образования) при необходимости налаживания общей структуры правового регулирования вопросов образования. Вместе с тем с течением времени наблюдается тенденция к централизации полномочий в области образования, что, вероятно, связано с необходимостью налаживания жесткой управленческой вертикали, усиления идеологической составляющей государственного управления и нацеленностью на ликвидацию классовости в общественной жизни.

Литература

1. Декрет СНК «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению (ГПК)» 9 (22) ноября 1917 г. // СУ. 1917. № 31. Ст. 32
2. Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [Текст]: Постановление 5-го Всероссийского Съезда Советов, принятое в заседании 10 июля 1918 года. – Красноярск: [б.и.], 1918. – 23 с.; 19 см.
3. Декрет Совета Народных Комиссаров. Об организации дела народного образования в Российской Республике (Положение)//Распубликован в № 130 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 26 (13) июня 1918 г. Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru (дата обращения 25.05.2024).
4. О всеобщем обязательном начальном обучении (Постановление ЦК ВКП(б) от 25/VII 1930 г.)
5. Постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР о ходе работ по введению всеобщего обязательного начального обучения в РСФСР [Текст]. – Новосибирск: [б.и.], 1930. – 119 с.; 18 см. – (В помощь просвещенцу; № 11).
6. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // ЭПЦ «Система ГАРАНТ» [Электронный ресурс] (дата обращения 01.06.2024)
7. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // ЭПЦ «Система ГАРАНТ» [Электронный ресурс] (дата обращения 01.06.2024)
8. Закон СССР от 24 декабря 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] (дата обращения 28.05.2024)
9. Закон РСФСР от 16 апреля 1959 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования

- в РСФСР»// ЭПЦ «Система ГАРАНТ» [Электронный ресурс] (дата обращения 28.05.2024)
10. Постановление Совета Министров РСФСР от 29 декабря 1959 г. № 2027 «Об утверждении положений о восьмилетней школе, средней общеобразовательной трудовой политехнической школе с производственным обучением и вечерней (сменной) средней общеобразовательной школе» // СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс] (дата обращения 28.05.2024)
 11. Закон СССР от 19 июля 1973 г. «Об утверждении Основ законодательства Союза СССР и союзных республик о народном образовании» // ЭПЦ «Система ГАРАНТ» [Электронный ресурс] (дата обращения 28.05.2024)
 12. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики [Текст]: Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апр. 1978 г. 1. // ЭПЦ «Система ГАРАНТ» [Электронный ресурс] (дата обращения 28.05.2024)
 13. Меркуленко А.А. Становление компетенции субъектов Российской Федерации: от советских времен до принятия Конституции Российской Федерации 1993 г.// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право, 2022. № 2 (49). С-24–36.

APPROACHES TO THE DELIMITATION OF POWERS BETWEEN GOVERNMENT BODIES IN THE FIELD OF EDUCATION IN THE SOVIET PERIOD

Sennikov D.E.

Russian State University of Justice

The study of issues of the state of normative legal regulation of a particular sphere of public relations seems more effective when taking into account the historical prerequisites and trends of such regulation. Legal regulation of the delimitation of powers between government bodies in the field of education is no exception.

To conduct such a study, it is necessary to compare the provisions of regulatory acts governing the said delimitation that existed during the period of active development of the education sector as a mass social institution, namely during the existence of the Soviet state.

The results of such a study are the subject of this article.

Keywords: powers, constitution, government bodies, education, competence, delimitation of powers, federal structure

References

1. Decree of the Council of People's Commissars "On the establishment of the State Commission for Education (SCE)" November 9 (22), 1917 // SU. 1917. No. 31. Art. 32
2. Constitution (basic law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic [Text]: Resolution of the 5th All-Russian Congress of Soviets, adopted at the session of July 10, 1918. – Krasnoyarsk: [b. and.], 1918. – 23 p.; 19 cm.
3. Decree of the Council of People's Commissars. On the organization of public education in the Russian Republic (Regulations) // Published in No. 130 of the News of the All-Russian Central Executive Committee of the Soviets of June 26 (13), 1918. Official Internet portal of legal information pravo.gov.ru (date of access 05/25/2024).
4. On universal compulsory primary education (Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of July 25, 1930)
5. Resolutions of the Council of People's Commissars of the RSFSR on the progress of work on the introduction of universal compulsory primary education in the RSFSR [Text]. – Novosibirsk: [b. and.], 1930. – 119 p.; 18 cm. – (To help the educator; No. 11).
6. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the Resolution of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the Union of Soviet Socialist Republics of December 5, 1936) // EPC "GARANT System" [Electronic resource] (date of access 06/01/2024)
7. Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (approved by the Resolution of the Extraordinary XVII All-Russian Congress of Soviets of January 21, 1937) // EPC "GARANT System" [Electronic resource] (date of access 06/01/2024)
8. Law of the USSR of December 24, 1958 "On Strengthening the Ties between School and Life on the Further Development of the Public Education System in the USSR." // SPS "Consultant-Plus" [Electronic resource] (date of access 28.05.2024)
9. Law of the RSFSR of April 16, 1959 "On Strengthening the Ties between School and Life and on the Further Development of the Public Education System in the RSFSR" // EPC "GARANT System" [Electronic resource] (date of access 28.05.2024)
10. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of December 29, 1959 No. 2027 "On Approval of the Regulations on the Eight-Year School, Secondary General Education Labor Polytechnic School with Industrial Training and Evening (Shift) Secondary General Education School" // SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource] (date of access 28.05.2024)
11. Law of the USSR of July 19, 1973 "On Approval of the Fundamentals of Legislation of the Union of the USSR and the Union Republics on Public Education" // EPC "GARANT System" [Electronic resource] (date of access 05/28/2024)
12. Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic [Text]: Adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the RSFSR of the ninth convocation on April 12, 1978. 1. // EPC "GARANT System" [Electronic resource] (date of access 05/28/2024)
13. Merkulenko A.A. Formation of the competence of the subjects of the Russian Federation: from Soviet times to the adoption of the Constitution of the Russian Federation of 1993 // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law, 2022. No. 2 (49). P-24–36.

Развитие правового регулирования привлечения к ответственности за нарушение валютного законодательства

Суханов Станислав Андреевич,

аспирант, Северо-Западного института управления – филиал РАНХиГС

E-mail: nauka_lo@mail.ru

В статье рассмотрены основные виды ответственности за валютные правонарушения: гражданско-правовая, административная и уголовная, каждая из которых играет важную роль в обеспечении правопорядка и стабильности в экономической системе страны. Целью статьи является исследование существующей правовой базы, а также формирование рекомендаций по улучшению норм законодательства, механизмов контроля и предотвращения нарушений. В процессе исследования применялись диалектический, функциональный, нормативный и формально-юридический методы научного исследования. Отмечено, что в валютном законодательстве много нюансов, а ответственность высокая. Это требует четкости законодательных формулировок, системного повышения квалификации сотрудников контролирующих и правоохранительных органов, минимизации коррупционных рисков посредством ведения строгих антикоррупционных мер и обеспечения прозрачности деятельности правоохранительных органов; упрощения административных процедур, снижения бюрократических барьеров.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, административная ответственность, уголовная ответственность, валютное законодательство, правонарушение.

Валютное законодательство является неотъемлемой частью правовой системы Российской Федерации и играет ключевую роль в регулировании внешнеэкономической деятельности, обеспечении стабильности национальной валюты и поддержании экономической безопасности страны. В последние годы наблюдается значительное усиление государственного контроля в области валютных операций, обусловленного как глобальными экономическими изменениями, так и внутренними экономическими вызовами, что способствует изменениям нормативно-правовой базы.

В настоящее время рассматриваемая сфера в нашей стране развивается стремительными темпами. С каждым годом механизм привлечения к ответственности за нарушения валютного законодательства, сталкиваясь с рядом новых проблем, требует детального анализа, с целью совершенствования подходов к решению поставленных вопросов не только законодателем, но и правоприменительными органами, что свидетельствует об актуальности данного исследования. Нарушение валютного законодательства влечет за собой разнообразные виды ответственности.

Согласно толковому словарю Ожегова, понятие «ответственность» толкуется как: «необходимость, обязанность отдавать кому-нибудь отчет в своих действиях, поступках» [1].

Термин «ответственность» неразрывно связан с понятием «обязанность». Любая правовая система содержит законы, налагающие обязательства, однако зачастую четко лингвистического маркера, определяющего, какие именно обязательства, закон не содержит, не используя термин «обязательство» или его синонимичную конструкцию «правовой долг».

Институт ответственности обладает значительным регуляторным потенциалом, ориентирует субъектов правоотношений на добросовестное правомерное поведение и, в случае нарушения законодательных требований и запретов, предполагает применение государственного принуждения. Указанный социальный институт является универсальным и используется всеми системами регулирования – обычной, нравственной, религиозной, политической и правовой. Именно поэтому развитие института ответственности, в том числе в сфере валютного законодательства России – серьезная проблема, не теряющая своей актуальности. За какие аспекты своей деятельности должны нести ответственность люди и какую именно – это один из основополагающих вопросов в большинстве современных научных дискуссий о справедливости

вом устройстве общества. Ответственность – это сложная, разноплановая, собирательная категория, включающая как философско-религиозные, нравственно этические компоненты, так и правовые аспекты.

Юридическая ответственность неразрывно связана с правом и зародилась вместе с ним, являясь одной из важнейших правовых категорий. Такое положение обусловлено развитием юридической ответственности в рамках отдельно взятых отраслей, в которых механизмы и меры государственного принуждения существенно разнятся, что никогда не способствовало развитию юридической ответственности как комплексного межотраслевого института.

Рассматривая юридическую ответственность как правовую категорию, научное сообщество выработало три основных подхода к уяснению сущности данного явления. Первый подход исходит из ретроспективного характера ответственности – следствия совершенного в прошлом правонарушения. Ответственность за прошлое поведение называется «негативной ответственностью». Второй подход предполагает рассмотрение юридической ответственности как осознанное активное должное поведение, обязанность дать отчет за свои будущие действия. Эта концепция именуется позитивной. Третий подход определяют юридическую ответственность как целостно-единое явление с добровольной либо государственно-принудительной формами реализации. Полагаем, что в сфере нарушения валютного законодательства для гражданско-правовой ответственности специфичен третий подход, а для административной и уголовной – первый.

Все подходы к определению термина «юридическая ответственность», сформулированные в российской юридической литературе можно условно разделить на три вида. В первом ответственность связана с обязанностью лица (спор идет о сущности данной обязанности) претерпеть негативную реакцию на свое противоправное поведение, либо реализовать ее в осознанном правомерно-одобряемом поведении, либо о сочетании этих двух аспектов. Во втором ответственность приравнивается к наказанию. В третьем варианте юридическая ответственность обозначена как правоотношение правоохранительного типа. Мы солидаризируемся с учеными, придерживающимися первой позиции.

Вопрос о привлечении к ответственности может быть решен исключительно государством. Отечественный законодатель формирует базис для привлечения субъектов права как к гражданской ответственности, так к административной и уголовной.

Введение жестких мер по пресечению незаконных валютных операций направлено на предотвращение отмыкания денег, финансирования терроризма и других экономических преступлений. В то же время, применение этих мер требует тщательной теоретической и практической проработ-

ки для обеспечения их эффективности и справедливости. В настоящее время в сфере российского валютного законодательства существует ряд нерешенных проблем, которые в свою очередь провоцируют нарушения гражданского, административного, а также уголовного законодательства. Выделим наиболее существенные, по нашему мнению, проблемы.

Многообразие и неоднозначность правовых норм заключается во множестве нормативных актов и постановлений в сфере валютного законодательства России, которые часто подвергаются изменениям, создавая сложность для их применения на практике, а также приводит к различным трактовкам и интерпретациям.

Оформление валютных операций сопровождается значительным количеством бюрократических процедур и отчетности, что усложняет ведение бизнеса, особенно для малого и среднего предпринимательства, и может препятствовать привлечению иностранных инвестиций.

Из-за низкого уровня правоприменительной практики, в некоторых случаях, правоохранительные и контролирующие органы недостаточно эффективно выявляют и пресекают нарушения валютного законодательства. Считаем, что данная проблема напрямую связана с недостаточной квалификацией сотрудников, отсутствием современных технических средств, а также с коррупционными проявлениями.

Административная и уголовная ответственность за нарушения валютного законодательства в России зачастую сопряжена с высокими штрафами и санкциями. С одной стороны – усиление наказания отчасти способствует снижению уровня правонарушений в рассматриваемой области, однако, стоит заметить, что такая политика может оказывать значительное давление на бизнес и приводить к негативным экономическим последствиям.

Отдельно стоит выделить введение международных санкций против России, которые, вполне ожидаемо, создают дополнительные сложности для валютного контроля и требуют адаптации правовых норм к новым условиям.

Гражданско-правовая ответственность за нарушение валютного законодательства Российской Федерации представляет собой правовой механизм, направленный на обеспечение соблюдения валютного режима и защиту экономических интересов государства и участников гражданского оборота. Нарушитель валютного законодательства обязан возместить причиненные его действиями убытки другим участникам гражданского оборота, которые могут включать упущенную выгоду, реальный ущерб и иные виды убытков, понесенных в результате неправомерных действий. Зачастую доказывание факта причинения убытков и их размера может быть затруднено из-за сложности и специфики валютных операций.

Также, нарушение валютного законодательства может повлечь за собой применение штрафных санкций и пеней, размер которых устанавливает-

ся в соответствии с действующими нормативными актами.

К примеру, суд, изучив материалы дела, установил, что со счёта ООО «Столичный брокер» в адрес VAPE ZONE CO., LIMITED на основании контрактов были переведены денежные средства в размере 205475,20 долларов США, что подтверждается поручениями на перевод иностранной валюты и выпиской по операциям по счёту. Согласно ЕАИС ТО в период с 1 января 2020 г. по настоящее время декларирование товаров ООО «Столичный брокер» в регионе деятельности ФТС России не осуществлялось. Следовательно, предоставленные в уполномоченный банк копии ДТ являются подложными документами. Таким образом, контракт заключен формально с целью вывода денежных средств за пределы Российской Федерации. У Сто-рон сделки изначально отсутствовало намерение создать реальные правовое последствия, соответствующие тем, что указаны в составляемых ими документах, что привело к незаконному выводу из Российской Федерации иностранной валюты в размере 205475, 20 долларов США, нарушило экономические интересы государства и нанесло ущерб охраняемым общественным отношениям в сфере валютного регулирования. Суд применил последствия недействительности сделки и взыскал с ООО «Столичный брокер» в доход бюджета Российской Федерации 205475,20 долларов США в рублевом эквиваленте по курсу Банка Росси на день фактического исполнения решения (Решение Арбитражного суда города Москвы от 11 марта 2024 г. по делу № А40–232781/2023).

По своей сути, гражданско-правовая ответственность за нарушение валютного законодательства в большей степени основана на возмещении убытков, а также возвращении денежных средств, полученных незаконным путем, что на первый взгляд кажется процессом, не представляющим особой сложности, однако, исходя из правоприменительной практики, определенные проблемы в данной сфере все же существуют. Стоит отметить, что само определение понятия «сделка» в Федеральном законе «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ (далее – ФЗ № 173-ФЗ) отсутствует, из-за чего органы валютного контроля, а иногда и суды, считали сделкой внешнеэкономический контракт, что фактически являлось ошибочным суждением, учитывая, что под сделкой подразумевался платеж в иностранной валюте [2, с. 186]. Исходя из указанного, считаем, что понятие «сделка» должно быть закреплено в ч. 1 статьи 1 указанного закона.

Согласимся с Ю.П. Калининко, которая считает, что в сфере ответственности за совершение незаконных валютных сделок гражданско-правовой ответственность не препятствует наступлению ответственности административной, а вот вопросы соотношения этих видов ответственности – сложный дискуссионный вопрос [3, с. 97].

Административная ответственность за нарушение валютного законодательства по своей сути является мерой государственного принуждения, которая применяется к субъектам правоотношений за несоблюдение норм и правил валютного законодательства России, установленных законом.

В соответствии с положениями ст. 15.25 КоАП РФ, за нарушение валютного законодательства может применяться широкий спектр мер административной ответственности. Основной мерой административного наказания являются штрафы, размеры которых зависят от характера и тяжести правонарушения. Штрафы могут быть наложены как на физические, так и на юридические лица. В некоторых случаях, особенно при незначительных правонарушениях или при первом нарушении, может быть вынесено предупреждение. Также часто применяется конфискация предметов административного правонарушения, таких как незаконно полученные валютные средства или иные ценности. Н.Г. Андрианова указывает, что особенностью административной ответственности за нарушение валютного законодательства является ее высокий уровень [4, с. 205]. Н. Травкина, по нашему мнению, абсолютно верно считает, что индивидуализация при выборе меры государственного принуждения гарантирует адекватность порождаемых последствий [5].

Считаем высокие размеры административных штрафов вполне оправданными, учитывая высокую степень общественного вреда, причиняемую рассматриваемыми видами правонарушений, однако, стоит отметить, что часто соответствующие судебные решения ставятся под вопрос как физическими, так и юридическими лицами, которые считают такие решения незаконными (Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 828-О).

Стоит отметить, что механизм привлечения к административной ответственности за нарушение отечественного валютного законодательства не лишен проблем, механизма привлечения нарушителей к гражданско-правовой ответственности в рассматриваемой сфере. К таким проблемам можно отнести сложность, бланкетность и неоднозначность нормативных актов. Проведенный нами детальный анализ Обзора судебной практики по отдельным вопросам применения статьи 15.25 КоАП РФ [6], позволил сделать вывод о том, что основная масса административных правонарушений в рассматриваемой сфере совершается из-за неверного понимания и применения ФЗ № 173-ФЗ, исходя из чего следует пересмотреть ряд его положений с целью упрощения его понимания гражданами.

Недостаточная квалификация контролирующих органов, также в ряде случаев является причиной подачи заявлений о признании незаконным и об отмене постановления административного органа о привлечении к уголовной ответственности, предусмотренной статьей 15.25 КоАП РФ. Так, *общество (резидент) обратилось в арбитражный суд*

с заявлением о признании незаконным и об отмене постановления административного органа о привлечении к административной ответственности, предусмотренной частью 1 статьи 15.25 КоАП РФ. Суд установил, что общество (исполнитель) заключило контракт с компанией-заказчиком (нерезидентом) (далее – внешнеторговый контракт). Для реализации данного контракта общество создало на территории иностранного государства филиал и открыло расчетный счет в рублях Российской Федерации в иностранном банке, расположенном на территории иностранного государства. Административный орган в ходе проведения мероприятий валютного контроля выявил факт поступления от компании денежных средств в рублях Российской Федерации на указанный счет общества в иностранном банке и расценил как незаконную валютную операцию по получению на основании условный внешнеторгового контракта денежных средств от нерезидента. Суд учел положения пункта 2 части 2 статьи 19 ФЗ № 173-ФЗ, отметил, что в рассматриваемом случае внешнеторговым контрактом предусмотрено несение исполнителем расходов на территории иностранного государства; сторонами контракта согласован перечень расходов общества, которые являлись необходимыми для выполнения договора и должны быть произведены обществом на территории иностранного государства (то есть являются местными расходами общества); общая сумма указанных расходов составила денежную сумму, которая была перечислена компанией обществу и пришел к выводу о законности данной валютной операции и об отсутствии состава правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 15.25 КоАП РФ [6].

Уголовная ответственность за нарушение валютного законодательства в России представляет собой важный элемент правовой системы, направленный на охрану экономической безопасности страны и обеспечение стабильности финансового рынка. Преступления в данной сфере оказывают значительное влияние на экономическую стабильность и требуют применения строгих мер наказания. УК РФ включает ряд норм, регулирующих ответственность за преступления, связанные с нарушением валютного законодательства, в частности:

1. Статья 193 УК РФ: Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации.

2. Статья 193.1 УК РФ: Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов.

Стоит отметить, что составы административных правонарушений, указанные в ч. 4 и ч. 5 ст. 15.25 КоАП РФ разграничены от уголовно-наказуемых деяний, предусмотренных ст. 193 УК РФ по объективной стороне – крупному размеру денежных средств, тем самым сужая область применения последней.

Основная проблема привлечения к уголовной ответственности за рассматриваемые преступления ранее освещалась в научных публикациях.

Е.С. Переверзева, А.В. Карагодин, а также другие ученые акцентируют внимание на проблеме неоднократного невозвращения нарушителями денежных средств в иностранной валюте в Россию, в размере, не подпадающем под критерии ст. 193 УК РФ. В настоящее время на законодательном уровне данный вопрос не урегулирован [7, с. 49].

В данном контексте А.Ф. Волобуев указывает на наличие специального порядка определения конкретных размеров, применительно к рассматриваемому составу преступления, путем суммирования размеров незачисленных или невозвращенных денежных средств по ряду внешнеторговых операций [8, с. 42]. Данный подход, по нашему мнению, является вполне логичным, однако срока суммирования в один год может быть недостаточно, учитывая и без того немалые суммы, которые не подпадают под критерии крупного размера, что наталкивает на мысли о его изменении в меньшую сторону.

Заметим, что диспозиция ч. 1 ст. 193 УК РФ указывает на наличие административной преюдиции в деянии виновного лица. Для того, чтобы действия субъекта могли быть квалифицированы как преступление, у него уже должно иметься административное наказание за схожее деяние. Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что отечественный законодатель в данном случае сделал акцент на определенном кумулятивном эффекте накопления общественной опасности деяния в случае его неоднократного совершения и тем самым подверг криминализации вновь совершенное административное правонарушение на протяжении срока «административной судимости».

Стоит отметить, что, исходя из ряда обстоятельств, приговор суда может быть смягчен даже в случае совершения преступления в особо крупном размере. Так, суд рассмотрев в открытом судебном заседании уголовное дело в отношении «Ф», обвиняемого п. «а» ч. 3 ст. 193.1 УК РФ, счел смягчающими наказание обстоятельствами: наличие у подсудимого троих малолетних детей и состояние здоровья его супруги (наличие тяжелого заболевания, требующего постоянного лечения и врачебного контроля); совершение подсудимым преступления в связи с тяжело сложившимися семейными обстоятельствами, вызванными болезнью супруги; последовательное признание подсудимым вины и активное способствование раскрытию преступления; положительно характеризующие подсудимого данные с места жительства. Суд назначил наказание ниже установленного санкцией нормы закона предела – лишение свободы сроком на два года с отбыванием в исправительной колонии общего режима (Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан № 1–640/2019 от 23 мая 2019 г. по делу № 1–640/2019)

Р.Б. Осокина и Е.В. Чиркова, абсолютно верно которые считают, что имеющийся потенциал норм уголовного права в сфере валютного регулирования недостаточно реализован и не обеспечивает выполнения в нужной степени своих охранительно-регулятивных функций [9, с. 124].

Для повышения эффективности правоприменительной практики в сфере гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности за нарушение валютного законодательства считаем необходимым на постоянной основе осуществлять: (1) совершенствование нормативной базы, включающее регулярное обновление и адаптацию законодательства к изменяющимся экономическим условиям и международным стандартам, а также максимальное упрощение нормативных текстов, снижение количества внутренних отсылок, «исключений из исключений» и расплывчатых формулировок; (2) повышение квалификации сотрудников контролирующих и правоохранительных органов, включающее организацию специализированных курсов и тренингов для сотрудников, обучение современным методам расследования преступлений и использование информационных технологий; (3) минимизацию коррупционных рисков посредством ведения строгих антикоррупционных мер и обеспечения прозрачности деятельности правоохранительных органов, а также привлечения общественных организаций и средств массовой информации к мониторингу их работы; (4) упрощение административных процедур, снижение бюрократических барьеров и упрощение процедур валютного контроля.

Литература

1. Толковый словарь Ожегова / сост. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. [Электронный ресурс] // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/143382> (дата обращения: 18.06.2024).
2. Паукова Н.И. Некоторые проблемы применения ответственности за нарушения валютного законодательства // Территория науки. 2016. № 4. С. 185–188.
3. Калинин Ю.П. Гражданско-правовая ответственность за неисполнение валютных обязательств // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 96–98.
4. Андрианова Н.Г. К вопросу об административной ответственности за нарушение валютного законодательства российской федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 204–208.
5. Травкина Н. Соразмерность административных штрафов за зачисление средств на зарубежный банковский счёт: Доклад на конференции «Налоговое право в решениях КС РФ», 20–29 апреля 2022 г. [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2022. 20 апр. URL: https://zakon.ru/blog/2022/04/20/sorazmernost_administrativnyh_shtrafov_za_zachislenie_sredstv_na_zarubezhnyj_bankovskij_schyot. (дата обращения: 18.06.2024).
6. Обзор судебной практики по отдельным вопросам применения статьи 15.25 КоАП РФ (утв. Президиумом ВС РФ 26.06.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479520/.
7. Переверзева Е.С., Карагодин А.В. и др. Основные проблемы правового регулирования преступлений в сфере валютных операций // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 2. С. 47–52.
8. Волобуев А.Ф. Объект уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств // Научный вестник Омской Академии МВД России. 2018. № 4 (71). С. 39–43.
9. Осокин Р.Б., Чирков Е.В. Уголовно-правовой инструментарий в системе валютного регулирования и контроля Российской Федерации: развитие на перепутье // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 120–125.

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF BRINGING TO RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF CURRENCY LEGISLATION

Sukhanov S.A.

North-West Institute of Management – branch of RANEPА

The article considers the main types of liability for currency offenses: civil, administrative and criminal, each of which plays an important role in ensuring law and order and stability in the country's economic system. The purpose of the article is to study the existing legal framework, as well as to formulate recommendations for improving the norms of legislation, control mechanisms and prevention of violations. In the course of the study, dialectical, functional, normative and formal-legal methods of scientific research were used. It is noted that there are many nuances in the currency legislation, and the responsibility is high. This requires clear legislative formulations, systematic improvement of the qualifications of employees of regulatory and law enforcement agencies, minimization of corruption risks by implementing strict anti-corruption measures and ensuring transparency of law enforcement agencies; simplification of administrative procedures, reduction of bureaucratic barriers.

Keywords: civil liability, administrative liability, criminal liability, currency legislation, offense.

References

1. Ozhegov's Explanatory Dictionary / compiled by S.I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. [Electronic resource] // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/143382> (data obrashcheniya 18.06.2024)
2. Paukova N.I. Some problems of applying liability for violations of currency legislation // Territory of Science. 2016. No. 4. P. 185–188.
3. Kalinchenko Yu.P. Civil liability for failure to fulfill currency obligations // Bulletin of Economic Security. 2020. No. 5. P. 96–98.
4. Andrianova N.G. On the issue of administrative liability for violation of the currency legislation of the Russian Federation // Legal policy and legal life. 2022. No. 2. P. 204–208.
5. Travkina N. Proportionality of administrative fines for crediting funds to a foreign bank account: Report at the conference "Tax Law in Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation", April 20–29, 2022 [Electronic resource] // Zakon.ru. 2022. April 20. URL: https://zakon.ru/blog/2022/04/20/sorazmernost_administrativnyh_shtrafov_za_zachislenie_sredstv_na_zarubezhnyj_bankovskij_schyot. (data obrashcheniya 18.06.2024)
6. Review of judicial practice on certain issues of application of Article 15.25 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (approved by the Presidium of the Supreme Court of

the Russian Federation on June 26, 2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479520/.

7. Pereverzeva E.S., Karagodin A.V. et al. The main problems of legal regulation of crimes in the sphere of currency transactions // Problems of law enforcement activity. 2016. No. 2. P. 47–52.
8. Volobuev A.F. Object of evasion of obligations to repatriate funds // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (71). P. 39–43.
9. Osokin R.B., Chirkov E.V. Criminal-legal instruments in the system of currency regulation and control of the Russian Federation: development at a crossroads // Bulletin of Economic Security. 2017. No. 4. P. 120–125.

Шишмарев Александр Николаевич,

аспирант, Северо-Западного института управления – филиал РАНХиГС

E-mail: nauka_lo@mail.ru

Электронные деньги бросают вызов сложившемуся видению денег как правовому и экономическому феномену. С правовой точки зрения природа электронных денег, впрочем, как и понятийный аппарат в этой сфере остается дискуссионным моментом. В статье изучаются подходы к пониманию наличных, безналичных и электронных денег, сложившиеся в юридической доктрине. Отмечено, что электронные и безналичные денежные средства априори не оказывают никакого влияния на денежную массу: фактически они полагаются на систему предоплаты и производны от уже существующих наличных денег. Выявлено, что сущностная характеристика электронных денег и виртуальных валют радикально различна. Автор приходит к выводу, что понятие «безналичные денежные средства» является родовым по отношению к понятию «электронные деньги». Отмечается, правовая природа электронных денег как средства платежа определяется не столько нормами частного права, сколько публичного.

Ключевые слова: деньги, электронные деньги, безналичные деньги, цифровая валюта, виртуальная валюта.

Введение

Несмотря на многочисленные труды (социологические, экономические, правовые) уже написанные по поводу осмысления феномена денег, деньги остаются сложным, многоаспектным, многоплановым предметом изучения потому, что они не определены в литературе единым образом, а их проявления постоянно меняются.

С цифровой трансформацией экономики денежная система снова развивается, денежные средства приобретают электронный формат, а их трансграничное обращение, которому способствует Интернет, изменяет человеческие отношения, порождая социально-экономическую динамику, которая бросает вызов нынешней правовой базе, регулирующей денежную систему.

Одним из первых комплексных исследований, касающихся правовой природы электронных денег, является кандидатская диссертация М.А. Коростелёва, в которой автор обосновывает значимость электронных денег, как самостоятельного объекта гражданского права [1].

Несмотря на то, что уже несколько лет «электронизация» денежных средств, как на национальном уровне, так и в контексте крупных международных платежных систем находится в центре академических исследований по различным дисциплинам, с правовой точки зрения природа электронных денег, впрочем, как и понятийный аппарат в этой сфере остается дискуссионным моментом [2–6]. Эта дискуссия носит не просто теоретический характер, но имеет важные практические последствия с точки зрения регулирования производства и использования электронных денег; режима, применимого к заключению сделок; режима защиты прав; оплаты налоговых и других финансовых обязательств; стабильности финансовой системы и развитию цифровой экономики.

Основная часть

Понятие и природа наличных и безналичных денег

До сих пор не существует определения денег, которое было бы общепризнанным и универсальным, так же как нет и объяснения их природы, которое оправдывало бы все функции и характеристики.

Изучая деньги с юридической точки зрения, следует принять во внимание мнение советского цивилиста Л.А. Лунца, справедливо отмечающего необходимость опоры общего юридического понятия денег на достижения экономической теории относительно сущности денег и тех функций, которые они исполняют в обороте [7, с. 131,132]. А.В. Турбанов добавляет, что деньги, как слож-

ный феномен, находятся в постоянной эволюции и требуют межотраслевого подхода для их изучения [8, с. 60]. Деньги в современном мире являются не только экономической реальностью, но и социальным объектом, и правовым явлением, и философской категорией.

Итак, поскольку юридического определения денег не существует, юристы опираются на экономическую доктрину, рассматривая в качестве денег тот инструмент, который одновременно выполняет три экономические функции: посредничество при обмене, расчетная единица, средство сбережения [9, с. 43]. Деньги появляются, прежде всего, как общепринятый товар для упрощения процессов обмена на другие товары, позволяя преодолеть ограничения, присущие бартеру и приобрести любой товар или услугу при любых обстоятельствах во все более сложной экономике. Эта меновая теория денег утвердилась в нашем повседневном понимании, очевидна в ряде академических подходов и отражается на требованиях, которые мы предъявляем к управлению денежно-кредитным порядком, что материализуется, например, в полномочиях центральных банков.

В рамках юридической доктрины деньги обычно рассматриваются как объект гражданских прав, причем изучение идет в рамках двух разделов частного права: (1) имущества и вещных прав, и (2) в связи с предметом обязательств. Статья 128 ГК РФ выделяет два правовых режима денег: наличные деньги, имеющие вещную природу, и безналичные деньги – как имущественное право.

Первый, вещный, подход исходит из меновой теории денег. Восприятие денег как обязательства присуще кредитным теориям, которые постулируют, что то, что выглядит как обмен, на самом деле является кредитным отношением. Деньги – это, с одной стороны, обязательство, а с другой – требование. «Иметь» деньги – значит иметь претензии к эмитенту этих денег.

Кредитные теории, придают большое значение субъекту, выпускающему деньги. Требование становится общей расчетной единицей «деньги» – законным платежным средством – прежде всего потому, что оно признано конкретным государством. Государственная структура необходима для того, чтобы сделать денежный порядок относительно безопасным, то есть устойчивым к кризисам. Таким образом, государство играет центральную роль в возникновении и воспроизводстве денег.

Большинство цивилистов отмечают невозможность в полной мере объяснить сущность денег ни посредством вещной теории, ни исходя из обязательственной позиции [7–9]. М.Л. Башкатов утверждает, что восприятие денег в правовом аспекте должно опираться на принципиальное решение о том, что они стоят особняком от всех остальных объектов гражданского права [10].

С юридической точки зрения деньги – это движимое имущество, определяемое родовыми признаками, выраженное в расчетной единице, которая материализуется в установленных законом

формах, служит законным платежным средством. Таким образом, деньги – это социально созданный институт, управляемый частными и публичными правовыми нормами. Поэтому ключевое свойство денег с точки зрения права – это законное платежное средство [10,11]. Законное платежное средство – это любая форма денег, которая по закону должна быть обязательно принята в качестве средства платежа; это правовой статус, предоставленный валюте или форме денег правительством или денежно-кредитным органом. Возможность юридически определять, что является законным платежным средством и осуществлять денежную эмиссию является неотъемлемым атрибутом государственной власти [11, с. 39]. Таким образом, можно говорить, что категория «деньги» носит не только цивилистический, но и публично-правовой характер.

К сожалению, российские правоведы до сих пор не могут однозначно определить, является ли законным платежным средством безналичные денежные средства, т.е. охватываются ли они юридической категорией «деньги», а также ответить на вопрос об их правовой природе [1,7,8].

Анализ доктрины, закона и судебной практики (Постановление КС РФ от 27.10.2015 № 28-П, Постановление КС РФ от 10.12.2014 № 31-П КС РФ) показывает, что господствующим является следующий подход: безналичные средства на счетах в банках, строго говоря, законным платежным средством, и соответственно, деньгами не являются; отсутствие у безналичных денежных средств физической материальности не позволяет рассматривать их как «вещи» даже в качестве юридической фикции, однако признают их своего рода нематериальным имуществом, допуская ограниченное применение вещно-правового способа защиты прав по аналогии. С точки зрения публичного права передача денег в наличной или безналичной форме есть не что иное, как способ расчетов (Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – ФЗ «О НПС»), глава 46 ГК РФ «Расчеты»).

Понятие и природа электронных денег

В многочисленной литературе, появляющейся по вопросу электронных денег, понятийный аппарат часто страдает отсутствием единого подхода к выбору терминологических единиц. Соотношение таких понятий как «цифровая валюта», «электронные деньги», «виртуальная валюта», «криптовалюта» является предметом активных дискуссий.

Ряд авторов полагает, что понятиями электронные деньги и цифровые деньги обозначается одно и то же явление [12, 13] – инструмент обмена, средство выражения, передачи, хранения денежной стоимости в электронном виде [12, с. 23]. Другие, напротив, указывают, что с введением Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте ...» (далее – ФЗ «О ЦФА»), тождественное понимание терминов «электронные деньги» и «цифровые деньги» не допустимо [5, с. 509].

Признавая необходимость терминологической точности для ведения любой научной дискуссии и осмысления сущности исследуемого предмета или явления, отметим, что строго говоря, законодатель не использует термины «электронные деньги» и «цифровые деньги» ни в вышеуказанном законе, где говорится о «цифровой валюте», ни в ФЗ «О НПС», в статье 1 ч. 3 которого даётся определение понятия «электронные денежные средства». Таким образом, постановка знака равенства между понятиями «электронные деньги» и «электронные денежные средства», а также «цифровые деньги» и «цифровая валюта» это некое допущение ряда авторов, вовсе не следующее прямо из правовых норм. Тем более что недавно введенный цифровой рубль – третья, цифровая форма денег – не может быть отнесен к цифровой валюте в понимании ФЗ «О ЦФА».

Следует согласиться с М.А. Рожковой, что в современной академической литературе обобщающим понятием «цифровые деньги» либо «электронные деньги» «охватываются различные по своей сути явления, которые классифицируются и характеризуются по-разному» [13], как с точки зрения банковской системы, так и с точки зрения правовой теории.

В значительном числе публикаций цифровые деньги или цифровая валюта – это общее название любого нематериального финансового актива, который используется в качестве средства платежа, инициируемого через сети посредством электронного терминала, мобильного телефона или иного мобильного устройства, компьютера или магнитного платежного инструмента. Эта концепция, слишком широкая, чтобы ее можно было использовать с юридической точки зрения, представляет интерес скорее для экономистов.

Попытки каким-либо образом классифицировать весь массив финансовых активов, хранящихся на электронных носителях и в виртуальных сетях, предпринимались и цивилистами, и экономистами неоднократно. Предлагается выделять электронные деньги в строгом смысле – электронные кошельки, а также другие мобильные фиатные валюты; и виртуальные (цифровые) валюты, понимаемые как децентрализованные расчетные единицы, которые выпускаются и контролируются их учредителями и принимаются в данном определенном сообществе. К последним относят игровые валюты; виртуальные валюты с однонаправленным потоком, криптовалюты, валюты корпоративного значения, цифровые государственные валюты [13; 14, с. 9, 10; 15, с. 60]. Вышеуказанные виды виртуальных валют, за исключение последней, объединяет то, что они определяются расчетной единицей, не имеющей юридического статуса, не регулируются центральным банком, не выпускаются финансовыми учреждениями, не имеют юридической связи с государственными деньгами.

Российский законодатель использует понятие «электронные денежные средства», определяя как денежные средства, предварительно предостав-

ленные без открытия банковского счета одним лицом другому лицу, для исполнения денежных обязательств первого перед третьими лицами, оборот которых происходит исключительно с использованием с использованием электронных средств платежа: информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств (ст. 3 ФЗ «О НПС»).

Использование словосочетания «денежные средства» вместо «деньги» выглядит логичным, если допустить, что законодатель таким образом предпринимает попытку терминологически разграничить правовой режим денег–вещей от правового режима денежных средств–обязательств и косвенно указывает на некоторую однородность безналичных и электронных денежных средств.

Закон признал расчеты электронными деньгами иной формой безналичных расчетов, что позволило, как справедливо отмечает И.А. Полуосьмак, «внести их в поле налоговой сферы и публично-правовых отношений» [16, с. 152]. Публично-правовое регулирование касается инфраструктуры, в которой осуществляется оборот электронных денег: ФЗ «О НПС» определяет требования к операторам электронных денег (причём термин эмитент законодатель не использует) и их деятельности, механизмы надзора и контроля. Однако отношения между клиентом и оператором электронного средства платежа носят частно-договорной характер: оператор может отказать в заключении договора (ст. 9 3 ФЗ «О НПС»).

В российской академической литературе исследование правовой природы электронных денег идет по двум основным направлениям.

С точки зрения специфики режима объекта гражданского права в научных публикациях встречаются следующие мнения (частно-правовое направление): (1) права требования особого рода (абстрактное, безусловное и бессрочное), «эмитируемые в сумме предоставленных клиентом денежных средств оператором ЭДС для исполнения денежных обязательств клиента перед иными лицами и учитываемыми в электронной форме без открытия банковского счета» (М.А. Коростылев) [1, с. 9]; (2) имущественные права требования, которые входят в состав имущества их владельца, не являясь при этом вещами; обязательственные права клиента по отношению к оператору (А.В. Середина) [4]; (3) бессрочное денежное обязательство финансово-кредитного института, выраженное в электронном виде, удостоверенное электронной цифровой подписью и погашаемое в момент предъявления обычными деньгами [3]; (4) специфические гражданско-правовые обязательства денежного характера, существующие исключительно в информационной среде; разновидность уступки права требования обязательств в порядке цессии (п. 1 ст. 382, ст. 388 ГК РФ) (В.В. Шумилова) [16]; (5) бездокументарный вексель (В.П. Назаров) [4].

С точки зрения соотношения с категорией «деньги» и «безналичные денежные средства»

высказываются следующие позиции (публично-правовое направление): (1) не могут быть признаны деньгами, так как не являются законным платежным средством (С.В. Овсянко, М.В. Шевчук) [6, с. 62], затруднительно исполнение функции накопления (О.П. Казаченок) [17, с. 106]; (2) легальные деньги, введенные законом, не являющиеся денежным суррогатом (А.В. Турбанов) [6, с. 63]; (3) разновидность безналичных денег (Л.Г. Ефимова, А.В. Турбанов) [6, с. 63; 8, с. 65]; (4) одна из самостоятельных форм денег наряду с наличными и безналичными деньгами (М.А. Коростылев) [1, с. 9]; (5) подсистема наличных денег, выпускаемых в обращение банками или специализированными кредитными институтами (А.И. Гетманенко) [3]; (6) платежное средство, существующее в виде записи в электронной системе [3]; (7) фикция безналичных денег [17, с. 105]; (8) не являются разновидностью безналичных денег, поскольку они находятся не на банковском счете (М.А. Коростылев, О.П. Казаченок) [1,17].

Выводы

Проанализировав изложенные выше мнения, отметим следующее. Спорной и неоднозначной является идея о необходимости введения электронных денег новым объектом гражданских прав в составе «иного имущества». Полагаем, что безналичные и электронные денежные средства имеют немало общих аспектов. Они являются правами требования и имеют обязательственно-правовой режим. Им присущи черты абсолютных прав – прав собственности. В их отношении допускается ограниченное применение вещно-правового способа защиты прав по аналогии.

Мы не можем в полной мере согласиться с позицией М.А. Коростылева, утверждающего, что электронные и безналичные деньги, являясь правами требования (имущественными правами) не могут быть объектом права собственности и к ним не применимы вещно-правовые способы защиты [1, с. 10,11]. На наш взгляд, из буквального толкования положений статей 128, 209, 358.1, 1013 ГК РФ в их системной взаимосвязи безналичные деньги признаются имуществом, которое может быть объектом права собственности. Публичные отрасли права воспринимают их схожим образом. Так, ст. 158 УК РФ определяет безналичные и электронные денежные средства в качестве предмета кражи – преступления против собственности; нормы ст. 70 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» допускают обращение взыскания на безналичные и электронные денежные средства; ст. 115 УПК РФ позволяет наложение ареста на имущество – денежные средства, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях.

Выпуск электронных денег представляет собой, прежде всего, монетарное явление: он априори не оказывает влияния на денежную массу,

а, скорее, заменяет наличные деньги на «электронные единицы», принадлежность конкретному лицу фиксируется посредством записи на электронном носителе, распоряжение этим резервом электронных ценностей и их хранение осуществляется при помощи специальных технологий и платежных инструментов: электронных кошельков, банковские предоплаченные карты и т.п. Отметим, что электронные кошельки и карты нельзя отнести к платежным средствам: они не передаются на этапе оплаты. Это новые платежные инструменты, которые позволяют немедленную передачу платежных средств для погашения денежных обязательств. Специфика электронных денег носит скорее технологический, а не юридический характер, приближая их по своей сути к безналичным деньгам.

Безналичные и электронные деньги являются нематериальными информационными объектами, которые выполняют денежную функцию и производны от наличных денег.

Согласно одному из подходов, сформулированных в настоящее время в академической литературе, электронные деньги отличаются от безналичных и представляют собой новую форму денег, потому, что они отделены от банковского счета. При ближайшем рассмотрении выясняется, что это легко изменяемый волей законодателя формальный признак, который не может быть положен в основу сущностного разграничения электронных и безналичных денег.

Электронные деньги имеют конвергентную природу, сочетая частно-правовые и публичные аспекты, регулируются государством как один из платежных инструментов, но не получили правового статуса «законного платежного средства». В настоящее время правовая природа электронных денег определяется не столько нормами частного права, сколько публичного.

Таким образом, считаем возможным рассматривать в качестве более широкого (родового) понятия «безналичные денежные средства», включающего в себя все средства платежа, которые предполагают использование таких платежных инструментов, которые обеспечивают «нематериальность» платежа, в том числе и электронные деньги. Такой прагматичный подход сосредоточить специфику регулирования на технических аспектах оборота электронных денег (т.е. преимущественно на публично-правовом аспекте), и, не создавая законодательных пробелов и доктринальных споров, адаптировать имеющуюся законодательную базу к цифровой трансформации экономики.

Литература

1. Коростелёв М.А. Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2015. 229 с.
2. Гапонов С.В., Балашев Н.Б. Развитие цифровых денег: криптовалюты и электронные день-

- ги // Концепт. 2021. № 2. С. 112–118. DOI:10.24412/2304-120X-2021-13003
3. Садыки Г. Мухамед-Арифович. Понятие и виды электронных денег. Качественные характеристики функционирования // Евразийский Союз Ученых. 2019. № 4–8 (61). С. 55–57.
 4. Середа А.В. Правовая природа электронных денежных средств // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 1. С. 113–116.
 5. Камышанова А.Е. Электронные деньги и цифровые деньги: соотношение понятий // Материалы XXII национальной науч. Конф. (с международным участием), Таганрог, 17 апреля 2021 г. Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2021. С. 509–511.
 6. Турбанов А.В. Сущность денежного суррогата // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 3. С. 56–72. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.056-072.
 7. Трофимов К.Т. Правовая природа денег. Очерк сравнительного правоведения // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2. С. 130–143.
 8. Турбанов А.В. Понятие денег в эпоху цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 58–76. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.058-076.
 9. Попондопуло В.Ф. Денежные средства: понятие и правовой режим // Учен. зап. Казан. унта. Сер. Гуманит. науки. 2020. Т. 162, кн. 2. С. 40–51.
 10. Башкатов М.Л. «Вещная» концепция безналичных денежных средств и реформа гражданского законодательства // Частное право и финансовый рынок: сб. статей / отв. ред. М.Л. Башкатов. М.: Статут, 2011. Вып. 1. С. 82–106.
 11. Кучеров И.И. Законное платежное средство как категория финансового права // Журнал российского права. 2014. № 8 (212). С. 38–47. DOI: 10.12737/5275
 12. Черенкова С.А., Матненко Н.Н. Потенциал и риски экспансии цифровых валют для финансовой системы // Научное обозрение. Экономические науки. 2022. № 3. С. 22–31. DOI: 10.17513/sres.1104
 13. Рожкова М.А. Цифровые деньги: мобильная фиатная валюта, валюта виртуальных миров, валюта корпоративного значения, криптовалюта и национальная криптовалюта [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2019. 7 октября. URL: <https://zakon.ru/blog/2019/10/7/> (дата обращения 13.06.2024)
 14. Юзефальчик И. Виртуальные валюты: возможные трактовки понятия и влияние на финансовую систему // Банкаўскі веснік = Банковский вестник. 2018. № 3. С. 9–18.
 15. Рождественская Т.Э. Цифровая валюта: особенности регулирования в Российской Федерации / Т.Э. Рождественская, А.Г. Гузнов // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 1. С. 58–67. DOI: 10.24147/2542-1514.2021.5(1).58-67.
 16. Полуосьмак И.А. Правовое регулирование электронных денег в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6–3. С. 151–154.
 17. Казаченок О.П. Электронные денежные средства как новый объект гражданских прав в российском и международном праве: ограничение оборотоспособности и перспективы правового регулирования // Евразийская адвокатура. 2019. № 1 (38). С. 104–108.

LEGAL NATURE OF ELECTRONIC MONEY

Shishmarev A.N.

North-West Institute of Management – branch of RANEPA

Electronic money challenges the established vision of money as a legal and economic phenomenon. From a legal point of view, the nature of electronic money, however, as well as the conceptual apparatus in this area remains a debatable point. The article studies approaches to understanding cash, non-cash and electronic money that have developed in the legal doctrine. It is noted that electronic and non-cash money a priori does not have any impact on the money supply: in fact, they rely on the prepayment system and are derivatives of existing cash. It is revealed that the essential characteristics of electronic money and virtual currencies are radically different. The author comes to the conclusion that the concept of “non-cash money” is generic in relation to the concept of “electronic money”. It is noted that the legal nature of electronic money as a means of payment is determined not so much by the norms of private law as by public law.

Keywords: money, electronic money, non-cash money, digital currency, virtual currency.

References

1. Korostelev M.A. Legal regime of electronic money in civil legislation: diss. ... Cand. of Law: 12.00.03. Moscow, 2015. 229 p.
2. Gaponov S.V., Balashev N.B. Development of digital money: cryptocurrencies and electronic money // Concept. 2021. No. 2. Pp. 112–118. DOI: 10.24412/2304-120X-2021-13003
3. Sadyki G. Mukhamed-Arifovich. Concept and types of electronic money. Qualitative characteristics of functioning // Eurasian Union of Scientists. 2019. No. 4–8 (61). Pp. 55–57.
4. Sereda A.V. Legal nature of electronic money // Problems of Economics and Legal Practice. 2020. No. 1. P. 113–116.
5. Kamyshanova A.E. Electronic money and digital money: the relationship between concepts // Proceedings of the XXII National Scientific Conf. (with international participation), Taganrog, April 17, 2021. Taganrog: Taganrog Institute of Management and Economics, 2021. P. 509–511.
6. Turbanov A.V. The essence of a monetary surrogate // Actual problems of Russian law. 2024. T. 19. No. 3. P. 56–72. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.056-072.
7. Trofimov K.T. Legal nature of money. Essay on comparative law // Leningrad Law Journal. 2007. No. 2. P. 130–143.
8. Turbanov A.V. The concept of money in the era of digitalization // Actual problems of Russian law. 2021. Vol. 16. No. 6. P. 58–76. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.058-076.
9. Popondopulo V.F. Cash: concept and legal regime // Uchen. zap. Kazan. University. Series. Humanitarian sciences. 2020. Vol. 162, book 2. P. 40–51.
10. Bashkatov M.L. The “property” concept of non-cash money and the reform of civil legislation // Private law and financial market: collection of articles / ed. M.L. Bashkatov. Moscow: Statut, 2011. Issue 1. P. 82–106.
11. Kucherov I.I. Legal tender as a category of financial law // Journal of Russian Law. 2014. No. 8 (212). P. 38–47. DOI: 10.12737/5275
12. Cherenkova S.A., Matnenko N.N. Potential and risks of digital currency expansion for the financial system // Scientific Review. Economic Sciences. – 2022. – No. 3. – P. 22–31. DOI: 10.17513/sres.1104
13. Rozhkova M.A. Digital money: mobile fiat currency, currency of virtual worlds, currency of corporate significance, cryptocurren-

cy and national cryptocurrency [Electronic resource] // Zakon.ru. 2019. October 7. URL: [https://zakon.ru/blog/2019/10/7/\(data-obrashcheniya-13.06.2024\)](https://zakon.ru/blog/2019/10/7/(data-obrashcheniya-13.06.2024))

14. Yuzefalchik I. Virtual currencies: possible interpretations of the concept and impact on the financial system // Bankauski vesnik. 2018. No. 3. P. 9–18.
15. Rozhdestvenskaya T.E. Digital currency: features of regulation in the Russian Federation / T.E. Rozhdestvenskaya,

A.G. Guznov // Law Enforcement. 2021. Vol. 5, No. 1. Pp. 58–67. DOI: 10.24147/2542-1514.2021.5(1).58-67.

16. Poluosmak I.A. / Legal regulation of electronic money in the Russian Federation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 6–3. Pp. 151–154.
17. Kazachenok O.P. Electronic money as a new object of civil rights in Russian and international law: limitation of circulation and prospects for legal regulation // Eurasian Advocacy. 2019. No. 1 (38). P. 104–108.

Нормативное определение категории «искусственный интеллект» в гражданском праве Российской Федерации и Республики Таджикистан

Акинфеев Дмитрий Витальевич,

аспирант, ассистент кафедры конституционного и административного права, Института права, ФГБОУ ВО «ВВГУ», ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», Института права, кафедра конституционного и административного права
E-mail: 4.dv7888@ya.ru

Гражданское право насчитывает сотни специальных терминов, являющихся не просто техническими средствами, обеспечивающими возможность действия законодательства, но также являющихся научно-правовыми категориями. Такие термины обеспечивают содержание права, позволяют юридической науке развиваться, облегчают её перетекание из теории в практику. С использованием специальных терминов повышается качество правовых актов и возрастает эффективность правового регулирования в целом. Существует такое понятие как «легальное определение» или «законодательное определение», появляющееся в процессе правотворчества и как правило являющееся в последствии фундаментом восприятия того или иного феномена в системе права, особенно в случае появления нового объекта гражданско-правовых отношений, тако-го как искусственный интеллект. Автором предложен вариант определения понятия «искусственный интеллект» как объекта гражданских правоотношений, для его последующего введения в гражданское законодательство России и Таджикистана. В этой связи, проанализированы некоторые доктринальные позиции, являющиеся сегодня ключевыми в указанной сфере, а также ряд нормативных актов Российской Федерации и Республики Таджикистан.

Ключевые слова: искусственный интеллект, легальное определение, гражданско-правовое регулирование, цифровое имущество, ChatGP T.

Россия и Таджикистан, в конце прошлого века являвшиеся частями одной страны, сегодня суверенные и самостоятельные государства. После прекращения существования Союза Советских Социалистических Республик, некогда части одного целого, обрели все атрибуты полной внешней независимости, в том числе друг от друга. Полное форматирование устоявшихся организационных основ в прошлом единого государства коснулось в первую очередь правовых систем. Разработка и внедрение абсолютно новых законов свободных от идеологии, дали мощный толчок обоим государствам на пути к демократизации, свободе личности и экономическому развитию.

Между тем, сегодня для правовых систем обоих государств существует вызов, от ответа на который будет зависеть дальнейшая экономическая результативность. Мировая конкуренция за право обладания ресурсами сегодня не является первоочередной проблемой. Тенденции общемировых и региональных рынков показывают, что главная задача для каждого участника глобальных мировых экономических отношений – это развитие высокотехнологичных средств производства и внедрение в технологическую базу разных видов искусственного интеллекта.

Как в России, так и в Таджикистане взят курс на развитие цифровой экономики, имея в виду осуществление хозяйственной деятельности с помощью электронных и цифровых технологий. В том числе, преследуется цель цифровизации государственного управления для снижения уровня бюрократии, уменьшения количества государственных служащих, исключение дублирования разными органами исполнительных функций. Большую роль в указанных процессах может сыграть внедрение искусственного интеллекта в процессы автоматизированного управления финансами, таможенного оформления, налогового администрирования, цифровую идентификацию граждан (в случае использования государственных цифровых сервисов) и многие другие процессы.

На сегодняшний день в Российской Федерации и Республике Таджикистан искусственный интеллект является новым и активно развивающимся инструментом для достижения социально-экономических целей развития государства.

Важность развития технологий искусственного интеллекта и правового регулирования этого процесса официально декларируется в обоих государствах. Так, в Российской Федерации утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», в Респу-

блике Таджикистан принята «Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года».

Гражданское право регулирует имущественные отношения особым методом – на началах равенства, автономии и имущественно-распорядительной самостоятельности субъектов правоотношений. В.Ф. Яковлев считал, что «гражданское право регулирует отношения тем способом, который в полной мере соответствует требованиям товарно-рыночной экономики и демократическим началам жизни общества» [5]. В силу названных утверждений, трудно представить, что в настоящее время какой-либо феномен экономической жизни общества гражданским правом не урегулирован и не охраняем. Между тем, учитывая, что общество является общностью «живой», развивающейся и многополярной, как показано в данном исследовании, на практике периодически встречаются случаи, когда вновь появляющиеся и быстро набирающие популярность в гражданских правоотношениях объекты правоотношений не находят законодательного закрепления, не имеют легального определения, а, следовательно, существуют в полях близких им по свойствам или характеристикам групп объектов или их отдельных видов.

Например, до сегодняшнего дня в России и Таджикистане не поставлена точка в вопросе о гражданско-правовой природе «цифрового имущества». На сегодняшний день в гражданском законодательстве Российской Федерации и Республики Таджикистан нет специальной нормы, дающей легальное определение цифровому имуществу и регулирующей вопросы, связанные с владением, пользованием и распоряжением таким имуществом. Между тем, юристами и экономистами часто используются такие понятия как «цифровые права», «цифровое имущество», «цифровые активы» и т.д. При этом, остается не решенным вопрос защиты прав и свобод человека, в том числе в случае нанесения им ущерба вследствие использования цифрового имущества (например, гражданско-правовой ответственности участника правоотношений, связанных с созданием и оборотом цифрового имущества), в то время, как Россией, так и Таджикистаном декларируется необходимость цифровизации экономики. В этой связи приняты нормативно-правовые акты разных уровней, программа «Цифровая экономика Российской Федерации» и «Среднесрочная программа развития цифровой экономики в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы».

Стоит отметить, что в соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) цифровые права входят в перечень объектов гражданско-правовых отношений, однако, факт закрепления цифровых прав в указанной норме недостаточно раскрывает потенциал самой сути цифрового имущества, тем более, в период, когда государство претендует на развитие цифровой экономики и другие масштабные достижения

в смежных областях. Существующей в ст. 141.1 ГК РФ формулировки «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам», так же недостаточно для использования возможностей, предоставляемых самой сутью явления «цифрового имущества», являющегося поистине новым и уникальным объектом правоотношений, потенциал которого еще предстоит раскрыть по ходу формирования практики применения, в том числе упомянутых выше норм.

Так, например, Е.А. Суханов считает, что «бездокументарные ценные бумаги» послужили основой для формулировки в действующем законодательстве понятия «цифровые права», а также в целом являлись юридическим прообразом цифрового имущества. Но тут же заключает, что «вещи и имущественные права имеют различный гражданско-правовой режим, с учетом особенностей которого осуществляется их гражданский оборот (включая переход к кредиторам). Поэтому признание того или иного объекта «имуществом» (в том числе путем упоминания о нем в ст. 128 ГК РФ, как это произошло с «цифровыми правами») само по себе ничего не решает и не создает для этого «нового вида имущества» особого гражданско-правового режима, позволяющего автоматически вводить его в гражданский оборот».

С легальным определением «искусственного интеллекта» (далее – ИИ), в случае, как и с приведенным выше понятием «цифрового имущества», также сохраняется гражданско-правовой пробел. Тут стоит отметить, что некоторые исследователи (например, Д.А. Королькова) высказывают мнение, что для сферы гражданского права хватит и существующих в других областях законодательства определений термина «искусственный интеллект», так как они «весьма универсальны и применимы для любой сферы», с чем сложно согласиться в силу нескольких причин [2].

Во-первых, искусственный интеллект является настолько специфическим феноменом (в т.ч. результатом научной деятельности), что может возникнуть проблема толкования терминов из других областей права и перенесения их в область гражданско-правовых отношений. Имея ввиду, что в случае рассмотрения «искусственного интеллекта», как входящего в систему объектов гражданского права элемента, необходимо учитывать, чтобы и легальное гражданско-правовое определение отражало его обладание всеми признаками объекта гражданского права (т.е. дискретностью, имело нормативно гарантированную возможность правового закрепления объекта за субъектом гражданского права, а также было признано объектом права по закону) [6].

Во-вторых, некоторыми авторами допускаются доктринальные позиции о том, что искусственный интеллект в силу специфических свойств и харак-

теристик в ряде случаев может рассматриваться не как объект, а как субъект гражданско-правовых отношений, прежде всего, из-за потенциальной возможности самостоятельного (автономного) решения творческих задач (напр. С.А. Соменков «Искусственный интеллект: от объекта к субъекту?»).

В-третьих, представляется важным, чтобы гражданско-правовое регулирование искусственного интеллекта имело бы умеренное регуляторное воздействие на такой объект, имея в виду, что в случае введения в оборот чрезмерно рамочного (не учитывающего варианты и разновидности технологий искусственного интеллекта) легального определения, в силу движения прогресса, рано или поздно мы столкнемся с тем, что вновь появившиеся технологии искусственного интеллекта не будут подпадать под действие гражданского законодательства, чего допустить нельзя. А, следовательно, необходимо ввести в оборот такое легальное определение, которое бы соответствовало не только актуальному положению вещей, но и перспективам развития искусственного интеллекта [4].

Имеющиеся в российском и в таджикском законодательстве варианты интерпретации феномена «искусственного интеллекта» не соответствуют приведенным выше особенностям. Так как, например, сегодня сложно сказать о том, что все технологии ИИ обладают гражданско-правовой дискретностью, т.е. их качественная, а также физическая и учетная определенность и обособленность от всех других объектов сохраняется, ввиду того, что, например, ChatGPT знакомится с большим набором данных текста из различных источников, таких как книги, веб-тексты, статьи и другие источники из глобальной сети Интернета, следовательно, необходимо сделать выводы, является ли такой чат обособленным объектом гражданского права. Один только вопрос правильной оценки гражданско-правовой дискретности такого явления, как искусственный интеллект (или нейронная сеть ChatGPT) требует отдельного гражданско-правового легального определения, сформулированного с учетом приведенных выше особенностей.

Согласно «Стратегии развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года» утвержденной Постановлением Правительства Республики Таджикистан № 483 от 30 сентября 2022, «искусственный интеллект» – это система или компьютерное оборудование, которое способно имитировать интеллектуальные и аналитические способности человека для выполнения определенных задач.

«Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года» утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 № 490 в преамбуле разъясняет, что «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач

результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

В Федеральном законе РФ от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ закреплено, что «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Искусственный интеллект уже сегодня задействован в большом количестве сфер человеческой жизнедеятельности, в том числе и в сфере гражданско-правовых отношений. В предпринимательской среде и бизнес-процессах активно используются чат-боты, банки осуществляют скрининг заемщиков с помощью искусственного интеллекта. Искусственный интеллект анализирует данные, производит предсказательное моделирование, знает языки, генерирует тексты, на платформах с применением технологий искусственного интеллекта работают агрегаторы такси и курьерские службы. Искусственный интеллект интересен и тем, что кроме анализа данных и последующего принятия решений, он способен к самообучению, т.е. некоторые системы могут улучшать работу заданных им в момент создания функций.

Безусловно, настолько серьезный и разноплановый элемент экономической деятельности должен быть четко отрегулирован и охраняем правом. На сегодняшний день в Российской Федерации и Республике Таджикистан возможна коммерциализация результатов научно-технических достижений в области искусственного интеллекта, есть рынки сбыта интеллектуальных продуктов, существует широкое использование информационных технологий и технологий искусственного интеллекта в банковской сфере, бытовом обслуживании, торговле, транспорте и других отраслях.

В сфере развития искусственного интеллекта для экономических целей существует жесткая региональная и международная конкуренция.

По оценке «Яков и партнеры» экономический потенциал России в сфере искусственного интеллекта к 2028 году составит 22–36 трлн руб., в номинальных ценах, а реализованный эффект внедрения технологий искусственного интеллекта в РФ может достигать 4,2–6,9 трлн. руб., что составит эквивалент влияния на ВВП страны до 4% [3].

Основная интегрированность технологий искусственного интеллекта в России не отстает от общемировых трендов и все больше осуществляется в сферах логистики, транспорта, банковско-финансовой отрасли, ритейлинга, производства

потребительских товаров и добывающей промышленности.

В целом, на мировую экономику все более обширное применение искусственного интеллекта влияет значительно, так, по оценкам международных экспертов, потенциал влияния ИИ на экономику составляет 17–26 трлн долл. США в год. Рынок продуктов и сервисов на базе искусственного интеллекта в мире к концу 2023 г. должен составить около 200 млрд. долл. США.

Продолжается рост количества судебных дел, связанных с ИИ-технологиями. В России база судебных решений, где упоминается искусственный интеллект, насчитывает десятки дел, а в США в 2022 году было зарегистрировано 110 судебных дел, связанных с ИИ. Большинство этих дел касалось вопросов, связанных с гражданским правом, интеллектуальной собственностью и договорным правом.

Между тем, в настоящее время в сфере гражданского законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан недостаточно урегулированы вопросы места искусственного интеллекта в системе объектов гражданского права. В гражданском законодательстве обеих стран нет отдельной нормы, раскрывающей понятие программного обеспечения способного выполнять интеллектуальные задачи, а также не указан круг сфер, где могут использоваться такие технологии (например, допустимость использования искусственного интеллекта в процессе оказания медицинской услуги).

Соглашаясь с В.Ф. Яковлевым, относительно того, что «общество – это постоянное столкновение несовпадающих разнонаправленных интересов», еще раз убеждаемся в важности и актуальности введения в оборот легального гражданско-правового определения понятия «искусственный интеллект».

В этой области нужна своего рода «система сдержек и противовесов», имея ввиду, что должно быть учтено соотношение интересов и бизнеса, и граждан и органов государственной власти в вопросах регулирования ИИ, его использования, а также, например, определение авторства результатов его деятельности.

Сфера разработок и применения ИИ, как было сказано выше, достаточно велика. Чем быстрее право откликнется на актуальные изменения в социальной, экономической и научной жизни, чем быстрее начнет четко и взвешенно охранять сферу разработок и работы ИИ, тем скорее начнет формироваться практика применения отвечающих духу времени преобразований. Сфера искусственного интеллекта развивается быстро, без колебательных движений. Правовые системы России, Таджикистана, да и практически всего мира уже достаточно активно работают над формулированием доктрины в отношении ИИ, рационального и безопасного использования таких технологий.

Таковыми авторами, как П.М. Морхат, С.А. Соменковым, Д.А. Корольковой, А.И. Редькиной,

И.В. Понкиной, А. Гурко, Д.В. Бахтеевым и многими другими проводится анализ специфики возможных способов регулирования, как использования технологий ИИ, так и их разработок. Исследуется место ИИ в праве интеллектуальной собственности, этические и этико-правовые основания применения искусственного интеллекта в разных сферах жизнедеятельности. Предлагаются авторские точки зрения на вопросы, связанные с правовым обоснованием способности ИИ выполнять творческие задачи, которые еще некоторое время назад являлись только функционалом человека [1].

Отдельное внимание привлекает вопрос того, что ИИ – это прежде всего кибернетическая вычислительная система, с вычислительными мощностями. Вопрос номер один для сегодняшних разработчиков таких технологий и программного обеспечения – это вопрос как раз вычислительных мощностей. Требуемые сегодня большого количества финансирования проекты, завтра могут оказаться обыденностью в случае выделения государством (или частным сектором) существенных ресурсов для их воплощения. Следовательно, не имея сегодня раздела гражданского законодательства, регулирующего сферу искусственного интеллекта, большие инвестиционные портфели окажутся в зоне риска. Сложно представить, что государство, частные предприятия и физические лица уже сегодня инвестируют в разработку систем искусственного интеллекта, не имеющих даже четкого гражданско-правового определения.

Согласно пункту 1.15 статьи 284 Налогового кодекса Российской Федерации, для юридических лиц в РФ, осуществляющих деятельность в сфере информационных разработок, налоговая ставка по налогу на прибыль в 2022–2024 устанавливалась в размере 0%. Правительство РФ инициировало внесение изменений в налоговое законодательство, по итогам третьего чтения в июле 2024 года принятые Государственной Думой РФ поправки в законодательство установят налоговую ставку для IT-компаний в размере 5%, что в целом также является поддерживающей мерой для IT-отрасли, особенно с учетом того, что ставка для обычных компаний после принятия другого законопроекта, принятого в тот же период рассмотрения, выросла с 20% до 25%.

Правительство РФ принимает решительные и существенные шаги к созданию благоприятных коммерческих условий сектору IT-бизнеса, но чем стремительнее отрасль начнет развиваться, тем сложнее будет начать процесс налаживания правового регулирования, что касается в первую очередь гражданско-правовой сферы, так как стержнем IT-сферы в России являются частные компании, целью деятельности которых является получение прибыли.

В Республике Таджикистан, как и в России, прослеживается отставание гражданско-правового регулирования сферы «искусственного интеллекта» от общегосударственного тренда поддержки развития ИИ. Президентом РТ принято решение

о создании на территории Таджикистана центра по развитию искусственного интеллекта, в рамках специальной программы ООН. Создаются и функционируют IT-парки, в сферу страхования и кредитно-денежных институтов внедряются модели с предсказательным моделированием. В школах РФ вводятся дисциплины, связанные с изучением основ ИИ. В то же время, как и указано выше, на сегодняшний день не существует правовой проработки вопроса с позиций цивилистики.

Ряд специалистов относит термины «искусственный интеллект» и «технологии искусственного интеллекта» к непоименованным объектам авторских прав, как категории программного обеспечения для электронно-вычислительных машин (ст. 1261 ГК РФ). Существует спорный аспект, по мнению специалистов, касающийся того, что не сегодня, но в самом ближайшем будущем системы искусственного интеллекта начнут «самообучаться» не посредством внесения разработчиками улучшений в их работу, как происходит в настоящее время, а полностью автономно, что уже ставит под сомнение подпадание ИИ под регулирование указанной нормой в ближайшем будущем. Даже не ориентируясь на перспективы роста автономности искусственного интеллекта, стоит отметить, что указанная норма не разъясняет положение ИИ, кроме как в вопросе авторского права.

В целом, проблема «свободного полета» искусственного интеллекта между нормами гражданского права сохраняется, и никакая норма не выступает в полной мере гарантией поэтапного вхождения феномена искусственного интеллекта в правовую систему, как в России, так и в Таджикистане.

Какие, например, прокурору производить процессуальные действия, в случае угрозы нарушения прав результатами деятельности какой-либо модели искусственного интеллекта неопределенного круга лиц? Особенно с учетом необходимости определить, когда, кем, каким образом и в каком порядке должно быть инициировано обращение в суд, когда ему следует вступить в процесс, тем более, если процесс уже будет инициирован иными допускаемыми законом субъектами.

Сегодня перед правоохранительной системой существует большое количество вызовов, связанных с развитием IT-технологий, используемых непосредственно людьми. Что же касается перспективы использования в преступных целях технологий искусственного интеллекта, скорее всего, это вопрос времени. Уже сегодня Прокуратура РФ ощущает на себе последствия динамичного развития информационных и цифровых технологий, следствием чего оказывается невысокая раскрываемость преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Так, К.В. Камчатова среди причин низкой раскрываемости таких преступлений выделяет, например, факты, когда преступление совершается лицами находящимися в другом субъекте РФ или даже ином государстве, что затрудняет про-

цесс проведения первоначальных оперативно-розыскных мероприятий, персонализацию лиц, готовящихся к совершению преступления или уже совершивших его [7].

Преступления совершаются с использованием компьютерных программ и программного обеспечения, ресурсов информационной сети Интернет находящихся за пределами юрисдикции России. Так, например, при раскрытии преступлений в сфере цифровой безопасности, для правоохранительных органов представляет сложность использование преступниками почтовых ящиков в доменном сегменте @google.com, @yahoo.com, @aol.com и других, сервера которых полностью находятся на территории Соединенных Штатов Америки.

Можно предположить, что в случае использования для умышленного нарушения законов искусственного интеллекта (в данном случае понимая под ними систему технических комплексов, включающих в себя элементы автоматической обработки информации, вычислений и автоматического управления, главным свойством которой является выполнение задач схожих с задачами, приоритетно выполняемыми человеческим интеллектом), то устранение последствий таких преступлений, их раскрытие и привлечение к ответственности виновных лиц многократно усложнится, даже относительно преступлений совершаемых физическими лицами с применением иных IT-технологий.

Существует точка зрения, что искусственный интеллект вообще не является программой для электронно-вычислительной машины, в обоснование чего, приводятся доводы, что действия ИИ не ограничены совокупностью данных и команд предназначенных для работы ЭВМ. Иначе говоря, утверждается, что ИИ имеет не только программную составляющую, но и включает множество других процессов и связанных сервисов (выше уже был приведен самый элементарный пример такой связи – связь ChatGPT и глобальной сети Интернет). Но тогда ИИ должен быть регулируемым ст. 1240 ГК РФ, являясь сложным объектом интеллектуальной собственности. И тут, пожалуй, согласиться с таким подходом допустимо. Однако, внесение технологии ИИ в список сложных объектов интеллектуальной собственности, если и шаг на пути к гражданско-правового регулирования, то самый первый.

Описанное выше представляет серьезные основания к действию уже потому, что количество преступлений, связанных с посягательствами на безопасность в сфере использования информационно-телекоммуникационных технологий, включая атаки на критическую техническую и информационную инфраструктуру РФ, не теряет количественных показателей, а за последние 7 лет возросло примерно в 25 раз.

Стоит отметить несколько особенностей ИИ, которые необходимо учесть при разработке базы гражданско-правового регулирования области ИИ (что наверняка должно быть комплексной работой,

но начинаться с предложения легального определения указанного феномена).

Во-первых, искусственный интеллект – это понятие, несущее в себе большое разнообразие видов обработки и переработки информации.

Во-вторых, в описываемых регулирующих процессах важно соблюсти баланс «сдержек и противовесов». Законодательство должно как соответствовать сегодняшнему дню и злободневным проблемам ИИ, так и учитывать возможность быстрого изменения технологической базы ИИ. В то же время право не должно стать ограничителем для развития искусственного интеллекта, хотя, конечно, в решениях ограничения развития ИИ, в случае принятия таковых, должен превалировать вектор охраны жизни и здоровья человека, безопасности всего общества и основ государственного устройства страны.

В-третьих, необходимо учитывать, что с каждым днем растет вероятность того, что программное обеспечение выполняющее интеллектуальные задачи и прогнозирующее итоги выполнения таких задач человеком, являясь сложным объектом интеллектуальной собственности, может нанести вред любой сфере человеческой жизнедеятельности, например, в случае «программного сбоя». Указанное, необходимо предусмотреть в силу того, что в перспективе возможна постановка вопроса об особом характере наступления гражданско-правовой ответственности.

В вопросе формулировки легального определения искусственного интеллекта надо исходить из того, что гражданское право и способ его регулирования должны в полной мере соответствовать требованиям товарно-рыночной экономики, демократическим началам жизни общества, совокупности отношений людей в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ и услуг. В том числе отвечать вызовам макроэкономики, мировым трендам цифровизации экономики, соблюдая баланс интересов всех потенциальных участников правоотношений, связанных с искусственным интеллектом.

В силу изложенного, предлагаем следующее определение искусственного интеллекта, удовлетворяющее потребности определения его гражданско-правовой природы.

Искусственный интеллект (лат. *artificialis intelligentia*) как объект гражданского права, в перспективе законодательного закрепления его в качестве отдельного объекта гражданских правоотношений, можно охарактеризовать, как систему технических комплексов, включающих в себя элементы автоматической обработки информации, вычислений и автоматического управления, главным свойством которой является выполнение задач схожих с задачами, приоритетно выполняемыми человеческим интеллектом (лат. *intelligentia humana*).

Тренд на повышение качества жизни людей и обеспечение информационной безопасности как в России, так и в Таджикистане достижим

только в случае участия в системе классической экономики электронного бизнеса, цифрового государственного управления, информационно-коммуникационных и финансовых технологий, а в ближайшем будущем и искусственного интеллекта.

Гражданско-правовое закрепление термина «искусственный интеллект» обусловлено не только потребностью в совершенствовании правового регулирования, но и, прежде всего, созданием платформы для нового вида гражданских правоотношений, в которых задействован искусственный интеллект.

Литература

1. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы // Диссертация на соискание учёной степени доктора юридических наук. С. 242–253
2. Королькова Д.А. Искусственный интеллект как объект гражданских прав // Закон и право. № 2/2024 С. 151–155
3. Искусственный интеллект в России – 2023: тренды и перспективы // Яков и партнеры, отчёт консалтинговой компании. С. 3–12.
4. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху, 2-е издание // Издательство Норма. С. 77–104.
5. Алексеев С.С., Степанов С.А. Гражданское право: учебник.: Издательство проспект. С. 11–13.
6. Арановский К.В., С.Д. Князев Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений // Монография, Проспект. С. 16–17.
7. Капинус О.С. Актуальные проблемы прокурорской деятельности // Проспект, Курс лекций. С. 23–44.
8. Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. Цифровое правосудие // Монография, Проспект. С. 32–50.
9. Громова Е.А. Правовые барьеры и ограничения, препятствующие созданию цифровых инноваций, и способы их преодоления // Право интеллектуальной собственности. № 03/2023. С. 21–25. 2.

NORMATIVE DEFINITION OF THE CATEGORY “ARTIFICIAL INTELLIGENCE” IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Akinfeev D.V.
VVSU; Vladivostok State University

Civil law has hundreds of special terms that are not just technical means that ensure the possibility of legislation, but are also scientific and legal categories. Such terms provide the content of law, allow legal science to develop, facilitate its transition from theory to practice. The use of special terms improves the quality of legal acts and increases the effectiveness of legal regulation as a whole. There is such a concept as a “legal definition” or “legislative definition” that appears in the process of lawmaking and, as a rule, subsequently becomes the foundation for the perception of a particular phenome-

non in the legal system, especially in the case of the emergence of a new object of civil law relations, such as artificial intelligence. The author proposes a version of the definition of the concept of “artificial intelligence” as an object of civil legal relations, for its subsequent introduction into the civil legislation of Russia and Tajikistan. In this regard, some doctrinal positions that are key today in this area, as well as a number of regulatory acts of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan are analyzed.

Keywords: artificial intelligence, legal definition, civil law regulation, digital property, ChatGP T.

References

1. Morhat P.M. Legal capacity of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems // Dissertation for the degree of Doctor of Law. P. 242–253
2. Korolkova D.A. Artificial intelligence as an object of civil rights // Law and Right. No. 2/2024 P. 151–155
3. Artificial intelligence in Russia – 2023: trends and prospects // Yakov and partners, report of the consulting company. P. 3–12.
4. Alekseev S.S. The most sacred thing that God has on earth. Immanuel Kant and the problems of law in the modern era, 2nd edition // Norma Publishing House. P. 77–104.
5. Alekseev S.S., Stepanov S.A. Civil law: textbook.: Prospect Publishing House. P. 11–13.
6. Aranovsky K.V., S.D. Knyazev The rule of law and the rule of law in the relationship between signs and meanings // Monograph, Prospect. Pp.16–17.
7. Kapinus O.S. Actual problems of prosecutorial activity // Prospect, Lecture course. Pp. 23–44.
8. Laptev V.A., Solovyanenko N.I. Digital justice // Monograph, Prospect. Pp. 32–50.
9. Gromova E.A. Legal barriers and restrictions that impede the creation of digital innovations, and ways to overcome them // Intellectual Property Law. No. 03/2023. Pp. 21–25. 2.

Применение коллизионных норм международного права к трансграничным электронным сделкам

Брыкина Софья Александровна,

ассистент кафедры международного права, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: br.sonya2013@yandex.ru

В статье анализируется электронная форма внешнеэкономических сделок как важный инструмент современного международного бизнеса. Основное внимание уделяется процессу оформления таких сделок в электронной форме. Целью исследования является анализ применения действующих коллизионных норм к трансграничным электронным сделкам. Методологическая основа исследования включает в себя общенаучные методы познания, такие как диалектический метод, обобщение, теоретический и эмпирический подходы, а также индукция и дедукция. Кроме того, используются специально-научные методологии, в том числе сравнительно-правовой и формально-юридический методы. В результате исследования установлено, что использование электронной формы внешнеэкономических сделок значительно ускоряет процесс заключения договоров, снижает издержки и минимизирует риски, связанные с неправильным оформлением документов. В заключении подчеркивается, что электронная форма сделки – это процесс заключения и исполнения сделок с использованием электронных средств связи и технологий.

Ключевые слова: форма сделки, трансграничные сделки, электронные средства, блокчейн, коллизионные нормы.

Век информационных технологий и цифровизации привнес в мир бизнеса новые реалии, требующие адаптации существующих правовых норм и механизмов. Одним из наиболее актуальных вопросов современного международного частного права является регулирование электронных форм трансграничных сделок. Сделки между субъектами из разных юрисдикций все больше переходят в цифровую среду, что сопровождается как значительными преимуществами, так и новыми правовыми проблемами.

Электронные формы сделок позволяют создать более эффективную и прозрачную деловую среду, поскольку они позволяют значительно сократить время заключения договоров, снизить расходы, связанные с их исполнением, и повысить доступность международного рынка для малых и средних предприятий. Однако возникает множество вопросов, касающихся правового статуса электронных документов, информационной безопасности, прав и обязанностей сторон, а также механизмов разрешения споров.

Так, Федеральным законом от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ «О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 34-ФЗ) [5] были внесены изменения в ст. 160 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ): «письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю» [3].

Этот закон ввел новый способ заключения сделок – с помощью электронных и технических средств. Также новая редакция п. 2 ст. 434 ГК РФ устанавливает, что договор может быть заключен в письменной форме путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного обеими сторонами, либо путем обмена письмами, телеграммами, электронными документами или иными данными. Как видится, подобные нововведения существенно модифицируют процесс заключения сделок в реальной жизни. Согласно описанию к законопроекту, эти изменения внедряются для упрощения сделок с цифровыми активами. В данном случае законодателем был сделан акцент на том, что при желании лицо может выра-

зить волю на заключение сделки в том числе и при помощи различных электронных средств.

В соответствии с указанными изменениями, письменная форма договора будет считаться выполненной при выражении воли в следующих ситуациях [8, с. 110]:

1. если из условий гражданско-правового договора прямо вытекает, что волеизъявление подобным образом считается допустимым;
2. если для данного вида гражданских правоотношений (к примеру, продажа товаров через маркетплейсы) следует, что таких действий достаточно.

Несмотря на такой прогресс в области правового регулирования форм сделок, совершаемых на территории Российской Федерации, в настоящее время все еще остается нерешенным вопрос о правилах оформления сделок, заключенных с использованием электронных и других технических средств, предполагающих возникновение трансграничных договорных отношений. Считаем необходимым придерживаться традиционно сложившегося подхода о том, что под трансграничной понимается сделка «совершаемая между лицами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах, и исполняемая указанными лицами» [9, с. 5].

В рамках настоящего исследования основное внимание уделяется форме внешнеэкономической сделки, которая определяется как совокупность требований к внешнему волеизъявлению сторон, направленному на заключение сделки [9, с. 258]. Следует отметить, что нормы раздела VI части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации не содержат отдельных положений, касающихся формы трансграничных сделок. Поэтому необходимо опираться на общие правила, закрепленные в статье 1209 Гражданского кодекса РФ, которая гласит, что «форма сделки подчиняется праву страны, к которой применяется закон, регулирующий саму сделку» [4]. В связи с этим Верховный суд РФ указал, что форма сделки считается соблюденной, если она соответствует: «праву страны, подлежащего применению к самой сделке; праву страны места совершения сделки; российскому праву, если хотя бы одной из сторон сделки выступает лицо, чьим личным законом является российское право» [13].

В данном случае можно говорить о множественности коллизионных привязок. В этом контексте А.В. Асосков указывает, что кумулятивное правило должно рассматриваться в узком значении, так как оно «охватывает только такие ситуации, когда для определения применимого права применительно к одному отношению (или отдельному его аспекту) законодатель формулирует сразу несколько конкурирующих или дополняющих друг друга привязок» [6, с. 231]. Как видится, что дополнительные риски, которые могут возникнуть из-за иностранного элемента в форме внешнеторговой сделки, минимизируются, поскольку возможно согласовать эту форму с требованиями российского законодатель-

ства. Более того, можно применить нормы, которые более благосклонны к внешнеэкономической электронной сделке, но только если в отношении присутствует объективный иностранный элемент, связанный с государством, право которого хочет применить сторона, либо есть ссылка на это право в договоре.

Кроме того, исследуя вопрос о форме, также необходимо учитывать, что согласно ст. 1186 ГК РФ международные договоры являются источниками международного частного права, а также входят в правовую систему России (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) [1] и имеют приоритетное значение по отношению к национальным законам, то их положениями также следует руководствоваться при определении допустимости использования электронной формы. В Конвенции ООН о применении электронных сообщений в международных договорах указано, что «сообщение или договор не могут быть признаны недействительными или недействительными в суде только потому, что они составлены в форме электронного сообщения» (ст. 8) [2].

Данное положение подчеркивает важность и легитимность использования электронных форм коммуникации в международных правоотношениях, способствуя формированию более гибкой и современной практики ведения бизнеса. То есть Конвенция способствует устранению возможных правовых препятствий и обеспечивает уверенность в юридической силе электронных документов на международной арене. На основании вышеизложенного, с учетом рассматриваемых отношений, использование норм российского гражданского законодательства, позволяющих заключать договор путем составления единого электронного документа, подписанного обеими сторонами, является вполне приемлемым.

Далее хотелось бы обратить внимание на использование при заключении трансграничной сделки технологии блокчейн, которую можно считать более перспективным способом заключения. В данном случае как раз наиболее ярким образом раскрывается электронная форма рассматриваемых соглашений путем применения цифровых технологий. Среди частных трансграничных платформ можно отметить: Cyber Fund, Satoshi Fund, «Голос» (Golos) [11, с. 116].

Технология блокчейн выступила катализатором формирования нового сегмента во внешней торговле – смарт-контрактов, обладающих уникальными функциональными характеристиками. В рамках данного исследования смарт-контракты можно рассматривать как электронную версию контракта, исполняемую с помощью специализированного программного кода, и как новый способ заключения соглашений с использованием технологии блокчейн. В трансграничных сделках смарт-контракты играют центральную роль в повышении безопасности, автоматизации и прозрачности всех бизнес-процессов, поскольку они способны выполнять различные функции, такие как обмен валютой, управление рисками и автоматическое исполнение

условий сделки, что значительно упрощает взаимодействие сторон.

Кроме того, внедрение смарт-контрактов позволяет снизить стоимость сделок и время, необходимое для их обработки, что, несомненно, открывает новые горизонты для участников внешнеэкономической деятельности, позволяя им оптимизировать свои операции и находить конкурентные преимущества на международной арене. В итоге использование смарт-контрактов не только повышает скорость и эффективность сделок, но и создает более надежную среду для сотрудничества на глобальном уровне.

Рассматривая вопросы о применимом праве, представляется необходимо согласиться с мнением о том, что к ним можно использовать «существующую коллизионную методику, национальные или международные коллизионные нормы, поскольку противоречий между цифровыми и традиционными договорными отношениями не возникает» [12, с. 94]. Что касается применения норм российского законодательства о форме электронной сделки, то здесь следует учитывать, что в некоторых случаях довольно сложно определить применимое право, так как затруднительно определить место заключения сделки из-за особенностей системы блокчейн.

Тем не менее, в рамках рассматриваемых правоотношений целесообразно учитывать положения п. 2 ст. 434 ГК РФ, допускающие заключение договора в форме единого электронного документа, подписанного обеими сторонами. Это обосновано тем, что основным принципом российского международного частного права при выборе применимого права к договорам является принцип автономии воли сторон. В частности, при заключении трансграничной сделки с использованием смарт-контрактов стороны могут быть уверены, что их намерения будут четко зафиксированы, например, простым нажатием кнопки, подтверждающей их желание заключить договор. Такой подход не только учитывает современные реалии цифровой экономики, но и поддерживает гибкость и адаптивность правовых механизмов, применяемых в международной торговле [7, с. 17]. Как видится, использование электронных форм и технологий, таких как смарт-контракты, открывает новые горизонты для упрощения и ускорения процесса заключения трансграничных сделок, позволяя сторонам эффективно управлять своими обязательствами и рисками.

В случае, если такое волеизъявление отсутствует, то можно отталкиваться, к примеру, от типа транзакции – при торговле токенами или криптовалютами применение законодательства страны, где токены имеют наибольшее влияние (например, первоначальный выпуск токена). Если в сделке участвуют традиционные товары или услуги, к ним применяется соответствующее законодательство, учитывающее особенности формирования блокчейна.

В заключении хотелось бы отметить, что электронная форма сделки представляет собой процесс заключения и исполнения сделок, в котором используются электронные средства связи и технологии. На основе анализа электронной формы трансграничной сделки в контексте международного частного права можно сделать несколько ключевых выводов:

1. электронные сделки являются эффективным инструментом, который адаптируется к современным условиям глобальной торговли, обеспечивая быстрое и удобное взаимодействие между сторонами, находящимися в разных юрисдикциях.

2. вопросы применимого права становятся особенно актуальными в ситуациях, когда стороны используют разные правовые системы. Это подчеркивает необходимость четкого регулирования правил определения применимого права к электронным сделкам, в том числе выбора применимого права, что позволит избежать правовой неопределенности и коллизий.

3. важным аспектом гармонизации правовых норм в сфере электронных сделок становится роль международных и региональных соглашений. Данные инструменты способствуют формированию единой правовой базы, что в свою очередь позволяет повысить уровень правовой определенности и защиты сторон в трансграничной торговле.

Таким образом, дальнейшее развитие нормативно-правовой базы в сфере электронных сделок и адаптация норм международного частного права к новым технологическим реалиям необходимы для обеспечения стабильности, безопасности и предсказуемости трансграничных сделок в условиях динамично меняющегося рынка.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.08.2024).
2. Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (принята резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеи от 23 ноября 2005 года) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (дата обращения: 15.08.2024).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2024. – № 33 (Часть I). – Ст. 4933.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552; 2024. – № 33 (Часть I). – Ст. 4933.
5. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую,

вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 12. – Ст. 1224.

6. Асосков А.В. Основы коллизионного права. М.: М-Логос, 2017. 352 с.
7. Василевская, Л.Ю. Электронная форма сделок в условиях развития цифровых технологий: проблемы определения и толкования / Л.Ю. Василевская // Хозяйство и право. 2019. № 9(512). С. 15–30.
8. Зайнутдинова Е.В. Smart-контракт в гражданском праве: дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.03. Новосибирск, 2022. 238 с.
9. Зыкин И.С. Договор во внешнеэкономической деятельности. М.: Междунар. отношения, 1990. 221 с.
10. Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И.С. Зыкин, А.В. Асосков, А.Н. Жильцов. М.: Статут, 2021. 665 с.
11. Ловцов Д.А., Терентьева Л.В. Правовое регулирование международных коммерческих электронных контрактов. Технологические и правовые аспекты электронной подписи // Lex Russica. 2020. № 7 (164). С. 115–126.
12. Мажорина М.В. О коллизии права и «Неправа», реновации lex mercatoria, smart-контрактах и блокчейн-арбитраже // Lex Russica. 2019. № 7 (152). С. 93–107.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 10.

APPLICATION OF CONFLICT OF LAWS RULES OF INTERNATIONAL LAW TO CROSS-BORDER ELECTRONIC TRANSACTIONS

Brykina S.A.

Saratov State Law Academy

This article analyzes the electronic form of foreign economic transactions as an important tool of modern international business. The main attention is paid to the process of registration of such transactions in electronic form. The purpose of the study is to analyze the application of the current conflict of laws rules to cross-border electronic transactions. The methodological basis of the research includes general scientific methods of cognition, such as the dialectical method, generalization, theoretical and empirical approaches, as well as induction and deduction. In addition, special scientific

methodologies are used, including comparative-legal and formal-legal methods. As a result of the study, it is established that the use of electronic form of foreign economic transactions significantly accelerates the process of contract conclusion, reduces costs and minimizes the risks associated with incorrect execution of documents. The conclusion emphasizes that the electronic form of transaction is the process of conclusion and execution of transactions with the use of electronic means of communication and technology.

Keywords: form of transaction, cross-border transactions, electronic means, blockchain, conflict of laws rules.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SPS “ConsultantPlus” (date of access 01.08.2024).
2. UN Convention on the Use of Electronic Communications in International Contracts (adopted by General Assembly resolution 60/21 of 23 November 2005) // Official UN website. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (date of access: 15.08.2024).
3. Part One of the Civil Code of the Russian Federation dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301; 2024. – No. 33 (Part I). – Art. 4933.
4. Part Three of the Civil Code of the Russian Federation dated November 26, 2001 No. 146-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 49. – Art. 4552; 2024. – No. 33 (Part I). – Art. 4933.
5. Federal Law of March 18, 2019 No. 34-FZ «On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 12. – Art. 1224.
6. Asoskov A.V. Fundamentals of Conflict of Laws. Moscow: M-Logos, 2017. 352 p.
7. Vasilevskaya L. Yu. Electronic form of transactions in the context of the development of digital technologies: problems of definition and interpretation / L. Yu. Vasilevskaya // Business and Law. 2019. No. 9 (512). P. 15–30.
8. Zainutdinova E.V. Smart contract in civil law: diss. ... cand. jur. sciences: 12.00.03. Novosibirsk, 2022. 238 p.
9. Zykin I.S. Contract in foreign economic activity. Moscow: International relations, 1990. 221 p.
10. Commentary on Section VI «International private law» of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation (article by article) / ed. I.S. Zykin, A.V. Asoskov, A.N. Zhiltsov. Moscow: Statut, 2021. 665 p.
11. Lovtsov D.A., Terentyeva L.V. Legal regulation of international commercial electronic contracts. Technological and legal aspects of electronic signature // Lex Russica. 2020. No. 7 (164). P. 115–126.
12. Majorina M.V. On the conflict of law and «Wrong», renovation of lex mercatoria, smart contracts and blockchain arbitration // Lex Russica. 2019. No. 7 (152). P. 93–107.
13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2019 No. 24 «On the application of the norms of international private law by the courts of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2019. – No. 10.

Развитие практики правоприменения по делам о несостоятельности (банкротстве) жилищных накопительных кооперативов

Воскресенский Илья Николаевич,

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
экономический университет»
E-mail: iliya.voskresenskiy@yandex.ru

В статье автором выделяются проблемы, возникающие при производстве по делам о несостоятельности (банкротстве). В частности, рассматривается проблема прекращения обязанности по внесению взносов при банкротстве и ликвидации кооператива. Приводится анализ судебной практики по процессуальным вопросам, связанным с производством по делу о принудительной ликвидации жилищных накопительных кооперативов. Также рассматривается применения по аналогии норм о реестре требований участников строительства к делу о банкротстве жилищного накопительного кооператива. Банкротства и ликвидация кооперативов как юридических лиц является особым случаем, при котором требуется особенно тщательная защита прав добросовестных членов кооператива. Цель исследования – выявление особенностей производства по делам о банкротстве жилищных накопительных кооперативов, разработка предложений по применению при производстве по делу о несостоятельности (банкротстве) жилищного накопительного кооператива.

Ключевые слова: жилищный накопительный кооператив, дела о несостоятельности (банкротстве), банкротство, housing cooperative.

В настоящий момент, как и ранее, перед российским обществом и государством стоит задача наделения граждан достаточным количеством жилых помещений.

Определённый прогресс в данном направлении уже достигнут, так как количество жилых квадратных метров на человека является в настоящий момент рекордным, но всё же существенно отстаёт от развитых стран, таких как Канада, США и Австралия.

Исследователями предлагается два пути решения данного вопроса: введение стимулов со стороны государства либо посредством свободной рыночной экономики. Нестабильная ситуация на рынке недвижимости, вызванная значительным повышением ипотечных ставок, резким ростом цен на строящееся и вторичное жильё, отменой ряда льготных ипотечных программ обуславливает необходимость проработки иных механизмов удовлетворения жилищных потребностей населения. Один из возможных способов решения проблемы – увеличение количества жилищных накопительных кооперативов.

В свою очередь, увеличение количества жилищных накопительных кооперативов в отсутствие актуальных механизмов осуществления контроля за их деятельностью может повлечь за собой большее количество производства по делам о несостоятельности (банкротстве) в отношении такого типа организаций.

В настоящий момент особенности производства по делам о несостоятельности (банкротстве) жилищных накопительных кооперативов практически не освещены в научной литературе, но встречаются в судебной практике. Для большей эффективности работы юридических лиц такого типа члены жилищных накопительных кооперативов должны иметь чёткое понимание своих прав и гарантий, в том числе на случай банкротства кооператива.

В научной литературе кооперативы впервые встретились в трудах Роберта Оуэна и его ближайших соратников и последователей. Так, община в Лондоне не только теоретически разрабатывала жилищные кооперативы как юридические лица, но и создавала свои кооперативы, применяя их плюсы на практике.

В отечественной литературе упоминание кооперативов встречается в трудах М.И. Туган-Барановского, однако, анализируется в экономическом аспекте ввиду научной специальности автора.

В настоящее время в научных статьях по специальности «Частно-правовые (цивилистические)

дисциплины» жилищные, жилищно-строительные и жилищные накопительные кооперативы можно увидеть в работах Д.А. Формакидова.

Производство по делам о несостоятельности (банкротстве) было исследовано в дореволюционный период классиком отечественной цивилистической мысли Г.Ф. Шершеневичем.

В современный период имеется достаточно много научной и научно-практической литературы, посвященной вопросам несостоятельности (банкротства). Как особенно выдающихся исследователей в данной области хотелось бы выделить О.Р. Зайцева, Р.Т. Мифтахутдинова, С.А. Карелину.

При этом вопросы особенной производства по делам о банкротстве жилищных накопительных кооперативов цивилистикой в полной мере не осмыслены. Настоящая работа не претендует на то, чтоб полностью устранить данный пробел, но в рамках неё предполагается обозначить имеющуюся правовую проблему.

Деятельность жилищных накопительных кооперативов регулируется Федеральным законом от 30 декабря 2004 г. № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах» (далее по тексту – ФЗ № 215 «О ЖНК»).

Приказом Банка России от 09.01.2024 № ОД-2 осуществление контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации жилищными накопительными кооперативами возложено на Центр по надзору за микрофинансовыми институтами N 2 (г. Екатеринбург) в составе Уральского ГУ Банка России [7].

В соответствии с пунктом 7 части 1 статьи 9 ФЗ № 215 «О ЖНК» членство в кооперативе прекращается в случае ликвидации кооператива, в том числе в связи с его банкротством.

На основании части 2 статьи 9 ФЗ № 215 «О ЖНК» прекращение членства в кооперативе не освобождает члена кооператива от возникшей до подачи заявления о выходе из кооператива обязанности по внесению взносов, за исключением паевого взноса.

Полагаем, что в данной норме есть существенная неточность, так как освобождение от внесения взносов связано исключительно с заявлением самого члена кооператива и отсутствует оговорка для прекращения членства в императивном порядке: исключение члена из кооператива, смерть члена кооператива и ликвидация кооператива, в том числе в случае его банкротства. Данный недостаток отмечался в научной литературе [6], однако до сих пор не воспринят законодателем.

Автором предлагается корректировка части 2 статьи 9 ФЗ № 215 «О ЖНК» с внесением императивных случаев прекращения членства в жилищном накопительном кооперативе как юридических фактов, влекущих за собой прекращение обязанности по внесению взносов, за исключением паевого взноса.

Пунктом 8 части 5 статьи 21 ФЗ № 215 «О ЖНК» предусмотрено, что существенным фактом является возбуждение арбитражным судом в отношении

кооператива дела о принудительной ликвидации, банкротстве и (или) введении одной из процедур банкротства, а также результаты рассмотрения такого дела.

Стоит отметить крайне высокую долю возбужденных дел о банкротстве по отношению к общему количеству зарегистрированных жилищных накопительных кооперативов. Так, на момент написания настоящей работы с 2005 по 2024 год [5] были зарегистрированы 40 жилищных накопительных кооперативов. При этом, дела о банкротстве согласно открытым данным возбуждались в отношении 6 жилищных накопительных кооперативов: ЖНК «Наш дом» (г. Челябинск), ЖНК «Наш дом» (г. Тольятти), ЖНК «Мой дом», ЖНК «Водолей», ЖНК «Жилищный партнер» и ЖНК «Единство». То есть, производство по делам о банкротстве происходит в отношении 15% жилищных накопительных кооперативов, что является крайне высоким показателем для данного вида корпораций.

Стоит отдельно уделить внимание правовой природе процедуры конкурсного производства.

Конкурсное производство традиционно определяется как судебная процедура ликвидации юридического лица, применяемая к должнику, признанному банкротом решением арбитражного суда, осуществляемая под его контролем в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов [8; с. 53].

При этом социальная польза от института банкротства неоспорима – данные действия направлены на избавление экономики от неэффективных субъектов и их нерационального, а зачастую недобросовестного поведения в процессе деятельности.

Суть конкурсных отношений заключается в наличии множественных разнонаправленных интересов кредиторов и должника в условиях недостаточности средств последнего для удовлетворения требований первых. Наличие противоречивых интересов предполагает многоступенчатую и сложную систему контроля за процедурой банкротства.

Г.Ф. Шершеневич, говоря о судебном контроле, подчёркивает особый судебный контроль над попечителем (арбитражным управляющим), подобно тому, как суд надзирает над судебным приставом исполнителем [9; с. 324].

Законодательство о банкротстве не предусматривает особенностей производства по делу о несостоятельности (банкротстве) жилищного накопительного кооператива.

Показательным примером из практики является определение подведомственности суда, в котором должно вестись производство по делу о принудительной ликвидации жилищного накопительного кооператива. Так, в рамках дела № А81-1696/2008 Региональное отделение Федеральной службы по финансовым рынкам в Уральском федеральном округе обратилось в Арбитражный суд Ямало-Ненецкого автономного округа с заявлением о ликвидации жилищно-накопительного кооператива «ЯМАЛ».

Суды первых трёх инстанций прекратили производство по делу, так как жилищный накопительный кооператив является некоммерческой организацией, по этой причине спор о его принудительной ликвидации подлежит рассмотрению в суде общей юрисдикции. Полагаем, что данная позиция ошибочна и справедливо не была воспринята судебной практикой.

Постановлением Президиума ВАС РФ от 17.11.2009 № 9458/09 по делу № А81–1696/2008 судебные акты нижестоящих инстанций были отменены на основании системного толкования норм ФЗ № 215 «О ЖНК». Подпунктом 8 пункта 5 статьи 21 Закона о жилищных накопительных кооперативах определено, что существенным фактом в деятельности кооператива признается, в частности, возбуждение арбитражным судом в отношении кооператива дела о принудительной ликвидации. Пунктом 7 статьи 32 Закона установлено, что выплата действительной стоимости пая выбывшим членам кооператива или другим имеющим право на пай лицам прекращается со дня принятия решения о ликвидации кооператива общим собранием членов кооператива либо принятия арбитражным судом решения о ликвидации кооператива или признании его банкротом.

Данная практикообразующая позиция Президиума ВАС РФ транслируется судами в дальнейшем и отражена в Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.12.2012 по делу № А56–65328/2011, Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 31.01.2022 № 13АП-44566/2021 по делу № А56–108789/2021.

Стоит согласиться с устоявшейся судебной практикой, что дело о принудительной ликвидации или банкротстве жилищного накопительного кооператива должно быть рассмотрено именно арбитражным судом.

Интересный вывод получен Одиннадцатым арбитражным апелляционным судом в постановлении от 16.03.2021 № 11АП-1848/2021 по делу № А65–1704/2020.

Таким образом, жилищные накопительные кооперативы по существу представляют альтернативу правоотношениям, регулируемым Федеральным законом от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

В то же время, несмотря на сходство указанных правоотношений законодательством не установлены какие-либо специальные гарантии защиты прав и законных интересов граждан – членов жилищных накопительных кооперативов, а также не установлены какие-либо особенности банкротства кооперативов указанного вида.

При этом часть 6 статьи 3 ФЗ № 215 «О ЖНК» устанавливает запрет на договорные отношения с членами кооператива, в результате которых устанавливаются, изменяются или прекращаются граж-

данские права и обязанности, связанные с осуществлением деятельности кооператива по привлечению и использованию денежных средств граждан на приобретение жилых помещений.

Несмотря на выводы об отсутствии гарантий защиты членов жилищного накопительного кооператива судами первой и апелляционной инстанции было решено, что допустимо применение действия закона по аналогии и защита прав членов кооператива посредством применения правил параграфа 7 главы IX Закона о банкротстве.

С учётом меньшей защищённости членов кооператива как слабой стороны по сравнению с самим жилищным накопительным кооперативом данный подход судебной практики допустим.

Однако, с учётом спорности данного конкретного случая применения закона по аналогии (применение нормы, регуливающей договорные отношения к корпоративным отношениям) не гарантирует такого же применения в дальнейшем. Данный подход в полной мере не отвечает принципу правовой определённости.

Для надлежащей защиты членов жилищного накопительного кооператива при банкротстве данного кооператива полагаем необходимым закрепить на уровне Постановления Пленума ВС РФ возможность применения к жилищным накопительным кооперативам норм о банкротстве застройщика.

В рамках дела о несостоятельности жилищного накопительного кооператива «Единство» А75–7662/2018 рассматривался вопрос о необходимости субординации требований пайщика о выплате действительной стоимости пая и удовлетворении их в порядке, предшествующем ликвидационной квоте.

Так, суд первой инстанции, получив возражения иных кредиторов, применил к требованиям Журавлёвой С.В. о выплате действительной стоимости пая норму абзацев 5 и 9 пункта 1 статьи 63 Закона о банкротстве о понижении требований учредителя должника и удовлетворении иных после требований кредиторов, включённых в реестр требований кредиторов. Суд апелляционной инстанции отменил определение суда первой инстанции, включил указанное требование в реестр требований кредиторов ЖНК «Единство» с отнесением в третью очередь реестра.

Западно-Сибирская кассация согласилась с выводами нижестоящих судов по данному делу. Установлено, что Журавлёвой С.В. было направлено и оставлено без ответа требование о добровольном выходе из состава членов ЖНК «Единство». Решением Радужнинского городского суда от 13.12.2018 членство Журавлёвой С.В. было прекращено. Таким образом, заявитель лишился статуса учредителя должника и стал кредитором на основании гражданско-правового обязательства.

При этом судом было установлено, что наделение бывшего пайщика статусом кредитора по обязательству гражданско-правового характера связано с участием Журавлёвой С.В. как пайщика не в рамках деятельности кооператива вообще,

а в рамках конкретной программы кооператива – получение жилого помещения – и невыполнения данной программы кооперативом.

Полагаем, что данный вывод суда кассационной инстанции корректен и может быть использован в аналогичных спорах.

В качестве вывода хотелось бы отметить, что поднимаемая в настоящей работе проблема недостаточно точно определена действующим законодательством и судебной практикой.

Так, законодательство не содержит нормы о прекращении обязанности по внесению взносов членом жилищного накопительного кооператива при банкротстве и ликвидации ЖНК. Также не определён достаточным образом вопрос применения норм о банкротстве застройщиков к делу о банкротстве жилищного накопительного кооператива.

Дальнейшее научное исследование особенностей производства по делам о банкротстве жилищных накопительных кооперативов необходимо для решения проблем, встречающихся в судебной практике.

Литература

1. Росстат – жилищные условия. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (дата обращения 10.08.2024)
2. Жители каких стран обеспечены жильем, а каких – нет: рейтинг 2022 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://internationalinvestment.biz/real-estate/2846-obespechennost-zhilem-po-stranam-mira-v-2022.html> (дата обращения 09.08.2024)
3. Туган-Барановский М.И. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 720 с.
4. Economist. 27 January 1821.
5. Реестр жилищных накопительных кооперативов. [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/registries/?CF.Search=кооперативов&CF.TagId=&CF.Date.Time=Any&CF.Date.DateFrom=&CF.Date.DateTo=> (дата обращения: 04.08.2024).
6. Бирюкова (Цисс) Т.А., Марченко Ю.А. Комментарий к Федеральному закону от 30.12.2004 № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс.
7. «Вестник Банка России», № 1, 11.01.2024. // СПС КонсультантПлюс.
8. Банкротство хозяйствующих субъектов: учебник для бакалавров / Я.О. Алимова, Н.Н. Викторова, С.С. Галкин, Р.Т. Мифтахутдинов и др.; отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова. Москва: Проспект, 2016. 336 с.
9. Г.Ф. Шершеневич, Конкурсный процесс. 3-е изд. Москва: Статут, 2021. 477 с.
10. Скловский К.И. Применение права и принцип добросовестности. Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 2. С. 94–118.

11. Сулова С.И., Формакидов Д.А. Аналогия закона при разрешении жилищных споров // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 1. С. 88–111.

12. Формакидов Д.А. Жилищные, жилищно-строительные и жилищные накопительные кооперативы: сравнительно-правовая характеристика и недопустимость смешения понятий // Семейное и жилищное право. 2023. № 4. С. 35–37.

DEVELOPMENT OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN CASES OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF HOUSING SAVINGS COOPERATIVES

Voskresenskiy I.N.

Saint Petersburg State University of Economics

In this article, the author highlights the problems that arise in insolvency (bankruptcy) proceedings. In particular, the problem of terminating the obligation to make contributions in the event of bankruptcy and liquidation of a cooperative is considered. The article analyzes court practice on procedural issues related to proceedings on the forced liquidation of housing savings cooperatives. The application by analogy of the rules on the register of claims of construction participants to the bankruptcy case of a housing savings cooperative is also considered.

The bankruptcy and liquidation of cooperatives as legal entities is a special case in which particularly careful protection of the rights of bona fide cooperative members is required.

The purpose of the study is to identify the features of bankruptcy proceedings of housing savings cooperatives, to develop proposals for application in proceedings on the insolvency (bankruptcy) of a housing savings cooperative.

Keywords: housing savings cooperative, insolvency (bankruptcy) cases, bankruptcy, housing cooperative.

References

1. Rosstat – housing conditions. [Electronic resource]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/zhilishhnye_usloviya (date of access 10.08.2024)
2. Residents of which countries are provided with housing, and which are not: 2022 rating. [Electronic resource]. URL: <https://internationalinvestment.biz/real-estate/2846-obespechennost-zhilem-po-stranam-mira-v-2022.html> (date of access 09.08.2024)
3. Tugan-Baranovsky M.I. Selected. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2010. 720 p.
4. Economist. 27 January 1821.
5. Register of housing savings cooperatives. [Electronic resource]. URL: <https://cbr.ru/registries/?CF.Search=кооперативов&CF.TagId=&CF.Date.Time=Any&CF.Date.DateFrom=&CF.Date.DateTo=> (date accessed: 04.08.2024).
6. Biryukova (Tsiss) T.A., Marchenko Yu.A. Commentary on the Federal Law of 30.12.2004 No. 215-FZ “On Housing Savings Cooperatives” (article-by-article) // SPS ConsultantPlus.
7. “Bulletin of the Bank of Russia”, No. 1, 11.01.2024. // SPS ConsultantPlus.
8. Bankruptcy of business entities: a textbook for bachelors / Ya.O. Alimova, N.N. Viktorova, S.S. Galkin, R.T. Miftakhutdinov et al.; ed. I.V. Ershova, E.E. Enkova. Moscow: Prospect, 2016. 336 p.
9. G.F. Shershenevich, Competitive Process. 3rd ed. Moscow: Statut, 2021. 477 p.
10. Sklovsky K.I. Application of Law and the Principle of Good Faith. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. No. 2. pp. 94–118.
11. Suslova S.I., Formakidov D.A. Analogy of Law in Resolving Housing Disputes // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2024. No. 1. pp. 88–111.
12. Formakidov D.A. Housing, housing construction and housing savings cooperatives: comparative legal characteristics and inadmissibility of mixing concepts // Family and housing law. 2023. No. 4. P. 35–37.

Гасников Никита Игоревич,

аспирант, кафедра гражданского и корпоративного права,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет
E-mail: nigasnikov@gmail.com

Целью исследования стали выработка понимания законной платежной силы и формирование перечня платежных средств, обладающих указанным свойством, поскольку до настоящего момента в российской цивилистической доктрине не достигнуто единое представление о перечне законных платежных средств. Автор приходит к выводу, что свойство законной платежной силы выражается в способности быть предметом надлежащего исполнения денежного обязательства, предложение которого освобождает должника от просрочки, а отказ кредитора от его принятия приводит к просрочке последнего. При этом автор обращает внимание, что не все деньги с точки зрения российского гражданского права обладают исследуемым свойством. На основе анализа положений законодательства и доктрины гражданского права автор приходит к выводу, что свойством законной платежной силы в российском гражданском праве обладают только деньги, выраженные в рублях.

Ключевые слова: законная платежная сила, законное платежное средство, деньги, наличные деньги, безналичные денежные средства, цифровой рубль.

Введение

В 2023 году перечень поименованных объектов гражданских прав был дополнен цифровым рублем. Выпуск цифровой российской валюты по замыслу Центрального Банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ), являющегося инициатором введения цифровой формы рубля в гражданский оборот, позиционируется как создание дополнительной цифровой разновидности рубля, которая будет дополнять существующие наличные деньги и безналичные денежные средства и предоставит гражданам, бизнесу, учреждениям финансового рынка и государству различные преимущества в сравнении с классическими платежными инструментами [1].

Следует отметить, что цифровой рубль является новым инструментом платежа, который, с одной стороны, определен в ст. 128 ГК РФ в качестве вида безналичных денежных средств, которые рассматриваются частью исследователей как не обладающие законной платежной силой, а с другой стороны цифровой рубль выпускается ЦБ РФ, как и наличные деньги, признание свойства законной платежной силы которых является точкой совпадения позиций всех исследователей.

Вопрос о квалификации цифрового рубля в качестве законного платежного средства не разрешен в законодательстве и находит различное отражение в работах исследователей. Подходы одних авторов к понятию денег как объекта гражданских прав, например Е.А. Суханова, в принципе исключают возможность рассмотрения цифрового рубля в качестве денег и законного средства платежа [2]. В работах других исследователей содержатся выводы, что цифровой рубль представляет собой законное платежное средство или обладает всеми характерными правовыми признаками такового [3, с. 62], [4, с. 60].

Изложенное показывает, что появление в ГК РФ цифрового рубля как самостоятельного объекта гражданских прав и нового платежного средства придает дополнительную актуальность исследованию вопроса о том, все ли виды (формы) денег обладают свойством законной платежной силы.

Законная платежная сила как свойство денег

Законной платежной силой является такое свойство денег, в силу наличия которого на них распространяется правовой режим законного платежного средства.

Одним из первых в отечественной науке гражданского права вопрос о правовой сущности законного средства платежа исследовал Л.А. Лунц,

который указывал, что она заключается в признании публичной властью, что существующие долги могут погашаться денежными знаками, эмиссию которых осуществляют уполномоченные органы государственной власти [5, с. 31]. Значение этой характеристики денег в понимании Л.А. Лунца состоит в том, что законное платежное средство способно осуществить собой замену иного предмета долга, когда его предоставление стало невозможным при отсутствии оснований для освобождения должника от исполнения соответствующей обязанности, а денежный знак, обладающий платежной силой на основании закона, является предметом любого денежного обязательства, за исключением случаев, когда в силу условий обязательства платеж должен быть совершен с помощью какого-либо специального вида денег, в свою очередь, кредитор по денежному обязательству, которое может быть погашено путем уплаты денег, в случае отказа от принятия законного платежного средства считается просрочившим [5, с. 50–52].

Впоследствии Л.А. Лунц уточнил свое понимание законного платежного средства и указал, что оно является разновидностью денег, передача которой является надлежащим исполнением только денежного обязательства, в которое в свою очередь может быть преобразовано любое иное обязательство в силу закона или соглашения сторон [5, с. 276]. В качестве примеров таких преобразований в современном российском гражданском праве могут рассматриваться, например, соглашение об отступном в виде уплаты денежных средств (ст. 409 ГК РФ), а также возмещение убытков и уплата неустойки в случае неисполнения обязательства, которые по общему правилу освобождают должника от исполнения обязательства в натуре (п. 2 ст. 396 ГК РФ).

Современные исследователи также отмечают, что объемы понятий денег и законного платежного средства не совпадают, например, Е.Н. Абрамова указывает, что определенный товар следует признавать деньгами, если он способен выполнять функции денег (средство платежа, накопления и мера стоимости), хотя при этом он может и не являться законным средством платежа, которое представляет собой особый правовой режим, распространяющийся по общему правилу на соответствующие наличные и безналичные средства [6, с. 9–10].

Представляется, что нормативное подтверждение указанного соотношения понятий деньги и законное средство платежа следует из положений ст. 140 ГК РФ, поскольку нормы указанной статьи, поименованной «Деньги(валюта)», указывают и на совокупность денег, на которые распространяется правовой режим законного платежного средства – деньги, выраженные в рублях, и на иные деньги – иностранную валюту, применение которой сопряжено с необходимостью соблюдения соответствующих ограничений, закрепленных специальным валютным законодательством.

Пункт 1 ст. 140 ГК РФ указывает, что законным платежным средством является рубль. Закон

определяет правовой режим законного платежного средства закон через установление обязательности приема по нарицательной стоимости на всей территории государства. В свою очередь ст. 29 закона о ЦБ РФ устанавливает, что банкноты (банковские билеты) и монета, выпуск которых осуществляет ЦБ РФ, являются единственным законным средством наличного платежа на территории Российской Федерации.

Именно системное толкование указанных положений стало основой для дискуссии о наличии у тех или иных платежных средств свойства законной платежной силы. Эта дискуссия в значительной степени развивалась в период действия ранней редакции ГК РФ, в которой место безналичных денежных средств в системе объектов гражданских прав не было определено однозначно. При этом, как справедливо обращает внимание С.В. Будылин, последующие изменения норм ГК РФ не дали полной ясности ни по вопросу принадлежности безналичных денег к деньгам, ни по вопросу наличия у них свойства законной платежной силы [7, с. 153–154].

Первая позиция ранее указанной дискуссии заключается в том, что только наличные деньги, эмитированные ЦБ РФ, обладают свойством законной платежной силы. Сторонником этого подхода является Л.А. Новоселова, которая приходит к указанному выводу на основании взаимосвязанного толкования норм ст. 140, 861 ГК РФ и закона о ЦБ, а в отношении иных разнообразных средств, исполняющих функции денег, указывает, что они могут приниматься в оплату только на добровольных договорных началах [8]. М.Л. Башкатов придерживается аналогичного подхода и полагает, что безналичные денежные средства вообще не являются деньгами в юридическом смысле, а указание на законное средство «наличного платежа» представляет собой лишь терминологическую неточность законодателя [9], [10].

Иные исследователи полагают, что первая позиция игнорирует то обстоятельство, что объектом регулирования обсуждаемых норм закона о ЦБ РФ являются только отношения, возникающие при осуществлении наличных расчетов, что само по себе не исключает возможность распространения на безналичные денежные средства правового режима законного платежного средства. Л.Г. Ефимова обращает внимание, что в самом тексте ст. 140 ГК РФ содержится указание на осуществление платежей в том числе в форме безналичных платежей, а также, что в отдельных положениях ГК РФ, содержится указание на частные случаи надлежащего исполнения денежных обязательств путем перечисления безналичных денежных средств, что позволяет сделать вывод, что правовой режим законного платежного средства распространяется на рубли, выраженные в разных формах (наличной и безналичной) [11, с. 39].

Таким образом, рассмотренные существующие доктринальные подходы свидетельствуют об отсутствии в науке гражданского права еди-

ного взгляда на определение перечня платежных средств, обладающих законной платежной силой.

При этом представляется, что в рамках настоящей работы могут быть приведены дополнительные доводы, свидетельствующие в пользу обоснованности второй позиции, согласно которой правовой режим законного платежного средства распространяется на все разновидности денег, выраженные в рублях.

Из системного толкования названия ст. 140 ГК РФ («Деньги (валюта)») и включенных в нее положений следует, что понятие денег неразрывно связано с понятием рубля, который обозначен в качестве законного платежного средства.

В этом отношении деньги, выраженные в рублях, следует рассматривать в качестве единой категории, все элементы которой обладают свойством законной платежной силы, но находят внешнее выражение в различных явлениях: наличные деньги (монеты и банкноты с определенной эмитентом номинальной стоимостью, выраженной в рублях), безналичные денежные средства (которые фактически представляют собой документы коммерческих банков о принадлежности лицу определенного количества рублей в виде соответствующих записей, оформляющих ведение банковских счетов) или цифровые рубли, информация о принадлежности которых содержится на платформе цифрового рубля, обслуживание которой осуществляет ЦБ РФ.

К каждому из указанных видов денег применимы соответствующие способы расчетов, которые позволяют выделить особенности правового режима каждого конкретного законного платежного средства. Расчеты наличными денежными средствами осуществляются путем их физической передачи от должника кредитору. Безналичные расчеты осуществляются в формах, определенных ст. 862 ГК РФ, и предполагают списание средств со счета должника и дальнейшей зачисление на счет кредитора через систему коммерческих банков. Формы расчетов цифровыми рублями определяются законом о национальной платежной системе и выражаются в совершении операций между счетами пользователей платформы цифрового рубля. Таким образом, правовой режим каждого конкретного законного платежного средства состоит из двух элементов: общим для них является выраженность в рублях, а особенным – применимый порядок расчетов.

В свою очередь ст. 27 закона о ЦБ РФ расположена в Главе IV «Организация наличного денежного обращения», что позволяет признать обоснованной позицию, что входящие в нее нормы направлены на регулирование именно отношений по поводу наличных расчетов. При этом в РФ действует специальный закон «О национальной платежной системе», к предмету регулирования которого отнесены порядок оказания платежных услуг, в том числе осуществление переводов денежных средств, то есть правовое регулирование отношений, возникающих при организации безналичного

денежного обращения, выражающегося в расчетах безналичными денежными средствами и цифровыми рублями.

Также необходимо обратить внимание, что в настоящее время наличные платежи доступны без ограничений только для части участников гражданского оборота (граждан). Это относится к расчетам по сделкам, которые квалифицируются в качестве не связанных предпринимательской деятельностью (ст. 862 ГК РФ). Для иных участников оборота закон устанавливает ограничения для наличных расчетов. Указанное обстоятельство вынуждает прийти к выводу, что если только на наличные деньги распространяется правовой режим законного средства платежа, обязательного для приема всяким участником оборота в погашение денежного обязательства, то в случае отсутствия в договоре условия о расчетах в безналичной форме, в соответствии с которым должна быть переведена сумма, превышающая упомянутые ограничения, отказ, например, от предоставления реквизитов для перечисления безналичных денежных средств, не приведет к просрочке кредитора в ситуации отсутствия у должника иного способа исполнения обязательства. Указанное является дополнительным доводом в пользу обоснованности распространения на все деньги, выраженные в рублях, правового режима законного средства платежа вне зависимости от формы закрепления информации об их принадлежности конкретному лицу.

При этом абз. 2 п. 1 ст. 140 ГК РФ указывает, что платежи на территории России могут быть осуществлены в форме наличных и безналичных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями. В указанной норме для всех перечисленных способов расчетов использован именно термин платеж, который с учетом структуры нормативного материала не должен рассматриваться в отрыве от понятия законного платежного средства, содержащегося в абз. 1 п. 1 ст. 140 ГК РФ. При этом законодательство не содержит положений, что платежи в различных формах имеют различные правовые последствия с точки зрения динамики денежных обязательств. Из этого можно сделать вывод, что юридическое значение платежа вне зависимости от его формы является единым – надлежащее исполнение обязательства денежного характера.

Заключение

Таким образом, свойство законной платежной силы выражается в закреплении государством за средством платежа способности быть предметом надлежащего исполнения денежного обязательства, что составляет правовой режим законного средства платежа. Анализ нормативных положений российского законодательства позволяет заключить, что деньги подлежат разделению на две категории: обладающие свойством законной платежной силы и не обладающие таковой. Первая категория объединяет в себе деньги, выраженные в российской

национальной валюте – рубле. Вторая категория включает в себя иностранные валюты. При этом все деньги, относящиеся к первой категории, вне зависимости от внешней формы их выражения (наличные деньги, безналичные денежные средства, цифровые рубли), обладают свойством законной платежной силы в равной мере. Соответственно, на все виды денег, выраженные в рублях, распространяется правовой режим законного платежного средства. Передача соответствующей суммы денег вне зависимости от формы расчетов будет надлежащим исполнением денежного обязательства, отказ от принятия которого приведет к просрочке кредитора. Однако необходимо отметить, что правовой режим законного платежного средства применительно к конкретному виду денег приобретает специфику, связанную с соответствующим специальным порядком расчетов.

Литература

1. Цифровой рубль [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cbr.ru/fintech/dr/>.
2. Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // СПС «Консультант Плюс».
3. Турбанов, А.В. Цифровой рубль как законное платежное средство / А.В. Турбанов // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 1. С. 56–65.
4. Будаева В.М. Правовая характеристика законных платежных средств / В.М. Будаева // Экономика. Право. Общество. 2023. № 4. С. 55–60.
5. Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве / Л.А. Лунц. – Москва: Статут, 2004. – 350 с..
6. Правовое регулирование цифровых денег: монография / Е.Н. Абрамова, Е.М. Андреева, А.Ю. Брагинец и др.. под ред. Е.Н. Абрамовой. – Москва: Юстицинформ, 2022. – 236 с.
7. Будылин С.Л. Деньги: экономическая функция и правовая природа / С.Л. Будылин. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 121–164.
8. Новоселова Л.А. Проценты по денежным обязательствам. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2003 // СПС «Консультант Плюс».
9. Башкатов М.Л. Эволюция цивилистического понятия денег в современном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М. 2023. [Электронный ресурс] // URL: <https://dissovet.msu.ru/download/cbfcceb0a-4bc9-11ee-8b36-005056b96f20>.
10. Башкатов М.Л. Догматическая конструкция законного средства платежа // СПС «Консультант Плюс».
11. Ефимова Л. Правовые проблемы безналичных денег // Хозяйство и право. 1997. № 2. С. 39–49.

LEGAL TENDER AS A FEATURE OF MONEY DENOMINATED IN RUBLES

Gasnikov N.I.

St. Petersburg State University of Economics

The purpose of the study was to develop an understanding of the legal tender and the formation of a list of means of payment with this property, since until now a unified understanding of the list of legal means of payment has not been achieved in the Russian civil doctrine. The author concludes that the property of legal tender is expressed in the ability to be the subject of proper performance of a monetary obligation, the offer of which releases the debtor from delay, and the creditor's refusal to accept it leads to the delay of the latter. At the same time, the author draws attention to the fact that not all money from the point of view of Russian civil law has the property under study. Based on the analysis of the provisions of legislation and the doctrine of civil law, the author concludes that only money denominated in rubles has the property of legal tender in Russian civil law.

Keywords: buying power, legal tender, money, cash, non-cash funds, digital ruble.

References

1. Digital ruble [Electronic resource] // URL: <https://www.cbr.ru/fintech/dr/>.
2. Sukhanov E.A. On the civil-legal nature of “digital property” // SPS “Consultant Plus”.
3. Turbanov, A.V. Digital ruble as legal tender / A.V. Turbanov // Actual problems of Russian law. 2024. No. 1. P. 56–65.
4. Budaeva V.M. Legal characteristics of legal tender / V.M. Budaeva // Economy. Law. Society. 2023. No. 4. P. 55–60.
5. Lunts L.A. Money and monetary obligations in civil law / L.A. Lunts. – Moscow: Statut, 2004. – 350 p..
6. Legal regulation of digital money: monograph / E.N. Abramova, E.M. Andreeva, A. Yu. Braginets et al.. edited by E.N. Abramova. – Moscow: Yustitsinform, 2022. – 236 p.
7. Budylin S.L. Money: economic function and legal nature / S.L. Budylin. // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. No. 7. Pp. 121–164.
8. Novoselova L.A. Interest on monetary obligations. 2nd ed., corrected. and additional. Moscow: Statut, 2003 // SPS “Consultant Plus”.
9. Bashkatov M.L. Evolution of the civilistic concept of money in modern law: dis. ... Cand. of Law. – M. 2023. [Electronic resource] // URL: <https://dissovet.msu.ru/download/cbfcceb0a-4bc9-11ee-8b36-005056b96f20>.
10. Bashkatov M.L. Dogmatic construction of legal tender // SPS “Consultant Plus”.
11. Efimova L. Legal problems of non-cash money // Business and Law. 1997. No. 2. P. 39–49.

Правовое положение бывших членов семьи собственника жилого помещения

Золотовская Елена Анатольевна,

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин института права, ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
E-mail: elena-zlato@rambler.ru

Несмотря на стремление законодателя всесторонне регламентировать жилищные правоотношения, многие моменты до сих пор вызывают вопросы. Особое внимание здесь заслуживают члены семьи собственника жилого помещения, ведь зачастую именно семейные конфликты приводят к тому, что возникает судебный спор по поводу жилья, при этом ситуация усугубляется, когда речь заходит о бывших членах семьи собственника жилого помещения.

Целью данного исследования является анализ правового положения бывших членов семьи собственника жилого помещения. В статье проведен анализ норм законодательства, регулирующих отношения, возникающие в результате прекращения семейных отношений и позиции судов на данные споры. Особое внимание уделяется основным актуальным проблемам правового регулирования процедуры признания бывшего члена семьи утратившим право пользования жилым помещением.

Ключевые слова: жилое помещение, собственник жилого помещения, бывшие родственники, член семьи, признание бывшим членом семьи, право пользования жилым помещением.

В любом цивилизованном обществе гражданин имеет свое жилье (дом, квартира, комната в общежитие и т.д.). Действительно, в современном мире трудно представить благополучного человека без жилого помещения. Жилье стало неотъемлемой частью повседневной жизни каждого. Даже сейчас, обращаясь к прошлому, можно понять, что без жилища человек в принципе не сможет жить. Поэтому как на международном, так и на национальных уровнях, закреплено право каждого на жилье. Конституция Российской Федерации также закрепляет указанное право, однако вместе с тем государство предоставляет своим гражданам возможность на свое усмотрение, но в рамках действующего законодательства, владеть, пользоваться и распоряжаться собственным жилым помещением. Такое обстоятельство обусловило то, что жилищные правоотношения стали неотъемлемой частью жизни каждого человека.

Спецификой жилищно-правового регулирования является сбалансированное сочетание в нем регулятивной и охранительной функций [1, с. 447]. Несмотря на попытки законодателя регламентировать указанный вид общественных отношений многие моменты до сих пор вызывают вопросы. Особое внимание здесь заслуживают члены семьи собственника жилого помещения, ведь зачастую именно семейные конфликты приводят к тому, что возникает судебный спор по поводу жилья. При этом ситуация усугубляется, когда речь заходит о бывших членах семьи собственника жилого помещения.

Правовое положение бывших членов семьи собственника жилого помещения является важной темой, которая заслуживает внимания и объективного рассмотрения. В ряде случаев, когда семья распадается или происходят изменения в отношениях между членами семьи, возникает вопрос о правах и интересах бывших членов семьи, особенно тех, кто проживает в жилом помещении, принадлежащем одному из супругов или родителей.

Во многих странах существуют законодательные нормы, которые регулируют это положение и устанавливают определенные права и обязанности для бывших членов семьи. В таких случаях применяются семейное и жилищное законодательство, которые определяют правовые механизмы и процедуры, позволяющие решить возникающие споры и вопросы.

Но для анализа правового статуса бывших членов семьи собственника жилого помещения для начала необходимо установить, кем они являются.

Ни гражданское, ни семейное законодательство не отражает конкретные критерии, по кото-

рым можно отнести тех или иных лиц к членам семьи в принципе. В СК РФ и вовсе не дано определение понятию «семья». Кроме того, понятие «член семьи» встречается и в иных нормативных актах, но зачастую толкуется по-разному.

Между тем законодатель в п. 1 ст. 31 ЖК РФ попытался дать определение понятию «члены семьи собственника жилого помещения». Так, «к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи» [2]. Как можно заметить, в приведенной выше дефиниции используется термин «член семьи» для образования другого понятия, но отсутствует его раскрытие. При этом прослеживается четкое разграничение между членами семьи собственника жилого помещения. Если для супруга, детей и родителей собственника достаточно факта совместного проживания, то для других родственников установлен иной критерий – они должны быть вселены непосредственно собственником в качестве членов семьи. Интересным представляется то, что жилищное законодательство не устанавливает в качестве обязательного требования ведение общего хозяйства для признания лица членом семьи.

Обращая внимание на проблемный аспект правового статуса членов семьи собственника жилого помещения, стоит подчеркнуть, что в действующем законодательстве также предусмотрено понятие «бывшие члены семьи собственника жилого помещения». При этом ни гражданское, ни семейное законодательство никак не регламентирует правовой статус бывших членов семьи собственника жилого помещения. Соответствующие нормы закреплены исключительно в ЖК РФ, однако легальная дефиниция в нем отсутствует. Следует обратиться к п. 13 Постановления № 14, в котором указано, что «к бывшим членам семьи собственника жилого помещения относятся лица, с которыми у собственника прекращены семейные отношения» [3]. Исходя из изложенного, можно констатировать, что утрата семейно-правовой связи с собственником жилого помещения является ключевым элементом, влияющим на признание лица бывшим членом семьи.

Законодатель предусматривает несколько способов утраты семейно-правовой связи, в связи с чем основания приобретения правового статуса бывшего члена семьи собственника жилого помещения предлагается дифференцировать на четыре группы.

К первой следует отнести нормы, закрепленные в ст. 16 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) и касающиеся прекращения брачных отношений в целом. Так брак может быть прекращен как путем его расторжения, так и по причине смерти

одного из супругов или признания его умершим, а также в случае, если сведения об изменении пола одним из супругов были внесены в запись актов гражданского состояния [4].

Вторая включает положения, регулирующие институт недействительности брака. Они представлены в ст. 27 СК РФ: брак признается недействительным, если нарушены условия заключения брака; возраст лиц, желающих вступить в брак, не соответствует установленному законом; существуют обстоятельства, препятствующие заключению брака.

К третьей – нормы, регламентирующие прекращение родства. Согласно ст. 47 СК РФ происхождение детей, в установленном порядке, является основанием для возникновения прав и обязанностей, как у родителей, так и у детей [4]. По смыслу приведенной нормы можно утверждать, что семейные отношения прекращаются только в случае, если статус родителя оспорен в судебном порядке. В остальных случаях семейные отношения между родителем и ребенком продолжают сохраняться. Однако это распространяется исключительно на детско-родительские отношения, тогда как государственная регистрация родства в отношении брата, сестры, бабушек, дедушек и иных членов семьи не предусмотрена в силу признания их состояния в родственных связях.

Четвертая и последняя группа – прекращение опеки (попечительства), отмена усыновления и расторжение договора о приемной семье. Они регламентированы гл. 19, 20 и 21 СК РФ. Как вытекает из положений, ребенок, подпадающий под один из перечисленных статусов и вселенный в жилое помещение, но в последующем теряющий данный статус, утрачивает право пользования жилым помещением в силу прекращения взаимных прав и обязанностей [4].

Отдельно следует отметить абзац 2 п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14, в котором приведены определенные обстоятельства (отказ от ведения общего хозяйства иных лиц с собственником жилого помещения, отсутствие у них с собственником общего бюджета, общих предметов быта, неоказание взаимной поддержки друг другу, выезд в другое место жительства и т.п.), которые могут являться свидетельством указывающие на прекращение семейных отношений с собственником жилого помещения, однако само по себе каждое из обстоятельств не может выступать в качестве доказательства утраты семейно-правовой связи. Поэтому Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) указывает на необходимость судам оценивать подобные обстоятельства исключительно в совокупности.

Помимо прочего ВС РФ под прекращением семейных отношений между супругами понимает «расторжение брака в органах записи актов гражданского состояния, в суде, признание брака недействительным» [3]. Как можно понять, ВС РФ акцентирует внимание на семейных отношениях

между супругами, т.к. зачастую жилищные споры происходят между ними, поэтому такая интерпретация является вполне уместной.

Интересным представляется классификация бывших членов семьи собственника жилого помещения, предложенная Т.П. Строгоновой. В качестве основания для классификации она берет особенности их правового статуса.

1. Бывшие члены семьи собственника, пользующиеся жилым помещением на основании соглашения между ними и собственником.

Действующее жилищное законодательство предусматривает возможность заключения соглашения между собственником и бывшими членами семьи, в котором будут прописаны права, обязанности и ответственность сторон. Указываются срок и цена за пользование жилым помещением. Форма соглашения – письменная или устная. Порядок заключения такого соглашения регулируется нормами гражданского законодательства.

2. Бывшие члены семьи собственника, пользующиеся жилым помещением на основании судебного решения.

В случае неурегулирования отношений между бывшим членом семьи и собственником жилого помещения посредством договорной основы суд имеет право сохранить право пользования за первым, но только при условии, что у него отсутствует иное жилье и право пользования иным жилым помещением, либо в силу имущественного положения не имеет возможности обеспечить себя жилым помещением. Срок пользования жилым помещением собственника бывшим членом его семьи суд определяет сам в зависимости от конкретных обстоятельств дела, при этом срок может быть продлен.

3. Бывшие члены семьи собственника, обладающие привилегированным статусом (несовершеннолетние дети) [5, с. 53].

Из обзора судебной практики за третий квартал 2005 г. следует, что ребенок может признаваться бывшим членом семьи, если он проживает с одним из родителей, который не имеет в собственности жилья. При таких обстоятельствах ребенок подлежит выселению вместе с бывшим супругом [6]. Между тем в 2007 г. ВС РФ все же признал указанное положение недействительным, отметив, что расторжение брака не является основанием для лишения ребенка прав на пользование жилым помещением одного из родителей, т.к. права ребенка сохраняются и после расторжения брака [7]. Исходя из этого, выселение ребенка из жилого помещения одного из родителей при расторжении брака будет являться нарушением его прав.

4. Последнюю группу составляют бывшие члены семьи собственника, которые в момент приватизации имели равные с собственником права пользования жилым помещением, но отказались от приватизации в пользу собственника.

Как можно заметить, в данную классификацию автор не включает отношения усыновителей и усыновленных, т.к. по мнению Т.П. Строгоновой, при отсутствии должной регламентации такой вопрос

должен решаться путем аналогии закона, а именно применением норм, регулирующих жилищные правоотношения между детьми и их родителями-собственниками жилого помещения [5, с. 58].

Бывший член семьи с получением соответствующего правового статуса по общему правилу теряет право пользоваться жилым помещением собственника, поэтому он обязуется его освободить, если соглашением не предусмотрено иное. Однако в практике известны случаи, когда лицо, несмотря на свой статус «бывшего члена семьи», отказывается добровольно покинуть жилое помещение. При такой ситуации собственнику остается только обратиться в суд с требованием о признании ответчика утратившим право пользования жилым помещением и дальнейшем выселении.

В целом, права, обязанности и ответственность бывших членов семьи собственника жилого помещения, имеющих право на дальнейшее проживание в жилом помещении, практически аналогичны тем, которые имеют члены семьи собственника. Однако, эти права подвержены определенным условиям и ограничениям. Например, бывшие члены семьи могут сохранить право на проживание в жилом помещении только до определенного срока или до наступления определенных обстоятельств, таких как вступление в брак или приобретение собственного жилья.

Также важно отметить, что эти права могут быть изменены или пересмотрены судом при наличии обстоятельств, которые могут повлиять на законность и справедливость сохранения данных прав.

Одной из основных проблем правового регулирования, связанного с признанием бывшего члена семьи утратившим право пользования жилым помещением собственника, является отсутствие в законодательстве разграничения лиц, которые вселены непосредственно самим собственником в жилое помещение, и лиц, которые проживают в жилом помещении по другому правовому основанию.

Законодатель установил, что положения ч. 4 ст. 31 Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ) не распространяются на те лица, которые отказались от приватизации в пользу собственника, хот на тот момент имели с ним равные права. Немного иную категорию лиц можно выделить исходя из анализа положений Конституции РФ, ст. 209 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) и ст. 118 ЖК РСФСР. Из них следует, что члены семьи, которые приобрели право проживания в жилом помещении, не обращаясь к воле титульного владельца, т.е. на индивидуальной основе, сохраняют за собой право пользования данным жилым помещением и в случае утраты статуса члена семьи. Подтверждение этому можно найти в Определении ВС РФ от 04.08.2015 № 49-КГ15–7 [8] и Определении ВС РФ от 22.03.2016 № 58-КГ15–34 [9]. Отметим, что указанная категория лиц не образует новую, а лишь дополняет указанную выше. Но в связи с отсутствием должной регламентации она выделяется лишь в судебной практике.

Интересным представляется еще то, что практика судов общей юрисдикции наделяет особым правовым статусом и иные категории лиц, к которым применение положений ч. 4 ст. 31 ЖК РФ и ч. 2 ст. 292 ГК РФ невозможно. К таким лицам суды относили членов семей собственников жилых помещений, включая бывших, у которых основанием для проживания являлось включение их в жилищный ордер. Мотивируя свое решение, суды ссылались на ст. 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации», что свидетельствует о применении ее по аналогии. В последующем данная позиция была закреплена ВС РФ в Определении от 12.01.2016 № 56-КГ15–31 [10]. Так, применяя по аналогии указанную ранее статью Вводного закона, ВС РФ указал, что члены семьи члена жилищно-строительного кооператива, в том числе и бывшие приобретают право бессрочного пользования жильем и не могут подлежать выселению даже при смене собственника, но при том условии, что они включены в жилищный ордер.

Подобное расширенное толкование положений ст. 19 Вводного закона не противоречит принципу законности, а даже наоборот позволяет установить определенную стабильность в жилищно-правовых отношениях. Трудно спорить с тем, что ситуации, связанные с вселением лица в жилое помещение в качестве члена семьи на основании воли собственника или с самостоятельным получением права пользования им, могут быть совершенно разными.

Но только на этом проблемы правового регулирования процедуры признания за бывшим членом семьи собственника право пользования жилым помещением не заканчиваются. Самым дискуссионным является вопрос об отсутствии срока, в течение которого бывший член семьи собственника может пользоваться жилым помещением на основании решения суда. Само право закреплено в ч. 4 ст. 31 ЖК РФ, однако формулировка, приведенная законодателем, подвергается критике в юридической литературе. Это связано с тем, что отсутствие конкретизации приводит к очень большому разбросу между сроками, устанавливаемыми судом, начиная от 1 месяца и заканчивая 10 годами. При этом отсутствует и запрет на продление и повторное установление данного срока. При таких обстоятельствах правовое положение как собственника жилого помещения, так и бывших членов его семьи может быть поставлено под угрозу.

Действительно, в действующем жилищном законодательстве не закреплен прямой запрет, который бы не позволил суду установить срок в несколько раз превосходящий время, действительно необходимое для приобретения иного жилья с целью переезда, или, наоборот, слишком короткий срок, в течение которого невозможно найти иное жилье. В случае оспаривания таких решений стороны могут руководствоваться только ст. 7 ЖК РФ

и п. 15 Постановления Пленума ВС РФ № 14, где определено, что при принятии решения должны быть соблюдены принципы разумности и справедливости. Но нужно понимать, что приведенные категории носят субъективный характер, т.е. судья на основании своего опыта и внутренних убеждений с учетом обстоятельств дела принимает решение.

Лучшим вариантом будет закрепление конкретных сроков в действующем законодательстве. Разумным видится нововведение, закрепляющее обязанность собственника и бывшего члена семьи заключить договор о пользовании жилым помещением, где будут предусмотрены не только права и обязанности сторон, но и срок, в течение которого бывший член семьи может пользоваться жилым помещением. При этом следует установить верхнюю границу, т.е. максимальный срок, который может быть установлен.

Также можно рассмотреть некоторый зарубежный опыт, например, в Гражданском кодексе Франции (Кодекс Наполеона) в ст. 285 (гл. 4) закреплено, что в тех случаях, когда развод был инициирован супругом-собственником жилого помещения по причине разлада семейной жизни, суд оставляет за собой право обязать супруга-собственника сдать в аренду другому супругу жилое помещение. При этом максимальный срок, который может быть установлен для аренды жилья не должен превышать 9 лет, однако возможно его продление при необходимости. В свою очередь, аренда автоматически прекращается, если арендатор вступил в брак или поддерживает внебрачную связь [11]. Рассмотренный Кодекс Наполеона практически предоставляет суду право самому определять условия договора в таких ситуациях, при этом законодатель все равно предусмотрел верхний порог сроков, который может предусматривать договор. Трудно не согласиться с тем, что данный нормативно-правовой акт в рамках рассматриваемого вопроса содержит любопытные положения, которые можно почерпнуть.

Не менее интересным является и Гражданское уложение Германии, однако стоит сразу отметить, что в отличие от Кодекса Наполеона приведенный закон не предоставляет бывшему члену семьи собственника прямого права пользования жилым помещением. Между тем рассматриваемое уложение закрепляет обязанность бывшего супруга не только нести бремя содержания жилого помещения в случае проживания, но и оплачивать собственнику факт проживания в нем. При этом формы такой оплаты могут быть разными – денежная рента или капитальная сумма [12].

Учитывая все вышесказанное, можем утверждать, что в действующем жилищном законодательстве действительно существуют проблемы, которые вызывают сложности при принятии решения судом. Пусть они встречаются не часто, но их нельзя оставлять без внимания, особенно учитывая нынешние национальные процессы развития.

Литература

1. Формакидов Д.А. Функции жилищного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 41. С. 442–453.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 22.04.2024) (с изм. от 25.04.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения 10.07.2024).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89120/ (дата обращения: 15.07.2024).
4. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 15.07.2024).
5. Строгонова Т.П. Правовой статус членов и бывших членов семьи собственника жилого помещения: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Строгонова Татьяна Петровна. – Ульяновск, 2021. – 194 с.
6. Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2005 г. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 3 квартал 2005 года». URL: <http://www.vsrp.ru/documents/practice/15063/> (дата обращения: 01.07.2024).
7. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 7 ноября 2007 г. «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2007 года». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72781/ (дата обращения: 01.07.2024).
8. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.05.2015 № 81-КГ15–2 // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70975764/> (дата обращения: 01.07.2024).
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.03.2016 № 67-КГ15–26. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71278344/> (дата обращения: 01.07.2024).
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.01.2016 № 56-КГ15–31. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-sudarf-ot-12012016-n-56-kg15-31/> (дата обращения: 01.07.2024).
11. Гражданский кодекс (Кодекс Наполеона) 1804 г. – URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio49/ (дата обращения: 01.07.2024).

12. Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18.08.1896 (ред. от 31.03.2013). – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55851#ax28JyTDWdHnZdQ> (дата обращения: 01.07.2024).

LEGAL STATUS OF FORMER FAMILY MEMBERS OF THE OWNER OF THE DWELLING

Zolotovskaya E.A.
Vladivostok State University

Despite the desire of the legislator to comprehensively regulate housing relations, many points still raise questions. Family members of the owner of the dwelling deserve special attention here, because it is often family conflicts that lead to a legal dispute over housing. At the same time, the situation is aggravated when it comes to former family members of the owner of the residential premises.

The purpose of this study is to analyze the legal status of former family members of the owner of the residential premises. The article analyzes the norms of legislation governing relations arising from the termination of family relations and the position of the courts on these disputes. Special attention is paid to the main topical issues of legal regulation of the procedure for recognizing a former family member who has lost the right to use a residential premises.

Keywords: residential premises, the owner of the residential premises, former relatives, a family member, recognition by a former family member, the right to use the residential premises.

References

1. Formakidov D.A. Functions of housing law // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2018. № 41. P. 442–453.
2. Housing Code of the Russian Federation: Federal Law No. 188-FZ dated 12/29/2004 (as amended on 04/22/2024) (with amendments. dated 04/25/2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (date of application 10.07.2024).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07/02/2009 No. 14 “On some issues that have arisen in judicial practice in the application of the Housing Code of the Russian Federation”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89120/ (date of application 15.07.2024).
4. The Family Code of the Russian Federation: Federal Law No. 223-FZ dated 12/29/1995 (as amended on 07/31/2023) (with amendments and additions, intro. effective from 10/26/2023). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (date of application 15.07.2024).
5. Stroganova T.P. The legal status of members and former family members of the owner of the dwelling: diss. ... cand. Jurid. sciences: 12.00.03 / Stroganova Tatyana Petrovna. – Ulyanovsk, 2021. – 194 p.
6. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 23, 2005 “Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the 3rd quarter of 2005”. URL: <http://www.vsrp.ru/documents/practice/15063/> (date of application 01.07.2024).
7. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 7, 2007 “Review of legislation and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the third quarter of 2007”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72781/ (date of application 01.07.2024).
8. The ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/12/2015 No. 81-KG15–2. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70975764/> (date of application 01.07.2024).
9. The ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/22/2016 No. 67-KG15–26. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71278344/> (date of application 01.07.2024).
10. The ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12.01.2016 No. 56-KG15–31. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-sudarf-ot-12012016-n-56-kg15-31/> (date of application 01.07.2024).

verkhovnogo-suda-rf-ot-12012016-n-56-kg15-31/ (date of application 01.07.2024).

11. The Civil Code (Napoleon's Code) of 1804. URL: https://pnu.edu.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/students-books/histsources2/igpzio49/ (date of application 01.07.2024).

12. The Civil Code of Germany (GSU) dated 08/18/1896 (as amended on 03/31/2013). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55851#ax28JyTDWdHnZdQ> (date of application 01.07.2024).

Сравнительный анализ структуры законодательства о банкротстве Российской Федерации и Республики Беларусь

Калинин Алексей Владимирович,
старший юрист ООО «Мегаполис-Консалтинг»
E-mail: alexkspbaw@gmail.com

В статье проведен сравнительно-правовой анализ структуры российского и белорусского законодательства в сфере банкротства. В результате установлены схожие приоритеты регулирования системы банкротных отношений в содержании элементов ключевого, превентивного, процедурного, дополнительного, примирительного, специального, оптимизирующего характера. Также выделены отдельные различия в структуре сравниваемого законодательства, которые обусловлены детализацией регулирования конкретной подсистемы (правовой конструкции) либо наличием в законодательстве одной страны правовых механизмов, которые отсутствуют в законодательстве другой.

Ключевые слова: сравнительный анализ, структура законодательства, неплатежеспособность, банкротство, Россия, Республика Беларусь.

Постоянный прогресс взаимодействия Российской Федерации с Республикой Беларусь предопределяет соответствующее увеличение экономических связей субъектов хозяйствования этих государств. Суммарный объем торговли Республики Беларусь с Россией за 2023 год составил более 4,48 трлн руб.[13]. Общие инвестиции в российско-белорусские проекты, подтвержденные за 6 месяцев 2023 года превысила 243,5 млрд руб.[14] Объем инвестиций России в экономику Республики Беларусь за 2023 год достиг 375 млрд руб.[15]

Развитие Союзного государства (далее – Союз) по условиям Договора РБ и РФ [3] показывает позитивную динамику во всех социально-экономических секторах. В январе 2024 года Высший госсовет Союза издал ряд важных документов, включающих Декрет о базовых задачах исполнения Договора РБ и РФ (далее – Декрет [4]). Один из разделов Декрета определяет задачи по созданию общего правового пространства, среди которых отражены мероприятия предоставления правовой помощи в арбитражном судопроизводстве, гармонизации национальных законодательств, унификации их элементов.

Представленные сведения обуславливают важность проведения сравнительного анализа положений законодательства стран-участников Союза, включающего среди прочего акты регламентации банкротства субъектов хозяйствования.

Задачи проведения сравнительного анализа структуры действующего законодательства о несостоятельности России и Республики Беларусь целесообразно предполагают установление: приоритетов в регулировании определенных видов банкротных отношений в РФ и РБ с учетом содержания соответствующих разделов отраслевых законов сферы банкротства; различия в регулировании конкретных правовых механизмов сферы экономической несостоятельности.

Комплекс правовых отношений в сфере банкротства в Республике Беларусь регламентирован нормами Закона РБ «Об урегулировании неплатежеспособности» (далее – Закон РБ [7]), в России – предписаниями Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон РФ [6]).

Следовательно, методология предлагаемого правового исследования формируется инструментами сравнительного анализа структуры рассматриваемых законодательных актов (Закона РБ, Закона РФ) и формального анализа содержания их норм с задачами установления приоритетов в регулировании определенных видов банкротных отношений в РФ и РБ.

В рамках сравнительного анализа структуры рассматриваемого законодательства в области неплатежеспособности сперва следует обобщить тезисы соответствующих современных правовых исследований.

В частности, в совместной работе С.М. Оганесяна, А.В. Калинина отмечается схожая для России и Республики Беларусь последовательная структура законодательного регулирования в сфере несостоятельности: предписания гражданского законодательства – положения процессуального характера – нормы отраслевого закона, регулирующего отношения несостоятельных (неплатежеспособных) должников. В этом отношении правоведы логично обосновали вывод, что система регламентации российского банкротства в России отличается высокой степенью детализации, а белорусское банкротное законодательство – повышенным уровнем стабильности [9, с. 315].

Вместе с этим была отмечена важная роль правовых президентских актов в формировании действующего законодательства о банкротстве. Весомая правотворческая роль Президента РБ более заметна в рассматриваемых положениях Закона РБ в силу национальных особенностей правового развития Республике Беларусь. При этом авторы обозначили вектор постепенного снижения участия обеих Президентов в современном правотворчестве сферы конкурсного права, которая характеризуется усилением значимости предписаний закона и подзаконных актов органов исполнительной власти [12, с. 211].

Действительно, в тексте Закона РБ полномочия Президента Республике Беларусь упоминаются более 10 раз, включая:

- нормы п. 4, 5 ст. 1 с дефинициями государственной организации (государственного органа), которые включают субъекты, подотчетные Президенту РБ;
- положения п. 1.8 ст. 12 об иных полномочиях Совета Министров Беларуси по регулированию неплатежеспособности, которые реализуются согласно нормам Конституции РБ [2], Закона РБ, других законов, актов, издаваемых Президентом РБ;
- предписания п. 1 ст. 16 Закона РБ о рассмотрении банкротных дел в соответствии с требованиями ХПК РБ [5], Закона РБ, актов, издаваемых Президентом РБ;
- положения п. 8 ст. 156 о праве Президента РБ определять процедурные требования к банкротству, несостоятельности организаций сферы сельского хозяйства; и т.д.

В свою очередь, в тексте Закона РФ не упоминаются акты и полномочия Президента РФ, который в рамках полномочий, установленных Конституцией РФ [1], может влиять на регулирование российской сферы банкротства опосредованным образом, например, поддерживая принятие соответствующего изменения в Законе РФ либо отказывая в подписании соответствующего законопроекта.

То есть, из тезисов С.М. Оганесяна, А.В. Калинина следует, что структура Закона РБ, в отличие от Закона РФ, содержит объемный комплекс норм о полномочиях Президента РБ в сфере регулирования неплатежеспособности субъектов белорусской экономики.

В исследовании В.С. Каменкова [11, с. 46] проведен анализ структуры Закона РБ в контексте публичных полномочий органов власти. В этой связи автор аргументировал некоторые недостатки в регулировании прав субъектов государственной власти.

Во-первых, отдельным органам власти и их полномочиям по регламентации отношений, связанных с наступлением неплатежеспособности, в Законе РБ посвящены специальные статьи, части статей.

В частности, положения п. 1 ст. 12 определяют круг полномочий Совета Министров РБ в рассматриваемой сфере неплатежеспособности: обеспечение реализации единой политики государства в сфере несостоятельности; координация деятельности органов власти в рамках банкротного производства; утверждение комплекса мер по обеспечению полномочий органов власти в сфере неплатежеспособности; и т.д.

Нормы ст. 18 Закона РБ предусматривают перечень судебных полномочий в анализируемой области отношений по вынесению соответствующих решений по окончании банкротного производства: в части признания несостоятельности должника с введением санации; в части признания банкротства должника – организации с началом мероприятий ликвидации; и т.д.

Во-вторых, В.С. Каменков указал, что нормы Закона РБ о полномочиях других государственных органов отличаются отсутствием четкости и неопределенностью.

Например, в п. 2.2 ст. 7 Закона РБ обозначено право Комитета госконтроля РБ в лице представителя финансовых расследований на подачу судебного заявления о банкротстве организации-должника, не исполнившего денежные обязательства.

В развитие указанного полномочия нормы ст. 30 Закона РБ детализируют права Комитета госконтроля РБ и прокурора на подачу судебного заявления о банкротстве должника, хотя прокурор в нормах ст. 7 Закона РБ в качестве заявителя непосредственно не обозначен.

То есть, отсутствие прямого указания на право прокурора подавать в суд заявление по банкротству должника, в отличие от полномочий Комитета госконтроля РБ, непосредственно отраженных в п. 2.2 ст. 7 Закона РБ характеризует неопределенность при реализации банкротных полномочий прокурора.

В-третьих, автор отметил заинтересованные субъекты власти, о которых в положениях Закона РБ вообще не упоминается.

В частности, в нормах Закона РБ [7] не обозначены полномочия Минэкономики РБ, которое:

уполномочено Советом Министров РБ [8] проводить политику государства в области экономической несостоятельности; отвечает за обеспечение регулирования государством сферы неплатежеспособности; обеспечивает методологическое сопровождение полномочий органов власти в сфере неплатежеспособности; вносит надлежащие предложения о развитии Закона РБ на основании практики применения его норм; осуществляет в рамках своих полномочий контроль за соблюдением Закона РБ антикризисными (временными) управляющими; и т.д. [10, с. 5]

В этой связи стоит добавить, что положения Закона РФ включают полномочия всех субъектов, заинтересованных в результатах банкротных процедур, в виде контрольно-надзорных, уполномоченных и регулирующих органов власти, основные признаки которых отражены в ст. 2 Закона РФ [6].

Следовательно, исследования В.С. Каменкова показывают, что структура Закона РБ характеризуется тремя видами публичных полномочий различных органов власти РБ, которые: четко отражены в положениях Закона РБ, либо отличаются неопределенностью, либо отсутствуют в нормах Закона РБ. Структура Закона РФ включает полномочия трех видов (контрольно-надзорных, уполномоченных и регулирующих) органов власти.

Рассматривая структуру Закона РФ и Закона РБ, в первую очередь, целесообразно обозначить сходства и различия в их основных элементах, которые определяются наименованием и содержанием разделов, глав сравниваемых актов законодательства.

Положения Закона РФ составляют 15 глав и более 233 статей. Наименования глав определяют правовые институты (субинституты) или элементы (подсистемы, конструкции) российской системы регулирования несостоятельности (банкротных отношений). Указанные 15 элементов российской системы регламентации несостоятельности включают:

1) ключевую подсистему общих правил, которые в ст. 1–29 главы I Закона РФ устанавливают: правовые предельные регуляторы Закона РФ, терминологию сферы несостоятельности, признаки наступления банкротства организации-должника, правовые признаки денежных обязательств должника, условия расчета денежных обязательств в составе финансовых договоров, содержание текущих платежей должника, порядок рассмотрения арбитражным судом банкротных дел, содержание прав субъектов инициирования банкротства, содержание полномочий участников банкротных отношений (кредиторов, должника, уполномоченных органов, собрания кредиторов, собрания работников, комитета кредиторов, заинтересованных лиц, арбитражных управляющих, саморегулируемых организаций таких арбитражных управляющих, субъектов надзора и контроля за саморегулируемыми организациями, органы власти, муниципалитеты);

2) превентивную правовую конструкцию предупреждения банкротства, предусматривающую в ст. 30–31 главы II Закона РФ [6] перечень мер профилактики банкротства должников-организаций и условия санации должника;

3) процедурную подсистему разбирательства в арбитражном суде банкротных дел, которую согласно ст. 32–61 главы III Закона РФ составляют: общие условия рассмотрения арбитражным судом банкротных дел, статус участников банкротного дела и процесса, требования к заявлению о банкротстве и к другим документам банкротного производства, условия приостановления производства, порядок обжалования решений арбитражного суда и т.д.;

4) процедурную подсистему оспаривания в арбитражном суде сделок должника, которую в соответствии с нормами ст. 61.1–61.9 главы III.1 Закона РФ образуют: условия, основания оспаривания 4 видов сделок должника (подозрительных, с предпочтением, отдельных, с участием правопреемников), последствия судебного признания недействительности сделки и т.д.;

5) дополнительную (субсидиарную) подсистему привлечения к ответственности руководителя организации-должника, других субъектов корпоративного управления, нормы которой регламентированы ст. 61.10–61.22 главы III.2 Закона РФ; и т.д.

Другие 10 элементов российской системы регламентации несостоятельности, включающие нормы глав IV–XII Закона РФ, отличаются:

- процедурным характером норм глав IV–VII Закона РФ о содержании мероприятий наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления, конкурсного производства;
- примирительным содержанием предписаний главы VIII об условиях заключения мирового соглашения;
- специальным характером требований глав IX–X.1 об особенностях регулирования статуса отдельных субъектов сферы несостоятельности, включающих: 8 видов организаций-должников (градообразующих, сельскохозяйственных, финансовых, кредитных, стратегических, субъектов естественных монополий, застройщиков, субъектов клиринга), 3 категорий гражданина-должника (физического лица, индивидуального предпринимателя, руководителя фермерского хозяйства), кредиторов синдицированного займа;
- оптимизирующим содержанием норм главы XI об упрощенных банкротных процедурах;
- процедурным характером норм главы XII Закона РФ о содержании переходных, заключительных положений.

С учетом вышеизложенного можно обобщить, что основные структурные элементы российской системы регулирования Законом РФ отношений в сфере несостоятельности представляют собой комплекс взаимосвязанных подсистем (правовых конструкций) с нормами ключевого, превентивного, процедурного, дополнительного, примиритель-

ного, специального, оптимизирующего содержания.

В результате структурного анализа пуположений Закона РБ [7] можно отметить, что структурные элементы белорусской системы регламентации неплатежеспособности, включающие нормы 6 разделов, глав 1–25 Закона РБ, отличаются:

- ключевым и превентивным характером подсистемы общих правил раздела I, установленных положениями ст. 1–15 глав 1 и 2 Закона РБ;
- процедурным и примирительным содержанием предписаний раздела II Закона РБ о судебном порядке банкротного производства, раздела III о содержании банкротных процедур и мировом соглашении сторон, раздела VI Закона РБ о содержании переходных, заключительных положений с соответствующими изменениями действующего законодательства РБ;
- специальным характером предписаний раздела IV Закона РБ об особенностях регулирования статуса отдельных субъектов сферы банкротства, включающих: 7 видов организаций-должников (градообразующих, сельскохозяйственных, финансовых, страховых, управляющих организаций или инвестфондов, банков, форекс-компаний), 4 категорий гражданина-должника (индивидуального предпринимателя, страхового брокера, акционерного брокера, владельца инвестиционного пая), кредиторов синдицированного займа;
- оптимизирующим содержанием предписаний раздела IV Закона РБ об упрощенном порядке банкротного производства.

Сравнение содержания указанных структурных элементов Закона РФ и Закона РБ показывает на их совпадение по видам ключевого, превентивного, процедурного, примирительного, специального, оптимизирующего содержания, кроме элемента дополнительной (субсидиарной) ответственности, который в Законе РФ регулируется положениями главы III.2 (ст. 61.10–61.22), а в Законе РБ – нормами ст. 9 главы 1 об основных правилах сферы неплатежеспособности.

Другие различия в структуре сравниваемых законодательных актов отличаются несистемным характером, который обусловлен детализацией регулирования конкретной подсистемы (правовой конструкции) либо наличием в российском законодательстве правовых механизмов, которые отсутствуют в белорусском и наоборот.

Например, в Законе РБ регламентированы статус управляющего (глава 4 Закона РБ); правовые механизмы кредиторских требований (глава 6 Закона РБ), реализации имущества должника (глава 8 Закона РБ), которые предусмотрены отдельными нормами Закона РФ в составе иных правовых конструкций. В частности, положения о статусе управляющего формируют правовой институт внешнего управления (глава 6 Закона РФ) и отражены в подсистеме конкурсного производства (глава 7 Закона РФ).

В результате проведенного сравнительно-правового анализа структуры Закона РБ и Закона РФ можно обобщить следующие выводы.

Во-первых, в ходе проведенного исследования апробирована методология сравнительного анализа структуры рассматриваемых законодательных актов (Закона РБ, Закона РФ) и формального анализа содержания их норм, что позволило установить схожие приоритеты регулирования в Республике Беларусь и России структурных элементов системы банкротных отношений ключевого, превентивного, процедурного, примирительного, специального, оптимизирующего характера.

Во-вторых, выделены некоторые структурные различия в содержании Закона РБ [7] и Закона РФ [6]:

- структура Закона РБ, в отличие от Закона РФ, содержит объемный комплекс норм о полномочиях Президента РБ в сфере регулирования неплатежеспособности субъектов белорусской экономики;
- структура Закона РБ характеризуется тремя видами публичных полномочий органов власти РБ (четко отраженные, неопределенные, отсутствующие полномочия); структура Закона РФ включает четко регламентированные полномочия трех видов (контрольно-надзорных, уполномоченных и регулирующих) органов власти;
- отдельные различия в структуре Закона РБ и Закона РФ обусловлены детализацией регулирования конкретной подсистемы (правовой конструкции) либо наличием в одном законе правовых механизмов, которые отсутствуют в другом.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс], Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022 (дата обращения 14.08.2024).
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями, принятыми на референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.). [Электронный ресурс], URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения 14.08.2024).
3. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 7. Ст. 786.
4. Декрет № 2 Высшего Государственного Совета Союзного государств «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы» (Вместе с «Планом мероприятий по исполнению отдельных пунктов...», принят в г. Санкт-Петербург 29.01.2024). [Электрон-

- ный ресурс], URL: <https://посткомср.рф/docs/item/238636/> (дата обращения 14.08.2024).
5. Хозяйственный процессуальный кодекс РБ. [Электронный ресурс], URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9800219> (дата обращения 14.08.2024).
 6. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 19.03.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
 7. Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности». [Электронный ресурс], URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200227> (дата обращения 14.08.2024).
 8. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 июля 2006 г. № 967 (ред. от 02.09.2023) «Отдельные вопросы Министерства экономики РБ (вместе с Положением о Департаменте по предпринимательству Министерства экономики РБ, Положением о Департаменте по санации и банкротству Министерства экономики РБ). [Электронный ресурс], URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C20600967> (дата обращения 14.08.2024).
 9. Калинин А.В. Место норм о несостоятельности (банкротстве) в системе законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь / А.В. Калинин, С.М. Оганесян // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение. Сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции. Сост. Е.В. Воскресенская, М.В. Минаева. Санкт-Петербург, 2023. С. 314–322.
 10. Каменков В.С. Современная система регулирования неплатежеспособности в Республике Беларусь (республиканский уровень) // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2023. № 3 (73). С. 4–10.
 11. Каменков В.С. Структура регулирования (республиканский уровень) неплатежеспособности в Республике Беларусь по новому закону // Актуальные проблемы науки административного, финансового и международного права. Материалы научного круглого стола. Редколлегия: В.С. Михайловский (гл. ред.), А.В. Шидловский, Н.М. Шевко. Минск, 2023. С. 47–53.
 12. Оганесян С.М. Нормативные акты главы государства в системе законодательства о банкротстве Российской Федерации и Республики Беларусь / С.М. Оганесян, А.В. Калинин // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения – 2023. сборник научных трудов по материалам X Международной научно-практической конференции. 2023. С. 210–214.
 13. Головченко Р.А. Товарооборот между Беларусией и Россией в 2023 достиг \$53 млрд. [Электронный ресурс], URL: <https://tass.ru/ekonomika/19947005> (дата обращения 14.08.2024).
 14. Максим Решетников: Россия и Беларусь в 2023 г. могут превзойти рекорд по взаимному товарообороту. [Электронный ресурс], URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_rossiya_i_belorussiya_v_2023_g_mogut_prevzoyti_rekord_po_vzaimnomu_tovarooborotu.html (дата обращения 14.08.2024).
 15. Путин: Россия инвестировала в экономику Беларуси свыше \$4 млрд в 2023 году. [Электронный ресурс], URL: <https://sputnik.by/20240129/putin-rossiya-investirovala-v-ekonomiku-belarusi-svyshe-4-mlrd-v-2023-godu-1083201428.html> (дата обращения 14.08.2024).

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE STRUCTURE OF BANKRUPTCY LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Kalinin A.V.

Megapolis-Consulting Ltd.

The article provides a comparative legal analysis of the structure of Russian and Belarusian legislation in the field of bankruptcy. As a result, similar priorities have been established for regulating the system of bankruptcy relations in the content of key, preventive, procedural, additional, conciliatory, special, and optimizing elements. Separate differences in the structure of the compared legislation are also highlighted, which are due to the detailed regulation of a specific subsystem (legal structure) or the presence in the legislation of one country of legal mechanisms that are absent in the legislation of another.

Keywords: comparative analysis, structure of legislation, insolvency, bankruptcy, Russia, Belarus.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020). [Electronic resource], The official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> 06.10.2022 (accessed 08.14.2024).
2. The Constitution of the Republic of Belarus of 1994 (with amendments adopted at referendums on November 24, 1996, October 17, 2004 and February 27, 2022). [Electronic resource], URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (accessed 08.14.2024).
3. The Agreement between the Russian Federation and the Republic of Belarus dated 08.12.1999 “On the creation of the Union State” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 7. Article 786.
4. Decree No. 2 of the Supreme State Council of the Union States “On the main directions of implementation of the provisions of the Treaty on the Creation of the Union State for 2024–2026” (Together with the “Action plan for the execution of individual items ...”, adopted in St. Petersburg on 01/29/2024). [Electronic resource], URL: <https://посткомср.рф/docs/item/238636/> (accessed 08.14.2024).
5. The Economic Procedural Code of the Republic of Belarus. [Electronic resource], URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK9800219> (accessed 08.14.2024).
6. Federal Law No. 127-FZ dated 10/26/2002 (as amended on 03/19/2024) “On Insolvency (Bankruptcy)” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. St. 4190.
7. Law of the Republic of Belarus dated December 13, 2022 No. 227-Z “On settlement of insolvency”. [Electronic resource], URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200227> (accessed 08.14.2024).
8. Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus No. 967 dated July 29, 2006 (as amended on 09/22/2023) “Cer-

- tain issues of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus (together with the Regulation on the Ministry of Economy of the Republic of Belarus, the Regulation on the Department of Entrepreneurship of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus, the Regulation on the Department of Rehabilitation and Bankruptcy of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus). [Electronic resource], URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C20600967> (accessed 08.14.2024).
9. Kalinin A.V. The place of insolvency (bankruptcy) rules in the system of legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus / A.V. Kalinin, S.M. Oganessian // Human rights activities in modern Russia: problems and their solution. Collection of scientific papers of the IX International Scientific and Practical Conference. Comp. E.V. Voskresenskaya, M.V. Minaeva. St. Petersburg, 2023. pp. 314–322.
 10. Kamen'kov V.S. Modern system of insolvency regulation in the Republic of Belarus (republican level) // *Satsyalna-ekanamichny i pravavyya dasledavannyi*. 2023. No. 3 (73). pp. 4–10.
 11. Kamen'kov V.S. The structure of regulation (republican level) of insolvency in the Republic of Belarus under the new law // Actual problems of science of administrative, financial and international law. Materials of the scientific round table. Editorial board: V.S. Mikhailovsky (Chief editor), A.V. Shidlovsky, N.M. Shevko. Minsk, 2023. pp. 47–53.
 12. Oganessian S.M. Oganessian, A.V. Kalinin, Normative acts of the head of state in the system of bankruptcy legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus // Actual problems of science and practice: Gatchina Readings – 2023. collection of scientific papers based on the materials of the X International Scientific and practical Conference. 2023. pp. 210–214.
 13. Golovchenko R.A. The trade turnover between Belarus and Russia in 2023 reached \$53 billion. [Electronic resource], URL: <https://tass.ru/ekonomika/19947005> (accessed 08.14.2024).
 14. Maxim Reshetnikov: Russia and Belarus may surpass the record for mutual trade turnover in 2023. [Electronic resource], URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_rossiya_i_belorussiya_v_2023_g_mogut_prevzoyti_rekord_po_vzaimnomu_tovarooborotu.html (accessed 08.14.2024).
 15. Putin: Russia invested over \$4 billion in the Belarusian economy in 2023. [Electronic resource], URL: <https://sputnik.by/20240129/putin-rossiya-investirovala-v-ekonomiku-belarusi-svyshe-4-mlrd-v-2023-godu-1083201428.html> (accessed 08.14.2024).

Защита прав заказчика от недобросовестных действий подрядчика при исполнении договора строительного подряда

Каретин Марк Георгиевич,

аспирант кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: m.karetin@mail.ru

Договор строительного подряда следует считать одним из наиболее распространенных в практике правового оформления подрядных отношений, причем и как в качестве договора, реализующегося в предпринимательской сфере, так и в отношениях с участием граждан, что обуславливает актуальность исследования проблем, связанных с нарушением субъективных прав его сторон. В данном исследовании ставится проблема защиты нарушенных прав заказчика как стороны договора строительного подряда. Целью работы является изучение механизма правовой защиты нарушенных недобросовестными действиями подрядчика прав заказчика, создаваемого соответствующими нормами гражданского законодательства, в том числе и посредством допускаемых законом средств самозащиты, одним из которых является реализация права заказчика на односторонний отказ от исполнения обязательств, вытекающих из договора строительного подряда.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что реализация заказчиком права на односторонний отказ от исполнения обязательств по договору строительного подряда является действенным способом защиты своих нарушенных прав, что позволяет оперативно прекратить нарушение права и уменьшить размер возможного ущерба от недобросовестного исполнения подрядчиком своих обязательств по договору строительного подряда.

Ключевые слова: договор строительного подряда; заказчик; подрядчик; недобросовестность; односторонний отказ от исполнения договора строительного подряда; защита субъективного права.

Исследование проблематики, связанной с защитой субъективных прав участников обязательственных отношений, в том числе и сторон обязательственных договоров, остается актуальной в связи с расширением практики участия лиц, обладающих гражданской правосубъектностью, в обязательственных отношениях, что приводит к появлению новых форм нарушения права, недобросовестного поведения контрагентов. Научный анализ способов и новых форм нарушений субъективных прав позволяет своевременно их выявлять и разрабатывать правовые механизмы воздействия на нарушителя и уменьшения вредоносных последствий, вызванных нарушением прав потерпевшей стороны договора или недобросовестными действиями нарушителя.

Традиционно механизм защиты нарушенных прав сторон договора строительного подряда отечественными исследователями рассматривается в рамках тех нормативно установленных возможностей, которые законодателем связываются с правовой категорией ответственности.

В то же время, практика рассмотрения правовых споров в арбитражных судах и в судах общей юрисдикции, вытекающих из нарушения условий договоров строительного подряда, что одним из наиболее действенных механизмов защиты нарушенных прав заказчика можно рассматривать его право на односторонний отказ от исполнения обязательства, что воспринимается как мера самозащиты нарушенного права [13].

Защита прав субъектов обязательственных отношений, оформленных договором строительного подряда

Как отмечает Е.В. Вавилин, характеризуя особенности проявления субъективного права в рамках гражданских правоотношений, в гражданских правоотношениях субъективное право – «...это вид и мера возможного поведения наделенного правом субъекта» [4], что объясняется превалированием диспозитивных правовых предписаний в регулировании гражданский правоотношений.

Мнение профессора Е.В. Вавилина полностью справедливо для характеристики обязательственных отношений, возникающих в рамках заключения, исполнения и прекращения договоров строительного подряда, поскольку при нарушении стороной договора прав и законных интересов другой стороны, у стороны, чьи права, определенные законом и условиями договора, нарушены контрагентом, возникает право на защиту либо в виде права

требования предоставить тот результат работ, который предусмотрен договором, либо в виде возмещения убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением условий договора.

Сама возможность применения мер защиты нарушенного субъективного права заказчика в отношениях строительного подряда предусматривается общими и специальными нормами ГК РФ, регулирующих подрядные отношения. Защита субъективных прав сторон договора строительного подряда связывается с институтом ответственности [10], а основания и меры ответственности за нарушение договора устанавливаются нормами ГК РФ и нормами, отраженными в самом договоре.

К общим нормам ГК РФ, устанавливающим ответственность стороны договора, исполняющего основное обязательство, следует отнести нормы об ответственности за нарушение сроков выполнения работ (абз. 2 п. 1 ст. 708 ГК РФ), за несоблюдение предоставленного заказчиком имущества (ст. 714 ГК РФ), за нарушение условий о качестве работ (ст. ст. 721–723 ГК РФ). Меры ответственности подрядчика могут устанавливаться условиями договора, но стороны договора могут воспользоваться и нормами гражданского законодательства, устанавливающими основания и меры гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств.

Законодателем в ряде случаев ограничивается право заказчика на защиту своего нарушенного права действиями подрядчика, например, такое ограничение содержится в п. 1 ст. 723 ГК РФ, предусматривающего зависимость реализации заказчиком права на возмещение своих расходов, связанных с устранением недостатков, от того, указано это право в договоре или нет, хотя судебная практика доказывает иное: при установлении вины подрядчика в производстве некачественных работ при условии его уведомления об их устранении силами заказчика в разумный срок в пределах гарантийного срока существуют основания для взыскания с ответчика в пользу истца убытков в виде стоимости работ по устранению недостатков [2].

Для устранения ограничений реализации права заказчика на защиту своих нарушенных прав неправомерными и недобросовестными действиями подрядчика Ю.В. Романец предлагает применять по аналогии нормы гражданского законодательства, регулирующие отношения купли-продажи по соблюдению условий о качестве товара, поскольку они не содержат таких ограничений [9], с чем, полагается, нельзя согласиться, поскольку это будет противоречить требованиям ст. 723 ГК РФ. Целесообразнее было бы отказаться от ограничительной нормы, содержащейся в п. 1 ст. 723 ГК РФ.

В том случае, если заказчиком выступает физическое лицо, в случае нарушений условий договора строительного подряда подрядчиком заказчик вправе воспользоваться механизмами правовой

защиты, предусмотренными законодательством о защите прав потребителей [5].

Ответственность подрядчика перед заказчиком может возникнуть по основаниям, предусмотренным законом и договором. Наиболее распространенным в практике разрешения правовых споров между заказчиком и подрядчиком основанием возникновения ответственности подрядчика можно считать нарушение им условий договора строительного подряда о качестве работ (ст. 723 ГК РФ), а действенная защита права заказчика на получение результата работ, соответствующего условию о его качестве, как справедливо отмечает Т.В. Шпачева, возможна только в рамках искового производства [12].

Реализация заказчиком права на односторонний отказ от исполнения обязательства в отношениях строительного подряда как способ самозащиты своих нарушенных подрядчиком прав

Несмотря на общее правило недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства (п. 1 ст. 310 ГК РФ) нормы, регулирующие отношения подряда, допускают отступление от этого общего правила и предусматривают возможность одностороннего отказа заказчика от исполнения договора подряда при условии соблюдения требований, установленных ст. 717 ГК РФ. Нормы ст. 717 ГК РФ устанавливают, что отказ от исполнения своих обязательств подрядчиком может быть осуществлен заказчиком в любой момент до сдачи ему результата работ, причем без указания причин одностороннего отказа, а сам факт отказа от исполнения договора подряда можно рассматривать в качестве основания возникновения регулятивного правоотношения [7]. Правда, следует отметить, что установление факта отказа заказчика от дальнейшего исполнения договора строительного подряда порождает не регулятивное, а охранительное правоотношение [8], причем данная трактовка сущности возникшего на основе факта отказа заказчика от дальнейшего исполнения обязательства встречается достаточно часто в ряде других исследований отечественных авторов [1; 11], что свидетельствует о большей популярности данного мнения о характере правоотношения, а также о его большей убедительности и объективности.

Действительно, факт одностороннего отказа заказчика от исполнения договора строительного подряда в ряде случаев следует рассматривать как основание возникновения охранительного правоотношения. Примером такой ситуации может быть выполнение подрядчиком работ с существенным отхождением от условий, обозначенных договором, а также строительными нормами и правилами, применимыми к осуществлению работ, составляющими непосредственный предмет договора. Несмотря на то, что несоблюдение условий о качестве работ является самостоятельным основа-

нием возникновения ответственности подрядчика за нарушение условий договора, отказ заказчика от дальнейшего исполнения договора строительного подряда может рассматриваться как оперативное воздействие на недобросовестные действия подрядчика с целью достижения цели договора строительного подряда, но уже с участием другого подрядчика, а также с целью уменьшения вредоносного результата от недобросовестных действий подрядчика, поскольку процесс возмещения вреда может занять длительный период времени, а исполнения подрядчиком обязанности возместить причиненный ущерб можно и не дожидаться.

В обозначенных целях действенным механизмом обоснования одностороннего отказа от договора строительного подряда, хоть закон и не предусматривает никакого обоснования такого действия заказчика, является проведение строительной экспертизы при несогласии подрядчика с нарушением им требований закона и договора по качеству работ. В том случае, если эксперт установит нарушения требований по качеству работ, устранимость или неустранимость выявленных нарушений при производстве работ, а также стоимость ущерба, а само производство экспертизы не будет противоречить требованиям законодательства о производстве экспертиз, то такое заключение эксперта может стать основанием для одностороннего отказа от исполнения договора строительного подряда, а в случае возникновения правового спора стать доказательством.

В этом случае позиция заказчика в правовом споре будет более защищенной, если еще до обращения подрядчика в суд заказчик сможет купировать требования подрядчика о возмещении его убытков своими требованиями, вытекающими из нарушения подрядчиком условиями договора о качестве, сроках выполнения работ, соблюдения этапности выполнения работ, отчетности по факту выполнения отдельных видов работ, прежде всего, скрытых работ и т.д.

Недобросовестные действия подрядчика при исполнении договора строительного подряда и методы борьбы с ними

На субъективные права заказчика помимо действий подрядчика, нарушающих условия договора строительного подряда и требования гражданского законодательства к его исполнению, могут влиять и действия подрядчика, характеризующиеся как недобросовестные. Презумпция добросовестности лица в реализации своих гражданских прав устанавливается нормой п. 5 ст. 10 ГК РФ. Как следует из п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [3], оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота,

учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

В практике исполнения договора строительного подряда недобросовестность подрядчика может проявляться в различных формах: выполнение работ, не согласованных с заказчиком, что ведет к повышению цены договора, завышение цен на материалы при исполнении договора иждивением подрядчика; выполнение работ с использованием материала с иными потребительскими свойствами, нежели оговоренные при заключении договора и т.д.

Следовательно, под недобросовестным поведением подрядчика в отношениях строительного подряда следует понимать те действия, которые нарушают субъективные права заказчика, но за совершение которых ни гражданским законодательством, ни договором строительного подряда юридическая ответственность не предусмотрена.

Единственно верным механизмом борьбы с недобросовестностью подрядчика может быть только рассмотрение правового спора в порядке искового производства, тем более что суды при рассмотрении споров, основанием для возникновения которых становится нарушение прав заказчика, все чаще стали обращаться к институту добросовестности при решении вопроса о привлечении подрядчика к ответственности.

Одной из мер борьбы с недобросовестными подрядчиками является ведение реестра недобросовестных поставщиков органами государственной власти, выступающими заказчиками в отношениях государственного или муниципального заказа [6], но в такой реестр попадают не только собственно недобросовестные подрядчики, но и те, кто допустил прямое нарушение условий договора, что привело к возникновению гражданско-правовой ответственности, основания которой установлены гражданским законодательством и договором. В таком случае действия подрядчика следует квалифицировать в рамках понятия правонарушения, а не в рамках института добросовестности.

Защита прав заказчика от недобросовестных действий подрядчика при исполнении договора строительного подряда традиционно связывается с правовой категорией ответственности, основания возникновения которой предусматриваются нормами гражданского законодательства, а также нормами самого договора при условии, что они не противоречат общим принципам гражданско-правовой ответственности, тем не менее, это не создает препятствий для применения в целях защиты прав заказчика от недобросовестного поведения подрядчика при исполнении договора строительного подряда и нормы регулятивного характера.

Регулятивные по своей правовой сущности гражданско-правовые нормы, регулирующие отношения строительного подряда в определенной ситуации, связанной с исполнением договора строительного подряда, могут стать правовым обосно-

ванием возникновения охранительного правоотношения, предметом которых будет защита нарушенных подрядчиком прав заказчика. Примером такого правоотношения может стать реализация заказчиком предоставленного заказчику гражданским законодательством права одностороннего отказа от исполнения договора строительного подряда. Закон не предусматривает необходимости обоснования такого решения заказчиком, ст. 717 ГК РФ содержит лишь требования, связанные с защитой прав подрядчика на получение платы за выполненную часть работ, а также возмещения убытков, вызванных односторонним отказом заказчика от исполнения договора строительного подряда.

Требует дальнейшего изучения институт добросовестности в отношениях строительного подряда, поскольку существующая практика внесения в реестр недобросовестных поставщиков в рамках отношений государственного и муниципального заказа не разграничивает собственно недобросовестных поставщиков и поставщиков (подрядчиков), которые при исполнении договоров государственного и муниципального заказа допустили нарушение требований гражданского законодательства и договоров строительного подряда, что привело к возникновению гражданско-правовой ответственности.

При нарушении подрядчиком субъективных прав заказчика в отношениях строительного подряда возникают охранительные правоотношения, правовой основой которых могут быть не только охранительные гражданско-правовые нормы, но и регулятивные, которые изначально не направлены на правовую защиту субъективных прав заказчика, но могут быть применены в качестве норм, посредством которых осуществляется пресечение нарушений со стороны подрядчика. В целях большей защищенности субъективных прав заказчика в отношениях строительного подряда предлагается избавиться от норм, ограничивающих право заказчика на возмещение ущерба, причиненного неправомерными или недобросовестными действиями подрядчика, в частности из нормы абзаца четвертого п. 1 ст. 723 ГК РФ убрать фразу «когда право заказчика устранять их предусмотрено в договоре подряда», чтобы не ставить под условие отражения нормы в договоре право выбора заказчика того действия, связанного с восстановлением своих прав, которое больше отвечает его интересам. Данное изменение в норме п. 1 ст. 723 ГК РФ позволит обеспечить более защищенное положение заказчику в тех ситуациях, когда подрядчик злоупотребляет своими правами, используя иные, нежели оговоренные в договоре строительного подряда, материалы (как правило, более низкого качества и другими потребительскими свойствами), включает в состав выполненных работ те работы, которые фактически не выполнялись или были выполнены в ином объеме, совершает иные действия, наносящие вред имущественным интересам заказчика.

Литература

1. Абсолямов Р.Г., Макаров С.В. Односторонний отказ заказчика от исполнения государственного, муниципального контракта на выполнение подрядных работ в случае нарушения подрядчиком сроков выполнения работы // Финансовое право. 2017. № 10. С. 17–20.
2. Богданов Д.Е., Богданова С.Г. Договор подряда и договор поставки: проблемы разграничения в науке и правоприменительной практике // Законодательство и экономика. 2017. № 3. С. 4–12.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
4. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. 416 с.
5. Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300–1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
6. Капитонова Е.А. Проблемы взаимодействия заказчика и строительного подрядчика при исполнении государственного (муниципального) контракта // Юрист. 2021. № 4. С. 24–29.
7. Кравченко А.А. К вопросу об определении правовой природы секундарных прав // Законодательство и экономика. 2015. № 2. С. 49–52.
8. Кравченко А.А. Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав // Российский юридический журнал. 2015. № 2. С. 94–104.
9. Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография. М.: Норма-Инфра-М, 2013. 495 с.
10. Ткачев В.Н., Новиков С.Н. Некоторые аспекты гражданско-правовой ответственности субъектов договора строительного подряда // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 93–96.
11. Шмалий О.В., Адамчук Е.Е. Классификация правовых средств обеспечения прав заказчика по договору строительного подряда // Гражданское право. 2018. № 6. С. 7–9.
12. Шпачева Т.В. Обобщение судебной практики применения норм параграфа 3 «Строительный подряд» главы 37 Гражданского кодекса Российской Федерации // Арбитражные споры. 2011. № 3. С. 46–74.
13. Южанин Н.В. Одностороннее расторжение государственного контракта как мера самозащиты прав // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 6. С. 3–8.

PROTECTION OF THE CUSTOMER'S RIGHTS FROM UNFAIR ACTIONS OF THE CONTRACTOR IN THE EXECUTION OF THE CONSTRUCTION CONTRACT

Karelin M.G.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The construction contract should be considered one of the most common in the practice of legal registration of contractual relations, both as a contract implemented in the business sphere and in relations with the participation of citizens, which determines the relevance of the study of problems related to the violation of the subject-

tive rights of its parties. This study raises the problem of protecting the violated rights of the customer as a party to the construction contract. The purpose of the work is to study the mechanism of legal protection of the rights of the customer violated by unfair actions of the contractor, created by the relevant norms of civil legislation, including through means of self-defense permitted by law, one of which is the realization of the customer's right to unilaterally refuse to fulfill obligations arising from the construction contract.

As a result of the investigation, the author comes to the conclusion that the customer's exercise of the right to unilaterally refuse to fulfill obligations under the construction contract is an effective way to protect their violated rights, which allows them to promptly terminate the violation of the right and reduce the amount of possible damage from the contractor's unfair fulfillment of its obligations under the construction contract.

Keywords: construction contract; customer; contractor; dishonesty; unilateral refusal to execute a construction contract; protection of subjective law.

References

1. Absolyamov R.G., Makarov S.V. Unilateral refusal of the customer to fulfill a state, municipal contract for the performance of contract work in the event of a violation by the contractor of the deadlines for the performance of work // *Financial Law*. 2017. No. 10. pp. 17–20.
2. Bogdanov D.E., Bogdanova S.G. Contract for work and supply contract: problems of delineation in science and law enforcement practice // *Legislation and Economics*. 2017. No. 3. pp. 4–12.
3. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.
4. Vavilin E.V. Implementation and protection of civil rights. Moscow: Statut, 2016. 416 p.
5. Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300–1 (as amended on 04.08.2023) "On the Protection of Consumer Rights" // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 3. Art. 140.
6. Kapitonova E.A. Problems of interaction between the customer and the construction contractor in the execution of a state (municipal) contract // *Jurist*. 2021. No. 4. Pp. 24–29.
7. Kravchenko A.A. On the issue of determining the legal nature of secondary rights // *Legislation and Economics*. 2015. No. 2. Pp. 49–52.
8. Kravchenko A.A. The ratio of protective measures and liability measures as methods of protecting subjective civil rights // *Russian Law Journal*. 2015. No. 2. P. 94–104.
9. Romanets Yu.V. The system of contracts in the civil law of Russia: monograph. Moscow: Norma-Infra-M, 2013. 495 p.
10. Tkachev V.N., Novikov S.N. Some aspects of civil liability of subjects of a construction contract // *Bulletin of Economic Security*. 2019. No. 4. P. 93–96.
11. Shmaliy O.V., Adamchuk E.E. Classification of legal means of ensuring the rights of the customer under a construction contract // *Civil Law*. 2018. No. 6. P. 7–9.
12. Shpacheva T.V. Summary of judicial practice in applying the provisions of paragraph 3 "Construction contract" of Chapter 37 of the Civil Code of the Russian Federation // *Arbitration disputes*. 2011. No. 3. Pp. 46–74.
13. Yuzhanin N.V. Unilateral termination of a government contract as a measure of self-defense of rights // *Arbitration and civil procedure*. 2015. No. 6. Pp. 3–8.

Анализ зарубежного опыта правовой защиты участников корпоративных конфликтов

Карпенко Виталий Андреевич,

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ)
E-mail: vkarpenko@live.ru

В статье проводится комплексный сравнительно-правовой анализ механизмов защиты прав и интересов участников корпоративных конфликтов в ведущих зарубежных странах. Исследуются особенности законодательного регулирования и судебной практики разрешения корпоративных споров в США, Великобритании, Германии, Франции, а также в государствах БРИКС. Выявлены ключевые тенденции развития данной сферы, включая расширение фидуциарных обязанностей контролирующих лиц, усиление защиты миноритарных акционеров, развитие институтов косвенных исков и альтернативных методов разрешения конфликтов. Сформулированы предложения по совершенствованию российского корпоративного законодательства с учетом лучших зарубежных практик. Обоснована необходимость дальнейшей конвергенции национальных правовых моделей регулирования корпоративных отношений на базе общепризнанных международных принципов в целях формирования благоприятного инвестиционного климата и обеспечения баланса интересов всех участников корпоративных конфликтов.

Ключевые слова: корпоративное право, корпоративный конфликт, защита прав участников, акционеры, иностранное законодательство, судебная практика.

Защита прав и интересов участников корпоративных отношений в ситуациях корпоративных конфликтов является одним из важнейших вопросов современного корпоративного права. Проблема обеспечения баланса интересов всех субъектов корпораций, предотвращения и разрешения корпоративных споров носит универсальный характер и актуальна для большинства правовых систем. Зарубежный опыт демонстрирует разнообразие подходов к регламентации данной сферы, что обусловлено спецификой национальных правовых систем, уровнем развития экономики, сложившимися традициями корпоративного управления. Вместе с тем, можно выделить определенные закономерности и тенденции эволюции правового регулирования защиты участников в корпоративных конфликтах.

Исследование зарубежного опыта имеет большое значение для совершенствования отечественного корпоративного законодательства и правоприменительной практики. Критический анализ иностранных моделей позволяет выявить их достоинства и недостатки, оценить возможность адаптации к российским реалиям. При этом прямое заимствование зарубежных подходов без учета национальной специфики представляется нецелесообразным.

Проблемам защиты участников корпоративных отношений посвящено немало научных работ как российских, так и зарубежных авторов. Среди них можно отметить труды А.А. Глушецкого [1, с. 45], Д.И. Дедова [2, с. 98], М.Г. Ионцева [3, с. 120], И.С. Шиткиной [4, с. 215], К. Норт [5, р. 78], М. Siems [6, р. 112] и других. Вместе с тем, многие аспекты данной темы остаются недостаточно исследованными и дискуссионными. Требуют дальнейшего изучения новейшие изменения в зарубежном законодательстве, судебная практика последних лет, доктринальные подходы к проблемам корпоративных конфликтов и защиты их участников.

Целью данной статьи является комплексный анализ современных тенденций правового регулирования защиты участников корпоративных конфликтов в зарубежных странах, выявление перспективных направлений рецепции положительного опыта в российское корпоративное право.

Корпоративные конфликты являются неотъемлемым элементом функционирования компаний. Они могут быть вызваны различными причинами: столкновением интересов мажоритарных и миноритарных акционеров, разногласиями между акционерами и менеджментом, нарушением прав участников со стороны органов управления и др.

[7, с. 131] От эффективности механизмов предупреждения и разрешения корпоративных конфликтов во многом зависит успешная деятельность корпораций, уровень защищенности инвестиций, стабильность экономики. Поэтому регламентации данной сферы зарубежные законодатели уделяют пристальное внимание.

В мировой практике сложилось несколько основных моделей правовой защиты участников корпоративных конфликтов. Их особенности обусловлены типом правовой системы (англосаксонская, романо-германская, смешанная), степенью развития фондового рынка, структурой корпоративной собственности (дисперсная или концентрированная), спецификой источников корпоративного права и другими факторами. При этом наблюдается тенденция к конвергенции национальных законодательств, обмену опытом и заимствованию наиболее успешных практик.

Общим для всех развитых стран является признание на законодательном уровне принципа защиты прав и интересов участников корпоративных отношений. Как отмечает К. Норт, «защита инвесторов от злоупотреблений со стороны инсайдеров и мажоритарных акционеров – фундаментальная проблема корпоративного права» [5, р. 76]. Гарантии участников закрепляются как в общих нормативных актах (Гражданские кодексы, законы о компаниях), так и в специальных (Кодексы корпоративного управления, биржевые правила). Детальность и широта регулирования варьируются по странам.

Наиболее развернутая система защиты характерна для США, где помимо общенационального законодательства (Закон о ценных бумагах 1933 г., Закон о фондовых биржах 1934 г. и др.) действуют акты штатов (Примерный закон о предпринимательских корпорациях и его аналоги в разных юрисдикциях). При этом значительную роль играет прецедентное право [8]. Защита участников корпоративных конфликтов осуществляется в США по нескольким направлениям. Законодательством предусмотрены права акционеров на информацию, участие в управлении, оспаривание решений органов компании, возмещение причиненных убытков и т.д. Акционеры вправе предъявлять как прямые (direct), так и косвенные (derivative) иски в случае нарушения своих интересов.

Широкий спектр мер защиты предусмотрен для миноритариев: право созыва внеочередного собрания, право требовать выкупа своих акций (appraisal rights), право на пропорциональное представительство в совете директоров (cumulative voting) и др. [9, pp. 142–144] В американском законодательстве большое внимание уделяется предотвращению конфликтов директоров, менеджмента и акционеров. Закреплены фидуциарные обязанности директоров действовать добросовестно, разумно, в интересах компании. За их нарушение предусмотрена ответственность по искам акционеров [10].

Анализ американского опыта показывает, что эффективная защита участников корпоративных

конфликтов невозможна без детальной законодательной регламентации, четких правовых принципов, быстрых и справедливых судебных процедур. Российскому законодателю следует учитывать этот опыт при модернизации корпоративного права, уделив особое внимание защите миноритарных акционеров, институту косвенных исков, ответственности директоров.

Англия также относится к странам с высоким уровнем регулирования корпоративных отношений и защиты инвесторов. Основными источниками здесь выступают Закон о компаниях 2006 г. (Companies Act), общее право и судебные прецеденты. Значительная роль отводится также Кодексу корпоративного управления (UK Corporate Governance Code) [11, с. 52]. Английское право предусматривает широкие полномочия участников в управлении компанией, возможности оспаривания решений менеджмента, право на информацию, право требовать созыва собрания (5% голосующих акций). Акционеры могут предъявить иск о возмещении убытков как самой компании (derivative claim), так и себе лично (personal claim). Отличительной чертой английского корпоративного права является институт «справедливых предубеждений» (unfair prejudice). Миноритарный акционер, интересы которого были существенно ущемлены действиями мажоритариев, вправе подать в суд петицию о несправедливом предубеждении и потребовать выкупа своих акций по справедливой цене, назначения дополнительных директоров, роспуска компании и пр. [12, р. 180]

Представляется, что заслуживает внимания английский подход к защите «справедливых ожиданий» миноритариев. Введение в российское право механизма защиты от несправедливого предубеждения позволило бы эффективнее защищать интересы миноритарных участников корпоративных конфликтов в случаях дискриминационных или недобросовестных действий мажоритариев.

Германское законодательство о защите участников корпоративных отношений базируется на положениях Гражданского уложения (BGB), Закона об акционерных обществах (AktG), Закона об обществах с ограниченной ответственностью (GmbHG), Кодекса корпоративного управления. Заметную роль играют также решения Верховного федерального суда Германии [13, с. 37]. Акционеры германских компаний имеют право на участие в общих собраниях, оспаривание решений органов АО, подачу исков в защиту интересов общества (Aktienklage). Миноритарии, владеющие 1% или €100 тыс. уставного капитала, могут потребовать созыва внеочередного собрания, включения вопросов в повестку, проведения специальной проверки деятельности АО [14, р. 295].

Германское корпоративное право известно доктриной фидуциарных обязанностей контролирующего акционера по отношению к миноритариям. Преобладающие участники не вправе извлекать особые преимущества в ущерб миноритариям и компании в целом, злоупотреблять корпоратив-

ным контролем [15, S. 118]. Немецкий опыт противодействия злоупотреблению корпоративными правами со стороны доминирующих акционеров мог бы быть полезен и в России. Стоит подумать о введении фидуциарных обязанностей контролирующих лиц, ответственности за ущерб, причиненный обществу и миноритариям в результате злоупотребления корпоративным контролем.

Французская модель защиты участников корпоративных отношений основана на нормах Коммерческого кодекса, Закона о торговых товариществах, Закона о новом экономическом регулировании 2001 года. Французские компании обязаны следовать Кодексу корпоративного управления AFEP-MEDEF на основе принципа «comply or explain» [16, с. 92]. Система корпоративного управления и разрешения конфликтов во Франции характеризуется сильной ролью государства, относительно слабой позицией миноритариев, преобладанием концентрированной собственности [17, р. 28]. Тем не менее, за последние десятилетия принят ряд мер по усилению защиты миноритарных акционеров.

Миноритарии, владеющие 5% капитала, вправе вносить вопросы в повестку собрания, требовать назначения экспертизы по сделкам, оспаривать решения собрания в суде. Закон Флоранжа 1994 г. ввел право миноритариев на групповой иск в защиту интересов компании (action sociale ut singuli) [18, с. 162]. Французский опыт демонстрирует важность усиления роли миноритарных акционеров, предоставления им действенных средств влияния и контроля. Представляется полезным изучить французскую модель группового иска миноритариев для имплементации в российское законодательство.

В странах БРИКС (Бразилия, Индия, Китай, ЮАР) правовое регулирование корпоративных конфликтов находится в процессе становления. Наблюдается тенденция к расширению защиты миноритарных инвесторов, внедрению лучших мировых практик корпоративного управления.

Китайский закон о компаниях 2005 г. закрепил ряд прав миноритариев: оспаривание решений органов компании, подача косвенных исков, созыв собрания (10% голосов). В 2019 г. ужесточены фидуциарные обязанности контролирующих акционеров, введена их ответственность за ущерб миноритариям [19]. В Индии Закон о компаниях 2013 г. предусмотрел право миноритариев (10% голосов) требовать проведения внеочередного собрания, расследования деятельности компании, обращаться в трибунал по корпоративным спорам (NCLT). Закон ввел механизм защиты от притеснения и неадекватного управления (oppression and mismanagement), сходный с английским институтом «unfair prejudice» [20]. Опыт Китая и Индии показывает, что страны с развивающейся экономикой стремятся усовершенствовать защиту миноритарных инвесторов для повышения инвестиционной привлекательности. России следует учитывать эту тенденцию и активнее внедрять передовые практики

корпоративного управления, адаптируя их к национальной специфике.

Сравнительно-правовой анализ показывает, что несмотря на существенные различия национальных моделей регулирования, в сфере защиты участников корпоративных конфликтов прослеживаются общие тренды:

1. Признание на уровне закона и судебной практики фидуциарных обязанностей контролирующих лиц действовать добросовестно и разумно, не допускать злоупотребления правами в ущерб миноритариям и компании в целом.
2. Расширение прав миноритарных акционеров по контролю за деятельностью компании, участию в управлении, оспариванию решений органов и сделок. Снижение порогов для реализации прав миноритариев (созыв собрания, внесение вопросов в повестку, требование проверок и пр.)
3. Развитие института косвенных (производных) исков как эффективного средства защиты компании от недобросовестных действий мажоритарных участников и менеджмента. Упрощение процедур предъявления таких исков.
4. Детальная регламентация конфликтов интересов директоров и менеджеров, сделок с заинтересованностью. Введение обязанности раскрытия информации о личной заинтересованности, требований к одобрению сделок, ответственности за убытки.
5. Внедрение механизмов альтернативного урегулирования корпоративных споров (переговоры, медиация, арбитраж). Поощрение несудебного разрешения конфликтов путем переговоров участников [21, р. 1018].

Указанные тенденции свидетельствуют о повышении значимости защиты прав участников корпоративных отношений в современной экономике. Очевидно, что страны конкурируют за инвестиции, стремятся создать максимально комфортные условия для инвесторов, обеспечить справедливые «правила игры» и баланс интересов всех участников корпораций. Российскому законодателю важно не отставать от мировых трендов, продолжать совершенствовать регулирование корпоративных конфликтов с учетом лучших зарубежных образцов.

Перспективы развития исследуемой сферы видятся в дальнейшей конвергенции национальных моделей, выработке единых стандартов и принципов корпоративного управления и защиты участников [22, с. 214]. Важную роль в этом играют документы авторитетных международных организаций (ОЭСР, МВФ, Всемирный банк и др.), обобщающие передовой опыт и задающие ориентиры совершенствования корпоративного права. В частности, Принципы корпоративного управления G20/ОЭСР в редакции 2015 г. устанавливают, что «все акционеры должны иметь возможность получить эффективное возмещение в случае нарушения их прав», «миноритарные акционеры должны быть за-

щищены от прямых или косвенных злоупотреблений со стороны контролирующих акционеров» [23].

Представляется, что гармонизация корпоративного законодательства на основе общепризнанных принципов – магистральный путь развития правовой защиты участников корпоративных конфликтов в глобальном масштабе. России важно активнее участвовать в этом процессе, перенимать лучшие зарубежные практики, вносить свой вклад в формирование международных стандартов корпоративного управления.

Проведенный анализ показал, что правовая защита участников корпоративных конфликтов является актуальным направлением развития корпоративного права за рубежом. В большинстве стран приняты специальные нормы, направленные на предотвращение и разрешение корпоративных споров, обеспечение баланса интересов всех участников компаний. Сравнительное исследование выявило как общие черты, так и особенности национальных моделей регулирования. К числу ключевых трендов относятся: повышение роли фидуциарных обязанностей контролирующих лиц; расширение прав миноритарных акционеров; развитие института косвенных исков; детальная регламентация конфликтов интересов; внедрение механизмов альтернативного урегулирования споров.

Опыт зарубежных стран имеет большое значение для совершенствования российского корпоративного законодательства. Представляется необходимым имплементировать лучшие мировые практики, адаптируя их к отечественной специфике. В частности, заслуживают внимания такие институты, как фидуциарные обязанности контролирующих акционеров, право миноритариев на групповой иск, механизм защиты от несправедливого предубеждения. Вместе с тем, прямое заимствование зарубежных норм без учета национальных особенностей корпоративных отношений вряд ли принесет желаемые плоды. Важен взвешенный подход, тщательная проработка законодательных новаций, апробация на практике. Только так можно обеспечить эффективную защиту участников корпораций, предотвращение и цивилизованное разрешение корпоративных конфликтов.

В заключение необходимо отметить, что в условиях глобализации экономики сфера правовой защиты участников корпоративных конфликтов будет активно развиваться. Конкуренция юрисдикций за инвестиции станет стимулом дальнейшего совершенствования корпоративного законодательства. Гармонизация и унификация правовых норм на основе общепризнанных принципов и лучших мировых практик представляются магистральным путем эволюции корпоративного права в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Глушецкий А.А. Корпоративные конфликты: возможности правового регулирования // Ме-

неджмент и бизнес-администрирование. 2022. № 3. С. 45–59.

2. Дедов Д.И. Конфликт интересов. М.: Волтерс Клувер, 2020. 288 с.
3. Ионцев М.Г. Корпоративные захваты: слияния, поглощения, гринмэйл. М.: Ось-89, 2021. 224 с.
4. Корпоративное право: учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2023. Т. 2. 990 с.
5. Hopt K.J. Comparative Corporate Governance: The State of the Art and International Regulation // American Journal of Comparative Law. 2023. Vol. 59. № 1. P. 1–78.
6. Siems M.M. Convergence in Shareholder Law. Cambridge University Press, 2022. 390 p.
7. Корпоративные отношения: комплексные проблемы теоретического изучения и нормативно-правового регулирования / Отв. ред. Е.Д. Тягай. М.: Норма, 2022. 144 с.
8. Cox J.D., Hazen T.L. Corporations. 3rd ed. Aspen Publishers, 2021. 1040 p.
9. Filatotchev I. et al. Corporate Governance in the US and Global Settings. Emerald Publishing, 2022. 427 p.
10. Millon D. Enlightened Shareholder Value, Social Responsibility, and the Redefinition of Corporate Purpose Without Law // Washington & Lee Legal Studies Paper. 2022. № 416. pp. 1–35.
11. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем. М.: Проспект, 2023. 384 с.
12. Pettet B.G., Lowry J.P., Reisberg A. Pettet's Company Law: Company Law and Corporate Finance. 5th ed. Pearson, 2021. 627 p.
13. Источники корпоративного права Германии: сравнительно-правовое исследование. М.: Юстицинформ, 2022. 268 с.
14. Cahn A., Donald D.C. Comparative Company Law. 2nd ed. Cambridge University Press, 2024. 916 p.
15. Drinhausen F., Eckert G. Wirtschaftsrecht // Handbuch des deutschen und europäischen Wirtschaftsrechts. De Gruyter, 2023. S. 101–141.
16. Модели корпоративного управления в Европе: опыт Великобритании и Германии / Под ред. Е.О. Каляевой. СПб.: Скифия-принт, 2022. 127 с.
17. Magnier V., Barban P. The Potential Impact of Blockchains on Corporate Governance: A Survey on Shareholders' Rights in France // Revue Trimestrielle de Droit Financier. 2020. № 4. P. 20–33.
18. Жукова Ю.Д., Долгих М.Г. Защита прав миноритарных участников как направление развития корпоративного законодательства Франции // Предпринимательское право. 2023. № 2. С. 156–167.
19. Anand A. et al. Shareholder Protection in China: An Evolutionary and Comparative Perspective // Chinese Journal of Comparative Law. 2023. Vol. 11. № 1. P. 1–35.
20. Singh Y. Corporate Governance in India: Regulatory Reforms and Challenges // Journal of Govern-

ance and Regulation. 2022. Vol. 11. № 4. P. 13–25.

21. Anderson H. The Framework of Corporate Insolvency Law. Oxford University Press, 2024. 1264 p.
22. Хабриева Т.Я. Конвергенция правовых систем в условиях международной интеграции // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2022. № 6. С. 204–215.
23. G20/OECD Principles of Corporate Governance 2015. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264236882-en>

ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE OF LEGAL DEFENCE OF PARTICIPANTS IN CORPORATE CONFLICTS

Karpenko V.A.

Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics (UMTE)

The article provides a comprehensive comparative legal analysis of mechanisms of protection of rights and interests of participants of corporate conflicts in leading foreign countries. The peculiarities of legislative regulation and judicial practice of corporate disputes resolution in the USA, Great Britain, Germany, France, as well as in the BRICS countries are studied. The article identifies the key trends in this area, including the expansion of fiduciary duties of controlling persons, strengthening the protection of minority shareholders, development of indirect lawsuits and alternative methods of conflict resolution. Proposals to improve Russian corporate legislation taking into account the best foreign practices were formulated. The necessity of further convergence of national legal models of regulation of corporate relations on the basis of generally accepted international principles for the purpose of formation of a favourable investment climate and ensuring a balance of interests of all participants in corporate conflicts is substantiated.

Keywords: corporate law, corporate conflict, protection of participants' rights, shareholders, foreign legislation, judicial practice.

References

1. Glushetsky A.A. Corporate conflicts: possibilities of legal regulation // Management and Business Administration. 2022. № 3. С. 45–59.
2. Dedov D.I. Conflict of interest. Moscow: Wolters Kluwer, 2020. 288 с.
3. Iontsev M.G. Corporate seizures: mergers, acquisitions, greenmail. M.: Os-89, 2021. 224 с.
4. Corporate law: a training course. In 2 vol. / Ed. by I.S. Shitkina. Moscow: Statute, 2023. Т. 2. 990 с.
5. Hopt K.J. Comparative Corporate Governance: The State of the Art and International Regulation // American Journal of Comparative Law. 2023. Vol. 59. № 1. P. 1–78.
6. Siems M.M. Convergence in Shareholder Law. Cambridge University Press, 2022. 390 p.
7. Corporate relations: complex problems of theoretical study and normative-legal regulation / Ed. by E.D. Tyagai. Moscow: Norma, 2022. 144 с.
8. Cox J.D., Hazen T.L.. Corporations. 3rd ed. Aspen Publishers, 2021. 1040 p.
9. Filatotchev I. et al. Corporate Governance in the US and Global Settings. Emerald Publishing, 2022. 427 p.
10. Millon D. Enlightened Shareholder Value, Social Responsibility, and the Redefinition of Corporate Purpose Without Law // Washington & Lee Legal Studies Paper. 2022. No. 416. pp. 1–35.
11. Laptev V.A. Corporate Law: Legal Organisation of Corporate Systems. Moscow: Prospect, 2023. 384 с.
12. Pettet B.G., Lowry J.P., Reisberg A. Pettet's Company Law: Company Law and Corporate Finance. 5th ed. Pearson, 2021. 627 p.
13. Sources of German corporate law: comparative legal study. Moscow: Yustitsinform, 2022. 268 с.
14. Cahn A., Donald D.C. Comparative Company Law. 2nd ed. Cambridge University Press, 2024. 916 p.
15. Drinhausen F., Eckert G. Wirtschaftsrecht // Handbuch des deutschen und europäischen Wirtschaftsrechts. De Gruyter, 2023. S. 101–141.
16. Models of Corporate Governance in Europe: Experience of Great Britain and Germany / Edited by E.O. Kalyaeva. SPb.: Skifia-Print, 2022. 127 с.
17. Magnier V., Barban P. The Potential Impact of Blockchains on Corporate Governance: A Survey on Shareholders' Rights in France // Revue Trimestrielle de Droit Financier. 2020. № 4. P. 20–33.
18. Zhukova Y.D., Dolgikh M.G. Protection of the rights of minority participants as a direction of development of corporate legislation in France // Entrepreneurial Law. 2023. № 2. С. 156–167.
19. Anand A. et al. Shareholder Protection in China: An Evolutionary and Comparative Perspective // Chinese Journal of Comparative Law. 2023. Vol. 11. № 1. P. 1–35.
20. Singh Y. Corporate Governance in India: Regulatory Reforms and Challenges // Journal of Governance and Regulation. 2022. Vol. 11. № 4. P. 13–25.
21. Anderson H. The Framework of Corporate Insolvency Law. Oxford University Press, 2024. 1264 p.
22. Khabrieva T. Ya. Convergence of legal systems in the conditions of international integration // Vestnik of O.E. Kutafin University. 2022. № 6. С. 204–215.
23. G20/OECD Principles of Corporate Governance 2015. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264236882-en>

Эволюция статуса римских сенатусконсултов II–I вв. до н.э. как источника частного и публичного права

Крицкая Светлана Юрьевна,

доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия
E-mail: crebet@mail.ru

Статья посвящена деятельности римского сената, отраженной в создании постановлений сената – сенатусконсултов, с помощью которых происходило регулирование жизни римского общества. Сенат занимался вопросами, которые относились к управлению государства, защите и поддержанию римской религии («алтари отеческих богов»), разрешению введения зарубежных культов, к приостановлению принятия законов в случае острой общественной необходимости, к хранению и распределению народной казны – эрария, к судебной практике, а также вопросами международной политики, включая проблемы «войны и мира» и взаимоотношений с латинами, провинциалами и иностранцами. Эти вопросы и находили отражения в сенатусконсультах. Первоначально постановления сената не обладали силой закона, но постепенно к периоду принципата они стали приравняться к законам на основании авторитета (auctoritas) отцов – сенаторов и легитимации их по решению народных собраний – комиций, а также указов высших магистратов – консулов и преторов, а впоследствии по утверждению императоров. Самые ранние сохранившиеся сенатусконсулты относятся ко II–I вв. до н.э. и определяют как публичные, так и частные аспекты римского права.

Ключевые слова: совет старейшин, римский сенат, сенатусконсулт, высшие магистраты, принцепс, союзническая война, публичное и частное право.

В древности, в период раннепервобытной общины проявилась на разных территориях, у разных племен и народов характерная черта в способах управления жизнью общины, как родовой, так и производственной. Коллективная воля народа, опирающаяся на признанный авторитет локальной группы, члены которой выделялись выдающимися личными качествами, навыками организаторов или большим жизненным опытом – как правило, старших представителей рода. «Из их среды обычно выходили главари, руководившие повседневной хозяйственной, общественной и идеологической жизнью коллектива... Власть главаря или совета старейших основывалась на их опыте, примере образцовых действий, интеллектуальном и эмоциональном превосходстве, умении убеждать, иначе говоря, на их индивидуальном или групповом авторитете.» [1, с. 201–202.]

Совет старейшин как коллегиальный орган власти выполнял различные функции: следил за управлением религиозных культов, сохранял и соблюдал обычаи – заветы предков, участвовал в экономической жизни общины (охота и распределение добычи, сев, жатва и разделение урожая, организация совместных пиров и т.п.), регулировал начало, ход, мирные переговоры и окончание военных действий с соседскими общинами, судил и разрешал конфликты между сородичами, принимал меры по борьбе с последствиями стихийных бедствий и эпидемий – словом, организовывал все аспекты общественной жизни. Поскольку вся деятельность осуществлялась на добровольных принципах, то формально рекомендации старейшин не являлись обязательными к исполнению, но фактически им подчинялись все, так как советы старейшин рассматривались как воля народа.

Советы старейшин были во всех обществах, сохранились они и в наши дни, например, в племенах аборигенов Австралии. В римском государстве вся история от возникновения Рима в 753 г. до н.э. на протяжении долгого периода вплоть до разрушения остатков государства в 1453 г. сопровождалась существованием совета старейшин, получившим название сенат, несмотря на то численность, состав, функции его время от времени менялись.

Этимология слова сенат прозрачна, впервые ее дал Марк Туллий Цицерон в 2 трактатах – «О государстве» и «О старости»: «Если бы качества эти (мудрость, здравый смысл) не были свойственны старикам, то наши предки не назвали бы высшего совета «сенатом» [4, с.12] Лексикограф II века н.э. Секст Помпей Фест в труде «О значении слов» отнес формирование состав сената ко времени рекса

Ромула в VIII в. до н.э.: «Хорошо известно, что сенаторы называются от старости (*senatores a senectute*). Ромул вначале выбрал сто (сенаторов), по совету которых он управлял государством; поэтому они также названы «отцами» (*patres*)» [7, p.454].

Состав неоднократно менялся: сначала – 100 членов, затем увеличился – до 300 человек в VI в. до н.э., до 600 человек в I в.н.э. при Луции Корнелии Сулле, а при Гае Юлии Цезаре – до 900 сенаторов; однако Гай Октавиан Август сократил состав сената до 600 человек, но, тем не менее, уже при императоре Юстиниане сенаторов насчитывалось до 2000.

Сенат занимался вопросами, которые относились к управлению государством, защите и поддержанию римской религии («алтари отеческих богов»), разрешению введения зарубежных культов, к приостановлению принятия законов в случае острой общественной необходимости, к хранению и распределению народной казны – эрария, к судебной практике, а также вопросами международной политики, включая проблемы «войны и мира» и взаимоотношений с латинами, провинциалами и иностранцами. Эти вопросы находили отражения в постановлениях сената – рекомендациях сената, или сенатусконсультах. Сенат не имел права законодательной инициативы, следовательно, предложенный сенатам сенатусконсульт не обладал силой закона. Чтобы постановление сената получило силу закона, опирающую на высший авторитет сената – *auctoritas*, оно должно было быть одобрено народным собранием, а затем к V в. до н.э. высшими магистратами – консулами и преторами, впоследствии императорами. В период ранней республики сенатус консулты не имели заглавия, начиная со II в. до н.э. название давалось в зависимости от их содержания, или по имени магистрата, сделавшего запрос в сенат о сенатусконсульте, или по имени того лица, которое было упомянуто в постановлении, или же по имени императора, в правление которого принят сенатусконсульт. В эпоху поздней республики текст сенатусконсульта составлялся не только на латинском, но и на греческом языке, особенно, если он был обращен к жителям провинций.

По предмету регулирования сенатусконсулты подразделялись на относящиеся к публичному праву и учитывающие регулирования различных моментов частного права, что делает их весьма ценным источником римского права. Хотя испанский романист М.Х. Гарсия Гарридо, опираясь на высказывание Гая [3, 1. 4.] считает, что, по сути дела, долгое время сенатусконсульт был лишь советом, который давал сенат, и на том основании не мог быть источником римского права. В дальнейшем, несмотря на то что он был признан источником *ius civile*, отдельные положения сенатусконсульта, предложенные принципсами, могли противоречить законам. [2, с. 65]

К сожалению, большинство постановлений сената только упомянуты в других источниках права, трудах римских юристов и историков,

и лишь некоторые из них сохранились как археологические артефакты. В большей степени это замечание относится к сенатусконсультам раннереспубликанского периода II–I вв. до н.э.

До наших дней сохранилось всего несколько подлинных постановлений сената этого времени, практически в неповрежденном виде или в виде обломков. Из них самые известные: фрагмент *Senatusconsultum de Bacchanalibus* – сенатусконсульт о вакханалиях (186 г. до н.э.), написанный на бронзовой пластине и представлявший сокращенный вариант полного текста сенатского постановления, который был передан магистратам в Тириоле (фрагмент найден в 1640 г., сейчас хранится в Венском музее); – о запрещении массовых действий во время отправления культа греческого бога Диониса, второе имя которого было Вакх, сопровождавшихся беспорядками [5, p.5]; *Senatusconsultum de philosophis et rhetoribus* сенатусконсульт о философам и риторам (161 г. до н.э.) – о запрещении эллинистических философских школ и изгнании греческих философов и учителей красноречия из Рима [5, p. 8]; фрагмент *Senatusconsultum de Asclepiade* (87 г. до н.э.), называемый еще лутациановым сенатусконсультом по имени консула Гая Лутация Катула – о награждении званием «друзей римского народа» 3 навархов – капитанов греческих судов: Асклепиада из Клазомена, Полистрата из Кариста, Мениска из Милета, помогавших римлянам в битвах на море в Союзнической войне 90–88 гг. до н.э. [5, p. 90]; *Senatusconsultum de Thisbis* (170 г. до н.э.) – о предоставлении жителям города Тисба в Средней Греции статуса «друзей римского народа» и установлении протектората [5, p.134]; *Senatusconsultum de Hastis Martiis* (99 г. до н.э.) – о сенатском расследовании последствий землетрясения и разрушении храмов и статуй богов [5, p.78] и др.

В период поздней республики значение сената стало ослабевать, но, тем не менее, роль сенатусконсултов неожиданно возросла. Поскольку император председательствовал в сенате, так как считался его главой – принципсом (*princeps senatus*), то он зачастую выдвигал предложение о новом сенатусконсульте (*oratio principis*), и таким образом сенат мог творить право» [6, 3. 9.]. Так, со II в.н.э. сенатусконсулты равными закону, в силу авторитета принципса.

Литература

1. Алексеев И. П., Першиц А.И. История первобытного общества – М.: Высшая школа, 1999. 350 с.
2. Гарсия Гарридо М.Х. Римское частное право: казусы, иски, институты. – М.: Статут, 2005. 812 с.
3. Гай. Институции. – М.: Юрист, 1997. 368 с.
4. Цицерон М. Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М.: Наука, 1993. 243 с.
5. *Antiquitatis Romana monumenta legalia*. – Bero-lini: Apud G. Reimerum, 1830. 299 p.

6. Digesta Iustiniani Augusti. Liber primus. – Berolini: Krüger, 1830. 369 p.
7. Festus S.P. De verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome. – Lipsiae: Teubner. 1913. 490 p.

EVOLUTION OF THE STATUS OF THE ROMAN SENATUSCONSULTS OF II-I CC. BC AS THE SOURCE OF THE PRIVATE AND PUBLIC LAW

Kritskaya S.Yu.

North-Western Branch of the FSBEHE "Russian State University of Justice"

The article is devoted to the problems of activity of Roman Senate in regulation of multilateral life of Roman society, especially in problems of public and private law. The activity of the Senate was such as to gradually bring within the sphere of its legislation all matters that pertained to religion, police, administration, provincial matters and all foreign relations. Primary senatorial decrees had no statutory order but could receive it with the help of decisions of Roman popular assembly, resolution of magistrates or imperators. Some of the Senatusconsults of the Republican period became laws by being carried in the comitia, consuls and princeps. Some modern writers have denied the position that Senatusconsults were laws in the

proper sense of the term in the Early Republican period. Numerous Senatusconsults under the Empire were certain laws. The certain senatusconsults remaining as a whole or in some fragments since II-I cc. BC are well-known in history. These decrees reflected the politics of the state in law-making field.

Keywords: Roman Senate, Senatusconsult, Public and Private Law, Regulation of Social Life, Italian war, Republic period, Consul, Princeps.

References

1. Alekseev I. P., Pershits A.I. The History of Primitive Society. – M.: Higher school, 1999. 350 p.
2. Garcia Garrido M.H. Roman private law: casuses, actions, institutions. – M.: Statute, 2005. 812 p.
3. Gaius. Institutiones. – M.: Jurist, 1997. 368 p.
4. Cicero M.T. De senectute. De amicital. De officiis. – M.: Science, 1993. 243 p.
5. Antiquitatis Romana monumenta legalia. – Berolini: Apud G. Reimerum, 1830. 299 p.
6. Digesta Iustiniani Augusti. Liber primus. – Berolini: Krüger, 1830. 369 p.
7. Festus S.P. De verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome. – Lipsiae: Teubner. 1913. 490 p.

Доктринальные и практические подходы к определению существенности условия о сроке договора аренды здания или сооружений

Хоролец Дан Валерьевич,

Аспирант Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», кафедра гражданского права
E-mail: Khorolets_law@mail.ru

В статье рассмотрены наиболее распространенные споры, возникающие при аренде нежилых помещений. Анализируются позиции судебных органов по вопросам ненадлежащего исполнения условий договора аренды, заключения и исполнения договоров субаренды и другие. Помимо этого, дается краткий анализ характеристике sinalлагматичности договора аренды в практике и доктрине, рассматриваются пороки передачи имущества и их последствия со ссылками на положения параграфа 1 главы 34 Гражданского Кодекса Российской Федерации и особенности правового регулирования института аренды в условиях санкций. Дается характеристика акта приема-передачи в арендных отношениях, его значение при оформлении исполнения обязательства арендодателя по передаче имущества в пользование арендатору. Автор формулирует предложения, направленные на решение проблем законодательного регулирования арендных правоотношений.

Ключевые слова: аренда, sinalлагматичность, санкции, нежилое помещение, исполнение обязательств, арендная плата.

Договор может быть рассмотрен не только как двусторонняя сделка или правоотношение, но и как акт товарообмена. Тогда в одно из понятий вклинивается категория «цены» – материальный эквивалент стоимости всех задействованных в обороте благ между людьми.

За реализованный в чью-то пользу товар или услугу ГК РФ в статьях 423 и 424 допускает вознаграждение в двух формах: денежные средства или другое встречное исполнение. В контексте права и экономики цена воспринимается учеными по-разному.

Далеко не все готовы устанавливать тождество между ней и иной формой исполнения обязательства. Н.А. Скузоватова, наоборот, рассматривала цену как исключительный элемент обязательств по выплате денежных средств. Расчеты с кредитором в иной форме, нежели денежной подпадают под применение новации как способа прекращения обязательства и свидетельствуют о комплексном характере такого соглашения. Считаем эту позицию чересчур усложненной, поскольку создатели ГК РФ вряд ли задумывали автоматическую новацию при формировании правил определения арендной платы в статье 614 [1].

Открытый перечень законных способов определения в договоре размера арендной платы предполагает возможность ее установления:

1. Фиксированной разовой, либо же периодической суммой;
2. Обменом на вещь или услугу;
3. Процентом или долей от выручки арендатора;
4. Улучшением объекта аренды;
5. Иными не противоречащими закону способами.

Как и общая аренда, договор аренды зданий/сооружений должен обладать обязательным признаком возмездности. Родственность отношений аренды и ссуды (безвозмездного пользования) с некоторой условностью и вовсе позволяет говорить о возмездности как о существенном условии любого договора найма имущества. Делать мы этого не будем по трем простым причинам.

Во-первых, приоритет возмездного пользования над безвозмездным прямо зафиксирован в законе (п. 3 ст. 423 ГК РФ). В дополнение общей частью ГК РФ даже предусмотрен механизм восполнения несогласованного условия – «обычно взимаемая цена» (п. 3 ст. 424 ГК РФ). С общими положениями об аренде он не конфликтует, но для исследуемой нами разновидности договоров функционирование этого механизма нереализуемо. Об этом чуть позже [3].

Во-вторых, у аренды и ссуды совершенно разные предметы. Кауза первого четко демонстрирует корыстное (в нормальном значении) содержание. Кауза второго – установление отношений безвозмездного извлечения выгоды из использования чужого имущества. У собственника, конечно, обычно имеются свои хозяйственные соображения по этому поводу (дружеские связи, стремление избежать ненужного простоя вещи и т.д.). Но они не настолько значимы, чтобы оказать серьезное влияние на изменение направления сделки.

В-третьих, это помешает нам подчеркнуть принципиальную особенность договора аренды зданий/сооружений на фоне всех остальных арендных контрактов.

Дело в том, что закон предъявляет особые требования к согласованию платы (статья 654 ГК РФ). По верному замечанию Арбитражного суда Уральского округа, арендная плата наряду с предметом (и объектом) аренды наделена статусом существенного условия договоров о найме зданий/сооружений. Мы не могли не отметить последовательный подход законодателя к восприятию ценовой политики на недвижимость. Цена для сделок, где вопрос стоит о движении права собственности на аналогичный предмет – тоже существенное условие (ст. 555 ГК РФ). И действует схожий запрет на применение п. 3 ст. 424 ГК РФ для восполнения несогласованного условия арендной платы.

Ученые связывают объяснение этого явления с невозможностью установить среднюю рыночную цену. Мы готовы признать доводы о крайне высокой степени локальности этого рынка и о неповторимости каждого отдельно взятого объекта недвижимости, но с невыполнимостью поставленной задачи мы не согласны [4].

Несогласование арендной платы неминуемо влечет незаключенность договора аренды. При возможном судебном разбирательстве могут быть применены нормы гражданского права не в порядке Главы 34, а Главы 60 (неосновательное обогащение). Судьи – эксперты права, а не экономисты. В вопросах доказывания они будут принимать и отыскивать любые значимые для разрешения дела сведения. Наибольшим авторитетом в поиске доказательственной базы в делах о неосновательном обогащении вследствие незаключенности договора аренды зданий/сооружений пользуется оценочная экспертиза. Перед экспертами ставится прямой вопрос: какова рыночная стоимость арендной платы в определенный период? У опытного оценщика не составит труда определить общую сумму, и даже разумные размеры среднерыночной цены одного квадратного метра. Парадоксально, но факт – для спасения сделки определить стоимость по среднерыночной цене невозможно, но как только в ход идут кондикционные отношения – пожалуйте.

Подавляющее большинство споров в сфере аренды строится вокруг двух основных аспектов: передачи арендованного объекта и вознаграждения арендодателя вещи за ее сдачу арендатору [5].

Обязанность предоставить вещь/часть вещи предусматривается общими положениями об аренде в ст. 611 ГК РФ. Предоставление должно быть осуществлено в соответствии с назначением имущества и договоренностями сторон. Без отдельного упоминания должны самостоятельно передаваться арендодателем сопутствующие объекту аренды вещи, необходимые для его эксплуатации. Применительно к отношениям по сдаче в аренду зданий/сооружений/помещений ими могут выступать ключи, карты, коды доступа, инструкции по эксплуатации. Так, в деле по иску городской администрации к индивидуальному предпринимателю о взыскании арендной платы за период пользования нежилым помещением, последнему удалось защититься против несправедливых требований своего арендодателя именно путем доказывания невозможности открытия входных дверей в помещение предоставленными ключами. Имуществом пользоваться было нельзя, а администрация всячески уклонялась от надлежащего выполнения обязанности по введению предпринимателя в пользование площадями в периоды начисления платы за пользование вещью. Суды отказали в удовлетворении этих требований.

Системно подойдя к рассмотрению параграфа 1 Главы 34 ГК РФ, мы можем увидеть в разных ее частях в той или иной мере отсылки к порокам передачи имущества и их последствиям [6]:

- Ст. 612 ГК РФ – ответственность арендодателя за передачу с неизвестными и/или неоговоренными в ходе оформления сделки недостатками, умаляющими возможность арендатора пользоваться зданием/сооружением/помещением. Съемщик восстанавливает нарушенное право на свой выбор требованием об уменьшении арендной платы, требованием о компенсации расходов, удержанием соразмерной проделанной работе по исправлению недостатков части арендной платы или заявлением о досрочном расторжении договора.
- Ст. 613 ГК РФ – ответственность арендодателя за передачу имущества с непредотвращенными законными притязаниями третьих лиц на него. Непредупрежденный о них съемщик защищается заявлением об уменьшении арендной платы или о расторжении договора с возмещением убытков.
- Ст. 614 ГК РФ – внезапное значительное ухудшение качества имущества, не зависящее от действий арендодателя. Интересы съемщика балансируются снижением арендных платежей.
- Ст. 616 ГК РФ – ответственность арендодателя за необходимый или срочный капитальный ремонт. Арендатор пресекает нарушение производством самостоятельных ремонтных работ с перевыставлением их стоимости контрагенту напрямую или через зачет арендной платы. Вместо этого он также может соразмерно претендовать на уменьшение арендной платы

или на расторжение договора с компенсацией убытков.

Сделка по заявлению арендатора может быть завершена досрочно в судебном порядке при проявлении пороков поведения арендодателя или независимых от него обстоятельств, снижающих эффективность извлечения из объекта полезных свойств:

- Ст. 620 ГК РФ – непередача имущества, учинение помех арендатору в пользовании имуществом или приведение имущества по независящим от хозяина причинам в состояние непригодности.

Условия о размере арендной платы сами по себе весьма строги. Пункт 3 ст. 654 ГК РФ содержит важную приписку: в договоре с ценой по метражу (стоимость указана за 1 м² или иного величинного показателя) итоговый размер предоставления арендатора будет определяться исходя из фактически переданных площадей. Буквально это означает, что если в договоре указан один размер, а фактически передан другой, то плата будет взиматься по итогам расчета [7].

Для констатации введения арендатора во владение и/или пользование зданием/сооружением используется особый инструмент – акт передачи (он же «акт приемки», «акт приема-передачи», «передаточный акт» и т.п.). Его составление в силу ст. 655 ГК РФ предписывается как в начале отношений при приемке вещи, так и при их окончании с момента возврата.

Обличение фиксации в письменный вид некоторыми воспринимается как продолжение правил о форме договора (единый письменный документ, ст. 651 ГК РФ). Вынуждены внести уточнение. Консенсуальный характер договора аренды зданий/сооружений обычно способствует складыванию некоего порядка развития событий: заключение договора – передача объекта – внесение платежей за него. В момент передачи объекта все соглашения уже оформлены, и акт приемки является скорее оформляемой по указанию сторон закрепляющим факт документом [8].

Правильное, исчерпывающее видение истинного значения данного документа нами было найдено в одном из дел Арбитражного суда Западно-Сибирского округа. Разрешая дело о взыскании задолженности по арендной плате, все судебные инстанции указали на факт подписания уполномоченными лицами сторон акта приема-передачи нежилого помещения.

Ссылавшемуся на отсутствие фактической передачи и фальсификацию акта ответчику судами было неоднократно предложено принять активное участие в перераспределении бремени доказывания по делу, а именно – убедить суд в том, что акт не может быть признан по смыслу ст. 65 АПК РФ надлежащим доказательством фактической передачи недвижимости в том или ином объеме. Ответчик этого не сделал, что привело к удовлетворению иска.

В связи с этим, подобный акт и вписанные сторонами в него сведения – лишь опровержимая презумпция. Подписывать акт арендатору и арендодателю необходимо, причем необходимо делать это с осторожностью, чтобы не усложнить себе в будущем жизнь при изложении суду фактологии событий. В схожую ситуацию попадают лица, если не сочтут нужным его составить при возврате недвижимости. Тогда добиваться в суде правды придется через совокупности доказательств: переписка, записи аудио-переговоров, фотографии, допросы свидетелей и т.д.

Невооруженным глазом просматривается зависимость вознаграждения хозяина недвижимости от того, насколько будет соответствовать достигнутому соглашению связь арендатора и имущества, причем как в динамике, так и в статике. Под динамикой мы понимаем состояние установления владения и/или пользования арендатора над вещью, процесс условного движения вещи к нему. Что же касается статике, то вернее было бы ее описать как поддержание в течение периода действия соглашения на должном уровне уклада применения объекта арендатором для удовлетворения собственных нужд в нем [11].

В купле-продаже продавец отдает вещь покупателю в собственности и забывает о ней. Предоставление в аренду от этого отличается кардинально. Арендодатель по умолчанию гарантирует на всю продолжительность срока аренды ежедневную, ежеминутную возможность получать потребительскую ценность от здания/сооружения. Понятия «передачи» и «предоставления» для этих конструкций имеют разную смысловую нагрузку, хотя при некотором снисхождении могут употребляться как синонимы.

Менее устойчивое положение арендодателя в праве на получение награды за аренду дает повод вкратце упомянуть о синаллагматичности (двустороннем характере) договора аренды зданий/сооружений. Российскому правопорядку это понятие знакомо по большей части доктринально. Употребление данного термина в общей или особенной части ГК РФ не производится [10].

Восприятие теоретической сущности данного понятия выражается через множество трактовок. Синаллагматичность рассматривается и как полный синоним двусторонне обязывающего договора (обязанности по отношению друг к другу есть у обеих сторон), и как объективная (вытекающая из состояния рынка на момент обмена благами)/субъективная (исходящая из личных соображений сторон о ценности обмениваемых благ) равноценность встречных предоставлений. Эти характеристики немаловажны, но не совсем приближают к тому, о чем мы хотим сказать.

В доктрине популярно делить синаллагматичность обязательства на несколько пунктов:

1. Генетический аспект – появление одного обязательства тесно связано с возникновением другого, не способно к возникновению без него. Такие обязательства подчеркивают обоюд-

ный экономически ценный интерес участников сделки к поведению друг друга.

2. Функциональный аспект – существование и исполнение таких обязательств опосредует встречный обмен основными имущественными исполнениями. Только лицо, отдавшее контрагенту должное, может претендовать на получение от него удовлетворения.
3. Кондикционный аспект (иногда признается частью функционального аспекта) – порок исполнения с одной стороны открывает потерпевшему право на соразмерное неисполнение взятых на себя обязательств.

Открыто синаллагматическим ВС РФ осмелился назвать пока только договор купли-продажи в своем Обзоре № 4 от 2019 года. Исполнение покупателем обязательств по оплате товара обусловлено исполнением продавцом обязанностью по его передаче по смыслу ст. 328 ГК РФ. В практике Арбитражного суда Кемеровской области уже встречалась характеристика «синаллагматический» по отношению к аренде.

Взаимообусловленная связь обязанности арендодателя предоставить здание/сооружение и обязанности арендатора по внесению арендной платы помимо специальных положений также объясняется через данную статью. В соответствии с п. 2 ст. 328 ГК РФ устанавливает ряд правил. Полностью неисполненное взаимное обязательство дает право должнику приостановить свое корреспондирующее обязательство по договору. Частичное неисполнение уполномочивает на ответные частичные бездействия [12].

Отражение этих общих положений ГК РФ в Информационном письме ВАС РФ № 66 (п. 10) означает необходимость исчисления арендной платы не только в зависимости от количества/качества фактически переданных помещений, но и от момента передачи. Пока хозяин не выполнит должное по договору, он не имеет права на платежи. У арендатора нет обязанности самостоятельно пытаться получать необходимые для эксплуатации объекта предметы (п. 8). Нет у него и возможности требовать его передачи от кого-то кроме арендодателя (п. 9), если вещь находится у кого-либо другого.

В пункте 5 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 за 2017 год для снятия с наемщика обязательств по взаимному предоставлению особой роли не играет то, в результате чьих именно действий/бездействий он был лишен возможности пользования арендованным имуществом: арендодателя или третьих лиц.

Весьма показательный случай имел место в практике ВС РФ. Здание торгового центра было разделено на помещения с разными собственниками, один из которых отдал свое в наем. По вине других собственников на объекте произошло возгорание, полностью парализовавшее работу центра. На весь период ремонта чужих помещений арендатор не мог воспользоваться своим объектом и приостановил оплату. Арендодатель оказался на редкость добросовестным и не стал

возражать против неуплаты по договору аренды в связи с невозможностью использования имуществом, но обратился к виновникам с требованием взыскать убытки. Все три инстанции отказали ему, посчитав невозможным применение ст. 328 ГК РФ в части приостановки возмездных платежей арендатором, если невозможность использования имущества возникла в результате действий третьих лиц. Однако ВС РФ указал на порочность этого толкования. Предъявление требований к «третьей стороне» конфликта о возмещении последствий – правильный способ защиты права. Возложение на арендатора несение риска уплаты средств за возникшую не по его вине невозможность пользования противоречит всем началам и принципам гражданского права [13].

То же касается и юридических препятствий к пользованию вещью. Например, если будет наложено административное наказание за несоблюдение тех же требований пожарной безопасности в виде приостановления деятельности с указанием на имущество, в котором действует запрет. Содержание данной меры может варьироваться, но ядром останется полное ограничение доступа в указанное здание всех посетителей и сотрудников, что по понятным причинам делает невозможным как эксплуатацию отдельного объекта недвижимости, так и всего здания/сооружения целиком. Право на получение платы за эти периоды на стороне арендодателя не должно образовываться.

Возмездность отношений аренды очень рьяно защищается законодательством и судами. Не имеется возможности заключить не только безвозмездный договор аренды, но и договор, по которому фактически арендодатель ничего не получает. Кейс из информационного письма ВАС РФ № 66 по возложению на арендатора исключительно оплаты коммунальных платежей был охарактеризован как случай избрания недопустимого способа установки формы/размера арендной платы: он лишает арендодателя права на встречное предоставление.

Сколько-нибудь значимый бонус в имущественной сфере лица, предоставляющего имущество – конститутивный признак аренды зданий/сооружений. И все же нам удалось найти стечение обстоятельств, при котором оно может остаться без вознаграждения: привязка арендной платы к проценту от периодической выручки/оборота. В Арбитражном суде Московского округа ООО не удалось отстоять право на получение арендной платы с привязкой в 6% дохода арендатора от коммерческой деятельности внутри занимаемых по договору помещений. Вывод был лаконичен: ноль умножить на 6% (как и любое другое число) равняется нулю. Из этого следует небольшой, но важный вывод: арендатор обязан принять имущество, но не обязан им пользоваться (если иное не предусмотрено договором или не вытекает из характеристик такого имущества). Дарованное ему благо – доступность имущества в нужный момент [13].

Ранее такие споры были просто одними из множества. Но с участвовавшими уходом иностранных компаний в отдельных сферах задействия арендной недвижимости произошел коллапс. Слишком многие крупные владельцы зданий/сооружений из сфер общественного питания и торговли получили из таких формул нули, ибо основной их план деятельности был зависим от результативности их арендаторов.

Правительства недружественных стран развернули против экономики нашей страны небывалый санкционный фронт, начиная от запрета покупки/продажи товаров/услуг и заканчивая выживанием с территории государства представителей международного частно-экономического сегмента (McDonald's, Michelin, Smurfit Kappa Group). Для защиты отечественных предпринимателей Федеральным Собранием РФ был принят ряд мер подобно тем, что вводились во время пандемии COVID-19 [14].

Арендатор, прямо или косвенно находящийся под контролем иностранного лица, связанного с недружественной страной или ее территорией и прекративший исполнение контракта, считается действующим недобросовестно (ст. 21.2). Зная, что вознаграждение арендодателя напрямую связано с успехами его работы в помещениях, он оставил его на произвол судьбы. Снижение фактически получаемой хозяином среднемесячной арендной платы более чем на 50% наделяет его правом потребовать путем направления юридически значимого сообщения ее взыскания за месяцы непроизводительного простоя площадей из расчета:

1. Если пользование имуществом началось до 01.01.2022 – средней арендной платы за период пользования в 2021 году;
2. Если пользование имуществом началось с 01.01.2022 – за соответствующий период пользования.

Игнорирование или неудовлетворение предъявленного требования разрешает арендодателю безнаказанно (без наложения законных/договорных санкций) в одностороннем порядке отказаться от исполнения ставшего не выгодным договора.

Таким образом, нами был проведен анализ некоторых вопросов исполнения обязательств по договору аренды нежилых помещений в части арендной платы и передачи объекта в современных реалиях.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в действ. ред.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Решение Арбитражного суда Кировской области (АС Кировской области) от 14 февраля 2017 г. по делу № А28–15482/2015 [Электронный ресурс] (дата обращения: 06.06.2024) URL: <https://ras.arbitr.ru/Docu->

ment/Pdf/4585c92c-0d28–4540–910251a2c-23f5ec9/d8037386–7168–4c70-b798–27f1ccfa8a8f/%D0%9028–15482–2015__20170214.pdf?isAddStamp=True

3. Алексеев В.А. Новое в законодательстве о недвижимых вещах: критический комментарий // Закон. 2022. № 4. С. 101–112.
4. Анисимова А.И., Долинская В.В. Машино-место: проблемы правового режима // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 10. С. 31–36.
5. Бевзенко Р., Белов В., Габов А., Зайцев С., Латышев А., Платонов В., Степанчук М., Халимовский Ю., Церковников М., Ягельницкий А. COVID-19 и договорное право // Закон. 2020. № 4. С. 22–37.
6. Будаченко Е.А. Перемещение зданий и сооружений: российский и международный опыт // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 81–1. С. 118–122.
7. Васильева А.А., Поломошнова Е.А. Синаллагматический договор: проблемы неопределенности содержания // В сборнике: Лучшая студенческая статья 2020. Сборник статей II Международного научноисследовательского конкурса. В 5-ти частях. 2020. С. 251–256.
8. Гражданское право: учебник: в 2 т. / О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо и др.; под ред. Б.М. Гонгало. – Москва: Статут, 2016. Т. 2. – 528 с.
9. Дубровская И. Арендатор или арендодатель: на ком бремя расходов? // «ЭЖ-Юрист». 2017. № 43 (994). [Электронный ресурс] (дата обращения: 05.04.2023) URL: <https://www.eg-online.ru/article/359132/>
10. Ёрш А.В. Аренда зданий и иных сооружений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – Москва, 2003. – 207 с.
11. Жевняк О.В. Договор аренды части вещи: теория и арбитражная практика // Имущественные отношения в РФ. 2017. № 4 (187). С. 20–36.
12. Ковалева О.А., Цветков М.А. Понятие здания и сооружения как объектов недвижимости // В сборнике: Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. Сборник материалов XXXVIII Молодежной международной научно-практической конференции. Под общей редакцией С.С. Чернова. 2017. С. 152–160.
13. Крайнев А. Ремонтируем арендованное помещение // ЭЖ-Бухгалтер. 2017. № 40 (9706). С. 22–28.
14. Мещерякова М.Е. Договор аренды зданий и сооружений в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – Владикавказ, 2007. – 184 с.
15. Соломина Н.Г. Договор на передачу части имущества во временное пользование в практике хозяйствующих субъектов: вопросы квалификации // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6. С. 55–62.

DOCTRINAL AND PRACTICAL APPROACHES TO DETERMINING THE MATERIALITY OF THE TERM CONDITION OF THE LEASE AGREEMENT FOR A BUILDING OR STRUCTURE

Khorolets D.V.

O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA)

The article discusses the most common disputes arising from the lease of non-residential premises. The positions of the judicial authorities on the issues of improper fulfillment of the terms of the lease agreement, the conclusion and execution of sublease agreements and others are analyzed. In addition, a brief analysis of the characteristics of the synallagmatic nature of the lease agreement in practice and doctrine is given, the defects of the transfer of property and their consequences are considered with References to the provisions of paragraph 1 of Chapter 34 of the Civil Code of the Russian Federation and the specifics of the legal regulation of the institution of lease under sanctions. The characteristic of the act of acceptance and transfer in lease relations is given, its significance in the execution of the lessor's obligation to transfer property for use to the lessee. The author formulates proposals aimed at solving the problems of legislative regulation of rental relations.

Keywords: rent, synallagmatism, sanctions, non-residential premises, fulfillment of obligations, rent.

References

1. Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ dated 11/30/1994 (in effect. ed.) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No.32. St. 3301.
2. Decision of the Arbitration Court of the Kirov Region (AS of the Kirov region) dated February 14, 2017 in case No. A28-15482/2015 [Electronic resource] (accessed 06.06.2024) URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/4585c92c-0d28-4540-910251a2c-23f5ec9/d8037386-7168-4c70-b798-27f1ccfa8a8f/%D0%9028-15482-2015__20170214.pdf?isAddStamp=True
3. Alekseev V.A. New in the legislation on immovable things: a critical comment // Law. 2022. No. 4. pp. 101–112.
4. Anisimova A.I., Dolinskaya V.V. Mashino-mesto: problems of the legal regime // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2022. No. 10. pp. 31–36.
5. Bevenko R., Belov V., Gabov A., Zaitsev S., Latyev A., Platonov V., Stepanchuk M., Halimovsky Yu., Tserkovnikov M., Yagelnitsky A. COVID-19 and contract law // Law. 2020. No. 4. pp. 22–37.
6. Budachenkova, E.A. Moving buildings and structures: Russian and international experience // Trends in the development of science and education. 2022. No. 81–1. pp. 118–122.
7. Vasilyeva A.A., Polomoshnova E.A. Synallagmatic contract: problems of uncertainty of content // In the collection: The best student article 2020. Collection of articles of the II International Scientific Research Competition. In 5 parts. 2020. pp. 251–256.
8. Civil law: textbook: in 2 volumes / O.G. Alekseeva, E.R. Aminov, M.V. Bando, etc.; edited by B.M. Gongalo. – Moscow: Statute, 2016. Vol. 2. – 528 p.
9. Dubrovskaya I. Tenant or landlord: who bears the burden of expenses? // "EJ-Lawyer". 2017. № 43 (994). [Electronic resource] (date of access: 04/05/2023) URL: <https://www.eg-online.ru/article/359132/>
10. Ruff A.V. Rental of buildings and other structures: dis. ... cand. Jurid. sciences': 12.00.03 – Moscow, 2003. – 207 p.
11. Zhevnyak O.V. Lease agreement for a part of a thing: theory and arbitration practice // Property relations in the Russian Federation. 2017. No. 4 (187). pp. 20–36.
12. Kovaleva O.A., Tsvetkov M.A. The concept of buildings and structures as real estate objects// In the collection: The intellectual potential of the XXI century: the stages of knowledge. Collection of materials of the XXXVIII Youth International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of S.S. Chernov. 2017. pp. 152–160.
13. Krainev A. Repairing a rented room // EZH-Accountant. 2017. No.40 (9706). pp. 22–28.
14. Meshcheryakova M.E. Lease agreement of buildings and structures in the civil law of the Russian Federation: dis. ... cand. Jurid. Sciences: 12.00.03 – Vladikavkaz, 2007. – 184 p.
15. Solomina N.G. The contract for the transfer of part of the property for temporary use in the practice of business entities: issues of qualification // Bulletin of arbitration practice. 2021. No. 6. pp. 55–62.

Правовой статус кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве)

Махнева Полина Андреевна,

бакалавр, кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Института философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: polinamakhneva15@gmail.com

Попова Дарья Константиновна,

бакалавр, кафедра гражданского права Института философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: dasha-popova-2012@bk.ru

В статье рассматривается правовой статус кредиторов в банкротстве. Особенностью положения этих субъектов отношений несостоятельности является явное преобладание прав над обязанностями. Отдельно исследуются материально-правовой и процессуально-правовой статусы кредиторов, рассматриваются основные составляющие их права и обязанности, тенденции их реализации, складывающиеся на практике. Делается вывод о преимущественно коллективном способе реализации кредиторами предусмотренных действующим законодательством прав благодаря деятельности собраний и комитетов кредиторов. Уточняется правовой статус кредитора-заявителя в деле о банкротстве и последствия отказа такого кредитора от поданного им заявления. Особое внимание уделено характеристике обязанностей кредитора: выделены причины и предпосылки их второстепенной роли в рамках правового статуса кредитора, исследованы основные, наиболее важные обязанности этих субъектов.

Ключевые слова: права кредитора, обязанности кредитора, правовой статус кредитора, правовое положение кредитора.

Положение любого субъекта права в обществе определяет его правовой статус, характеризуемый определенным объемом принадлежащих этому субъекту прав и обязанностей. Особенностью правового статуса кредитора в банкротстве является преобладание правомочий и факультативный характер обязанностей [1]. Указанная специфика нашла свое отражение и в законодательном определении кредиторов, акцент в котором сделан на наличие у них права требования к должнику [2].

В зависимости от того, нормы какого права устанавливают правовые возможности и положение кредитора, выделяют его материально-правовой и процессуально-правовой статусы [3]. Давая характеристику материально-правовому статусу, уточним, что ключевым является право кредитора на удовлетворение предъявляемого к должнику требования. Для его реализации законодатель наделяет кредитора специфическими немущественными правами, вытекающими исключительно из конкурсных правоотношений. Одним из наиболее значимых таких прав является право на участие в собрании и комитете кредиторов. Как отмечает К.Б. Кораев, индивидуальная реализация кредиторами принадлежащих им прав – явление не частое [3]. Участие в собрании предоставляет этим субъектам отношений несостоятельности возможность пользоваться иными правами, в частности, на выбор процедуры банкротства. Такое решение принимается большинством голосов всех активных участников на первом собрании кредиторов. На его основании суд выносит определение о введении соответствующей процедуры. Если же решение не принято, а отложение рассмотрения дела в установленные законом сроки невозможно, выбор процедуры банкротства осуществляется судом.

Не всеми авторами подобный порядок оценивается положительно: предлагается законодательное закрепление запрета суду принимать самостоятельные решения о переходе к определенной реабилитационной процедуре, – вместо этого он сразу должен будет вводить конкурсное производство. Такой подход связывают с необходимостью учета экономических интересов сторон и готовности кредиторов идти на компромисс с должником при выборе процедуры [3]. Полагаем, подобное изменение позволит избежать затягивания процесса. Стоит учитывать также, что осуществление реабилитационных процедур в банкротстве – скорее, исключение из правила [4].

В доктрине внимание уделяется также праву кредиторов на информацию [5]. Оно направлено на защиту от недобросовестных действий управляющего, принятие кредиторами обоснованных

решений, влияющих на движение процесса, позволяет использовать различные способы «сбора конкурсной массы». Между тем, отмечается недостаточное законодательное регулирование этого правомочия. В частности, в науке и практике возникают вопросы о возможности запрашивания кредиторами информации от управляющих, в том числе, в индивидуальном порядке [6]. Как показывает практика, шансы на удовлетворение таких требований кредиторов невелики [7]. В связи с этим обоснованно предлагается ряд законодательных изменений, например, установление по примеру корпоративного законодательства перечня информации, которую вправе истребовать кредитор, исходя из размера его требований [5].

Одним из наиболее важных процессуальных прав кредитора является его право на обращение в суд с заявлением о признании должника банкротом; кредиторы активно им пользуются, о чем свидетельствуют данные статистики [8]. Положение кредиторов при этом не одинаково – таким правом обладают только конкурсные кредиторы. Однако, для определения наличия признаков банкротства могут учитываться также взыскания, произведенные судом вместо исполнения в натуре [9]. Как верно отмечает В.А. Химичев, такой подход хоть и не соответствует законодательно закрепленному определению денежного обязательства, но отвечает «духу» закона [10], интересам кредиторов.

Стоит отметить, что законодатель предоставляет заявителю более широкий, чем «рядовому» кредитору, круг прав и обязанностей. В связи с этим, отказ такого кредитора от предъявленного заявления повлечет лишь утрату статуса заявителя и возможности повторного инициирования им процесса (по аналогии с отказом истца от иска), но не будет означать отказа от требования [11].

На объем правомочий кредитора влияет характер требования, однако, это не единственный определяющий критерий. Некоторыми правами наделяются только кредиторы с конкретным размером требований, например, правом оспаривать сделки должника по ст. 61.9 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Говоря об обязанностях кредиторов, отметим, что закон не отражает и примерного их перечня. Преобладание прав этих субъектов над их обязанностями объясняется рядом причин. Во-первых, банкротство – гражданско-правовой институт. Гражданско-правовому регулированию присуща диспозитивность, потому, в частности, кредитор вправе, но не обязан защищать свои права, предъявляя требования к должнику и участвуя в определении хода банкротства. Во-вторых, отношения несостоятельности являются охранительными, возникают в связи с неисполнением должником обязанностей в рамках предшествующих им регулятивных отношений. Кредитор здесь – слабая сторона, чьи права нарушены [12], а потому на него не возлагается большого объема обязанностей перед какими-либо участниками рассматриваемых отношений. Обязанности кредитора преимуще-

ственно связаны с реализацией принадлежащих ему прав.

Кредиторы обязаны добросовестно осуществлять свои процессуальные права. Злоупотребление же правом может привести к наложению на них судебных расходов в соответствии со ст. 111 АПК РФ [13]. Между тем, судебная практика по данному вопросу немногочисленна, суды достаточно редко признают те или иные действия кредиторов злоупотреблением права: так, в одном из дел судебные расходы были возложены на кредитора в связи с его уклонением от принятия исполнения, предложенного должником, в целях сохранения формального размера задолженности, необходимого для признания должника банкротом. Такое поведение кредитора, помимо прочего, повлекло за собой неоднократное отложение судебного разбирательства [14].

Таким образом, ключевыми особенностями, характеризующими положение кредиторов, являются очевидная диспропорция их прав и обязанностей, а также приоритет коллективного порядка осуществления правомочий.

Литература

1. Карелина С.А., Фролов И.В. Правовое воздействие на экономику: методы, результаты, перспективы: монография / В.А. Вайпан, М.А. Егорова // М.: «Юстицинформ». 2018. 380 с.
2. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. N 43. Ст. 4190.
3. Кораев К.Б. Правовой статус конкурсных кредиторов в деле о банкротстве: дис... кан.юрид. наук. Москва. 2008. 192 с.
4. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству на 30 июня 2023. [Электронный ресурс] (дата обращения: 10.07.2024 г.).
5. Пантюхин А.В. Гражданско-правовое регулирование участия кредиторов в управлении несостоятельным юридическим лицом: автореферат дис... кан.юрид.наук. Москва. 2006. 28 с.
6. Шайдуллин А.И. Защита права кредиторов на информацию в процедурах банкротства // Вестник гражданского права. 2023. N 2. С. 7–49.
7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 октября 2023 г. N Ф04–4714/23 по делу N А75–6134/2021 // Консультант Плюс: справ.-прав. система (дата обращения: 11.07.2024 г.).
8. Банкротства в России: I полугодие 2023 г. Статистический релиз Федресурса. [Электронный ресурс] (дата обращения: 11.07.2024 г.).
9. О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 № 29 // Вестник ВАС РФ. 2004. № 3.

10. Химичев В.А. Защита прав кредиторов при банкротстве. М.: Волтерс Клувер. 2005. 184 с.
11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2020) // Консультант Плюс: справ.-прав. система (дата обращения: 11.07.2024 г.).
12. Попондопуло В.Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 1. С. 44–52.
13. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. N 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. N 30. Ст. 3012.
14. Определение Арбитражного суда Республики Мордовия от 19 октября 2015 г. по делу N А39–4139/2015 // Гарант: справ.-прав. система (дата обращения: 11.07.2024 г.).

THE LEGAL STATUS OF CREDITORS IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES

Makhneva P.A., Popova D.K.
Novosibirsk State University

This article examines the legal status of creditors in bankruptcy. The peculiarity of the position of these subjects of insolvency relations is the clear predominance of rights over obligations. The substantive and procedural legal status of creditors is studied separately, the main components of their rights and obligations are considered, and the trends in their implementation that are developing in practice. The conclusion is made about a predominantly collective way for creditors to exercise the rights provided for by current legislation through the activities of meetings and committees of creditors. The legal status of the applicant creditor in the bankruptcy case and the consequences of the refusal of such a creditor from the application submitted by him are clarified. Special attention is paid to the characteristics of the creditor's duties: the reasons and prerequisites for their secondary role within the framework of the legal status of the creditor are highlighted, the main, most important duties of these subjects are investigated.

Keywords: creditor's rights, creditor's obligations, creditor's legal status, creditor's legal status.

References

1. Karelina S.A., Frolov I.V. Legal impact on the economy: methods, results, prospects: monograph / V.A. Vaypan, M.A. Egorova // M.: "Justicinform". 2018. 380 p.
2. On insolvency (bankruptcy): Federal Law No. 127-FZ of 10/26/2002 (as amended on 12/25/2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. N 43. St. 4190.
3. Koraev K.B. The legal status of bankruptcy creditors in bankruptcy proceedings: dis... Candidate of Legal Sciences. Moscow. 2008. 192 p.
4. Statistical bulletin of the Federal Bankruptcy Resource for June 30, 2023. [Electronic resource] (accessed: 07.10.2024).
5. Pantyukhin A.V. Civil law regulation of creditors' participation in the management of an insolvent legal entity: abstract of the dissertation... Candidate of Legal Sciences. Moscow. 2006. 28 p.
6. Shaidullin A.I. Protection of creditors' right to information in bankruptcy proceedings // Bulletin of Civil Law. 2023. N 2. pp. 7–49.
7. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of October 9, 2023 N F04–4714/23 in the case N A75–6134/2021 // Consultant Plus: legal reference system (accessed: 07.11.2024).
8. Bankruptcies in Russia: The first half of 2023. Statistical release of the Federal Resource. [Electronic resource] (accessed: 07.11.2024).
9. On some issues of the practice of applying the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy): Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 12/15/2004 No. 29 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2004. No. 3.
10. Khimichev V.A. Protection of creditors' rights in bankruptcy. M.: Walters Kluwer. 2005. 184 p.
11. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2020) // Consultant Plus: legal reference system (accessed: 07.11.2024).
12. Popondopulo V.F. Some problems of improving bankruptcy legislation // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2016. No. 1. pp. 44–52.
13. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated 07/24/2002 N 95-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. N 30. St. 3012.
14. The ruling of the Arbitration Court of the Republic of Mordovia dated October 19, 2015 in the case N A39–4139/2015 // Garant: legal reference system (accessed: 07.11.2024).

Исследование практики гонорара успеха в адвокатуре на территории РФ: преимущества и риски

Неделько Данил Дмитриевич,
бакалавр

В сфере адвокатуры в Российской Федерации одной из распространенных моделей оплаты является гонорар успеха. По этой схеме адвокат получает вознаграждение лишь в случае положительного исхода дела. В данной статье мы рассмотрим плюсы и минусы применения этой практики в России. Тщательное изучение преимуществ и рисков поможет оценить роль гонорара успеха в правовой системе и ее влияние на доступность правосудия.

Ключевые слова: гонорар успеха, услуги адвоката, оплата, клиент, адвокат, вознаграждение, гражданско-правовые отношения.

Сравнительно недавно в практике адвокатуры в Российской Федерации появилась относительно новая форма оплаты услуг адвоката, вызвавшая массу споров и дискуссий среди правоведов. Речь идет о, так называемом, «гонораре успеха». С вступлением в силу Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 02.12.2019 № 400-ФЗ (последняя редакция) на российском рынке правовых услуг доступна новая модели оплаты услуг адвокатов, заключающаяся в том, что последний получает вознаграждение в зависимости от конечного итога разрешения спорной ситуации, а именно только в случае достижения положительного результата в деле. Например, если процесс завершается в пользу клиента, то адвокат получает определенный процент от суммы выигрыша или экономии средств клиента, а в случае неудачи адвокат может не получить гонорар вовсе.

Сегодня правовое регулирование оказания услуг адвокатом сочетает в себе возможность включения в условия договора не только оплаты самого труда, но и «гонорара успеха». Однако такой позиции придерживаются не все страны. Если выплата «гонорара успеха» широко распространена в странах англосаксонской правовой семьи, то континентальная Европа заключает соглашение об оплате услуг (*actum de quota litis*) до завершения процесса, но клиент обязуется в случае выигранного дела выплатить адвокату вознаграждение в виде денежной суммы или в какой-либо другой форме. Однако ряд стран занимает крайнюю точку зрения, запрещая выплаты гонорара успеха. Законодательство Германии запретило ставить размер гонорара в зависимость от результата процесса, усиливая этическую сторону взаимоотношений адвокат–клиент [2].

Сегодня практика применения гонорара успеха наблюдается преимущественно в гражданском и арбитражном процессах, и гораздо реже в уголовном разбирательстве. Ведущиеся дискуссии в российском обществе, о применении этой формы оплаты услуг адвокатов, наталкивают на размышления о необходимости более глубокого исследования данного вопроса.

При разделении профессиональной деятельности адвоката на юридическое сопровождение решения проблемы и «празднование» успеха возникает желание получения гонорара успеха. По мнению юристов-историков, он был предложен и использовался еще в праве Древнего Рима: судебные ораторы и патроны того времени могли рассчиты-

вать в качестве вознаграждения от своего клиента только на почетный подарок (гонорар). Долгие годы этика взаимоотношений клиент – адвокат находилась в договорной сфере, затем в гражданско-правовой [3].

Несомненно, что использование гонорара успеха открывает доступ к платной юридической помощи для более широкого круга клиентов, в том числе и для тех, у кого финансовые возможности ограничены. Этот способ оплаты ставит адвокатов в более ответственное положение, так как их вознаграждение зависит от успешного разрешения дела. Для клиентов это означает возможность получить компенсацию без дополнительных финансовых затрат, что обеспечивает возможность такой правовой защиты доступной для всех.

По мнению А.И. Бычкова, вопрос «о гонораре успеха» следует решать, исходя из характера оказываемых услуг, а именно признавать подобные услуги судебными издержками [4, с. 16]. Более того, автор отмечает, что подобная форма оплаты выступает удобным рыночным инструментом проведения расчетов за судебное представительство.

При этом некоторые критики указывают на потенциальную опасность возникновения конфликта интересов и искажения целей самой адвокатской деятельности в тех случаях, когда адвокаты могут ориентироваться не на достижение справедливого решения в интересах клиента, а на получение собственного максимального вознаграждения.

Тем не менее на наш взгляд, рассматриваемый подход к оплате услуг адвокатов обладает рядом преимуществ по сравнению с обычной договорной системой вознаграждения за труд адвоката. К таким преимуществам можно отнести:

1) Более глубокую мотивацию для адвокатов – предполагается, что гонорар успеха стимулирует адвокатов работать более эффективно и целеустремленно, так как в перспективе их вознаграждение напрямую зависит именно от успешного результата дела. Такой подход может привести не только к повышению качества юридических услуг, но и к возникновению конкуренции в среде адвокатов в борьбе за клиента;

2) Большую финансовую свободу и доступность платных адвокатских услуг для клиентов – использование модели гонорара успеха делает эти услуги доступными даже для тех клиентов, которые могут столкнуться с финансовыми трудностями при оплате стандартных адвокатских услуг. Следовательно, модель гонорара успеха может привлечь новых клиентов, которые ранее не могли позволить себе юридическую помощь из-за ограниченных финансовых возможностей;

3) Снижение финансовых рисков на стороне клиента – при использовании схемы оплаты в форме гонорара успеха, клиенту может, например, не понадобится предварительная оплата услуг адвоката, а в случае проигрыша дела появляется возможность и вовсе не оплачивать адвокатские услуги, что в целом уменьшает их финансовые риски;

4) Выравнивание интересов клиента и адвоката – поскольку адвокат получает вознаграждение только при успешном исходе дела, то это стимулирует его работать в интересах именно клиента, стремясь к максимальному результату, к которому стремится и клиент, что в итоге способствует выравниванию их интересов;

Таким образом, рассмотренные факторы свидетельствуют о том, что введение модели гонорара успеха непосредственно влияет на доступность и эффективность юридической помощи, а также обеспечивает дополнительную финансовую защиту клиента. При всех несомненных плюсах необходимо рассмотреть и возможные риски его применения, а также ограничения использования такой модели на практике. Представляется, что к рискам можно отнести:

1) Риск возникновения конфликта интересов – механизм вознаграждения адвоката в виде гонорара успеха иногда может приводить к ситуации, когда адвокат, стремясь получить максимальное вознаграждение, может выбрать не наилучшее для клиента решение;

2) Риск утраты доверия – использование гонорара успеха может ослабить доверие общества к профессии адвоката, так как клиенты могут начать воспринимать их как лиц, преследующих исключительно собственные финансовые интересы;

3) Риск неудачного исхода дела – адвокат рискует не получить вознаграждение в случае неудачного исхода дела, что может подвергнуть его дополнительному давлению на клиента и мотивировать принимать последнего рискованные решения;

4) Риск недостаточной защиты прав клиентов – возникает опасность того, что клиенты, не обладающие достаточными знаниями о юридической системе, могут стать жертвами ненадежных адвокатов или лиц, преследующих свои корыстные интересы в ущерб интересам клиента.

Если же говорить об ограничениях в применении гонорара успеха, то представляется сложным или ограниченным его применение в некоторых сферах права, например, в уголовном процессе. Учитывая эти риски и ограничения, необходимо внимательно контролировать и регулировать использование гонорара успеха в адвокатуре, чтобы предотвратить возможные негативные последствия и обеспечить надлежащую защиту интересов клиентов.

Не менее сложным представляется вопрос об этических аспектах использования гонорара успеха. Очевидно, что принципы профессиональной этики юриста и адвоката должны строго соблюдаться, чтобы избежать конфликта интересов и подрыва доверия клиента, что в конечном счете имеет принципиальное значение для обеспечения справедливости и эффективности юридической практики. Рассмотрим несколько ключевых аспектов, отвечающих за этическую сторону вопроса:

Первым аспектом является обязательность соблюдения принципов профессиональной этики.

Адвокат поставлен в определённые рамки, предписывающие ему придерживаться высоких стандартов профессиональной этики, в том числе и при использовании гонорара успеха. Ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката [5] прямо устанавливает необходимые условия доверия к нему, среди которых обозначены честность, добросовестность и преданность интересам доверителя;

Вторым аспектом является регулирование законодательством обязательных условий заключения договора о гонораре успеха. Основным регулирующим данный вопрос нормативным документом является Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [6]. Он устанавливает определенные требования и ограничения по применению этой формы оплаты, в том числе и определяет обязательные условия, которые должны быть включены в договор гонорара успеха, такие как размер вознаграждения, способы его оплаты, права и обязанности сторон и т.д. При этом важно, чтобы условия заключаемого договора были понятными и прозрачными для клиента, что помогает избежать недоразумений и конфликтов между сторонами;

Третий аспект связан с обеспечением контроля и надзора со стороны профессиональных ассоциаций и органов надзора за адвокатской деятельностью. Они следят за соблюдением не только законодательства, но и этических стандартов юриста и адвоката. Они компетентны проводить проверки и расследования в случае этих нарушений.

Рассмотренные меры и принципы направлены на защиту интересов клиентов и поддержание этических стандартов в сфере оказания юридической помощи.

Таким образом можем утверждать, что использование в адвокатуре Российской Федерации новой модели оплаты услуг адвоката в процессе, именуемой гонораром успеха, имеет на современном этапе как плюсы, так и минусы. Среди преимуществ можно выделить снижение финансовых рисков для клиентов, поскольку они обязаны платить только в случае успешного завершения дела, что способствует повышению доступности юридической помощи для широкого круга лиц и стимулирует адвокатов к эффективной работе. К потенциальным негативным последствиям, связанные с гонораром успеха, можно отнести возможное снижение качества предоставляемых услуг, если адвокат будет стремиться достичь в процессе более выгодного для себя, а не для клиента варианта разрешения спора, т.е. возникновение конфликта интересов между адвокатом и клиентом.

К сожалению, сегодня законодатель не предлагает нам четкого регулирования данной практики. Для успешного внедрения гонорара успеха

необходимо разработать более детальные нормативные и профессиональные стандарты, которые учитывали бы интересы всех сторон. Только такой подход позволит эффективно использовать данную модель оплаты и обеспечить справедливость в правовой сфере.

Литература

1. О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: Федеральный закон от 02.12.2019 № 400-ФЗ (последняя редакция)
2. Фоссеберг Клеменс. Германия по-русски! Dfe Russfsche Communfty [Электронный ресурс]. URL: <https://groups.germany.ru>
3. Мельниченко Р.Г. Достоинства недостатки гонорара успеха //Адвокат. 2006. № 10.
4. Бычков А.И. Инструменты судебного финансирования //Экономико-правовой бюллетень. 2019. № 3.
5. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 (ред. от 15.04.2021). – Доступ из СПС Консультант Плюс.
6. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024). – Доступ из СПС Консультант Плюс.

RESEARCH OF THE PRACTICE OF SUCCESS FEE IN THE BAR IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION: ADVANTAGES AND RISKS

Nedelko D.D.

In the field of advocacy in the Russian Federation, one of the most common payment models is the success fee. According to this scheme, the lawyer receives remuneration only in case of a positive outcome of the case. In this article, we will look at the pros and cons of applying this practice in Russia. A thorough examination of the benefits and risks will help to assess the role of the success fee in the legal system and its impact on the accessibility of justice.

Keywords: success fee, lawyer's services, payment, client, lawyer, remuneration, civil law relations

References

1. On Amendments to the Federal Law "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation: Federal Law of 02.12.2019 No. 400-FZ (latest revision)
2. Fosseberg Clemens. Germany in Russian! Dfe Russfsche Community [Electronic resource]. URL: <https://groups.germany.ru>
3. Melnichenko R.G. Advantages and Disadvantages of Success Fees // Advocate. 2006. No. 10.
4. Bychkov A.I. Litigation Financing Tools // Economic and Legal Bulletin. 2019. No. 3.
5. Code of Professional Ethics of a Lawyer: adopted by the I All-Russian Congress of Advocates on 31.01.2003 (as amended on 15.04.2021). – Access from SPS Consultant Plus.
6. On advocacy and the bar in the Russian Federation: Federal Law of 31.05.2002 No. 63-FZ (as amended on 22.04.2024). – Access from SPS Consultant Plus.

Возможности развития в российской правовой системе института отстранения работника от выполнения трудовых обязанностей с сохранением заработной платы в контексте защиты конфиденциальной информации

Фролова Анна Алексеевна,

бакалавр, кафедра гражданского права Института философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: ann.frolov2011@yandex.ru

В статье проанализированы особенности института отстранения работника от выполнения трудовых обязанностей с сохранением заработной платы в контексте защиты конфиденциальной информации. В настоящее время «Garden leave» уже нашел свое распространение в ряде зарубежных правовых порядков в качестве оптимальной альтернативы неконкурентным соглашениям, которые все больше приобретают одну из форм злоупотреблений работодателей и подрывают основы конкурентоспособности рынка труда. Автором последовательно рассмотрены истоки зарождения «Garden leave», его эволюция и трансформация в национальных юрисдикциях. Сделан вывод об общих закономерностях и отличительных особенностях «Garden leave» и его преимуществах для работников и работодателей. Кроме того, автором дана оценка соотношению «Garden leave» и неконкурентных соглашений, что позволило сделать вывод о допустимости одновременного использования данных механизмов в целях обеспечения законных интересов работодателя.

Ключевые слова: Garden leave, неконкурентные соглашения, работник, работодатель, конфиденциальная информация.

Бывший сотрудник – самый опасный конкурент. На сегодняшний день практически каждая компания в мире располагает определенным активом, который она считает неотъемлемой составляющей своего бизнес-успеха и ключевым для своего конкурентного положения на рынке. Во многом «ценность» такого актива составляют сотрудники, обладающие знаниями и стратегической информацией, посвященные в коммерческие тайны фирмы, ее секреты производства и др. Однако компании-работодатели часто несут убытки, когда их бывшие работники, имевшие доступ к важной конфиденциальной информации, устраиваются к конкурентам или открывают собственное дело, используя наработки бывшего работодателя.

В связи с этим появились неконкурентные соглашения (НСС), которые временно налагают запрет на работника трудоустроившись в конкретные фирмы или заниматься определенной трудовой деятельностью. Между тем, множественные случаи злоупотреблений со стороны работодателей привели к тому, что некоторые юрисдикции (например, штаты Калифорния, Алабама, Аляска в США) на законодательном уровне запретили подобные соглашения под страхом ничтожности «как существенно ухудшающие положение работника и нарушающие баланс конкуренции», а некоторые (Германия, Испания, Канада, Бельгия и др.) закрепили для них существенные ограничения [1, с. 5]. Стремление предпринимательского сообщества найти достойную альтернативу НСС привело к тому, что в 1980-х в Великобритании стали активно набирать популярность соглашения о принудительном отпуске, в обиходе получившего примечательное наименование «Garden leave».

Идея классического «Garden leave» заключается в следующем: когда работник принимает решение об увольнении со своего текущего места работы, он уведомляет об этом работодателя. Если соответствующее условие оговорено в трудовом договоре (контракте), работодатель по своему усмотрению вправе отправить работника в «принудительный отпуск». До момента увольнения лицо отстраняется от работы и ограничено в возможности устроиться в конкурирующую фирму, но при этом будет считаться штатным сотрудником и периодически получать компенсацию, эквивалентную заработной плате и всем причитающимся ему льготам [5, с. 3]. Благодаря этому достигается баланс интересов сторон и реализуется принцип «ло-

яльности»: работодатель минимизирует риски разглашения конфиденциальной информации работником, а ограничение, наложенное на работника, не нарушает его права и не ухудшает материальное положение. Поскольку на период действия такого «отпуска» работник все еще считается трудоустроенным, распоряжения работодателя для него обязательны. В этой связи работодатели могут в любой момент передумать и потребовать от работников вернуться на работу.

Концепция данного механизма зародилась непосредственно в Англии, истоки которого лежат в решении Апелляционного суда от 1987 года по делу *Evening Standard Co Ltd v. Henderson*: по условию контракта работник должен был уведомить работодателя о намерении уволиться за год, однако нарушил данный срок, предупредив лишь за 2 месяца. Работодатель не согласился с этим и решил в судебном порядке добиваться выполнения условий контракта. При этом он не требовал от работника выполнения каких-либо трудовых обязанностей в течение периода уведомления и обязался выплатить ему полную заработную плату и пособия любом случае. В отсутствие каких-либо законодательных положений суд, тем не менее, встал на сторону работодателя [5, с. 9].

Вследствии этот прецедент привел к радикальным изменениям, которые отразились на английском трудовом законодательстве. В следующем аналогичном деле *Provident Financial Group v. Hayward* суд подтвердил решение по делу *Evening Standard Co*, но выразил обеспокоенность, что таким образом работодатели могут намеренно удерживать работников, лишь выплачивая заработную плату – длительные периоды такого «вынужденного отпуска» могут стать злостной уловкой.

На основе обобщения зарубежной практики были выделены аспекты, на которые суды чаще всего обращают внимание при решении вопроса о допустимости отпуска «Garden leave»:

1. **Выраженность.** Существенное значение правоприменители придают факту письменного закрепления данного условия. Чаще всего оно включается в трудовой договор (контракт), но также может содержаться и в опционном плане, бонусных соглашениях, соглашениях о долгосрочных планах стимулирования работника и др. Однако, по мнению исследователей, оно не должно опускаться до уровня формальности: так, в одном деле суд не признал правомерным условие об отпуске «Garden leave», которое декларативно содержалось в политике занятости компании [8].

2. **Возмездность.** В отличие от неконкурентных соглашений отпуск «Garden leave» по общему правилу подразумевает безусловную выплату работнику денежной компенсации в период его отстранения. Так, например, Законы штата Массачусетса допускают действительность положений о «Garden leave» лишь при условии, что работодатель будет выплачивать работнику компенсацию размером не менее половины суммы его заработной платы [3, с. 44]. Реализация подобного подхода про-

слеживается и в других штатах на правоприменительном уровне: так, в деле *Lumex Inc. v. Highsmith* и *Life Fitness* суд Нью-Йорка признал допустимым условие об отпуске «Garden leave», лишь в значительной степени зависящем от полной компенсации заработной платы работника и выплаты взносов по медицинскому страхованию и страхованию жизни [6, с. 13].

Тем не менее, как отмечают исследователи, бывают случаи злоупотреблений: например, работник сообщает работодателю свое желание расторгнуть трудовой договор в надежде на то, что его отправят в отпуск «Garden leave», однако работодатель этого не делает, и работник решает самостоятельно отсутствовать на работе до истечения срока действия трудового договора [3, с. 38]. Имея в виду, что реализация механизма «Garden leave» – всегда право работодателя, отказ работника от работы автоматически не налагает на работодателя обязанность осуществлять ему выплаты.

3. **Трудоустройство.** Еще одним аспектом, выгодно отличающим «Garden leave» от неконкурентных соглашений, является возможность его применения лишь в период действия трудового договора (контракта). За редким исключением суды, ссылаясь на всеобщее право на свободу труда, благосклонно относятся к НСС, которые вынуждают работников воздерживаться от трудоустройства уже после прекращения трудовых отношений. Поэтому все попытки прикритить неконкурентное соглашение условием «Garden leave» после прекращения трудового договора (контракта) суды решительно пресекают: так, в деле *V.F.S. Global Services Ltd. v. Suprit Roy* Высокий суд Бомбея постановил, что соглашение о трехмесячном оплачиваемом отпуске «Garden leave» со старшим менеджером не может продлевать трудовой договор. Тем самым по своей правовой природе оно представляло собой неконкурентное соглашение, в данном случае не имеющее законной силы [6, с. 20].

4. **Срок.** Каких-либо четких нижних пределов отпуска «Garden leave» практика не выработала, но его продолжительность должна соотноситься с разумной необходимостью защиты интересов работодателя. Поскольку основная цель «Garden leave» – заставить сотрудника забыть или сделать неактуальными его знания о коммерческих секретах – работодатель в первую очередь должен исходить из степени значимости располагаемой работником информации и скорости ее ротации. Американские, английские и индийские суды признают наиболее целесообразным срок, не превышающий 6 месяцев.

5. **Категории работников.** Чаще всего условие «Garden leave» включается в трудовые договоры (контракты) руководителей высшего звена или ключевых специалистов, работающих в организации, поскольку именно они допущены до секретной информации, методов производства, основных конкурентных стратегий. Применение подобного условия по отношению к остальным сотрудникам – несоразмерное ограничение их прав, ко-

торое успешно оспаривается в судебном порядке. Так, в деле *Desiccant Rotors International Pvt Ltd v Bappaditya Sarkar & Anr* суд постановил, что менеджер по маркетингу не может априори считаться обладателем конфиденциальной информации, поэтому отпуск «Garden leave» не может быть к нему применен [6, с. 25].

Вопрос о соотношении механизма «Garden leave» и неконкуренстных соглашений (Non-compete agreement) имеет не только доктринальное, но и важное практическое значение: часто работодатели используют данные юридические конструкции комбинативно, но иногда это может приводить к ущемлению прав работника [4, с. 5]. С точки зрения английской судебной практики работодатели могут одновременно использовать положения неконкуренстных соглашений и оговорку «Garden leave», однако при конкуренции сроков суды отдают приоритет последнему. Так, поскольку цель у этих конструкций практически идентична, а срок «Garden leave» может являться достаточно продолжительным, в таких случаях суды чаще всего отказывают работодателям в признании действия неконкуренстных соглашений или существенно урезают его срок [3, с. 35].

В Германии определённые аспекты неконкуренстных соглашений закреплены на законодательном уровне: в соответствии со статьями 60 и 61 торгового кодекса работникам запрещается работать на конкурентов своего работодателя до тех пор, пока между ними сохраняются трудовые отношения [7, с. 24]. При этом, как правило, работодатели вправе использовать «Garden leave», но лишь на период, близкий к моменту прекращения трудового соглашения. Во время такого отпуска лица имеют право на ежемесячное вознаграждение, поскольку по закону они все еще являются наемными работниками.

Несмотря на весьма распространенное использование «Garden leave» и неконкуренстных соглашений в практике трудовых взаимоотношений в Южно-Африканской республике, аспекты их взаимовлияния до 2016 года не были предметом рассмотрения у правоприменителей. Поводом для более детального изучения этого вопроса стало известное дело *Vodacom v. Godfrey Motsa and Another* [9]. В 2015 году Godfrey Motsa (работник) был приглашен в другую компанию, в связи с чем принял решение об увольнении. Спор между работником и работодателем возник из-за сроков отстранения Motsa: компания, ссылаясь на пункты контракта, настаивала на приостановлении трудовой деятельности на 6 месяцев в период действия отпуска «Garden leave», а по истечении этого срока – еще на 6 месяцев в рамках оговорки о неконкуренции. Работник, не признавая этого, ссылался на факт того, что Vodacom отказалось использовать свое право – отправить Motsa в отпуск «Garden leave» – следовательно, срок приостановления должен быть всего 6 месяцев.

Для обеспечения всесторонней оценки и ввиду отсутствия каких-либо местных прецедентов

Южно-Африканский суд сделал большой упор на изучении зарубежной практики, в частности, решений судов Америки (*William Hill Organisation v. Tucker*), Англии (*Credit Suisse v. Armstrong*), Новой Зеландии (*Air New Zealand v Grant Kerr*). Общая суть позиций, изложенных в этих актах, сводилась к тому, что любое ограничение по отношению к работнику должно отвечать критериям разумности, учитывать статус работника и быть соразмерно интересам компании-работодателю [2, с. 13].

В данном случае Godfrey Motsa долгое время являлся руководителем высшего звена и членом исполнительного совета Vodacom, соответственно, как работник он обладал обширными ведением о бизнес-решениях, был осведомлен о краткосрочных и долгосрочных стратегических планах Vodacom и др. Очевидно, что эта информация была бы полезна прямому конкуренту, в чью компанию собирался устроиться Motsa. С учетом вышеизложенных обстоятельств и при отсутствии доказательств того, что Vodacom отказался отправлять работника в отпуск «Garden leave», суд удовлетворил требования работодателя.

Таким образом, на сегодняшний день институт «Garden leave» находит свое распространение в различных юрисдикциях мира. Во многом цель его использования аналогична неконкуренстным соглашениям – защитить работодателя от незаконного присвоения конфиденциальной информации, а также от прямой конкуренции, создаваемой увольняемым работником. Однако «Garden leave» в большей степени учитывает статус работника, как экономически слабую сторону трудовых отношений. В отличие от неконкуренстных соглашений он в обязательном порядке предусматривает денежную компенсацию работнику не менее установленного минимума и может применяться лишь в период действия трудового договора (контракта) перед увольнением сотрудника. Из анализа зарубежной правоприменительной практики следует, что работодатели заинтересованы в совокупности применять отпуск «Garden leave» и неконкуренстные соглашения по отношению к работникам.

Литература

1. Azevedo A., Pereira P.J., Rodrigues A. Non-compete covenants, litigation and garden leaves // *Journal of Business Research*. 2018. № 88. P.P. 197–211.
2. Danka A., Subramanien D., Whitear N. Garden leave: a discussion in the context of Vodacom (Pty) Ltd v. Godfrey Motsa & Another (2016) 37 ILJ 1241 (LC) // *Industrial Law Journal*. 2017. № 38 (1). P.P. 3–19.
3. Mahangwahaya M. A critical analysis of the concurrent enforceability of restraint of trade agreements and garden leave in South African labour law // *University of Venda*. 2018. 165 p.
4. Mupangavanhu Y. The Relationship between Restraints of Trade and Garden Leave // *PER*. 2017. № 20. 22 p.

5. Sullivan C.A. Trading the Garden: Restricting Competition via « Garden leave» // Berkeley Journal of Employment and Labour Law. 2016. № 37. P.P. 3–33.
6. Sharma G. Garden leave clause (restrictive covenant in employment contracts) with special reference to its applicability in Indian context // National Law University, Jodhpur Press. 2012. 29 p.
7. The German Commercial code / translated and briefly annotated by A.F. Schuster; with an introduction by E.J. Schuster. London: Stevens and Sons. 1911. 280 p.
8. Townsend N. Non-compete a non-option? Consider garden leave // The Indian Lawyer. 2024. [Электронный ресурс] Интернетисточник URL: <https://www.theindianlawyer.com/articles/townsend-non-compete-a-non-option-consider-garden-leave> (дата обращения 19.07.2024)
9. Vodacom (Pty) Ltd v Motsa and Another (J 74/16) [2016] ZALCJHB 53; 2016 (3) SA 116 (LC); [2016] 5 BLLR 523 (LC); (2016) 37 ILJ 1241 (LC) (9 February 2016) // Southern African Legal Information Institute [Электронный ресурс] Интернетисточник URL: <https://www.saflii.org/za/cases/ZALCJHB/2016/53.html> (дата обращения 19.07.2024)

POSSIBILITIES FOR DEVELOPING IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM THE INSTITUTION OF REMOVING AN EMPLOYEE FROM PERFORMING JOB DUTIES WHILE MAINTAINING WAGES IN THE CONTEXT OF PROTECTING CONFIDENTIAL INFORMATION

Frolova A.A.

Novosibirsk State University

The article analyzes the features of the institution of removing an employee from performing work duties while maintaining wages in the context of protecting confidential information. Currently, “Garden leave” has already found its way into a number of foreign legal systems as an optimal alternative to non-competitive agreements, which are increasingly becoming one of the forms of abuse by em-

ployers and undermine the foundations of the competitiveness of the labor market. The author consistently examines the origins of the origin of “Garden leave”, its evolution and transformation in national jurisdictions. The conclusion is made about the general patterns and distinctive features of “Garden leave” and its advantages for employees and employers. In addition, the author assessed the ratio of “Garden leave” and non-competitive agreements, which allowed us to conclude that it is permissible to simultaneously use these mechanisms to ensure the legitimate interests of the employer.

Keywords: Garden leave, non-competitive agreements, employee, employer, confidential information.

References

1. Azevedo A., Pereira P.J., Rodrigues A. Non-compete covenants, litigation and garden leaves // Journal of Business Research. 2018. No. 88. P.P. 197–211.
2. Danka A., Subramanien D., Whitear N. Garden leave: a discussion in the context of Vodacom (Pty) Ltd v. Godfrey Motsa & Another (2016) 37 ILJ 1241 (LC) // Industrial Law Journal. 2017. No. 38 (1). P.P. 3–19.
3. Mahangwahaya M. A critical analysis of the concurrent enforcement of restrictions on trade agreements and garden leave in South African labor law // University of Venda. 2018. 165 p.
4. Mupangavanhu Y. The Relationship between Restraints of Trade and Garden Leaves // PER. 2017. No. 20. 22 p.
5. Sullivan C.A. Trading the Garden: Restricting Competition via “Garden leave” // Berkeley Journal of Employment and Labor Law. 2016. No. 37. P.P. 3–33.
6. Sharma G. Garden leave clause (restrictive covenant in employment contracts) with special reference to its applicability in Indian context // National Law University, Jodhpur Press. 2012. 29 p.
7. The German Commercial code / translated and briefly annotated by A.F. Schuster; with an introduction by E.J. Schuster. London: Stevens and Sons. 1911. 280 p.
8. Townsend N. Non-compete a non-option? Consider garden leave // The Indian Lawyer. 2024. [Electronic resource] Internet source URL: <https://www.theindianlawyer.com/articles/townsend-non-compete-a-non-option-consider-garden-leave> (date accessed 19/07/2024)
9. Vodacom (Pty) Ltd v Motsa and Another (J 74/16) [2016] ZALCJHB 53; 2016 (3) SA 116 (LC); [2016] 5 BLLR 523 (LC); (2016) 37 ILJ 1241 (LC) (9 February 2016) // Southern African Legal Information Institute [Electronic resource] Internet source URL: <https://www.saflii.org/za/cases/ZALCJHB/2016/53.html> (date accessed 19.07.2024)

Правовые инструменты обеспечения гарантий возврата средств в потребительском кредитовании

Пурге Анна Роландовна,

канд. юрид. наук, доцент, кафедра гражданско-правовых дисциплин, Институт права, Владивостокский государственный университет
E-mail: a.purge@mail.ru

Исследование посвящено анализу правового регулирования обеспечения потребительского кредитования и позволяет заключить, что кредитование отличается тремя основными принципами: возвратностью, платностью и срочностью, однако кредитование потребителей отличается, в силу необходимости учета их более слабого экономического положения и слабой финансовой грамотности, наибольшим числом изъятий из данных принципов. Соответственно, гражданско-правовое регулирование потребительского кредитования характеризуется значительным числом императивных норм, устанавливающих прямые запреты на отдельные условия договора кредитования или ограничивающих свободу сторон в формулировании этих условий. В то же время наблюдается существенное запаздывание законодательства в отношении защиты граждан: так, лишь в 2014 году законодатель обратил внимание на лишенное смысла даже по обычным кредитам взимание недобросовестными банками дополнительной платы за ведение кредитных счетов, в наличии которых для получения денежных средств и их возврата банку должники совершенно не нуждались. Полученные результаты могут быть полезны при совершенствовании законодательства, регулирующего рассматриваемые правоотношения.

Ключевые слова: потребитель, кредитная организация, срочность кредита, возмездность кредита, возвратность кредита, кредитный договор, содержание кредитного договора, форма кредитного договора, заключение кредитного договора, ответственность должника за неисполнение кредитного обязательства.

Как мировая, так и российская статистика показывает такой резкий скачок кредитования потребителей, какого никогда ранее не было в экономической истории. Так, по данным ЦБ РФ, в долг в режиме розничного кредитования взяли, по состоянию на первое полугодие 2023 года, 47 млн человек [1]. При этом по состоянию на начало 2023 года число заемщиков составляло 45 млн человек, что показывает более, чем 4%-й рост за полугодие и 8%-й рост в годовом исчислении. Таким образом, долги перед банком и микрофинансовыми организациями имеют в настоящее время каждый третий российский гражданин, а если рассматривать кредитование в экономическом смысле – с точки зрения домохозяйств, то – практически каждое домохозяйство России. Статистика также показывает, что из названных 47 млн, порядка 10 млн граждан имеют обеспеченный – ипотечный кредит, но половина из них имеет также второй – необеспеченный кредит. Растет число держателей кредитных карт: за год – от первого полугодия 2022 года до первого полугодия 2023 года – их стало 23 млн, в относительном выражении рост составил 15%.

В абсолютном исчислении, на начало 2018 года общий объем потребительских кредитов составил 12 трлн, на начало 2019 – уже 15 трлн [2]. По состоянию на начало 2023 года размер этого долга составлял порядка 27,5 трлн, а по состоянию на декабрь 2023 года (последние данные) – уже 33,7 трлн руб., что можно признать рекордным ростом общего объема задолженности (23% за 2023 год) [3, с. 4].

При этом опасный рост показывают наиболее рискованные займы – микрозаймы в микрофинансовых организациях (далее – МФО). За полгода 2023 г. россияне взяли микрозаймов на 33,7% (т.е. значительно выше даже показателей инфляции) больше, чем за полгода в 2022 г. [4]

Растет и число просрочек по кредитам и, как следствие, число кредитных споров в судах. Так, по состоянию на сентябрь 2023 г. просрочка физических лиц по кредитам составила 1,138 трлн руб., т.е. незначительные 3,7% [5], но на 1 января 2024 г. она составляла уже 4,02%, т.е. порядка 7% за 4 месяца – несмотря на предшествующее ужесточение кредитной политики (подъем ключевой ставки до 16% годовых [6]). Однако следует учитывать, что речь идет о просрочке, превысившей 90 дней; реальная же просрочка в банковской статистике не учитывается.

Как следствие роста просрочки, можно констатировать резкий (по отношению данных на 2021 год к данным за 2022 год – на 43,6%) рост числа обан-

кrotившихся вследствие неспособности выплатить взятые кредиты граждан [7]. Такая ситуация ставит, помимо прочего, и вопрос об обеспечении гарантий гражданам при получении кредита.

Нельзя не отметить, что в начале нашего века договор потребительского кредитования стал объектом многих исследований. Его вопросами занимались Е.В. Пупынина [8], И.В. Сарнаков [9], Ю.В. Сахарова [10], С.С. Демченко [11] и ряд других ученых. Наиболее интересным и актуальным видится исследование О.И. Иванова – о необходимости регулирования размера процента при потребительском кредитовании [12]. Однако все эти исследования существенно устарели в процессе развития гарантий прав потребителей, в конце 10х годов нашего века, существенно изменивших кредитное законодательство. Значительнее стала регулирующая роль ЦБ РФ. Поэтому актуальными становятся новые научные исследования тех гарантий и процедур, которые сложились в настоящее время в кредитных отношениях.

Согласно части первой пункта 1 ст. 819 ГК РФ, по кредитному договору банк или иная кредитная организация (кредитор) обязуются предоставить денежные средства (кредит) заемщику в размере и на условиях, предусмотренных договором, а заемщик обязуется возвратить полученную денежную сумму и уплатить проценты за пользование ею, а также предусмотренные кредитным договором иные платежи, в том числе связанные с предоставлением кредита [13]. Как отмечал Д.А. Медведев, с точки зрения экономической кредитные правоотношения «выполняют вспомогательную функцию, которая заключается в том, что при их осуществлении... стоимость возникает в результате возврата денежной суммы с приращением (возмездный кредит). Это, однако, не означает, что... кредитные правоотношения лишь формально сопровождают процесс товарообмена. Наоборот, они не являются акцессорными обязательствами и существуют юридически самостоятельно... Именно эта автономность и позволяет говорить о наличии особых обязательств по кредитованию..., выделяя их в конкретные виды договорных правоотношений» [14, с. 486–487]. Разумеется, в некоторых случаях кредит выполняет именно акцессорную функцию, экономически содействуя товарообороту (таков, например, коммерческий кредит, когда лицо приобретает товары с отсроченным последующим расчетом, что позволяет ему перепродать этот товар или пустить его в переработку и продать уже этот товар с уже добавленной стоимостью), однако в подавляющем большинстве случаев цивилистическая традиция рассматривала его как самостоятельное обязательство. При таких экономических условиях типичными признаками кредита стали признаваться три:

- платность, т.е. возмездность пользования денежными средствами, преимущественно – в зависимости от срока пользования и взятой в пользование суммы этих средств;

- связанная с платностью срочность. По общему правилу, обязательства сами по себе, т.е. по своей природе являются срочными, действующими во времени ограниченно и прекращающимися после их исполнения, при этом нормальным способом прекращения обязательств признается именно их исполнение (ст. 408 Гражданского кодекса РФ (далее – Кодекс, ГК РФ));

- возвратность. Денежные средства, в отличие от процентов, в банковском деле именуется «тело кредита» и их остаток учитывается как при исчислении процентов за пользование кредитом, так и при исчислении неустойки и процентов (статья 395 ГК РФ) за его несвоевременный возврат. В этой связи обращает на себя внимание статья 319 ГК РФ, согласно которой сумма произведенного платежа, недостаточная для исполнения денежного обязательства полностью, при отсутствии иного соглашения погашает прежде всего издержки кредитора по получению исполнения, затем – проценты, а в оставшейся части – основную сумму долга. При этом, согласно п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 N 54, под «процентами» в этой статье подразумеваются «проценты, являющиеся платой за пользование денежными средствами (например, статьи 317, 809, 823 ГК РФ)» [15].

Однако с конца прошлого века имело место распространение не предпринимательского, а потребительского кредитования, в связи с чем три названных «классических» свойства кредита были существенно трансформированы. Дело в том, что задача банка в потребительском кредитовании – не столько получить прибыль от вложенных денежных средств, сколько содействовать основному должнику – предпринимателю в условиях переизбытка предложения на товарном рынке. При таких условиях сохраняются и возвратность, и срочность кредита, но существенно ограничивается условие его платности. В частности, растет число кредитных программ, в которых банки не взимают процентную ставку за кредит при условии приобретения потребителем у определенного продавца определенного товара, а входящая обычно в программу страховка возврата (в какой-то мере способная выполнить функцию платности кредита) – может быть прекращена (посредством отказа потребителя от договора) в течение так называемого «периода охлаждения» (допустимый 14-дневный срок [16]) страхователя.

В отличие от экономических признаков кредита, юридическое понятие кредита исходит из того, что его родовым признаком является услуга по передаче в пользование денежных средств, или заем. Как договорная конструкция, кредит характеризуется следующими особенностями:

- консенсуальный характер. Этот признак основан на классификации, предложенной германским цивилистом Эртманом, различавший, в зависимости от момента заключения догово-

ра, письменное соглашение о возникновении между сторонами сделки прав и обязанностей и фактические, которые также могли стать основанием возникновения договорных отношений. Первый вид договоров был назван консенсуальным, второй вид договора был обозначен как реальный. При консенсуальном характере отношений «лицо, обязавшееся предоставить кредит, может быть принуждено к исполнению договора» [17, с. 342];

- односторонне обязывающий характер. Однако кредитный договор с участием потребителя носит, все же, двусторонне-обязывающий характер;
- односторонний характер порождаемого им обязательства. Однако в возобновляемых кредитных обязательствах (так называемый «револьверный» кредит, наиболее типичный для современных кредитных карт) банк обязан сформировать для клиента кредитную линию в определенных пределах (кредитный лимит), что указывает на двусторонний характер кредитного обязательства с участием потребителя;
- возмездность. По мнению многих ученых, кредит имеет «безусловно возмездный характер» [18, с. 377]. Можно заключить, что кредитный договор даже с участием потребителя является возмездным, при этом факт оплаты используемых кредитных средств третьим лицом не исключает его платности для банка.

Особенностью рассматриваемого кредитного договора является также его субъект – потребитель. Согласно абз. третьему Преамбулы Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1, потребитель – гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [19]. Проанализировав определение «потребитель», действующего уже почти четверть века, вытекает, что им может быть лишь физическое лицо («гражданин», хотя гражданское законодательство в систематическом толковании не исключает, что потребителем может быть и иностранный гражданин, и физическое лицо без гражданства), которое приобретает денежные средства по кредитному договору исключительно для личных бытовых целей.

Несколько иначе закреплено понятие потребителя в законодательстве о финансовом уполномоченном. Согласно части 2 статьи 2 ФЗ от 04.06.2018 № 123-ФЗ [20], под потребителем финансовых услуг понимается физическое лицо, являющееся стороной договора, либо лицом, в пользу которого заключен договор, либо лицом, которому оказывается финансовая услуга в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Во-первых, из данного определения выпадают лица, которые лишь намереваются обратиться за финансовой (кредитной) услугой. Тем самым

законодатель исключает из полномочий финансового управляющего охрану и защиту лиц, намеревающихся взять кредит, хотя по общему законодательству о защите прав потребителей эти лица имеют равные права с теми, кто уже воспользовался кредитной услугой.

Во-вторых, данное определение, трижды употребив термин «либо», нарушает правила строгой дизъюнкции, поскольку смешивает различные категории, например, первую и третью. В частности, исходя из данного определения, к числу потребителей относится любое физическое лицо, заключившее договор кредитования, в том числе – индивидуальный предприниматель (поскольку первая из названных категорий не ограничивается некоммерческими (потребительскими) целями кредитования). Отсюда указание на третью категорию в данном определении – лишается смысла, поскольку она полностью охватывается первыми двумя категориями. Во всяком случае, данное определение расширяет круг лиц, имеющих право обратиться к уполномоченному, за счет индивидуальных предпринимателей, которые заключили кредитный договор и являются его стороной, а также индивидуальных предпринимателей, в пользу которых был заключен договор.

Анализ источников правового регулирования кредитных отношений позволил, наряду с традиционными формами права, выделить два новых вида юридической практики: практику Финансового уполномоченного и практику Службы Центрального Банка РФ по защите прав потребителей и обеспечению финансовых услуг.

В целях упорядочения практики Финансового уполномоченного, а также в целях прозрачности, транспарентности и повышения публичности (общественной значимости) его деятельности, представляется целесообразным создать специальный, периодически издаваемый сборник решений Финансового уполномоченного. Можно также рассмотреть вопрос о создании разделов в этом сборнике, например, в одном разделе публиковать решения Финансового уполномоченного по общим вопросам потребительского кредитования, в другом – по вопросам потребительского кредитования «на любые цели», в третьем – по вопросам потребительского кредитования на приобретение определенных товаров, работ и услуг (целевое кредитование), в четвертом – по вопросам кредитования посредством кредитных карт, в пятом – кредитование ипотечное. Такая систематизация практики позволила бы сформировать наиболее общие способы защиты прав потребителей кредитных услуг, выявить и сделать прозрачными способы банковских (кредитных) уловок (способов противоправного и неосновательного обогащения банка в кредитном отношении с потребителем), повысить уровень кредитно-финансовой грамотности потребителей.

Исследование субъектов, формы и порядка заключения договора кредитования с участием потребителя приводит к выводу о необходимости уточнения принципа информированного согласия

потребителя: как показывает судебная практика, до сих пор кредитные мошенничества, совершаемые в отношении потребителей и банков, основаны на недопустимом упрощении банками процедуры выдачи кредита и, что наиболее значимо, на недостаточной информированности потребителя при выражении им согласия на заключение договора кредитования.

Анализ содержания и исполнения договора кредитования с участием потребителя приводит к выводу, что введенный в 2023 г. в гражданский оборот цифровой рубль является преимущественно расчетным, а не кредитным средством. В этой связи представляется возможным рассмотреть вопросом о развитии целевого кредитования посредством цифровых рублей, поскольку нецелевые кредиты – высокорисковы особенно в настоящее время распространения закрепитованности граждан и мошенничества с использованием кредитования их банками.

Анализ особенностей ответственности сторон потребительского кредитования за нарушение преддоговорных обязанностей и договорных обязательств позволяет заключить, что в законодательстве недостаточно проработан вопрос о противодействии недобросовестности банков, проявляемой уже в процессе исполнения кредита. В частности, главным проблемным аспектом является невозможность применения санкций гражданско-правового характера в пользу потребителя при наличии противоправных действий банка. Наличие гражданско-правовых санкций привело бы к более широкому применению ответственности банков и сокращению случаев нарушения ими прав потребителей.

Анализ особенностей ипотечного кредитования с участием потребителя приводит к выводу о целесообразности представляется прямо закрепить в статье 29 Федерального закона «О банках...» право банка изменять в сторону увеличения процентную ставку в случае, когда она рассчитывалась исходя из участия гражданина в государственной программе бюджетного финансирования. В связи с вышеуказанным целесообразно предложить редакцию статьи 29 в следующей дополненной формулировке: «По кредитному договору, заключенному с заемщиком-гражданином, кредитная организация вправе в одностороннем порядке увеличить размер процентов и (или) изменить порядок их определения в случае, когда она рассчитывалась исходя из участия гражданина в государственной программе, финансируемой за счет бюджетных средств» (при этом части шестую – восьмую статьи 29 считать соответственно седьмой – девятой).

Литература

1. Ключевые тенденции I–II кварталов 2023 года. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/46543/inf-material_bki_2023fh.pdf (дата обращения: 25.07.2024)

2. Беляев Е. Закрепитованность населения 2019. – URL: <https://baikalinvestbank-24.ru/poleznye-stati/zakreditovannost-naseleniia-rossii-2019.html> (дата обращения: 20.07.2024)
3. Каштанов К. Названы причины рекордного роста кредитования населения. // Российская газета. Федеральный выпуск. 2023. 27 дек. С. 4.
4. Кредиторы в 2023 г. чаще обращались в суды для взыскания небольших долгов. – URL: <https://frankmedia.ru/149154?ysclid=lr5aoh665c868138286> (дата обращения: 25.07.2024)
5. Кляхин Д. На каждого россиянина приходится 13,6 тыс. рублей просроченной задолженности. – URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10990976> (дата обращения: 20.07.2024)
6. Банк России принял решение повысить ключевую ставку на 100 б.п., до 16,00% годовых: Информация Банка России от 15.12.2023. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464519/ (дата обращения: 20.07.2024)
7. Рекордные иски и рост числа споров: исследование банкротного рынка. – URL: <https://pravo.ru/story/249039/?ysclid=lr4s2c1fkf735998357> (дата обращения: 25.07.2024)
8. Пупынина Е.В. Кредитный договор на удовлетворение потребительских нужд: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2009. 165 с.
9. Сарнаков И.В. Правовое регулирование договора потребительского кредита: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2009. 238 с.
10. Сахарова Ю.В. Правовое регулирование договорных отношений в сфере потребительского кредитования в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2011. 184 с.
11. Демченко С.С. Правовое регулирование потребительского кредитования в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Санкт-Петербург, 2012. 216 с.
12. Иванов О.М. Правовое регулирование стоимости потребительского кредита: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Москва, 2012. 206 с.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 18.07.2024)
14. Гражданское право. В 3 т. Т. 2 / Под ред. А.П. Сергеева. Москва: Проспект, 2017. 880 с.
15. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 N 54. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207545/ (дата обращения: 25.07.2024)
16. О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления отдельных видов добровольного страхования: Указание Банка России от 20.11.2015 № 3854-У. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420319758?ysclid=lrtd5tloo970126961> (дата обращения: 25.07.2024)

17. Гражданское право. В 4 т. Том 3. Обязательственное право. Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. Москва: Статут, 2020. 480 с.
18. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Части второй. Постатейный / Под ред. О.Н. Садикова. Москва: Инфра-М-Норма, 2010. 964 с.
19. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 01.08.2024)
20. Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг: Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299392/ (дата обращения: 30.07.2024)

LEGAL INSTRUMENTS FOR ENSURING MONEY BACK GUARANTEES IN CONSUMER LENDING

Purge A.R.

Vladivostok State University

The study is devoted to the analysis of the legal regulation of consumer lending and allows us to conclude that lending is distinguished by three basic principles: repayment, payment and urgency, however, consumer lending differs, due to the need to take into account their weaker economic situation and poor financial literacy, by the largest number of exceptions from these principles. Accordingly, civil law regulation of consumer lending is characterized by a significant number of mandatory rules that establish direct prohibitions on certain terms of the lending agreement or limit the freedom of the parties in formulating these terms. At the same time, there is a significant delay in legislation regarding the protection of citizens: for example, only in 2014, the legislator drew attention to the senseless charging even for ordinary loans by unscrupulous banks of additional fees for maintaining credit accounts, which are available to receive funds and return them to the bank the debtors had no need at all. The results obtained can be useful in improving the legislation regulating the legal relations under consideration.

Keywords: consumer, credit institution, urgency of the loan, repayment of the loan, repayment of the loan, loan agreement, content of the loan agreement, form of the loan agreement, conclusion of the loan agreement, liability of the debtor for non-fulfillment of the loan obligation.

References

1. Key trends in the I–II quarters of 2023. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/46543/inf-material_bki_2023fh.pdf (date of application: 07/25/2024)
2. Belyaev E. Creditworthiness of the population 2019. – URL: <https://baikalinvestbank-24.ru/poleznye-stati/zakreditovannost-naseleniia-rossii-2019.html> (date of application: 07/20/2024)
3. Kashtanov K. The reasons for the record growth in lending to the population are named. // Rossiyskaya Gazeta. Federal issue. 2023. 27 Dec.p.
4. Creditors in 2023 more often applied to the courts to collect small debts. – URL <https://frankmedia.ru/149154?ysclid=lr5ao665c868138286> (accessed: 07/25/2024)
5. Klyakhin D. For every Russian there are 13.6 thousand rubles of overdue debt. – URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10990976> (accessed: 07/20/2024)
6. The Bank of Russia has decided to raise the key rate by 100 bp, to 16.00% per annum: Information from the Bank of Russia dated 12/15/2023. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464519/ (date of request: 07/20/2024)
7. Record lawsuits and an increase in the number of disputes: a study of the bankruptcy market. – URL: <https://pravo.ru/story/249039/?ysclid=lr4s2c1fkf735998357> (accessed: 07/25/2024)
8. Pupylnina E.V. Loan agreement for satisfaction of consumer needs: dis. ... cand. Jurid. Sciences: 12.00.03. Moscow, 2009. 165 p.
9. Sarnakov I.V. Legal regulation of the consumer credit agreement: dis. ... cand. Jurid. sciences: 12.00.03. Moscow, 2009. 238 p.
10. Sakharova Yu.V. Legal regulation of contractual relations in the field of consumer lending in the Russian Federation: dis. ... cand. Jurid. sciences: 12.00.03. Moscow, 2011. 184 p.
11. Demchenko S.S. Legal regulation of consumer lending in the Russian Federation: dis. ... cand. Jurid. sciences: 12.00.03. St. Petersburg, 2012. 216 p.
12. Ivanov O.M. Legal regulation of the cost of consumer credit: dis. ... cand. Jurid. sciences: 12.00.03. Moscow, 2012. 206 p.
13. The Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 51-FZ of 11/30/1994. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed: 07/18/2024)
14. Civil law. In 3 vols., vol. 2 / Edited by A.P. Sergeev. Moscow: Prospekt, 2017. 880 p.
15. On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on obligations and their fulfillment: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/22/2016 N 54. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207545/ (date of access: 07/25/2024)
16. On the minimum (standard) requirements for the conditions and Procedure for the implementation of Certain types of voluntary insurance: Instruction of the Bank of Russia dated 11/20/2015 No. 3854-U. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420319758?ysclid=lrtd5tloo970126961> (accessed: 07/25/2024)
17. Civil law. In 4 vols. Volume 3. The law of obligations. Textbook / Ed. by E.A. Sukhanov. Moscow: Statute, 2020. 480 p.
18. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part two. Article by article / Edited by O.N. Sadikov. Moscow: Infra-M-Norma, 2010. 964 p.
19. On Consumer Rights Protection: Law of the Russian Federation No. 2300-1 dated 07.02.1992. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (accessed: 08/01/2024)
20. On the Commissioner for Consumer Rights of Financial Services: Federal Law No. 123-FZ dated 06/04/2018 – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299392/ (date of access: 30.07.2024)

Формирование критериев определения размеров компенсации морального вреда

Рагимова Зайнаб Магомедовна,

преподаватель кафедры гражданского права Юридического института Дагестанского государственного университета
E-mail: ragimova.zainab@mail.ru

В статье автором рассмотрена проблема критериев для определения размеров компенсации морального вреда как одного из дискуссионных вопросов в российской цивилистике. Автором проанализированы некоторые существующие мнения ученых-правоведов относительно методик для расчета компенсации морального вреда, рассмотрена известная методика, предложенная ученым Эрделевским А.М. В статье рассмотрено новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», которое видится автору способом решения имеющихся проблем в области применения норм о компенсации морального вреда в части определения ее размеров. Данное Постановление также поможет стабилизировать институт компенсации морального вреда, и приведет к единообразию судебной практики в данной области.

Ключевые слова: компенсация морального вреда, методики расчета компенсации, разъяснения Верховного суда Российской Федерации.

Законодателем в ст.ст. 151, 1101 ГК РФ закреплены общие критерии, в зависимости от которых суд должен определять размер компенсации морального вреда (далее – КМВ). В тоже время Гражданский кодекс РФ не закрепляет универсальные правила для точного установления размера компенсации морального вреда (далее – КМВ).

Складывается такая ситуация, когда в случае получения человеком морального вреда, он самостоятельно оценивает размер подлежащей, по его мнению, взысканию с виновного лица КМВ. Между тем ориентируется он исключительно на свои внутренние ощущения и переживания, дает им свою личную оценку. В свою очередь суд, руководствуясь принципами разумности, справедливости и соразмерности, определяет, каков будет окончательный размер присужденной им истцу КМВ.

Таким образом мы имеем один из дискуссионных вопросов в современной цивилистике, который вызывает интерес как у ученых-правоведов, так и у практикующих юристов – это вопрос критериев, на основании которых можно определить справедливый и соразмерный причиненным страданиям размер компенсации морального вреда, который был бы схожим при относительно аналогичных обстоятельствах дела.

Сложность заключается в отсутствие на сегодняшний день единых параметров для вычисления размера КМВ. При вынесении решения суд руководствуется нормами статей 151, 1083, 1101 ГК РФ, однако очевидно, что закрепленных в данных статьях положений недостаточно, так как они носят весьма обобщенный характер, не имеют конкретики. Соответственно, основной актуальной проблемой в данной области является нехватка единых параметров формирования размеров КМВ, для последующей унификации судебной практики в этой области.

Последствием отсутствия единых и точных критериев определения размера КМВ является отсутствие единообразной практики разрешения данного вопроса. На сегодняшний день судья самостоятельно определяет размер КМВ по каждому конкретному случаю. При этом суд руководствуется исключительно своим видением справедливости и соразмерности, так как законодательство не содержит четких и точных критериев определения размера, не содержит минимальных или максимальных размеров компенсации. Все это приводит к тому, что, во-первых, при относительно аналогичных обстоятельствах дела, размер взыскиваемой компенсации морального вреда может разительно отличаться, причем как по делам, находящим-

ся в разных судах, так и по делам, находящимся в производстве одного судьи. Во-вторых, не менее важной является и проблема несоответствия ожидания о справедливой сумме КМВ и реальной суммой, которую суд постановил взыскать в пользу истца. Здесь стоит отметить тот факт, что процент удовлетворения судами требований истцов о КМВ в полном объеме весьма невелик.

Очевидным фактом является то, что КМВ это востребованный среди граждан гражданско-правовой способ защиты своих прав. Ввиду этого таким же актуальным остается и вопрос порядка расчета КМВ, а также единой методики определения компенсации, с целью гарантии равенства прав истцов (пострадавших).

Ввиду отсутствия легальной методики определения подлежащей взысканию компенсации размера морального вреда, отдельными учеными предложены различные специальные методики определения размера компенсации причиненного морального вреда.

Самой известной безусловно является методика Эрделевского А.М. Ученый разработал полноценный и детализированный механизм расчёта размера КМВ. Эрделевский А.М. пишет: «необходимо установить базовый размер компенсации причиненного вреда, привязав при этом этот размер компенсации к минимальному размеру оплаты труда (МРОТ), установленного законодательством по состоянию на момент вынесения судом решения по делу, то есть базовый размер компенсации морального вреда будет изменяться с учетом уровня инфляции» [5].

При этом Эрделевским А.М. также введено понятие «презюмируемого морального вреда», понимая под ним «страдания, свойственные «среднему» человеку, реагирующему обычным образом на совершение в отношении него правонарушения». По мнению ученого, «глубина страданий для «среднего» человека зависит в основном от вида того неимущественного блага, которому причиняется вред, и степени умаления этого блага, а индивидуальные особенности потерпевшего могут повышать или понижать эту глубину (степень) страданий. Поэтому во внимание должны приниматься как эта «средняя» глубина, так и индивидуальные особенности» [6].

Методика Эрделевского А.М. является наиболее известной ввиду полноты и глубины ее разработки, и с помощью нее, вероятнее всего, можно было бы добиться унификации размера взыскания компенсации морального вреда. Однако при этом при определении размера компенсации морального вреда теряются индивидуальные особенности отдельно взятого истца (пострадавшего), все станут «средними» людьми, что идет вразрез с принципом справедливости и соразмерности.

Другой автор, Смирнская Е.В. считает, что: «при разрешении вопроса об определении размера компенсации морального вреда обоснованно применение судами психологической экспертизы» [4].

Стоит согласиться с тем, что данная методика позволила бы наиболее точно определить размер КМВ, причиненного каждому конкретному лицу, однако методика все же видится нежизнеспособной ввиду дороговизны ее реализации. Учитывая рыночную стоимость услуг эксперта, может сложиться ситуация, когда в целом станет нецелесообразно, экономически невыгодно, обращаться в суд за КМВ. Таким образом, возникает вероятность образования новой проблемы в реализации прав потерпевших на КМВ, вместо решения уже имеющихся.

Вешкурцева З.В. предлагает: «установить базисные границы исходя из категории правонарушений». При этом автор пишет: «базисные размеры должны быть подвижны, и могут быть изменены в сторону увеличения, к примеру, с учетом индивидуальных особенностей лица, получивший моральный вред» [3].

Резюмируя вышеупомянутые мнения различных ученых, можно сделать вывод о том, что авторами предлагаются различные по своему характеру способы решения проблем в области компенсации морального вреда, а учитывая актуальность данной темы, не исключено также появление новых предложений. Однако очевидным остается одно – предлагаемые методики так или иначе имеют целью унифицировать размеры компенсации морального вреда.

Отсутствие в законодательстве России универсальных критериев для определения суммы компенсации морального вреда, возможно, еще долгое время будет привлекать внимание ученых-правоведов, так как КМВ является достаточно популярным способом защиты нарушенных прав.

На сегодняшний день предложенные учеными в разное время методики не нашли своего отражения в гражданском законодательстве, однако причиной отсутствия в законодательстве закреплённой четкой методики/единых критериев определения размера КМВ видится невозможность оценки действительной глубины (степени) физических или нравственных страданий и определение соответствующего размера компенсации для всех случаев, так как понятие «нравственные страдания» являются индивидуально определенным для каждого отдельно взятого человека (потерпевшего).

Очевидно, что целью внесения изменений в гражданское законодательство, которые предлагаются учеными-правоведами, является стремление к выработке такой судебной практики, в которой удовлетворенные судами суммы КМВ могли бы если не полностью, то хотя бы частично приблизиться к справедливой компенсации тех физических и нравственных страданий, которые перенес человек. Однако едва ли математические формулы способны оценить нравственные страдания человека. В тоже время суды, наделенные Гражданским Кодексом РФ (ст. 151, 1101) правом по своему усмотрению определять размер КМВ, выносят решения, в которых удовлетворяют КМВ в диапазоне 1000–5000 рублей по делам о защите прав

потребителей, или 10000–20000 рублей по делам о причинении вреда источником повышенной опасности. Неудивительно, что подобными решениями остаются недовольны истцы (потерпевшие), и решения обжалуются сторонами в вышестоящие инстанции.

Также на практике немало случаев, когда лицо, испытывавшее физические или нравственные страдания, оценивает компенсацию своих страданий в довольно крупных суммах (около 1 млн рублей). Так как законодательно максимальная граница в определении размера КМВ не установлена, лицо, оценившее свои волнения, переживания, страх и прочие пережитые негативные эмоции в конкретную сумму, действует в рамках гражданского законодательства и теоретически может рассчитывать на удовлетворение судом данной суммы. Тем не менее, обзор выносимых судебных актов свидетельствует о том, что удовлетворение компенсации в вышеупомянутых суммах – это единичные случаи. Возникает резонный вопрос, почему при отсутствии максимальной границы для размера КМВ, суды все же не спешат удовлетворять существенные, крупные суммы в качестве КМВ.

Немаловажным шагом на пути решения существующих проблем в области определения размеров КМВ, является то, что предложения ученых все же не оставлены без внимания и нашли свое отражение в разъяснениях Верховного суда Российской Федерации. Так Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее – Постановление) содержит разъяснения высшего суда относительно права на КМВ, общих условий возложения обязанности по КМВ, способе и размере КМВ, отдельных случаев КМВ, процессуальных вопросов [2].

Также в Постановлении дано понятие индивидуальных особенностей потерпевшего, влияющих на размер компенсации морального вреда (возраст и состояние здоровья, наличие отношений между причинителем вреда и потерпевшим, профессию и род занятий потерпевшего).

Вместе с тем имеется прямое закрепление запрета присуждения потерпевшему чрезвычайно малой, незначительной денежной суммы, если только такая сумма не была указана им в исковом заявлении. Данная проблема является весьма актуальной, так как анализ судебной практики по требованиям истцов (потерпевших) о взыскании с причинителя вреда КМВ показывает, что нередко являются решения судов, когда взысканная сумма компенсации морального вреда явно несопоставима перенесенным нравственным страданиям истца (потерпевшего), что вызывает недовольство стороны и дальнейшее обжалование судебного акта. Возможно, прямое указание высшего суда на запрет присуждения чрезвычайно малой, незначительной денежной суммы повлияет на судебную практику в этой части.

Можно прийти к выводу, что новое Постановление представляет собой нечто вроде отклика

судебной ветви власти на методики и варианты решения проблемы определения размера КМВ, предложенные правоведами за два десятилетия.

В тоже время в Постановлении не закреплены верхние и нижние границы размера КМВ, нет никаких формул для вычисления судами итоговой суммы КМВ, отсутствуют рекомендации для судов о назначении психологической экспертизы по данной категории споров. И если физические страдания обосновать довольно просто, то с нравственными страданиями дело обстоит сложнее. Горе, волнения, страх, тревога и иные проявления нравственных страданий каждого отдельно взятого человека не удастся унифицировать ни в нормативно-правовом акте, ни в разъяснениях высших судов.

Надо полагать, что закрепление в новом Постановлении обширного перечня критериев (зачастую с дополнительной, детализированной конкретизацией) определения размера КМВ позволит нам прийти к единству судебной практики в части взыскиваемых судами сумм КМВ. Возможно, данное Постановление в некоторой степени точка в продолжительных дискуссиях ученых по поводу определения справедливой компенсации пережитых человеком нравственных страданий.

Не лишним будет отметить, что и различные предложения ученых по совершенствованию законодательства в части проблемы определения размера КМВ, и новые разъяснения Пленума ВС РФ на этот счет, направлены, главным образом, на выработку статичной и «ожидаемой» судебной практики по требованиям истцов (пострадавших) о КМВ. Помимо этого, видится необходимым добиться исключения судебных актов, которыми удовлетворены ничтожно низкие размеры компенсации, а равно необоснованно завышенные требования о КМВ.

Достичь же цели равнозначного возмещения причиненного человеку морального вреда, либо полноценной компенсации пережитых человеком физических и нравственных страданий видится невозможным, а стремление к этому видится утопичным.

Так как Постановление вынесено в конце 2022 года, думается, что пока рано проводить анализ его влияния на формирование судебной практики и делать какие-либо выводы, тем не менее, полагаем, что наличие столь объемного и детализированного обновленного Постановления высшего суда в ближайшем будущем приведет к разрешению большинства имеющихся в данной области проблем.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // СПС КонсультантПлюс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения: 27.07.2024)

2. Вешкурцева З.В. Актуальные проблемы компенсации морального вреда при нарушении личных неимущественных прав в сети Интернет и других информационнокоммуникационных сетях. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015.
3. Смирнская Е.В. Компенсация морального вреда как деликтное обязательство: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.
4. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда: анализ комментариев законодательства и судебной практики. // М.: ВолтерсКлувер, – 2007.
5. Эрделевский А.М. Об определении размера компенсации морального вреда // Хозяйство и право. – 2020. – № 2 (517). – С. 41–47.

FORMATION OF CRITERIA FOR DETERMINING THE AMOUNT OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE

Ragimova Z.M.

Dagestan State University

In this article the author considers the problem of criteria for determining the amount of compensation for moral damage as one of the controversial issues in Russian civil law. The author analyzes some existing opinions of legal scholars regarding methods for calculating compensation for moral damage, considers the well-known methodology proposed by scientist A.M. Erdelevsky. The article considers

the new Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/15/2022 No. 33 “On the practice of applying standards on compensation for moral damage by courts”, which the author sees as a way to solve existing problems in the field of application norms on compensation for moral damage in terms of determining its size. This Resolution will also help to stabilize the institution of compensation for moral damage, and will lead to uniformity of judicial practice in this area.

Keywords: compensation for moral harm, compensation calculation methodology, explanations of the Supreme Court of the Russian Federation.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/15/2022 No. 33 “On the practice of applying the norms on compensation for moral damage by courts” // SPS ConsultantPlus (accessed 27.07.2024).
2. Veshkurtseva Z.V. Actual problems of compensation for moral damage in violation of personal non-property rights on the Internet and other information and communication networks. Abstract of the dissertation ... cand. Jurid. sciences’. Moscow, 2015.
3. Smirenskaya E.V. Compensation for moral damage as a tort obligation: dis. ... cand. Jurid. sciences’. Volgograd, 2000.
4. Erdelevsky A.M. Compensation for moral damage: analysis of comments on legislation and judicial practice. // М.: VoltersKluver, – 2007.
5. Erdelevsky A.M. On determining the amount of compensation for moral damage // Economy and law. –2020. – № 2 (517). – Pp. 41–47.

Рудой Артем Альбертович,

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права
Санкт-Петербургского государственного экономического
университета
E-mail: Artyrudoy@gmail.com

Статья посвящена анализу проблемных вопросов, связанных с оборотом цифровых прав по действующему российскому законодательству. На основе анализа нормативных положений статьи 141.1 Гражданского кодекса РФ, а также специального законодательства РФ, регулирующего оборот отдельных видов цифровых прав, автор выявляет пробелы и противоречия в действующем правовом регулировании и приходит к выводу о необходимости его совершенствования, в частности, уточнения правил о моменте возникновения цифровых прав у правообладателя и их перехода к другому лицу, применения к учету цифровых прав исключений из принципа внесения, в том числе в случае универсального правопреемства.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые активы, гражданский оборот.

Введение

Одним из элементов правового режима объекта права выступает правовое регулирование их оборота [3, с. 34]. В общем виде гражданский оборот можно охарактеризовать как переход имущества от одного лица к другому. По мнению В.А. Садкова гражданский оборот может быть определен как совокупность факторов, характеризующих товарообмен между субъектами [7, с. 93].

В последние годы в гражданский оборот вошли технологически новые объекты прав – цифровые активы. Классические объекты имущественного оборота трансформируются в цифровую форму и учитываются в специальной информационной системе, функционирующей без посредника, в качестве цифрового обозначения. Указанные объекты обращаются на финансовых рынках, вносятся в уставные капиталы хозяйственных обществ, входят в конкурсную массу должника-банкрота, переходят по наследству.

Повсеместное и быстрое внедрение в жизнь указанных объектов ставит перед наукой и правоприменительной практикой вопрос о том, как нужно регулировать оборот данных активов.

Особенности правового регулирования оборота цифровых прав

Рассмотрим особенности правового регулирования оборота цифровых прав по действующему законодательству РФ.

Как следует из 1 статьи 141.1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) осуществление и распоряжение цифровым правом, в том числе его передача и обременение, возможны лишь в особой информационной системе, не предполагающей обращения к третьим лицам.

Как видим, закон установил особые правила гражданского оборота цифровых прав и распоряжения ими, а именно особый способ передачи и обременения таковых. Однако обозначенные особенности, как это следует из буквального толкования текста нормы, касаются не любых юридических фактов, служащих основанием для перехода цифрового актива, а исключительно волевых актов правообладателей, влекущих указанные последствия. Иначе говоря, установленные законом особенности оборота цифровых прав распространяются только на сделки и сделкоподобные действия, направленные на переход или обременение соответствующих прав. Что же касается иных оснований перехода цифровых прав (например, в порядке наследования, или в случае обращения судом взыскания на цифровое право), законодатель

не устанавливает каких-либо правил, регулирующих порядок смены обладателя цифрового права в информационной системе для этих случаев.

Вывод о том, что статья 141.1 ГК РФ регулирует переход цифровых прав, опосредованный только волевыми действиями участников гражданского оборота, оставляя без внимания переход цифровых прав на основе событий или иным образом в силу закона, подтверждается не только буквальным толкованием рассматриваемой правовой нормы, но и историей ее принятия.

Так, в первоначальной редакции законопроекта [5], предполагающего введение в ГК РФ новой статьи 141.1 (далее – Законопроект), предлагалось установить правило, по которому переход цифровых прав может осуществляться *исключительно* путем внесения соответствующих сведений в информационную систему.

Такая категоричность формулировки вызывает следующие возражения. Действительно, учет цифровых прав, покуда он осуществляется в специальной информационной системе, как общее правило, должен основываться на принципе внесения и негативной модели регистрации. Смысл негативной модели регистрации прав заключается в том, что в основании записей о зарегистрированных правах всегда лежит сложный юридико-фактический состав, включающий материальное основание возникновения, перехода или прекращения соответствующего права, а также формальный акт регистрации соответствующего юридического факта [2, с. 83]. В отсутствие материального основания регистрации права регистрационная запись не означает его существования. Аналогичным образом сегодня работают практически все известные отечественному правопорядку централизованные системы учета (государственной регистрации) прав (как то: реестр прав на недвижимое имущество, реестр юридических лиц и т.п.), а также системы учета прав, не подлежащих государственной регистрации, в том числе в виде записи на лицевом счете (как в случае с бездокументарными ценными бумагами). Думается, что было бы неправильным не применять данный подход к цифровым правам, хотя фиксация субъективных прав в форме бездокументарных ценных бумаг и цифровых прав и не является государственной регистрацией по смыслу статьи 8.1 ГК РФ.

В любом случае правовое регулирование цифровых прав не может не учитывать объективно существующие потребности оборота в исключениях из принципа внесения, которые общим образом сформулированы применительно ко всем видам имущества. Как известно, принцип внесения знает исключения, когда возникновение, изменение или прекращение прав может происходить при отсутствии внесения в реестр записи об этом [2, с. 153].

Одно из самых распространенных исключений из указанного принципа – наследственное правопреемство. Так, согласно пункту 4 статьи 1152 ГК РФ все, что входит в наследственную массу, считается принадлежащим наследнику с момента от-

крытия наследства, при этом регистрация права на то или иное наследственное имущество не имеет значения. В качестве иных примеров исключения из названного принципа можно привести, в частности, следующие случаи перехода прав: реорганизация юридического лица и приобретение имущества в составе ликвидационной квоты (Постановление Конституционного Суда РФ от 03.07.2018 № 28-П); приобретение имущества в общую совместную собственность (статья 34 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ)) и трансформация общей совместной собственности в индивидуальную (личную) собственность каждого из бывших совместных собственников (скажем, при разделе имущества супругов, статья 38 СК РФ). При буквальном прочтении предлагаемой формулировки статьи 141.1 ГК РФ выходит, что все эти весьма распространенные в обороте случаи не подпадают под исключение из общего правила о необходимости внесения в информационную систему соответствующей записи для того, чтобы переход права был признан состоявшимся.

Таким образом, категоричная формулировка первой редакции Законопроекта о том, что цифровые права переходят исключительно в силу записей в информационной системе, не учитывала выработанные в отечественном правопорядке исключения из принципа внесения и явно не соответствовала объективным потребностям оборота.

Как справедливо отмечено в Экспертном заключении Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ (далее – Совет по кодификации) от 23 апреля 2018 г. № 175–2/2018 [9, с. 143] такой категоричной нормой Законопроект создавал бы темпорально бессубъектные права.

Доработанный ко второму чтению Законопроект смягчил данную формулировку, которая, не претерпев значительных изменений, вошла в окончательную редакцию принятого закона. В итоговой редакции анализируемой нормы законодатель сформулировал принцип внесения только применительно к передаче и распоряжению цифровыми правами, то есть к волевым актам, опосредующим их оборот и обременение правами третьих лиц. Вопрос же о том, как осуществляется переход цифрового права в иных случаях, законодатель обошел молчанием. В связи с этим в Экспертном заключении Совета по кодификации от 17 января 2019 г. № 183–1/2019 обоснованно указано на то, что данный вопрос сохранил свою актуальность в измененной версии Законопроекта [10, с. 167].

Исходя из изложенного выше, возникает вопрос: намеренно ли законодатель в окончательной редакции Законопроекта умолчал о том, как должно происходить правопреемство в субъективном цифровом праве в ситуации, когда такое оно не может быть поставлено в зависимость от внесения правообладателем записи о переходе права в информационную систему, и как должно производиться такое правопреемство? Имеем ли мы в данном случае дело с квалифицированным умол-

чанием законодателя и, если да, то как его нужно понимать: как исключение из оснований перехода цифрового права юридических фактов, которые не предполагают необходимости волеизъявления обладателя права, для того чтобы такой переход состоялся (в частности, смерти правообладателя), или как необходимость внесения записи о переходе цифрового права в информационную систему в дополнение к указанным юридическим фактам (сложный юридико-фактический состав)? От того, как мы отвечаем на поставленные вопросы, зависит, помимо прочего, переходит ли вообще, а если переходит, то в какой момент, цифровое право по наследству. Помимо проблемы наследования, при рассмотрении вопроса о порядке перехода цифрового права, возникают и иные требующие осмысления актуальные проблемы, в частности: в каком порядке и в какой момент происходит переход цифрового права при трансформации общей совместной собственности в индивидуальную (скажем, в случае добровольного или судебного раздела общего имущества супругов, в состав которого входит цифровое право) и наоборот (в случае приобретения цифрового права в совместную собственность супругов), требуется ли согласие правообладателя на совершение действий, направленных на обратный переход цифрового права в рамках применения правосоставительных способов защиты нарушенных прав (к примеру, в случае истребования цифровых прав от их приобретателя, реституции по недействительной сделке, обязанности стороны по договору вернуть полученное цифровое право после расторжения данного договора, включения цифрового права в конкурсную массу должника, исключения его из такой и т.п.) или обращения взыскания на цифровое право по требованию кредитора правообладателя; можно ли приобрести цифровые права по приобретательной давности и многие другие.

Легитимация правообладателя цифровых прав

Поставленные выше вопросы непосредственно связаны с определением фигуры обладателя цифрового права.

Исходя из пункта 2 статьи 141.1 ГК РФ под правообладателем понимается лицо, которое в силу правил информационной системы имеет возможность распоряжаться соответствующим цифровым правом. Возможность распоряжения здесь понимается как фактическая возможность, связанная с наличием у лица доступа к информационной системе.

Представляется, что такое понимание правообладателя является неточным, так как основано на смешении управомоченного субъекта лица, обладающего легитимационным знаком, то есть видимостью права, выраженной в записи в информационной системе и уникальном ключе доступа [6, с. 205]. В литературе справедливо отмечено, что доступ к информационной системе, как и любая другая фактическая возможность распоряжаться

цифровыми правами, очевидно, не может рассматриваться в качестве единственного критерия легитимации лица, управомоченного по цифровому праву [4]. Дело в том, что помимо формальной легитимации необходимо также наличие юридически действительного материально-правового основания возникновения субъективного цифрового права. Верно и обратное: правообладатель далеко не всегда может иметь доступ к распоряжению цифровым правом. Этот доступ (приватный ключ, пароль) может быть, например, несанкционированно получен третьими лицами помимо воли правообладателя (украден у него), передан правообладателем другому лицу в порядке исполнения недействительной сделки, утерян им или даже просто забыт.

Как верно отмечает Е.Н. Абрамова, обращение цифровых прав в информационной системе не является имманентным признаком таких объектов, поскольку общество испытывает потребность в закреплении возможности перехода права по тем же основаниям, по которым переходят традиционные субъективные права [1].

Учитывая, что наличие легитимационного знака не всегда говорит о наличии у лица статуса правообладателя, решающее значение для установления того, кто в действительности является управомоченным по цифровому праву лицом, приобретает материально-правовой критерий легитимации. Если данный критерий наличествует, то перед нами управомоченное лицо, хотя бы оно не было указано в записи в информационной системе и не имело доступа к ней. В свою очередь, отсутствие материального критерия легитимации в любом случае однозначно говорит о неуправомоченности лица по соответствующему цифровому праву.

Поскольку российская модель регистрации (учета) прав принадлежит к числу негативных, наличие у лица легитимационного знака ничего не добавляет к наличию у лица субъективного права, а отсутствие такового еще не говорит об отсутствии самого права.

Тем не менее законодатель определяет фигуру обладателя цифрового права, исходя, прежде всего, из его формальной легитимации. Так, обладателем цифровых финансовых активов признается лицо, имеющее доступ к информационной системе и включенное в реестр пользователей информационной системы (часть 7 статьи 4 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ). Утилитарные цифровые права возникают у их первого обладателя, переходят или прекращаются с момента внесения соответствующих сведений в инвестиционную платформу (часть 7 статьи 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ).

Точно так же дело обстоит и с правовым регулированием легитимации по бездокументарным ценным бумагам. Формально управомоченным по ним считается тот, на чьем счете числятся соответствующие ценные бумаги (пункт 1 статьи 149 ГК РФ). Вместе с тем законодатель, очевидно, не исходит из того, что формальная легитимация по ценной

бумаге является единственным критерием, по которому может быть установлено управомоченное по ней лицо. Этот тезис можно продемонстрировать на примере возможности истребования от формально управомоченного лица бездокументарных ценных бумаг, если они были им приобретены без правового основания (статья 149.3 ГК РФ)¹.

Учитывая изложенное, нормы, регулирующие переход цифровых прав, требуют следующего уточнения: в случаях, предусмотренных ГК РФ и другими законами, цифровые права возникают, изменяются, прекращаются, обременяются и переходят к другим лицам независимо от внесения записи об этом в информационную систему.

Выводы

Анализ норм ГК РФ, регулирующих переход цифрового права, а также правил специального законодательства об отдельных видах цифровых прав, дает основания для следующих выводов:

1. Регистрация цифровых прав должна основываться на негативной регистрационной модели учета прав и принципе внесения. При возникновении, изменении и прекращении цифровых прав должны применяться общие исключения из принципа внесения, выработанные в российской правовой системе, в том числе, при наследовании, реорганизации юридического лица, приобретении цифрового права в общую совместную собственность и т.д.

2. Можно выделить два критерия легитимации управомоченного по цифровому праву лица: формальный критерий (наличие уникального доступа к информационной системе в виде приватного ключа, дающего возможность распоряжаться цифровым правом, и запись в информационной системе о данном лице как об управомоченном) и материальный критерий (юридический факт, лежащий в основании возникновения или перехода цифрового права к управомоченному лицу). При установлении правообладателя цифрового права решающее значение приобретает наличие материального основания регистрации права, а не легитимационного знака.

Литература

1. Абрамова Е.Н. К вопросу о понятии цифрового права как объекта гражданских прав // Юрист. 2023. № 1. С. 54–60.
2. Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 127–169; № 12. С. 68–115.
3. Дерюгина Т.В., Иншакова А.О. Оборото-способность и правовой режим объектов граждан-

¹ Шевченко Г.Н. Бездокументарные ценные бумаги в российском гражданском праве // Бизнес, Менеджмент и Право. 2015. № 1. С. 98–103.

ских прав: соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. С. 31–34.

4. Лескова Ю.Г., Ванин В.В. Правовосстановительные способы защиты корпоративных цифровых прав // СПС «КонсультантПлюс»
5. Проект Федерального закона № 424632–7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
6. Рудой А.А. Правовой режим цифровых прав // Юридическая наука. 2023, № 7. С. 203–207.
7. Садков В.А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 211 с.
8. Шевченко Г.Н. Бездокументарные ценные бумаги в российском гражданском праве // Бизнес, Менеджмент и Право. 2015. № 1. С. 98–103.
9. Экспертное заключение по проекту Федерального закона № 424632–7 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Гражданское право России. Итоги года» 11 марта 2019 г. – М., 2018. С. 140–150.
10. Экспертное заключение по проекту Федерального закона № 424632–7 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Экспертные заключения Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. 2019 г. Материалы IX Международной научно-практической конференции «Гражданское право России. Итоги года». 24 декабря 2019 г. – М., 2019. С. 163–171

LEGAL REGULATION OF DIGITAL RIGHTS TURNOVER

Rudoy A.A.

St. Petersburg State University of Economics

This article analyses problematic aspects of the circulation of digital rights under the current Russian legislation. On basis of the analysis of the legislative provisions of Art. 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as special legislation of the Russian Federation, regulating the circulation of certain types of digital rights, the author identifies gaps and contradictions in the current legal regulation of digital rights and comes to the conclusion that there is a necessity of its improvement, in particular, to clarify the rules on the moment of digital rights arising and their transfer to another person, the application of exceptions to the «booking principle», including universal legal succession.

Keywords: Digital rights, digital assets, civil circulation.

References

1. Abramova E.N. On the concept of digital law as an object of civil rights // Jurist. 2023. No. 1. Pp. 54–60.
2. Bevzenko R.S. Commentary on Art. 8.1 of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. No. 11. Pp. 127–169; No. 12. Pp. 68–115.
3. Deryugina T.V., Inshakova A.O. Turnover and legal regime of objects of civil rights: the relationship of concepts // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2019. P. 31–34.

4. Leskova Yu.G., Vanin V.V. Legal restoration methods for protecting corporate digital rights // SPS "ConsultantPlus"
5. Draft Federal Law No. 424632–7 "On Amendments to Parts One, Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus"
6. Rudoy A.A. Legal regime of digital rights // Legal science. 2023, No. 7. P. 203–207.
7. Sadkov V.A. Digital financial assets as objects of civil rights and their turnover: Dis. ... Cand. of Law. Sciences. Volgograd, 2022. 211 p.
8. Shevchenko G.N. Uncertificated securities in Russian civil law // Business, Management and Law. 2015. No. 1. Pp. 98–103.
9. Expert opinion on the draft Federal Law No. 424632–7 "On Amendments to Parts One, Two and Three of the Civil Code of the Russian Federation" // Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference "Civil Law of Russia. Results of the Year" March 11, 2019 – M., 2018. Pp. 140–150.
10. Expert opinion on the draft Federal Law No. 424632–7 "On Amendments to Parts One, Two and Three of the Civil Code of the Russian Federation" // Expert opinions of the Council under the President of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation. 2019. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference "Civil Law of Russia. Results of the Year". December 24, 2019 – M., 2019. P. 163–171

Саяпин Сергей Петрович,

младший научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права ИГП РАН, Институт государства и права РАН
E-mail: spsayapin@yandex.ru

В августе 2024 г. были внесены важные изменения в действующее законодательство Российской Федерации. Уточнены рамки правового регулирования в отношении цифровых валют и цифровых финансовых активов (ЦФА). Разрешены операции с цифровыми валютами и ЦФА в трансграничных внешнеэкономических сделках. Кроме того, согласно принятым изменениям, закрепляются определения таких понятий как «майнинг цифровой валюты», «майнинг-пул», «майнинговая инфраструктура» и др. терминов, тесно связанных с цифровыми валютами. Вместе с тем, новое нормативное регулирование не лишено недостатков, которые, возможно, будут восполнены или устранены в дальнейшем. Проводя краткий анализ новых законов, автор пытается ответить на следующий вопрос – указанный процесс отражает общий тренд на расширение правового регулирования и оборота цифровых валют и ЦФА или является единственным действием, направленным на поддержание баланса финансового рынка страны в период санкций?

Ключевые слова: цифровая валюта, цифровые финансовые активы, цифровые права, ЦФА, цифровизация, майнинг, майнинг-пул, майнинговая инфраструктура, цифровизация, цифровая трансформация, внешнеэкономические сделки.

Последние изменения в действующее законодательство [1] обращают на себя внимание, прежде всего, тем, что впервые нормативно закрепляют определения таких понятий как «майнинг цифровой валюты», «майнинг-пул», «майнинговая инфраструктура» и др. Из текста закона становится очевидно, что российской законодатель уверенно идет по пути включения иностранных терминов (главным образом иностранных технических жаргонизмов) в российское правовое поле, вместо выработки собственных юридических понятий. В связи с этим, остается не вполне ясным вопрос – насколько обоснован такой шаг в долгосрочной перспективе развития отечественного права? И это безотносительно того, что само определение понятия «цифровая валюта», которое уже было закреплено в законе о цифровых финансовых активах (ЦФА), отдельными авторами признается не совсем удачным [3, С. 64], а другие авторы полагают, что в законе о ЦФА фактически введено определение частной цифровой валюты [4, С. 61].

Новые изменения устанавливают, что майнинг цифровой валюты вправе осуществлять:

- юридические лица, личным законом которых является российское право;
- индивидуальные предприниматели;
- а также физические лица.

Вместе с тем к указанным категориям лиц закон предъявляет определенные требования.

Так, для майнинга цифровой валюты юридические лица и индивидуальные предприниматели обязаны состоять в государственном реестре. При этом не любая заявка на включение в реестр будет одобрена. В том случае, если индивидуальный предприниматель или участники (учредители) юридического лица (или исполнительный орган юридического лица) имеют неснятую или непогашенную судимость за преступления, определенные в новом законе, то такому лицу будет отказано во включении в реестр. Аналогичный подход во включении в государственный реестр реализуется в отношении операторов цифровых инвестиционных платформ, поэтому правовой подход с организацией реестров не является чем-то новым.

Физическим лицам предоставляется право осуществлять майнинг цифровой валюты без необходимости включения в реестр, но при условии соблюдения установленных лимитов на потребление электрической энергии. Лимиты на майнинг по новой норме устанавливаются Правительством Российской Федерации в каждом отдельном регионе страны в соответствии с имеющимися энергетическими мощностями того или иного региона. При этом закон позволяет ограничивать или вовсе за-

прещать деятельность по майнингу цифровых валют на определенных территориях. Здесь также остается не вполне ясно, каким образом предполагается отслеживать соблюдение установленных лимитов и разделять энергопотребление в соответствии с бытовыми нуждами и отдельно – майнингом цифровых валют? Судя по всему обязанность по контролю за соблюдением физическими лицами установленных лимитов энергопотребления будут возложены на федеральные (региональные) энергосбытовые компании и сотрудников таких организаций.

Вызывает интерес подход законодателя к определению понятия «майнинговая инфраструктура». Представляется, что на этом основании любое помещение, в котором находятся технические и программно-аппаратные средства (компьютерное оборудование) для майнинга цифровой валюты может быть признано таковой инфраструктурой. Таким образом, например, квартира (комната) или иное помещение физического лица, осуществляющего майнинг цифровой валюты, также может быть признано майнинговой инфраструктурой, а не только дата-центр, где находятся сервера для майнинга. Неясно необходимо ли при этом обязательное наличие оператора майнинговой инфраструктуры?

Так, если лицо оказывает услуги по предоставлению майнинговой инфраструктуры в пользование, то такое лицо будет именоваться «оператором майнинговой инфраструктуры». По нашему мнению не всякая майнинговая инфраструктура будет предполагать обязательное наличие оператора. Как мы отметили выше, квартира (комната) или иное помещение физического лица может быть признано майнинговой инфраструктурой, однако оператора здесь может и не быть, ввиду того, что будет отсутствовать лицо, оказывающее услуги по предоставлению указанного помещения (объекта) для майнинга за плату. Операторы майнинговой инфраструктуры также обязаны состоять в соответствующем государственном реестре.

Ведение реестров возлагается на Минцифры России, которое обладает правом не только включения лиц в реестр, но и исключения их из соответствующего реестра. Перечень случаев исключения лица из реестра, судя по всему, предполагается, открытым, при необходимости Правительство Российской Федерации по согласованию с Центральным банком России будет устанавливать дополнительные (иные) случаи исключения лиц из реестров.

В том случае, если лица, осуществляющие майнинг цифровой валюты, не только действуют в одиночку, но и объединяются в единую структуру (т.е. объединяют между собой технические мощности и мощности программно-аппаратного обеспечения), то по смыслу закона такая структура будет именоваться «майнинг-пулом». Законодатель предполагает, что деятельность майнинг-пула носит организационный характер (самоорганизация здесь видимо исключается?) и поэтому действует

иное лицо, которое указанную деятельность организует и распределяет полученную в результате майнинга цифровую валюту среди всех участников майнинг-пула. Лицом, которое организывает майнинг-пул вправе быть юридическое лицо (личным законом которого является российское право), индивидуальный предприниматель или физическое лицо.

Следует отметить, что приходные и расходные операции с цифровой валютой учитываются в информационной системе с использованием специальной последовательности символов, в законе данное определение связывается с понятием – «адрес-идентификатор». Такой адрес-идентификатор присваивается каждой операции, по своей сути – сделке с цифровой валютой в информационной системе. Таким образом, адрес-идентификатор является цифровым обозначением факта осуществления той или иной сделки внутри информационной системы (т.е. своего рода удостоверением того, что сделка имела место быть). Отсюда следует, что сторонами сделки являются участники информационной системы. Однако следующий возникает закономерный вопрос – возможно ли осуществление сделки между лицами, одно из которых не является участником информационной системы? Или для осуществления сделки и присвоения ей адреса-идентификатора все лица обязаны быть зарегистрированы в информационной системе?

Закон устанавливает обязанность всех лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты (в том числе участников майнинг-пула), предоставлять сведения о получении цифровой валюты с указанием адреса-идентификатора, который определяет факт сделки. Однако закон не устанавливает санкцию за отсутствие указанных сведений (непредоставление требуемой информации). Представляется, что случай неоднократного нарушения порядка предоставления указанных сведений, все же, будет являться основанием для исключения лица, осуществляющего майнинг цифровой валюты, из реестра.

Отдельно стоит сказать о трансграничном обороте цифровых финансовых активов (цифровых прав) (ЦФА). Нормами закона проводится разделение между российскими и иностранными информационными системами, в которых происходит учет ЦФА, и, соответственно, закон также разделяет иностранных и российских номинальных держателей ЦФА. Каждый из указанных категорий лиц самостоятельно, в соответствии с правом своей страны (личным законом) обязан учитывать переданные (зачисленные) ему ЦФА. Однако, иностранные лица, на номинальные счета которых были перечислены ЦФА, все же обязаны предоставлять информацию о своих участниках оператору российской информационной системы. Логика законодателя в этом случае совершенно ясна, однако непонятно, какие именно требования будут предъявляться в этом случае к российскому оператору информационной системы по обработке и хране-

нию персональных данных граждан иностранных государств (в том числе сведений о юридических иностранных юридических лицах), ввиду имеющихся различий в правовом регулировании данной сферы?

ЦФА, которые зачисляются на номинальный счет иностранного лица, в российской информационной системе необходимо учитывать отдельно. Иностранцы ЦФА также допускаются к обращению на территории Российской Федерации, однако Банк России вправе не квалифицировать определенные иностранные цифровые права в качестве цифровых прав на территории страны.

Следует отметить, что решение о выпуске ЦФА может быть как открытым, так и закрытым. В последнем случае приобретение ЦФА осуществляется только определенными юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, указанными в решении о выпуске ЦФА (своего рода аналог закрытого инвестиционного предложения в соответствии с Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Становится ясно, что физические лица так и не вправе приобретать ЦФА. Аналогичным образом, физические лица не вправе приобретать иностранные ЦФА, если иное не предусмотрено актом Банка России.

Кроме того, все также остается под запретом реклама цифровой валюты, а также ЦФА, удостоверяющих возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам.

Подводя краткий итог необходимо отметить определенные положительные сдвиги российского законодательства в сторону уточнения и расширения правового регулирования оборота ЦФА и цифровой валюты.

Вместе с тем остаются неясными многие вопросы, а некоторые положения нового закона представляются недостаточно обоснованными (как, например продолжающая практика включения иностранных технических жаргонизмов в российское правовое поле) и, даже ограничивающими (все еще имеющийся запрет на общий оборот цифровых валют, запрет на рекламу цифровых валют и др.).

Следует отметить, что новое регулирование цифровых валют связано, в том числе, со сложностями в проведении валютных операций между Российской Федерацией и иными государствами, направлено на установление новых способов и методов проведения трансграничных платежей, и предусматривает ряд изменений в действующее законодательство России относительно операций с цифровой валютой по внешнеэкономическим сделкам [2].

В связи с наличием в федеральном законе о финансовых активах и цифровой валюте прямого запрета на возможность юридическим и физическим лицам принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за товар, выпол-

ненную работу или оказание услуги (п. 5 ст. 14), новой нормой предусматривается возможность исключать действие отдельных положений указанного нормативного акта в отношении операций с цифровой валютой в соответствии с программой экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций на финансовом рынке.

Таким образом, оборот цифровых валют предусмотрен в экспериментальном режиме относительно внешнеэкономических сделок. Хочется надеяться, что в будущем такое регулирование будет значительным образом расширено, как того требует современная цифровая эпоха государственных экономик.

Литература

1. Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080016?index=1&ysclid=m0c2fkq9i8930478675> (дата обращения: 26.08.2024).
2. Федеральный закон от 08.08.2024 № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080020?ysclid=m0c2jrfq5737407668> (дата обращения: 26.08.2024).
3. Рожкова М.А. Категории «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в российском праве // Право цифровой экономики – 2021 (17): Ежегодник-антология / Рук. и науч. ред. д. ю. н. М.А. Рожкова. – Москва: Статут, 2021. – 476 с. – (Анализ современного права / IP & Digital Law).
4. Гузнов, А.Г. Цифровая валюта: особенности регулирования в Российской Федерации / А.Г. Гузнов, Т.Э. Рождественская // Правовременение. – 2021. – № 5. – С. 58–67.

ABOUT NEW TRENDS IN THE LEGAL REGULATION OF DIGITAL CURRENCY IN RUSSIA

Sayapin S.P.

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

In August 2024, important changes were made to the current legislation of the Russian Federation. The framework of legal regulation in relation to digital currencies and digital financial assets (DFA) was clarified. Transactions with digital currencies and DFA in cross-border foreign trade transactions are permitted. In addition, according to the adopted changes, definitions of such concepts as “digital currency mining”, “mining pool”, “mining infrastructure” and other terms closely related to digital currencies are fixed. At the same time, the new regulatory framework is not without shortcomings, which may be replenished or eliminated in the future. Conducting a brief analysis of the new laws, the author tries to answer the following question – does this process reflect the general trend towards expanding legal regulation and circulation of digital currencies and DFA or is it an isolated action aimed at maintaining the balance of the country's financial market during the sanctions period?

Keywords: digital currency, digital financial assets, digital rights, digital financial assets, digitalization, mining, mining pool, mining in-

frastructure, digitalization, digital transformation, foreign trade transactions.

References

1. Federal Law of 08.08.2024 No. 221-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080016?-index=1&ysclid=m0c2fkq9i8930478675> (date of access: 26.08.2024).
2. Federal Law of 08.08.2024 No. 223-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080020?ysclid=m0c2jr6fq5737407668> (date accessed: 26.08.2024).
3. Rozhkova M.A. Categories of "digital law", "digital rights" and "digital currency" in Russian law // Law of the digital economy – 2021 (17): Yearbook-anthology / Head. and scientific. ed. Doctor of Law M.A. Rozhkova. – Moscow: Statut, 2021. – 476 p. – (Analysis of modern law / IP & Digital Law).
4. Guznov, A.G. Digital currency: features of regulation in the Russian Federation / A.G. Guznov, T.E. Rozhdestvenskaya // Law enforcement. – 2021. – No. 5. – P. 58–67.

Определение правовой природы трудового договора, заключенного в форме смарт-контракта

Чаштанова Диана Петровна,

магистрант, кафедра гражданского права Института философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: diana_2000_2806@mail.ru

В статье исследуются проблемы и перспективы заключения трудового договора в форме смарт-контракта. Анализируются доктринальные подходы к сущности смарт-контракта, отличающиеся широким разнообразием. Указывается, что более обоснованной позицией по обозначенному вопросу выступает договорная сущность смарт-контракта. Кроме того, рассматриваются сферы применения смарт-контракта в гражданском обороте. Отмечается, что использование смарт-контракта также возможно в сфере трудовых отношений. Наиболее перспективным представляется заключение трудового договора в форме смарт-контракта. Определяется процедура заключения трудового договора в форме смарт-контракта. Предлагаются условия трудового договора, подлежащие автоматизации. Делается вывод, что трудовой договор в форме смарт-контракта не лишен технических и правовых недостатков. Вместе с тем выделяются преимущества обозначенной формы перед трудовым договором, заключенным в традиционной письменной форме.

Ключевые слова: смарт-контракт, трудовые отношения, трудовой договор в форме смарт-контракта, блокчейн, информационная система работодателя, Интернет вещей.

Законодательное определение смарт-контракта отсутствует ввиду неопределенной правовой природы. В юридической литературе предлагаются различные позиции на сущность смарт-контракта. Анализ представленных в доктрине точек зрения позволяет выделить следующие подходы: 1) смарт-контракт как договор [1, с. 73; 4, с. 25]; 2) смарт-контракт как компьютерная программа [8, с. 105; 10, с. 129]; 3) смарт-контракт как компьютерный код [2, с. 85; 7, с. 32]; 4) смарт-контракт как алгоритм автоматизации (исполнения) договоров [5, с. 782; 6, с. 51]; 5) смарт-контракт как способ обеспечения исполнения обязательств [11, р. 22]. По справедливому замечанию Е.В. Зайнутдиновой, определение смарт-контракта в качестве договора представляется более обоснованной позицией, поскольку иные подходы в той или иной степени отражают именно договорную природу рассматриваемых отношений [3, с. 16].

Вместе с тем стоит отметить, что не любой договор будет являться смарт-контрактом, поскольку не всем договорам присущи функционирование на базе блокчейн (децентрализованная распределенная информационная система), автоматизация исполнения, обезличенность исполнения, возникновение имущества или имущественных, корпоративных, интеллектуальных прав в информационной системе (в том числе посредством токенизации), отсутствие связи с государственными реестрами.

На сегодняшний день сфера применения смарт-контракта достаточно широка: финансовая отрасль, кредитование, страхование, электронная торговля, цепочка поставок, здравоохранение, государственный сектор, медиа, управление деловое репутацией, трудовые отношения и др. В рамках настоящей статьи интерес представляет использование смарт-контракта в трудовых отношениях.

Представляется, что в большей степени применение смарт-контракта актуально в новых формах занятости (дистанционная работа, платформенная занятость, аутстаффинг), поскольку использование цифровых технологий является отличительной чертой новых форм организации труда, без чего невозможно представить функционирование смарт-контракта. И если в традиционных трудовых отношениях внедрение инновационного института не выступает объективной необходимостью, то в тех формах занятости, где цифровизация играет главную роль как в процессе выполнения работы, так и для осуществления взаимодействия между сторонами трудовых или гражданско-правовых отношений, применение смарт-контракта пред-

ставляется эффективным инструментом для развития новых форм организации трудового процесса.

В данный момент наиболее перспективным предложением использования в трудовых отношениях рассматриваемого института является заключение трудового договора в форме смарт-контракта, чем, безусловно, не ограничивается его применение. В отечественной литературе предлагаемая тема недостаточно разработана в связи с новаторским подходом, который может вызывать оправданные сомнения, но вместе с тем уже сейчас можно обнаружить некоторые наработки среди специалистов в области трудового права [9, с. 74–76]. Кроме того, Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ) также не упоминает смарт-контракт ни в каком качестве, однако не запрещает его использование. Первостепенно в этом случае неукоснительное соблюдение императивных требований трудового законодательства, защищающего интересы сторон трудовых отношений. Прежде всего, стоит отметить, что смарт-контракт может быть как частью трудового договора, так и дополнительным соглашением к нему, благодаря чему возможно внедрение смарт-контракта на любом этапе существования трудовых отношений. Технология смарт-контракта может позволить работодателю осуществить интеграцию с внешними источниками (например, СФР), а также с информационной системой работодателя, которая используется последним для организации электронного документооборота в сфере трудовых отношений. Информационная система работодателя позволяет оптимизировать различные кадровые процессы: прием на работу, ознакомление с локальными нормативными правовыми актами, привлечение к сверхурочной работе, выходные и нерабочие праздничные дни, командирование работников, предоставление отпусков, изменение трудового договора, увольнение и др. Интеграция с информационной системой работодателя принципиально необходима для автоматизации выплаты заработной платы, отпускных, в том числе на базе программы «1С». Кроме того, с технической точки зрения допустимо установление взаимодействия между трудовым договором в форме смарт-контракта и Интернетом вещей в целях осуществления работодательского контроля.

Процедуру заключения трудового договора в форме смарт-контракта можно представить следующим образом: 1) предоставление работником документов в соответствии со ст. 65 ТК РФ (в случае с дистанционной работой данный этап уже достаточным образом автоматизирован); 2) ознакомление работника с локальными нормативными правовыми актами работодателя (стоит отметить, что указанная процедура должна быть осуществлена при приеме на работу, когда данные работника еще отсутствуют в информационной системе, однако впоследствии процесс ознакомления тоже может быть автоматизирован); 3) составление трудового договора (речь идет о традиционной пись-

менной форме трудового договора, представленной на естественном языке); 4) непосредственное написание смарт-контракта путем перевода некоторых условий трудового договора на язык программирования (обозначенный этап предполагает наличие у работодателя определенных ресурсов, прежде всего, технических); 5) подписание трудового договора в форме смарт-контракта электронной цифровой подписью.

Говоря об условиях трудового договора, подлежащих автоматизации, следует подчеркнуть, что преимущественно императивные требования российского трудового законодательства не позволяют привести в цифровую плоскость и автоматизировать все внедоговорные и договорные условия трудового договора. Как видится, приведение в машиночитаемую форму пока возможно только для некоторых из них: срок действия трудового договора, условия оплаты труда работника, режим рабочего времени и времени отдыха.

Срок действия трудового договора может быть предметом смарт-контракта в том случае, если трудовой договор является срочным. Кроме того, автоматизированное исполнение данного условия возможно только тогда, когда четко определены даты начала и окончания работы и указано основание для заключения срочного трудового договора в соответствии со ст. 59 ТК РФ. Для своевременного предупреждения работника о прекращении трудового договора в связи с истечением срока его действия необходима интеграция трудового договора в форме смарт-контракта с информационной системой работодателя посредством обмена и передачи данных.

Условия оплаты труда работника также подлежат автоматизации, поскольку сам статус работника является встречным обязательством, необходимым для исполнения смарт-контракта. В качестве оплаты труда предлагается использовать цифровую рубль, который представляет собой третью форму российской национальной валюты. Указание дней и времени выплаты заработной платы выступает обязательным условием для осуществления автоматизации. Автоматизация выплаты заработной платы возможна в полном объеме, включая не только окладную часть, но и компенсационные и стимулирующие выплаты. При этом выплату заработной платы следует осуществлять посредством перевода на электронный кошелек работника. Впоследствии у работника есть возможность осуществить перевод денежных средств из электронного кошелька на привычную банковскую карту. Следует отметить, что и для автоматизации рассматриваемого условия необходима интеграция с информационной системой работодателя, которая должна содержать в себе, помимо всего прочего, банк локальных нормативных правовых актов, касающихся оплаты труда работников (коллективный договор, положение об оплате труда, положение о премировании и др.).

Что касается режима рабочего времени и времени отдыха, то указанное условие может быть

автоматизировано при непосредственной связи смарт-контракта и Интернета вещей, который позволяет соединять множество физических объектов в единую компьютерную сеть в целях сбора, анализа, обработки и передачи данных. Использование Интернета вещей направлено на организацию контроля работодателя за рабочим процессом с помощью корпоративных программ, персонального компьютера, смартфонов, смарт-часов, датчиков и др.). Соблюдение режима рабочего времени и времени отдыха гарантируется осуществлением автоматического отключения оборудования, программно-технических средств и иных средств за пределами установленной продолжительности рабочего времени. Более того, автоматизации может подлежать и выплата отпускных в случае интеграции с информационной системой работодателя, позволяющей контролировать своевременный выход работника в отпуск.

Таким образом, в настоящее время действующее российское трудовое законодательство не запрещает заключать трудовой договор в форме смарт-контракта. Вместе с тем автоматизировать все условия трудового договора не представляется возможным. В качестве условий трудового договора, которые могут быть предметом смарт-контракта, следует предложить срок его действия, условия оплаты труда работника, а также режим рабочего времени и времени отдыха. Ключевым аспектом автоматизации выступает интеграция с информационной системой работодателя, благодаря которой условия трудового договора могут самоисполняться надлежащим образом. Можно констатировать, что, с одной стороны, заключение трудового договора в форме смарт-контракта гарантирует исполнение его условий, предотвращая злоупотребления сторон трудовых отношений, а с другой – смарт-контракт с технической и правовой точек зрения не является идеальным инструментом, способным в полной мере обеспечить безукоризненное выполнение условий трудового договора работником и работодателем. Представляется, что в будущем в машиночитаемый вид можно будет привести большее количество условий трудового договора, способных исполняться автоматизированным образом. Так или иначе, требуется время для теоретического и практического осмысления поставленного вопроса.

Литература

1. Болотаева О.С. Основные направления правового регулирования систем распределенного реестра в условиях формирования цифровой экономики // Вестник СВФУ. 2017. № 04 (08). С. 68–75.
2. Булгаков И.Т. Правовые вопросы использования технологии блокчейн // Закон. 2016. № 12. С. 82–90.
3. Зайнутдинова Е.В. Смарт-контракт в гражданском праве: диссертация ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2022. 238 с.

4. Карцхия А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 17–26.
5. Максимовская А.А. Использование смарт-контрактов в международных финансовых отношениях // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 3. С. 781–785.
6. Нагородская В. Б. К вопросу о совместимости свободных (открытых) лицензий и возможностей их использования в технологии Blockchain // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 11. С. 39–55.
7. Новоселова Л. А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 29–44.
8. Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94–117.
9. Филипова И.А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентиры для трудового права. Нижний Новгород: ННГУ, 2021. 106 с.
10. Якунин В.А. Смарт-контракт. Смарт-бухгалтерия? // Факторы успеха. Экономические науки. 2018. № 1. С. 128–131.
11. Lauslahti K., Mattila J., Seppälä T. Smart contracts – how will blockchain technology affect contractual practices. The Research Institute of the Finnish Economy, ETLA Reports, 2017. No. 68. 27 p.

DETERMINING THE LEGAL NATURE OF AN EMPLOYMENT CONTRACT CONCLUDED IN THE FORM OF A SMART CONTRACT

Chashtanova D.P.
Novosibirsk State University

The article examines the problems and prospects of concluding an employment contract in the form of a smart contract. It analyzes doctrinal approaches to the essence of a smart contract, which are distinguished by a wide variety. It is indicated that a more substantiated position on the designated issue is the contractual essence of a smart contract. In addition, the areas of application of a smart contract in civil circulation are considered. It is noted that the use of a smart contract is also possible in the field of labor relations. The most promising is the conclusion of an employment contract in the form of a smart contract. The procedure for concluding an employment contract in the form of a smart contract is determined. The terms of the employment contract are proposed that are subject to automation. It is concluded that an employment contract in the form of a smart contract is not without technical and legal shortcomings. At the same time, the advantages of the designated form over an employment contract concluded in traditional written form are highlighted.

Keywords: smart contract, labor relations, employment contract in the form of a smart contract, blockchain, employer information system, Internet of Things.

References

1. Bolotaeva O.S. The main directions of legal regulation of distributed ledger systems in the context of the formation of the digital economy // Bulletin of NEFU. 2017. No. 04 (08). P. 68–75.
2. Bulgakov I.T. Legal issues of using blockchain technology // Law. 2016. No. 12. P. 82–90.

3. Zainutdinova E.V. Smart contract in civil law: dissertation ... Cand. of Law. Novosibirsk, 2022. 238 p.
4. Kartskhia A.A. Digital imperative: new technologies create a new reality // Intellectual property. Copyright and related rights. 2017. No. 8. P. 17–26.
5. Maksimovskaya A.A. Use of smart contracts in international financial relations // Modern scientific research and development. 2018. No. 3. P. 781–785.
6. Nagrodsкая V.B. On the Compatibility of Free (Open) Licenses and the Possibilities of Their Use in Blockchain Technology // Intellectual Property. Copyright and Related Rights. 2017. No. 11. P. 39–55.
7. Novoselova L. A. “Tokenization” of Civil Law Objects // Business and Law. 2017. No. 12. P. 29–44.
8. Savelyev A.I. Some Legal Aspects of the Use of Smart Contracts and Blockchain Technologies under Russian Law // Law. 2017. No. 5. P. 94–117.
9. Filipova I.A. The Impact of Digital Technologies on Labor: Guidelines for Labor Law. Nizhny Novgorod: UNN, 2021. 106 p.
10. Yakunin V.A. Smart contract. Smart accounting? // Success factors. Economic sciences. 2018. No. 1. P. 128–131.
11. Lauslahti K., Mattila J., Seppälä T. Smart contracts – how will blockchain technology affect contractual practices. The Research Institute of the Finnish Economy, ETLA Reports, 2017. No. 68. 27 p.

Признание недействительным патента как способ защиты прав на изобретение, полезную модель и промышленный образец

Старовойтова Анна Сергеевна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения «Федеральный институт промышленной собственности»
E-mail: asstarovojtova@msal.ru.

В сфере охраны прав на интеллектуальную собственность обращения об оспаривании патента представляют собой ключевой инструмент защиты патентных прав. Такая процедура может проходить как через административные органы, так и на уровне судебной системы, причем каждый из указанных путей обладает уникальным набором особенностей. Опираясь на анализ судебной статистики, можно утверждать, что оспаривание действительности патента выступает в роли специфического способа защиты патентных прав.

В процессе признания патента недействительным суд рассматривает два типа требований: полное и частичное. Удовлетворение полного требования означает аннулирование патента, в то время как частичное требование направлено на выдачу нового охранного документа вместо аннулированного. Этот нюанс имеет важное значение для понимания правовой природы требований о признании патента недействительным.

Требование об оспаривании патента не является единственным методом урегулирования споров по интеллектуальной собственности. В случае споров, касающихся прав на изобретения, полезные модели и производственные образцы, необходимо предъявлять как требования о признании прав, так и об оспаривании патента. Это обусловлено различиями в юридической сущности данных исков.

По этой причине вопрос о стратегиях защиты патентных прав становится всё более актуальным. Для эффективной защиты указанных прав критически важно разбираться в отличиях между административным и судебным процессами по делам об оспаривании патентов, а также учитывать отличительные черты полного и частичного требования.

Ключевые слова: признание патента недействительным, иск о признании права, защиты гражданских прав, оспаривание охранного документа, интеллектуальные права.

По данным Роспатента [6], в 2024 году наблюдается значительный рост патентной активности в России. К началу марта количество заявок на изобретения и полезные модели увеличилось на 2% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, достигнув 2403 заявок [6]. Эта тенденция отражает растущее стремление инновационных компаний обеспечить правовую охрану своих разработок.

Процесс выдачи патента определяется нормами Гражданского кодекса Российской Федерации. В соответствии с 1381 статьёй ГК РФ, установление приоритета на изобретение, полезную модель или промышленный образец производится на основании даты, когда была подана заявка в Роспатент. Затем Федеральный институт промышленной собственности осуществляет экспертизу, после чего объекты интеллектуальной собственности заносятся в специальный реестр, на основании этого и выдается патент. Данный документ является подтверждением приоритета, авторства и эксклюзивного права на объект.

Однако система патентования не лишена сложностей. Статья 1398 ГК РФ предусматривает возможность признания патента недействительным, что часто используется на практике [5, с. 19–21]. Существуют два порядка оспаривания патентов: административный (через подачу возражений в Роспатент) и судебный. При этом решение Роспатента по возражениям может быть обжаловано в суде, если оно не соответствует закону или нарушает гражданские права [1, с. 212–215].

С ростом патентной активности увеличивается и количество споров, связанных с интеллектуальной собственностью. Это включает иски о признании права, недействительности патента и признании авторства. Несмотря на кажущуюся простоту, процесс защиты патентных прав требует глубокого понимания юридических аспектов и тщательного анализа каждого случая.

В целом, рост патентной активности в России отражает увеличение ценности интеллектуальной собственности и её роли в коммерческой деятельности. Однако это также подчеркивает необходимость совершенствования механизмов защиты прав изобретателей и правообладателей в условиях растущей конкуренции на рынке инноваций.

Судебный порядок признания патента недействительным применяется в одном конкретном случае (подпункт 5 пункта 1 статьи 1398 ГК РФ) – при нарушениях, связанных с указанием в патенте неверного автора или патентообладателя, либо с отсутствием указания лица, являющегося тако-

вым. Таким образом, различия в порядке оспаривания патента обусловлены основанием его недействительности. Административный порядок используется во всех ситуациях, когда признается недействительность патента, кроме тех случаев, где имеется спор о принадлежности интеллектуальных прав.

Отличия данных процедур объясняются не столько основаниями оспаривания патента, сколько конститутивными признаками предъявляемых требований и возражений. Способ защиты гражданских прав прежде всего определяется правовой природой и характером используемого метода защиты.

Для более глубокого понимания специфики данного способа защиты интеллектуальных прав рассмотрим его применение на конкретных примерах.

Компания А подала в Роспатент возражение против выдачи патента, утверждая, что запатентованная полезная модель не соответствует критерию «новизны» [7]. Согласно статье 1351 ГК РФ, охрана полезной модели предоставляется при соблюдении трех условий: новизна, промышленная применимость и отсутствие общедоступных сведений о существенных признаках модели до даты приоритета. Эти условия определяют патентоспособность полезной модели в российском законодательстве. Однако, подателем возражения были представлены технические условия, в которых было раскрыто устройство, содержащее все существенные признаки спорной полезной модели. Раскрытие сведений о техническом решении также подтверждалось нотариальным протоколом осмотра доказательств – видеоролика, размещенного на YouTube-канале, в котором демонстрировались все признаки полезной модели. Видеоаудио материал был размещен до даты приоритета. Кроме того, была представлена товарная накладная, свидетельствующая о введении в гражданский оборот рассматриваемого объекта. Учитывая данные обстоятельства, Роспатент принял решение об удовлетворении поступившего возражения против выдачи патента, отметив то, что полезная модель не соответствует условию патентоспособности «новизна». Так, в данной ситуации Общество А использовало рассматриваемый способ защиты прав на основании пп. 1 п. 1 ст. 1398 ГК РФ в административном порядке. Однако, на данном этапе разрешение спора не закончилось. Общество Б, считая решение Роспатента незаконным и ущемляющим свои права и интересы, подало иск в Суд по интеллектуальным правам. Целью иска было признание недействительным решения Роспатента об удовлетворении возражений против выдачи патента.

В недавнем судебном разбирательстве было вынесено важное постановление, которое проливает свет на механизмы защиты прав граждан и организаций от неправомерных действий государственных и муниципальных органов. Ключевым элементом в аргументации суда стала ссылка на статью 13 ГК РФ.

Данная статья ГК РФ предусматривает универсальный механизм оспаривания как нормативных, так и ненормативных актов, изданных государственными и муниципальными органами. Суд особо подчеркнул, что этот правовой инструмент применим в широком спектре ситуаций, установленных законодательством.

Важно отметить, что суд квалифицировал положения статьи 13 ГК РФ как отдельный и самостоятельный способ защиты прав. Это означает, что граждане и юридические лица имеют законное право обращаться в суд для обжалования решений государственных органов, которые, по их мнению, нарушают их права и законные интересы.

Такая интерпретация статьи 13 ГК РФ судом имеет важное значение для укрепления правовой защиты в административных правоотношениях. Она подтверждает принцип судебного контроля над деятельностью органов власти и обеспечивает дополнительные гарантии соблюдения прав граждан и организаций.

Данное постановление может служить прецедентом для будущих судебных разбирательств, связанных с оспариванием административных актов, и потенциально может повлиять на практику применения законодательства в этой области. Оно подчеркивает важность судебной системы как механизма сдержек и противовесов в отношениях между государством и обществом.

Рассмотрев дело, суд удовлетворил требование заявителя. Основанием для этого послужило то, что оспариваемое решение Роспатента нарушало права и законные интересы Общества Б. Следовательно, суд признал решение Роспатента недействительным.

В результате судебного решения правовая охрана патента, ранее аннулированная Роспатентом, была восстановлена.

Итак, в практике защиты интеллектуальных прав важно четко различать специальные способы защиты, предусмотренные патентным законодательством, и общегражданские способы защиты. Рассмотрим два ключевых механизма: признание патента недействительным (ст. 1398 ГК РФ) и признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления (ст. 12, 13 ГК РФ).

1. Основания для требований:

1.1. Признание патента недействительным:

- базируется на нарушении условий действительности патента, установленных законом;
- может включать такие основания, как несоответствие изобретения критериям патентоспособности, неправомерное указание авторов или заявителей в патенте.

1.2. Признание недействительным акта госоргана:

- требует выполнения двух условий одновременно:
 - а) несоответствие акта действующему законодательству;

б) нарушение гражданских прав и законных интересов истца данным актом [8].

2. Последствия удовлетворения требований:

2.1. При признании патента недействительным:

- отменяется решение о выдаче патента.
- патент аннулируется с момента подачи заявки на его выдачу;
- может повлечь за собой пересмотр ранее заключенных лицензионных договоров;

2.2. При признании недействительным акта госоргана:

- происходит восстановление нарушенных прав истца;
- акт признается недействующим с момента его принятия;
- могут быть приняты меры по устранению последствий незаконного акта.

3. Процедурные особенности:

3.1. Оспаривание патента:

- может осуществляться как в административном порядке (через Роспатент), так и в судебном;
- имеет специфические сроки исковой давности, зависящие от основания оспаривания.

3.2. Оспаривание акта госоргана:

- осуществляется исключительно в судебном порядке;
- подчиняется общим правилам исковой давности.

Понимание этих различий критически важно для выбора правильной стратегии защиты прав. В случае с патентными спорами необходимо учитывать специфику патентного законодательства и практику Роспатента.

Рассмотрим другой пример, который иллюстрирует использование данного способа защиты прав в случае, если патент выдан с указанием лица, не являющегося автором и патентообладателем, или если в патенте отсутствует указание лица, которым он является (подп. 5 п. 1 ст. 1398 ГК РФ). Это единственная ситуация, когда применяется судебный порядок защиты, в отличие от ранее отмеченных случаев.

Исковое заявление было подано в Суд по интеллектуальным правам, что вызвало широкий резонанс среди экспертов в области патентной защиты. Инициатором иска выступило физическое лицо, которое выразило несогласие с законностью патента на изобретение, выданного одному из Обществ. После изучения представленных материалов и аргументов обеих сторон, коллегия судей пришла к единогласному мнению о вынесении решения в пользу истца. Такое решение базировалось на следующих аргументах:

1. В действующем законодательстве Российской Федерации применяется презумпция авторства для изобретений, полезных моделей и промышленных дизайнов в соответствии со статьей 1347 ГК РФ. Это предполагает, что лицо, указанное в заявлении о выдаче патента как создатель, признается таковым до тех пор, пока не будет доказано противоположное.

2. Истец предоставил весомые доказательства своего авторства: технические условия, чертежи и показания свидетелей. Суд признал эти доказательства достаточными для подтверждения авторства истца. Ответчик не смог представить опровергающих доказательства.

3. Согласно ст. 1357 ГК РФ, право на получение патента изначально принадлежит автору интеллектуальной собственности. В данном случае не было выявлено оснований (таких как, например, уступка права) для передачи прав от автора к другому лицу.

Учитывая эти факторы, суд постановил удовлетворить иски о признании недействительным патента.

Изучение данного случая позволяет заключить, что при рассмотрении запроса о недействительности патента суд устанавливал факт обладания интеллектуальными правами истцом и их отсутствия у ответчика. По нашему мнению, в этой ситуации более уместным было бы применение иска о признании права, поскольку именно такое требование предназначено для разрешения споров о гражданских правах и обязанностях между конфликтующими сторонами [2, с. 17–22].

Для иллюстрации этой позиции приведем еще один пример [9].

В суд, рассматривающий вопросы об интеллектуальной собственности, поступила жалоба от лица, которое оспаривало правильность внесения данных о патентообладателе в официальный документ, удостоверяющий право на инновацию. Данный истец выдвигал аргументы о том, что противоположная сторона необоснованно стала обладателем эксклюзивных прав, приобретая их у лица, не обладающего такими правами. В процессе рассмотрения данного вопроса, суд уточнил, что любые споры, связанные с правами на изобретения, а также полезные модели и промышленные дизайны, подлежат разрешению в порядке искового разбирательства. Любое лицо, утверждающее свое законное право может инициировать судебный процесс против лица, указанного в патенте в качестве правообладателя, что фактически сводится к оспариванию самого патента. Так, судебное решение интерпретировало требование о признании патента недействительным как иск, направленный на установление принадлежности исключительно права на определенный объект.

Критически важно понимать, что судебные разбирательства с целью установления факта обладания правами на интеллектуальную собственность рассматриваются исключительно по отношению к объектам, права на которые уже были зарегистрированы (после получения патента) [10]. Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, любые разногласия, связанные с вопросом обладания эксклюзивными правами на подобного рода объекты, разрешаются через процедуру оспаривания официально выданного патента [10].

Изучая нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, касающиеся выявления неточно-

стей в определении личности автора или обладателя патента, и принимая во внимание, что законодатель выделяет иск о признании патента недействительным в качестве самостоятельной категории, становится очевидным: вопросы, связанные с защитой прав на интеллектуальную собственность по отношению к данным объектам, необходимо решать через комплексное предъявление требований о подтверждении прав и о признании патента недействительным.

Однако судебная практика демонстрирует, что суды зачастую не проводят четкого разграничения между этими требованиями, в том числе при защите авторских прав. Тем не менее, на наш взгляд, несмотря на одновременное предъявление, эти требования нельзя отождествлять ввиду их существенных различий.

Очевидно, что в рассматриваемых случаях основное требование связано с подтверждением интеллектуальных прав. Основанием таких исков служит факт создания результата интеллектуальной деятельности или приобретения исключительного права. Недействительность охранного документа является следствием нарушения требования о достоверности информации о правообладателе в патенте. Следовательно, требование о признании патента недействительным носит вторичный характер по отношению к главному требованию – иску о признании права.

Кроме того, различия между этими требованиями также касаются состава участников спора. Анализ судебной практики показал, что определение ответчиков в делах данной категории не всегда однозначно. В одном деле ответчиком может выступать Роспатент, тогда как в другом он участвует только как третье лицо. Данное недоразумение, вероятно, возникает из-за смешения понятий признания недействительности патента и признания права. По нашему мнению, в иске о признании права ответчиками должны выступать лица, указанные в патенте как правообладатели, поскольку спор касается принадлежности субъективных прав. При подаче иска о признании патента недействительным ответчиком следует считать Роспатент, так как удовлетворение этого требования приводит к отмене решения федерального органа исполнительной власти в сфере интеллектуальной собственности (п. 7 ст. 1398 ГК РФ).

Важно отметить, что эти два типа исков имеют разную правовую природу. Иск о признании права направлен на установление принадлежности интеллектуальных прав конкретному лицу, в то время как иск о признании патента недействительным оспаривает законность выдачи охранного документа. Смешение этих понятий может привести к неправильному определению ответчика и, как следствие, к затруднениям в судебном разбирательстве.

Для устранения подобных сложностей необходимо четкое разграничение этих требований как в законодательстве, так и в судебной практике. Это позволит более эффективно защищать пра-

ва авторов и правообладателей, а также обеспечит правильное применение норм права в спорах об интеллектуальной собственности.

При анализе заявления о том, что патент должен быть объявлен недействительным, крайне важно подчеркнуть, что по статье 1398 Гражданского кодекса Российской Федерации, такая мера защиты прав может принимать одну из двух форм. В случае, когда патент прекращает свое действие полностью, он аннулируется начиная с момента подачи заявления в Федеральную службу по интеллектуальной собственности. При частичном отказе, старый документ теряет силу, и вместо него выдается новый, уже с уточнением данных о правообладателях и с присвоением нового регистрационного номера.

В качестве наглядного случая можно рассмотреть ситуацию, в которой истец оспаривал действие патента на полезную модель, утверждая, что он является автором и обладателем исключительного права с целью полного аннулирования патента, так как не был заинтересован в переоформлении охранного документа на себя. Суд, учитывая намерения заявителя и конкретные детали дела, удовлетворил иск в полном объеме, отменив патент, несмотря на доказательства того, что интеллектуальная собственность первоначально принадлежала заявителю. В результате, охранное свидетельство было аннулировано без выдачи нового [11].

С учетом возрастающего значения принципа добросовестности в сфере гражданского права, необходимо также обратить внимание на его роль в решении споров по поводу недействительности патентов. В юридической теории выделяют объективную добросовестность [4, с. 78], связанную с извинительным незнанием фактов, и субъективную, отражающую этические нормы как критерии оценки поведения участников правоотношений. В данном контексте речь идет о субъективной добросовестности [3, с. 158]. Согласно ст. 1 ГК РФ, участники правоотношений обязаны действовать добросовестно при защите своих прав. Если суд установит недобросовестность стороны, он может отказать в защите ее прав полностью или частично, в зависимости от обстоятельств дела.

Судебная практика показывает, что в делах о признании патента недействительным суд внимательно анализирует добросовестность поведения истца. Например, был случай, когда суд удовлетворил иск о признании патента недействительным полностью, принимая во внимание желание истца не претендовать на выдачу нового патента на своё имя. Это решение было принято несмотря на аргументы ответчика о том, что истец действовал недобросовестно, пытаясь лишь помешать ответчику использовать результат интеллектуальной деятельности [11]. В своём решении по другому делу суд подчеркнул, что осведомленность истца о значительном периоде времени, который прошёл с даты разработки и официальной регистрации оспариваемого технического решения, не доказывает

его недобросовестности и не может быть расценено как злоупотребление правом [9].

Подводя итог, важно различать иск о признании недействительности патента и иск о признании интеллектуальных прав, даже если они часто предъявляются совместно в случаях, когда требуется установить надлежащего правообладателя для изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Основные отличия этих требований заключаются в следующем:

1. Форма реализации требований:
 - требование о признании недействительности патента может быть рассмотрено как в административном, так и в судебном порядке;
 - иск о признании интеллектуальных прав рассматривается исключительно в судебном порядке.
2. Участники юридической тяжбы, касающейся интеллектуальной собственности, распределяются следующим образом:
 - в случае оспаривания патента: в качестве истца может выступить любое лицо, которое располагает информацией о нарушениях; в роли ответчика выступает Роспатент;
 - когда дело касается подтверждения прав на интеллектуальную собственность: положение истца занимает лицо, претендующее на интеллектуальные права; в роли ответчика – лицо, которое отрицает или не признает эти права.
3. Основания использования способов защиты:
 - основанием для иска о признании недействительности патента является несоблюдение условий его действительности;
 - основанием для требования о признании интеллектуальных прав является факт принадлежности личных неимущественных или имущественных прав истцу.

Литература

1. Богданова О.В. Защита интеллектуальных авторских прав гражданско-правовыми способами: монография. М.: Юстицинформ, 2017. – 212 с.
2. Василевская Л.Ю. Иск о признании права: проблемы определения и толкования // Судья. – 2011. – № 6. – С. 17–22.
3. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. – 464 с.
4. Российское гражданское право. Учебник: В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. – 960 с.
5. Старовойтова А.С. Признание права как способ защиты исключительных прав // Гражданское право. – 2020. – № 2. – С. 19–21.
6. Федеральная служба по интеллектуальной собственности [электронный ресурс <https://rospatent.gov.ru/ru>]

7. Решение Суда по интеллектуальным правам от 6.12.2022 г. по делу № СИП-99/2022 // СПС «ГАРАНТ»
8. Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Высшего арбитражного суда РФ от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ»
9. Решение Суда по интеллектуальным правам от 10.08.2021 г. по делу № СИП-465/2020 // СПС «ГАРАНТ»
10. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «ГАРАНТ»
11. Решение Суда по интеллектуальным правам от 10.06.2019 г. по делу № СИП-190/2018 // СПС «ГАРАНТ»

INVALIDATION OF A PATENT AS A WAY TO PROTECT THE RIGHTS TO AN INVENTION, UTILITY MODEL AND INDUSTRIAL DESIGN

Starovoitova A.S.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGUA); Federal Institute of Industrial Property

In the field of intellectual property rights protection, patent challenge appeals are a key tool for patent rights protection. Such a procedure can take place both through administrative bodies and at the level of the judicial system, and each of these paths has a unique set of features. Based on the analysis of judicial statistics, it can be argued that challenging the validity of a patent acts as a specific way to protect patent rights.

In the process of invalidation of a patent, the court considers two types of claims: full and partial. Satisfaction of a full claim means the annulment of a patent, while a partial claim is aimed at issuing a new security document instead of the annulled one. This nuance is important for understanding the legal nature of the requirements for invalidation of a patent.

The requirement to challenge a patent is not the only method of settling intellectual property disputes. In the case of disputes concerning the rights to inventions, utility models and industrial designs, it is necessary to submit both claims for recognition of rights and for challenging a patent. This is due to differences in the legal nature of these claims.

For this reason, the issue of patent protection strategies is becoming increasingly relevant. In order to effectively protect these rights, it is critically important to understand the differences between administrative and judicial processes in patent contestation cases, as well as to take into account the distinctive features of a full and partial claim.

Keywords: invalidation of a patent, a claim for recognition of a right, protection of civil rights, challenging a security document, intellectual property rights.

References

1. Bogdanova O.V. Protection of intellectual property rights by civil law methods: monograph. Moscow: Yustitsinform, 2017. – 212 p.
2. Vasilevskaya L. Yu. Claim for recognition of rights: problems of definition and interpretation // Judge. – 2011. – No. 6. – pp. 17–22.
3. Civil law: textbook: in 4 volumes. Volume 2: Property law. Inheritance law. Personal non-property rights / ed. E.A. Sukhanov. – 2nd ed., revised. and enlarged. Moscow: Statut, 2019. – 464 p.
4. Russian civil law. Textbook: in 2 volumes. Volume 1: General part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights / ed. E.A. Sukhanov. Moscow: Statut, 2011. – 960 p.

5. Starovoitova A.S. Recognition of rights as a way to protect exclusive rights // Civil law. – 2020. – No. 2. – P. 19–21.
6. Federal Service for Intellectual Property [electronic resource <https://rospatent.gov.ru/ru>]
7. Decision of the Court on Intellectual Rights dated 6.12. 2022 in case No. SIP-99/2022 // SPS “GARANT”
8. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 01.07.1996 No. 6/8 “On certain issues related to the application of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // SPS “GARANT”
9. Decision of the Intellectual Property Court dated 10.08.2021 in case No. SIP-465/2020 // SPS “GARANT”
10. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.04.2019 No. 10 “On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation” // SPS “GARANT”
11. Decision of the Intellectual Property Court dated 10.06.2019 in case No. SIP-190/2018 // SPS “GARANT”

Формирование института допустимого правомерного использования товарного знака

Тихов Сергей Михайлович,

аспирант, кафедра гражданского и корпоративного права
Санкт-Петербургского государственного экономического
университета
E-mail: smtikhov@yandex.ru

Одной из основных проблем правового режима товарных знаков является достаточно гибкая и непредсказуемая категория «использования» товарного знака. В доктрине и на практике сформировались основные паттерны поведения, которые принято считать допустимым использованием товарного знака, не приводящим к нарушению («неиспользование»). В доктрине выделяются 3 основных случая «неиспользования» товарного знака, которые основаны на принципе «прозрачности» рыночных отношений и призваны поддерживать сохранение идентификационной функции товарного знака. Настоящая статья посвящена исследованию случаев «неиспользования» товарных знаков в контексте российского права. В целях проведения анализа помимо общего системного анализа также изучен актуальный опыт судов при решении соответствующих споров, а также исследован смежный институт правового режима товарных знаков – исчерпание прав на товарный знак.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, товарный знак, исчерпание прав, свободное использование, границы исключительных прав, реклама.

Введение

Центральной категорией, без которой не может обойтись ни один анализ норм о товарных знаках, является *использование* товарного знака. Под использованием товарного знака мы можем понимать совершение таких действий, которые входят в состав «юридической монополии» исключительного права правообладателя.

Главным критерием, очерчивающим объем исключительного права на товарный знак, выступает категория смешения или угрозы смешения при использовании тождественных или сходных обозначений в отношении однородных товаров (п. 3 ст. 1484 ГК РФ). В то же время, судебной практикой «смешение» может применяться довольно широко (п. 162 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10), а указанные критерии «схожести» обозначения и однородности товаров также могут опускаться судами и правоприменительными органами при наличии доказанного «фактического смешения».

Соответственно, данная конструкция представляет собой очень гибкий инструмент, который хоть и позволяет адаптироваться к каждой конкретной ситуации, но не может положительно влиять на «предсказуемость» процесса правоприменения. Тем не менее, нельзя не отметить, что в условиях современных маркетинговых технологий третьи лица имеют особый интерес в использовании товарных знаков как особого информационного инструмента и для них существенно важно понимать допустимые границы «использования» товарного знака.

В связи с этим, участникам гражданского оборота (включая самих правообладателей) для осуществления своей деятельности понимать допустимые границы, в рамках которых использование товарного знака становится уже незаконным. В свою очередь, значительную роль в определении границ будут играть некие паттерны, которые согласно закону или правоприменительной практике, оцениваются как допустимое использование товарного знака (т.е. действия, которые не будут нарушать исключительное право на товарный знак в понимании п. 3 ст. 1484 ГК РФ). Для целей дальнейшего исследования указанные ситуации будут обозначаться как «неиспользование» товарного знака.

Настоящая работа будет посвящена анализу данных случаев «неиспользования» и оценке их значения для правового режима товарных знаков в российском правовом порядке.

Случаи «неиспользования» товарного знака

Правовая охрана товарного знака основывается и определяется его главной функцией – служить указателем/индикатором происхождения товара, на котором размещен товарный знак [2,8]. За счет указанной функции также реализуется принцип «прозрачности»: за счет товарных знаков, которые создают четкую ассоциативную связь между товаром/услугой и «их коммерческим источником» потребители должны легко индивидуализировать соответствующее предложение на рынке и получить соответствующее впечатление о товаре или услуге [9].

Указанные принципы регулирования также нашли отражение и в концепции содержательных границ исключительного права на товарный знак упоминаемой в работах А.С. Ворожевич [3], Л.А. Новоселовой [5], М.А. Кольздорф [4]. В частности, в рамках указанной концепции выделяется 3 основных типа случаев «неиспользования» (случаи допустимого использования товарных знаков, которые не должны считаться нарушением исключительных прав) [1].

Исходя из краткого анализа случаев «неиспользования» (приведенного ниже), можно отметить одну общую черту, свойственную всем случаям «неиспользования»: сама по себе концепция «неиспользования» отталкивается от цели использования товарного знака. В то же время, указанная цель устанавливается не столько из субъективного элемента (направленности умысла третьего лица, использующего товарный знак), сколько из оценки общего («объективного») впечатления суда, производимого подобным использованием товарного знака – вызывает ли оно смешение или угрозу смешения или нет.

Использование товарного знака в информационных, научных, учебных и культурных целях, творческой деятельности – первый случай «неиспользования» товарных знаков. Так в указанном случае охраняемое обозначение используется «некоммерческими» способами (непосредственно не направленными на введение в оборот товаров или услуг), вследствие чего данное обозначение не может создавать угрозу смешения.

Примером такого «неиспользования» может быть указание товарных знаков в каких-либо новостных сообщениях об отсутствии в продаже определенных товаров или изменении статуса продавца как официального представителя правообладателя (Постановление СИП от 29.01.2024 № С01–2785/2023 по делу № А02–2416/2022; Постановление СИП от 30.11.2023 № С01–2097/2023 по делу № А40–237395/2022).

Вторым случаем является «описательное» использование. Смысл данного способа «использования» заключается в том, что слова или иные обозначения, включенные в товарный знак, могут свободно использоваться в ином семантическом и лексическом смысле (в том числе в общеупотребительном смысле) не в целях индивидуализации

товаров или услуг. Указанная позиция даже нашла прямое закрепление в практике ВС РФ (п. 157 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10).

В качестве иллюстрации можно привести дело о товарном знаке «Оружие Победы» (Постановление СИП от 01.02.2022 № С01–2303/2021 по делу № А56–20147/2021). В данном деле суд квалифицировал обозначения «Оружие Победы» на спортивных монетах и жетонах с памятными знаками Великой Отечественной войны не как товарный знак, а как указание на культурный феномен, отсылающий к известному историческому событию. Соответственно, использование данного обозначения в другом семантическом смысле также не могло бы привести к угрозе смешения и нарушению прав на товарный знак.

Третьим способом «неиспользования» можно назвать, используя терминологию зарубежной правовой доктрины [7,10], номинативное использование. Такой тип «неиспользования» допускает использование товарного знака для описания свойств, характеристик или каких-то иных параметров товаров и услуг, но товарный знак при этом не должен идентифицировать описываемые услуги. Фактически в таком формате товарный знак используется как «отсылка» к оригинальному продукту, за счет которой происходит описание другого продукта

В качестве наглядного примера номинативного использования можно привести дело, вошедшее в недавний обзор практики Суда по интеллектуальным (Обзор практики СИП по вопросам использования товарного знака для целей, не связанных с индивидуализацией товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, утвержденных Постановлением Президиума СИП от 24.10.2022 № СП-21/24 – далее «Обзор»), об использовании товарного знака «Добрынинский» (Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 сентября 2019 г. по делу № А40–266746/2018). Спор возник из-за указания товарных знаков в навигационных материалах торгового центра при указании одного из отделов отдела, в котором реализовывались товары, с данным товарным знаком. Размещение товарного знака в данном случае раскрывало суть «услуг» владельцев торгового центра – предоставление потребителям возможности посещать помещения торгового центра, в которых размещались определённые магазины. В итоге суд отказал в удовлетворении заявленных требований, руководствовался логикой законности номинативного использования.

При этом, согласно доктринальной позиции [6], номинативное использование предполагает еще один дополнительный критерий-признак, номинативное использование должно быть направлено на описание своих товаров и услуг. Указанная особенность может быть раскрыта при соотношении номинативного использования и доктрины исчерпания, чему будет посвящена следующий раздел данной работы.

Соотношение с доктриной исчерпания

Российским регулированием предусмотрено специальное право использовать товарный знак в отношении конкретных оригинальных товаров, которые при определенных условиях были введены в оборот (режим исчерпания права). При этом, товарный знак так же, как и в номинативном использовании может размещаться в каких-либо описательных целях (например, раскрыть качество товара за счет ассоциаций).

Однако при использовании товарного знака в отношении оригинальных товаров риск смешения будет существовать в большей степени, нежели при номинативном использовании. В частности, использование товарного знака в данном случае приводит к риску смешения, вызванного не столько «лжеатрибуцией», т.е. создания ошибочного впечатления в глазах потребителей о том, что именно третье лицо является правообладателем, сколько созданием впечатления о наличии между правообладателем и третьим лицом каких-либо деловых связей и наличии у третьего лица статуса «официального представителя/агента».

Указанный вывод также подтверждается и судебной практикой, которой выделяет отдельный риск создания у потребителя впечатления о наличии подобных деловых связей (Постановление СИП от 20.03.2023 № С01–149/2023 по делу № А43–13308/2022; Постановление СИП от 12.01.2018 № С01–1078/2016 по делу № А35–8325/2015).

Можно предположить, что данный подход обусловлен тем, что «объем» использования товарного знака для перепродажи оригинального товара свойственен не правообладателю, а третьему лицу, имеющему лицензию или иное разрешение от правообладателя на использование товарного знака. Так именно лицензиат имеет схожий законный интерес в перепродаже оригинального товара, поскольку именно к таким лицензиатам-дилерам и приходят потребители, выражая большой уровень доверия к марке и т.д.

В рамках номинативного же использования ожидается более «узкое» применение товарного знака. Напомним, что главная идея такого использования заключается только в донесении до потребителя отдельной узкой информации о своем товаре. Такое использование вообще должно исключать малейший риск создания смешения.

Указанные различия между этими конструкциями проявились в рамках дела по товарным знакам «ГАЗ» – эмблемы автомобилей, производимых компанией ГАЗ (Постановление СИП от 20.03.2023 № С01–149/2023 по делу № А43–13308/2022). Владелец автосервиса использовал товарные знаки «ГАЗ» в доменном имени своего сайта, а также в рекламных целях размещал и на самом сайте характерные обозначения «ГАЗ». Хоть в данном автосервисе и оказывались услуги по ремонту автомобилей производства компании ГАЗ, с использованием оригинальных запчастей, сам по себе

автосервис не входил в официальную «структуру» сервисов «ГАЗ».

При этом предприниматель привел два основных аргумента, подтверждающих, по его мнению, законность использования товарных знаков:

1) ссылка на номинативное использование – правообладатель ссылался на то, что использование товарного знака осуществлялось в информативных и описательных целях, т.е. для «раскрытия» существа своих услуг по ремонту автомобилей марки «ГАЗ»;

2) использование товарного знака в рекламе реализуемых ответчиком оригинальных товаров (запчастей) в силу исчерпания права.

Суд, однако, отклонил оба аргумента ответчика, и удовлетворил требование истца. В части первого аргумента суд отметил, что использование ответчиком товарных знаков вышло за границы номинативного использования. При этом, выводы суда о целях использования основывались на анализе формата использования (объема использования) товарных знаков (как отмечалось выше, при анализе наличия «целей номинативного использования» суд оценивает не умысел нарушителя, а то впечатление, которое создается при использовании товарного знака).

Действительно, информационные цели использования товарных знаков, лежащие в основе идеи номинативного использования, в данном случае «отпали» из-за достаточно широкого и «агрессивного» использования товарного знака ответчиком. Фактически вместо информирования, владелец автосервиса за счет товарного знака пытался увеличить привлекательность своего продукта, создав ассоциацию наличия деловых связей с правообладателем.

Более того, суд в этом деле выявил риск возникновения смешения, что само по себе позволяет говорить об отсутствии случаев «неиспользования». Однако вероятность смешения связана еще и с причинами, по которой суд пришел к выводам о незаконности использования товарного знака даже в режиме исчерпания прав.

Так суд для оценки правомерности использования товарного знака в рамках исчерпания права использовал критерий «удаленности» способов использования товарного знака от материальных носителей (являлись ли эти действия «неотъемлемой» частью реализации оригинальных продуктов).

Ключевым фактором в деле, доказывающим наличие такой «удаленности», было то, что владелец автосервиса включил слово «ГАЗ» в доменное имя своего сайта. А доменное имя, содержащее товарный знак, никак не может быть необходимо для продажи оригинальных товаров. Более того, из-за того, что на сайте помимо оригинальных запчастей также размещались предложения продажи товаров и услуг стороннего происхождения, такое доменное имя также может создавать угрозу смешения.

Соответственно, по этой причине, суд не применил режим исчерпания права на действия истца, и квалифицировал действия истца как незаконное использование товарного знака.

Заключение

Как отмечалось в начале данной работы, ключевой особенностью правового режима товарных знаков является категория «смещения», которая представляет собой очень гибкий инструмент, по сути, отводящий решающую роль в решении споров о незаконном использовании товарного знака усмотрению суда.

По мнению автора, для теоретических исследований случаи «неиспользования» являются очень полезной и важной концепцией, поскольку они представляют собой завершённое логическое описание «допустимого использования товарного знака» и обозначают некие пределы действия исключительных прав на товарный знак. Например, категория «использования в информационной цели» отражает ту форму использования товарного знака, при которой за счёт этих информационных «целей» не будет возникать угроза смещения.

Более того, «неиспользование» также раскрывает лежащий в основе регулирования правового режима товарных знаков «принцип прозрачности». Так, правовой интерес правообладателя и потребителей не будет нарушаться в случаях «неиспользования», даже если они и используются в какой-либо коммерческой деятельности.

При этом, с практической стороны такая доктринальная позиция не может в полной мере быть реализована. Проведённый анализ правовой природы «неиспользования» товарного знака показывает, что, несмотря на наличие определенных идей о допустимом использовании, полностью от категории «смещения» уйти не удается.

Конструкция случаев «неиспользования» выстроена по модели объективной оценки обстоятельств использования товарного знака, а не оценки субъективного отношения третьего лица, использующего его. Несмотря на то что случаи «неиспользования» построены вокруг цели использования товарного знака, данные цели устанавливаются только из внешних обстоятельств и не оценивают «умысел» третьего лица.

Вместе с тем, конструкция случаев «неиспользования» может упростить доказывание для третьего лица факта отсутствия нарушения прав на товарный знак. Так за счёт «теста на неиспользование», который будет сформирован в практике на основе имеющейся эмпирики и доктринальной модели «неиспользования», можно было бы определить отдельные ключевые фактические обстоятельства, доказав которые можно было бы презюмировать отсутствие факта незаконного использования товарного знака.

Подобное практическое применение смогло бы снизить уровень правовой неопределённости, присущей режиму товарных знаков, и смогло бы гра-

мотно интегрировать доктринальную концепцию «неиспользования» в отечественную правовую систему.

Более того, при оценке процессуальных аспектов доказывания также важно учитывать и особенности распределения бремени доказывания по делам о нарушении исключительных прав на товарный знак. Практике известна позиция о том, что одно лишь упоминание товарного знака не означает, что он был использован (указанная позиция нашла свое закрепление еще в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 01.12.2009 № 10852/09).

В то же время, нельзя не заметить, что указанной позиции в какой-то степени противостоит другая презумпция: «размещение товарного знака на упаковке товара, по общему правилу, означает использование его для целей индивидуализации товаров, если иное не следует из обстоятельств дела» (п. 2 Обзора). Справедливо будет отметить, что по своему содержанию данная презумпция является опровержимой, так как в указанном Обзоре также оговаривается необходимость учитывать все обстоятельства дела в рамках анализа вопроса о наличии факта использования товарного знака.

С учетом этого, можно предположить, что параллельное существование обеих презумпций позволяет суду в зависимости от первого впечатления, созданного использованием товарного знака, выбирать одну из указанных презумпций. Тем не менее, для целей рассмотрения подобных категорий споров более предпочтительным, являлось бы наделение приоритетным значением только первой презумпции (указанной в практике ВАС РФ). Данный выбор мотивирован общим распределением бремени доказывания по данным типам споров, т.к. именно правообладатель должен доказывать факт смещения.

Литература

1. Алексейчук А.А. Свободное использование товарного знака // ИС. Промышленная собственность. – 2020. – № 12. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=bNrifaTwdGqfpxSq&cacheid=D035BDD18BBC3058F8EFBC3162DE14FA&mode=splus&rnd=SPPwog&base=C-Jl&n=134309&dst=100000001#1RbMbbTmkYS-SAog41> (дата обращения 27.07.2024);
2. Ворожевич А.С. Граница исключительных прав на товарные знаки. Значение репутации (гудвилл) товарных знаков // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2019. – № 11. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=xEqQWbTM-Q9dWzQ78&cacheid=10C6F4D403D5AF4CF-CBFA88DC6A597C7&mode=splus&rnd=wbhKWg&base=CJl&n=125725#fCrQWbTeYPrsEUl41> (дата обращения 01.07.2024);

3. Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: диссертация доктора юридических наук: 12.00.03 / Ворожевич А.С.; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»]. – Москва, 2021. – 546 с.;
4. Козельдорф М.А. Проблемы разграничения правомерного и неправомерного использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. № 15. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ipc magazine.ru/legal-issues/problems-of-differentiation-of-lawful-and-misuse-of-the-results-of-intellectual-activity-and-means-of-individualization> (дата обращения 01.07.2024);
5. Право интеллектуальной собственности: Учебник / А.С. Ворожевич, О.С. Гринь, В.А. Корнеев и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2018. Т. 3: Средства индивидуализации. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/pravo_intellektualnoj_sobstvennosti_t_3_avtorskoe_pravo/ (дата обращения 01.05.2024);
6. Ситдикова Р.И., Тюлькин А.А. Свободное использование товарных знаков в целях реализации интересов потребителей // «Журнал Суда по интеллектуальным правам», № 21, сентябрь 2018 г., с. 69–73. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://ipc magazine.ru/trademark-law/free-use-of-trademarks-in-order-to-realize-the-interests-of-consumers> (дата обращения: 29.07.2024);
7. Ходаков И.Д. Свободное использование товарных знаков без согласия правообладателя: опыт США и России // Журнал Суда по интеллектуальным правам, № 19, март 2018 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://ipc magazine.ru/trademark-law/free-use-of-trademarks-without-the-right-holder-s-consent-experience-of-the-usa-and-russia#2> (дата обращения: 10.07.2024);
8. Senftleben M. Free Signs and Free Use – How to Offer Room for Freedom of Expression Within the Trademark System // Research handbook on human rights and intellectual property / C. Geiger, ed. Edward Elgar Publishing, 2015. [Электронный ресурс] – URL: <https://ssrn.com/abstract=2280055> (дата обращения: 22.07.2024);
9. Senftleben. M. The Copyright/Trademark Interface – How the Expansion of Trademark Protection is Stifling Cultural Creativity // Information Law Series, Vol. 44 / Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International 2020. [Электронный ресурс] – URL: <https://ssrn.com/abstract=4689838> (дата обращения: 22.07.2024);
10. Speth M. C., Haar, Fair Enough: The “Fair Use” Defense to Trademark Infringement. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.jaburgwilk.com/news-publications/fair-enough-the-fair-use-defense-to-trademark-infringement> (дата обращения: 10.07.2027).

FORMATION OF THE INSTITUTE OF PERMISSIBLE LAWFUL USE OF A TRADEMARK

Tikhov S.M.

Saint Petersburg State University of Economics

One of the main problems of trademark law is the rather flexible and unpredictable category of «use» of a trademark. In doctrine and practice, the main patterns of behavior have been established which are considered as acceptable use of a trademark which does not lead to infringement («non-use»). The doctrine identifies 3 main cases of «non-use» of a trademark, which are based on the principle of «transparency» of market relations and are intended to support the preservation of the trademark’s identification function. This article is devoted to the study of cases of «non-use» of trademarks in the context of Russian law. For the purpose of the analysis, in addition to the general systemic analysis, the actual experience of the courts in resolving the relevant disputes is studied, as well as a related institution of the legal regime of trademarks – the exhaustion of trademark rights.

Keywords: intellectual property, exhaustion of trademark rights, trademarks, fair use, limits of trademark rights, advertising.

References

1. Alekseychuk A.A. Free Use of a Trademark //IS. Industrial Property. – 2020. – No. 12. [Electronic resource]. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=bNrifaTwdGqfpxSq&cacheid=D035BDD18BBC3058F8EFBC3162DE14FA&mode=splus&rnd=SPPwog&base=CJI&n=134309&d-st=1000000001#1RbMbbTmkYSSAog41> (accessed 27.07.2024);
2. Vorozhevich A.S. The Boundary of Exclusive Rights to Trademarks. The Importance of Reputation (Goodwill) of Trademarks // Intellectual Property. Industrial Property. – 2019. – No. 11. [Electronic resource]. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=xEqQWbTMQ9dWzQ78&cacheid=10C6F4D403D5AF4FCBFA88DC6A597C7&mode=splus&rnd=wbhKWg&base=CJI&n=125725#fCrQWbTeYPrsEUI41> (accessed 01.07.2024);
3. Vorozhevich A.S. Boundaries of Exclusive Rights, Limits of Their Exercise and Protection: Doctoral Dissertation in Legal Sciences: 12.00.03 / Vorozhevich A.S.; [Defense Location: Lomonosov Moscow State University]. – Moscow, 2021. – 546 p.;
4. Kozeldorf M.A. Problems of Differentiating Lawful and Unlawful Use of Intellectual Property and Means of Individualization // Journal of the Court for Intellectual Property Rights. 2017. No. 15. [Electronic resource]. – URL: <http://ipc magazine.ru/legal-issues/problems-of-differentiation-of-lawful-and-misuse-of-the-results-of-intellectual-activity-and-means-of-individualization> (accessed 01.07.2024);
5. Intellectual Property Law: Textbook / A.S. Vorozhevich, O.S. Grin, V.A. Korneev et al.; general ed. L.A. Novoselova. Moscow: Statut, 2018. Vol. 3: Means of Individualization. [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/pravo_intellektualnoj_sobstvennosti_t_3_avtorskoe_pravo/ (accessed 01.05.2024);
6. Sitdikova R.I., Tyulkin A.A. Free Use of Trademarks for the Purpose of Realizing Consumer Interests // «Journal of the Court for Intellectual Property Rights», No. 21, September 2018, pp. 69–73. – [Electronic resource]. – URL: <http://ipc magazine.ru/trademark-law/free-use-of-trademarks-in-order-to-realize-the-interests-of-consumers> (accessed: 29.07.2024);
7. Khodakov I.D. Free Use of Trademarks Without the Consent of the Rights Holder: Experience of the USA and Russia // Journal of the Court for Intellectual Property Rights, No. 19, March 2018. [Electronic resource] – URL: <http://ipc magazine.ru/trademark-law/free-use-of-trademarks-without-the-right-holder-s-consent-experience-of-the-usa-and-russia#2> (accessed: 10.07.2024);
8. Senftleben M. Free Signs and Free Use – How to Offer Room for Freedom of Expression Within the Trademark System // Research handbook on human rights and intellectual property / C. Geiger, ed. Edward Elgar Publishing, 2015. [Electronic resource] – URL: <https://ssrn.com/abstract=2280055> (accessed: 22.07.2024);

9. Senftleben M. The Copyright/Trademark Interface – How the Expansion of Trademark Protection is Stifling Cultural Creativity // Information Law Series, Vol. 44 / Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International 2020. [Electronic resource] – URL: <https://ssrn.com/abstract=4689838> (accessed: 22.07.2024);
10. Speth M. C., Haar, Fair Enough: The “Fair Use” Defense to Trademark Infringement. [Electronic resource] – URL: <https://www.jaburgwilk.com/news-publications/fair-enough-the-fair-use-defense-to-trademark-infringement> (accessed: 10.07.2027).

Формирование правовой модели регулирования деятельности цифровой платформы в сфере туризма

Саяпин Сергей Петрович,

младший научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права ИГП РАН, Институт государства и права РАН
E-mail: spsayapin@yandex.ru

В соответствии с перечнем поручений Президента Российской Федерации В.В. Путина от 29 марта текущего года цифровая платформа в сфере туризма в скором времени станет единой площадкой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для предоставления туристских услуг, наряду с иными действующими крупными цифровыми платформами. Предполагается, что единая цифровая платформа в сфере туризма позволит ее пользователям, прошедшим идентификацию и аутентификацию с использованием ЕСИА или ЕБС заключать сделки возмездного оказания услуг в сфере туризма. Учитывая экономические признаки, присущие платформам, автор статьи определяет основные аспекты единой цифровой платформы в сфере туризма в точки зрения платформенной концепции в целях законодательного регулирования.

Ключевые слова: цифровая платформа, единая цифровая платформа в сфере туризма, правовое регулирование туристской деятельности, цифровизация экономики.

В марте 2024 г. Правительству Российской Федерации было поручено обеспечить создание и функционирование единой цифровой платформы, содержащей сведения об объектах туристских услуг, расположенных на территории Российской Федерации [1]. Следует отметить, что сама по себе идея создания такого рода платформы не является новацией. Так, с 2022 года в России функционирует цифровая платформа в сфере занятости и труда, а с августа 2023 г. – платформа цифрового рубля [2]. Цифровые инвестиционные и финансовые платформы, операторы которых состоят в государственных реестрах под контролем и надзором Центрального Банка России, присутствуют на рынке с 2019 и 2022 гг. соответственно.

Таким образом, прослеживается определенная тенденция в платформизации некоторых сфер российской экономики и поиск государством подходов к регулированию общественных отношений в рамках модели платформенного взаимодействия, что является характерной чертой и отражением общей положительной динамики развития современной отечественной экономики и права [3, с. 87].

Вместе с тем, российской правовой системе последних лет становится все более свойственно использование (прямое или косвенное заимствование) определенных терминов из смежных областей науки (информатики, экономики, социологии и др.) в отрыве от их изначальных смыслов и заложенных в них свойств. Указанная проблема в полной мере характерна не только для таких, уже ставших общеизвестными, понятий как: блокчейн, криптовалюта, информационно-телекоммуникационная сеть, смарт-контракт, но и для термина «платформа». Подробный анализ документов правового характера и действующего законодательства Российской Федерации позволяет прийти к выводу о том, что указанный термин используется довольно бессистемно. Как верно отмечает А.В. Габов в данный момент времени нет единства понимания в том, что же представляет собой платформа [4]. В одних документах это может быть информационная система или бизнес-модель, в других – программа для ЭВМ, или экосистема компьютерных сервисов и решений.

Вместе с тем, следует напомнить, что с точки зрения экономической теории (а платформы, в первую очередь, подробно изучались именно учеными-экономистами, и только значительно позже учеными-правоведами) платформа является организацией (т.е. фирмой) и обладает определенной спецификой [5, 6, 7]. Если обобщить, то можно выделить несколько ключевых аспектов платформ:

- на платформе всегда присутствуют различные группы участников. При этом, указанные разнородные группы участников платформы имеют взаимный интерес к перекрестному взаимодействию;
- вследствие чего, на платформе возникают т.н. перекрестные сетевые эффекты, иными словами ценность платформы значительно повышается, как только увеличивается общее количество участников в каждой из групп [13];
- участники взаимодействуют между собой прямо (непосредственно). Прямое взаимодействие не предполагает наличие в правовых отношениях между участниками посредников;
- при этом, и оператор платформы не выступает стороной сделок, его функция обычно сводится к обеспечению непосредственного взаимодействия между участниками платформы. В научных работах по экономике и праву по этому вопросу можно встретить множество различных классификаций функций оператора платформы, но все из них упоминают такую функцию как контроль за деятельностью участников.

Ж. Роше и Ж. Тироль добавили к указанному выше перечню и четвертый характерный признак платформы – регулирующую роль цены [5].

По нашему мнению именно эти признаки платформы следует использовать, чтобы верно именовать некоторый объект платформой и не забывать, что когда мы говорим о цифровой платформе, то имеем ввиду все признаки соответствующие платформе с экономической точки зрения, а также дополнительный, идентифицирующий признак цифрового представления, ввиду того, что цифровая платформа создается и функционирует в рамках информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Так или иначе, когда мы начинаем соотносить имеющиеся экономические признаки платформы с теми признаками платформ, которые уже функционируют по факту, например, с признаками платформы цифрового рубля [8] [9], то понимаем, что далеко не каждую действующую сегодня платформу справедливо именовать таковой. Например, на платформе цифрового рубля отсутствуют различные группы пользователей, а присутствует лишь одна группа – банки и иные кредитные организации, которые выполняют функцию посредников между оператором платформы – Центральным Банком России и участниками: физическими лицами, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Сами участники платформы не имеют возможности заключать сделки непосредственно (напрямую), а только через пользователей платформы. Таким образом, платформа цифрового рубля, несмотря на то, что она названа таковой в федеральном законе и соответствующем Положении [10] платформой с экономической точки зрения не является вовсе.

На этом основании, через призму платформенной концепции, представляется, что единая цифровая платформа в сфере туризма должна пре-

доставлять возможность именно непосредственного (прямого), перекрестного взаимодействия ее участников. Думается, что основными участниками такой платформы, с учетом положений федерального закона Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», будут являться лица, осуществляющие туристскую деятельность (с одной стороны): юридические лица и индивидуальные предприниматели. Основной целью деятельности которых является оказание возмездных услуг туристам (экскурсантам). При этом, туристы (экскурсанты) (с другой стороны) являются в этом случае потребителями услуг, поэтому возмездные сделки на единой цифровой платформе в сфере туризма также будут подпадать под действие закона РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» [11].

Ввиду того, что платформа в сфере туризма предполагается единой на всей территории Российской Федерации, и, кроме того, будет охватывать все сферы туристской деятельности: туроператорскую деятельность и турагентскую деятельность, а также иную деятельность по организации путешествий, то предполагается, что сетевые эффекты (прямые и косвенные) будут выше, чем сетевые эффекты действующих цифровых платформ на рынке туристских услуг, тем самым, преодолев порог входа на рынок, единая цифровая платформа в сфере туризма, как представляется, станет наиболее крупной, действующей платформой в российском сегменте сети «Интернет» в сфере туристских услуг.

По аналогии с нормой ст. 18 федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» [12] оператором единой цифровой платформы в сфере туризма может являться орган исполнительной власти Российской Федерации, осуществляющий на сегодняшний день контроль (надзор) в сфере туристской деятельности (после упразднения в 2022 году Ростуризма) – Минэкономразвития России. На оператора платформы могут быть возложены обязанности по обработке, поступающей на платформу информации, ее оценке, ее предоставлении, обеспечении доступа к платформе с использованием ЕСИА (единой системы идентификации и аутентификации) и/или ЕБС (единой биометрической системы), обеспечивать не только конкуренцию, но и защиту данных [13], а также выполнять иные функции. Отметим, несмотря на то, что оператор платформы не должен являться стороной сделок возмездного оказания между участниками платформы между собой, в том же время, оператор не является нейтральным по отношению к информации, которая содержится в базе данных платформы. Правила цифровой платформы (Положение о платформе) в сфере туризма могут предполагать необходимость заключения соответствующих договоров оказания услуг между оператором платформы и участниками платформы, где усло-

вие о передаваемой информации является частью договора.

Сказанное позволяет сформулировать некоторые наиболее общие идеи и промежуточные выводы:

- участниками единой цифровой платформы в сфере туризма должны быть как минимум две группы независимых лиц: лица, осуществляющие туристскую деятельность, с одной стороны, и туристы (экскурсанты), с другой стороны. Платформа может предполагать участие и иных групп пользователей;
- оператор единой цифровой платформы в сфере туризма (Минэкономразвития России) не должен являться стороной сделок по возмездному оказанию услуг между лицами, осуществляющие туристскую деятельность и туристами (экскурсантами). На оператора платформы должны быть возложены функции по контролю (надзору) за деятельностью участников (пользователей) платформы;
- ввиду того, что единая цифровая платформа в сфере туризма предполагает заключение сделок возмездного оказания услуг, то цена на туристские услуги должна иметь с экономической точки зрения регулируемую роль на платформе.

Литература

1. Перечень поручений по итогам совещания по вопросу создания федеральных круглогодичных курортов (утв. Президентом РФ 28.05.2024 № Пр-998). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/74137> (дата обращения: 03.06.2024)
2. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2023) // СЗ РФ, 2011, № 27, ст. 3872.
3. Алтухов А.В., Кашкин С.Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 7. – С. 86–94.
4. Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление / А.В. Габов // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13–82.
5. Rochet J.C. Two-sided Markets: a progress report / J.C. Rochet, J. Tirole // The RAND Journal of Economics. –2006. – vol. 37. – no. 3. – p. 645–667.
6. Hagiu A. Multi-sided Platforms / A. Hagiu, J. Wright // International Journal of Industrial Organization. – 2015. – vol. 43. – p. 162–174.
7. Evans D.S. Some Empirical Aspects of Multi-sided Platform Industries / D.S. Evans // Review of Network Economics (RNE). – 2003. – vol. 2. – № 3. – p. 191–209.
8. Хоменко Е.Г. Об особенностях функционирования платформы цифрового рубля // Хозяйство и право. – 2023. – № 10. – С. 91–102.

9. Саяпин С.П. О платформе цифрового рубля // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 4 (142). – URL: <https://research-journal.org/archive/4–142–2024-april/10.23670/IRJ.2024.142.24> (дата обращения: 04.06.2024). – DOI: 10.23670/IRJ.2024.142.24
10. Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля» (вместе с «Порядком урегулирования споров и разногласий») (Зарегистрировано в Минюсте России 10.08.2023 № 74716) // Вестник Банка России. – 2023. – № 58.
11. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300–1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // СЗ РФ, 1996, № 3, ст. 140.
12. Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // СЗ РФ, 2023, № 51, ст. 9138.
13. Черешнева И.А. Цифровые платформы: от защиты конкуренции к защите данных // Конкурентное право. – 2023. – № 2. – С. 23–26.
14. Шаститко А.Е. Рынки с двусторонними сетевыми эффектами: спецификация предметной области / А.Е. Шаститко, Е.Н. Паршина // Современная конкуренция. – 2016. – Т. 10. – № 1 (55). – С. 5–18.

FORMATION OF A LEGAL MODEL FOR REGULATING THE ACTIVITIES OF A DIGITAL PLATFORM IN THE FIELD OF TOURISM

Sayapin S.P.

Institute of State and Law Russian Academy of Sciences

In accordance with the list of instructions of the President of the Russian Federation V.V. Putin from 29 March of the current year, the digital platform in the sphere of tourism will soon become a unified online platform for the provision of tourism services along with other existing major digital platforms. Putin of 29 March this year, the digital platform in the tourism sphere will soon become a single Internet platform for the provision of tourism services, along with other existing major digital platforms. Taking into account the economic attributes inherent in platforms, the author of the article defines the main aspects of a single digital platform in tourism in terms of the platform concept for the purposes of legislative regulation.

Keywords: digital platform, unified digital platform in the sphere of tourism, legal regulation of tourism activity, digitalisation of economy.

References

1. List of instructions following the meeting on the creation of federal year-round resorts (approved by the President of the Russian Federation on 28.05.2024 No. Pr-998). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/74137> (date of access: 03.06.2024)
2. Federal Law of 27.06.2011 No. 161-FZ (as amended on 24.07.2023) “On the National Payment System” (as amended and supplemented, entered into force on 21.10.2023) // SZ RF, 2011, No. 27, art. 3872.
3. Altukhov AV, Kashkin SY Legal nature of digital platforms in Russian and foreign doctrine // Actual problems of Russian law. – 2021. – No. 7. – P. 86–94.
4. Gabov AV Digital platform as a new legal phenomenon / AV Gabov // Perm legal almanac. 2021. No. 4. P. 13–82.
5. Rochet JC Two-sided Markets: a progress report / J.C. Rochet, J. Tirole // The RAND Journal of Economics. –2006. – vol. 37. – no. 3. – p. 645–667.

6. Hagi A. Multi-sided Platforms / A. Hagi, J. Wright // International Journal of Industrial Organization. – 2015. – vol. 43. – p. 162–174.
7. Evans D.S. Some Empirical Aspects of Multi-sided Platform Industries / D.S. Evans // Review of Network Economics (RNE). – 2003. – vol. 2. – № 3. – p. 191–209.
8. Khomenko E.G. On the Features of the Functioning of the Digital Ruble Platform // Business and Law. – 2023. – No. 10. – P. 91–102.
9. Sayapin S.P. On the Digital Ruble Platform // International Research Journal. – 2024. – No. 4 (142). – URL: <https://research-journal.org/archive/4-142-2024-april/10.23670/IRJ.2024.142.24> (date accessed: 04.06.2024). – DOI: 10.23670/IRJ.2024.142.24
10. Bank of Russia Regulation dated 03.08.2023 No. 820-P “On the digital ruble platform” (together with the “Procedure for settling disputes and disagreements”) (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 10.08.2023 No. 74716) // Bulletin of the Bank of Russia. – 2023. – No. 58.
11. Law of the Russian Federation of 07.02.1992 N 2300–1 (as amended on 04.08.2023) “On the Protection of Consumer Rights” // SZ RF, 1996, No. 3, Art. 140.
12. Federal Law of 12.12.2023 No. 565-FZ “On Employment of the Population in the Russian Federation” // SZ RF, 2023, No. 51, Art. 9138.
13. Chereshneva I.A. Digital Platforms: From Competition Protection to Data Protection // Competition Law. – 2023. – No. 2. – P. 23–26.
14. Shastitko A.E. Markets with Two-Sided Network Effects: Specification of the Subject Area / A.E. Shastitko, E.N. Parshina // Modern competition. – 2016. – Vol.10. – No. 1 (55). – P. 5–18.

Федорова Регина Юрьевна,

студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: regina_fedorova_00@mail.ru

Боброва Вероника Константиновна,

студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: veronikabobrova753@gmail.com

Цель исследования в данной статье направлена на анализ влияния цифровизации на правовую систему, включая трансформацию юридических процессов, внедрение цифровых технологий в правоприменение и юридическую практику.

Задачи исследования: анализ основных цифровых технологий, используемые в праве, такие как искусственный интеллект, блокчейн и электронные системы документооборота, оценка влияния на правоприменение. Исследование правовых и этических проблем: определение проблемы, связанные с защитой данных, кибербезопасностью и правовой неопределенностью. При исследовании были применены следующие методы: изучение существующих научных публикаций о цифровизации в праве и её влиянии на юридические системы, исследование нормативных актов, законодательных изменений и правоприменительных практик, связанных с внедрением цифровых технологий в праве.

В результате исследования было выявлено, что цифровизация привела к значительным изменениям в юридических процедурах, таких как автоматизация судебных разбирательств, электронное ведение дел и использование цифровых доказательств. Благодаря цифровым технологиям доступ к правовым услугам стал более удобным и доступным.

Ключевые слова: цифровизация права, банкротство, цифровизация института банкротства, корпоративное право, цифровизация в корпоративном праве.

В последние годы цифровые технологии достаточно активно внедряются во все сферы жизни общества. Они стали ключевой частью в правовом регулировании, так как внедрение современных технологий способствует возникновению новых видов общественных отношений, которые требуют определенных изменений в правовом аспекте.

Необходимо отметить, что цифровизация общества зарождает новые виды электронных услуг, в связи с чем нынешняя правоприменительная практика начинает взаимодействовать с новыми для себя цифровыми технологиями. Такие изменения неизбежно приводят к появлению новых точек зрения относительно традиционных доктринальных подходов в рамках правового регулирования экономической деятельности [7, с 115].

Цифровизация представляет собой процесс, связанный с внедрением, а также использованием различного рода новейших цифровых технологий во всех областях производственной деятельности, политической, социальной, культурной и экономической сферах [8, с 7].

Сегодняшнее информационное общество требует наличия эффективной системы управления информацией, что выступает фундаментом социально-экономического развития государства. Благодаря цифровизации в области правовых систем становится возможным оперативно получать необходимые сведения, осуществлять подачу документов, вести различные реестры, осуществлять закупки, проводит аукционы и т.п. Цифровизация в правовой среде достаточно новое явление, но, нужно подчеркнуть, что вполне перспективное [8, с 8].

Рассмотрим влияние технологий на примере института банкротства и регулирования корпоративных правовых отношений.

Одним из основных этапов процедуры банкротства является подача заявления. Действующее законодательство Российской Федерации предусматривает использование цифровых средств для этой цели, что отражено в пункте 7 статьи 4 и статье 41 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Согласно этим правилам, кредитор или должник может подать в арбитражный суд электронное заявление о банкротстве с квалифицированной электронной подписью. Весь пакет документов, которые необходимо приложить при подаче заявления, также возможно представлять в электронном формате, подписав их своей электронной подписью [8, с 8]. Также нужно сказать, что в настоящее время информация о принятии судами заявлений к рассмотрению непосредственно публикуются с помощью информационных технологий на официальном интернет-портале.

Второй важный элемент процедуры банкротства – это управление Единым федеральным реестром сведений о банкротстве (ЕФРСБ). В соответствии со статьей 28 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127 «О несостоятельности» (банкротстве) публикация информации о несостоятельности должника теперь охватывает не только традиционные средства массовой информации, но и цифровые платформы, такие как ЕФРСБ [1, с. 28]. Этот реестр является неотъемлемой частью Единого федерального реестра фактов деятельности юридических лиц и работает исключительно в цифровом формате [8, с 9].

Третий аспект заключается в том, что реестры требований кредиторов ведутся также и в цифровом виде. В соответствии с требованиями законодателя такой реестр должен вестись в бумажном формате, считающимся приоритетным вариантом, а также в электронной форме [10, с 12].

Четвертым важным моментом процедуры банкротства считается реализация имущества должника на платформе электронных торгов. В соответствии с положениями Приказа Минэкономразвития РФ от 23 июля 2015 года № 495, при осуществлении тендером в цифровом формате должны соблюдаться права всех сторон, им должен быть обеспечен равный доступ к информации, что является одним из ключевых условий эффективности такой процедуры, а также ее прозрачности [9, с. 3].

Пятый аспект сводится к тому, что благодаря цифровизации является возможным дистанционное взаимодействие с кредиторами, в частности голосования. Данное положение закреплено в п. 4 ст. 213.8 Закона о банкротстве, применяемого в рамках банкротства физических лиц в РФ [1, с 18]. При помощи дистанционного голосования возможно снизить стоимость по делу. Нужно сказать, что хоть и данный аспект не применяется для юридических лиц, но законодатель в случаях соблюдения установленных требований и процедур признает их законными.

Завершая обзор цифровых инноваций в процедуре банкротства, следует отметить важное новшество: включение цифровых активов, таких как криптовалюты, в конкурсную массу. Это изменение отражает широкий спектр цифровых прав и новые вызовы для правового регулирования. Согласно Постановлению Правительства РФ от 9 июля 2004 года № 345, арбитражные управляющие обязаны вести реестр требований кредиторов, что теперь включает и цифровые активы [10, с 18]. Это расширяет традиционное понимание конкурсной массы и требует адаптации существующих процедур.

Приказ Минэкономразвития России от 23 июля 2015 года № 495 регулирует порядок проведения торгов в электронной форме, что теперь применяется и к продаже цифровых активов должников. Это обеспечивает более широкий доступ к торгам и повышает их прозрачность.

Важно подчеркнуть, что включение цифровых активов в процедуры банкротства требует допол-

нительного анализа и разработки новых подходов к оценке и реализации таких активов, что становится предметом судебной практики и правовых исследований.

Среди направлений цифровизации института банкротства в России особое внимание заслуживает:

Процесс внесудебного банкротства граждан. Минэкономразвития инициировало возможность оформления личного банкротства через портал «Госуслуги», что упрощает доступ к внесудебному банкротству для физических лиц. Ранее для подачи заявления необходимо было обращаться в МФЦ, при условии завершения исполнительного производства и отсутствия других процедур взыскания (согласно пункту 1 статьи 223.2 Закона о банкротстве) [1, с 21].

Использование портала «Госуслуги» для цифровизации процесса внесудебного банкротства существенно упростит и ускорит эту процедуру. Автоматизация проверки заявлений и интеграция с сервисами Федеральной службы судебных приставов обеспечат более эффективный и доступный процесс для граждан, а также снизят нагрузку на МФЦ.

Процесс цифровизации также существенно повлиял на правовое регулирование в корпоративных отношениях [4, с. 9]. Одним из явных преимуществ использования современных технологий в таких отношениях является возможность для всех акционеров активно и равноправно участвовать в реализации своих корпоративных прав. В современных реалиях в связи с продолжающимися ограничительными мерами удаленное взаимодействие между участниками хозяйственных обществ выступает достаточно удобным, эффективным и гибким форматом общения [5, с 99]. Как отмечают большинство экспертов, такая форма взаимодействия повышает уровень вовлеченности акционеров, в частности миноритарных, совершенствуют систему реализации корпоративных прав, а также способствует динамичному развитию в деятельности хозяйственных обществ различных электронных платформ [2, с 99].

Как отмечает Банк России, ведение голосования в электронном формате, в частности с применением технологии блокчейн, может способствовать значительному снижению объемов транзакционных издержек, например, командировочных расходов. При этом на эффективность управленческих решений такие изменения отрицательно влиять не будут, так как будет обеспечена прозрачность [11, с 14].

Технология блокчейн в корпоративном управлении может значительно снизить риски, обеспечивая прозрачность (с помощью проверяемого метода регистрации транзакций) и увеличивая доверие, так как данные транзакции остаются неизменными [6, с 7]. Применение информационно-цифровых технологий, включая блокчейн, при работе с Единым государственным реестром юридических лиц (ЕГРЮЛ), в эффективном корпоративном управ-

лении и обеспечении кибербезопасности, положительно скажется на всей системе корпоративного права. Такая интеграция технологий могла бы обновить законодательство, поскольку в настоящее время оно отстает в области цифровизации по сравнению с развитыми странами.

В основном электронные услуги создаются непосредственно крупными корпорациями, обслуживающими большое количество акционеров, а также эмитентов. Так, ПАО ГМК «Норильский никель» в настоящее время проводит внеочередные общие собрания в своих акционеров в онлайн формате, где осуществляется заочное голосование. По данным Общества, если в 2018 году более 30% акционеров предпочитали электронный формат взаимодействия на собраниях, то в 2020 году уже этот показатель превысил 50% [12, с 8].

Такую же политику осуществляет сегодня АО ВТБ Регистратор, который считается одним из ведущих регистраторов в РФ. Общество является разработчиком личного электронного сервиса под названием «Кворум» (цифровой учетный портал). Он содержит в себе такие важные цифровые платформы, как личный кабинет акционера (пайщика), «Электронное голосование», а также «Портал собраний» [3, с 34]. Благодаря этому имеется возможность для оперативного получения доступа к информации, проведения голосования, а также принятие необходимых управленческих решений. Как отмечает Общество, в 2017 году в процессе проведения ежегодного собрания более 54% акционеров Банка ВТБ (ПАО), а также его мажоритарный акционер Росимущество использовали «Кворум» для голосования.

Следует отметить, что изменения в ГК РФ касаются не только общих собраний акционеров, но и заседаний членов советов директоров (наблюдательного совета), включая процесс их избрания [7, с 115]. Это позволяет использовать электронные средства даже при выборе независимых директоров в этом коллегиальном административном органе. Одной из проблем акционерных обществ с государственным участием является «номинальность» этих директоров.

Достаточно часто их нанимают с целью повышения уровня привлекательности компании для потенциальных инвесторов. Однако, придя в руководящие структуры, они принимают существующие в этих органах «правила игры» и соответственно уже не могут действовать как независимые члены корпорации.

На наш взгляд, рассматриваемые ситуации могут обеспечить в правовом регулировании конкурентную публичную процедуру избрания независимых директоров, позволяющую учитывать мнение миноритарных акционеров [7, с 115]. Это, в свою очередь, может стимулировать дальнейшее развитие данного правового института в нашей стране. При помощи цифровых технологий возможным является не только оперативное проведение многочисленных корпоративных процедур, но также и увеличение степени прозрачности управления

в корпорациях, а также повышение эффективности их деятельности в долгосрочном периоде [7, с 115].

В связи с этим законодательство должно своевременно адаптироваться к быстрому развитию технологий и экономики, чтобы обеспечить современное и качественное правовое регулирование деловых отношений между корпорациями.

Сегодня сложно предсказать, как будет трансформироваться правовое регулирование в долгосрочной перспективе, поскольку искусственный интеллект способен радикально изменить все сферы общественной жизни. Некоторые считают, что правовое регулирование может быть заменено алгоритмами. Однако в ближайшем обозримом будущем очевидно, что по мере научно-технического прогресса и неизбежной цифровизации экономических процессов будет расти роль саморегулирования, а цифровизация бизнес-моделей и правового регулирования будет способствовать их гармонизации.

Таким образом, цифровизация привела к значительным изменениям в юридических процедурах, таких как автоматизация судебных разбирательств, электронное ведение дел и использование цифровых доказательств. Эти изменения способствуют ускорению и упрощению правосудия.

Благодаря цифровым технологиям доступ к правовым услугам стал более удобным и доступным. Внедрение технологий искусственного интеллекта и больших данных в правоприменение позволяет более эффективно анализировать и интерпретировать правовую информацию, а также прогнозировать судебные решения и выявлять закономерности. Цифровизация затрагивает не только правовые, но и этические и социальные аспекты, такие как вопросы справедливости, прозрачности и равенства доступа к правосудию. Исследование выявляет необходимость разработки этических стандартов и руководств для цифровых решений в праве.

Литература

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон РФ от 26.10.2002 № 127-ФЗ.
2. Беркумбаев Н.С., Собецкая А.П. Корпоративное право России: современные вызовы [Электронный ресурс] // Вопросы российской юстиции. 2020. № 10. С. 94–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnoepravorossii-sovremennyye-vyzovy> (дата обращения: 23.11.2021).
3. Гецьман М. Электронное голосование. Итоги сезона годовых собраний 2017 г. // Контрольный пакет. 2017. № 3 (34). [Электронный ресурс]. URL: https://www.vtbreg.ru/upload/iblock/a9e/Kontrolny%20paket_2017_03.pdf (дата обращения: 17.10.2021).
4. Пленарное заседание совместной международной научно-практической конференции. 2021. 24 ноября // Юридический факуль-

тет МГУ [сайт]. URL: https://www.law.msu.ru/news/plenarnoe_zasedanie_sovmestnoy_mezhdunarodnoy_nauchno-prakticheskoy_konferencii_2020-11-20-4996 (дата обращения: 10.10.2021).

5. Шамова К.П. Изменения в организации проведения общих собраний акционерных обществ в условиях пандемии COVID-19 // Сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 98–101.
6. Чеховская С.А. Корпоративное электронное управление и корпоративное управление для электронных корпораций: правовые аспекты // Предпринимательское право. 2018. № 4. С. 3–11.
7. Мартемьянова О.А. Цифровизация корпоративного управления на примере акционерных обществ / Мартемьянова О.А. // Сборник научных статей / Тюменский государственный университет. 2021. С 111–117. EDN: RHIYWV
8. Белов А.А. Цифровизация в сфере правового института несостоятельности (банкротства) в России / Белов А.А. // Сборник научных статей / Тюменский государственный университет. 2021. С 5–13. EDN: QKYRWO
9. Приказ Минэкономразвития России от 23.07.2015 N 495 (ред. от 28.10.2020) «Об утверждении Порядка проведения торгов в электронной форме по продаже имущества или предприятия должников в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, Требований к операторам электронных площадок, к электронным площадкам, в том числе технологическим, программным, лингвистическим, правовым и организационным средствам, необходимым для проведения торгов в электронной форме по продаже имущества или предприятия должников в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, внесении изменений в приказ Минэкономразвития России от 5 апреля 2013 г. N 178 и признании утратившими силу некоторых приказов Минэкономразвития России» (Зарегистрировано в Минюсте России 20.02.2016 N 41182).
10. Постановление Правительства РФ от 9 июля 2004 г. N 345 «Об утверждении Общих правил ведения арбитражным управляющим реестра требований кредиторов»
11. Доклад Банка России для публичных консультаций «О подходах к стимулированию активности акционеров и инвесторов по участию в управлении российскими публичными акционерными обществами» // [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/analyt-ics/d_ok/report_25092017/ (дата обращения: 20.11.2021).
12. Годовой отчет ПАО «ГМК «Норильский никель» за 2020 год // [Электронный ресурс]. URL: https://www.nornickel.ru/upload/iblock/7fc/godovoj_otchet_pao_gmk_norilskij_nikel_za_2020_god.pdf (дата обращения: 25.10.2021)

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE TRANSFORMATION OF LEGAL PROCESSES

Fedorova R.Yu., Bobrova V.K.

Kazan (Volga region) Federal University

The purpose of the research in this article is aimed at analyzing the impact of digitalization on the legal system, including the transformation of legal processes, the introduction of digital technologies in law enforcement and legal practice. Research objectives: analysis of the main digital technologies used in law, such as artificial intelligence, blockchain and electronic document management systems, assessment of the impact on law enforcement. Exploring legal and ethical issues: identifying issues related to data protection, cybersecurity and legal uncertainty.

The following methods were used in the study: study of existing scientific publications on digitalization in law and its impact on legal systems, study of regulations, legislative changes and law enforcement practices related to the introduction of digital technologies in law.

The study found that digitalization has led to significant changes in legal procedures, such as automation of legal proceedings, electronic case management and the use of digital evidence. Thanks to digital technologies, access to legal services has become more convenient and accessible.

Keywords: digitalization of law, bankruptcy, digitalization of the institution of bankruptcy, corporate law, digitalization in corporate law.

References

1. On Insolvency (Bankruptcy): Federal Law of the Russian Federation dated October 26, 2002 No. 127-FZ.
2. Berkumbaev N.S., Sobetskaya A.R. Corporate Law of Russia: Modern Challenges [Electronic resource] // Issues of Russian Justice. 2020. No. 10. Pp. 94–109. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnoepravo-rossii-sovremennye-vyzovy> (date accessed: November 23, 2021).
3. Getsman M. Electronic Voting. Results of the 2017 Annual Meeting Season // Controlling Package. 2017. No. 3 (34). [Electronic resource]. URL: https://www.vtbreg.ru/upload/iblock/a9e/Kontrolny%20paket_2017_03.pdf.pdf (date accessed: 17.10.2021).
4. Plenary session of the joint international scientific and practical conference. 2021. November 24 // Faculty of Law, Moscow State University [website]. URL: https://www.law.msu.ru/news/plenarnoe_zasedanie_sovmestnoy_mezhdunarodnoy_nauchno-prakticheskoy_konferencii_2020-11-20-4996 (date accessed: 10.10.2021).
5. Shamova K.P. Changes in the organization of general meetings of joint-stock companies in the context of the COVID-19 pandemic // Collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference. Penza, 2020. P. 98–101.
6. Chekhovskaya S.A. Corporate electronic governance and corporate governance for electronic corporations: legal aspects // Business law. 2018. No. 4. P. 3–11.
7. Martemyanova O.A. Digitalization of corporate governance on the example of joint-stock companies / Martemyanova O.A. // Collection of scientific articles / Tyumen State University. 2021. P. 111–117. EDN: RHIYWV
8. Belov A.A. Digitalization in the Sphere of the Legal Institute of Insolvency (Bankruptcy) in Russia / Belov A.A. // Collection of Scientific Articles / Tyumen State University. 2021. P. 5–13. EDN: QKYRWO
9. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated 07/23/2015 No. 495 (ed. dated 10/28/2020) "On approval of the Procedure for Conducting electronic Auctions for the Sale of Property or enterprises of debtors in the course of procedures used in bankruptcy Proceedings, Requirements for operators of electronic platforms, electronic platforms, including technological, software, linguistic, legal and organizational means necessary for conducting auctions in electronic form for the sale of debtors' property or enterprises during the procedures used in bankruptcy proceedings, amendments to the order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated April 5, 2013 N 178 and invalidation of certain orders of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation" (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 02/20/2016 N 41182)

10. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 345 dated July 9, 2004 "On Approval of the General Rules for the Management of the Register of Creditors' Claims by the Arbitration Administrator"
11. The report of the Bank of Russia for public consultations "On approaches to stimulating the activity of shareholders and investors to participate in the management of Russian public joint stock companies" // [Electronic resource]. URL: https://www.cbr.ru/analytics/d_ok/report_25092017/ / (date of reference: 11/20/2021).
12. Annual report of PJSC MMC Norilsk Nickel for 2020 // [Electronic resource]. URL: https://www.nornickel.ru/upload/iblock/7fc/godovoj_otchet_pao_gmk_norilskij_nikel_za_2020_god.pdf (date of application: 10/25/2021)

Запрет рекламы потребительских кредитов как способ защиты граждан от чрезмерной закредитованности в условиях антироссийских санкций

Фентти Марина Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: mgfentti@fa.ru

Статья посвящена актуальной в современных условиях теме по противодействию антироссийским санкциям. Одной из ключевых задач Банка России в условиях санкционного режима остается ограничение рисков долговой нагрузки граждан и обеспечение сбалансированного развития ипотеки. Принимая во внимание несовершенство правового регулирования рекламы потребительских кредитов (займов), приводящее к широкому распространению недобросовестной рекламы, многочисленные нарушения законодательства о рекламе, выявляемые Федеральной антимонопольной службой, низкую финансовую грамотность населения при высоком уровне закредитованности граждан, опережающем динамику их доходов, автор предлагает установить законодательный запрет на рекламу потребительского кредитования. Предлагаемый запрет направлен на предотвращение чрезмерного наращивания долговой нагрузки граждан, что оказывает отрицательное влияние на сектор потребительского кредитования и экономику в целом, а также на улучшение качества розничного кредитного портфеля банков.

Ключевые слова: банковская деятельность, санкции, Центральный банк, потребительское кредитование.

С февраля 2022 года в отношении России, ее должностных лиц, предприятий, в том числе финансовых учреждений, были введены беспрецедентные экономические ограничения (санкции) рядом недружественных стран, основной причиной которых явилась проводимая специальная военная операция на Украине.

Банк России, как мегарегулятор финансового рынка, для обеспечения его надлежущего функционирования в условиях санкций, разработал и реализует меры, направленные на обеспечение финансовой стабильности и сохранение доверия вкладчиков и инвесторов к российской финансовой системе. Одной из ключевых задач Банка России в условиях санкционного режима является ограничение рисков долговой нагрузки граждан и обеспечение сбалансированного развития ипотеки. По данным Банка России высокая долговая нагрузка граждан продолжает оставаться одним из факторов уязвимости российского финансового сектора.

Безусловно, в нашей стране трудно переоценить риск чрезмерной закредитованности граждан. Рост сектора потребительского кредитования фиксируется последние 5 лет. Граждане все охотнее берут потребительские кредиты, в том числе кредитные карты и автокредиты, а также ипотеки. Банковский кредит становится привычным финансовым инструментом для граждан и драйвером экономики страны. Вместе с тем, экономисты отмечают, что реальные располагаемые доходы граждан стагнируют с 2013 года. С ростом закредитованности граждан растут и кредитные риски, как для граждан, так и для кредитных организаций, и даже для экономики государства в целом. Если продолжится рост потребительского кредитования, то возможна ситуация, когда граждане не смогут обслуживать полученные кредиты и займы. Это приведет к росту просроченной задолженности банков, росту числа личных банкротств граждан, снижению ими своей потребительской активности.

По данным Банка России в 2023 году банки активно наращивали предоставление необеспеченных потребительских кредитов. Введенные в 2023 году макропруденциальные лимиты на выдачу кредитов заемщикам с высокой долговой нагрузкой немного улучшили стандарты кредитования: в III квартале 2023 года доля кредитов с показателем долговой нагрузки более 80% снизилась до 25% от выданных с 36% в IV квартале 2022 года. При этом следует иметь в виду, что улучшение показателей достигается не только снижением кредитования уже закредитованных граждан, но и увели-

чением среднего срока кредитования, что снижает ежемесячный платеж заемщика по кредиту и снижает показатель долговой нагрузки заемщика, позволяя кредитору соблюдать макропруденциальные лимиты. Кредиты с высоким уровнем долговой нагрузки несут повышенный риск неисполнения заемщиком принятых обязательств. В целом, введение макропруденциальных лимитов в розничном кредитовании не привело к стагнации портфеля необеспеченных потребительских кредитов по итогам 2023 года и первого полугодия 2024 года. На 1 октября 2023 года годовой темп прироста портфеля составил 15%, а на 1 июня 2024 года – 18%.

В то же время, по мнению Банка России макропруденциальные лимиты эффективно работают в необеспеченном потребительском кредитовании. Число заемщиков по кредитам наличными перестало расти, составив 24 млн человек. Снижился средний размер кредита, однако все больше граждан пользуется кредитными картами, их число превысило 27 млн человек. В отношении кредитных карт макропруденциальные лимиты действуют с задержкой, так как применяются при увеличении кредитного лимита по карте или при выдаче новой кредитной карты, но не применяются при предоставлении денежных средств по ранее выданным картам. Кроме того, введение макропруденциальных лимитов и надбавок не остановило рост необеспеченного потребительского кредитования по причине того, что при расчете показателя долговой нагрузки заемщика кредитные и микрофинансовые организации используют данные о доходах заемщика предоставленные самим заемщиком, что не всегда отражает реальные доходы и может завышаться для получения кредита. Вместе с тем Банк России ожидает, что лимиты и надбавки постепенно позволят ограничить риски чрезмерной долговой нагрузки граждан и повысить устойчивость банков в случае роста потерь по потребительским кредитам [1]. На наш взгляд данный процесс идет слишком медленно и требуются иные меры в данном направлении, а именно – ограничения и запреты рекламы потребительского кредитования.

Исходя из изложенного на сегодняшний день представляется возможным выдвинуть следующее предложение по снижению закрединтованности граждан – запрет рекламы потребительских кредитов. Имеющаяся в настоящее время правовая база, регламентирующая рекламу потребительских кредитов (займов) несовершенна, имеет массу пробелов и позволяет финансовым организациям проявлять недобросовестность путем введения заемщиков в заблуждение с целью наращивания собственной прибыли. Установление Банком России макропруденциальных лимитов по необеспеченным потребительским кредитам, привлечение банков к административной ответственности территориальными органами Федеральной антимонопольной службы, не дают необходимого эффекта – закрединтованность населения растет. На наш

взгляд выходом станет полный запрет рекламы потребительских кредитов (займов). Отсутствие повсеместной, зачастую навязчивой, а нередко и недобросовестной, рекламы потребительских кредитов не сделает кредит менее доступным. Цель предлагаемого запрета не в том, чтобы закрыть доступ гражданам к привычному кредитованию или снизить прибыль банков. Как и в ситуации с запретом рекламы табака и алкоголя, те, кому кредит действительно нужен, определенно найдут, где его взять, а финансовые организации найдут способы разместить денежные средства. Задача этого запрета именно в отсечении необдуманных потребительских кредитов, взятых, потому что дают, потраченных непонятно на что, без понимания за счет чего возвращать и что будет, если не вернуть. Банку России, образовательным организациям еще предстоит большая работа по дальнейшему финансовому просвещению граждан, формированию у них правомерного поведения и правосознания.

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что запрет рекламы потребительских кредитов (займов) будет способствовать достижению следующей цели деятельности Банка России: снижение чрезмерной долговой нагрузки граждан.

Данная мера обусловлена следующими факторами.

1. В настоящее время правовое регулирование рекламы потребительских кредитов (займов) несовершенно и позволяет финансовым организациям формально исполнять требования закона в части указания в рекламе всех условий, влияющих на стоимость кредита (займа), но, по сути, указывать только привлекательные для потребителя условия. Это касается рекламы на телевидении, радио, в печатных изданиях, на объектах наружной рекламы. Потребитель вводится в заблуждение об условиях кредитования, у него формируется ошибочное представление о дешевизне и даже «бесплатности» кредитного продукта. Такая реклама признается судами и антимонопольными органами недобросовестной, финансовые организации привлекаются к административной ответственности в виде штрафов и выдачи предписаний о прекращении нарушения законодательства, но количество нарушений не снижается. Попытки ужесточить требования к рекламе финансовых услуг до настоящего времени не увенчались успехом.
2. Многочисленные нарушения законодательства о рекламе финансовых услуг. Количество выявленных антимонопольным органом нарушений рекламы финансовых услуг в 2020 году составляло 18,77% от всех выявленных нарушений законодательства о рекламе, в 2021 году – 17,08%, в 2022 году – 17,80%, в 2023 году – 16,56% [2]. Выявленные нарушения носят однотипный и массовый характер, нанося вред финансовому благополучию граждан в крайне непростой период.

3. Недостаточная финансовая грамотность населения, которая приводит к тому, что решения о заключении кредитного договора принимаются потребителями недостаточно взвешенно, без адекватной оценки своих финансовых возможностей; кредиты берутся импульсивно, без надлежащего обдумывания последствий заключения кредитного договора и финансовой нагрузки для заемщика и его семьи; потребители не внимательно изучают кредитный договор.

4. Высокий уровень закредитованности граждан по данным Банка России, который постоянно растет, значительно опережая динамику доходов населения, несмотря на установление макропруденциальных лимитов и надбавок по необеспеченным потребительским кредитам.

В 2023–2024 годах, в целях борьбы с закредитованностью граждан, законодателем уже неоднократно предпринимались попытки внесения изменений в статью 28 Федерального закона «О рекламе» в русле ужесточения требований к рекламе потребительских кредитов, которые пока не увенчались успехом. Так, законопроектом № 956425–7 «О внесении изменений в статьи 28 и 38 Федерального закона «О рекламе» (в части рекламы услуг, связанных с предоставлением кредита или займа)» часть 3 статьи 28 Федерального закона «О рекламе» предлагалось дополнить положением о том, что реклама услуг, связанных с предоставлением кредита, должна сопровождаться предупреждением о том, что гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом. По мнению авторов законопроекта, несовершенство правового регулирования рекламы кредитов позволяет рекламодателям лишь формально исполнять требования закона о необходимости указания в рекламе всех условий, определяющих полную стоимость кредита. В 30 секундном рекламном ролике банки нередко указывают до 28 условий, влияющих на полную стоимость кредита, что нереально к восприятию. В результате чего у потребителей может формироваться превратное мнение о бесплатности кредитного продукта и/или отсутствии негативных последствий невозврата кредита [3].

Реклама потребительского кредитования, как и любая реклама, нацелена на эмоциональную, а не рациональную составляющую личности, что приводит к тому, что потребительские кредиты, особенно в форме кредитных карт, берутся импульсивно, без взвешенной оценки гражданами своих потребностей и финансовых возможностях обслуживания долга. Нередко люди легкомысленно относятся к получению «ненужной» кредитной карты, соглашаются взять ее, чтобы «помочь» банковскому менеджеру выполнить план продаж и KPI, не в состоянии оценить риск того, что в будущем данная карта может быть использована.

Запрет рекламы потребительских кредитов (займов) приведет к недопущению накопления непосильной долговой нагрузки граждан в текущих ус-

ловиях, когда рост кредитования заметно опережает рост доходов граждан, вследствие чего у многих людей значительная часть заработков идет на обслуживание кредитов и займов. Каждый четвертый розничный заемщик, получивший кредит в III квартале 2024 года, тратит на платежи по всем своим кредитам 80% и более от своего среднемесячного дохода.

Поэтому очевидно, что необходимо продолжать дальнейшее финансовое просвещение граждан, в том числе школьников и студентов, обучать их основам финансового планирования, ведению личного и семейного бюджета, навыкам сбережения и накопления, разъяснять их права и обязанности во взаимоотношениях с банками. Следует разъяснять гражданам, что решение о получении кредита или использовании кредитной карты необходимо принимать взвешенно и с адекватной оценкой своих финансовых возможностей, недопустимо принимать данные решения импульсивно, без надлежащего обдумывания последствий и финансовой нагрузки для заемщика и его семьи. Также нужно внимательно изучать все условия договора с банком, критически относиться к рекламной информации. Кроме того, каждому заемщику следует иметь представление о существующей гражданско-правовой ответственности, которая наступает в случае неисполнения обязательств перед банком.

Необходима пропаганда жизни по средствам, вдумчивого отношения к привлечению и обслуживанию кредитов чтобы не попасть в кабалу, использования кредита для решения жилищного вопроса, а не удовлетворения сиюминутных потребностей. Нужно разъяснять гражданам, что брать кредит – легко, а отдавать – тяжело. Кредит открывает для заемщиков новые возможности, но не стоит забывать, что кредитные деньги вовсе не бесплатные. Перед тем как решиться на такой важный шаг следует тщательно взвесить все «за» и «против», разумно оценивая его необходимость и свои финансовые возможности.

На основании вышеизложенного, учитывая несовершенство правового регулирования рекламы потребительских кредитов (займов), приводящее к широкому распространению недобросовестной рекламы, многочисленные нарушения законодательства о рекламе, выявляемые ФАС, низкую финансовую грамотность населения при высоком уровне закредитованности граждан, опережающей динамику их доходов, а также положительный опыт снижения потребления табака и алкоголя, после введения законодательных запретов и ограничений, предлагаем внести следующие изменения в действующее законодательство. Статью 7 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», где перечислены объекты рекламирования, реклама которых не допускается, предлагаем дополнить пунктом 14 следующего содержания:

«14) потребительских кредитов (займов)».

Запрет направлен на предотвращение чрезмерного наращивания долговой нагрузки граждан, что

оказывает отрицательное влияние на сектор потребительского кредитования и экономику в целом, а также на улучшение качества розничного кредитного портфеля банков и снижение их издержек по взысканию просроченной задолженности, списанию задолженности безнадежной ко взысканию.

Литература

1. Банк России: офиц. сайт. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=18579> (дата обращения 02.04.2024).
2. Итоговый доклад к расширенному заседанию Коллегии ФАС России 14–17 мая 2024 г. // Федеральная антимонопольная служба: офиц. сайт. URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/documenty_doklady?ysclid=lxetuq9fm5116126957 (дата обращения 14.06.2024).
3. Законопроект №№ 956425–7 «О внесении изменений в статьи 28 и 38 Федерального закона «О рекламе» (в части рекламы услуг, связанных с предоставлением кредита или займа)» // Система обеспечения законодательной деятельности: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/956425-7?ysclid=lyitjj4f8g530288865> (дата обращения 13.06.2024).

THE BAN ON ADVERTISING CONSUMER LOANS AS A WAY TO PROTECT CITIZENS FROM EXCESSIVE DEBT IN THE FACE OF ANTI-RUSSIAN SANCTIONS

Fentti M.G.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the topic of countering anti-Russian sanctions, which is relevant in modern conditions. One of the key tasks of the Bank of Russia in the conditions of the sanctions regime remains to limit the risks of the debt burden of citizens and ensure balanced mortgage development. Taking into account the imperfection of the legal regulation of advertising consumer loans (loans), leading to widespread unfair advertising, numerous violations of advertising legislation detected by the Federal Antimonopoly Service, low financial literacy of the population with a high level of creditworthiness of citizens, outstripping the dynamics of their income, the author proposes to establish a legislative ban on advertising consumer loans. The proposed ban is aimed at preventing an excessive increase in the debt burden of citizens, which has a negative impact on the consumer lending sector and the economy as a whole, as well as improving the quality of retail credit

Keywords: banking, sanctions, Central Bank, consumer lending.

References

1. The Bank of Russia: official website. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=18579> (accessed 02.04.2024).
2. Final report for the extended meeting of the Board of the Federal Antimonopoly Service of Russia on May 14–17, 2024 // Federal Antimonopoly Service: official website. URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/documenty_doklady?ysclid=lxetuq9fm5116126957 (accessed 06/14/2024).
3. Draft Law No. 956425–7 «On Amendments to Articles 28 and 38 of the Federal Law «On Advertising» (in terms of advertising services related to the provision of credit or loan)» // Legislative support system: official website. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/956425-7?ysclid=lyitjj4f8g530288865> (accessed 06/13/2024).

Адаптация экспериментальных правовых режимов Европейского союза инновациям экономических отношений: на примере регулирования финансовых рынков

Филатов Кирилл Сергеевич,

магистр, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: fks17@yandex.ru

Экспериментальные правовые режимы на финансовом рынке являются одним из ключевых элементов для адаптации инноваций под изменяющуюся реальность во всем мире, одним из важных регионов их развития является Европейский союз. Целью данной работы является анализ развития экспериментальных режимов в части стран Европейского союза и исследование вариантов возможности их реализации. Предметом исследования являются нормативно-правовые акты и практика в сфере реализации экспериментальных правовых и регулятивных песочниц в странах Европейского союза. В исследовании применялись следующие методы: толкования нормативных актов, сбора и анализа правовых и научных источников, сравнительно-правовой и метод выявления закономерностей развития. В результате исследования выявлены особенности и тенденции развития экспериментальных правовых режимов на финансовых рынках в Испании, Португалии, Дании, Нидерландах, Литве и Ирландии.

Ключевые слова: экспериментальные правовые режимы, регулятивные песочницы, финансовый рынок, цифровизация.

Внедрение экспериментальных режимов в странах Европейского союза началось одновременно с другими странами в середине 2010-ых годов. Так в 2017 году члены Европейского союза обсуждали возможность создания единых критериев для создания регулятивных песочниц для гармонизации законодательства, проводились консультации по развитию по развитию финтеха было предложено разработать песочницы по гармонизированным критериям, чтобы пилотируемые технологии было возможно использовать в других странах Евросоюза [5]. Несмотря на то, что вопросы о потенциальном создании единых механизмов и наднациональных регулятивных песочниц обсуждались еще 7 лет назад, данная дискуссия сохраняет свою актуальность. Основным нерешённым вопросом также остается дискуссия о выработке стратегии, подходить ли централизованно или децентрализованно к регулированию экспериментальных режимов ради большего экономического благосостояния всего стран членов Союза.

Тем не менее, на данный момент развитие в течение 8 лет осуществляется в каждой стране независимым образом с общим стремлением гармонизировать законодательство. На сегодняшний момент экспериментальные режимы и регулятивные песочницы развиваются в каждой стране в разных форматах в зависимости от особенной экономического развития и общего восприятия инноваций [12]. Согласно исследованиям, европейские страны можно разделить на 3 группы по отношению к уровню развития инноваций, беря показатель от среднего уровня развития инноваций в странах Европейского союза. Так инновационными лидерами были признаны Дания, Нидерланды, Швеция, Бельгия, Финляндия.

С показателями выше среднего инноваций являются Франция, Германия, Австрия, республика Кипр, Ирландия, Люксембург. На среднем уровне находятся страны Португалия, Чехия, Эстония, Греция, Италия, Литва, Словения, Испания, Мальта. На начальном этапе развития инноваций находятся Румыния, Словакия, Польша, Латвия, Болгария и Хорватия. Тем не менее стоит отметить, что публичная информация о развитии регулятивных песочниц в разных странах ограничена, вследствие этого для анализа будут рассмотрены страны из разных групп уровня развития инноваций.

Например, в Испании в 2020 году был принят закон «О цифровой трансформации финансовой системы» [6]. В соответствии с ним в Испании соз-

дается регулятивная песочница для тестирования цифровых инноваций. Как следует из преамбулы подчеркивается, Закон преследует несколько целей, в первую очередь в обеспечении финансовых органов надлежащими инструментами для реализации их функций в условиях цифровой трансформации, второй целью является содействие развитию инноваций для обеспечения справедливого развития благодаря расширению доступа к финансированию разных секторов экономики. В законе также подчеркивается роль высокой конкуренции технологического сектора на мировом финансовом рынке

На участников песочницы не будет распространяться законодательство, которое необходимо для предоставления соответствующих услуг на финансовом рынке во время пилотирования закона, императивными для них являются положения соответствующего закона. Закон устанавливает гарантийные механизмы в случае нанесения вреда или ущерба во время проведения эксперимента. В соответствии со ст. 12 установлена ответственность за ущерб, понесенный участниками. Организатор несет ответственность за возникновение ущерба в следующих случаях: 1) возник в результате нарушения правил или в результате рисков 2) если это произошло по вине или халатности или если он не сообщил о данных рисках. 3) Если это произошло в результате технических неисправностей, ответственность в равной степени несет спонсор. При этом подчеркнем, что органы власти не несут ответственности за ущерб, который может возникнуть. Для гарантии восстановления положения участников вследствие ущерба и убытков, в статье 13 установлены механизмы финансовых гарантий организатора. Ими могут быть страхование, банковская гарантия, поручительство. При этом гарантии должны быть соразмерны рискам. Также установлены гарантии в отношении режима конфиденциальности и коммерческой тайны, также, в частности, о правах промышленной и интеллектуальной собственности.

С точки зрения возможностей после тестирования, для участников открывается несколько актуальных возможностей для реализации предпринимательской деятельности. Одной из таких является возможность доступа к более ускоренной процедуре авторизации компании после завершения пилотирования технологии с учетом достаточно продолжительных сроков реализации данной процедуры в общем порядке. Рассматривая функционирование песочницы компании входят в песочницу двумя когортами в год и контролируются одним из трех регулируемыми органами: Банком Испании, Национальной комиссией по торговле ценными бумагами и Генеральным директоратом по страхованию и пенсионным фондам [13].

Говоря о Португалии, несмотря на отнесение данной страны не к лидерам развития инновации, тем не менее, согласно исследованиям, в данной стране реализуется оригинальный и прогрессив-

ный подход к регулированию финтехта, который отличается от принятых норм в Европейском союзе [9]. В первую очередь отношении регулирования криптовалют. Как и в других Европейских странах, в Португалии Советом министров был принят план цифрового перехода с целью уменьшить нормативную нагрузку новых и экспериментальных технологий [8]. Обнародованный 21 апреля в рамках амбициозного плана действий по цифровому переходу страны, Совет министров страны пообещал, что новые зоны будут адаптированы таким образом, чтобы уменьшить нормативную и правовую нагрузку на разработчиков новых и экспериментальных технологий. В соответствии Постановлением Совета Министров № 30/2022 указывается, что цифровой переход является одним из инструментов стратегии развития страны, которая будет направить инвестиции Европейского союза с 2021 по 2027 годы. В данном акте отмечается также важность создания базы для регулирования межсекторальных экспериментов для использования возможностей разных технологий, включая искусственный интеллект, технологии виртуальной реальности, интернета вещей, 3D-печати [7].

Таким образом, Португалия стремится развивать инновационные технологии в комплексе. Как было ранее, указано в Португалии была создана свободная зона. Согласно данным сайта Portugal digital основными технологиями, которые применяются в свободной зоне тестируются заявленные в Постановлении технологии искусственного интеллекта, блокчейна, био и нанотехнологии, виртуальность реальности и другие.

Говоря о развитии экспериментальных режимов в странах с самым развитым уровнем инноваций, в Дании регулятивные песочницы реализуются с помощью лаборатории Fin lab. Для участия в песочнице установлены четкие критерии, которые учитываются при допуске в песочницу. Такими критериями являются следующие вопросы:

- 1) Включена ли компания прямо или косвенно в финансовое регулирование?
- 2) Является ли технология или бизнес-модель новой?
- 3) Является ли услуга или продукт полезным для общества и/или потребителей?
- 4) Есть ли необходимость входить в FT Lab?
- 5) Готова ли компания принять участие в процедуре тестирования FT Lab?

Например, в песочнице было проведено тестирование как компании могут использовать технологии машинного обучения для оценки продажной цены жилой недвижимости. После пилотирования был сделан нормативный вывод о том о необходимости информирования финансовых учреждений о рисках, которыми могут быть подвергнуты их бизнес-модели в случае использования технологий машинного обучения, в частности нейронный сетей при работе, поскольку риски могут существенно измениться вследствие их использования [10]. Таким образом после пилотирования Датское финансовое управления разработало рекомендации

для финансовых учреждений для использования машинного обучения.

Однако песочницу критикуют из-за ограниченного количества возможных участников, одновременно принимать участие в пилотировании могут только 5 компаний одновременно. С точки зрения такого количества участников разумно можно ставить вопрос об эффективности использования данного инструмента с точки зрения информирования регулирующего органа о происходящих изменениях на рынке. По аналогии с другими членами Союза, Дания вела активные разработки для создания отдельного экспериментального режима для тестирования технологий блокчейн. В отношении блокчейна датским регулятором был принят профильный закон.

Нидерланды, как подчёркивается, имеет богатую историю инноваций. Регулятивная песочница здесь была еще запущена в 2016 году, одной из первых стран после Великобритании Информационным бюро Нидерландского банка (DNB), Голландским управлением по финансовым рынкам (AFM) и Управлением по делам потребителей и рынков (ACM) [2]. Действуя аналогично другим странам, в 2020 году был принят План действий в области финтеха, в данном документе содержится план мероприятий для содействия развития финтеха в стране. Стоит отметить, что развитие регулятивных песочниц относится ко 2 задаче. Развитие финтеха является комплексной политикой, все этапы плана взаимосвязаны между собой.

Как было указано ранее, в Литве регулятивная песочница находится при Банке Литвы, статус данного механизма урегулирован постановлением Банка Литвы от 19 сентября 2018 Г. № 03–166 [11]. В соответствии с п. 5.1., регулятивная песочница определена как система с целью тестирования финансовых инноваций, которая позволяет войти в контролируемую среду, где ограничена сфера деятельности и применяются другие меры по защите потребителей. В определении также подчеркивается, что система существует для тестирования, которые приносят пользу обществу.

Во втором разделе перечисляются инструменты, которые должны применяться при работе песочницы. Кроме традиционных для регулятивных песочниц проведения консультаций, возможно выделить введение принципа пропорциональности при толковании и применении правовых актов. В соответствии с ним устанавливается задачи толкования и применения положений нормативных актов с учетом сути, объема и сложности деятельности участника песочницы.

Формируется также принцип взаимосвязи пользы для общества и более гибкого толкования нормативных актов: деятельность внутри песочницы, которая приносит пользу обществу является оправданием для более гибкого и способствующего инновации толкования нормативных актов.

Одной из стран, которая недавно заявила о создании регулятивной песочницы стала Ирландия, так в ноябре национальный центральный банк

заявил о планах по запуску такого инструмента и объявило о консультациях до начала февраля 2024 года. Отметим, что инновационный хаб при банке открылся в 2018 году, тем не менее, понадобился большой промежуток времени для реализации данной инициативы. Банк опубликовал Консультационный документ 156 «Подход Центрального банка к инновационному взаимодействию в сфере финансовых услуг», в соответствии с ним регулятивная песочница обозначена как схема, которая позволяет компаниям в соответствии с утвержденной программой развития регулирующим органом разрабатывать финансовых услуги или бизнес-модели. При внедрении предлагается использовать тематический подход, адаптируя работу к конкретным темам, которые могут принести положительные результаты для финансового рынка. Также предлагается идея привлечения частного капитала для работы песочницы, он должен финансировать песочницу.

Немаловажной является работа наднациональных органов для реализации обозначенных в 2020 году целей создания единого общеевропейского пространства для использования финансовых технологий. Касаясь развития экспериментальных режимов на наднациональном уровне в Европейском союзе стоит в первую очередь отметить программные документы. Аналогично были приняты программные документы в области цифровизации. Так в сентябре 2020 года Европейская комиссия принята цифровой финансовый пакет, предусматривающий стратегии развития цифровых финансов для развития конкурентоспособности финтех сектора в Европейском союзе [3]. В стратегии также было отмечено ускорение инновационных циклов и все более развитую возможность адаптации технологии к требованиям клиентов. В стратегии утверждаются задачи:

- 1) устранение фрагментации на едином цифровом рынке услуг для доступа к трансграничным услугам
- 2) обеспечение, чтобы нормативно-правовая база Европейского союза способствовала цифровым инновациям, отмечается важность инноваций в сфере распределенных реестров и искусственного интеллекта.
- 3) создание общеевропейского пространства финансовых данных для развития инноваций.
- 4) решение новых задач, связанных с цифровой трансформацией.

В соответствии со второй задачей, а также следуя технологическому спросу, было реализовано несколько инициатив: были созданы Европейская регулятивная песочница для пилотирования проектов, связанных с блокчейном и отдельный режим пилотирования технологий распределённых реестров (DLT pilot). Данный режим был запущен в марте 2023 в соответствии с Регламентом Европейского союза 2022/858 и обеспечивает правовую основу сделок с крипто активами [4].

Одним из недавних важных событий стало принятие Закона по регулированию искусственного

интеллекта в Европейском союзе, который определил концептуальные основы разработки и взаимодействия с искусственным интеллектом. Как отмечается в пояснительном меморандуме к акту искусственный интеллект это семейство технологий, которые могут принести экономические и социальные выгоды в разные отраслях, в том числе отмечается и сфера финансов. Технологии искусственного интеллекта активно применяются на рынке финтех технологий, что окажет существенное влияние на развитие экспериментальных режимов и их виды на уровне стран Союза в дальнейшем. Однако подчеркиваются не экономические результаты как цели развития данной технологии, а социальные и экологические.

В нем статья 53 закона посвящена регулированию регулятивных песочниц в данной сфере. В соответствии с п. 1 ст. 53 указывается, что данные песочницы могут быть созданы как национальными органами государств членов или Европейских надзорным органом. В п. 3 устанавливается ограничение, в соответствии с которым данные песочницы не должны влиять на полномочия компетентных органов в области надзора и корректировки. Указывается потенциальные уязвимые области для общества при тестировании данных технологий: здоровье, безопасность и основные права, при это перечень прав не конкретизируется. При возникновении рисков для них быть снижены, в случае невозможности снижения, необходимо приостановить тестирования до момента их снижений.

В соответствии данным законом п. 1а допускается создание дополнительных регулятивных песочниц на региональном или на местном уровне или совместно с другими регулирующими органами государств членов Европейского союза.

Таким образом, возможно сделать вывод о том, что практика развития экспериментальных правовых режимов в каждой из стран не является универсальной, развитие существующих инструментов происходит с учетом особенностей социально-экономического состояния и преследуемых интересов. Вследствие этого весьма актуальным является продолжение анализа и исследования практики их использования в долгосрочной перспективе. Не менее важным являются и перспективы развития экспериментальных режимов в сфере технологий искусственного интеллекта с учетом особого влияния на финансовые рынки и перспектив его изменения [1].

Литература

1. Искусственный интеллект вынуждает переосмыслить суть финансовых услуг// URL: https://www.vedomosti.ru/technologies/new_technologies/articles/2024/04/16/1032088-intellekt-pereosmislit-sut
2. An Introduction to Netherlands FinTech. URL: <https://chambers.com/content/item/3800>.

3. Digital Finance Strategy for the EU. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TX-T/?uri=CELEX:52020DC0591>.
4. DLT Pilot Regime. URL: <https://www.esma.europa.eu/esmas-activities/digital-finance-and-innovation/dlt-pilot-regime>.
5. FinTech: Commission takes action for a more competitive and innovative financial market. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_1403.
6. Ley 7/2020 para la transformación digital del sistema financiero. URL: <https://circulodeempresarios.org/transformacion-digital/archivos/4526>.
7. Portugal sets up tech free zones to spur innovation. URL: <https://www.fdiintelligence.com/content/news/portugal-sets-up-tech-free-zones-to-spur-innovation-77628>.
8. Portugal Unveils 'Free Zones' for Emerging Technologies in Digital Action Plan. URL: <https://cointelgraph.com/news/portugal-unveils-free-zones-for-emerging-technologies-in-digital-action-plan>.
9. Portugal's Progressive Policies Fuel Fintech Growth. URL: <https://www.forbes.com/sites/meaghanjohnson/2023/12/13/portugals-progressive-policies-fuel-fintech-growth/?sh=374d560385a0>.
10. Recommendations when using supervised machine learning. URL: https://www.dfsa.dk/Supervision/Fintech/Machine_learning_recommendations.
11. Resolution on the approval of the regulatory sandbox framework of the Bank of Lithuania 19 september 2018 no 03–166. URL: <https://www.lb.lt/en/regulatory-sandbox>.
12. South Korea, Switzerland, Denmark: New report ranks global and European countries on innovation. URL: <https://www.merit.unu.edu/european-innovation-scoreboard2023/#:~:text=%20Analysis%20of%20EU,125%25%20of%20the%20EU%20average>.
13. Spain's fintech sandbox welcomes latest projects. URL: <https://www.globalgovernmentfintech.com/spains-fintech-sandbox-fourth-cohort/>.

ADAPTATION OF THE EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES OF THE EUROPEAN UNION TO INNOVATIONS IN ECONOMIC RELATIONS: THE EXAMPLE OF REGULATION OF FINANCIAL MARKETS

Filatov K.S.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Experimental legal regimes in the financial market are one of the key elements for adapting innovations to the changing reality around the world, one of the important regions of their development is the European Union. The purpose of this work is to analyze the development of experimental regimes in some countries of the European Union and to study the possibilities of their implementation. The subject of the study is regulatory legal acts and practice in the field of implementation of experimental legal and regulatory sandboxes in the countries of the European Union. The following methods were used in the study: interpretation of normative acts, collection and analysis of legal and scientific sources, comparative law and the method of identifying patterns of development. As a result of the study, the features and trends of the development of experimental legal regimes in the financial markets in Spain, Portugal, Denmark, the Netherlands, Lithuania and Ireland were revealed.

Keywords: experimental legal regimes, regulatory sandboxes, financial market, digitalization.

References

1. Artificial intelligence forces to rethink the essence of financial services // URL: https://www.vedomosti.ru/technologies/new_technologies/articles/2024/04/16/1032088-intellekt-pereosmislii-sut
2. An Introduction to Netherlands FinTech. URL: <https://chambers.com/content/item/3800>.
3. Digital Finance Strategy for the EU. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0591>.
4. DLT Pilot Regime. URL: <https://www.esma.europa.eu/esmas-activities/digital-finance-and-innovation/dlt-pilot-regime>.
5. FinTech: Commission takes action for a more competitive and innovative financial market. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_1403.
6. Ley 7/2020 para la transformación digital del sistema financiero. URL: <https://circulodeempresarios.org/transformacion-digital/archivos/4526>.
7. Portugal sets up tech free zones to spur innovation. URL: <https://www.fdiintelligence.com/content/news/portugal-sets-up-tech-free-zones-to-spur-innovation-77628>.
8. Portugal Unveils 'Free Zones' for Emerging Technologies in Digital Action Plan. URL: <https://cointelegraph.com/news/portugal-unveils-free-zones-for-emerging-technologies-in-digital-action-plan>.
9. Portugal's Progressive Policies Fuel Fintech Growth. URL: <https://www.forbes.com/sites/meaghanjohnson/2023/12/13/portugals-progressive-policies-fuel-fintech-growth/?sh=374d560385a0>.
10. Recommendations when using supervised machine learning. URL: https://www.dfsa.dk/Supervision/Fintech/Machine_learning_recommendations.
11. Resolution on the approval of the regulatory sandbox framework of the Bank of Lithuania 19 september 2018 no 03–166. URL: <https://www.lb.lt/en/regulatory-sandbox>.
12. South Korea, Switzerland, Denmark: New report ranks global and European countries on innovation. URL: <https://www.merit.unu.edu/european-innovation-scoreboard2023/#:~:text=%20Analysis%20of%20EU,125%25%20of%20the%20EU%20average>.
13. Spain's fintech sandbox welcomes latest projects. URL: <https://www.globalgovernmentfintech.com/spains-fintech-sandbox-fourth-cohort/>.

Привлечение работников к дисциплинарной ответственности за разглашение коммерческой тайны с применением информационных технологий

Фролова Анна Алексеевна,

бакалавр, кафедра гражданского права института философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: ann.frolov2011@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности привлечения работников к дисциплинарной ответственности за разглашение коммерческой тайны. Автором делается вывод, что глобальная цифровизация оказывает существенное влияние, в том числе на охрану конфиденциальных сведений – появились и активно применяются новые способы разглашения работниками коммерческой тайны. На основе обобщения актуальной судебной практики автором приводится перечень типичных случаев разглашения. В свою очередь, автором отмечается, что не каждое обстоятельство распространения информации по закону считается разглашением, также как не всякие сведения работодателя могут иметь конфиденциальный характер. Делается вывод о том, что увольнение, как исключительная мера ответственности за разглашения, тем не менее, не может применяться в каждом случае и работодателю надлежит учитывать остальные обстоятельства разглашения в совокупности.

Ключевые слова: работник, дисциплинарная ответственность, работодатель, коммерческая тайна, разглашение.

В отечественном законодательстве одним из видов юридической ответственности, предусмотренной в ФЗ «О коммерческой тайне», названа дисциплинарная ответственность. В развитие этих положений в статье 192 Трудового кодекса РФ за совершение данного дисциплинарного проступка предусмотрено увольнение за однократное грубое нарушение работником трудовых обязанностей, выразившееся в разглашении коммерческой тайны. Однако, как обращают внимание Л.А. Забегайло и А.А. Авдеев, применение данной меры является правомочием работодателя, а не его обязанностью [1, с. 91]. С учетом всех обстоятельств конкретного случая разглашения, целесообразности и соразмерности работодатель может применить иные меры дисциплинарного взыскания, предусмотренные в ТК РФ, в частности, замечание или выговор. На этот аспект часто указывают суды в своих решениях, восстанавливая уволенных работников.

В настоящее время наблюдается стремительное развитие электронного документооборота и его повсеместное внедрение в практику деловых взаимоотношений, поэтому значительный массив информации, составляющей коммерческую тайну, облечен в электронный вид. В связи с этим, наиболее распространенные способы разглашения опосредованы использованием технических средств. Всестороннее изучение подходов судебной практики позволило обобщить и выделить типичные случаи, которые признаются актом разглашения:

1. Пересылка информации работником себе на личный e-mail. В результате сотрудник фактически создает условия для несанкционированного распространения информации, составляющей коммерческую тайну работодателя (как минимум доступ к ней получает организация, владеющая сервером электронной почты). Так, в одном деле суд встал на сторону работодателя, признав сотрудника виновным, а увольнение – законной мерой ответственности. Используя корпоративную почту, работник несанкционированно переслал ряд файлов (договоры с конфиденциальной информацией, фото охраняемых территорий, документы с персональными данными сотрудников и др.) к себе на личную почту [10].

Стоит отметить, что помимо всего прочего суды учитывают, был ли установлен работодателем запрет на совершение работниками такого действия и закреплён в ЛНА, с которым работник был ознакомлен [8]. В противном случае работнику удаст-

ся оспорить незаконное применение мер дисциплинарного характера. В конкретных случаях суды могут констатировать сложившуюся практику в организации – использовать личную почту в рабочих целях – и также не считать это разглашением. В качестве критериев оценки суды учитывают: количество человек, которое имело доступ к электронному ящику и использует адрес с аналогичным доменом, насколько технически эффективно он был защищен, а также наличие прошлых замечаний и попытки пресечения подобного поведения со стороны работодателя [5].

2. Пересылка такой информации работником на e-mail другого работника, имеющего доступ к ней. Здесь суды не выработали единого мнения: в ряде случаев это признается разглашением (обоснование данной позиции у судов аналогично использованию личного e-mail), а некоторых – нет, со ссылкой на то, что если все сотрудники имеют доступ к такой информации, ее несанкционированного раскрытия третьим лицам не произошло, и работодатель должен доказать, что такое действие создало условие для ее последующего неконтролируемого распространения [11].

3. Пересылка такой информации работником на личное файловое хранилище. Так, в одном деле суд оставил без удовлетворения жалобу работницы, которая осуществила неправомерную пересылку файлов, содержащих коммерческую, банковскую и служебную тайны на внешнее «облачное» файловое хранилище, принадлежащее лично ей. Данное деяние она совершила несмотря на то, что локальным нормативным актом компании «Правила обеспечения информационной безопасности» подобные манипуляции были запрещены.

4. Копирование такой информации работником на USB-флеш-накопитель [9]. Факт разглашения здесь не столь очевиден, поэтому суды в большей степени обращают внимание на объем и наличие наступивших негативных последствий такого копирования. При их незначительности сотрудник с высокой долей вероятности успешно оспорит свое увольнение, за исключением случаев, когда работодатель сумеет доказать умысел работника на использование таких сведений в личных целях.

5. Размещение в сети «Интернет». Работодатель не может запретить своим сотрудникам создавать аккаунты в социальных сетях, вести собственные частные блоги и в целом пользоваться интернетом. Но он вправе закрепить ограничения в локальных нормативных актах касательно запрета размещения или упоминания ими там соответствующей информации, составляющей коммерческую тайну, и обязательно письменно ознакомить с этим работника. В противном случае суд не усмотрит в действиях работников признаков дисциплинарного проступка.

6. Использование AI-приложений. Относительно недавно в международный предпринимательский оборот стремительно ворвались технологии искусственного интеллекта: так, работники компаний различных отраслей хозяйства для оптимизации

бизнес-процессов все больше и больше используют различные программы, например, ChatGP T. Однако такая «эффективность» таит в себе серьезные риски для компаний: все, что однажды было внесено в ChatGPT, становится общедоступным.

Показательным примером стал случай, произошедший в 2023 году: в Samsung обнаружил ряд утечек конфиденциальной информации (разработки кода) из-за халатного поведения его сотрудников, которые проявили неосторожность в работе с ChatGP T. Для предотвращения подобных ситуаций работодатели могут на локальном уровне ввести запрет использовать аналогичные программы или применить технические ограничения: например, Samsung, учтя печальный опыт, установил ограничение объема каждого вопроса не более чем 1024 байтами при использовании ChatGP T.

Между тем, в ряде случаев фактическая передача работниками информации, составляющей коммерческую тайну работодателя, не признается разглашением, а, значит, такое действие не носит противоправный характер и не должно квалифицироваться как дисциплинарный проступок. Речь идет о следующих ситуациях, признаваемых практикой:

1. Передача работником конфиденциальных сведений правоохранительным органам. Например, в одном деле работница предоставила органам внутренних дел РФ определенные финансовые документы, а также переписку компании-работодателя с контрагентами. Суд встал на ее сторону, признав увольнение незаконным, ссылаясь на то, что по смыслу специального закона переданные сведения не представляют для органов внутренних дел РФ коммерческой ценности, следовательно, данное деяние не может считаться разглашением[2].

2. Передача работником конфиденциальных сведений для целей правосудия. Так, рассматривая спор, суд признал, что переданные работником вместе с иском копии документов должны квалифицироваться в качестве доказательств по делу, а деяние не является актом разглашения коммерческой тайны [3].

3. Не считается также разглашением передача конфиденциальной информации работником другим сотрудникам по защищенным каналам связи работодателя.

Значительное число случаев, когда привлечение к дисциплинарной ответственности признается судами незаконным, связано тем, что разглашенная информация не имела или не может иметь в принципе статус конфиденциальной:

1. Во-первых, это прямо названные в статье 5 ФЗ «О коммерческой тайне» сведения, которые не могут составлять коммерческую тайну. К их числу судебная практика приравнивает также информацию о неработоспособности или плохом качестве продукции компании [6].

2. Во-вторых, это сведения, которые хоть и не включены в ограничительный перечень ста-

ты 5, но в силу их доступности неопределенному кругу лиц не могут считаться конфиденциальными (например, если работодатель размещает какую-то информацию на своем интернет-сайте). Однако можно отметить, что в последнее время суды стали менее формально подходить к оценке «общедоступности» информации. Так, в одном деле суд отказал работнице в иске, отметив, что нахождение незначительного объема конфиденциальных сведений в свободном доступе не исключает их в целом из круга охраняемых законом [4].

Увольнение работника за разглашение коммерческой тайны работодателя, оценивается судами как исключительная мера дисциплинарного взыскания, поэтому при рассмотрении спора учитывается, чем обосновано ее применение. Как показывает практика, чаще всего работодатели не приводят достаточных к тому аргументов, что впоследствии ведет к отмене наложенного дисциплинарного взыскания и восстановлению на работе уволенного сотрудника. Поэтому работодателю при избрании дисциплинарного взыскания за разглашение информации, составляющей коммерческую тайну, надо учитывать: невозможность применения менее строгого взыскания (ввиду их наличия у работника в прошлом), оценка и обоснование потенциального вреда, который может наступить в результате разглашения, наличие корыстного мотива у работника, семейные обстоятельства (например, мать одиночка, многодетная семья), характер разглашенных сведений и др.

Следует заметить, что во многом в оценку таких аспектов положен субъективный критерий, поэтому даже квалификация одних и тех же обстоятельств в ряде случаев рассматривается судами с противоположных позиций. Показателен пример, когда в одном деле суд признал достаточным для увольнения факт замещения работником ключевой должности в организации работодателя и специфику деятельности работника, а в другом деле те же обстоятельства суд посчитал формальными и недостаточными [7].

Таким образом, цифровизация делового оборота предопределила существенные изменения, касающиеся разглашения коммерческой тайны: во многом теперь задействованы электронные сервисы и технические устройства. Привести исчерпывающий перечень случаев разглашения с их использованием пока что видится невозможным, однако по наиболее типичным уже сложилась устойчивая практика. Между тем, следует учитывать, что далеко не каждое распространение сведений является противоправным, также как и не каждое сведения считаются конфиденциальной информацией. Для того чтобы предотвратить или свести к минимуму широкий спектр рисков в сочетании со скрытым характером деятельности в Интернете, работодатели должны предпринять меры юридического и технического характера, чтобы онлайн-сервисы (электронная почта, облачные хранилища, приложения и др.) и системные устройства (флэш-карта, CD-диски и др.) на рабочем месте

не использовались работниками не по назначению, нанося вред компании-работодателю и его конкурентному положению на рынке.

Литература

1. Забегайло Л. А., Авдеев А.А Дисциплинарная ответственность работника за разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну работодателя // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 3–1 (45). С. 90–93.
2. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 июня 2020 г. по делу № 8814792/2020. [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». (дата обращения 23.07.2024)
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 14 января 2021 г. по делу № 330449/2021. [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». (дата обращения 23.07.2024)
4. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 05 мая 2021 г. по делу № 331290/2021. [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». (дата обращения 23.07.2024)
5. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16 декабря 2021 г. по делу № 8827220/2021. [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». (дата обращения 23.07.2024)
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 02 ноября 2021 г. по делу № 33–40876/2021. [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». (дата обращения 23.07.2024)
7. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15 марта 2022 г. по делу № 885648/2022. [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». (дата обращения 23.07.2024)
8. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13 октября 2022 г. по делу № 8830752/2022. [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». (дата обращения 23.07.2024)
9. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24 октября 2022 г. по делу № 8827205/2022. [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». (дата обращения 23.07.2024)
10. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 февраля 2023 г. по делу № 883193/2023. [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». (дата обращения 23.07.2024)
11. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18 апреля 2023 г. по делу № 8810070/2023. [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». (дата обращения 23.07.2024)

BRINGING DISCIPLINARY ACTION AGAINST EMPLOYEES FOR DISCLOSING TRADE SECRETS USING INFORMATION TECHNOLOGY

Frolova A.A.

Novosibirsk State University

The article discusses the specifics of bringing employees to disciplinary responsibility for disclosing trade secrets. The author concludes that global digitalization has a significant impact, including on the protection of confidential information – new ways of disclosing trade secrets by employees have appeared and are actively used. Based on the generalization of current judicial practice, the author provides a list of typical cases of disclosure. In turn, the author notes that not every circumstance of the dissemination of information is considered disclosure by law, as well as not all information of the employer may be confidential. It is concluded that dismissal, as an exceptional measure of liability for disclosure, nevertheless cannot be applied in every case and the employer must take into account the remaining circumstances of disclosure in aggregate.

Keywords: employee, disciplinary responsibility, employer, trade secret, disclosure.

References

1. Zabegailo L.A., Avdeev A.A. Disciplinary liability of an employee for the disclosure of information constituting a trade secret of the employer // International scientific research journal. 2016. No. 3–1 (45). pp. 90–93.
2. Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated June 16, 2020 in case No. 8814792/2020. [Electronic resource] // State Automated System of the Russian Federation “Justice”. (access date 07/23/2024)
3. Appeal ruling of the Moscow City Court dated January 14, 2021 in case No. 330449/2021. [Electronic resource] // State Automated System of the Russian Federation “Justice”. (access date 07/23/2024)
4. Ruling of the St. Petersburg City Court dated May 5, 2021 in case No. 331290/2021. [Electronic resource] // State Automated System of the Russian Federation “Justice”. (access date 07/23/2024)
5. Ruling of the Second Court of Cassation of General Jurisdiction dated December 16, 2021 in case No. 8827220/2021. [Electronic resource] // State Automated System of the Russian Federation “Justice”. (access date 07/23/2024)
6. Appeal ruling of the Moscow City Court dated November 2, 2021 in case No. 33–40876/2021. [Electronic resource] // State Automated System of the Russian Federation “Justice”. (access date 07/23/2024)
7. Ruling of the Second Court of Cassation of General Jurisdiction dated March 15, 2022 in case No. 885648/2022. [Electronic resource] // State Automated System of the Russian Federation “Justice”. (access date 07/23/2024)
8. Ruling of the Fourth Court of Cassation of General Jurisdiction dated October 13, 2022 in case No. 8830752/2022. [Electronic resource] // State Automated System of the Russian Federation “Justice”. (access date 07/23/2024)
9. Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated October 24, 2022 in case No. 8827205/2022. [Electronic resource] // State Automated System of the Russian Federation “Justice”. (access date 07/23/2024)
10. Resolution of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction dated February 21, 2023 in case No. 883193/2023. [Electronic resource] // State Automated System of the Russian Federation “Justice”. (access date 07/23/2024)
11. Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated April 18, 2023 in case No. 8810070/2023. [Electronic resource] // State Automated System of the Russian Federation “Justice”. (access date 07/23/2024)

Развитие правового регулирования института аренды: на примере исполнения обязательств по оплате арендной платы и передачи объекта

Хоролец Дан Валерьевич,

аспирант, кафедра гражданского права Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: Khorolets_law@mail.ru

В статье рассматриваются общие положения о сторонах договора аренды, их применение к договору аренды зданий и сооружений, а также форма и сроки его действия. Автором анализируются различные как доктринальные, так и практические подходы к существенности условия договора аренды зданий/сооружений о сроке, его консенсуальном характере. Также рассмотрены различные доктринальные подходы к праву на односторонний отказ от исполнения договора аренды. Отдельно анализируется важность государственной регистрации обременения недвижимости в виде аренды, особенности исчисления сроков аренды, злоупотребления со стороны арендодателей при такой регистрации. В статье также представлены различные подходы Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ к вопросам об определении сроков аренды, коррелирующие с доктринальными.

Ключевые слова: договор аренды, аренда зданий, сооружений, нежилые помещения, срок аренды.

Время существования вещных правоотношений зачастую безгранично или установлено на неопределенно-долгий срок. Вещное право собственности абсолютно и приобретает навсегда. Его абсолютный характер делает его существование независимым от воли и действий лиц, не являющихся собственником. Суть же обязательственных отношений – принципиальная краткосрочность.

Взаимный интерес сторон к действиям/бездействиям друг друга обусловлен установлением временных границ. Ими определены периоды «актуальности», «ценности» оговоренного поведения [2].

Вступая в договор, субъекты экономического оборота стремятся привнести цивилизованный порядок в свои отношения, установить некие допустимые границы взаимно адресованного поведения. Вопрос «Когда делать?» зачастую имеет гораздо большее значение чем «Что делать?». Надлежащее, но просроченное исполнение обязательства может принести Вашему контрагенту убытки (высока вероятность, что он их Вам перевыставит), а Вам – непоправимую утрату деловой репутации (вряд ли с Вами кто-то захочет вести дела) и законные/договорные штрафные санкции (пени, штрафы и т.д.). В особо безнадёжных просрочках должника контрагент может утратить интерес к принятию объекта недвижимости, и государство дает ему полное право отказаться от принятия исполнения (п. 2 ст. 405 ГК РФ).

Глава 34 ГК РФ ни в изначальной, ни в последующих редакциях не предусмотрела специальных правил для исчисления и фиксации сроков. Пункты 1 и 2 ст. 610 ГК РФ дают участникам отношений полную свободу в форме его определения, предусматривая даже неопределенную продолжительность действия контракта. Вывод о несущественности условия о длительности арендных отношений у зданий/сооружений напрашивается сам собой.

В наше понимание не укладывается позиция классика российского права В.В. Витрянского о его существенном характере. Трактовать это утверждение можно по-разному. С одной стороны, перечень всех возможных существенных условий для любых соглашений изложен в ст. 432 ГК РФ:

- 1) условия о предмете,
- 2) условия, объявленные законом или нормативным-правовым актом как существенные
- 3) условия, чья важность была отдельно отмечена одной из сторон сделки. Исходя из этого, ученый заблуждается. Предмет договора уже согла-

сован, а предписания от государства считать срок договора существенным условием не имеется [4].

С другой стороны, В.В. Витрянский, пускай и своеобразно, стремился подчеркнуть значимость условия о времени использования нанятой недвижимости. Сдача внаем на неопределенный срок является скорее исключением, чем правилом. Для предпринимательской деятельности время – это важный ресурс, и к его расходованию необходим разумный подход [3].

Желая распределить деловую нагрузку, субъекты экономической деятельности принимают обязательства соразмерно его наличию. Среднестатистический домовладелец заинтересован в определенности времени заемной эксплуатации своей недвижимости, ибо исходя из этого он рассчитывает получаемую прибыль от своего капитала. Типичный съемщик уже заложил на стадии финансового планирования своей коммерческой активности предполагаемые доходы от клиентов, отчисления на налоги, на сохранение оборота благ, на поддержание имущества в пригодном состоянии, на «ренду» хозяину и т.д. Таким образом, ученый хотел сказать: продолжительность аренды считается существенным условием в подавляющем большинстве договоров.

Из п. 11 Информационного письма ВАС РФ № 165 следует заявительный порядок придания пожеланию участника оборота данного статуса. Будучи сделанным, заявление автоматически возводит условие о сроке аренды (равно как и любое другое условие) в разряд существенных. Включение в содержание сделки всякой уже достигнутой договоренности по мнению М.И. Брагинского не оставляет сомнения для признания ее существенным условием.

Деловая важность не нивелирует императивных правил ГК РФ. Пункты существенных условиях сформированы по тексту безапелляционно и не подлежат игнорированию. Не имея оснований признать условие о сроке договора аренды зданий/сооружений существенным на основе действующих нормативно-правовых актов мы, тем не менее, не можем отрицать его значимость для принятия решения о вовлечении имущества в эксплуатацию [5].

Идеальная модель договора предполагает размещение в нем свойств юридического факта (индивидуального акта) и правоотношения. Здание/сооружение должно передаваться единомоментно с заключением договора, а по его окончанию – незамедлительно возвращено в тот же день. Само собой, на деле эта схема маловероятна. Срок действия договора – лишь предполагаемое время для реализации имущественных интересов участников сделки, а договор-индивидуальный акт служит лишь внешним его закреплением. Договорное правоотношение может продлиться гораздо дольше. К примеру, если арендатор просрочит возврат занятого помещения, арендодатель наделен по ст. 622 ГК РФ правом требовать от него возмещения периодов «бездоговорного пользования»

по ставке согласованной арендной платы. Продление договорного правоотношения может быть вызвано разбирательством по уплате причитающихся пеней и штрафов.

Сам договор может содержать обязанность передать вещь арендатору на будущий период. Предусмотренные договором обязательства совершенно не должны совпадать с датой заключения. Консенсуальность договора предполагает возможность «оттеснения» момента передачи владения и/или пользования арендатору. Фиксация движения имущества по акту приема-передачи уже закладывает в себя документальное оформление на основании заключенного договора. Следовательно, срок действия договора аренды и срок активности права арендатора пользоваться нанятой недвижимостью нередко различаются, но оба они всегда находятся в рамках «большого» обязательственного правоотношения [6].

На основании анализа общих положений о сроках и о соглашениях найма недвижимости в гражданском праве, а также правоприменительной практики мы можем выделить несколько вариаций формирования условий о сроке.

Сначала стоит рассмотреть базовое для всех условие о «неограниченном сроке» аренды. При отсутствии согласования условия о сроке ст. 610 ГК РФ в п. 2 провозглашает договор заключенным на неопределенный срок с правом расторжения в любой момент по заявлению одной из сторон. Особый характер объектов аренды накладывает на стремящееся к расторжению договора лицо дополнительное ограничение в виде временных рамок на заявление о расторжении договора: оно должно быть сделано не позднее чем за три месяца до предполагаемой даты завершения отношений. По согласованию его можно увеличить или уменьшить.

Разделы ГК РФ об обязательствах допускают наделение стороны предпринимательской деятельности правом на односторонний отказ от договора, в том числе обусловленное уплатой определенной денежной суммы за отказ (п. 3 ст. 310 ГК РФ). Значения не имеет договорное или законное происхождение обозначенного права.

Систематическое толкование выделенных норм должно наталкивать нас на мысль об их диспозитивности, но в дело вмешались ВАС РФ и ВС РФ. Первый установил основные принципы разделения императивных и дозволильных норм. В п. 3 ППВАС РФ № 16 обуславливалось классифицирование норм как исходя из наличия явно выраженных запретов ее изменения по соглашению сторон, так и по смыслу регулируемых отношений. Если того требует необходимость защиты общественных интересов, обеспечение сущности сложившегося обязательства или баланса интересов сторон, судам предписывается на основании обстоятельств спора допускать ограничительное толкование норм без явно сформированного запрета на их корректировку [7].

ВАС РФ для наглядности приводит именно п. 2 ст. 610 ГК РФ. Отмечая отсутствие в ней ярко выраженного запретительного начала, канувший в Лету судебный орган считал исключение одностороннего отказа от бессрочного договора аренды противоречащим самой сути отношений аренды. Извлечение из аренды временного характера лишает саму конструкцию способности удовлетворять специфические коммерческие интересы сторон, фактически превращая его в суррогат купли-продажи или ренты. Положительность трактовки ВАС РФ повсеместно отмечалась современниками.

Конституционный суд Российской Федерации (далее также – «КС РФ») видел в действующей редакции п. 2 ст. 610 ГК РФ некий гарант прав сторон контракта аренды неопределенной продолжительности. Немотивированный отказ, как отмечала О.Н. Захарова – единственное возможное средство для обеспечения баланса интересов арендатора и арендодателя в контрактах с таким сроком [8].

О природе и о важности государственной регистрации мы высказались в предыдущих параграфах. Формат определения срока напрямую влияет на ее необходимость. Пункт 2 ст. 651 ГК РФ устанавливает барьер актуальности регистрации для договоров на срок не менее года. Проще говоря, посредством буквального толкования в придании абсолютной силы нуждаются лишь соглашения на срок длительностью от 1 года и более.

Отношения с неопределенным сроком действия могут тянуться долгие годы, не говоря уже о достижении барьера актуальности. На вопрос о потребности в государственной регистрации таких соглашений может быть дан двоякий ответ, и только пост-фактум: и аренда, продолжавшаяся сравнительно недолго, и долгосрочная аренда обычно уже заканчиваются до момента постановки теоретиками вопроса о целесообразности/нецелесообразности ее регистрации.

В Информационном письме от 16.02.2021 № 59 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» ВАС РФ в этой части делает два последовательных вывода:

- п. 10 – автоматическая пролонгация договора аренды зданий/сооружений продолжительностью менее года не образует состояния государственной регистрации. Поставленный «под микроскоп» ВАС РФ договор аренды имел условие об автопродлении по завершении 11 месяцев на такой же срок в отсутствие выраженного какой-либо из сторон возражения. ВАС РФ согласился с мнением нижестоящих судов о появлении вследствие активации данного условия нового договора, государственной регистрации не требующего.
- п. 11 – возобновление уже истекшего договора аренды зданий/сооружений до неограниченного срока не образует потребности в его «опу-

бличивании» с использованием регистрационных мероприятий.

Полагаем в этой части вопрос закрытым [9].

Следующий по порядку, но первый по применимости – это срок в календарных величинах. Здесь все по стандарту – часы, дни, месяцы, кварталы, года. Минимальных/максимальных планок нет. Единственная особенность – влияние срока на необходимость государственной регистрации договора. По понятным причинам стороны порой ее избегают.

Главной причиной своеобразной чехарды в выборе итогового условия о времени правовой связи мы полагаем Налоговый кодекс РФ, а именно пп. 22 ч. 1 ст. 333.33 – государственная пошлина. Организации принуждают уплатить аж 22 000,00 рублей за проставление этой отметки. Во внимание не берется ни размер предполагаемой арендной платы и затрат на имущество, ни даже стоимость самого объекта. Соизмеримость пошлины со стоимостью месячной платы за аренду вызывает у сторон сделки возмущения.

Ожидаемым следствием этого стало манипулирование сроком договора. Ухищряются участники оборота различными способами: тут и договоры только на 11,5 месяцев, на 11 месяцев и 29 дней (за вычетом последнего дня последнего месяца), дополнительные соглашения и условия об автопродлонгации [11].

«Игра в слова» базируется в основном на использовании служебных частей речи – предлогов «до», «по», «включая», «кроме» и т.д. Устав от различного рода ухищрений, судьи ВАС РФ приняли решение ограничить совсем потерявших совесть наемщиков и владельцев недвижимости. Для выяснения подлежит ли договор государственной регистрации, Информационное письмо ВАС РФ № 66 (п. 3) разрешило приплюсовывать к итоговому сроку с первого до последнего числа соответствующего месяца однодневного срока один день, склонив чашу весов в пользу признания госрегистрации таких договоров обязательной.

Не можем не отметить языковую некорректность данной позиции. Она, к тому же, идет вразрез с впоследствии высказанными ВАС РФ соображениями. При решении вопроса о необходимости государственной регистрации в споре акционерного общества и общеобразовательной школы вопреки письму устанавливалось: предлог «до» отрезает все прочее время после себя и не вбирает приставленное к себе число. Семантически именно предлог «по» должен, казалось бы, пониматься в значении «включая указанную дату» [10].

Параллельно может существовать совершенно иное восприятие содержание предлога «до», от включения указанной даты и вплоть до неопределенности временной границы начала отсечения.

При наличии сильного желания не опубликовать сделку и выжать из доступного окологодичного срока максимум можем порекомендовать не забывать о различиях в восприятии различными судьями предлогов «до» и «по». Лучше убраться па-

ру-тройку дней от конечной даты, чтобы договор однозначно считался заключенным на срок менее года и не подлежал регистрации.

Мы считаем, что законодателью нужно проявить мягкость и снизить размеры регистрационной пошлины для юридических лиц хотя бы в два раза. Стоимость этой государственной услуги явно завышена, но может навести участников аренды на сомнительные мысли о целесообразности уплаты денежных средств за нее.

Одновременная важность и кажущаяся фривольность государственной регистрации подталкивает нас немного порассуждать о ней в рамках обязательственной сферы сторон договора аренды. Глава 34 ГК РФ ограничилась лишь указанием на долженствование факта регистрации. Кто должен обращаться за ее проведением – вопрос открытый.

Пунктом 1 ст. 51 ФЗ «О госрегистрации» правом на обращение за государственной регистрацией договора аренды зданий/сооружений наделяется любая из сторон сделки. Иногда они могут даже обратиться совместно. Явно и недвусмысленно следует, что обязанность зарегистрировать договор ни за кем не закреплена. Юридические журналы и информационные статьи советуют приписать в содержании договора, кто осуществляет регистрацию и несет на нее расходы. Мы присоединяемся к этой рекомендации.

В предыдущем параграфе мы уже заводили речь о многогранности понятия предоставления имущества. Статический элемент предоставления заключается в максимальном ограждении арендатора от любых внутренних/внешних факторов, способных умалить его возможности эксплуатировать вещь. Но будет ли являться недостижение абсолютного эффекта договора ненадлежащим исполнением арендатора?

По закону – нет. Такие вещи обычно должны облекаться законодателем в форму позитивного обязывания и предписываться кому-то из участников сделки. Регистрация договора может производиться в том числе и пост-фактум введения арендатора во владение и/или пользование нанятыми площадями. Действия сверх этого он совершает лишь для поддержания отношений вещи и нанимателя.

Но если регистрация договора – не обязанность, тогда, может быть, она – чье-то право? Больше всего в этом может быть заинтересован арендатор. Сохранение договора после смены собственника зданий/сооружений или приоритет в заключении договора на новый срок – то, чего он может потенциально лишиться. Проще говоря, у арендатора есть право на регистрацию договора аренды зданий/сооружений. То же право есть и у арендодателя, но в обоих случаях ему не корреспондирует обязанность контрагента.

Приведем пример. Гипотетический субъект собирается взять кредит для открытия своего бизнеса. Он присмотрел кредитные предложения и выбрал наиболее подходящее. Банк готов предоставить ему кредит, но только при наличии у будущего

предпринимателя зарегистрированного договора аренды коммерческих площадей. Он обращается к собственнику недвижимости с просьбой о заключении договора. Стороны оформляют сделку, но никто за госрегистрацией из них не торопится. Новоиспеченный арендатор сам готов пойти, но у него недостает необходимых для регистрации договора документов.

В принципе, арендатор мог бы потребовать от арендодателя предоставить документы, сославшись на ст. 611 ГК РФ в связи с непредоставлением необходимых для использования имущества по назначению. Но действительно ли документы так необходимы ему для эксплуатации? [12]

Думается что при данном исходе логичнее и рациональнее будет воспользоваться ст. 165 ГК РФ и п. 63 совместного Постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 2010 года и обратиться в суд с требованием о понуждении к государственной регистрации договора аренды.

Ответчиком, безусловно, будет недобросовестный арендодатель. Но судебная власть, опять же, не призвана обязать его пойти и зарегистрировать сделку. Целью подобной тяжбы является установление оснований для регистрации сделки, восполнение пробела в необходимой для осуществления государственной регистрации документации. Вместо запряженных у себя арендодателем документов арендатор получит судебное решение, с которым обратится в органы государственной регистрации и получит нужную ему запись. Считаем, что нормативное закрепление обязанности по осуществлению опубликования заключенного договора за арендодателем, как за лицом, обладающим всем перечнем документации на объект аренды, могла бы быть осуществлено на уровне ГК РФ для придания этим отношениям большей дисциплинированности. Мы допускаем ее оформление диспозитивной нормой, с возможностью перераспределения на арендатора или поровну на обе стороны.

Не можем не отметить, что неопределенности и разночтения в восприятии института государственной регистрации в законе, в теории и судебной практики не способствуют укреплению его авторитета среди исследователей.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в действ. ред.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Алексеев В.А. Новое в законодательстве о недвижимых вещах: критический комментарий // Закон. 2022. № 4. С. 101–112.
3. Будаченкова, Е.А. Перемещение зданий и сооружений: российский и международный опыт // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 81–1. С. 118–122.
4. Васильева А.А., Поломошнова Е.А. Синаллагматический договор: проблемы неопределенности содержания // В сборнике: Лучшая сту-

денческая статья 2020. Сборник статей II Международного научноисследовательского конкурса. В 5-ти частях. 2020. С. 251–256.

5. Гражданское право: учебник: в 2 т. / О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо и др.; под ред. Б.М. Гонгалю. – Москва: Статут, 2016. Т. 2. – 528 с.
6. Дубровская И. Арендатор или арендодатель: на ком бремя расходов? // «ЭЖ-Юрист». 2017. № 43 (994). [Электронный ресурс] (дата обращения: 05.04.2023) URL: <https://www.eg-online.ru/article/359132/>
7. Ёрш А.В. Аренда зданий и иных сооружений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – Москва, 2003. – 207 с.
8. Жевняк О.В. Договор аренды части вещи: теория и арбитражная практика // Имущественные отношения в РФ. 2017. № 4 (187). С. 20–36.
9. Ковалева О.А., Цветков М.А. Понятие здания и сооружения как объектов недвижимости // В сборнике: Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. Сборник материалов XXXVIII Молодежной международной научно-практической конференции. Под общей редакцией С.С. Чернова. 2017. С. 152–160.
10. Крайнев А. Ремонтируем арендованное помещение // ЭЖ-Бухгалтер. 2017. № 40 (9706). С. 22–28.
11. Мещерякова М.Е. Договор аренды нежилых помещений в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – Владикавказ, 2007. – 184 с.
12. Соломина Н.Г. Договор на передачу части имущества во временное пользование в практике хозяйствующих субъектов: вопросы квалификации // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6. С. 55–62.

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTION OF LEASE: ON THE EXAMPLE OF THE FULFILLMENT OF OBLIGATIONS TO PAY RENT AND TRANSFER THE PROPERTY

Khorolets D.V.

O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGU)

The article discusses the general provisions on the parties to the lease agreement, their application to the lease agreement for build-

ings and structures, as well as the form and duration of its validity. The author analyzes various both doctrinal and practical approaches to the materiality of the terms of the building lease agreement/ It's about the deadline, its consensual nature. Various doctrinal approaches to the right to unilateral waiver of the lease agreement are also considered. Separately, the importance of state registration of encumbrance of real estate in the form of a lease, the specifics of calculating lease terms, abuse by landlords during such registration are analyzed. The article also presents various approaches of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation to the issues of determining lease terms, correlating with doctrinal ones.

Keywords: lease agreement, lease of buildings, structures, non-residential premises, lease term.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation dated 11/30/1994 No.51-FZ (in effect. ed.) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No.32. St. 3301.
2. Alekseev V.A. New in the legislation on immovable things: a critical comment // Law. 2022. No. 4. Pp. 101–112.
3. Budachenkova, E.A. Moving buildings and structures: Russian and international experience // Trends in the development of science and education. 2022. No. 81–1. pp. 118–122.
4. Vasilyeva A.A., Polomoshnova E.A. Synallagmatic contract: problems of uncertainty of content // In the collection: The best student article 2020. Collection of articles of the II International Scientific Research Competition. In 5 parts. 2020. pp. 251–256.
5. Civil law: textbook: in 2 volumes / O.G. Alekseeva, E.R. Aminov, M.V. Bando, etc.; edited by B.M. Gongalo. – Moscow: Statute, 2016. Vol. 2. – 528 p.
6. Dubrovskaya I. Tenant or landlord: who bears the burden of expenses? // “EJ-Lawyer”. 2017. № 43 (994). [Electronic resource] (date of access: 04/05/2023) URL: <https://www.eg-online.ru/article/359132/>
7. Ruff A.V. Rental of buildings and other structures: dis. ... cand. Jurid. sciences': 12.00.03 – Moscow, 2003. – 207 p.
8. Zhevnyak O.V. Lease agreement for a part of a thing: theory and arbitration practice // Property relations in the Russian Federation. 2017. No.4 (187). pp. 20–36.
9. Kovaleva O.A., Tsvetkov M.A. The concept of buildings and structures as real estate objects // In the collection: The intellectual potential of the XXI century: the stages of knowledge. Collection of materials of the XXXVIII Youth International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of S.S. Chernov. 2017. pp. 152–160.
10. Krainev A. Repairing rented premises // EZH-Accountant. 2017. No.40 (9706). pp. 22–28.
11. Meshcheryakova M.E. Lease agreement for non-residential premises in the civil law of the Russian Federation: dis. ... cand. Jurid. sciences': 12.00.03 – Vladikavkaz, 2007. – 184 p.
12. Solomina N.G. The contract for the transfer of part of the property for temporary use in the practice of business entities: issues of qualification // Bulletin of arbitration practice. 2021. No. 6. pp. 55–62.

Подходы к разработке правовой регламентации реализации дистанционными работниками коллективных трудовых прав

Чаштанова Диана Петровна,

магистрант, кафедра гражданского права Института философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: diana_2000_2806@mail.ru

В статье анализируются проблемы реализации дистанционными работниками коллективных трудовых прав. Отмечается, что в РФ отсутствует специальное правовое регулирование по рассматриваемому вопросу. Действующее трудовое законодательство предусматривает только общие положения, которые следует применять как в классических трудовых отношениях, так и в новых формах занятости, в том числе для регулирования дистанционного труда. Анализируются доктринальные позиции отечественных исследователей, которые акцентируют внимание на существование обозначенных проблем и видят необходимость в разработке специальной правовой регламентации посредством модернизации гл. 49.1 ТК РФ. Более обоснованной представляется позиция ученых, предлагающих создать цифровые профсоюзы на основе технологии блокчейн, с помощью которых возможно усиление гарантий представительства наиболее социально незащищенных работников. Делается вывод, что на сегодняшний день отсутствует необходимость в разработке специального правового регулирования по поставленному вопросу. Представляется, что норм общих положений российского трудового законодательства достаточно для решения рассматриваемых проблем. При этом не отрицается потребность в изменении действующих правил, установленных в Общей части ТК РФ.

Ключевые слова: дистанционная работа, дистанционный работник, трудовые отношения, социальное партнерство в сфере труда, право на объединение, право на забастовку.

Основной закон Российской Федерации наделяет правами на объединение и беспрепятственного участие в коллективных трудовых спорах каждого человека и гражданина (ст.ст. 31, 37 Конституции РФ). Данные права взаимосвязаны и включают в себя, прежде всего, право создавать профессиональные союзы для защиты своих прав и интересов, как индивидуальных, так и коллективных, а также право на забастовку. Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ) конкретизирует рассматриваемые положения в разделах, посвященных социальному партнерству в сфере труда (раздел II ТК РФ) и рассмотрению и разрешению трудовых споров (раздел XIII ТК РФ).

Примечательно, что на уровне Европейского Союза вопрос предоставления дистанционным работникам коллективных трудовых прав регулируется в специальном Рамочном соглашении о телеработе 2002 г. (далее – Соглашение), нормы которого нашли отражение в законодательстве большинства стран – членов Европейского Союза. В разделе 11 приведенного Соглашения закреплено базовое положение, согласно которому удаленные работники находятся в равном положении по сравнению с работниками на стационарных рабочих местах, реализуя коллективные права в полном объеме [11]. Казалось бы, указанное правило должно презюмироваться, но его провозглашение в рамках не только традиционного труда, но и дистанционной работы подчеркивает важность анализируемого вопроса для работников, занятых в новых нетипичных формах занятости. Вместе с тем указанное Соглашение не устанавливает отличные от общеустановленных положений, которые бы продемонстрировали специальное правовое регулирование предоставления дистанционным работникам коллективных трудовых прав.

Международная организация труда акцентирует внимание на том, что во всем мире более половины лиц, занятых в нестандартных формах занятости, не имеют возможности реализовать право на объединение, поскольку данное право на них не распространяется либо в соответствии с законом, либо в связи с различными субъективными причинами, например страхом [10]. В свою очередь, в отечественной доктрине вопрос предоставления дистанционным работникам коллективных трудовых прав активно обсуждается, причем как до внесения изменений в гл. 49.1 ТК РФ, так и после, что связано с неурегулированием поставленной проблемы в обновленной редакции данной главы. В качестве причин, препятствующих реализовать дистанционными работниками право на объединение, указы-

ваются исключение дистанционных работников из общей организационной структуры работодателя, территориальная разобщенность между ними и основным коллективом работников [1, с. 127]. Тем не менее ч. 4 ст. 312.1 ТК РФ распространяет на труд дистанционных работников общие положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, которые призваны регулировать аспекты, оставшиеся за пределами специальной правовой регламентации.

Большинство российских исследователей придерживаются позиции, согласно которой действующее правовое регулирование дистанционной работы не предусматривает механизм защиты коллективных трудовых прав дистанционных работников. Так, например, Н.Л. Лютов называет осуществление дистанционными работниками права на объединение законодательным пробелом, предлагая закрепить специальные нормы в трудовом законодательстве [6, с. 43]. Н.В. Черных, анализируя обновленную редакцию гл. 49.1 ТК РФ, также указывает, что новые нормы не затрагивают «старую» проблему отсутствия специальной правовой регламентации обозначенного вопроса [9, с. 41]. Н.В. Закалюжная полагает, что, невзирая на отсутствие как такового общественного запроса со стороны дистанционных работников, осуществление последними коллективных трудовых прав необходимо соответствующим образом урегулировать [3, с. 35].

Как отмечают Ю.В. Васильева и С.В. Шуралева, осуществление дистанционными работниками коллективных трудовых прав выходит за рамки дифференцированного подхода, установленного гл. 49.1 ТК РФ, которая регулирует исключительно индивидуальные трудовые отношения. Подобное положение дел можно объяснить тем, что дистанционная работа относится к новым формам занятости, развиваясь постепенно [2, с. 36]. На данный момент фокус внимания со стороны законодателя и правоприменителя сосредоточен на индивидуальных трудовых правах и обязанностях, которые, по справедливому замечанию М.В. Лушниковой и А.М. Лушниковой, первичны по отношению к коллективным правам и обязанностям [5, с. 226]. Вместе с тем речь идет лишь только о выделении специфики по указанному вопросу. Приведенное мнение не означает, что дистанционными работниками лишены защиты коллективных трудовых прав.

Несмотря на превалирование мнений «за» разработку специального правового регулирования предоставления дистанционным работникам права на объединение, в доктрине, как правило, не предлагаются конкретные законодательные конструкции, которые должны найти отражение в гл. 49.1 ТК РФ. Можно предположить, что для отражения специфики дистанционного труда в рассматриваемом контексте проблематично сформулировать предложения, не дублирующие нормы, предусмотренные Общей частью ТК РФ.

Вместе с тем К.В. Нуштайкина, поддерживая точку зрения о том, что дистанционным работни-

кам затруднительно объединяться в профсоюзы, предлагает альтернативный вариант представительного органа работников – совет общего собрания работников организации, который должен избираться на общем собрании (конференции) работников. По мнению К.В. Нуштайкиной, на сегодняшний день на законодательном уровне требуется закрепить нормы, касающиеся правового статуса общего собрания работников, порядка его формирования. Однако указанные вопросы стоит отразить в общих положениях трудового законодательства, распространяющихся на всех работников, в том числе дистанционных [7, с. 154–155]. Важно отметить, что мнение приведенного автора не направлено на разработку специальной правовой регламентации, а связано с необходимостью модернизировать существующие основополагающие нормы, применение которых возможно как в классических трудовых отношениях, так и в новых формах организации труда.

Интересной представляется позиция С.И. Котовой, которая считает, что в целях эффективного правового регулирования реализации работниками коллективных трудовых прав в условиях цифровой экономики необходимо создать цифровые профсоюзы на основе технологии блокчейн. С.И. Котова убеждена, что цифровые профсоюзы могут повысить гарантии представительства социально незащищенных работников, особенно тех, кто трудится в новых формах занятости, а внедрение технологии блокчейн – способствовать увеличению количества работников, состоящих в профсоюзе, обеспечивая высокую безопасность хранения и учета персональных данных. Для дистанционных работников, использующих в процессе выполнения трудовой функции и осуществления взаимодействия с работодателем цифровые технологии, предлагаемая форма объединения является наиболее актуальной. Среди преимуществ цифровых профсоюзов на основе технологии блокчейн перед традиционным профсоюзом автор называет повышенную прозрачность, ускоренное взаимодействие, снижение производственных издержек [4, с. 11–12]. Идея создания цифровых профсоюзов на основе технологии блокчейн была поддержана О.Ю. Павловской, которая видит в такой инновационной форме объединения работников их потенциально повышенную защиту и усиленные гарантии права на представительство и права на объединение [8, с. 57].

Таким образом, не отрицая проблемы реализации дистанционными работниками коллективных трудовых прав, следует сделать вывод, что в разработке дифференцированного подхода посредством внесения изменений в гл. 49.1 ТК РФ нет объективной необходимости, поскольку для решения обозначенных проблем представляется достаточным применение общих положений трудового законодательства, модернизация которых требуется для регулирования труда как дистанционных работников, так и работников в рамках традиционных трудовых отношений.

Литература

1. Бобков В. Н., Головина С.Ю., Войтковская И.В. и др. Трудовые отношения в условиях развития нестандартных форм занятости. М.: Проспект, 2022. 256 с.
2. Васильева Ю. В., Шуралева С.В. О коллективных трудовых правах дистанционных работников: постановка проблемы // Трудовое право в России и за рубежом. 2015. № 4. С. 35–38.
3. Закалюжная Н.В. Перспективы развития правового регулирования дистанционных трудовых отношений // Законодательство. 2016. № 5. С. 34–40.
4. Котова С.И. Концепция трудовой занятости: цифровые профсоюзы, право на трудоустройство, абсолютное социально-обеспечительное отношение // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 10–13.
5. Лушникова М. В., Лушников А.М. Очерки теории трудового права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 938 с.
6. Лютов Н.Л. Новые нормы о дистанционном труде: решены ли старые проблемы? // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74, № 6(175). С. 36–45.
7. Нуштайкина К.В. Реализация права работников на социальное партнерство в условиях дистанционного труда // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 3. С. 152–156.
8. Павловская О.Ю. Цифровые профсоюзы. Право на объединение и представительство: новые вызовы // Вопросы трудового права. 2022. № 1. С. 56–61.
9. Черных Н.В. Достоинства и недостатки новой редакции главы 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 12(181). С. 32–43.
10. ILO. Issue Brief no. 3 – Labour Relations and Collective Bargaining. Collective Bargaining and Non-standard Forms of Employment: Practices that Reduce Vulnerability and Ensure Work is Decent. December 2015. URL: https://www.ilo.org/global/topics/collective-bargaining-labour-relations/publications/WCMS_436125/lang-en/index.htm (дата обращения: 21.07.2024).
11. Framework agreement on telework. URL: https://resourcecentre.etuc.org/sites/default/files/2020-09/Telework%202002_Framework%20Agreement%20-%20EN.pdf (дата обращения: 21.07.2024).

APPROACHES TO THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE IMPLEMENTATION OF COLLECTIVE LABOR RIGHTS BY REMOTE WORKERS

Chashtanova D.P.
Novosibirsk State University

The article analyzes the problems of the implementation of collective labor rights by remote workers. It is noted that in the Russian Federation there is no special legal regulation on the issue under consideration. Current labor legislation provides only general provisions that should be applied both in classic labor relations and in new forms of employment, including for the regulation of remote work. The doctrinal positions of domestic researchers are analyzed, who focus on the existence of the identified problems and see the need for the development of special legal regulation through the modernization of Chapter. 49.1 Labor Code of the Russian Federation. The position of scientists who propose to create digital trade unions based on blockchain technology seems more reasonable, with the help of which it is possible to strengthen guarantees of representation of the most socially vulnerable workers. It is concluded that today there is no need to develop special legal regulation on this issue. It seems that the general provisions of Russian labor legislation are sufficient to solve the problems under consideration. At the same time, the need to change the current rules established in the General Part of the Labor Code of the Russian Federation is not denied.

Keywords: remote work, remote worker, labor relations, social partnership in the sphere of labor, the right to association, the right to strike.

References

1. Bobkov V.N., Golovina S.Yu., Voitkovskaya I.V. et al. Labor relations in the development of non-standard forms of employment. M.: Prospekt, 2022. 256 p.
2. Vasilyeva Yu. V., Shuraleva S.V. On collective labor rights of remote workers: problem statement // Labor law in Russia and abroad. 2015. No. 4. P. 35–38.
3. Zakalyuzhnaya N.V. Prospects for the development of legal regulation of distance labor relations // Legislation. 2016. No. 5. P. 34–40.
4. Kotova S.I. Concept of labor employment: digital trade unions, the right to employment, absolute social security attitude // Labor law in Russia and abroad. 2018. No. 2. P. 10–13.
5. Lushnikova M.V., Lushnikov A.M. Essays on the theory of labor law. St. Petersburg: Legal Center Press, 2006. 938 p.
6. Lyutov N.L. New norms on remote work: have old problems been solved? // Lex Russica (Russian law). 2021. T. 74, No. 6(175). pp. 36–45.
7. Nushtaikina K.V. Realization of workers' rights to social partnership in conditions of remote work // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2013. No. 3. P. 152–156.
8. Pavlovskaya O. Yu. Digital trade unions. The right to association and representation: new challenges // Issues of labor law. 2022. No. 1. P. 56–61.
9. Chernykh N.V. Advantages and disadvantages of the new edition of Chapter 49.1 of the Labor Code of the Russian Federation // Lex Russica (Russian Law). 2021. T. 74. No. 12(181). pp. 32–43.
10. ILO. Issue Brief no. 3 – Labor Relations and Collective Bargaining. Collective Bargaining and Non-standard Forms of Employment: Practices that Reduce Vulnerability and Ensure Work is Decent. December 2015. URL: https://www.ilo.org/global/topics/collective-bargaining-labour-relations/publications/WCMS_436125/lang-en/index.htm (accessed on July 21, 2024).
11. Framework agreement on telework. URL: https://resourcecentre.etuc.org/sites/default/files/2020-09/Telework%202002_Framework%20Agreement%20-%20EN.pdf (accessed on July 21, 2024).

Анализ дополнительных обстоятельств, учитываемых при назначении наказания несовершеннолетним

Андреева Яна Валерьевна,

магистр по направлению «Уголовное право и уголовное судопроизводство», Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: yana.andr06@mail.ru

Обстоятельства, подлежащие учету при назначении наказания несовершеннолетним, закреплены в статье 89 УК в виде, отличном от общих положений главы 10 УК и выраженном в дополнениях, которые должны быть приняты во внимание по отношению к указанной социальной группе. Критическое отношение к фактическому воплощению данного требования, отражающемуся в судебной практике, стало побуждением к поиску путей ее совершенствования и представлению вышеупомянутых обстоятельств сквозь более подросткоориентированную призму, что явилось целью работы. Для достижения данного тезиса в процессе исследования был проведен анализ судебной практики Российской Федерации, положенный в основу поочередного изучения каждого из дополнительных обстоятельств, поименованных в статье 89 УК, и позволивший не только наполнить каждое из них конкретным содержанием, но и сформулировать рекомендацию по их более широкому пониманию относительно обычного и устоявшегося – обусловленному влиянием сети Интернет. Методологическая основа работы представлена диалектическим, группой социологических (документальный, метод социологического опроса) методов.

Ключевые слова: несовершеннолетние, назначение наказания, формальный подход, интернет-пространство, влияние сети Интернет.

Направления социальной трансформации, прослеживающиеся на данный момент и заключающиеся, помимо прочего, в раскоординации психологических характеристик личности, типично свойственных тем или иным возрастным отрезкам и фактически проявляющихся на практике, сведении преимущественной доли деятельности к нахождению в сети Интернет, выступают факторами, влияющими на процесс применения уголовной ответственности и назначения наказания. Особенно остро такое влияние отражается на той социальной группе, которой приведенные тенденции преимущественно свойственны, – несовершеннолетние. А учитывая повышенную вредоносность преступности последних не только для общественных отношений, на которые осуществляется посягательство, но и самого лица, личностное развитие которого еще не завершилось, актуальным видится достижение согласованности между динамичным социальным развитием и относительно статичными нормами об особенностях наказания несовершеннолетних.

Как следует из статьи 89 УК, иными обстоятельствами, которые суды должны принимать во внимание наряду с общими, закрепленными в части 3 статьи 60 УК, являются условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц.

Согласно педагогическому словарю, под условиями жизни понимаются все обуславливающие образ жизни факторы (материальные, природные, социальные, политические, духовно-нравственные, культурные) [5]. Воспитанием является целенаправленный процесс воздействия на человека, способствующий становлению его личности, формированию у него комплекса или отдельных видов культуры (физической, духовной, эстетической и др.). Условия жизни и воспитания несовершеннолетнего в таком контексте будут представлять собой совокупность факторов окружающего мира, опосредующих образ жизни, становление, развитие личности несовершеннолетнего и влияющих на качество усвоения несовершеннолетним нравственных и правовых норм и принципов, формирование его личностных черт и образцов поведения.

По смыслу Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», условия жизнедеятельности человека являются благоприятными, если вредное воздействие ее факторов на человека отсутствует и имеются возможности для восстановления нарушенных функций организма человека

(ст. 1). Форма отчета об условиях жизни и воспитания ребенка в семье усыновителя (удочерителя), будучи приложением к Порядку формирования, ведения и использования государственного банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей, утвержденному приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 15.06.2020 № 300, содержит следующие показатели, наполняющие термин «условия жизни и воспитания» конкретным содержанием.

В первую очередь освещению подлежит вопрос удовлетворения потребностей ребенка. Критериями его оценки служат забота о здоровье, нормальном физическом развитии; получении школьного и дополнительного образования, в том числе проблемах, возникающих в рамках этого процесса; развитие способностей через занятия в кружках, спорт и игры; помощь в его адаптации в обществе, включая анализ адекватности поведения в различных ситуациях; развитие навыков самообслуживания, среди которых умение самостоятельно справляться с социальными и бытовыми задачами.

Отдельную демонстрацию в отчете получает пункт, связанный с удовлетворением базовых потребностей ребенка в пище, жилье, одежде, медицинской помощи, безопасности, а также заботе и эмоциональном тепле.

Немаловажную роль в поддержании нормальных условий жизни и воспитания ребенка играют факторы семьи и окружения. Они раскрываются через влияние на развитие ребенка членов семьи, изменения в ее составе, семейные ценности и традиции, природу внутрисемейных взаимоотношений, а также контакты со сверстниками, педагогами, воспитателями, соседями, знакомыми. Анализ судебной практики, складывающейся в Российской Федерации и касающейся применения статьи 89 УК (было изучено 60 вступивших в законную силу приговоров за 2020–2024 годы), продемонстрировал, что суды зачастую констатируют факты проживания несовершеннолетнего в семье либо отдельно от определенных родственников; состояние здоровья последних; количество детей в семье; сложную, конфликтную или благоприятную семейную обстановку; материальную, бытовую помощь с его стороны [7].

В одном ряду с ними стоят жилищно-бытовые условия: принадлежность жилой площади, ее размер и благоустройство, обеспечиваемый уровень удобств и комфорта, удовлетворение потребностей ребенка в личном пространстве: отдельной комнате, месте для игр и учебы, кровати; трудовая занятость родителей и иных взрослых членов семьи, график работы и его влияние на ребенка; уровень дохода и возможность обеспечить всем необходимым; ресурсы по месту жительства: доступность образовательных, культурных, медицинских организаций, что во многих приговорах сопровождается простой ссылкой на благоприятность данных условий и (или) наличие личного пространства (например, своей комнаты) [10].

Данная форма достаточно обширно определяет факторы, относящиеся к условиям жизни и воспитания несовершеннолетнего. Однако в ней хоть и затрагиваются все сферы, обуславливающие формирование личности ребенка, ввиду характера самого документа и его прикладного назначения они представлены в достаточно разрозненном, иногда дублирующем виде. В этой связи целесообразным видится обращение к научным разработкам, систематично раскрывающим содержание рассматриваемого понятия.

Акцентируя внимание на окружении несовершеннолетних, С.В. Данелян и З.В. Овчаренко рассматривают данный фактор в контексте трех направлений [1]. Первое направление, в позиции авторов, получает воплощение посредством роли, которую несовершеннолетний занимает в наиболее близком окружении – семье. Разработанный перечень в этой части включает в себя общие отношения с семьей; ценность и значимость для несовершеннолетнего родителей и то, насколько последние способны влиять на его поведение, направляя в нужное русло и нивелируя делинквентные проявления; характер и частоту конфликтных ситуаций; безнадзорное поведение, бродяжничество. В этом контексте учету подлежат и менее детоцентрированные факторы, такие как общий состав семьи, личностные характеристики родителей, нахождение ребенка вне семьи – в детском учреждении; размер доходов и степень удовлетворенности им; присутствие лиц, в прошлом привлекаемых к уголовной ответственности, с зависимостями от употребления наркотиков или алкоголя; моральный облик семьи в целом; степень ответственности, проявляемой родителями за судьбу несовершеннолетнего.

Второе направление воплощается в роли, реализуемой подростком в месте, с которым преимущественно связана его социализация, – школе, а также на работе, в случае его занятости. Ее внешним воплощением выступают положение среди сверстников, коллег, позиционирование себя в коллективе, среди старших по возрасту лиц; уровень усвоения информации, качество обучения и работы; обстановка в местах обучения и трудоустройства. Подобное выясняется судами посредством характеристик, в которых, как правило, указывается на успеваемость, частоту посещения занятий, периодически – на взаимоотношения с учителями, одноклассниками, поведение в конфликтных ситуациях [11].

Наконец, роль, занимаемая несовершеннолетним в досуговое время, включает в себя формы проведения свободного времени; связи вне «домашнего» окружения; нахождение в разных группах, характер общения в них [6].

Приведенные данные предоставляют суду возможность правильно определить меру, применяемую к несовершеннолетнему, которая должна оцениваться с позиций влияния на возникновение преступного поведения (создание условий совершения преступления, формирование мотивов и др.),

а также с точки зрения возможностей окружения способствовать его исправлению.

Следующим обстоятельством, подлежащим учету, является уровень психического развития несовершеннолетнего, рассматриваемый в доктрине в виде состояния таких проявлений психики и сознания личности, как воля, интеллект, эмоции, определяющие навыки осознанного управления собственным поведением, помимо прочего, опосредующим ситуации, входящие в сферу уголовно-правового регулирования [4].

Изучение судебной практики продемонстрировало, что в абсолютном большинстве случаев конкретизация уровня психического развития несовершеннолетнего в приговорах сводится к части 3 статьи 20, части 1 статьи 21, части 1 статьи 22 УК. Применительно к статье 89 УК в приговорах зачастую делается ссылка на соответствие хронологического и психологического возрастов друг другу, что редко сопровождается более обширными формулировками. Так, в одном из приговоров было отмечено, что психическое развитие, в том числе интеллектуальное развитие несовершеннолетнего, соответствуют нормам его возрастного периода (раннего юношеского периода с 14–15 до 17–18 лет), у него не обнаруживается нарушений внимания, восприятия, памяти, мышления, признаков повышенной внушаемости, склонности к фантазированию и псевдологии [13].

Противоположным примером может послужить иное процессуальное решение, где обозначается, что подсудимый Н. в период совершения преступления не страдал психическим расстройством и был способен осознавать фактический характер, общественную опасность своих действий и руководить ими. У Н. не было обнаружено отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством. Однако в дальнейшем судом было отдельно обращено внимание на крайне актуальную тенденцию социального развития в виде часто встречающегося отставания наступления психологической зрелости от возрастных нормативов и констатировано, что уровень психологического развития подсудимого не соответствовал его возрастному периоду (юношескому возрасту 16–18 лет) [14].

Крайне важно, чтобы правоприменитель обращал внимание на согласованность либо рассогласованность уровня психического развития и возрастных характеристик. В противоположном случае несовершеннолетние по причине недостаточной психической и социальной сформированности зачастую не в состоянии должным образом осознать фактический характер и общественную опасность совершенного ими деяния. Они больше, чем взрослые лица, подвластны настроению, эмоциональным вспышкам, нервности, нестабильности, но и легче поддаются исправительному воздействию.

Повышенная эмоциональность и возбудимость, резкая смена настроений, а также излишняя доверчивость, поверхностность мышления, внуша-

емость, трудности с адекватной и рациональной оценкой ситуации, склонность к фантазированию, подражанию, стремление к самоутверждению – вот личностные свойства, наиболее остро проявляющиеся в подростковый период. Они также должны учитываться судом при назначении наказания, о чем свидетельствует указание в части 1 статьи 89 УК на иные особенности личности. В литературе под ними понимается совокупность взглядов, интересов, потребностей, ценностных ориентаций несовершеннолетнего, отражающихся в его поведении, в том числе преступном [17].

Практика, формирующаяся в Российской Федерации, в большинстве случаев изобилует формальными ссылками и немногословными формулировками, касающимися иных особенностей личности. Однако последнее не исключает судебных актов, в которых этот анализ представлен более подробно. Подтверждением этому может послужить один из приговоров, в котором подчеркивается, что у несовершеннолетней в результате проведения экспертизы были выявлены психологические особенности в виде лабильных черт характера (поверхностность, потребность в обладании жизненными благами, склонность к риску в сочетании с неустойчивостью эмоционального состояния и др.) [15]. Нормальный уровень развития мышления, осведомленность о социальных эталонах оценки фигурируют в ином судебном решении [9].

В этой связи направлением ее совершенствования должен стать более активный учет черт личности, благоприятствующих отклоняющемуся поведению и являющихся рядовой характеристикой переходного периода. Временное выдвигание на первый план свойств и качеств, способных содействовать противоправному поведению, не выражает общую социальную направленность личности, а объясняется возрастными чертами и воздействием внешних факторов, способных полностью нивелироваться либо занять крайне второстепенные позиции с течением времени.

Одним из таких факторов является влияние старших по возрасту лиц, под которым следует понимать процесс и результат изменения одним субъектом оценок, намерений, представлений другого субъекта в ходе взаимодействия с ним. К первым, согласно формулировке, нужно относить не только собственно совершеннолетних взрослых, но и лиц, старших по возрасту, не переступивших данную хронологическую границу.

Преступность несовершеннолетних носит, как правило, групповой характер, ее истоки зачастую лежат в неформальных уличных компаниях, лидерами которых становятся более авторитетные, влиятельные из них или взрослые правонарушители. Так как формирование личности подростков еще не окончено, они чаще взрослых попадают под воздействие и давление со стороны старших лиц и пытаются перенять их взгляды, подражать поступкам, желая получить поддержку. С позиции Т.В. Драгуновой и Д.Б. Элькониной, усвоение подростками представлений о том, каким должно быть их соб-

ственное поведение, и отражается через выбор образцов для него. Следование им может заключаться, в том числе в прямом подражании взрослым [3]. По этой причине удовлетворение потребности в соответствующем круге общения, в котором подросток будет чувствовать значимость, весомость и важность за счет «отрицательных» личностей, может стать доминирующей причиной его противоправных установок.

Причем в свете развития информационных технологий такое окружение способно оказывать влияние и посредством компьютерной среды. В соответствии с данными Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), количество молодежи до 24-х лет, пользующейся сетью Интернет, за последние годы (с 2018-го по 2023-й год) стабильно и с неизменным ростом превышает 90%, достигая на 2023 год 96-ти % [18]. При этом доля вовлеченности лиц подросткового возраста от 14-ти до 17-ти лет в этой части приближается к 100%-ой [19], а временные показатели пребывания «в сети» варьируются в среднем от 6-ти до 8-ми часов, занимая абсолютное большинство времени [16].

В более явственных формах криминогенное интернет-воздействие способно проявляться в виде контента суицидальной, экстремистской и иной аналогичной направленности, побуждений к употреблению запрещенных веществ, антисоциальным действиям, вызывая интерес лиц с еще не критическим типом мышления. Подобного рода публикации могут сочетаться с романтизацией преступности, интерпретируя ее в привлекательном свете.

Иными являются ситуации, при которых криминальное поведение становится результатом не свободного «впитывания» соответствующей информации, а ответной реакции на психологическую травлю в сети (кибербуллинг, кибермоббинг, интернет-троллинг и др.). В подобных случаях цифровое влияние обуславливает делинквентные стремления в силу своего корреспондирующего содержания с аналогичными противоправными оттенками.

Однако отрицательная роль Интернета способна обнаруживаться не только в явно криминогенном воздействии, но и в своем вхождении в повседневность детей и молодежи в принципе. На современном этапе общественного развития данные социальные группы активно подвержены процессу инфантилизации, а также меньшему проявлению эмпатии и альтруистических наклонностей. И причиной этого становится не «отрицательный» характер контента как таковой, а его избыточность и длительная ежедневная оторванность от осязаемого мира.

В этой связи приобщенность несовершеннолетнего к интернет-пространству как фактору, чье воздействие на личностное становление движется по неизменяющейся возрастающей, должна учитываться судами при разрешении вопросов избрания вида, срока (размера) наказания либо освобождения от него, с чем соглашается абсолютное

большинство опрошенных в процессе подготовки исследования респондентов, в частности непосредственно судей (был проведен опрос 40 экспертов, в том числе судей, адвокатов, следователей). Подобное не требует законодательных нововведений в конструкцию статьи 89 УК, а может быть реализовано в рамках уже имеющихся категорий – «условия жизни и воспитания», «влияние старших по возрасту лиц».

Понятие «интернет-пространства» определяется в доктрине в виде открытого целостного образования, которое создается различными субъектами (как отдельными индивидами, так и большими социальными группами, организациями), объединенными опосредованными социальными взаимосвязями и отношениями, при помощи соответствующих технологий [2].

Концентрация внимания на коммуникационной функции Интернета и переносе общения в цифровую среду позволяет рассмотреть его в свете влияния старших по возрасту лиц, сущность которого при трансформации пространства не меняется. В связи с этим при учете в процессе назначения наказания влияния старших по возрасту лиц судам надлежит брать во внимание как реальное, так и виртуальное окружение, с которым несовершеннолетний может находиться в тесном общении, предоставляя доступ к персональной информации и наиболее уязвимым аспектам личной жизни.

А так как интернет-пространство сводится не только к межличностным контактам, но и опосредует цифровую реальность, которая образуется и формируется большим количеством людей, повседневно использующих электронно-цифровые устройства, и при которой человеческое восприятие концентрируется на телефонах и других подобных гаджетах, то его учет должен осуществляться в рамках более обширных по содержанию условий жизни и воспитания. Их частными проявлениями могут стать количество времени, проводимого в Интернете; характер деятельности, осуществляемой в сети, и приобретаемой оттуда информации; влияние Интернета на иные сферы жизни: учебу, досуг и т.д., наклонности, в частности преступные.

Поскольку цифровая среда активно соперничает с реальной, при назначении наказания выяснению должно подлежать то, что находится «за экраном телефона», способного заменить подростку многие социальные институты. Для целей ориентации практики в приведенном направлении целесообразно дополнить абз. 1 пункта 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» корреспондирующей ссылкой, изложив в следующем виде:

«17. Судам при назначении наказания несовершеннолетнему наряду с обстоятельствами, предусмотренными статьями 6, 60 УК РФ, в соответствии со статьей 89 УК РФ, надлежит принимать во внимание условия его жизни и воспитания, уро-

вень психического развития и иные особенности личности, а также влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. Указанные обстоятельства следует устанавливать с учетом влияния на несовершеннолетнего информационно-телекоммуникационной сети Интернет...».

Более масштабную роль в решении уголовно-правовых вопросов имеет несовершеннолетний возраст, выступая основанием применения главы 14 УК. Наряду с этим он должен учитываться при назначении наказания в качестве смягчающего обстоятельства (п. «б» части 1 статьи 61, ч. 2 статьи 89 УК) ввиду того, что «нагрузка», налагаемая на несовершеннолетнего примененным наказанием, ощущается им острее и является более весомой, в отличие от аналогичных ситуаций назначения наказания взрослым лицам.

Императивный характер проанализированных положений статьи 89 УК порождает обязанность суда устанавливать и учитывать названные факторы при разрешении вопроса о назначении наказания. Однако на практике жесткость данного положения с легкостью преодолевается, когда обвинительные приговоры начитают пестрить формальными ссылками без содержательного анализа.

Свидетельством этого может послужить приговор, которым несовершеннолетние А. и Л. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного пунктами «а», «в» части 2 статьи 158 УК, а достигший 18-ти лет Т. – преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 150, пунктами «а», «в» части 2 статьи 158 УК. В рамках назначения наказания Т. и Л. судом были приняты во внимание идентичные данные об их личностях (наличие постоянного места жительства; отсутствие судимости, фактов привлечения к административной ответственности, постановления на учеты у психиатра и нарколога; неимение негативных характеристик), смягчающие обстоятельства (признание вины, активное содействие расследованию преступления, явки с повинной) и отсутствиеотягчающих. По отношению к Л. суд сослался на статью 89 УК: учел условия жизни и воспитания, несовершеннолетний возраст в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, и установил такие личностные характеристики, как обучение в техникуме, положительный отзыв оттуда, нахождение на учетах в соответствующих инспекциях. Итогом подобной «индивидуализации» стало назначение Т. и Л. наказания в виде лишения свободы с применением статьи 73 УК сроком на 1 год (испытательный срок 1,5 года) и 10 месяцев (испытательный срок 1 год) соответственно [8].

Другим приговором не достигший совершеннолетия Б. был признан виновным в совершении 3-х преступлений, предусмотренных пунктом «а» части 2 статьи 158 УК, и взрослый Ш. – 2-х преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 150 УК, и 2-х – пунктом «а» части 2 статьи 158 УК. Суд установил сходный набор данных в соответствии с частью 3 статьи 60 УК, который для подсудимого Ш. отличался несущественно – присутствием до-

полнительного смягчающего обстоятельства (наличие на иждивении беременной супруги). Суд также упомянул положения статьи 89 УК и указал на п. «б» части 1 статьи 61 УК. Результатом подобного стало наказание в виде 1 года условного лишения свободы с испытательным сроком в 2 года, назначенного за каждое из преступлений, предусмотренных пунктом «а» части 2 статьи 158 УК, обоим подсудимым [12].

Приведенные случаи демонстрируют поверхностность судов в назначении наказания несовершеннолетним, которое, предполагается, должно отличаться от практики привлечения к уголовной ответственности взрослых лиц. Тем не менее его итоговые вид и срок (размер) либо расходятся с ординарной практикой крайне незначительно, либо не отличаются вовсе. А статья 89 УК продолжает формально воспроизводиться, не имея реального значения.

В развитие сказанного анализ судебной практики продемонстрировал, что периодически специфика процесса назначения наказания лицам, не достигшим возраста 18-ти лет, проявляющаяся в виде необходимости принятия во внимание дополнительных факторов, сводится к скудным текстуальным формам, почти нивелирующим ее значение. Наказания, назначаемые взрослым и несовершеннолетним при минимально отличающемся или сходном наборе характеристик из статей 60, 89 УК, становятся идентичными либо почти, либо вовсе. Сопровождением этому служит то, что на данный момент устоявшаяся трактовка обстоятельств из приведенных статей УК уже не соответствует тем социальным институтам, которые становятся приоритетными для современных подростков и в большинстве своем определяют его социализацию. В этой связи целесообразной видится ориентация правоприменителей на их анализ сквозь призму влияния на несовершеннолетнего Интернета, вошедшего в его повседневность прочно и приоритетно. Подобное может быть осуществлено через уже имеющиеся категории «условий жизни и воспитания» и «влияния старших по возрасту лиц», указание на что следует включить в абз. 1 пункта 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» в виде сходной формулировки о необходимости установления фигурирующих в статье 89 УК обстоятельств «с учетом влияния на несовершеннолетнего информационно-телекоммуникационной сети Интернет», что способно стать инструментом актуализации указанных фактов по отношению к современным условиям развития общества.

Литература

1. Данелян С.В., Овчаренко З.В. Условия жизни несовершеннолетнего, учитываемые судом при назначении наказания // Вестник Ассоциа-

- ции вузов туризма и сервиса. 2010. № 1. С. 94–101.
2. Иванченко Д.А. Интерпретация Интернет-пространства в дискурсе социологии // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 3 (66). С. 72–77.
 3. Москаленко И.В., Чурекова Т.М. Обусловленность формирования нравственных ценностей особенностями развития младшего подростка в современном социуме // Вестник КемГУК И. 2011. № 17. С. 125–133.
 4. Овсянников И.В. Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовное право. 2016. № 5. С. 113–120.
 5. Педагогический словарь: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.И. Загвязинский, А.Ф. Закирова, Т.А. Строкова [и др.]; под ред. В.И. Загвязинского, А.Ф. Закировой. М: Издательский центр «Академия», 2008. 352 с.
 6. Приговор Бутырского районного суда города Москвы от 06.05.2022 по делу № 1–260/2022 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2024).
 7. Приговор Валдайского районного суда Новгородской области от 25.08.2023 по делу № 1–123/2023 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2024).
 8. Приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 06.04.2021 по делу № 1–451/2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2024).
 9. Приговор Воткинского районного суда Удмуртской Республики от 31.08.2022 по делу № 1–177/2022 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2024).
 10. Приговор Измайловского районного суда города Москвы от 18.07.2022 по делу № 01–0381/2022 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2024).
 11. Приговор Измайловского районного суда города Москвы от 20.01.2023 по делу № 01–0009/2023 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2024).
 12. Приговор Подольского городского суда Московской области от 23.01.2023 по делу № 1–42/2023 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2024).
 13. Приговор Преображенского районного суда города Москвы от 26.11.2020 по делу № 1–676/2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2024).
 14. Приговор Рыбновского районного суда Рязанской области от 03.12.2021 по делу № 1–151/2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2024).
 15. Приговор Советского районного суда города Нижнего Новгорода от 28.04.2023 по делу № 1–23/2023 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2024).
 16. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechnost-i-predpochtenija> (дата обращения: 20.07.2024).
 17. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Чучаева. М: Проспект, 2021. 464 с.
 18. Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego> (дата обращения: 20.07.2024).
 19. 99% подростков в РФ имеют доступ к Интернету, 97% пользуются соцсетями – исследование [Электронный ресурс]. URL: <https://academia-interfax.ru/ru/news/-articles/10586/> (дата обращения: 20.07.2024).

ANALYSIS OF ADDITIONAL CIRCUMSTANCES CONSIDERED WHEN ASSESSING PUNISHMENT TO MINORS

Andreeva Ya.V.

Kutafin Moscow State Law University

Circumstances to be taken into account when sentencing minors are fixed in article 89 of the Criminal Code in a form different from the general provisions of Chapter 10 of the Criminal Code and expressed in additions that must be taken into account in relation to the specified social group. The critical attitude towards the actual implementation of this requirement, reflected in judicial practice, became an incentive to find ways to improve it and present the above-mentioned circumstances through a more adolescent-oriented prism, which was the purpose of the work. In order to achieve this thesis, an analysis of the judicial practice of the Russian Federation was conducted during the study, forming the basis for an alternate study of each additional circumstance mentioned in Article 89 of the Criminal Code. This allowed not only to give each of them specific content, but also formulate recommendations for a broader understanding of ordinary and well-established circumstances due to the influence of the internet. The methodological basis of the work includes dialectical and sociological methods, including documentary and sociological survey methods.

Keywords: minors, sentencing, formal approach, Internet space, influence of the Internet.

References

1. Danelyan S.V., Ovcharenko Z.V. Living conditions of a minor, taken into account by the court when assigning punishment // Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service. 2010. No. 1. P. 94–101.
2. Ivanchenko D.A. Interpretation of the Internet space in the discourse of sociology // Scientific notes of the Russian State Social University. 2009. No. 3 (66). pp. 72–77.
3. Moskalenko I.V., Churekova T.M. Conditionality of the formation of moral values by the developmental features of younger ado-

- lescents in modern society // Bulletin of KemGUK I. 2011. No. 17. pp. 125–133.
4. Ovsyannikov I.V. Establishing the possibility of correcting a minor through the use of compulsory measures of educational influence // Criminal law. 2016. No. 5. pp. 113–120.
 5. Pedagogical dictionary: textbook. aid for students higher textbook institutions / V.I. Zagvyazinsky, A.F. Zakirova, T.A. Stroko-va [and others]; edited by V.I. Zagvyazinsky, A.F. Zakirova. M: Publishing center “Academy”, 2008. 352 p.
 6. The verdict of the Butyrsky District Court of Moscow dated 05/06/2022 in case No. 1–260/2022 [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 07.20.2024).
 7. Verdict of the Valdai District Court of the Novgorod Region dated August 25, 2023 in case No. 1–123/2023 [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 07.20.2024).
 8. The verdict of the Volzhsky City Court of the Volgograd Region dated 04/06/2021 in case No. 1–451/2021 [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 07.20.2024).
 9. Verdict of the Votkinsk District Court of the Udmurt Republic dated August 31, 2022 in case No. 1–177/2022 [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 07.20.2024).
 10. The verdict of the Izmailovsky District Court of Moscow dated July 18, 2022 in case No. 01–0381/2022 [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 07.20.2024).
 11. The verdict of the Izmailovsky District Court of Moscow dated January 20, 2023 in case No. 01–0009/2023 [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 07.20.2024).
 12. Verdict of the Podolsk City Court of the Moscow Region dated January 23, 2023 in case No. 1–42/2023 [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 07.20.2024).
 13. The verdict of the Preobrazhensky District Court of Moscow dated November 26, 2020 in case No. 1–676/2020 [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 07.20.2024).
 14. The verdict of the Rybnovsky District Court of the Ryazan Region dated December 3, 2021 in case No. 1–151/2021 [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 07.20.2024).
 15. The verdict of the Sovetsky District Court of the city of Nizhny Novgorod dated April 28, 2023 in case No. 1–23/2023 [Electronic resource]. URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: 07.20.2024).
 16. Social networks and messengers: involvement and pReferences [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechenost-i-predpochtenija> (date of access: 07.20.2024).
 17. Criminal law. General part: textbook for bachelors / ed. A.I. Chuchaeva. M: Prospekt, 2021. 464 p.
 18. Digital detox – 2023: about using the Internet and taking a break from it [Electronic resource]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego> (date of access: 07.20.2024).
 19. 99% of teenagers in the Russian Federation have access to the Internet, 97% use social networks – study [Electronic resource]. URL: <https://academia.-interfax.ru/ru/news/-articles/10586/> (date of access: 07.20.2024).

Концептуальные основы системы межведомственного взаимодействия предупреждения организации нелегального игорного бизнеса в сети Интернет

Ганюшкина Софья Дмитриевна,

магистр кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: ganyuschkina.mira@yandex.ru

В статье автор раскрывает общесоциальные и специально-криминологические меры, направленные на профилактику преступлений в сфере игорного бизнеса. В рамках общесоциальных мер приводится анализ уже предложенных направлений предупреждения исследуемого вида преступности, а также автором предлагаются новые меры профилактики в рамках выработанных направлений: привлечение населения к проблемам вовлеченности граждан в азартные игры и формирование у них острого негативного отношения к данному явлению, внесение изменения в Федеральный закон «О рекламе», в части запрета рекламы любого вида азартных игр, в том числе проводимые с использованием сети «Интернет». В рамках изучения специально-криминологических мер профилактики предлагается внести точечные изменения в статью 171.2 УК РФ в целях повышения степени общественной опасности деяний, направленных на вовлечение несовершеннолетних в азартные игры, а также разработать специальную систему межведомственного взаимодействия, позволяющую организовать эффективную передачу сообщений о подозрении в организации деятельности нелегальных азартных игр.

Ключевые слова: меры предупреждения игорных преступлений, лудомания, кибер-преступления, вовлечение в азартные игры, запрет рекламы азартных игр.

В настоящее время игорный бизнес активно развивается в киберпространстве и фактически постепенно заменяет офлайн-казино и иные игорные заведения. В связи с этим в рамках криминологического исследования преступности в сфере игорного бизнеса обоснованно уделить особое внимание мерам предупреждения преступлений в сфере игорного бизнеса, совершаемых в киберпространстве.

В соответствии со ст. 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [12] выделяют два вида профилактики правонарушений: общая профилактика и индивидуальная профилактика. К общей профилактике относятся меры по выявлению и устранению причин, порождающих правонарушения, и условий, способствующих совершению правонарушений или облегчающих их совершение, а также на повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан. Индивидуальная профилактика направлена на применение мер воспитательного воздействия в отношении конкретного лица (может осуществляться с применением специальных мер профилактики).

В криминологической науке традиционным является подход, согласно которому меры профилактики являются трихотомией, а не дихотомией как в приведенном законодательстве. Подобное противоречие разрешается следующим образом: криминологические меры профилактики действуют на особом и индивидуальном уровнях, на общем уровне применяются общесоциальные меры [5, с. 82]. Именно поэтому в настоящей статье предметом исследования являются общесоциальные и специально-криминологические меры.

Для того, чтобы снизить уровень преступности в сфере игорного бизнеса, необходимо в первую очередь снизить уровень интереса населения к ним. Нет спроса на азартные игры – значит нет «предложения», т.е. мотивации вести преступную деятельность в данной сфере. Однако, побороть подобный интерес представляется достаточно сложной задачей, так как нужно в корне изменить ценностные ориентиры российского общества и внедрить эффективные воспитательные меры не только на уровне образовательных организаций, но и на уровне внутрисемейного воспитания.

Проблему усугубляет и то, что в действующем законодательстве не установлен запрет на азартные игры. Законодатель не выразил к ним явно негативное отношение, а, напротив, сделал их сред-

ством пополнения доходов бюджетов субъектов Российской Федерации (причем исключительно пяти субъектов, в которых разрешена игорная деятельность) посредством собирания с данного вида предпринимательской деятельности большого количества налогов и сборов, в том числе и федерального уровня (налог на игорный бизнес, налог на прибыль организации, налог на добавленную стоимость при реализации услуг азартных игр).

Исследователи, оперируя многообразием общесоциальных мер предупреждения преступности, указывают, что для целей борьбы с преступностью в сфере игорного бизнеса перспективными являются следующие меры:

- повышение уровня жизни населения посредством решения социальных проблемы и улучшения системы здравоохранения;
- качественный рост системы образования;
- снижение безработицы;
- организация сферы отдыха и досуга через повышение культуры населения;
- предоставление возможностей населению для решения вопросов жилищно-бытовой сферы [8, с. 84].

Однако думается, что автор перечисленных выше мер обозначил лишь направления, в которых необходимо реализовать конкретные общесоциальные меры борьбы с преступностью в сфере незаконного игорного бизнеса. При этом если исходить из ранее обозначенных причин преступности в сфере игорного бизнеса, то целесообразно выделить две группы общесоциальных мер:

- меры по формированию негативного отношения к азартным играм в киберпространстве;
- меры по созданию альтернативного досуга для населения.

По данным исследований наиболее сильное влечение к азартным играм возникает у лиц подросткового и юношеского возраста [4, с. 301]. Именно поэтому формирование негативного отношения к азартным играм должно закладываться с детства. Дети должны понимать опасность увлечения азартными играми, которая заключается в возможности нарушений психики и формировании лудомании, потери значительной части денежных средств вследствие такого увлечения и целого комплекса вытекающих моральных и материальных проблем. В настоящее время подобная работа ведется среди взрослого населения посредством размещения информации на официальных государственных информационных источниках. Например, на официальном сайте Управы Академического района г. Москвы размещена статья «Негативные последствия зависимости от азартных игр».

Ценность данного информационного сообщения заключается в обозначении проблем, которые может вызвать увлеченность азартными играми:

1. Материальные проблемы – увлечение азартными играми приводит к полной потере контроля за расходами собственных финансов, человек не может себя ограничить в использова-

нии собственных средств, что приводит в лучшем случае к полному банкротству гражданину, в худшем – совершению им преступлений с целью получения денежных средств для игры (в частности, хищений);

2. Социальные проблемы – возрастает уровень социальной изоляции, так как мысли человека, увлекающегося азартными играми, все больше занимает исключительно игра (навязчивые идеи), а общение с близкими и друзьями уходит на второй план.

3. Психологические проблемы – уход от реальности. Игра является местом, куда человек уходит от реальных проблем, но подобный уход не решает их, а лишь усугубляет [7].

Следовательно, государство осознаёт негативное влияние азартных игр на граждан и пытается противодействовать ему. Однако, подобные меры противодействия нельзя оценить в качестве эффективных по следующим причинам:

- во-первых, вероятность массового ознакомления населения с приведенным информационным ресурсом крайне низкая;
- во-вторых, данная информационная повестка нацелена на взрослую категорию населения, оказать воздействие на которую посредством подобных статей достаточно сложно вследствие сформированного характера личности и представлений о мире.

Ввиду этих доводов закономерно, что информационное воздействие с целью формирования негативного отношения к азартным играм необходимо формировать на уровне школьного образования. Сегодня ввиду большого потока информации, подлежащей усвоению в рамках школьной программы, недостаточно внимания уделяется профилактическим беседам относительно вредных привычек (курение, употребление алкоголя, увлечение азартными играми и т.д.).

Поэтому достаточно обоснованно ввести в школьную программу специальные беседы с психологом по профилактике вредных привычек и формированию негативного отношения к азартным играм, в частности. В данных беседах школьные психологи должны в доступной для школьников форме осветить негативные черты азартных игр, а также предложить альтернативные увлечения, в частности: занятие спортом. Предлагается обоснованным также указать, что ответственность за совершенствование мероприятий по профилактике различного рода зависимостей среди несовершеннолетних должна быть возложена на органы внутренних дел, а именно – на профильные подразделения по делам несовершеннолетних.

Однако, для противодействия явлению увлечения азартными играми необходимо не только использовать воспитательные меры воздействия, но и оберегать сознание несовершеннолетних от провоцирующих факторов, в качестве которых выступает реклама онлайн-казино, онлайн-ставок в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Важность указанного фактора опре-

деляется и данными исследований. Так, Е.В. Иванова в ходе исследования выявила, что реклама определяет спрос на товар или услугу, то есть наибольшую частоту покупок определяет просмотр рекламы [3, с. 75]. Логично, что демонстрация негативного явления в рекламе создаёт потенциальную угрозу повышения спроса на него.

В настоящее время онлайн-ставки, онлайн-казино активно рекламируются в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в частности: букмекерская контора «Фонбет», букмекерская контора «Winline» и иные организаторы азартных игр в киберпространстве. Однако, в законодательстве в настоящее время нет соответствующего запрета на подобную рекламу, что является упущением и способствует лишь популяризации азартных игр. Ограничение в ст. 27 Федерального закона «О рекламе» на соответствующую деятельность относительно распространения информации о играх и пари не является эффективным. Реклама азартных игр в публичных источниках должна быть запрещена. В связи с этим статья 7 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» [11] должна быть дополнена пунктом 13 следующего содержания:

«13) азартных игр и пари, в том числе ставок на спортивные мероприятия, включая тотализаторы, любого вида проведения азартных игр посредством информационно-телекоммуникационных сетей, а также в сети «Интернет».

Подобный запрет будет препятствовать популяризации азартных игр среди населения, и, соответственно, предупреждать риски совершения преступлений в сфере игорного бизнеса. Для совершения преступлений данного рода необходим мотивирующий фактор спроса и получения потенциально большой прибыли. Отсутствие спроса на азартные игры порождает отсутствие мотивации на совершение преступлений в сфере игорного бизнеса.

Альтернативой азартных игр должен стать спорт. Причем, данная альтернатива реализуема и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Развитие киберспорта должно набирать обороты в Российской Федерации, так как онлайн-пространство – это неотъемлемая составляющая российского общества в настоящее время.

Согласно Посланию Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. [9], в российском обществе спорт стал все больше популяризоваться, что требует активной поддержки со стороны государства в виде создания комфортных условий и доступности занятия спортом на территории Российской Федерации. Данные условия должны быть созданы и для развития киберспорта. Следовательно, в целях противодействия явлению азартных игр в Российской Федерации должно выделяться достаточное финансирование на строительство спортивных объектов, организацию спортивных школ, создание условий для достижения высоких результатов в спорте. Финансирование должно выделяться как

на развитие традиционных спортивных состязаний, так и на новые виды, в частности: киберспорт.

Противодействие преступности в сфере игорного бизнеса должно быть комплексным и включать не только общесоциальные, но и специально-криминологические меры. Указанные меры будут эффективными лишь в случае системного подхода к их разработке и систематизации с учетом последних криминологических исследований.

Криминологи, анализируя ситуацию с преступностью в сфере игорного бизнеса, предлагают следующие специально-криминологические меры её предупреждения:

- внесение изменений в статью 171.2 УК РФ, дополняющих её ответственностью за вовлечение несовершеннолетних в незаконную организацию и проведение азартных игр;
- установление сотрудничества с зарубежными странами относительно пресечения и предупреждения незаконной организации и проведения азартных игр в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;
- организация системы мониторинга за незаконной организацией и проведением азартных игр в сети «Интернет» («горячей линии» в системе органов внутренних дел России);
- работа с гражданами, страдающими лудоманией, проведение соответствующих медицинских исследований в данной области [1, с. 226].

Указанные меры направлены на минимизацию негативных факторов, вследствие которых развивается преступность в сфере игорного бизнеса. Причем, данные меры потенциально следует считать эффективными ввиду следующего.

Во-первых, применительно к изменениям статьи 171.2 УК РФ необходимо отметить, что вовлечение несовершеннолетних в совершение деяния по незаконной организации и проведению азартных игр должно стать квалифицирующим признаком и закреплено в части 3 данной нормы. Формулировку диспозиции деяния части 3 статьи 171.2 УК РФ необходимо дополнить положением следующего содержания: «... а равно сопряженное с вовлечением несовершеннолетнего...».

Причем, данная норма направлена на реализацию в первую очередь превентивной функции уголовного права. Как отметила Е.В. Новикова, необходимость определенного наказания за определенное правонарушение, возникшая на практическом уровне, нуждается в реализации. Но до такой реализации данное наказание выполняет превентивную функцию и сдерживает потенциального преступника от совершения противоправного деяния [10, с. 293]. В связи с приоритетным развитием защиты несовершеннолетних от преступных посягательств, от вовлечения в совершении противоправных деяний указанный квалифицирующий признак в части 3 статьи 171.2 УК РФ направлен на предупреждение совершения данного деяния с участием детей и подростков.

Во-вторых, при установлении взаимодействия в сфере противодействия незаконной организации

и проведения азартных игр необходимо установить тесные контакты сотрудничества с зарубежными государствами. Действительно, приоритетным направлением в данном случае должно являться противодействие распространению данной преступности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». При этом, в настоящее время противодействию преступности в киберпространстве не уделяется достаточно внимания, так как отсутствует специальный международно-правовой механизм, консолидирующий сотрудничество в данной узкой сфере. Так, наличие определенных отдельных резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, посвященных аспектам международной информационной безопасности, не выполняет соответствующую функцию должным образом. Подобная работа на базе БРИКС также не может уделить внимание всем аспектам анализируемого направления работы [2, с. 29]. В связи с этим в настоящее время должна быть создана специальная международная организация по сотрудничеству в сфере обеспечения информационной безопасности, одним из аспектов работы которой должно стать предупреждение незаконной организации и проведения азартных игр в киберпространстве.

При этом, как верно отмечают исследователи, в целях предупреждения незаконных организаций и проведения азартных игр должно развиваться не только внешнее, но и внутреннее сотрудничество. В частности, речь идет о межведомственном взаимодействии [6, с. 144]. Так, информация о наличии признаков в какой-либо организации игровой деятельности или иного незаконного бизнеса (в частности, выявленная ФНС России в процессе выездных налоговых проверок, Роспотребнадзором или иными ведомствами) должна передаваться государственными структурами в оперативные подразделения органов внутренних дел России для соответствующей проверки. Организация подобной системы позволит повысить эффективность выявления преступлений в сфере игорного бизнеса.

В-третьих, МВД России также должно повысить уровень взаимодействия с гражданами с целью выявления незаконных игорных заведений, их интернет-страниц, различного рода платформ. Для этого в качестве варианта возможно предложение создать специальную форму обращения на сайте МВД России, где каждый гражданин может изложить имеющиеся у него сведения о фактах незаконной организации, проведения азартных игр. Подобные сведения должны подлежать обязательной проверке. При оценке эффективности подобного метода необходимо учитывать, что родственники, близкие и друзья лиц, у которых развилась игровая зависимость, достаточно негативно настроены к данному явлению, так как испытывают на себе все его последствия. В связи с этим у них присутствует соответствующая мотивация обращения в правоохранительные органы, чтобы предотвратить распространение игровой деятельности, которая носит незаконный характер.

Наконец одно из наиболее важных направлений работы – предупреждение и лечение игровой зависимости (лудомании). Данное явление является фактором, который катализирует преступность в сфере игорного бизнеса, так как наличие подобной патологии снижает бдительность потенциальной жертвы преступлений в сфере игорного бизнеса, препятствует адекватному восприятию происходящих событий и прогнозу их последствий.

В настоящее время определенная работа по изучению лудомании и помощи лицам, страдающим от нее, ведется. В частности, существуют фонды (например, фонд «Держава»), в которых объединены специалисты (психиатры, наркологи, психологи, социологи и т.д.), действующие на договорной основе и уделяющие внимание широкому спектру вопросов.

Представляется, что подобная работа является перспективной, так как лудомания является не только психиатрическим заболеванием, но и социально-общественным явлением, что обуславливает проявления, отражающиеся при личном общении, принятии рациональных/нерациональных решений и т.д.

В рамках подготовки настоящей статьи автором было взято интервью у врача-психиатра, к.м.н. Л.Ж. Атаева, по её утверждению: современная медицина предлагает два вида лечения лудомании: психофармакотерапевтические и психотерапевтические методы. Причем, из полученных в ходе интервью данных следует, что наибольшую эффективность имеет комбинированный метод лечения (большое количество пациентов проходят лечение до конца именно при применении подобной методики). Специалист отметил, наркологи особо отмечают среди методов психотерапии мотивационное консультирование и максимально возможное привлечение в терапию членов семьи. Изложенное свидетельствует о том, что при лечении лудомании важно сохранять социальные контакты: общаться с родными и близкими, проходить лечение не изолированно от общества.

Ввиду отмеченных медицинских средств лечения также можно предложить семейную методику реабилитации лица, страдающего лудоманией. В частности, в связи со стремительным развитием в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» онлайн-казино, ставок на спорт следует исключить данной провоцирующий фактор внутри семьи. Предлагается в качестве особого метода поддержки лица, проходящего лечение лудомании амбулаторно, внутри его семьи в домашней обстановке отказаться от использования сети «Интернет» на время лечения, а данное время уделять общению с таким пациентом.

Успешная реабилитация лица, страдающего лудоманией, будет препятствовать развитию преступности в сфере игорного бизнеса. Риски стать жертвой преступлений в сфере игорного бизнеса, у лица значительно снизятся.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующие выводы относительно общесоциальных и специально-криминологических

мер предупреждения преступлений в сфере игорного бизнеса, совершаемых в киберпространстве.

1. Для того, чтобы снизить уровень преступности в сфере игорного бизнеса, необходимо снизить уровень интереса населения к ним. Нет спроса на азартные игры – значит нет мотивации вести преступную деятельность в данной сфере.

Исходя из этого и ранее обозначенных детерминант преступности в сфере игорного бизнеса, целесообразно выделить две группы общесоциальных мер в данной сфере:

- меры по формированию негативного отношения к азартным играм в киберпространстве;
- меры по созданию альтернативного досуга для населения.

2. Действующие государственные меры по противодействию развитию интереса к азартным играм не являются эффективными. Информационное воздействие с целью формирования негативного отношения к азартным играм необходимо направлять на детей, подростков и юношей. В связи с этим достаточно обоснованно ввести в школьную программу специальные беседы с психологом по профилактике вредных привычек и формированию негативного отношения к азартным играм, в частности. В данных беседах школьные психологи должны в доступной для школьников форме осветить негативные черты азартных игр, а также предложить альтернативные увлечения, в частности: занятие спортом.

3. Демонстрация негативного явления в рекламе создаёт потенциальную угрозу повышения спроса на него, в частности: среди подростков и детей. В законодательстве в настоящее время нет соответствующего запрета на подобную рекламу, что является упущением и способствует лишь популяризации азартных игр.

В связи с этим статья 7 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» должна быть дополнена пунктом 13 следующего содержания:

«13) азартных игр и пари, в том числе ставок на спортивные мероприятия, включая тотализаторы, любого вида проведения азартных игр посредством информационно-телекоммуникационных сетей, а также в сети «Интернет».

Подобный запрет будет препятствовать популяризации азартных игр среди населения, а, соответственно, и предупреждать риски совершения преступлений в сфере игорного бизнеса.

4. Эффективное предупреждение преступности в сфере игорного бизнеса может быть достигнуто только путем комплексного применения специально-криминологических мер.

В такой комплекс должны быть включены следующие меры:

- совершенствование превентивной функции уголовного законодательства: превентивная защита несовершеннолетних от вовлечения в организацию и проведение азартных игр посредством включения квалифицирующего признака в деяние части 3 статьи 171.2 УК РФ сле-

дующего содержания: «... а равно сопряженное с вовлечением несовершеннолетнего, ...»;

- повышение сотрудничества в сфере предупреждения преступности в сфере игорного бизнеса в киберпространстве: создание специальной формы международного сотрудничества в сфере обеспечения информационной безопасности, одним из аспектов работы которой должно стать предупреждение незаконной организации и проведения азартных игр в киберпространстве (внешний аспект); передача информации о наличии признаков в какой-либо организации незаконной игорной деятельности или иного незаконного бизнеса (в частности, выявленная ФНС России в процессе выездных налоговых проверок, Роспотребнадзором или иными контрольно-надзорными ведомствами) государственными структурами в оперативные подразделения МВД России для соответствующей проверки (внутренний аспект);

- МВД России также должно повысит уровень взаимодействия с гражданами с целью выявления незаконных игорных заведений, их интернет-страниц, различного рода платформ. В частности, для этого необходимо создать специальную форму обращения на сайте МВД России, где каждый гражданин может изложить имеющиеся у него сведения, подлежащие обязательной проверке;

- изучение и внедрение новых методов лечения лудомании.

5. При лечении лудомании важно сохранять социальные контакты: общаться с родными и близкими, проходить лечение не изолированно от общества.

В связи со стремительным развитием в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» онлайн-казино, ставок на спорт следует исключить данный провоцирующий фактор внутри семьи. Предлагается в качестве особого метода поддержки лица, проходящего лечение лудомании амбулаторно, внутри его семьи в домашней обстановке отказаться от использования сети «Интернет» на время лечения, а данное время уделять общению с таким пациентом.

Литература

1. Башмаков П.А. Предупреждение преступности в сфере незаконной организации и проведения азартных игр // Право и управление. – 2023. – № 4. – С. 222–227.
2. Дубень А.К. Международное сотрудничество в сфере информационной безопасности: общая характеристика и российский подход к изучению // Международное право и международные организации. 2022. – № 1. – С. 24–23.
3. Иванова Е.В. Влияние рекламы на потребителя // European research. 2016. – № 1. – С. 73–75.
4. Иванова, О.А. Азартные игры как угроза общественной нравственности // Молодой ученый. 2013. – № 9 (56). – С. 299–302.

5. Криминология: учебник / отв. ред. И.М. Мацкевич. – М.: Проспект 2023. – 512 с.
6. Лимарь А.С. Незаконные организация и проведение азартных игр: основные тенденции и предупреждение // Вестник экономической безопасности. 2021. – № 4. – С. 142–146.
7. Негативные последствия зависимости от азартных игр // Официальный сайт Управы Академического района г. Москвы. URL: <https://akademicheskyy.mos.ru/presscenter/news/detail/1420063.html> (дата обращения: 06.08.2024).
8. Поздняков К.В. Особенности предупреждения незаконной игровой деятельности в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. – № 1. – С. 81–91.
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
10. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов: в 3 т. Т. 2. Книга 1. Уголовный закон. Законодательная техника. Ответственность в уголовном праве. Состав преступления. Стадии совершения преступления. Соучастие в преступлении. Множественность преступлений / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. – М.: Проспект. – 2024. – с. 680.
11. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства РФ, 20.03.2006, № 12, ст. 1232.
12. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 27.06.2016, № 26 (Часть I), ст. 3851.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE SYSTEM OF INTERDEPARTMENTAL INTERACTION TO PREVENT THE ORGANIZATION OF ILLEGAL GAMBLING BUSINESS ON THE INTERNET

Ganyushkina S.D.

Kutafin Moscow State Law University named after O.E. (MSAL)

In this article, the author reveals general social and special criminological measures aimed at preventing crimes in the gambling business. Within the framework of general social measures, an analysis of the already proposed directions for the prevention of the type of crime under study is provided, and the author also suggests new

preventive measures within the framework of the developed directions: attracting the population to the problems of citizens' involvement in gambling and forming an acute negative attitude towards this phenomenon, amending the Federal Law "On Advertising", regarding the prohibition of advertising any type of gambling, including those conducted using the Internet. As part of the study of special criminological preventive measures, it is proposed to make point changes to Article 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to increase the degree of public danger of acts aimed at involving minors in gambling, as well as to develop a special system of interdepartmental interaction that allows for the effective transmission of messages on suspicion of organizing illegal gambling activities.

Keywords: measures to prevent gambling crimes, ludomania, cybercrimes, involvement in gambling, prohibition of gambling advertising.

References

1. Bashmakov P.A. Crime prevention in the field of illegal organization and conduct of gambling // Law and management. – 2023. – No. 4. – С. 222–227.
2. Duben A.K. International cooperation in the field of information security: general characteristics and the Russian approach to the study // International law and international organizations. 2022. – No. 1. – pp. 24–23.
3. Ivanova E.V. The influence of advertising on the consumer // European research. 2016. – No. 1. – pp.73–75.
4. Ivanova, O.A. Gambling as a threat to public morality // Young scientist. 2013. – № 9 (56). – Pp. 299–302.
5. Criminology: textbook / ed. by I.M. Matskevich. – М.: Prospect 2023. – 512 p.
6. Limar A.S. Illegal organization and conduct of gambling: main trends and prevention // Bulletin of Economic security. 2021. – No. 4. – pp. 142–146.
7. Negative consequences of gambling addiction // Official website of the Board of the Academic district of Moscow. URL: <https://akademicheskyy.mos.ru/presscenter/news/detail/1420063.html> (date of application: 08/06/2024).
8. Pozdnyakov K.V. Features of preventing illegal gambling in the Russian Federation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. – No. 1. – pp. 81–91.
9. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 02/29/2024 "Message of the President to the Federal Assembly" // ConsultantPlus Legal Reference System.
10. Criminal law of the Russian Federation: a problem course for undergraduates and postgraduates: in 3 vols. 2. Book 1. Criminal Law. Legislative technique. Responsibility in criminal law. The composition of the crime. The stages of the crime. Complicity in a crime. The multiplicity of crimes / under the general editorship of A.N. Savenkov; scientific ed. and the author's hand. Col. A.I. Chuchaev. – М.: Prospect. – 2024. – p. 680.
11. Federal Law No. 38-FZ dated 03/13/2006 "On Advertising" // Collection of legislation of the Russian Federation, 03/20/2006, No. 12, art. 1232.
12. Federal Law No. 182-FZ dated 06/23/2016 "On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 06/27/2016, No. 26 (Part I), Article 3851.

Усиление административных санкций путем применения криминалистических методов и средств в качестве предупреждения экологических правонарушений

Голиков Олег Владиславович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Юриспруденция» Российского университета кооперации
E-mail: o.golikov@mail.ru

Иринчеев Валерий Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Юриспруденция» Российского университета кооперации
E-mail: irincheev@inbox.ru

Рассматриваются проблемы связанные с криминалистической профилактикой экологических правонарушений. Отсутствие жестких санкций в административном законодательстве, эффективность приостановления деятельности юридического лица, на срок до 90 суток, лишь для торговых точек, но не для более серьезных структур, например, по линии ЖКХ, производственных сфер деятельности в сфере сельского хозяйства. Отсутствие возможности направить Представление, Частное определение уполномоченными на то законодательством лицами в законодательные органы, в случае установления пробелов в нормативных актах, не позволяющих более эффективно решать вопросы, связанные с защитой прав законопослушных при нарушении их законных прав, в том числе и в области экологии.

Ключевые слова: криминалистические средства, экология, правонарушение, меры предупреждения, государственное управление, правовая практика, представление.

Смысл существования и направления развития криминалистической науки в XXI веке определяют стоящие перед ней основные специальные задачи, к которым относятся: изучение объективных закономерностей действительности, составляющих основу предмета науки; развитие ее общей и частных теорий; разработка новых и совершенствование существующих средств и методов судебного исследования и предотвращения преступлений; изучение зарубежного опыта и достижений криминалистики за рубежом, пути и рекомендации по их использованию [2: с. 8] (Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.).

В этой связи актуальными проблемами криминалистики, вызвавшими оживленную дискуссию среди ученых, стали уточнение объектной и предметной областей данной науки, совершенствование ее системы, определение сфер применения разрабатываемых ею средств и методов, пополнение языка науки модернизированными и новыми понятиями, относящимися к отдельным ее разделам.

В настоящей работе мы коснемся лишь одного, ставшего также дискуссионным, вопроса о криминалистических средствах и методах предотвращения правонарушений (С.Н. Чурилов, К вопросу о целях применения криминалистических средств и методов lawbulletin.mgpu.ru Публичное право 8 С. 49) [8: с. 49]. Обычно следователи, дознаватели в таких случаях руководствуются ч. 2 ст. 158 УПК РФ. Однако законодатели ограничили данных должностных лиц в полном объеме, качественно решать поставленную задачу, в том числе и для наиболее эффективной профилактики экологических правонарушений.

С чисто криминалистических средств предупреждения данных видов правонарушений техническим путем, могут послужить следующие меры:

1. Установка на всем протяжении каждой дороги, начиная с самой современной, заканчивая обычной грунтовой на расстоянии позволяющем видеть транспортное средство и его государственный регистрационный номер видеокамер, позволяющих установить не только номер транспортного средства, но возможность идентификации личности лица, управлявшего транспортным средством.
2. Обязательная установка в кабине транспортного средства, но и у погрузочно-разгрузочной части этого транспортного средства видео-

регистратора, с помощью которого можно реально установить кто, где и когда производил несанкционированную выгрузку различных отходов, либо наоборот подтвердить что перевозчик добросовестный законопослушный работник и гражданин.

Эти меры должны быть закреплены на законодательном уровне и нести не диспозитивный, а императивный характер. Соответственно не соблюдение данных норм, должно влечь санкцию по признакам субъективной стороны состава экологических проступка либо преступления.

В свою очередь, совершенно справедливо утверждает В.И. Шульга: «Предупреждение преступности является важнейшей составляющей частью борьбы с преступностью». (Шульга В.И. Криминология: учебное пособие. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. 132 с.) С. 56) [9: с.56].

В юридической литературе под мерами предупреждения понимают способы и средства, направленные на предотвращение обстоятельств, которые угрожают жизни и безопасности граждан или нормальной деятельности государственных органов, органов муниципальной власти, юридических лиц (Смоленский М.Б., Дригола Э.В. Административное право//Учебник. – М.: КНО-РУС, 2010. С. 146.) [7: с. 146]. Исследуя проблемы, связанные с предупреждением преступности административно-правовыми методами, правовед Казина Т.В. отмечает: «В уголовном процессе в силу общественной опасности противоправных деяний разработана целая процессуальная система по выявлению и определению причин и условий совершения преступления, а также меры по их предупреждению³. К сожалению, в административном процессе подобная целостная система отсутствует. В той или иной сфере государственного управления разработаны Положения локального характера по применения мер административного предупреждения по конкретным составам административных правонарушений. В силу этого и других объективных обстоятельств количество административных правонарушений за последние годы значительно возросло, о чем свидетельствует статистика рассмотренных судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях⁴.» (Казина Т.В. Предупреждение преступности административно-правовыми средствами. Административное право и процесс. 2015. – № 6. – С. 77–81. //Могачев М.И. Предупреждение серийных изнасилований. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 144–160., Казина Т.В. Доказательства и доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – С. 5.) [4: с. 77–81] В зависимости от целей, объекта воздействия и характера виды административно-пресекательных мер подразделяются:

– на меры, применяемые к субъекту правонарушения (например, требование прекратить противоправные действия, административное задержание лица, применение оружия и иных

специальных средств работниками правоохранительных органов);

- меры материально-имущественного характера (например, изъятие орудия совершения или предмета противоправного деяния);
- меры технического характера (например, приостановление или запрет эксплуатации автотранспортных средств, техническое состояние которых не отвечает установленных требованиям);
- меры эпидемиологического характера (применяются органами санэпиднадзора);
- меры финансово-кредитного характера (например, обращение в доход государства сумм, полученных лицом в нарушение финансовой дисциплины либо наложение ареста на банковские счета юридического лица);
- и другие меры [1].

Поднимая проблемы профилактики правонарушений Казина Т.А., подчеркнула и о роли суда, как органа, которому также предоставлено право выносить такие процессуально профилактические меры как Представление и Частное определение: «Анализ судебной статистики по Московской области показал, что только 10% судей общей юрисдикции используют такой инструмент профилактики как Представление об устранении условий и причин для совершения правонарушений и преступлений. Это крайне низкий показатель по сравнению с советским периодом, когда каждое второе дело содержало данный документ и обязательный ответ о мерах реагирования.» (Казина Т.В. Предупреждение преступности административно-правовыми средствами. Административное право и процесс. 2015. – № 6. – С. 77–81.) [4: с. 77–81]

Конечно, различные меры предупреждения противоправных деяний, в том числе и неотвратимое наказание, воздействует на потенциальных правонарушителей, т.е. предполагающих, но еще не совершивших это деяние как сдерживающий фактор. Однако, превентивность мер, в качестве жестких административных санкций, в отношении правонарушителя, может дать не менее, а может быть даже и более положительный результат относительно аналогичного вида преступлений. Да, в уголовном законодательстве юридическое лицо не может быть субъектом преступления, в то время, когда административное законодательство предусматривает в качестве субъекта правонарушения юридическое лицо. Но при несении ответственности юридическим лицом, несут и работники, и руководство этого юридического лица. При этом, на наш взгляд, должны освобождаться от наказания, в том числе в виде зарплат, премий и других легальных доходов, те лица, которые информировали руководство такого юридического лица о возможных последствиях не соблюдения соответствующего действующего законодательства. Подтверждением (доказательством) при проведении ОРМ, прокурорской проверке, депутатском и журналистском расследовании, дознании, предварительном и судебном следствии (разбирательстве) тако-

го информирования могут быть СМС-сообщения, по электронной почте, по почте с уведомлением, докладные, рапорты и прочие документы, зарегистрированные в служебном регистрационном журнале поступающей почты юридического лица.

Экологические проблемы безопасности действительно актуальны и во всем мире, и в России в том числе. Поэтому такие российские ученые-правоведы и практики как Булгакова М.А., Васильева М.А., Воронцов А.М., Камлия И.Л., Костылева Г.В., Колина Ю.А., Кузнецова Н.А., Майорова Е.И., Момот Н.В., Муженская Н.Е., Муσειбов А.Г., Осипов Д.В., Тангиев Б.Б., Никанорова М.Н., Чагалидзе Д.Н., Цоколова О.И., Яковлева Л.В. и др., исследующие правовые аспекты в сфере экологии уделяют этому внимание [3]. Однако большая, часть научных исследований посвящена в основном квалификации этих правонарушений либо их расследованию. И в основном правонарушениям, связанным с незаконным изъятием природных ресурсов, а проблемам связанным загрязнением окружающей среды внимание почти не уделяется, особенно в последние годы.

Занимаясь проблемами экологических преступлений М.А. Васильева пришла к следующему выводу: «Анализ материалов уголовных дел, возбужденных по признакам экологических преступлений исследуемой группы, позволил прийти к выводу о том, что к основным мерам по устранению обстоятельств, способствовавших совершению экологических преступлений, следует относить: вынесение представления по устранению обстоятельств, способствовавших совершению экологических преступлений; осуществление правового экологического просвещения населения; принятие мер к обобщению и анализу выявленных в ходе расследования криминогенных обстоятельств.» [3: с.3]

При этом, М.А. Васильева исследуя научные разработки в части предупреждения экологических преступлений, совершенно справедливо отметила: «Сделан вывод о том, что к настоящему времени в общей теории криминалистики пока еще недостаточно сложилась такая частная теория (учение), как криминалистическая профилактика.» [4: с.40]

Правовая практика наглядно показывает, что наше законодательство нуждается совершенствовании нормативно-правовой базы в данной области.

Так, согласно данным ГИАЦ МВД России в январе – декабре 2023 года зарегистрировано 16,2 тыс. экологических преступлений, что на 15,0% меньше, чем за аналогичный период прошлого года [11: с.3]

Что касается административных проступков, то адвокат, управляющий партнер АБ «Сафоненков, Густов и Партнеры» Павел Сафоненков отдельно обратил внимание на составы административных правонарушений, по которым в 2022 г. произошло значительное снижение количества дел, переданных в суды и рассмотренных судами. Так, например, по ст. 6.3–6.6 КоАП РФ (нарушение за-

конодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения) в 2022 г. рассмотрено 33715 дел, а в 2021 г. – 75358. [7:]

И хотя, ученые-правоведы дают достаточно квалифицированные рекомендации практическим работникам касательно расследования и осмотра места происшествия по противоправным делам в области экологии, на наш взгляд возникает тенденция к увеличению латентности правонарушений. В связи с этим автор считает, что административное законодательство не столь эффективно, как ожидали законодатели.

Для сокращения проблем латентности правонарушений на наш взгляд, было бы целесообразно, лицам, уполномоченным на наложение и взыскания штрафа платить от суммы штрафа 10% либо, что бы штрафующее должностное и юридическое лицо сами при наложении штрафа брали себе эти 10%.

Профилактика правонарушений, как правило, предусматривает анализ причин возникновения этих правонарушений, иначе вся остальная деятельность по их предупреждению не даст должного результата по решению закономерно возникающих в связи с этим целей и задач.

На наш взгляд, чем эффективнее административное законодательство воздействует на правонарушителей, тем меньше совершается ими аналогичных, но более тяжких правонарушений, а именно преступлений.

Однако, увы, анализ административного законодательства, а именно КоАП РФ позволил выявить ряд существенных недостатков.

1. Для должностных и юридических лиц учитывая их доходы штраф, он слишком мягкий, фактически никакой.
2. Приостановление деятельности ю/л на срок до 90 дней, а ведь сроки в данной санкции должны быть мотивированы, не только из-за самого факта административного проступка, но устранения выявленных при этом причин самого проступка. Увы, но при исследовании научных исследований правоведов, занимавшихся предупреждением административных правонарушений против экологии, по данному вопросу нами не установлено.

Касательно первого недостатка можно отметить, что для злостных нарушителей в области экологической безопасности, это фактически не наказание, а безнаказанность порождает вседозволенность.

На наш взгляд, штраф должен быть в размере пятикратной стоимости очистного сооружения, а еще лучше нескольких очистных сооружений. Несколько сооружений для того, что бы на период профилактического ремонта одного такого сооружения, не было необходимости приостанавливать сам рабочий процесс юридического лица. Вообще наличие нескольких таких объектов должно обязательно предусматриваться и в соответствующих СНиПах. Их отсутствие должно наказываться соот-

ветствующими санкциями в отношении авторов таких нормативных актов. Также в пятикратной стоимости работ по установлению сооружений должен быть в отношении этих лиц штраф.

Именно так и должна звучать санкция в нормах КоАП РФ за экологические правонарушения.

Если же штраф неправомерный, то тогда, оштрафованное лицо станет за такую сумму отстаивать свои интересы в суде. В остальных случаях виновное лицо, ничего не потеряет (самое интересное то, что юридические лица при строительстве своих объектов уже заранее вкладывают в смету возможную сумму штрафа), невиновное лицо не станет из-за мизерных неправомерных штрафов обжаловать их в судебном порядке, а в бюджет государства в лучшем случае поступят незначительные суммы, даже не покрывающие работу тех, кто должен защищать интересы законопослушных лиц, безопасность государства в сфере экологии и финансовых средств государства.

Приостановление деятельности ю/л на срок до 90 дней может принести экологическую пользу, только в случае приостановки деятельности торгового объекта. В остальных случаях должно быть указано: до устранения выявленных дефектов и недостатков.

Аналогичные санкции, на наш взгляд, должны быть распространены и на юридические лица и их должностных лиц, в случае установления факта халатного выполнения ими своих должностных обязанностей по контролю за соблюдением экологических норм всеми лицами.

Пока наше административное законодательство, федеральное, так региональное и муниципальное этого ни разрабатывают в проектах законодательными органами, которые должны публиковаться во всех Российских СМИ и доводиться под роспись руководства юридических лиц, с последующим принятием проектов этих законов, их утверждением с подписанием Президентом России принятых законов, если они федерального значения.

Таким образом, автор пришел к выводу, что с законотворческой позиции, в форме административной деятельности, дознания и следствия, а также прокурорского надзора и суда лица, проводящие работу при исследовании самого факта и причин, послуживших, совершению правонарушения области экологической безопасности, должно иметь не только право, но и обязанность вносить предложения нормотворческого характера в своих Представлениях, вплоть до высших законодательных органов.

Литература

1. Антонян Ю.М. Криминология// Гл. 6 Предупреждение преступности. – М.: Логос, 2004.
2. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
3. Васильева. М.А. Об отдельных мерах по устранению обстоятельств, способствовавших со-

вершению экологических преступлений / М.А. Васильева // Евразийская адвокатура. – 2021. – № 1 (50).

4. Васильева. М.А. Концептуальные основы методики расследования экологических преступлений. Автореферат дисс. на соискание уч. степени д.ю.н., М. 2021
5. Казина Т.В. Предупреждение преступности административно-правовыми средствами. Административное право и процесс. 2015. – № 6. – С. 77–81.
6. Практическое руководство для следователей и дознавателей «Расследование экологических преступлений» под редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ О.И. Цоколовой, кандидата юридических наук, доцента Д.В. Осипова, кандидата юридических наук, доцента Н.Е. Муженской. М.: Проспект, 2018.
7. Сафоненков П. Административные правонарушения: тенденции 2023 г. <https://www.advgazeta.ru/mneniya/administrativnye-pravonarusheniya-tendentsii-2023-g/>
8. Смоленский М.Б., Дригола Э.В. Административное право//Учебник. – М.: КНОРУС, 2010.
9. Чурилов С.Н., К вопросу о целях применения криминалистических средств и методов lawbulletin.mgpru.ru Публичное право С. 49
10. Шульга В.И. Криминология: учебное пособие. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. 132 с.
11. Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 г. Москва

STRENGTHENING OF ADMINISTRATIVE SANCTIONS THROUGH THE USE OF FORENSIC METHODS AND TOOLS AS A PREVENTION OF ENVIRONMENTAL OFFENSES

Golikov O.V., Irincheev V.V.

Russian University of Cooperation

The problems related to the criminalistic prevention of environmental offenses are considered. The absence of strict sanctions in administrative legislation, the effectiveness of suspending the activities of a legal entity for up to 90 days, only for retail outlets, but not for more serious structures, for example, housing and communal services, industrial activities in the field of agriculture. The inability to send a Submission, a private definition by persons authorized by law to legislative bodies, in case of gaps in normative acts that do not allow more effectively solving issues related to the protection of the rights of law-abiding persons in violation of their legitimate rights, including in the field of ecology.

Keywords: forensic tools, ecology, offense, preventive measures, public administration, legal practice, representation.

References

1. Antonyan Yu.M. Criminology// Ch.6 Crime Prevention. – М.: Logos, 2004.
2. Belkin R.S. Forensic Encyclopedia. М.: Megatron XXI, 2000. 334 p.
3. Vasilyeva. M.A. On Certain Measures to Eliminate Circumstances that Contributed to the Commission of Environmental Crimes / M.A. Vasilyeva // Eurasian Advocacy. – 2021. – No. 1 (50).

4. Vasilyeva. M.A. Conceptual Foundations of the Methodology for Investigating Environmental Crimes. Abstract of Dissertation for the Degree of Doctor of Law, M. 2021
5. Kazina T.V. Crime Prevention by Administrative and Legal Means. Administrative Law and Process. 2015. – No. 6. – P. 77–81.
6. Practical guide for investigators and inquiry officers “Investigation of environmental crimes” edited by Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation O.I. Tsokolova, Candidate of Law, Associate Professor D.V. Osipov, Candidate of Law, Associate Professor N.E. Muzhenskaya. Moscow: Prospect, 2018.
7. Safonenkov P. Administrative offenses: trends for 2023 <https://www.advgazeta.ru/mneniya/administrativnye-pravonarusheniya-tendentsii-2023-g/>
8. Smolensky M. B., Drigola E.V. Administrative law//Textbook. – M.: KNORUS, 2010.
9. Churilov S.N., On the issue of the purposes of using forensic tools and methods lawbulletin.mgpu.ru Public law P. 49
10. Shulga V.I. Criminology: a textbook. – Vladivostok: Publishing house of VSUES, 2008. 132 p.
11. Ministry Of Internal Affairs Of The Russian Federation Federal State Information And Analytical Center State of crime in Russia for January-December 2023 Moscow

Зацепин Михаил Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества УрГЮУ
E-mail: mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права УрГЮУ, профессор кафедры предпринимательского права УрГЭУ, член Российской криминологической ассоциации, старший прокурор отдела по надзору за оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Свердловской области
E-mail: tp0507@ya.ru

Аникин Михаил Сергеевич,

прокурор отдела по надзору за оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Свердловской области
E-mail: mike-anikin@mail.ru

Актуальность темы проведенного исследования несомненна и убедительно обоснована и подтверждается тем, что преступность в сфере предпринимательской деятельности в последние годы характеризуется преобладанием негативных тенденций. Вместе с тем очевидно и то обстоятельство, что состояние системы обеспечения и защиты безопасности предпринимательства в современных экономических условиях далеко не адекватно характеру складывающейся криминологической обстановки, а интенсивность ее развития и наращивание возможностей противодействия явно отстает от роста и качественных изменений криминальных явлений.

В основе предпринимательской деятельности лежит обладание собственностью, защита которой является основой концепции. Попытки исправить существующее положение, прежде всего, проанализировав реальное состояние преступности, порождающие ее социальные явления в обществе, ресурсы и средства, которые могут противодействовать преступности не достигают поставленных задач и целей, от тревожащих и панических оценок перейти к «выявлению» реального положения дел, учитывая, что положение может оказаться еще более неприятным. Криминологические прогнозы показывают, что наибольшую опасность для общества представляет рост числа лиц, не имеющих жилья и работы, выбитых из колеи не только пандемией, увеличением группы лиц с психическими отклонениями, страдающими наркоманией и алкоголизмом, но и увеличивающее число подростков и детей, фактически и юридически лишенных жилья и досуга.

Ключевые слова: методика, преступность, экономические и политические свободы, криминальные явления.

В настоящее время состояние формируемого российского уголовного законодательства, при его бессистемности, низкой эффективности и, безнаказанными нарушениями законодательства, отражается на уровне борьбы с преступностью. Причина такого положения в том состоянии самой государственной власти, которое мы наблюдаем в течение последних лет – в ослаблении влияния на негативные процессы в развитии общества, эрозия чиновничьего аппарата и ее неспособности влиять на процессы, разрушающие социальное общество. Результаты видны каждому – рост преступности, спад и развал производства, все более значимое падение жизненного уровня. Базовые причины этих явлений уходят в политические и экономические, при том что законодательные и правоприменительные меры несвоевременны, неэффективны или социально не находят оправдание.[6]

Необходима объективно обусловленная характеристика права для уголовного законодательства – его системность, соотношение с другими источниками права, взаимная связь действующих законов как единой системы. В настоящее время существующие пробелы в решении основных проблем уголовного законодательства, большое количество законов, которые являются таковыми только по названию. В публичную сферу попадает информация, что в недрах тех или иных властных структур, ведомств разрабатываются планы законодательных работ, намечается очередность и даты внесения законопроектов, без теоретического анализа, планирования и прогнозирования, согласования социальных интересов, а также отсутствие общественного согласия с целями и средствами, процессом подготовки и принятия практически любого законодательного акта. Очевидно, что борьба с преступностью, при этом проявляется, что нынешний российский законодатель слабо подготовлен к поиску общественного согласия и к своей роли представителя своих избирателей и выразителя его общей воли. Практика работы законодателей показывает, что депутаты ощущают себя в первую очередь представителями партий и движений, по спискам которых они проходили или представителями определенных социальных групп, отдельных регионов. Они в значительной мере нацелены на отстаивание соответствующих партийных, групповых, корпоративных интересов, делая их предметом политического и экономического торга. В законодательной практике последнего времени достаточно явно обсуждалось наличие общего корпоративного интереса в рамках депутатского корпуса, о чем свидетельствует работа над уголовным законодательством.

В условиях увеличивающихся масштабов законодательной деятельности, научная (криминологическая) проектов нормативных актов станет существенным элементом нормотворческого процесса. Пока такая экспертиза понимается как общая правовая оценка законопроекта, а процедура назначения и проведения экспертизы не имеет необходимого регулирования, каких-либо обязательных требований.[8]

Формирующийся самобытный путь, который приобретают наши реформы в результате сочетания, с одной стороны, придать им цивилизованные очертания, а с другой не допустить их как противоречащих самобытности, породил такой феномен, как в шекспировском Датском королевстве стоял вопрос перед принцем Гамлетом: «быть или не быть?», по нашему нынешнему – «платить или не платить?» налоги. Для многих физических и особенно юридических лиц альтернатива однозначна заплатить все налоги, сборы без сокрытия – все равно, что не жить, т.к. не заплатить риск не меньший, но все же есть некий шанс уйти от наказания. В следствии такой парадигмы – оборот теневого капитала достигает величин со многими нулями и участвуют в нем не только криминальные структуры, которые по своему статусу не могут иметь никаких налоговых дел с налоговыми службами, нет это легальные предприниматели (бизнес), которые уходят от налогов самыми простыми способами – просто не платят или скрывают доходы. Налогоплательщики причины такого поведения объясняют финансовыми притязаниями российских чиновников недостаточного поступления в экономику средств, которые ни в какой мере не могут государство удовлетворить. Вследствие чего продолжаются метания – пенсии урезать и поднять пенсионный возраст, покупку валюты обложить данью, от банковских депозитов урезать, систематично изменяются законы и правила «игры». По законодательной части всем хорошо известно то, что от закона до налоговых денег дистанция огромного размера, то применяются к мерам регулятивным – контрольным, штрафным, уголовным, которые несомненно действенны. Существующие проблемы профилактики преступности в экономической сфере всегда привлекали внимание юристов, философов, социологов, психологов, журналистов и всех затрагивают вопросы о том, кто и почему злоупотребляет существующим положением уплаты налогов и совершает преступления.

Преступность всегда представляет объект повышенного внимания, как опасное антиобщественное явление. Публикации данных о преступности носят открытый характер, статистические данные содержат сведения о числе зарегистрированных преступлений, о выявленных правонарушениях, о судимости. Статистические данные о преступности и фактическая преступность – разные явления. Преступность обладает свойством латентности, статистика фиксирует не все характеристики этого явления, поэтому статистические показатели необходимо анализировать во взаимосвязи

социальных, правовых и иных факторов. Статистическая информация о преступности с соответствующими криминологическими комментариями служит определенным индикатором социально-экономического состояния общественного развития. Имея статистические данные об экономических преступлениях, отражающих содержание происходящих изменений, т.к. преступность была и есть во всех сферах и государствах. Преступность отражает в себе происходящие изменения в общественном развитии, в том числе и в экономической сфере, которая требует изменения идеологии реагирования на преступность, с изменившимися тенденциями. Одновременно с тенденциями значение имеет изучение новых качеств, приобретаемых преступностью в современный период и в особенности в экономических преступлениях, через механизм преступного поведения. [1]

Становление, развитие отечественного предпринимательства в пореформенный период рыночных отношений отличается рядом особенностей, с определенным опозданием, к рыночной экономике, вследствие чего опирается в своем утверждении не столько на экономические, сколько на административные методы. В экономике России большая роль, основная ставка делается не на свободу предпринимательства (бизнеса), а на государственное вмешательство и регулирование законами, подзаконными актами, регламентами. Правовой основой предпринимательской деятельности выступает гражданско-правовой договор, который закрепляет требования к результатам предпринимательской деятельности в экономике страны. Договорные отношения обеспечивают непосредственное участие предпринимателей в формировании экономической деятельности и управлении производством. Исполнение договорных обязательств является важнейшим показателем организованности и исполнительности в механизме преступного поведения.[2]

Идущие в стране преобразования в социальной, экономической, политической сферах изменили обстоятельства, при которых совершаются преступления, расширили возможности, а также мотивы и причины их совершения. И если ранее планировалась работа по пресечению преступной деятельности на территории страны, а международных преступных групп с использованием возможностей Интерпола, то в настоящее время правоохранительные органы столкнулись с обратным феноменом. Наша «доморощенная» преступность стала интернациональна, неизвестные, а в ряде случаев просто неожиданные формы преступных проявлений поставили и определенные вопросы. [3]

Из сказанного логически вытекает – уголовное законодательство для современной России имеет не только теоретическое или методологическое, но и существенное практическое значение, а временные границы изменений подвижны и неопределенны. Принятие «нового», происходит и перед законодательством ставит ряд существенных задач

в связи с нерациональностью и неадекватностью складывающимся общественным отношениям законодательных решений, рассчитанных на быстрые действия. Неосновательность бытовавшего оптимизма, что «все само собой образуется», для этого правовая регламентация должна будет уступить место самостоятельной регуляции субъектов права. Проблема изменения уголовного законодательства многоаспектна, очевидны и механизмы реализации (исполнения) принятых административных решений.[5]

Существующим, отчасти, к существенным изменениям содержательной (материальной) стороны закона связано с усилением его взаимодействия с международным правом, в связи с чем усложняется иерархическая структура законодательства и возникает ряд сложных теоретических и практических проблем в правотворчестве и правовой реализации. Существенно возрастает удельный вес законов в общей массе нормативных актов, хотя и подзаконными актами.[4]

Теневая экономика на свободном рынке (при свободе конкуренции) от прежнего Госплана заняла пустующее место, оставленное государством, и как нам представляется противоречие содержится в том, что, давая простор предпринимательству, внедряя в экономику нормы гражданского права и возлагая надежды на «саморегуляцию», государство первоначально устранило свою роль в управлении рыночными процессами. Если рассуждать категориями научными, то в принципе это было нормально, но это право не может действовать в автоматическом режиме в хозяйственной деятельности и обойтись без государственного «принуждения». Самоустранение государства первоначально из рыночных отношений привело к печальным, а иногда и губительным последствиям. Особенно убедительны негативные последствия самоустранения с рынка в историях с финансовыми пирамидами (мошенничество как средство обмана людей бессмертно пока есть люди). Конкретные махинации власть обязана пресекать и, если появляется возможность «юридическое шулерство», значит не создали правового регулирования рыночных отношений, а государство сбросило с себя ответственность перед обществом. Обещания, без должных оснований, взять на себя обязательства по вкладам обманутых людей или дольщиков на строительном рынке, но так и не создало надежных механизмов их защиты. в этой области. Заслуживает большего внимания принципиальная позиция бизнеса, в соответствии с которой решение проблемы безопасности предпринимательства не должно сводиться к борьбе с экономической преступностью, а главное состоит не в государственной правоохране, а в социальных механизмах.[7]

Литература

1. Госдума одобрила новеллу о предпринимательских преступлениях. // 12.10.2024 г.// pravo.ru/news/249256/.

2. Законодательство о борьбе с преступностью: состояние и перспективы развития. М., 2010. – 172 с.
3. Молдавская схема по российскому госзаказу: как дела «Ландромата» выводят ФСБ и ЦБ // 18.08.2020. <https://pasm.ru/archive/278676/>; «Отмыли миллиарды долларов»: богатых россиян обвинили в распространении коррупции в Европе <https://pasm.ru/archive/294486/>.
4. Обзор практики ВС: как применять международные нормы в уголовных делах. 09.12.2021. / <https://pravo.ru/story/236884/>.
5. Пленум ВС представил правила возобновления уголовных дел. // 23.11.2021. / <https://pravo.ru/story/236924/>. Или ВС уточнил, когда бизнесменов можно отправлять в СИЗО. 22.04.2024. <https://pravo.ru/news/252705/>.
6. Пленум ВС утвердил новые правила арбитражного процесса. 23.12.2021. <https://pravo.ru/story/237844/>; В 2023 году возбудили более 700 дел о казнокрадстве. 24.04.2024. <https://pravo.ru/news/252745/>.
7. Предпринимателям надо объединяться, а УК изменять: как защитить бизнес в России //19.06.2019. <https://pravo.ru/story/212411/>; В Екатеринбурге впервые за пять лет вырос уровень преступности // <https://www.znak.com/2020-02-18/>.
8. Судьи в ОПГ и в ДТП: «уголовные» истории с внеочередного заседания ВККС. 07.02.2022. / <https://pravo.ru/story/238837/>; Или Минюст хочет возмещать издержки, понесенные до возбуждения дела. 03.05.2024. <https://pravo.ru/news/246498/>.

ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN THE MECHANISM OF CRIMINAL BEHAVIOR

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Anikin M.S.

USUE, Operative-Investigative Activities Sverdlovsk region

The relevance of the topic of the conducted research is indisputable and convincingly justified and confirmed by the fact that crime in the field of entrepreneurial activity in recent years has been characterized by the predominance of negative trends. At the same time, it is also obvious that the state of the business security system in modern economic conditions is far from adequate to the nature of the emerging criminological situation, and the intensity of its development and the build-up of counteraction capabilities clearly lags behind the growth and qualitative changes in criminal phenomena.

The basis of entrepreneurial activity is the possession of property, the protection of which is the basis of the concept of an attempt to remedy the existing situation, first of all, by analyzing the real state of crime, the social phenomena that generate it in society, resources and means that can counteract crime do not achieve their goals and objectives, from alarming and panicky assessments to move to “reveal” the real state of affairs, given that the situation may turn out to be even more unpleasant. Criminological studies show that the greatest danger to society is the increase in the number of people without housing and work, unsettled not only by the pandemic, an increase in the group of people with mental disabilities suffering from drug addiction and alcoholism, but also an increasing number of adolescents and children who are actually and legally deprived of housing and leisure.

Keywords: methodology, crime, economic and political freedoms, criminal phenomena.

References

1. The State Duma approved the novel on entrepreneurial crimes. // 12.10.2024// pravo.ru/news/249256/.
2. Legislation on combating crime: the state and prospects of development. M., 2010. – 172 p.
3. The Moldovan scheme for the Russian state order: how are the “Landromat” being withdrawn by the FSB and the Central Bank // 08/18/2020. <https://pasm.ru/archive/278676/>.; “Billions of dollars were lost”: rich Russians were accused of spreading corruption in Europe <https://pasm.ru/archive/294486/>.
4. Review of the practice of the Armed Forces: how to apply international norms in criminal cases. 09.12.2021. / <https://pravo.ru/story/236884/>.
5. The Plenum of the Supreme Court presented the rules for the resumption of criminal cases. // 11/23/2021. / <https://pravo.ru/story/236924/> /. Or the Sun specified when business men can be sent to the pre-trial detention center. 04/22/2024. <https://pravo.ru/news/252705/> /.
6. The Plenum of the Supreme Court approved the new rules of the arbitration process. 12/23/2021. <https://pravo.ru/story/237844/> In 2023, more than 700 cases of embezzlement were initiated. 24.04.2024. <https://pravo.ru/news/252745/>.
7. Entrepreneurs need to unite, and the Criminal Code should be changed: how to protect business in Russia //06/19/2019. <https://pravo.ru/story/212411/> /.; The crime rate has increased in Yekaterinburg for the first time in five years // <https://www.znak.com/2020-02-18/> /.
8. Judges in organized criminal groups and in road accidents: “criminal” stories from an extraordinary meeting of the CCCS. 07.02.2022. /<https://pravo.ru/story/238837/> /; Or the Ministry of Justice wants to reimburse the costs incurred before the case was initiated. 03.05.2024. <https://pravo.ru/news/246498/>.

Характеристика преступлений в сфере телекоммуникационных технологий и уголовно-процессуальные аспекты противодействия им

Кораблев Андрей Алексеевич,

старший преподаватель Университета «Синергия»,
адвокат Адвокатской палаты г. Москвы
E-mail: legalagenc@yandex.ru

На современном этапе телекоммуникационные технологии обладают обширным развитием, вследствие чего происходят значительные изменения в особенностях, методах совершения преступлений, при этом значительная доля преступных деяний совершается посредством телекоммуникационных технологий, вследствие чего значимым представляется изучение данных преступлений, а также формирование направлений противодействия им.

В качестве нормативного обоснования исследования, проведенного в рамках данной статьи, выступают конституционные положения, а также уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, при этом раскрываются аспекты законодательства, затрагивающие противодействие киберпреступлениям, а также преступлениям, которые сопряжены с различными телекоммуникационными технологиями.

В качестве выводов исследования выступают аспекты совершенствования аспектов уголовно-процессуального противодействия телекоммуникационным преступлениям, которые также базируются на возможности международного взаимодействия в области уголовного права и процесса.

Ключевые слова: уголовное право; уголовный процесс; телекоммуникационные технологии; виртуальное пространство; киберпреступления; преступления, совершаемые с использованием телекоммуникационных технологий; правоохранительная деятельность.

Правоохранительная деятельность представляется значимой государственной функцией, которая направлена на защиту и охрану общественных интересов, что подразумевает защиту прав, свобод личности, государства, организаций.

Исследуемая деятельность базируется на необходимости обеспечения безопасности общественных интересов и реализуется выявлением и расследованием преступлений.

Вследствие этого исследование уголовно-процессуальной деятельности органов правопорядка с позиции противодействия преступлениям, связанным с современными информационными и цифровыми технологиями, представляется весьма значимым.

Современные телекоммуникационные технологии обладают многообразием, которое выражается в использовании социальных медиа, электронных СМИ, различных веб-сайтов, что предоставило людям обширные возможности в виртуальном пространстве, которое в настоящее время практически невозможно контролировать с позиции государства.

Современные технологии обладают активным развитием и значительными масштабами распространения, что оказало влияние на сферу преступности, поскольку сформировалось множество новых видов преступлений, в первую очередь, киберпреступлений, которые основываются на применении телекоммуникационных технологий.

Киберпреступность получила обширное развитие в последние годы, а виртуальное пространство, цифровые технологии предоставляют преступникам практически безграничные возможности, вследствие чего они обладают возможностью действовать скрытно, совершать преступления в других государствах посредством сети Интернет, осуществлять мошеннические действия в банковской и иной сферах.

Существующие авторские исследования обладают на современном этапе узкой направленностью, однако исследуемый проблемный аспект обладает комплексностью, вследствие чего нуждается в глубоком изучении, при этом отечественное уголовное законодательство обладает ограничениями, санкциями за преступления, которые затрагивают нарушение целостности и сохранности информации в Сети, то есть те, в которых в качестве объекта выступают общественные отношения, формирующиеся в области информационной безопасности [1].

Авторами отмечается, что существование киберпреступности является наличием криминаль-

ной сферы, в которой существует множество категорий преступников (мошенники, хакеры, вымогатели, педофилы), а также активно развиваются направления работоторговли, торговли оружием и наркотическими веществами, что формирует множество преступлений и правонарушений [2].

Отдельные преступные деяния затрагивают непосредственно экономическую сферу, в рамках которой применяются современными телекоммуникационные технологии, вследствие чего преступниками реализуются мошеннические операции, осуществляются взломы пользователей в социальных медиа, вымогаются денежные средства под различными предлогами, а также распространены преступления в сфере фиктивной продажи продукции.

В качестве приоритетного средства осуществления киберпреступлений выступает незаконный оборот платежных средств, реализация незаконной банковской деятельности, что также основывается на использовании телекоммуникационных технологий, при этом наиболее распространенными выступают киберпреступления, которые сопряжены с банковскими операциями, связанными с переводом денег. Вследствие использования виртуального пространства, современные платежные поручения в большинстве случаев направляются через него, что позволяет значительно упростить деятельность для преступников, а также значимым выступает то, что подобные аспекты препятствуют уголовно-процессуальному документированию [3].

Ежегодно повышается количество преступлений, связанных с половой свободой, неприкосновенностью, что во многих случаях затрагивает права несовершеннолетних лиц, вследствие чего в России допускается один приговор, который вступает в законную силу за действия сексуальной специфики (согласно ст. 132 Уголовного кодекса РФ). Данные преступления сопряжены с применением виртуального пространства, а также телекоммуникационных технологий, и совершаются по отношению к лицам женского пола, которые нередко не достигают возраста четырнадцати лет [4].

Весьма распространенным преступлением в рамках виртуального пространства в отношении несовершеннолетних представляется взаимодействием взрослых мужчин с несовершеннолетними девочками, в рамках которого ими демонстрируются фотографии непристойного содержания, а также направляются сообщения с предложением о действиях сексуальной специфики. Также весьма распространенными являются интернет-ресурсы, которые содержат соответствующий контент.

Значительную угрозу в виртуальном пространстве для молодежи создали «группы смерти» (например, «Синий кит», «Тихий дом»), которые нацелены на склонение несовершеннолетних к суициду, при этом для вступления в подобную группу детьми выполняются задания, которые сопряжены с фотографиями на железной дороге, крышах домов, а в рамках подобных групп детям внушается позиция, согласно которой они не нужны своим

родителям, родственникам, вследствие чего иной мир представляется более привлекательным. Таким образом, преступниками оказывается значительное влияние на несформированную психику детей [5].

Участники подобных групп акцентируют свое внимание на применение современных телекоммуникационных технологий, что формирует проблемы для правоохранительных органов с позиции выявления участников подобных групп, а также организаторов, при этом нередкими преступлениями является популяризация экстремистских материалов, управление противоправной деятельностью.

Современные технологии применяются для взаимодействия преступников между собой, а также с участниками группировок, что позволяет нередко реализовывать управление группировками в дистанционном формате, а также нередко обучение террористов осуществляется на дистанционной основе (примером может послужить случай с Крокус Сити Холл).

Финансирование экстремистских и террористических группировок в настоящее время также основывается на активном использовании дистанционного формате, различных криптовалютных кошельков, зашифрованных сообщений и переводов.

Для того, чтобы цели подобных преступных организаций были достигнуты, нередко используются различные социальные медиа, среди которых в России в последнее время распространен Телеграм. Посредством социальных сетей организаторами осуществляется поиск потенциальных исполнителей преступлений, а также реализуются направления пропаганды, что провоцирует повышение количества преступных деяний, связанных с применением телекоммуникационных технологий [6].

Существующие возможности телекоммуникационных технологий представляются весьма обширными, вследствие чего они привлекают преступников. Виртуальное пространство, социальные медиа, а также технологии в целом активно применяются для незаконного оборота оружия, наркотических веществ, при этом взаимодействие продавца и потребителя осуществляется в рамках бесконтактного сбыта, а также основывается на переписке в социальных сетях, мессенджерах, после чего через специализированные сайты осуществляется оплата. Далее специальными людьми в особых местах осуществляется закладка запрещенных средств, после чего их сообщают потребителям [7].

Законодательством в государстве запрещается деятельность, которая сопряжена с проведением азартных игр, при этом непосредственно заведения функционируют на территории разрешенных зон, однако нередки случаи организации игр посредством зарубежных государств, при этом процесс доказывания подобной деятельности представляется сложным.

На современном этапе имеется множество преступлений, которые непосредственно сопряжены

с применением телекоммуникационных технологий, при этом их количество регулярно увеличивается, а существующие меры противодействия представляются не столь эффективными, при этом особенности подобных деяний основаны на использовании исследуемых технологий. Этим объясняется существование высоких показателей латентности преступных деяний, что формирует проблемы с их расследованием, выявлением, противодействием им.

Авторами в качестве приоритетной специфики подобных преступлений выделяется процесс следообразования, что формирует проблемы выявления деяний для органов правопорядка [1].

В качестве иной специфики выделяется отсутствие взаимосвязи активных преступлений с местом наступления последствий, что обуславливается дистанционным форматом их совершения, а также активным применением преступниками виртуального пространства [6].

Опираясь на приведенное выше, существует острая необходимость в формировании методов, средств, механизмов противодействия преступлениям, основанным на использовании телекоммуникационных технологий.

Аспекты противодействия исследуемым преступлениям авторами подразделяются на внутригосударственные и межгосударственные, при этом к первым причисляются криминалистические тактики, подходы к расследованию, формирование требований, связанных со сбором, оценкой доказательств. В отношении России внимание должно акцентироваться на формировании тактики реализации следственных мероприятий, под которыми первоначально подразумевается изучение места происшествия, проведение выемки телефонных и иных переговоров [8].

Стоит отметить, что особенности реализации изучения места происшествия, обыска подразумевает осуществление подготовки, привлечения сотрудников правоохранительных органов, экспертов, а также использование различных криминалистических средств, что позволяет выявлять необходимую информацию, а также изучать программное обеспечение [1].

С позиции авторов, «необходима выработка рекомендаций по изъятию, упаковке и транспортировке компьютерной техники и иных носителей информации, обнаруженных в ходе данных следственных действий, а реализация такого следственного действия, как контроль телефонных и иных переговоров по уголовным делам может способствовать выявлению мест нахождения используемой компьютерной техники, иных незаконных предметов, документов (в частности электронных)» [3].

Немаловажным представляется, что использование телекоммуникационных технологий сопряжено с невозможностью реализации принципа территориальности, вследствие чего отмечается низкая результативность расследования подобных преступлений, вследствие чего отдельные по-

ставщики телекоммуникационных услуг намеренно располагаются на территории зарубежных государств. С данной позиции важным представляется совершенствование международного взаимодействия по вопросам противодействия киберпреступлениям.

Реализация международного взаимодействия в рамках уголовных дел допускается в ситуациях, когда необходимо осуществление изучения территорий зарубежных государств, а также реализации следственных мероприятий, которые сопряжены с осмотром, выемкой, допросом. Данное взаимодействие позволит выявлять преступников, которые скрываются на территории зарубежных стран, что позволит упростить и повысить эффективность расследования киберпреступлений.

Авторами выделяется необходимость развития международного взаимодействия с уголовно-процессуальной позиции в отношении преступлений, совершаемых с применением телекоммуникационных технологий.

Можно сделать вывод, что на современном этапе для увеличения результативности выявления, расследования преступлений, основанных на применении телекоммуникационных технологий, требуется улучшение криминалистической тактики, методов расследования, использование современных средств и подходов к расследованию, а также формирование требований, связанных со сбором, оценкой доказательств. Также значимым представляется реализация международного сотрудничества в исследуемой сфере, что также может оказать влияние на увеличение эффективности выявления и расследования киберпреступлений.

Литература

1. Урбан В.В. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: общая характеристика и уголовно-процессуальные меры по их противодействию // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88).
2. Рассолов И.М. Киберпреступность: понятие, основные черты, формы проявления // Юридический мир. – 2008. – № 2. – С. 44–46.
3. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие / А.Н. Попов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 68 с.
4. Батоев В.Б. О современном состоянии и противодействии преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // ЮП. 2023. № 2 (105).
5. Косарев А.С., Саенко М.А. Проблемные вопросы раскрытия мошеннических действий, совершенных с использованием информационных телекоммуникационных технологий //

Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 3.

6. Белоусова М.Н., Белоусов В.А., Данилина О.М. Статистический анализ тенденций развития киберпреступности в условиях современной экономики // Развитие территорий. 2022. № 4.
7. Торговченков В.И., Иванов С.А. Особенности предупреждения бесконтактных способов сбыта наркотических веществ в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 12. – С. 84–88.
8. Поздышев Р.С., Васильев А.Е. Структура преступлений в сфере компьютерной информации в практике органов внутренних дел // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова. 2022. № 4.

CHARACTERISTICS OF CRIMES IN THE FIELD OF TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES AND CRIMINAL PROCEDURAL ASPECTS OF COUNTERING THEM

Korablev A.A.

Synergy University

At the present stage, telecommunications technologies have extensive development, as a result of which significant changes are taking place in the features and methods of committing crimes, while a significant proportion of criminal acts are committed through telecommunications technologies, as a result of which it is important to study these crimes, as well as the formation of ways to counter them. The normative substantiation of the research conducted within the framework of this article is constitutional provisions, as well as

criminal and criminal procedure legislation, while revealing aspects of legislation affecting countering cybercrimes, as well as crimes that involve various telecommunications technologies.

Keywords: criminal law; criminal procedure; telecommunication technologies; virtual space; cybercrimes; crimes committed using telecommunication technologies; law enforcement.

References

1. Urban V.V. Crimes committed using information and telecommunication networks: general characteristics and criminal procedural measures to counteract them // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No.1 (88).
2. Rassolov I.M. Cybercrime: concept, main features, forms of manifestation // Legal world. – 2008. – No. 2. – pp. 44–46.
3. Crimes in the field of computer information: a textbook / A.N. Popov. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2018. 68 p.
4. Batoev V.B. On The Current State And Counteraction To Crimes Committed Using Information And Telecommunication Technologies // YUP. 2023. № 2 (105).
5. Kosarev A.S., Saenko M.A. Problematic issues of disclosure of fraudulent actions committed using information telecommunication technologies // Problems of law enforcement. 2022. No. 3.
6. Belousova M.N., Belousov V.A., Danilina O.M. Statistical analysis of trends in the development of cybercrime in the conditions of modern economy // Development of territories. 2022. № 4.
7. Torgovchenkov V.I., Ivanov S.A. Features of the prevention of contactless methods of selling narcotic substances in the Russian Federation // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2018. – No. 12. – pp. 84–88.
8. Pozdyshev R.S., Vasiliev A.E. The structure of crimes in the field of computer information in the practice of internal affairs bodies // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2022. № 4.

Крюков Антон Владимирович,

Старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы назначения наказания за совершение преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ – «Заведомо ложный донос». Автор исследует понятие преступления – заведомо ложного доноса, ведущего свое начало из глубокой древности, общественную опасность данного преступления, значение ст. 306 УК РФ для нормального существования общества и судопроизводства по уголовным делам. В статье автором приводятся примеры соответствующих преступлений, получившие широкий общественный резонанс. По мнению автора, в судебной практике по данной статье имеет место явное несоответствие назначаемого наказания общественной опасности совершенного деяния. Обвинив невиновного в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, за которое может быть назначено наказание в виде длительного лишения свободы, доноситель рискует получить наказание всего лишь до 3-х лет лишения свободы, а фактически ему чаще всего назначается штраф. Подобное несоответствие наказания деянию стимулирует ситуации шантажа или запугивания виновным лица, которое на самом деле никакого преступления не совершило. Также у виновного имеются и иные способы избежать наказания. Поэтому автор статьи предлагает изменить механизм назначения наказания по ст. 306 УК РФ.

Ключевые слова: Квалификация преступлений, уголовная ответственность, заведомо ложный донос, виновный, потерпевший, шантаж, основы уголовного судопроизводства.

Во все времена ложное обвинение в совершении преступления считалось преступлением само по себе. Достаточно вспомнить девятую заповедь Христа «Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего».

Согласно библейскому мифу, царь Ахав подкупил двух свидетелей, чтобы они оклеветали Навуфея в том, что тот выступал против царя. По тогдашним законам обвиненного побили камнями, а Ахав завладел его виноградником. Однако после разоблачения его пророком Илией потомки Ахава были истреблены.

Безусловно, ложный донос представляет собой чрезвычайно опасное преступное деяние. Подобные деликты посягают на правосудие, заставляя всю систему уголовного судопроизводства работать вхолостую. Дополнительно заведомо ложный донос может наносить ущерб праву любого человека на здоровье, на собственность, на честь, достоинство и прочие неотъемлемые блага.

Так, приговором судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 24.07.1958 г. [1] выдающемуся футболисту Э.А. Стрельцову по заведомо ложному доносу об изнасиловании было назначено наказание – 12 лет лишения свободы. При этом потерпевшая еще в ходе следствия написала заявление, в котором просила прекратить дело, пояснив, что прощает Стрельцова. Однако это заявление ей вернули.

У всех на слуху история Дианы Шурыгиной, по ложному доносу об изнасиловании которой Сергею Семенову назначено 8 лет лишения свободы.

Можно назвать еще большое количество подобных ситуаций. Нередко ложный донос о якобы совершении подобных преступлений используют женщины, преследуя личные корыстные цели, из мести, ревности и т.д. Также возможен ложный донос о преступлении против собственности, совершенный с целью вымогательства либо с целью возвращения долга, ложный донос о похищении человека по подобным же мотивам и т.д.

Три части ст. 306 УК РФ предусматривают, соответственно, наказания в виде 2 лет лишения свободы, за заведомо ложный донос о совершении преступления, соединенный с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления – 3 года лишения свободы и за заведомо ложный донос с искусственным созданием доказательств обвинения – 6 лет лишения свободы.

Так, 24.05.2017 г. Ленинским районным судом Санкт-Петербурга [2] М. признан виновным в совершении заведомо ложного доноса, соединенного с обвинением лица в совершении тяжкого преступления.

М., предупрежденный об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 306 УК РФ, понимая, что сообщает ложные сведения о совершении тяжкого преступления, вводя правоохранительные органы в заблуждение, с целью получить денежный долг от своего знакомого А., сообщил, что А. избил его и похитил его имущество на сумму 5000 рублей. Заявление М. зарегистрировано надлежащим образом.

Однако проверка показала, что М. умышленно оговорил А., обвинив его в совершении грабежа с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья.

М. был осужден к штрафу в размере 100000 рублей.

В данном случае М. ложно обвинил А. в совершении тяжкого преступления, предусматривающего наказание до семи лет лишения свободы.

Согласно статистическим данным, в 2022 году в РФ по ч. 2 ст. 306 УК РФ было осуждено 377 человек, из них 35 – к реальному лишению свободы, 79 – условно, 250 – к штрафу. [3] Наказание до 1 года лишения свободы назначено 18 осужденным, от 1 до 2 лет – 17.

Таким образом, практика назначения наказания по этой статье идет по пути назначения достаточно мягких наказаний. В подавляющем большинстве за подобные преступления назначается штраф, реальное же лишение свободы назначается менее чем в 10% случаев. При этом срок лишения свободы не превышает 2 лет, чаще всего в колонии-поселении.

Таким образом, общественная опасность заведомо ложного доноса несоразмерна предусмотренной за него санкции. Фактически выдвинув в отношении не совершавшего никакого преступления лица обвинение, по которому предусмотрен длительный срок лишения свободы, сам доноситель рискует минимально. В большинстве случаев ему угрожает лишь штраф. Поэтому надо признать, что статьёй 306 УК РФ порядок осуществления правосудия и права невиновных лиц защищены недостаточно.

Кроме того, как пишет А.И. Анучина в статье «Заведомо ложный донос: некоторые вопросы квалификации и доказывания», законодательство не раскрывает понятия заведомости, эта категория не определена в принципе, какой – либо судебной практика применения этого понятия не имеется. [4] Поэтому виновное лицо в случае установления ложности доноса всегда имеет возможность сослаться на свое добросовестное заблуждение, пояснив, что воспринимало происходящее именно как преступление.

А.И. Анучина также указывает, что ст. 306 УК РФ долгое время была «мертвой» нормой, использовалась крайне редко, расширение её применения наблюдается только в последнее время.

Поэтому, с нашей точки зрения, для оптимизации действия данной статьи возможно использование принципа кратности назначаемого наказания, как это было осуществлено Федеральным за-

коном «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» от 04.05.2011 г. № 97-ФЗ в отношении кратности размера штрафа полученной взятке.

Срок предусмотренного ст. 306 УК РФ наказания в виде лишения свободы следует установить в зависимости от размера максимального наказания, предусмотренного за преступление, в совершении которого виновный заведомо ложно обвиняет потерпевшего. Размеры наказания, в зависимости от категорий преступлений, возможно установить либо соответствующие наказания за преступления, о совершении которых имел место ложный донос, либо жекратно превышающие эти наказания.

Подобная мера должна, прежде всего, существенно усилить воспитательную функцию данного уголовного закона, то есть существенно увеличить его частное и общее превентивное значение. Кроме того, подобное ужесточение наказания существенно отразится на охранительной и регулятивной функциях уголовного закона. В этом случае, совершая заведомо ложный донос, виновный будет осознавать, что наказание за это преступление напрямую зависит от того, в чем он необоснованно обвинит потерпевшего. Таким образом, первоначальная мотивация виновного в виде корысти или мести, а также его желание избежать уголовной ответственности, будут уравниваться перспективой значительных неблагоприятных для него последствий.

Литература

1. Интернет- сайт «Право Ru» URL: <https://pravo.ru/process/view/27760/> (дата обращения 15.08.2024 г.)
2. Приговор Ленинского районного суда Санкт-Петербурга по уголовному делу № 1–190. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-306-uk-rf-zavedomo-lozhnyj-donos/prigovor-suda-po-ch.-2-st.-306-uk-rf-1-1902017-zavedomo-lozhnyj-donos.html> (дата обращения 15.08.2024 г.)
3. Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.апипресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 15.08.2024 г.)
4. А.И. Анучина «Заведомо ложный донос: некоторые вопросы квалификации и доказывания». Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 2 (58) 2013.С. 73–77.

ISSUES OF OPTIMIZATION OF SENTENCING FOR KNOWINGLY FALSE DENUNCIATION

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses the issues of sentencing for the commission of a crime under Article 306 of the Criminal Code of the Russian Federation – “Deliberately false denunciation”. The author explores the concept of a crime – a deliberately false denunciation originat-

ing from ancient times, the social danger of this crime, the significance of Article 306 of the Criminal Code of the Russian Federation for the normal existence of society and criminal proceedings. In the article, the author provides examples of relevant crimes that have received a wide public response. According to the author, in judicial practice under this article, there is a clear discrepancy between the prescribed punishment and the public danger of the committed act. By accusing an innocent person of committing a serious or especially serious crime, for which a long-term prison sentence may be imposed, the informer risks being punished with only up to 3 years in prison, and in fact he is most often fined. Such a discrepancy between the punishment and the act stimulates situations of blackmail or intimidation by the guilty person, who in fact did not commit any crime. Also, the perpetrator has other ways to avoid punishment. Therefore, the author of the article proposes to change the mechanism of sentencing under Article 306 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: Qualification of crimes, criminal liability, knowingly false denunciation, the perpetrator, the victim, blackmail, the basics of criminal proceedings.

References

1. The Internet site "Pravo Ru" URL: <https://pravo.ru/process/view/27760/> (date of appeal 08/15/2024)
2. Verdict of the Leninsky District Court of St. Petersburg in criminal case No. 1–190. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-306-uk-rf-zavedomo-lozhnyj-donos/prigovor-suda-po-ch.-2-st.-306-uk-rf-1-1902017-zavedomo-lozhnyj-donos.html> (accessed 08/15/2024).
3. Judicial statistics of the Russian Federation. URL: <https://stat.ани-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (accessed 08/15/2024).
4. A.I. Anuchina "Deliberately false denunciation: some issues of qualification and proof". Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. No. 2 (58) 2013. pp. 73–77.

Правовая природа производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе

Махнева Полина Андреевна,

бакалавр, кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Института философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: polinamakhneva15@gmail.com

Попова Дарья Константиновна,

бакалавр, кафедра гражданского права Института философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: dasha-popova-2012@bk.ru

В статье авторами исследуются исторические предпосылки возникновения досудебного соглашения о сотрудничестве (далее по тексту – ДСС), на основе норм конкретных правовых актов (Русская Правда, Судебники 1497 г. и 1550 г., Артикул Воинский 1715 г. и другие) демонстрируется длительность существования институтов, предусматривающих упрощенное разбирательство по уголовным делам. Отмечается, что причиной введения института ДСС явилась необходимость мотивации лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, сотрудничать с правоохранительными органами. Рассмотрев основные подходы к изучаемому вопросу, авторы приходят к выводам о договорной уголовно-процессуальной природе ДСС, о невозможности его отождествления с деятельным раскаянием и неуместности использования в отношении него формулировки «сделка с правосудием». Кроме того, по результатам проведенного исследования в статье сделан вывод о необходимости отнесения ДСС к согласительным процедурам, а также проведено разграничение последних с примирительными процедурами.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, исторические предпосылки, договорная природа, согласительные процедуры, примирительные процедуры.

Происхождение институтов, предусматривающих упрощенное разбирательство по уголовным делам, уходит в глубину веков. Вместе с тем, важно отметить – исторически первым все же является упрощенное разбирательство в связи с признанием вины в суде, что является прообразом, скорее, современной главы 40 УПК РФ.

Подтверждение данному тезису мы можем найти в нормах Русской Правды – ввиду признания обвиняемым своей вины утрачивался смысл в полноценном процессе.

Судебники 1497 г. и 1550 г. допускали возможность мирного разрешения уголовно-правового конфликта после обращения в суд путем примирения сторон. Не менее значимым являлось и Соборное уложение 1649 г., рассматривающее признание вины в качестве «полного доказательства» [1, с. 43].

Некоторыми исследователями, например, С.С. Ключниковым, отмечается значительная роль Артикула Воинского 1715 г. Так, по мнению автора, именно в ст. 96 указанного акта впервые явка с повинной была расценена в качестве смягчающего наказание обстоятельства – в данном качестве она рассматривается и в современном УК РФ. Анализ позднее изданных актов показывает, что смягчению наказания способствовали также признание вины и выдача сообщников преступления [2, с. 14].

Схожими с современным особым порядком видятся и предусмотренные ст. ст. 1181 и 1182 т. XV Свода законов Российской империи 1832 г. процедуры, позволяющие судье постановить приговор в случае признания подсудимым своей вины. Равно как и действующий на сегодняшний день уголовно-процессуальный закон, анализируемый акт предъявлял требования к добровольности и достоверности такого признания [3, с. 56].

Позднее упрощенная форма уголовного судопроизводства предусматривалась также Уставом уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., УПК РСФСР 1923 г., в то время как, например, УПК РСФСР 1960 г. аналогичных норм не предусматривал.

В 1991 г. Верховным Советом РСФСР было принято решение о проведении судебной реформы. Необходимость коренного изменения уголовно-процессуального законодательства была вызвана сложившейся «катастрофической обстановкой» в судах, повсеместным рассмотрением уголовных дел с нарушениями процессуальных сроков. Данная ситуация являлась закономерным следствием громоздкости и сложности процедуры судебного разбирательства. Преследуя цель ее упрощения,

законодателем в УПК РФ была введена глава 40 [3, с. 68].

Данный порядок, продемонстрировавший свою эффективность, не решал вместе с тем вопросы противодействия организованной преступности – обвиняемые признавали свою вину, но отказывались давать изобличающие показания в отношении других соучастников. В целях мотивации лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, сотрудничать с правоохранительными органами было необходимо предоставление им определенного рода «преференций».

По справедливому замечанию Х.Д. Аликперова, эффективность традиционно применяемых правоохранительными органами силовых средств борьбы с преступностью с течением времени снижается и они все меньше обеспечивают достижение поставленных целей, что свидетельствует о необходимости внедрения в российский уголовный процесс идеи допустимости компромисса.

Рациональность взаимодействия органов юстиции с подозреваемыми (обвиняемыми) состоит в том, что так называемые «договорные отношения», складывающиеся между правосудием и совершившим преступление лицом, позволяют предотвратить или пресечь более опасные преступные деяния, нежели действия лица, заключившего соглашение [4, с. 7–8].

В связи с изложенным в 2009 году в УПК РФ была закреплена глава 40.1.

В юридической науке не существует единого подхода к правовой природе ДСС – они весьма разнообразны, однако, наибольший интерес для нас представляет получившая широкое распространение среди процессуалистов договорная концепция при определении природы ДСС. Объясняется это тем, что законодатель в п. 61 ст. 5 УПК РФ дал определение понятию ДСС через слово «соглашение».

Поскольку договор, соглашение являются гражданско-правовыми категориями, понятие договора раскрывается в ст. 420 ГК РФ.

Представляется необходимым выяснить, присущи ли черты общего понятия договора ДСС.

В первую очередь, следует заметить, что ДСС, равно как и гражданско-правовой договор, заключается между двумя сторонами (подозреваемым (обвиняемым) и прокурором), следствием чего является *возникновение обязательственных правоотношений, которые, однако обладают определенными особенностями*. Так, сторона обвинения строго ограничена законом в реализации своих обязанностей (они определяются законом, а не самой стороной). При выполнении обвиняемым всех условий ДСС прокурор должен просить суд рассмотреть уголовное дело в особом порядке. Реальные льготы по смягчению наказания обвиняемому гарантированы быть не могут, но они предусмотрены УК РФ. Указанная специфика следует из того, что ДСС, будучи уголовно-процессуальным институтом, основано на принципах публичности и законности [5, с. 23].

В качестве следующего критерия разграничения можно выделить *специфику применения при заключении ДСС присущих гражданскому праву правил свободы договора*. Сходство рассматриваемых институтов заключается в том, что стороны ДСС, равно как и стороны гражданско-правового договора, самостоятельно принимают решение о его заключении. Вместе с тем, уголовно-процессуальный закон определяет условия ДСС, а также круг участников процедуры его заключения, а значит, предусматриваемые свободой договора свобода выбора партнера и свобода усмотрения сторон при определении условий договора не распространяются на ДСС.

Другой чертой соглашения (договора) является *участие сторон в общем деле*. В случае заключения ДСС таковым является совместная деятельность сторон, направленная на расследование преступления.

Таким образом, мы можем прийти к закономерному выводу о том, что ДСС действительно обладает некоторыми чертами гражданско-правового договора. Именно он, по справедливому замечанию Г.В. Абшилавы, является «модельным для построения в уголовно-процессуальной сфере договорных юридических конструкций» [6, с. 25]. Однако понятие «соглашение», вместе с тем, в уголовно-процессуальном контексте в силу ранее упомянутых принципов публичности и законности трактуется несколько иначе.

В отечественной юридической публицистике ведутся также споры об отнесении ДСС к уголовно-правовым, уголовно-процессуальным или же межотраслевым институтам.

На наш же взгляд, данный институт принадлежит исключительно уголовно-процессуальному праву, что объясняется его первостепенным регулированием именно уголовно-процессуальным законом, а также целью, для достижения которой он был создан – раскрытие и расследование групповых преступлений.

Считаем правильной позицию А.А. Иванова, предлагающего рассматривать ДСС как двухсторонний уголовно-процессуальный договор [7, с. 11].

Пристального внимания заслуживает также вопрос о разграничении ДСС и деятельного раскаяния.

На взгляд А.С. Александрова, ДСС представляет собой «особый случай деятельного раскаяния, его квалифицированную расширенную разновидность» [8, с. 3].

По мнению Р.Р. Ковалева, ДСС, включая в себя некоторые признаки деятельного раскаяния, все же является самостоятельным институтом. К подобному выводу автор приходит, основываясь на проведенном им сравнительном анализе.

На наш взгляд, следует согласиться с Н.А. Дудиной, предлагающей ввиду имеющихся различий рассматривать ДСС в качестве самостоятельного правового института, но с той оговоркой, что все-таки «именно институт деятельного раскаяния

является материально-правовой основой производства при заключении ДСС» [9, с. 32].

Внимания заслуживает также и точка зрения о том, что ДСС представляет из себя так называемую «сделку с правосудием» [10, с. 28]. Однако подобная формулировка видится неверной. Следует согласиться с А. А. Васяевым, справедливо отмечающим, что при заключении ДСС суд лишь проверяет и констатирует факт соглашения между сторонами защиты и обвинения. В связи с изложенным, на наш взгляд, более уместным будет оперировать формулировкой «сделка с обвинением» [11, с. 88].

Далее необходимо определить место ДСС в системе иных согласительных процедур.

На сегодняшний день в доктрине так и не достигнуто единство мнений относительно перечня уголовно-процессуальных процедур, которые можно отнести к согласительным.

Так, Т. Б. Саркисян выделяет два вида согласительных процедур: примирение сторон – ст. 25 УПК РФ и ДСС – гл. 40.1 УПК РФ. Более широкий перечень предлагает Н. Ю. Холмогорова [12, с. 492].

На наш взгляд, необходимо разграничивать согласительные и примирительные процедуры. Если в первом случае компромисс достигается между лицами, совершившими преступления, и государством в лице уполномоченных органов, то во втором – между сторонами защиты и обвинения [13, с. 17].

На основании изложенного, считаем необходимым отнесение ДСС, заключаемого между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, к согласительным процедурам.

Кроме того, согласительными процедурами, на наш взгляд, являются также упомянутые ранее производство дознания в сокращенной форме и особый порядок, предусмотренный главой 40 УПК РФ, поскольку в основе обеих процедур лежит соглашение, достигаемое между подозреваемыми (обвиняемыми) и государством в лице уполномоченных органов.

На наш взгляд, правильным представляется отнесение к примирительным процедурам примирения сторон. Это кажется верным в связи с тем, что компромисс достигается между сторонами защиты и обвинения в лице подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего соответственно, разрешается «конфликт», возникший между ними.

Отнесение явки с повинной как к согласительным, так и к примирительным процедурам не представляется нам возможным. Исходя из разъяснений, данных Пленумом Верховного Суда РФ, мы можем констатировать отсутствие в данном институте как элемента соглашения, так и элемента примирения [14].

Аналогичным образом обстоит ситуация с деятельным раскаянием. Примирение с потерпевшим, равно как и его согласие на освобождение лица от уголовной ответственности по данному основанию, не требуется. Более того, рассматриваемый порядок может быть применен и по уголовным делам, по которым потерпевшие лица не установле-

ны. На основании изложенного считаем невозможным отнесение деятельного раскаяния ни к согласительным, ни к примирительным процедурам.

Таким образом, согласительные процедуры являются собой совокупность юридических процедур, форму достижения компромисса по тому или иному вопросу между лицами, совершившими преступления, и государством. ДСС, в свою очередь, обладает всеми признаками согласительных процедур в уголовном процессе и может быть отнесено к таковым.

Литература

1. Тишин Р. В. Генезис досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве // История государства и права. 2010. № 18. С. 43–46.
2. Ключников С. С. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 27 с.
3. Климанова О. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017. 296 с.
4. Алиперов Х. Д. Актуальные проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью // Актуальные проблемы прокурорского надзора: Сб. статей. Москва, 2000. С. 7–35.
5. Топчиева Т. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2015. 201 с.
6. Абшилава Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве РФ: автореф. ... дис. доктора юрид. наук. Москва, 2012. 452 с.
7. Иванов А. А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. ... дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013. 25 с.
8. Александров А. С. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ // Уголовный процесс. 2009. № 8. С. 3–11.
9. Дудина Н. А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния: дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2015. 212 с.
10. Александров Р. А. Проблемы рассмотрения в особом порядке уголовных дел при заключенном досудебном соглашении о сотрудничестве, вызванные смешением различных институтов «сделок с правосудием» // Российский судья. 2015. № 6. С. 26–30.

11. Васяев А.А. Сделка с правосудием или сделка с обвинением? // Современное право. 2010. № 2. С. 88–94.
12. Холмогорова Н.Ю. Досудебное соглашение о сотрудничестве в системе согласительных процедур уголовного процесса России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 492–494.
13. Гриненко А.В. Согласительные и примирительные процедуры в российском уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2016. № 10. С. 17–22.
14. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015. № 58 // Российская газета. 2015. № 295 (6866). 29 декабря. // СПС «Гарант» (дата обращения: 07.07.2024).

THE LEGAL NATURE OF THE PROCEEDINGS AT THE CONCLUSION OF A PRE-TRIAL AGREEMENT ON COOPERATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Makhneva P.A., Popova D.K.
Novosibirsk State University

In this article, the authors explore the historical prerequisites for the emergence of a pre-trial cooperation agreement (hereinafter referred to as the DSS), based on the norms of specific legal acts (Russian Pravda, Judicial Records of 1497 and 1550, the Military Article of 1715 and others), the duration of the existence of institutions providing for simplified criminal proceedings is demonstrated. It is noted that the reason for the introduction of the DSS institute was the need to motivate individuals who belong to organized groups and criminal communities to cooperate with law enforcement agencies. Having considered the main approaches to the issue under study, the authors come to conclusions about the contractual criminal procedural nature of the DSS, the impossibility of identifying it with active repentance and the inappropriateness of using the phrase “deal with justice” in relation to it. In addition, based on the results of the study, the article concludes that it is necessary to classify the DSS as conciliation procedures, and the latter are distinguished from conciliation procedures.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, historical background, contractual nature, conciliation procedures, conciliation procedures.

References

1. Tishin R.V. Genesis of the pre-trial agreement on cooperation in Russian criminal proceedings // History of the state and law. 2010. No. 18. pp. 43–46.
2. Klyushnikov S.S. Institute of pre-trial cooperation agreement and its criminal legal significance: abstract of the thesis ... cand. Jurid. sciences'. Krasnodar, 2013. p. 27.
3. Klimanova O.V. Pre-trial cooperation agreement: legal nature, contractual characteristics and problems of crime qualification: dis. ... cand. Legal sciences. Samara, 2017. p. 296.
4. Alikperov H.D. Actual problems of the permissibility of compromise in the fight against crime // Actual problems of prosecutorial supervision: Collection of articles. Moscow, 2000. pp. 7–35.
5. Topchieva T.V. Pre-trial agreement on cooperation in the Russian criminal process: dis. ... cand. Jurid. sciences'. Barnaul, 2015. p. 201.
6. Abshilava G.V. Conciliation procedures in criminal proceedings of the Russian Federation: abstract. ... the dissertation of the Doctor of Law. sciences'. Moscow, 2012. p. 452.
7. Ivanov A.A. Theoretical and organizational and legal aspects of the implementation of the institute of pre-trial cooperation agreement in the Russian criminal process: diss. ...cand. Jurid. Nauk. N. Novgorod, 2013. p. 25.
8. Alexandrov A.S. Agreement on pre-trial cooperation with the investigation: the legal essence and issues of interpretation of the norms included in Chapter 40.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Criminal Procedure. 2009. No. 8. pp. 3–11.
9. Dudina N.A. Procedure for the conclusion a pre-trial cooperation agreement as a procedural form of active repentance: dissertation ...cand. Jurid. sciences'. Krasnoyarsk, 2015. p. 212.
10. Alexandrov R.A. Problems of considering criminal cases in a special order with a pre-trial cooperation agreement concluded caused by the mixing of various institutions of “transactions with justice” // Russian judge. 2015. No. 6. pp. 26–30.
11. Vasyaev A.A. A deal with justice or a deal with the prosecution? // Modern law. 2010. No.2. pp. 88–94.
12. Kholmogorova N. Yu. Pre-trial agreement on cooperation in the system of conciliation procedures of the criminal process of Russia // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No.2 (34). pp. 492–494.
13. Grinenko A.V. Conciliation and conciliation procedures in Russian criminal proceedings // Justice of the Peace. 2016. No. 10. pp. 17–22.
14. On the practice of criminal punishment by the courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/22/2015. No. 58 // Rossiyskaya gazeta. 2015. № 295 (6866). December 29th. // SPS “Garant” (accessed on July 7, 2024).

Акимочкин Владимир Иванович,

кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры основ правоохранительной деятельности ИПиНБ РАНХиГС; доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета
E-mail: 9230194@rambler.ru

Позняк Влада Дмитриевна,

аспирант кафедры основ правоохранительной деятельности ИПиНБ РАНХиГС
E-mail: vladapoznyak@mail.ru

В работе авторы, обратившись к законодательству Российской империи, в частности к Уголовному уложению 1903 года, Уголовным кодексам РСФСР сделали некоторый экскурс в историю, касающийся вопроса правомерности применения эвтаназии на разных этапах исторического развития. Представлены точки зрения ученых-правоведов относительно данного вопроса, а также предложен вариант решения существующей проблемы путем принятия привилегированной нормы об убийстве по мотиву сострадания.

Ключевые слова: эвтаназия, ассистированное самоубийство, убийство, уголовно-правовая политика, РСФСР.

В Российской Федерации, так же, как и в странах Европы постепенно поднимается проблема правового регулирования процедур, связанных с уходом человека из жизни, таких, как ассистированное самоубийство и эвтаназия. При разрешении вопроса о возможности и необходимости легализации данных процедур следует опираться не только на опыт стран, уже легализовавших ассистированное самоубийство и эвтаназию, но и на предшествующее историческое развитие государства и его уголовно-правовую политику. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть отношение к эвтаназии и ее правовую регламентацию в РСФСР.

В дореволюционном законодательстве эвтаназия рассматривалась как преступление, в связи с чем в Уголовном уложении 1903 года содержалась норма об убийстве по мотивам сострадания (ст. 460). Данный состав являлся привилегированным, лицо, виновное в убийстве, «учиненном по настоянию убитого и из сострадания к нему», наказывалось заключением в крепости на срок не свыше трех лет [1, с. 184]. Для квалификации деяния по данной статье требовалось наличие следующих условий: вменяемость и инициативная просьба убитого лица, наличие специального мотива у виновного лица – сострадания. Смерть убитого должна была наступать по его собственному желанию в результате действий виновного лица. При этом наказуемым было также и покушение на совершение преступления.

В 1920 году советская власть активизировала работу по разработке нового уголовного кодекса, в результате данной работы было предложено три варианта уголовного кодекса. Согласно проекту, разработанному общеконсультационным отделом наркомата юстиции, предлагалось выделение привилегированного состава убийства, совершенного по настоянию убитого из чувства сострадания, однако данная норма так и не попала в окончательную редакцию уголовного кодекса.

Первый советский уголовный кодекс отказался от включения в закон нормы об убийстве по мотивам сострадания. Вместо нее в УК РСФСР 1922 года была включено примечание к статье 143, содержащее положение о декриминализации убийства, совершенного по настоянию убитого из чувства сострадания. Инициатором включения данного примечания в Уголовный кодекс при обсуждении проекта кодекса на сессии ВЦИК выступил Юрий Михайлович Ларин, с юности страдавший прогрессирующей мышечной атрофией: «Я предлагаю не карать за убийство из сострадания. Возьмите, например, меня. Я болел высыханием мускулов, и мне предсказано, что через несколько лет я дол-

жен умереть. И вот, если я прошу вас, тов. Семашко, достать мне яду, то выйдет так, что вас будут судить за то, что вы избавили меня от страданий по собственной моей просьбе.» [2, с. 166–167].

Данный взгляд на эвтаназию в рамках того времени следует считать необычайно прогрессивным, учитывая, что в государствах Европы первые попытки легализации эвтаназии в Новое время были предприняты лишь в 1984 году в Нидерландах, когда Верховный суд в деле Шунхейма признал добровольную эвтаназию приемлемой, легализовали же эвтаназию только в 2002 году. Однако, после включения данной нормы в УК РСФСР советской властью не были приняты никакие меры для дальнейшего законодательного закрепления эвтаназии во избежание злоупотреблений при использовании данной процедуры. Это привело к тому, что норма о декриминализации убийства, совершенного по настоянию убитого из чувства сострадания просуществовала всего полгода и в ноябре 1922 года норма была изъята из УК РСФСР.

После изъятия из УК РСФСР 1922 года примечания к статье 143 в новом УК РСФСР 1926 года примечание также отсутствовало. В новый УК также не была включена привилегированная норма об убийстве по мотиву сострадания, законодатель стал рассматривать эвтаназию как «простое» убийство. Таким образом, случаи совершения эвтаназии надлежало квалифицировать по статье 137 УК РСФСР как «Умышленное убийство, совершенное без указанных в ст. 136 признаков» [3]. При этом, при назначении наказания суд мог учесть смягчающие обстоятельства, содержащиеся в ст. 48 УК, применительно к эвтаназии следовало применить пункт «г» вышеупомянутой статьи, а именно: совершение преступления «по мотивам, лишенным корысти или иных низменных побуждений», таким мотивом и является мотив сострадания.

Уголовный кодекс 1960 года исключал из числа обстоятельств, смягчающих ответственность мотивы, лишенные корысти или иных низменных побуждений, тем не менее, перечень обстоятельств был оставлен открытым, что давало возможность учитывать мотив сострадания в качестве смягчающего обстоятельства. Кроме того, согласие потерпевшего законодатель также не отнес к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, включив в них лишь необходимую оборону и крайнюю необходимость. Вместе с тем, круг случаев, которые подпадают под ст. 103 (умышленное убийство) УК РСФСР 1960 года шире случаев «простых» убийств, подпадавших под статью 137 в УК 1926 года. При отсутствии привилегированного состава убийства по мотиву сострадания в УК 1960 года, случаи убийства из чувства сострадания и по просьбе потерпевшего надлежало квалифицировать по ст. 103 УК РСФСР [4].

Спустя время в научном сообществе стали высказываться мнения о необходимости выделения привилегированного состава для надлежащей квалификации случаев убийства по мотиву сострадания и по просьбе потерпевшего, данную точку

зрения высказывали Б. Змиев, А.А. Жижиленко, Б. Сарыев [5, с. 76–77]. А.Н. Красиков в своем диссертационном исследовании выдвинул предложение о признании согласия потерпевшего обстоятельством, исключающим преступность деяния [6, с. 68–91]. Е.В. Шленева и Ю.А. Дмитриев предлагали декриминализацию эвтаназии и законодательное закрепление данной процедуры, поскольку, по их мнению, эвтаназия отличается от самоубийства тем, что действие по совершению самого акта прекращения жизни совершается не человеком самостоятельно, а иным лицом по его просьбе [7, с. 53–54].

К сожалению, недолгая легализация эвтаназии не оказала влияние на дальнейшую уголовную политику и ни одна из данных точек зрения не нашла отражения ни в законодательстве СССР, ни в законодательстве Российской Федерации. Российский законодатель в 1993 году закрепил запрет на осуществление процедуры эвтаназии, криминализовав действия врачей, а также иных лиц, по ускорению смерти больного лица либо прекращению мер по поддержанию жизни [8].

В то же время в научном сообществе периодически поднимается вопрос о необходимости выделения привилегированного состава убийства, предусматривающего совершение преступления по мотиву сострадания, так как возникают проблемы при отграничении процедуры эвтаназии (чаще всего пассивной), от составов преступлений, предусмотренных статьями 124 и 125 УК РФ, в то же время активная эвтаназия по составу деяния не полностью соответствует составу преступления, предусмотренному статьей 105 УК РФ.

В связи с этим представляется правильным переосмыслить опыт дореволюционной России, СССР и выделить в Уголовном кодексе РФ привилегированную норму об убийстве по мотиву сострадания для наиболее правильной правовой оценки причинения смерти лицу, страдающему неизлечимым заболеванием (эвтаназии), дополнив УК РФ статьей 105.1 «Убийство из сострадания» в следующей редакции:

«Убийство, совершенное по мотиву сострадания, по явной и настойчивой просьбе потерпевшего».

Литература

1. Уголовное уложение 1903 г. // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций: тексты и коммент. – М.: Юрид. лит., 1994.
2. Капинус О.С. Убийства. Мотивы и цели. – М.: ИМПЭ-Паблш, 2003.
3. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СПС «Консультант Плюс».

4. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // СПС «Консультант Плюс».
5. Алёнкин Н.Е. Уголовная ответственность за убийство по просьбе потерпевшего // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. № 2.
6. Красиков А.Н. Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность и наказуемость деяния по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00 – Саратов, 1972.
7. Дмитриев, Ю.А. Право человека в РФ на осуществление эвтаназии / Ю.А. Дмитриев, Е.В. Шленева // Государство и право. – 2000. – No11. – С. 53–54
8. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

ON THE ISSUE OF EUTHANASIA IN THE RUSSIAN FEDERATION

Akimochkin V.I., Poznyak V.D.

ILNS PANEPА; Moscow State Linguistic University

In this work, the authors, referring to the legislation of the Russian Empire, in particular to the Criminal Code of 1903, the Criminal Codes of the RSFSR, made some historical digression concerning the legality of the use of euthanasia at different stages of historical

development. The points of view of legal scholars on this issue are presented, and a solution to the existing problem is proposed by adopting a privileged rule on murder motivated by compassion.

Keywords: euthanasia, assisted suicide, murder, criminal law policy, RSFSR.

References

1. Criminal Code of 1903 // Russian legislation of the 10th-20th centuries: In 9 volumes / Under the general editorship of O.I. Chistyakov. Volume 9: Legislation of the era of bourgeois-democratic revolutions: texts and comments. – M.: Legal Literature, 1994.
2. Kapinus O.S. Murders. Motives and goals. – M.: IMPE-Publish, 2003.
3. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 22.11.1926 “On the introduction of the Criminal Code of the RSFSR, the 1926 edition” (together with the “Criminal Code of the RSFSR”) // SPS “Consultant Plus”.
4. Criminal Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on 27.10.1960) (as amended on 30.07.1996) // SPS “Consultant Plus”.
5. Alenkin N.E. Criminal liability for murder at the request of the victim // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2014. No. 2.
6. Krasikov A.N. Consent of the victim as a circumstance excluding criminal liability and punishability of an act under Soviet criminal law: diss. ... candidate of legal sciences: 12.00.00 – Saratov, 1972.
7. Dmitriev, Yu.A. Human right in the Russian Federation to carry out euthanasia / Yu.A. Dmitriev, E.V. Shleneva // State and Law. – 2000. – No. 11. – P. 53–54
8. Federal Law of 21.11.2011 N 323-FZ “On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Содержание стадии собирания доказательств по уголовным делам в законодательстве Российской Федерации и Кыргызской Республики

Примкулов Алтынбек Асылбекович,
адъюнкт, Академия управления МВД России
E-mail: altynbek.primkulov0206@gmail.com

В статье осуществлен анализ отдельных элементов собирания доказательств, выделяемых представителями уголовно-процессуальной и криминалистической науки, включая получение, поиск (розыск), закрепление (фиксацию), истребование, изъятие и хранение (сохранение) доказательств. Обоснована целесообразность выделения в структуре собирания доказательств только двух элементов: их получения, отражающего познавательный аспект процессуальной деятельности субъектов доказывания, и закрепления, посредством которого реализуется удостоверяющий аспект соответствующей деятельности. Констатируется нецелесообразность выделения иных элементов в структуре доказывания, поскольку отдельные из них (поиск, истребование, изъятие) охватываются получением доказательств, а иные (хранение) либо представлены закреплением доказательств, либо не включаются в доказывание по уголовным делам (например, при передаче вещей и документов на хранение лицу, от которого они были получены или которому они принадлежат).

Ключевые слова: доказательства, собирание доказательств, выявление доказательств, закрепление (фиксация) доказательств, доказывание по уголовному делу.

Одним из значимых направлений уголовно-процессуальной деятельности является собирание доказательств как самостоятельный этап процесса доказывания, выделяемый и законодателем (ст. 85, ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), ст. 90, ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – УПК КР)), и практически всеми учеными. Целесообразность его автономизации объясняется тем, что «доказывание не может быть сведено к логическим операциям по обоснованию выводов, а включает в себя познавательную деятельность, связанную с получением аргументов для обоснования этих выводов, то есть доказательств» [21, с. 31]. При этом, в правовой доктрине обращается внимание на условность термина «собирание доказательств». Это объясняется его несоответствием:

1) онтологическим основам доказывания, что связано с отсутствием в природе доказательств в готовом виде [21, с. 32] и приобретением фактическими данными статуса доказательств не до, а после предоставления им уполномоченным субъектом определенной процессуальной формы;

2) гносеологическим основам доказывания, а именно – неучетом чувственного непосредственного и опосредованного познания фактов и обстоятельств, до осуществления которого доказательств не существует;

3) правовым основам доказывания, поскольку употребление этого термина создает предпосылки для использования на практике в качестве доказательств сведений, полученных за пределами предназначенной для этого уголовно-процессуальной формы [9, с. 61].

В то же время, термин «собирание доказательств», как обоснованно отмечается в доктрине уголовного процесса, «имеет не только обобщающий, указывающий на конечную цель деятельности субъектов, направленной на получение и формирование доказательств, но в определенной степени и упрощенный, чем его действительная сущность, характер» [1, с. 119], а его использование в уголовно-процессуальном законе выступает приемом законодательной техники [1, с. 121–122] и не влечет какой-либо законодательной коллизии [14, с. 9].

Определяя в уголовно-процессуальном законе способы собирания доказательств, законодатель не конкретизирует их содержание. При этом, в доктрине уголовного процесса исследованию этого вопроса уделяется внимание. В частности, к обозначенному вопросу обращаются В.С. Балакшин,

Р.С. Белкин, Р.С. Белкин, Е.А. Доля, П.А. Лупинская, Ю.К. Орлов, В.С. Соркин, С.А. Шейфер и другие ученые.

Раскрывая содержание этапа собирания доказательств по уголовным делам, исследователи выделяют в его структуре от двух до шести составляющих. Обобщение обозначенных позиций свидетельствует о предоставлении ими самостоятельного значения таким элементам этапа собирания доказательств:

1) получение (выявление) доказательств [6, с. 70; 8, с. 9; 11, с. 100];

2) поиск (розыск) доказательств [12, с. 221–222; 13, с. 110–111];

3) закрепление [19, с. 11], процессуальное закрепление [11, с. 100], фиксация доказательств [3, с. 211; 7, с. 164; 8, с. 10];

4) истребование доказательств [18, с. 355];

5) изъятие доказательств [3, с. 211; 17, с. 60–61];

6) хранение (сохранение) доказательств [3, с. 211].

В зависимости от авторского подхода к определению содержания уголовно-процессуального доказывания, ученые используют приведенные элементы этапа собирания доказательств в разных сочетаниях и нередко вкладывают в них несколько различный смысл, что обуславливает необходимость раскрытия каждого из них.

1) *Получение (выявление) доказательств.* Термин «выявление доказательств» достаточно условен, поскольку выявляются не доказательства, а идеальные и материальные следы преступления, образованные в связи с его событием. В ходе их выявления, как обоснованно указывает А.Р. Белкин, субъект доказывания имеет дело не с доказательствами, а с фактическими данными, которые только могут стать доказательствами, но на текущий момент не имеют соответствующего процессуального статуса [2, с. 189]. Такая позиция в полной мере соответствует требованиям уголовно-процессуального закона, в которых речь идет об обнаружении вещей и документов, сведений об обстоятельствах совершения преступления (ст. 182, 176 УПК РФ, ст.ст. 212, ст. 172 УПК КР), а не доказательств.

Содержание выявления доказательств, по мнению ученых, заключается в поиске и отыскании различных следов, объектов материального мира (вещей и документов), содержащих в себе доказательную информацию, если таковые в дальнейшем могут быть использованы для решения уголовного судопроизводства по существу. Кроме того, к обозначенному этапу можно отнести обращение внимания на те или иные фактические данные, которые могут иметь или приобрести доказательственное значение [2, с. 73].

Как представляется, такой подход к пониманию выявления доказательств недостаточно обоснован, поскольку приводит к сужению содержания анализируемого понятия. Во-первых, при таком подходе объектом обнаружения доказательств выступают только вещи и документы, в связи с чем

не учитывается возможность установления сведений с помощью поисковых действий лиц, которым известны или могут быть известны обстоятельства, подлежащие доказыванию в ходе уголовного судопроизводства. Учитывая важность показаний свидетелей преступления для раскрытия последнего, при определении содержания начального этапа собирания доказательств указанных участников уголовного судопроизводства нужно рассматривать в качестве объекта выявления доказательств.

Во-вторых, при приведенном подходе выявлением доказательств охватывается только процессуальная и внепроцессуальная деятельность сторон уголовного судопроизводства по отысканию источника фактических данных, но не учитывается порядок деятельности субъектов доказывания в судебном процессе. В ходе судебного разбирательства стороны представляют суду доказательства, а их выявление возможно только в результате выполнения органом предварительного расследования поручения о проведении следственных (розыскных) действий.

В-третьих, такой подход не позволяет исчерпывающе учесть особенности планирования и непосредственного осуществления расследования при выборе способов собирания доказательств, в контексте которых доказательства могут быть обнаружены не облеченными властью субъектами доказывания, а сторонами. В то же время, в случае получения сторонами уголовного судопроизводства от органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций, должностных и физических лиц вещей, документов (стороной защиты, потерпевшим – их копий), сведений, заключений экспертов, выводов ревизий и актов проверок, выявление доказательств как компонент их собирания отсутствует.

В связи с этим, более обоснованной представляется позиция ученых, которые для обозначения начального этапа собирания доказательств используют термин «получение доказательств» и понимают под ним переход доказательной информации от ее источника к субъекту доказывания [15, с. 209].

Разделяя такую позицию, нужно отметить, что применение обозначенного понятия дает возможность акцентировать внимание на деятельности органов предварительного расследования по планированию и осуществлению следственных и розыскных действий, направленных на установление фактических данных, которые могут нести доказательную информацию, а также на непосредственное получение источников доказывания.

Кроме того, использование этого термина позволяет более полно охватить все объекты поисковых действий, осуществляемых в том числе в ходе судебного производства с учетом закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве способы собирания доказательств сторонами уголовного судопроизводства.

2) *Поиск (розыск) доказательств* более целесообразно рассматривать в сочетании с их получением, поскольку последнее является по сути результатом поисковых действий. Исходя из терминологии, традиционно применяемой в науке уголовного процесса и криминалистике для обозначения комплекса процессуальных и внепроцессуальных действий стороны обвинения, направленных на выявление доказательств, целесообразно использовать термин «розыск», а процессуальных действий стороны защиты, потерпевшего, которые способны обеспечить представление суду надлежащих и допустимых доказательств, – термин «поиск».

При этом, поиск доказательств как этап процессуальной деятельности, является необязательным компонентом доказывания, поскольку, во-первых, при отсутствии оснований он может не применяться, во-вторых, стороной обвинения он может осуществляться внепроцессуальными средствами (например, обнаружение свидетелей события путем обращения к населению через СМИ) [13, с. 110], а, в-третьих, с помощью поиска источник фактических данных может быть и не обнаружен.

3) *Закрепление (фиксация) доказательств*. В доктрине уголовного процесса, как правило, оперируют термином «закрепление доказательств», а в криминалистике – термином «фиксация доказательств». Анализируя приведенные в юридической литературе определения, Н.Н. Егоров обоснованно указывает, что «все зависит от того, кто анализирует процесс собирания доказательств – процессуалисты или криминалисты. Первые сводят данный процесс к формализованным операциям; вторые придерживаются деятельностного подхода, включая в собирание действия, которые, как правило, предшествуют формализованным операциям либо сопровождают их» [10, с. 39]. Несмотря на приведенные различия в понимании терминов «закрепление доказательств» и «фиксация доказательств», ученые используют зачастую оба понятия для обозначения одного и того же компонента собирания доказательств, что свидетельствует об обоснованности признания их синонимами [5, с. 36; 10, с. 38].

В рамках процессуального подхода обязательным требованием закрепления доказательств выступает соблюдение процессуальной формы. Раскрывая содержание закрепления доказательств, нужно учитывать гносеологический, процессуальный, криминалистический и информационный аспекты в их совокупности. Так, с гносеологической точки зрения закрепление доказательств представляет собой отражение предварительно оцененного их содержания [16, с. 36], результат которого должен давать максимально полное представление об объекте, адекватно передавать те его свойства и признаки, которые, собственно, и делают его доказательством [4, с. 119]. В процессуальном аспекте исследуемое понятие является выражением удостоверяющей деятельности субъекта доказывания [2, с. 191]. В криминалистическом аспекте закрепление доказательств пред-

ставляет собой систему действий по отображению доказательств, а также условий, средств и способов их выявления и процессуального оформления. С информационной точки зрения закрепление доказательств рассматривается как операция перекодирования информации, носителем которой выступает материальный объект (отражающая система) [20, с. 18].

4) *Истребование доказательств*. Истребование доказательств более целесообразно рассматривать в контексте способов их собирания в ходе процессуальной деятельности субъектов доказывания. Как обоснованно указывается в научной литературе, истребование доказательств представляет собой обращение с требованием о добровольном предоставлении вещей, документов, сведений, имеющих значение для уголовного судопроизводства [8, с. 25–26]. Выполнение такого требования влечет получение запрашиваемых документов и вещей, а невыполнение обосновывает целесообразность осуществления обыска как следственного действия, преследующего целью их обнаружение и последующее принудительное изъятие. В связи с этим истребование доказательств в полной мере охватывается содержанием их получения как составляющей собирания доказательств в ходе процессуальной деятельности субъектов доказывания.

5) *Изъятие доказательств*. Выделение учеными в качестве элемента собирания доказательств их изъятия также не носит обязательный характер, а реализуется лишь в необходимых случаях. Во-первых, по содержательному аспекту изъятие как получение фактических данных об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного судопроизводства, охватывается познавательной и удостоверяющей деятельностью субъекта доказывания, а изъятие вещей и документов в натуре – его удостоверяющей деятельностью. Тем самым, изъятие всегда предусматривает принудительного его осуществления и не является обязательным атрибутом восприятия (получения) доказательственной информации, поскольку отдельные доказательственные сведения по своей природе не могут изыматься, а способны лишь переходить к субъекту доказывания только по воле источника доказательственной информации (например, дача показаний свидетелем, потерпевшим, представление заключения эксперта и т.д.).

Кроме того, изъятие вещей и документов в натуре применяется не во всех случаях, поскольку ст. 82 УПК РФ, ст. 87 УПК КР предусматривает случаи, когда вещь или документ, предоставленные добровольно или на основании судебного решения, хранятся у стороны уголовного судопроизводства, если это возможно без ущерба для доказывания. Кроме того, по функциональному назначению изъятие доказательств направлено на обеспечение их сохранности для дальнейшего использования. На это обращают внимание и сторонники выделения в структуре собирания доказательств их изъятия, указывающие, что оно преследует целью

обеспечить возможность использования изъятых вещей и документов для доказывания, присоединения их к материалам уголовного дела, а также служит средством их сохранения для следствия и суда [7, с. 165].

б) *Хранение (сохранение) доказательств.* Целесообразность выделения хранения (сохранения) доказательств в качестве самостоятельного элемента собирания доказательств также вызывает некоторые вопросы.

Во-первых, в содержательном аспекте хранение доказательств как совокупность мер, направленных на обеспечение сохранности доказательств, не охватывается ни познавательной, ни удостоверяющей деятельностью субъекта доказывания. Меры по их хранению могут носить процессуальный характер (например, присоединение к материалам уголовного дела) или технико-криминалистический характер (консервация объектов, имеющих доказательственное значение, их покрытие защитными пленками и т.д.) [2, с. 198]. Однако такое понимание приводит к смешению понятий, поскольку хранение доказательств в рамках приведенного подхода сводится к изъятию вещей и документов в натуре. В то же время, меры, направленные на обеспечение сохранности доказательств, подлежат принятию с момента изъятия и до момента фактического выполнения процессуального решения, которым завершается уголовное судопроизводство и которым решена их судьба.

Во-вторых, по функциональному назначению хранение доказательств направлено на обеспечение возможности их дальнейшего использования. В связи с этим, оно не может рассматриваться в качестве самостоятельного элемента собирания доказательств.

Выводы. Проведенное исследование содержания собирания доказательств позволяет утверждать о целесообразности выделения двух основных его элементов:

1) получение доказательств в ходе предварительного расследования сторонами уголовного судопроизводства посредством способов, определенных уголовно-процессуальными законами Российской Федерации, Кыргызской Республики;

2) закрепление доказательств субъектами доказывания, выполняемое прежде всего в ходе и по результатам реализации следственных действий.

Выделение в структуре собирания доказательств иных проанализированных элементов представляется нецелесообразным, поскольку они или охватываются содержанием приведенных элементов, или не включаются в доказывание по уголовным делам. В частности, поиск доказательств преимущественно включается в уголовно-процессуальную деятельность по их получению, а нередко и вовсе не выполняется; истребование и изъятие доказательств реализуются в отдельных случаях при невозможности в результате проведения иных следственных действий получить несущие доказательственную информацию вещи и докумен-

ты. Что же касается выделяемого некоторыми авторами хранения доказательств, то оно частично реализуется посредством их закрепления, а частично выходит за рамки уголовно-процессуальной деятельности, так как вещи и документы, содержащие фактические данные о преступлении и надлежащим образом процессуально оформленные, могут быть переданы на хранение лицу, от которого были получены или которому они принадлежат.

Учитывая процессуальную природу собирания доказательств, их получение выступает познавательной, а закрепление – удостоверяющей стороной деятельности субъекта доказывания. В своей совокупности получение и закрепление доказательств дают возможность в полном объеме раскрыть содержание собирания доказательств в уголовном судопроизводстве.

Литература

1. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания (важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации): дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 533 с.
2. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2007. 528 с.
3. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Частные криминалистические теории. В 3-х томах. Т. 2. М.: Юристъ, 1997. 464 с.
5. Бестаев А.О. Способы собирания доказательств в уголовном процессе РФ: дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 229 с.
6. Бочинин С.А. Понятие и значение собирания доказательств как самостоятельного этапа процесса доказывания по уголовному делу // Юридическая мысль. 2010. № 6 (62). С. 69–74.
7. Гаврилин С.А. Собирание доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. С. 163–168.
8. Демурчев Л.Г. Собирание доказательств в ходе досудебного производства путём проведения иных процессуальных действий: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 27 с.
9. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Проспект, 2014. 376 с.
10. Егоров Н.Н. Криминалистические аспекты фиксации доказательств как элемент доказывания // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 3 (55). С. 36–45.
11. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск, 2003. С. 100.
12. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: ВГУ, 1995. 272 с.
13. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. 175 с.

14. Самоходкина О.С. Доказывание при производстве по уголовным делам в суде первой инстанции: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 209 с.
15. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс / Под общ. ред. А.В. Смирнова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 784 с.
16. Соркин В.С. Особенности процессуального доказывания в уголовном судопроизводстве. Гродно: ГрГУ, 2002. 95 с.
17. Тertyшник В.М. Доказательства и доказывание в советском уголовном процессе: Фондовая лекция. Х.: ХИВД, 1992. 80 с.
18. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Норма, 2009. 1072 с.
19. Хмыров А.А. Косвенные доказательства в уголовных делах. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2005. 247 с.
20. Цомая С.Д. Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с.
21. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2024. 240 с.

THE CONTENT OF THE STAGE OF COLLECTING EVIDENCE IN CRIMINAL CASES IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE KYRGYZ REPUBLIC

Primkulov A.A.

Management Academy of the Ministry of Interior of Russia

The article analyzes the individual elements of evidence collection identified by representatives of criminal procedure and forensic science, including obtaining, searching (search), fixing (fixation), extermination, seizure and storage (preservation) of evidence. The expediency of allocating only two elements in the structure of evidence collection is justified: their receipt, reflecting the cognitive aspect of the procedural activity of the subjects of proof, and consolidation, through which the certifying aspect of the relevant activity is realized. It is stated that it is inappropriate to allocate other elements in the structure of evidence, since some of them (search, reclamation, seizure) are covered by obtaining evidence, and others (storage) are either represented by securing evidence, or are not included in proving criminal cases (for example, when transferring things and documents for storage to the person from whom they were received or to whom they belong).

Keywords: evidence, collection of evidence, identification of evidence, consolidation (fixation) of evidence, proving in a criminal case.

References

1. Balakshin V.S. Evidence in the theory and practice of criminal procedural evidence (the most important problems in the light of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation): diss. ... doct. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2005. 533 p.
2. Belkin A.R. Theory of evidence in criminal proceedings. M.: Norm, 2007. 528 p.
3. Belkin R.S. Criminalistic encyclopedia. Moscow: Megatron XXI, 2000. 334 p.
4. Belkin R.S. Course of criminology: Private forensic theories. In 3 volumes. Vol. 2. M.: Jurist, 1997. 464 p.
5. Bestaev A.O. Methods of collecting evidence in the criminal process of the Russian Federation: diss. ... cand. Jurid. Nauk. N. Novgorod, 2007. 229 p.
6. Bochinin S.A. The concept and meaning of collecting evidence as an independent stage of the proof process in a criminal case // Legal thought. 2010. No. 6 (62). pp. 69–74.
7. Gavrilin S.A. Collecting evidence in criminal proceedings // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 10. pp. 163–168.
8. Demurchev L.G. Collecting evidence during pre-trial proceedings by conducting other procedural actions: the author's abstract. diss. ... cand. jurid. sciences. Krasnodar, 2012. 27 p.
9. Dolya E.A. Formation of evidence based on the results of operational investigative activities. M.: Prospect, 2014. 376 p.
10. Egorov N.N. Criminalistic aspects of evidence fixation as an element of proof // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2019. No. 3 (55). pp. 36–45.
11. Zinatullin Z.Z. Criminal procedural proof. Izhevsk, 2003. p. 100.
12. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. Criminal procedure: evidence and proof. Voronezh: VSU, 1995. 272 p.
13. Orlov Yu.K. Problems of the theory of evidence in criminal proceedings. M.: Jurist, 2009. 175 p.
14. Samokhodkina O.S. Proving in criminal proceedings in the court of first instance: diss. ... cand. jurid. sciences. Rostov n/A, 2006. 209 p.
15. Sмирнов А.В., Калинин К.Б. Criminal proceedings / Under the general editorship of A.V. Smirnov. M.: Norm: INFRA-M, 2024. 784 p.
16. Sorokin V.S. Features of procedural evidence in criminal proceedings. Grodno: GrSU, 2002. 95 p.
17. Tertyshnik V.M. Evidence and proof in the Soviet criminal trial: Stock lecture. Kh.: KHIVD, 1992. 80 p.
18. Criminal procedural law of the Russian Federation / Ed. P.A. Lupinskaya. M.: Norm, 2009. 1072 p.
19. Khmyrov A.A. Indirect evidence in criminal cases. St. Petersburg: Publishing house of R. Aslanov "Legal Center Press", 2005. 247 p.
20. Tsomaya S.D. Legal regulation and evidentiary value of the use of scientific and technical means in criminal proceedings: abstract. diss. ... cand. jurid. M., 2007. 25 p.
21. Shafer S.A. Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation. M.: Norm, 2024. 240 p.

Особенности регламентации уголовной ответственности за криминальные банкротства в ФРГ

Росляков Владислав Дмитриевич,

магистр кафедры уголовного права, ФГАОУ ВО
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: roslyakov.vladislav@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы регламентации уголовной ответственности за криминальные банкротства по законодательству ФРГ. Автор на основе анализа норм Уголовного уложения ФРГ и статистических показателей приходит к выводу, что показатель количества криминальных банкротств зависит от количества дел о несостоятельности (банкротстве). Однако, подобное соотношение статистических показателей нехарактерно для российской юридической практики применения норм о криминальных банкротствах. В статье также анализируются причины подобного состояния, среди которых особое внимание уделяется конструкции составов криминальных банкротства в Уголовном уложении ФРГ и определении обстановки совершения преступления. В результате анализа автором предлагаются варианты возможного совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации об ответственности за криминальные банкротства.

Ключевые слова: криминальные банкротства, совершенствование уголовного законодательства, конструкция составов криминальных банкротств, зарубежный опыт.

В Российской Федерации составы криминальных банкротств являются относительно молодыми, что и является причиной большого количества сложностей в конструкции соответствующих уголовно-правовых норм и их правоприменения. В этой связи весьма обоснованно обратить внимание и на опыт зарубежного законодательства в области регламентации ответственности за криминальные банкротства.

Объектом исследования в рамках настоящей статьи выступают уголовно-правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за криминальные банкротства в рамках правовой системы Германии. Выбор указанного государства обусловлен тем, что наибольшее развитие процедуры банкротства получают при столкновении капиталов в условиях конкуренции на товарных рынках [5, с. 216]. В свою очередь, одной из мощных экономик мира в настоящее время является экономика Германии. Важным является и то обстоятельство, что Германия относится к странам романо-германской правовой семьи, что сближает её правовую систему с правовой системой Российской Федерации. Соответственно, уголовное законодательство о криминальных банкротствах в Германии должно являться перспективной моделью исследования для возможных заимствований в отечественное правовое регулирование.

При анализе уголовного законодательства Германии в сфере криминальных банкротств, в первую очередь, следует отметить, что немецкий законодатель выделил отношения банкротства как особый видовой объект уголовно-правовой охраны. Об этом свидетельствует отдельный Двадцать четвертый раздел Уголовного уложения Федеративной Республики Германия¹ (Strafgesetzbuch) (далее – Уголовное уложение ФРГ) «Преступные деяния, связанные с несостоятельностью».

А.В. Серебренникова, анализируя указанный нормативно-правовой акт и позиции германских правоведов, указывает, что критериями систематизации Уголовного уложения ФРГ являются объект уголовно-правовой охраны, а в необходимых случаях – средства посягательства [10, с. 843]. Представляется, что подобное обособление криминальных банкротств в системе уголовного законодательства Германии является оправданным. В частности, о наличии особенностей указанной

¹ «Strafgesetzbuch in der Fassung der Bekanntmachung vom 13. November 1998 (BGBl. I S. 3322), das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 26. Juli 2023 (BGBl. 2023 I Nr. 203) geändert worden ist» // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/BJNR001270871.html> (дата обращения: 13.09.2023).

группы общественно опасных деяний было указано при анализе понятия криминальных банкротств.

В Уголовном уложении ФРГ регламентации ответственности за криминальные банкротства посвящено пять параграфов § 283–283d. При общем анализе указанных составов преступлений следует отметить, что криминальные банкротства по Уголовному уложению ФРГ, в целом, идентичны отечественному пониманию данной группы общественно опасных деяний за некоторыми исключениями, о которых будет указано в дальнейшем.

Оценивая германское уголовное законодательство о криминальных банкротствах, отечественные исследователи указывают на его положительный опыт в части конструкции составов преступлений, детальной регламентации деяний, дифференциации ответственности в соответствии с мотивами поведения виновного и формой вины [9, с. 132]. С данным мнением в большей степени можно согласиться ввиду следующего.

Деяния криминальных банкротств, представленные в Уголовном уложении ФРГ, классифицируются авторами достаточно просто: в связи с названиями соответствующих параграфов и смыслов их абзацев. Так, выделяют простое, злостное банкротство и особо тяжкий случай банкротства. Отдельными составами выделяют нарушение обязанности ведения бухгалтерских книг, предоставление преимущества кредитору, предоставление преимущества должнику [2, с. 98]. Однако, во многом указанные деяния аналогичны деяниям, ответственность за которые установлена ст. 195–196 УК РФ.

Так, деяния в сфере криминальных банкротств по Уголовному уложению ФРГ можно разделить на три основные группы:

- неправомерные действия при банкротстве (№ 1–8 абз. 1 § 283, № 1 абз. 4 § 283, № 1 абз. 5 § 283, § 283с, § 283d);
- преднамеренное (фиктивное) банкротство (абз. 2 § 283, № 2 абз. 4 § 283, № 2 абз. 5 § 283);
- действия, осложняющие оценку имущественного положения лица (§ 283b «Нарушение обязанности ведения бухгалтерского учета»).

В § 283а установлена ответственность за особо тяжкое банкротство, которое, по сути, представляет собой особо квалифицированные составы неправомерных действий при банкротстве и преднамеренного банкротства. Необходимо отметить, что Уголовное уложение ФРГ не имеет четкого выделения фиктивного банкротства, однако соответствующие действия также охватываются § 283.

Германское законодательство, не смотря на его достаточно высокий уровень регламентации уголовной ответственности за криминальные банкротства, не является совершенным. В частности, с точки зрения соблюдения системы распределения деяний в Уголовном уложении ФРГ в разделе 24 явно лишним является § 283b. Немецкий законодатель в указанной норме устанавливает ответственность за нарушение обязанности ведения бухгалтерского учета, то есть неведения торговой

книги, её ненадлежащего ведения (лицо составляет балансы неверно, или не составляет их в установленные сроки), уничтожения, повреждения или сокрытия.

Действительно, в случае наступления банкротства пороки ведения торговой книги в значительной степени усложняют течение банкротной процедуры, что усложняет определение его имущественного положения. Однако, само по себе указанное деяние не связано с несостоятельностью, и скорее посягает на отношения должного (законного) функционирования предпринимательской деятельности. Представляется, что уместно было предусмотреть ответственность за соответствующие действия по нарушению обязанности ведения бухгалтерского учета при наличии сверхзадолженности или в случае грозящей или наступившей неплатежеспособности в абз. 1 § 283 Уголовного уложения ФРГ.

Не смотря на выделенный недостаток системы норм Уголовного уложения ФРГ о криминальных банкротствах, уголовно-правовую регламентацию ответственности за рассматриваемые деяния необходимо оценивать в качестве эффективного механизма противодействия, который востребован юридической практикой. И данный вывод подтверждается статистическими показателями соотношения преступности и количеством дел о несостоятельности (банкротстве). Подобные показатели представлены на рис. 1 и 2.

Количество криминальных банкротств в ФРГ в 2015–2018 гг.

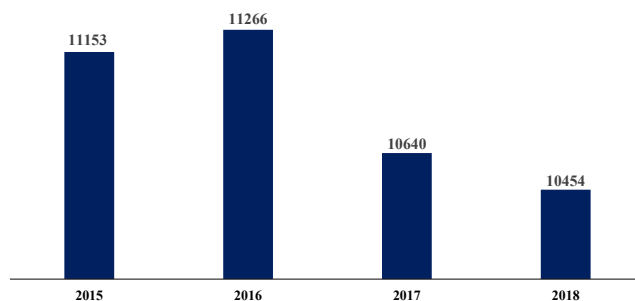

Рис. 1

Источник: Institut der deutschen Wirtschaft: Zugriffsverfahren [Электронный ресурс] // URL: <https://www.deutschlandzahlen.de/tab/deutschland/branchen-unternehmen/unternehmen/insolvenzen> (дата обращения: 04.11.2023).

Из представленных показателей следует, что в ФРГ выявляется достаточно большое количество криминальных банкротств и соответствующие уголовно-правовые нормы имеют широкое применение. В целом, можно сделать вывод, что показатель количества криминальных банкротств зависит от количества дел о несостоятельности (банкротстве), что не характерно для ситуации применения соответствующих уголовно-правовых норм в Российской Федерации (при росте количества дел о несостоятельности (банкротстве) количество криминальных банкротств снижается). Стабильная практика применения положений Уголовного уложения ФРГ о несостоятельности банкрот-

стве связана с эффективной конструкцией данных уголовно-правовых норм и высоким уровнем юридической техники, что позволяет в точности определять ситуации их применения.

Рис. 2

Источник: Offizielles Portal der deutschen Polizei: Zugriffsverfahren [Электронный ресурс] // URL: https://www.bka.de/SharedDocs/Downloads/DE/Publicationen/JahresberichteUndLagebilder/Wirtschaftskriminalitaet/wirtschaftskriminalitaetBundelagebild2018.pdf?__blod=publicationFile&v=4 (дата обращения: 04.11.2023).

Анализируя отличительные особенности конструкции норм о криминальных банкротствах в ФРГ, следует начать с того, что данные составы в Уголовном уложении ФРГ являются формальными, то есть не включают последствие и соответствующую причинно-следственную связь в качестве обязательных признаков объективной стороны [11, с. 62]. Ряд авторов расценивают указанный подход положительно [4, с. 33; 6, с. 590]. Во многом именно материальная конструкция составов криминальных банкротств в Российской Федерации препятствует эффективному правоприменению, что порождает в первую очередь сложности процесса квалификации. Правоприменитель должен не только определить причиненный крупный ущерб, возможность причинения которого по ряду исследуемых составов воспринимается скептически [8, с. 412; 7], но и установить причинно-следственную связь между ним и деянием. Данная необходимая в значительной степени осложняет правоприменение в указанной области.

Однако, полная рецепция подобной конструкции в отечественное законодательство также не является разумной ввиду возможности излишней криминализации сферы несостоятельности (банкротства). В связи с этим при рассмотрении вопроса конструкции составов криминальных банкротств в уголовном законодательстве Российской Федерации необходимо учитывать подобный зарубежный опыт, но рассматривать его с учетом социально-правовой, экономической обстановки Российской Федерации.

В Уголовном уложении ФРГ законодатель особенно подошёл и к вопросу определения обстановки совершения различных злоупотреблений в сфере несостоятельности. Так, обстановка совершения действий, предусмотренных статьёй § 283 «Банкротство», предусматривает три ситуации: наличие сверхзадолженности, грозящая неплатежеспособность, наступившая неплатежеспособность,

состояние. С опорой на Федеральный закон ФРГ о несостоятельности от 05 октября 1994 г. (BGBL. 1994 I S.2866) [3, с. 390], разъясняющим указанные термины, можно сделать вывод, что в немецком законодательстве обстановка совершения неправомерных действий при банкротстве понимается достаточно широко – соответствующие действия наказуемы с момента появления предположения о невозможности исполнить имеющиеся денежные обязательства (исключением является § 283с «Предоставление преимущества кредиторам»). Однако, важное замечание сделано в абз. 6 ст. § 283, которое распространяется практически на все статьи о криминальных банкротствах в Уголовном уложении ФРГ, соответствующие деяния считаются наказуемыми только в случае, если исполнитель прекратит платежи по требованиям или в отношении его имущества открыто конкурсное производство или ходатайство об открытии конкурсного производства отклонено за отсутствием конкурсной массы.

Авторы отмечают, что подобная конструкция составов криминальных банкротств в ФРГ обусловлена её социально-экономическими условиями и прокредиторской направленностью законодательства. В свою очередь, российское законодательство является умеренно-прокредиторским, что, по мнению авторов, указывает на отсутствие необходимости заимствований в УК РФ положений немецкого законодательства о криминальных банкротствах [1, с. 94]. Однако, данное утверждение не является бесспорным. При заимствовании зарубежного опыта, безусловно, необходимо учитывать социально-экономические условия в Российской Федерации, но это препятствует внедрению некоторых эффективных механизмов. И.А. Клепичский верно подметил, что при подобном определении обстановки совершения преступления, которое присутствует в ст. 195 УК РФ, «злостному банкроту в России не нужно спешить с собиранием чемоданов и бегством от правосудия, он может удалиться чинно и неспешно, чему правоохранительные органы не могут воспрепятствовать» [6, с. 590]. Действительно, признаки банкротства в российском законодательстве определяются невозможностью исполнить свои требования по обязательствам в течение трех месяцев. Подобная трактовка дает злоумышленнику возможность, не торопясь выводить активы осознавая «грозящую неплатежеспособность» в течение целых трех месяцев, не опасаясь привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 195 УК РФ.

Касательно характеристики деяния, то следует отметить такую особенность положений Уголовного уложения ФРГ о криминальных банкротствах как открытый перечень неправомерных действий. Главное условие их наказуемости – это «грубое нарушение требований надлежащего ведения хозяйства» и направленность на ухудшение имущественного положения или сокрытие, маскировку действительного состояния дел. Необходимо отметить, что немецкий законодатель, сохра-

нив казуистичный характер нормы (в частности, абз. 1 (№ 1–7) § 283 Уголовного уложения ФРГ), предусмотрел и возможность применения усмотрения правоприменителя при оценке преступности непоименованных в норме действий. Представляется, что отклонение от казуистичного характера в норме о криминальных банкротствах следует оценить положительно.

При этом, необходимо отметить, что при наличии должных разъяснений Пленума Верховного суда Российской Федерации практически все указанные действия в диспозиции соответствующих положений Уголовного уложения ФРГ возможно охватить имеющимися законодательными формулировками ст. 195–197 УК РФ. Однако, применение российских норм так или иначе ограничивают признаки обстановки и времени совершения преступления.

В результате проведенного анализа необходимо заключить, что уголовно-правовые нормы о криминальных банкротствах в Германии и Российской Федерации имеют достаточно много идентичных черт. При этом, отличительными признаками соответствующих положений проанализированного законодательства являются иные подходы к конструкции составов криминальных банкротств и к определению обстановки и времени совершения преступления в деяниях о неправомерных действиях при банкротстве в ст. 195 УК РФ.

Руководствуясь опытом правового регулирования уголовной ответственности за криминальные банкротства в ФРГ, необходимо определить следующие моменты возможного совершенствования соответствующего законодательства Российской Федерации:

- пересмотр конструкции составов криминальных банкротств (ст. 195–197 УК РФ);
- пересмотр подхода к определению обстановки и времени совершения преступления в ст. 195 УК РФ;
- пересмотр подхода к регламентации деяния в ст. 195 УК РФ с рассмотрением возможности внедрения общей формулировки деяния с перспективой появления детальных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу.

Литература

1. Барабаш А.С., Репецкая А.Л. Криминальное банкротство: компаративный анализ и проблемы законодательной регламентации в российском законодательстве // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 2 (97). – С. 88–97.
2. Белова С.Л., Расцветаева О.А., Потапов А.Ю. Некоторые аспекты сравнительно-правового анализа законодательств зарубежных стран и России в сфере криминального банкротства // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы X Международной

научно-практической конференции. – Тамбов, 2021. – С. 93–101.

3. Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) – научно-практический комментарий и перевод текста закона. – Universitätsverlag Potsdam, 2021. – 491 с.
4. Дерягина С.В. Преступные банкротства по уголовному законодательству Российской Федерации: ретроспективный и уголовно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Дерягина Светлана Владимировна. – Екатеринбург, 2022. – 202 с.
5. Карл Маркс. Капитал [пер. с нем. С. Алексеева]. – Москва: Издательство АСТ, 2021. – 480 с.
6. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. – Москва: Проспект, 2022. – 984 с.
7. Коренная А.А. Квалификация неправомерных действий при банкротстве в форме сокрытия (ч. 1 ст. 195 УК РФ) // Уголовное право. – 2023. – № 1. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Пестерева Ю.С., Рожкова О.И., Шагланова А.Н. Уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве: современное состояние, проблемы и пути их решения // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – Т. 19. – № 4. – С. 407–418.
9. Попов А.Н., Попов А.М., Дубовицкий А.И. Законодательство европейских стран по противодействию незаконным банкротствам // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 130–133.
10. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И.Д. Козочкина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 1056 с.
11. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / А.А. Бимбинов, С.А. Боженок, В.Н. Воронин и др.; под ред. Ю.В. Грачевой. – Москва: Проспект, 2019. – 416 с.

PECULIARITIES OF THE REGULATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMINAL BANKRUPTCIES IN GERMANY

Roslyakov V.D.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)

This article discusses the issues of regulation of criminal liability for criminal bankruptcies under the legislation of the Federal Republic of Germany. Based on the analysis of the norms of the Criminal Code of the Federal Republic of Germany and statistical indicators, the author concludes that the indicator of the number of criminal bankruptcies depends on the number of insolvency (bankruptcy) cases. However, such a ratio of statistical indicators is uncharacteristic for the Russian legal practice of applying the norms on criminal bankruptcies. The article also analyzes the reasons for this condition, among which special attention is paid to the construction of criminal bankruptcy structures in the Criminal Code of the Federal Republic of Germany and the definition of the crime scene. As a result of the analysis, the author suggests options for possible improvement of the criminal legislation of the Russian Federation on liability for criminal bankruptcies.

Keywords: criminal bankruptcies, improvement of criminal legislation, construction of criminal bankruptcy structures, foreign experience.

References

1. Barabash A.S., Repetskaya A.L. Criminal bankruptcy: comparative analysis and problems of legislative regulation in Russian legislation // *Siberian Legal Bulletin*. – 2022. – № 2 (97). – Pp. 88–97.
2. Belova S.L., Rastsvetaeva O.A., Potapov A. Yu. Some aspects of comparative legal analysis legislation of foreign countries and Russia in the field of criminal bankruptcy // *Actual problems of criminal law, criminology, criminal procedure and penal enforcement law: theory and practice: materials of the X International Scientific and Practical Conference*. Tambov, 2021. – pp. 93–101.
3. Golovnenkov P.V. Criminal Code of the Federal Republic of Germany – Strafgesetzbuch (StGB) – scientific and practical commentary and translation of the text of the law. – Universitätsverlag Potsdam, 2021. – 491 c.
4. Deryagina S.V. Criminal bankruptcies under the criminal legislation of the Russian Federation: a retrospective and criminal law analysis: dis. ... cand. Jurid. sciences': 12.00.08 / Deryagina Svetlana Vladimirovna. – Yekaterinburg, 2022. – 202 p.
5. Karl Marx. Capital [trans. from the German S. Alekseeva]. – Moscow: AST Publishing House, 2021. – 480 p.
6. Klepitsky I.A. New economic criminal law: monograph. – Moscow: Prospekt, 2022. – 984 p.
7. Korennaya A.A. Qualification of illegal actions in bankruptcy in the form of concealment (part 1 of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation) // *Criminal law*. – 2023. – No. 1. – Access from the ConsultantPlus legal reference system.
8. Pestereva Yu.S., Rozhkova O.I., Shaglanova A.N. Criminal liability for illegal actions in bankruptcy: the current state, problems and ways to solve them // *Siberian Legal Review*. – 2022. – Vol. 19. – No. 4. – pp. 407–418.
9. Popov A.N., Popov A.M., Dubovitsky A.I. Legislation of European countries on countering illegal bankruptcies // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2018. – No. 1. – pp. 130–133.
10. Criminal law of foreign countries. General and Special parts: textbook / edited by I.D. Kozochkin. – 3rd ed., reprint. and additional – M.: Walters Kluwer, 2010. – 1056 p.
11. Criminal law of the Russian Federation. General part: textbook / A.A. Bimbinov, S.A. Bozhenok, V.N. Voronin, etc.; edited by Yu.V. Gracheva. – Moscow: Prospekt, 2019. – 416 p.

Электронные носители информации как вещественные доказательства в уголовном процессе

Степанюгин Константин Викторович,

к.филос.н., доцент кафедры морского права,
МГУ им. адм. Г.И. Невельского, Владивосток
E-mail: kot_stepanyugin@mail.ru

Тисемникова Софья Павловна,

студент факультета управления, логистики и права,
МГУ им. адм. Г.И. Невельского, Владивосток
E-mail: tisemnikova@bk.ru

В статье авторы рассматривают значимость электронных носителей информации исследуемых в целях решения задач уголовного процессуального права. Обсуждается растущее значение электронных данных в качестве доказательств в уголовном процессе. Анализируются особенности и сложности использования в рамках процесса, а также исследуется их правовая природа – относить ли их к вещественным, письменным или другой форме доказательств. В выводах проведённого исследования авторами предлагается выделение понятия «документальное доказательство», которое в уголовно-процессуальном праве объединит не только письменные, но и электронные документы.

Ключевые слова: электронные доказательства, уголовный процесс, документальное доказательство, вещественные доказательства, электронные документы, письменные доказательства.

В последние годы в уголовном процессе все чаще фигурируют электронные (цифровые) данные в доказательной базе, которые добавляются к традиционным документам и служат как доказательство в уголовных делах. По опыту, с помощью таких данных все чаще представляется возможность разрешить ряд проблем, с которыми сталкиваются органы следствия при расследовании виновного противоправного деяния. Очевидно, что такая ситуация напрямую связана с процессами информатизации общества, проникновением новых цифровых информационных технологий во все без исключения сферы общественной жизни общества, в том числе экономическую, социальную, политическую и, даже, духовную. Все процессы, происходящие в цифровой среде, также как и события в обычной жизни, всегда оставляют свои следы, которые хоть и обладают рядом специфических свойств, но также могут быть источником доказательств в процессе.

В условиях современных реалий объемы информации постоянно растут, большая часть информации уже хранится и передается в электронном виде, а органы и организации активно внедряют в свою деятельность электронный документооборот, постепенно отказываясь от традиционных способов обмена информацией в пользу цифровых данных. Не обходят стороной данные инновации и правоохранительную и судебные сферы и, как следствие, в уголовно-процессуальном доказывании электронные данные играют все более значимую роль. При этом говоря о цифровых доказательствах необходимо отметить, что их использование в процессе сопряжено с рядом особенностей и трудностей, начиная от проблем понимания их природы до проблем процессуального обеспечения.

Говоря о природе цифровых доказательств, очевидно следует отталкиваться от синонимически схожего понятия информации, которое закреплено в ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В нем под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [3, ст. 2]. Это же понятие используется и в науках кибернетика и информатика, где под информацией в общем виде понимаются данные, снимающие неопределённость о ком или чем-либо. В свою очередь цифровая информация – это данные, обрабатываемые компьютерными системами и другими электронными устройствами, включающая электронные документы, фотографии, видео, аудиоза-

писи, электронную почту и мобильные сообщения, сведения о транзакциях, сетевых операциях и мн. другое. При должном процессуальном оформлении цифровую информацию возможно использовать в качестве вещественных доказательств в уголовном процессе.

Цифровая информации может быть охарактеризована рядом таких специфических свойств как:

1) воспроизводимость – она может быть сравнительно легко скопирована и передана без изменения первоначальной формы, при этом даже многократное воспроизведение не приводит к потере ее качества;

2) легкость хранения и передачи – для хранения информация пригоден достаточно широкий круг доступных электронных накопителей, а для передачи такой информации на любые расстояния доступны средства сетевой связи.

Первое позволяет использовать цифровую информацию в качестве доказательств с достаточно высокой степенью достоверности, проводить с ней экспертные исследования и проверки.

Второе существенно упрощает процесс фиксации, сбора и представления доказательств в уголовном процессе. Имеющиеся при этом сложности, связанные с тем, что цифровые сведения в силу своей специфики могут быть достаточно просто изменены или уничтожены, решаются рядом организационно-техническим мер. Например, для обеспечения надежности и достоверности цифровой информации не только в уголовном процессе, но и в других сферах экономики и права, применяются различные варианты электронной подписи. Ей принцип основан на внедрении в документ дополнительного зашифрованного с высокой степенью надежности реквизита, подтверждающий оригинальность и целостность документа, отсутствие в нем искажений.

Таким образом, при соблюдении определенных условий цифровая информация может обладать свойствами обеспеченности и надежности хранения, возможностью воспроизведения без потери качества, что позволяет использовать ее в уголовно-процессуальном доказывании с определенными ограничениями или особенностями. Так, например, использование цифровой информации в уголовно-процессуальном доказывании сопряжено с обязательным подробным анализом представленных сведений специалистами в данной отрасли, о чем прямо указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 [4, п. 24].

Также действительно важно отметить, что в каждой процессуальной отрасли права роль и место доказательств определяются их правовой природой и сущностью. Согласно статье 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее – УПК РФ), доказательствами по уголовному делу считаются любые сведения, позволяющие установить наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для дела [2, ст. 74]. Анализ данной нормы позво-

ляет отнести рассматриваемые электронные доказательства к категории вещественных. Это также подтверждается статьей 81.1 УПК РФ, введенной в 2016 году и указывающей на вещественный характер изымаемых электронных носителей информации в судебном процессе.

При анализе фактических доказательств по классификационному признаку, можно воспользоваться точкой зрения Н.Н. Егорова, который относит их к прямым и косвенным. Прямые доказательства подтверждают факты, непосредственно связанные с предметом доказательства [6, с. 56]. А косвенные устанавливают промежуточные факты, служащие подтверждением наличия или отсутствия событий, включенных в предмет доказательства и, в конечном итоге, должны привести к единственному выводу, имеющему важное значение для дела.

Рассматриваемые нами электронные доказательства, относимые к вещественным доказательствам, также, как и другие могут представлять собой факты, свидетельствующие о совершении преступления или, наоборот, опровергающие. Первоначальным электронным доказательством можно считать оригинал объекта-носителя информации, тогда как копия объекта будет его производным. В обычном порядке, несмотря на отличие первоначального от производного в силу невозможности в точности передать качество объекта, основополагающие признаки идентичны первоначально созданному объекту (размер, форма и пр.) [9]. В случае электронных данных их копирование позволяет получить практически идентичную копию объекта, но при этом некоторые служебные сведения о них (атрибуты, место положение, дата) могут отличаться от оригинала, что не влияет ни на его значимом содержимом или качестве. То есть копии носителя информации или электронных данных, которые обнаруживаются в связи с проведением следственных мероприятий, следует относить к производным вещественным доказательствам. Современное законодательство в области копирования информации для проведения следственных действий сегодня имеет достаточно четкие правила и порядок. В 2018 год в УПК РФ введена ст. 164.1, расширившая применение указанного способа получения доказательств на все виды следственных действий.

Справедливо отметить также то, что существуют и несколько иные точки зрения на правовую природу электронных доказательств. Так, рассматривая с точки зрения правовой доктрины электронные доказательства, А.В. Гребельский указал, что нужно учитывать сравнительно-правовой анализ общего права, так как, например, по праву Англии и Уэльса, электронные доказательства относят к письменным [7, с. 56]. Другой российский ученый А.П. Вершинин также в своих исследованиях полагает, что электронные документы могут быть рассмотрены как письменные доказательства, поскольку они отражают человеческую мысль, однако при этом, в отличии от письменных доказа-

тельств, они не доступны для восприятия человеком в традиционной форме. Следовательно, их следует относить не к письменным, а к материальным или, если точнее, вещественным доказательствам [5, с. 89].

В силу подхода российского законодателя, не представляется возможным согласиться с указанной выше точкой зрения, поскольку в соответствии со ст. 81 УПК РФ под вещественными доказательствами понимаются любые предметы, которые служили орудием преступления, сохранившие следы или объекты преступления, были предметом посягательства, а также иные предметы или документы, которые могут раскрывать признаки совершения виновного противоправного деяния [2, ст. 81].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в настоящее время не учитывает некоторые виды письменных доказательств, что отличается от норм гражданско-процессуального кодекса РФ [1, ст. 71]. Это означает, что в УПК РФ, электронные доказательства не считаются письменными с точки зрения законодателя. При этом не все рассматриваемые документы ограничиваются письменной формой, так как в электронную документацию могут быть включены и другие сведения, которые определяются электронным способом записи данных [8, с. 39]. В зависимости от содержания этих данных на электронном носителе, можно сделать вывод о категоризации таких доказательств как вещественные. Например, мультимедийный контент или служебная информация о протоколировании действий на локальном или сетевом ресурсе могут быть использованы в качестве средств доказывания, требующих специальных технических средств при просмотре и экспертной оценки.

Таким образом, основываясь на анализе существенных характеристик изучаемого института и рассмотрении различных доктринальных подходов, можно заключить, что в уголовно-процессуальном праве имеет смысл введение обобщающего термина «документальное доказательство», охватывающего как письменные, так и электронные документы.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 22.07.2024). – Доступ из СПС «Консультант Плюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024). – Доступ из СПС «Консультант Плюс».
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023). – Доступ из СПС «Консультант Плюс».
4. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37. – Доступ с сайта Верховного Суда Российской Федерации.
5. Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. – М.: ООО «Городец-Издат», 2000. – 415 с.
6. Вещественные доказательства: сборник и возможности исследования: монография / отв. ред. Н.Н. Егоров. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 256 с.
7. Гребельский А.В. Электронные доказательства в международном коммерческом арбитраже / А.В. Гребельский // Закон. – 2015. – № 10. – С. 59–70.
8. Тисемникова С.П. Проблемы извлечения цифровых доказательств с электронных носителей информации для их использования в уголовно-процессуальном доказывании: вып. квалиф. раб. бакалавра юриспруденции. 40.03.01 / С.П. Тисемникова. – Владивосток, 2024. – 50 с.
9. Уголовный процесс России: учебное пособие / под ред. З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 425 с.

ELECTRONIC MEDIA AS PHYSICAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Stepanyugin K.V., Tisemnikova S.P.

Maritime State University named after admiral G.I. Nevelskoy

In the article, the authors consider the importance of electronic media studied in order to solve the problems of criminal procedural law. The growing importance of electronic data as evidence in criminal proceedings is discussed. The features and difficulties of use in the framework of the process are analyzed, as well as their legal nature is investigated – whether they should be attributed to physical, written or other form of evidence. In the conclusions of the study, the authors propose the allocation of the concept of “documentary evidence”, which in criminal procedure law will combine not only written, but also electronic documents.

Keywords: electronic evidence, criminal proceedings, documentary evidence, physical evidence, electronic documents, written evidence.

References

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation [Electronic resource]: from 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended on 22.07.2024). – Access from the SPS “Consultant Plus”.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation [Electronic resource]: from 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 29.05.2024). – Access from the SPS “Consultant Plus”.
3. On information, information technology and information protection [Electronic resource]: Federal Law of 27.07.2006 No. 149-FZ (as amended on 12.12.2023). – Access from the SPS “Consultant Plus”.
4. On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Crimes in the Sphere of Computer Information, as well as Other Crimes Committed Using Electronic or Information and Telecommunication Networks, Including the Internet [Electronic Resource]: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 12/15/2022 No. 37. – Access from the website of the Supreme Court of the Russian Federation.

5. Vershinin A.P. Electronic Document: Legal Form and Evidence in Court. – Moscow: Gorodets-Izdat LLC, 2000. – 415 p.
6. Material Evidence: Collection and Research Possibilities: Monograph / Ed. N.N. Egorov. – Moscow: Yurlitinform, 2017. – 256 p.
7. Grebelsky A.V. Electronic Evidence in International Commercial Arbitration / A.V. Grebelsky // Law. – 2015. – No. 10. – P. 59–70.
8. Tisemnikova S.P. Problems of extracting digital evidence from electronic storage media for their use in criminal procedural proof: issue. qualified. work. bachelor of law. 40.03.01 / S.P. Tisemnikova. – Vladivostok, 2024. – 50 p.
9. Criminal procedure of Russia: a textbook / edited by Z.F. Kovri-ga, N.P. Kuznetsov. – Voronezh: VSU, 2003. – 425 p.

Профилактика преступлений, совершаемых под влиянием депрессивных расстройств

Трусова Елена Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: etrus.elena@yandex.ru

Депрессивные расстройства различной степени тяжести не только снижают качество жизни человека и его окружающих, но также могут стать основной или побочной причиной совершения уголовного преступления. При этом выявлению и работе с такими состояниями в настоящее время уделяется недостаточное внимание, что создаёт предпосылки роста преступности. В статье рассматриваются суть депрессивного расстройства в контексте девиантного поведения и причины развития депрессивных расстройств среди россиян. Анализируется влияние депрессии на правовое поведение человека, приводятся ситуации, в которых проявления депрессивного расстройства в острой стадии – заикленность на собственных проблемах, неспособность прогнозировать позитивное развитие событий, эмоциональная холодность, склонность к самоубийству – выступают решающим фактором совершения преступлений. Выявляются особенности профилактики совершения уголовных преступлений под влиянием депрессивного расстройства, реализацией которой могут заниматься сотрудники МФЦ, участковые, терапевты, иные медицинские и социальные работники. Своевременное выявление граждан, находящихся в депрессивном состоянии или на его грани, особое внимание к большим группам граждан, подвергшимся стрессу, и оказание им требуемой помощи позволит снизить количество преступлений, имеющих депрессивный генез.

Ключевые слова: депрессия, депрессивное расстройство, вменяемость, преступления в состоянии депрессии, причины совершения уголовных преступлений, факторы снижения уровня преступности.

Тема исследования. Депрессия как фактор, провоцирующий человека на совершение уголовного преступления.

Цель исследования. Определение значимости депрессивных расстройств как триггера роста преступности и способов профилактики преступлений, совершаемых под влиянием депрессивных расстройств.

Проблема исследования. Депрессивное расстройство чаще всего не воспринимают как клиническое состояние, поэтому не рассматривают в связи с профилактической работой в сфере уголовных преступлений. Пристальное внимание к этому фактору может снизить криминогенную напряжённость в обществе.

Метод исследования. Изучение научной литературы и периодики.

Введение

Депрессивное расстройство – состояние, которое фиксируется, по оценкам учёных, практически у каждого десятого россиянина. По данным исследования, проведённого Агентством стратегических инициатив, около 15 миллионов граждан РФ находятся в состоянии глубокой (большой) депрессии [1]. Количество людей, которые сталкиваются с менее выраженными формами депрессии, не поддаётся формальному учёту в принципе, но можно предположить, что их не меньше, чем носителей клинической формы. В целом, в начале 2020-х Россия опустилась в мировом рейтинге «уровня счастья», отражающем, в т.ч. процент населения, страдающего от депрессии, с 60 на 80-е место [5]. Следовательно, эту проблему можно признать значимой в государственном масштабе.

При этом, согласно исследованиям оксфордских учёных, проведённым ещё в 2015 году и вошедшим в учебник «Оксфордское руководство по психиатрии» Майкла Гельдера, люди, страдающие депрессивными расстройствами разной степени тяжести, в три раза чаще становятся преступниками, чем те, кому удаётся избежать депрессии [2]. Из этого следует, что своевременное обнаружение граждан, находящихся в состоянии депрессивного расстройства, и работа с ними могут позитивно повлиять на уменьшение количества совершённых ими правонарушений и преступлений.

Ощущение безнадежности, безвыходности положения, отсутствия личных, социальных, карьерных и иных перспектив приводит некоторых людей к решению нарушить закон ради преломления ситуации или, как минимум, привлечения

к ней внимания общественности. В некоторых случаях депрессивное расстройство является своего рода маркером определённой социальной или социально-демографической группы населения, что отражается, помимо показателей криминогенности, на таких метриках, как показатель самоубийств, зафиксированных клинически психиатрических болезней и т.д. Одним словом, уровень депрессии – это лакмусовая бумажка психического здоровья общества в целом.

Суть депрессивного расстройства в контексте девиантного поведения

Классическая депрессивная триада включает в себя такие симптомы, как: стабильное и продолжительное ухудшение эмоционального состояния (плохое настроение, не поддающееся коррекции, отсутствие эффекта от использования привычных способов испытать положительные эмоции), замедление мышления (с преобладанием пессимистичных, негативных, разрушительных тем для обдумывания, неспособность прогнозировать позитивное развитие событий), снижение моторной активности (замедленность движений, ухудшение реакции и т.д.) [6]. В итоге депрессия может вызывать следующие формы девиантного поведения.

Эмоциональная холодность, отсутствие эмпатии. Человек перестаёт проявлять сочувствие, остаётся равнодушным по отношению к делам близких людей, замыкается на своих проблемах. Сокращается круг общения и, соответственно, число лиц, осведомлённых о его мыслях и намерениях.

Прекращение повседневной деятельности – профессиональной и бытовой. Человек становится равнодушен не только к чувствам и делам других людей, но и к своим обязанностям по дому, на работе, в ином коллективе. Получая в ответ на свои бездействия негативную реакцию, ещё глубже погружается в депрессию.

Возникновение вредных привычек, быстро переходящих в аддиктивную форму. Алкоголизм, наркомания, лудомания – только часть зависимостей, характерных для лиц, находящихся в состоянии депрессивного расстройства. Влияние психотропных веществ, в частности, создаёт предпосылки для деяний, нарушающих общественный порядок.

Суицидальный настрой и попытки причинения вреда своему здоровью. Эта черта – одна из наиболее характерных для состояния депрессии: человек перестаёт видеть перспективы, не способен к поиску выхода из сложившейся ситуации и приходит к выводу, что проще всего – свести счёты с жизнью.

Основными причинами депрессивных расстройств среди россиян являются: существенные проблемы с собственным здоровьем, утрата близкого человека, серьёзные финансовые затруднения (в частности, высокое кредитное бремя, потеря работы и т.д.), экономический кризис,

политическая нестабильность, негативный информационный фон в СМИ и интернет-пространстве. Нарастание макрополитической и экономической напряжённости, возникновение на этом фоне новых фобий и усиление старых создают условия для развития депрессивного расстройства у самых разных категорий россиян. В связи с этим растёт риск роста преступности на этой почве.

Депрессия как триггер совершения правонарушений и преступлений

Перечисленные выше отклонения в поведении носителей депрессивного расстройства в острой стадии могут привести, в итоге, к совершению человеком правонарушений вплоть до уголовного преступления тяжкой и особо тяжкой категории. В частности, депрессия как решающий фактор совершения преступления имеет место в следующих случаях.

Совершение суицида общественно опасным способом. Склонность к самоубийству у жертв депрессивного расстройства сопряжена с безразличием к окружающим, поэтому они могут устроить самоподжог в общественном месте или иное деяние, опасное для жизни и здоровья третьих лиц.

Неоказание помощи или оставление в опасности. Эмоциональная холодность носителей депрессивного синдрома может привести к гибели других людей вследствие неоказания им своевременной помощи или намеренного оставления в опасности. В частности, это касается маломобильных родственников и несовершеннолетних детей. В данном случае речь идёт чаще о преступном бездействии, нежели о деяниях.

Убийство или попытка убийства близких родственников. В данном случае речь может идти как о попытке мести тем, кого преступник считает виновником своих проблем, так и об инициировании коллективного самоубийства по причине состояния безнадёжности, которое его охватило. Чаще всего в криминальной хронике встречаются попытки убийства супругов и детей, после чего в планы преступника входит сведение счётов с собственной жизнью.

Домашнее насилие. Человек, находящийся в депрессии, способен применять насилие как физического, так и психологического характера к членам своей семьи. По сложившейся в нашей стране практике, семейные конфликты редко выносятся на рассмотрение правоохранительных органов или психологов, поэтому внимание к таким ситуациям привлекается только в ситуациях, когда уголовное преступление против личности уже совершено или предпринята попытка его совершения.

Убийство или попытка убийства посторонних лиц. В сочетании с маниакальным синдромом, паранойей и другими расстройствами психики, депрессивное состояние может спровоцировать человека к поиску виновных в его положении – или способов его исправить путём ликвидации других людей. Что бы не являлось причиной – жажда мести за свою неуспешность или намерение овладеть

чужими материальными ресурсами для улучшения собственного положения – человек в крайней фазе депрессии способен пойти на убийство.

Разбой, грабёж или иная форма преступления против имущества граждан. Формы преступлений, характерные для депрессивных расстройств, вызванных материальным неблагополучием – низким уровнем дохода, потерей работы, высоким налоговым и кредитным бременем. В таких ситуациях искажённое депрессией состояние психики приводит к решению о получении денежных средств или иных материальных благ преступным способом.

Преступления против сексуальной неприкосновенности, а также преступления, совершённые в составе группы лиц у граждан с депрессивными расстройствами встречаются реже в силу психологических и физиологических особенностей этого состояния.

Способы профилактики совершения уголовных преступлений под влиянием депрессивного расстройства

Очевидно, что поскольку депрессивные расстройства повышают риск совершения правонарушений вплоть до преступлений средней и высокой тяжести, избежать таких последствий можно, предприняв своевременные меры профилактики. Выявление лиц, находящихся в депрессии, могут осуществлять следующие специалисты:

- сотрудники МФЦ, напрямую контактирующие с проблемными или потенциально проблемными категориями граждан (безработные, многодетные семьи, малоимущие и т.д.);
- участковые, работающие с населением на вверенной им территории;
- терапевты, иные медицинские и социальные работники, способные заметить первые признаки депрессивных состояний у своих пациентов и подопечных.

Кроме того, необходимо уделять достаточное внимание широкому информированию родственников граждан, входящих в категорию риска по возникновению депрессивных состояний, о симптомах депрессии и способах её лечения. Это позволит своевременно оказать человеку психологическую помощь, в том числе, в целях предотвращения возможного совершения правонарушения. В некоторых случаях для определённых групп граждан, находящихся в депрессивном состоянии или на его грани, могут создаваться психотерапевтические группы, которые позволяют смягчить симптоматику и предотвращают совершение такими гражданами социально опасных деяний. В частности, речь может идти о создании подобных групп для безработных, инвалидов, молодых матерей (ситуация послеродовой депрессии) и т.д. Работать они могут на базе МФЦ, социальных центров и иных государственных организаций.

Особое внимание (включая материальную поддержку, психологическую помощь и т.д.) к большим группам граждан, подвергшимся стрессу, по-

зволит предотвратить возможные преступления. Это относится к группам вынужденных переселенцев (включая беженцев), людям, оказавшимся в зоне стихийного бедствия, гражданам, подвергшимся террористической или подобной угрозе, пострадавшим в техногенной катастрофе и т.д.

Заключение

Депрессивное расстройство в большинстве случаев не подразумевает невменяемости, поэтому обычно не влияет на вынесение приговора при рассмотрении уголовных дел [3]. В любом случае, назначается психиатрическая экспертиза, которая позволяет установить, осознавал ли человек свои действия и их последствия. В редких случаях обвиняемый помещается на принудительное лечение в специализированное медицинское учреждение, но обычно депрессия не является смягчающим обстоятельством при вынесении приговора и назначении наказания.

Предотвращение преступлений в аффективном состоянии под влиянием хронической депрессии может оказаться непростым в силу отсутствия наработанных схем действий в данном направлении. Однако потенциальное сокращение преступности, особенно в сфере тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых на почве депрессивного расстройства оправдывает разработку государственных программ данного направления.

Литература

1. Около 15 миллионов россиян находятся в депрессии. – URL: <https://ria.ru/20230905/depressiya-1894414168.html> (дата обращения: 09.08.2024).
2. Депрессия толкает людей на уголовные преступления. – URL: <https://wek.ru/depressiya-tolkaet-lyudej-na-ugolovnye-prestupleniya> (дата обращения: 09.08.2024).
3. Семенцова И.А. Биохимические процессы в организме человека как детерминанта преступного поведения лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, и меры его нейтрализации. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biohimicheskie-protsessy-v-organizme-cheloveka-kak-determinanta-prestupnogo-povedeniya-lits-s-psihicheskimi-rasstroystvami-ne> (дата обращения: 09.08.2024).
4. Шуточкина А.С. Фастович Г.Г. Влияние психических аномалий на преступное поведение личности. – URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/7126> (дата обращения: 09.08.2024).
5. Воюцкая Н. Депрессивный эпизод: что происходит с ментальным здоровьем россиян. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/russia-in-depression/> (дата обращения: 09.08.2024).
6. Магонова Е.Г. Депрессия – симптомы и лечение. – URL: <https://probolezny.ru/depressiya/> (дата обращения: 09.08.2024).

PREVENTION OF CRIMES COMMITTED UNDER THE INFLUENCE OF DEPRESSIVE DISORDERS

Trusova E.A.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Depressive disorders of varying severity not only reduce the quality of life of a person and those around him, but can also become the main or secondary cause of a criminal offense. At the same time, insufficient attention is currently being paid to the identification and work with such conditions, which creates prerequisites for an increase in crime. The article examines the essence of depressive disorder in the context of deviant behavior and the causes of the development of depressive disorders among Russians. The influence of depression on human legal behavior is analyzed, and situations are presented in which manifestations of depressive disorder in the acute stage – fixation on one's own problems, inability to predict positive developments, emotional coldness, suicidal tendencies – act as a decisive factor in committing crimes. The features of the prevention of criminal offenses under the influence of depressive disorder are revealed, which can be implemented by employees of the MFC, district police officers, therapists, other medical and social workers. Timely identification of citizens who are depressed or on the verge of it, special attention to large groups of citizens who have been subjected to stress, and providing them with the necessary assistance will reduce the number of crimes with depressive genesis.

Keywords: depression, depressive disorder, sanity, crimes in

a state of depression, causes of criminal offenses, factors in reducing the crime rate.

References

1. About 15 million Russians are depressed. – URL: <https://ria.ru/20230905/depressiya-1894414168.html> (date of application: 08/09/2024).
2. Depression pushes people to commit criminal offenses. – URL: <https://wek.ru/depressiya-tolkaet-lyudej-na-ugolovnye-prestupleniya> (date of application: 08/09/2024).
3. Sementsova I.A. Biochemical processes in the human body as a determinant of criminal behavior of persons with mental disorders that do not exclude sanity, and measures to neutralize it. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biohimicheskie-protsessy-v-organizme-cheloveka-kak-determinanta-prestupnogo-povedeniya-lits-s-psihicheskimi-rasstroystvami-ne> (date of application: 08/09/2024).
4. Shutochkina A.S. Fastovich G.G. The influence of mental anomalies on criminal behavior of a person. – URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/7126> (date of application: 08/09/2024).
5. Voyutskaya N. Depressive episode: what happens to the mental health of Russians. – URL: <https://journal.tinkoff.ru/russia-in-depression/> (date of application: 08/09/2024).
6. Magonova E.G. Depression – symptoms and treatment. – URL: <https://probolezny.ru/depressiya/> (date of access: 08/09/2024).

Проблемы совместимости блокчейн-технологии и GDPR в Европейском союзе на примере использования криптоактивов

Злобин Егор Викторович,
аспирант МГИМО МИД России
E-mail: zlobinegor@outlook.com

В связи с активным применением блокчейн-технологий, использованием криптовалют в экономике и внедрением цифрового евро на территории Европейского союза все большее внимание уделяется сохранению конфиденциальности персональных данных в новых технологических условиях. В статье рассмотрены проблемы соответствия блокчейн-технологий положениям Общего регламента по защите персональных данных Европейского союза (GDPR). Практические и теоретические способы разрешения противоречий рассматриваются на примере обращения криптовалют и цифрового евро. В статье даются рекомендации по вопросам дальнейшего развития регулирования в рассматриваемой области.

Ключевые слова: блокчейн, криптовалюты, цифровой евро, GDPR, персональные данные.

Введение

В современном мире люди проводят все больше времени в интернете, оставляют свои персональные данные в социальных сетях, интернет-магазинах, на государственных порталах. Нередки случаи взломов вебсайтов и баз данных, утечек персональных данных пользователей, что приводит к нарушению неприкосновенности частной жизни – одного из фундаментальных прав человека. В связи с этим защита персональных данных является как никогда актуальной.

Право на неприкосновенность частной жизни закреплено во Всеобщей декларации прав человека (статья 12), Европейской конвенции по правам человека (статья 8) и Европейской хартии основных прав (статья 7), в связи с чем защите и соблюдению этого права уделяется большое внимание в Европейском союзе, где действуют одни из самых высоких требований к защите персональных данных.

Наиболее значимые документы в данной области были приняты в апреле 2016 года в Европейском союзе – Общий регламент по защите персональных данных (GDPR) и Директива по защите данных для правоохранительной и полицейской сферы.

GDPR конкретизирует, что подразумевает собой защита персональных данных, как обеспечивается их конфиденциальность, а также наделяет субъекты персональных данных рядом новых прав, таких как право на внесение исправлений в данные (статья 16), право на удаление данных (статья 17), право на ограничение обработки данных (статья 18), право на возражение (статья 21).

В 2016 году в подавляющем большинстве случаев персональные данные обрабатывались централизованно, в связи с чем перечисленные выше права могли быть исполнены путем обращения к контролеру персональных данных с требованием реализации того или иного права. Однако все изменилось с развитием блокчейн-технологий.

Технология блокчейн – это усовершенствованный механизм базы данных, который позволяет организовать открытый обмен информацией в рамках сети. По сути, блокчейн – это цепочка блоков, которые можно определить как базу данных, обеспечивающую безопасность, прозрачность и децентрализацию транзакций [1, с. 12118–12128].

Цель блокчейна – избавиться от необходимости в доверенном посреднике, который бы гарантировал проведение транзакций [2]. Распределенный реестр, используемый в технологии блокчейн,

функционирует без центрального администратора (банка или государственного органа).

Распределенный реестр – это база данных, которая с помощью механизма консенсуса распределяется и синхронизируется между участниками сети, а не хранится у центрального администратора. При этом вся информация в таком реестре зашифрована и может быть получена только с использованием ключей и криптографических подписей.

Впервые в истории человечества каждый может совершать международные транзакции с третьими лицами без посредников [3]. До появления блокчейна любому лицу, совершающему операцию, было необходимо получить подтверждение о транзакции от центрального администратора о том, что транзакция прошла успешно и никто не внес в нее изменения.

Блокчейн предполагает децентрализованную обработку данных, невозможность их удаления и отсутствие контролеров. Повсеместное применение блокчейн-технологий ставит перед законодателем, экспертами и юристами новые вызовы, так как обеспечить соблюдение ряда прав, предусмотренных GDPR, например, права на удаление или исправление данных, становится практически невозможно из-за технологических особенностей блокчейна.

При этом игнорировать развивающиеся блокчейн-технологии, повсеместно используемые криптовалюты и оставлять их в «серой» зоне Европейский союз не может. Интеграционному объединению предстоит найти баланс между сохранением права на неприкосновенность частной жизни и повсеместным внедрением блокчейн-технологий.

Концепция криптовалют

Криптовалюты – это децентрализованные цифровые токены, технологической базой которых выступает блокчейн. Система блокчейн оценивается экспертами как распределенный публичный реестр для регистрации и верификации транзакций в интернет-пространстве, для создания цепочки блоков по регистрации всех действий участников и сохранения информации (базы данных) об этих процессах [4].

Криптовалюты не имеют законодательно установленной или внутренней стоимости; они стоят столько, сколько люди готовы заплатить за них на финансовом рынке. Это их отличает от национальных валют, стоимость которых определяется государством. Более того, национальные валюты в отличие от криптовалют являются законным средством платежа во всех странах.

У таких денежных единиц нет физических аналогов, они существуют только в виртуальном пространстве. Алгоритм хеширования на основе блокчейна обеспечивает их защиту от возможных подделок.

Криптовалюты снижают издержки и позволяют преодолеть барьеры, имеющиеся при движении денежных средств между государствами, между-

народной торговле и инвестировании. Негативной стороной применения криптовалют является усиление анонимности, которая приводит к валютным спекуляциям, уклонению от уплаты налогов, возможности отмывания денег и другим незаконным действиям.

В современном мире валютные системы контролируются и регулируются национальными правительствами и центральными банками. Криптовалюта, которая передается в системе блокчейн без вмешательства государств, посягает на такой контроль, тем самым ослабляя их позиции.

Фактически имеет место нарушение монополии государства на эмиссию денежных средств и контроль за их оборотом [5]. Даже прозрачность транзакций, которая может быть обеспечена технологией блокчейн, лишает государства эксклюзивного права на надзор за финансовой деятельностью экономических агентов [6].

Криптовалюты представляют вызовы не только для экономики, но и для обеспечения защиты фундаментальных прав человека. Так, например, отсутствие единого контролера данных, к которому можно обратиться по вопросам удаления персональной информации, публикации данных в блокчейн-пространстве входит в острое противоречие с GDPR.

При этом Европейский союз понимает, что криптовалюты становятся неотъемлемой частью экономической жизни, в связи с чем перед ним стоит задача обеспечить такое регулирование криптовалют, которое позволит поддерживать прежний уровень защиты прав человека на неприкосновенность частной жизни, защиту персональных данных, а также необходимый уровень контроля интеграционного объединения за экономической системой.

Европейский союз активно продвигает использование блокчейна как в сфере предоставления трансграничных государственных услуг, так и в сфере использования криптовалют.

В 2018 году была создана Европейская инфраструктура блокчейн-услуг для поиска инновационных решений по внедрению блокчейна, обеспечивающему неизменность и подлинность данных, обеспечения трансграничного диалога с регуляторами и надзорными органами, с одной стороны, и компаниями и государственными органами, с другой [7].

Использование криптовалюты для совершения сделок с цифровыми активами без участия банка привлекло к блокчейн-технологиям внимание широкой общественности и СМИ. Так, в 2023 году мировой объем рынка блокчейн-технологий составил 11,4 миллиарда долларов США [8].

В июне 2024 года в Европейском союзе вступил в силу регламент о регулировании рынка криптоактивов (MiCA), призванный обеспечить большую безопасность и прозрачность для операций с криптовалютой.

Европейский союз также изучает возможность введения цифровой валюты, которая может быть

основана на технологии блокчейн. Так, в 2024 году Европейским центральным банком был одобрен пилотный проект создания цифрового евро – «самой безопасной форме денег».

Таким образом, Европейский союз в 2024 году признал значимость блокчейн-технологий и готовит правовое регулирование для их использования на своей территории. В связи с этим возникает вопрос о том, позволяет ли GDPR обеспечить защиту персональных данных, передаваемых посредством блокчейн-технологий.

Ключевые особенности GDPR

GDPR представляет собой регламент, пришедший на смену Директиве Европейского Парламента и Совета Европейского Союза от 24 октября 1995 года, который в настоящее время определяет порядок обработки персональных данных резидентов Европейского союза и обеспечивает неприкосновенность частной жизни субъектов и их персональных данных [9].

В соответствии с GDPR организации должны соблюдать требования безопасности при обработке персональных данных, ограничивать цели сбора данных и защищать их от неправомерного использования [10].

Как указано в GDPR, под персональными данными понимается любая информация, касающаяся идентифицированного или идентифицируемого субъекта данных [11].

Под обработкой данных в GDPR понимается операция или совокупность операций, выполняемых с персональными данными, таких как сбор, хранение, изменение, публикация, предоставление доступа, стирание или уничтожение таких данных. В соответствии со статьей 32 GDPR контролеры данных несут ответственность за справедливую и разумную обработку информации с помощью регламентированных мер и процедур [12].

В то же время обработчики данных несут ответственность перед контролерами за непосредственную обработку данных и обязаны уведомлять контролеров о любых возникших нарушениях. Все эти лица несут ответственность за соблюдение норм GDPR.

Утечки персональных данных, взлом баз данных, позволяющий получить к ним несанкционированный доступ – все это является прямым нарушением права человека на неприкосновенность частной жизни. В связи с этим GDPR уделяет большое внимание защите персональных данных, возлагает обязательства на контролеров данных, определяющих средства и цели обработки данных, а также предоставляет права физическим лицам, являющимся субъектами персональных данных.

Проблемы соответствия блокчейн-технологий GDPR. Как было отмечено ранее, блокчейн-технологии не позволяют пользователям реализовать все права, которыми они наделены GDPR. Однако это справедливо только для публичного блокчейна.

Условно можно выделить три вида блокчейна: публичный, полностью децентрализованный; частный, администрируемый конкретными лицами; и консорциумный, или гибридный.

Частный блокчейн является распределенной частной базой данных, участники которой имеют predetermined уровень доступа, контролируемый заранее установленным лицом или организацией.

Консорциумный блокчейн отличается от частных блокчейнов тем, что каждому члену консорциума предоставляется та же степень контроля, что и другим.

Участники частного и консорциумного блокчейнов могут быть назначены контролерами данных, поэтому они будут ответственны за защиту персональных данных, в связи с чем трудностей в применении GDPR в таких сетях не возникает.

Однако публичный блокчейн, являющийся полностью децентрализованным и анонимным, по некоторым параметрам вступает в противоречие с положениями GDPR.

Публичный блокчейн, представляя собой открытую сеть, нередко преподносится как лучшая технология для защиты персональных данных и сохранения конфиденциальности [13]. Блокчейн направлен на то, чтобы данные хранились в безопасности, не подвергались возможным взломам и утечкам. Использование блокчейна уменьшает зависимость граждан от контролеров и обработчиков персональных данных. Все это позволяет говорить о том, что цели GDPR и блокчейна схожи: они направлены на обеспечение безопасности и конфиденциальности данных.

Транзакции в блокчейне являются прозрачными, и любой участник блокчейна может видеть информацию других пользователей. Следует подчеркнуть, что транзакции в блокчейне являются постоянными по своей природе, в связи с чем информацию в нем крайне сложно удалить [14], а сам блокчейн практически невозможно взломать [15].

Тем не менее, перечисленные неоспоримые достоинства блокчейна вызывают серьезные затруднения с точки зрения правоприменительной практики.

Во-первых, GDPR исходит из существования контролеров данных – лиц, к которым могут обратиться субъекты данных для реализации своих прав. Однако в блокчейне обработка и хранение персональных данных распределяются между всеми участниками базы данных, сохраняющими свою анонимность. В результате субъект персональных данных не может идентифицировать ответственного контролера своих данных.

Рассмотрим такую ситуацию: физическое лицо через публичный блокчейн покупает и продает криптовалюту, без участия третьих лиц. Транзакции осуществляются в анонимном блокчейне, в связи с чем невозможно определить контролера данных при совершении транзакций, а следовательно, невозможно подать жалобу / требование об удалении данных в соответствии с GDPR.

В таком случае бремя соблюдения GDPR, вероятно, придется возложить на самих пользователей системы.

Во-вторых, GDPR предполагает, что персональные данные могут быть изменены или удалены по заявлению субъекта персональных данных. При этом технологии блокчейна присуща неизменяемость [16]. Данные в блокчейне хранятся в цепочках из блоков, каждый из которых имеет хэш предыдущего блока, то есть вся цепочка является криптографически защищенной. Любое изменение блока практически невозможно, так как оно ведет за собой недействительность всех последующих блоков [17].

В-третьих, GDPR исходит из принципа минимизации и ограничения целей использования персональных данных. В соответствии со статьей 5 GDPR персональные данные должны быть сведены к минимуму и обрабатываться только в заранее обозначенных целях.

Технология блокчейна не предполагает использование персональных данных в заранее определенных целях, так как все данные являются открытыми и доступными для всех пользователей [18].

Несмотря на ведение активных поисков технических методов устранения противоречий между GDPR и блокчейном, ученые и программисты на данный момент не нашли полноценного решения проблемы за исключением сохранения персональных данных в форме открытого текста на сервере, принадлежащему идентифицируемому физическому или юридическому лицу – контролеру данных. Однако в таком случае ставится под вопрос ключевая особенность блокчейн-технологий, а именно – децентрализация [19].

Представляется, что остановить прогресс невозможно и бессмысленно. Законодательство должно подстраиваться под прогресс, а не наоборот. В связи с этим появляется необходимость изменения нормативно-правового регулирования защиты персональных данных в ЕС. В противном случае возникает ситуация, когда пользователи, наделенные правами в соответствии с GDPR, пользуются блокчейн-технологиями, не могут реализовать их на практике.

В связи с этим разработчикам, юристам и политикам предстоит найти решение, обеспечивающее баланс между гарантией прав граждан Европейского союза и внедрением инновационной технологии блокчейна. Исходя из обзора научной литературы, посвященной данной проблематике, тщательному анализу подвергаются как юридические, так и технические аспекты соответствия блокчейн-технологий положениям GDPR [20].

Цифровой евро как пример внедрения блокчейн-технологий

Удачным примером сохранения баланса между GDPR и блокчейном представляется внедрение на территории Европейского союза цифрового евро, со-

четающего в себе блокчейн-технологии и возможность идентифицировать контролера данных.

Наряду с получившим широкое распространение биткоином на рынке появилось множество других криптовалют, таких как Ethereum, XRP, Tether и другие. Все они используют технологию блокчейн для достижения прозрачности, децентрализации и неизменяемости.

Цифровой евро является цифровым активом, эмиссию которого осуществляет Европейский центральный банк. Цифровая валюта сочетает в себе конфиденциальность и защиту данных с подотчетностью регулятора.

Криптовалюта получила популярность, в первую очередь, за счет анонимности транзакций, однако сама по себе крайне зависит от организации, которая ее выпускает. При этом невозможно идентифицировать лицо, ответственное за выпуск конкретной криптовалюты, а также за обработку и хранение персональных данных пользователей такой валюты.

Центральный европейский банк намерен поддерживать стабильность и надежность цифрового евро, при этом не ограничивая граждан Европейского союза в использовании наличных денежных средств.

Так, руководитель EDPS Войцех Вевьюровски отметил: «Мы приветствуем и поддерживаем содержащееся в предлагаемом Регламенте о цифровом евро обязательство обеспечить высокий уровень конфиденциальности данных при использовании цифрового евро. В нашем совместном мнении мы предлагаем дальнейшие усовершенствования для обеспечения эффективного соблюдения прав на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных. В частности, мы даем рекомендации по обеспечению обработки только необходимых персональных данных пользователей цифрового евро, а также по предотвращению чрезмерной централизации персональных данных Европейским центральным банком (ЕЦБ) или национальными центральными банками».

Внедрение цифрового евро может стать «золотой серединой» между внедрением валюты на базе блокчейн-технологии и соответствием GDPR. По заявлению ЕЦБ, цифровой евро будет обеспечивать более высокий уровень конфиденциальности, чем обычно предлагают другие цифровые способы оплаты. Евросистема не будет идентифицировать людей по их платежам. Более того, персональные данные о транзакциях при офлайн-платежах в цифровых евро будут известны только плательщику и получателю [22].

Тем не менее, в случае внедрения цифрового евро на базе блокчейн-технологии останется ряд нерешенных вопросов, таких как хранение персональных данных ЕЦБ и невозможность стереть данные из блокчейна.

В связи с тем, что цифровой евро не заменит, а лишь дополнит текущую финансовую систему Европейского союза, граждане и организации мо-

гут сами выбирать, пользоваться ли цифровым евро или нет.

В случае, если центральные банки действительно определяют минимум персональных данных, передаваемых при осуществлении транзакций в цифровом евро, данный вид платежа может стать намного более защищенным с точки зрения конфиденциальности, чем использование криптовалюты. При этом, в отличие от криптовалюты, цифровой евро будет выведен из «серой» зоны.

Иные способы достижения соответствия блокчейн-технологий положениям GDPR

Аналогично следует рассмотреть возможные способы избежать противоречия между блокчейн-технологиями и GDPR в иных областях.

С юридической точки зрения может показаться необходимым разработать дополнения к GDPR или и составить новый регламент с учетом появления новых технологий.

Однако попытка сопоставить и изменить имеющееся регулирование может вызвать еще более широкую неопределенность при использовании блокчейн-технологий [23]. Например, неясно, каким образом следует «изъять» блокчейн-технологии из принципов о минимизации и ограничении целей обработки персональных данных.

При этом изменять нормативно-правовую базу регулирования из-за их несоответствия одной технологии является нецелесообразным, учитывая тот факт, что GDPR изначально предполагалось использовать как технологически нейтральный документ.

В связи с этим представляется более целесообразным использование механизмов, предусмотренных GDPR, для разрешения данных противоречий. В 2019 году EPRS опубликовал исследование, в котором рекомендовал разработку кодексов поведения и механизмов сертификации для разрешения этой проблемы.

Изначально многими исследователями предполагалось, что наиболее эффективным способом обеспечения соответствия блокчейн-проектов GDPR является сертификация, позволяющая в отдельности рассматривать каждый случай применения технологии и ее соответствия целям GDPR.

Тем не менее, с учетом возникновения все большего количества стартапов в отрасли, ресурсы, затрачиваемые публичными органами Европейского союза на сертификацию, увеличатся, в связи с чем разработка единого кодекса поведения может стать необходимостью в ближайшем будущем.

Так как Европейский союз выводит криптовалюту из «серой» зоны и активно продвигает использование блокчейн-технологий, ему в любом случае предстоит подготовить законодательную базу для обоснования их использования в контексте права человека на неприкосновенность частной жизни.

В связи с тем, что защиту ряда прав, предусмотренных GDPR, невозможно обеспечить с технической точки зрения, разработка единого кодекса

поведения является оптимальным способом обеспечения соответствия криптовалютных транзакций GDPR.

Так, единый кодекс поведения, предусмотренный статьей 40 GDPR, позволит обосновать невозможность соблюдения права на удаление или изменение информации, принципа минимизации и ограничения обрабатываемых данных и иные коллизии между применяемой технологией и GDPR.

Если не внести изменения в существующую нормативно-правовую базу, не разработать кодексы поведения или механизмы сертификации, неизбежно постоянное нарушение прав пользователей, передающих информацию в блокчейне. В связи с тем, что защита прав человека и гражданина занимают одно из центральных мест в политике и праве Европейского союза, невозможность обеспечить защиту прав, предусмотренных GDPR, не может быть проигнорировано.

Заключение

Таким образом быстрое развитие блокчейн-технологий обуславливает необходимость обеспечения их соответствия законодательству о защите персональных данных. Однако на данный момент в этой области существуют значительные трудности, проявляющиеся в неопределенности субъектного состава, высоких рисках нарушения прав субъектов данных и несоблюдения требований GDPR, вызванном технологическими особенностями блокчейна – децентрализацией, анонимностью пользователей и невозможностью удалить или изменить данные в системе. Другими словами, в настоящее время блокчейн не в полной мере соответствует нормативным актам Европейского союза. Разрешение этой проблемы требует создания механизмов сертификации или кодексов поведения, а также поиска методов обращения криптовалют под государственным контролем, примером которого может послужить введение цифрового евро на территории Европейского союза.

Литература

1. Гу Дж., Сан В., Ду Х., Ванг Дж., Чжуан И., & Ванг Ц. (2018). Обнаружение вредоносных программ в мобильных устройствах на основе консорциума блокчейн. IEEE Access, 6, 12118–12128. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2018.2805783>.
2. М. ПИЛКИНГТОН, Технология блокчейн: Principles and Applications (September 18, 2015), in Research Handbook on Digital Transformations, edited by F. X. OLLEROS, M. ZHEGU, Edward Elgar Publishing (2016), URL: <https://ssrn.com/abstract=2662660>.
3. М. АТЗОРИ, Технология блокчейн и децентрализованное управление: Нужно ли еще государство? (December 1, 2015), 14, доступно по адресу: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2709713>.

4. Мелиховский Виктор Михайлович ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА БЛОКЧЕЙНА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ // Теоретическая экономика. 2019. № 8 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-vozniknoveniya-kriptovalyuty-i-ekonomicheskie-svoystva-blokcheyna-v-tsifrovoy-ekonomike> (дата обращения: 28.06.2024).
5. Сильченков Иван Александрович Криптовалюта как современный вызов экономической системе безопасности государства // Научный вестник ЮИМ. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-sovremennyy-vyzov-ekonomicheskoy-sisteme-bezopasnosti-gosudarstva> (дата обращения: 24.06.2024).
6. Шерстобитов А.С., Кусик О.А. Криптовалюта как вызов управляемости: публичная политика современных государств в различных сетевых и политико-административных контекстах // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Т. 4. № 2. С. 88–99.
7. <https://ec.europa.eu/digital-building-blocks/sites/display/EBSI/Home>
8. <https://www.researchandmarkets.com/reports/5317225/global-blockchain-market-2023-2028-competitive>
9. Финк, М. (2018). Блокчейн и защита данных в Европейском союзе. *European Data Protection Law Review*, 4(1), 17–35. <https://doi.org/10.21552/edpl/2018/1/6>
10. Фаршид, С., Райц, А., и Росбах, П. (2019). Дизайн забывающего блокчейна: Возможный способ достижения совместимости с GDPR. Выступления на 52-й Гавайской международной конференции по системным наукам, 6, 7087–7095. <https://doi.org/10.24251/hicss.2019.850>
11. Финк, Мишель, и Европейский парламент. Европейская парламентская исследовательская служба. Отдел научного прогнозирования. (2019). Блокчейн и регулирование защиты персональных данных: Могут ли распределенные базы данных соответствовать европейскому законодательству о защите данных: исследование.
12. Лайонс, Т., Курселас, Л., и Тимсит, К. (2018). Блокчейн и GDPR. 4–31. https://www.eublockchainforum.eu/sites/default/files/reports/20181016_report_gdpr.pdf
13. Мани Картик Сухас Сурипедди и Прадья Пурандаре, 2021 «Блокчейн и GDPR – исследование вопросов совместимости технологии распределенных реестров с GDPR по обработке данных» *Журнал физических наук: Конференции* № 1964/042005 <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1964/4/042005/pdf>
14. Г. Зыскинд, О. Натан и А. Пентланд, «Энигма: Децентрализованная вычислительная платформа с гарантированной конфиденциальностью,» тех. отчет, Enigma.IO.
15. Казино Ф., Политу Э., Алепис Э., и Патсакис С. (2020). Неизменность и децентрализованное хранение данных: Анализ возникающих угроз. URL: <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2019.2962017>.
16. Баг Акаш и др. «Навигация по головоломке соответствия GDPR: анализ публичных блокчейн-систем и прав на защиту персональных данных» Новые перспективы и возможности в стратегическом управлении в XXI веке: Между традицией и современностью, под редакцией Хавьера Мартинеса-Фалько и др., IGI Global, 2023, стр. 168–194. <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-9261-1.ch010>
17. Г. Атениесе, Б. Магри, Д. Вентури и Э. Андраде, «Блокчейн с возможностью редактирования; или Переписывание истории в биткойне и его друзьях», 2017 Европейский симпозиум IEEE по безопасности и конфиденциальности (EuroS P), pp. 111–126, Apr. 2017.
18. П. Де Филиппи, «Взаимодействие между децентрализацией и конфиденциальностью: Случай технологии блокчейн», научная статья SSRN, Сеть исследований в области социальных наук, Рочестер, штат Нью-Йорк, сентябрь 2016 года.
19. О блокчейн и Общем регламенте по защите данных Луис-Даниэль Ибаньес, Кирон О'Хара и Елена Симперл https://eprints.soton.ac.uk/422879/1/BLOCKCHAINS_GDPR_4.pdf.
20. Рахиме Белен-Саглам, Энес Алтунчу, Ян Лу, Шуцзюнь Ли, Систематический обзор литературы о противоречиях между GDPR и публичными блокчейн-системами, Блокчейн: исследование и применение, <https://doi.org/10.1016/j.bcr.2023.100129>.
21. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2096720923000040>
22. https://www.ecb.europa.eu/euro/digital_euro/faqs/html/ecb.faq_digital_euro.en.html
23. [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/634445/EPRS_STU\(2019\)634445_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/634445/EPRS_STU(2019)634445_EN.pdf)

COMPLIANCE ISSUES OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY AND GDPR IN THE EUROPEAN UNION: CASE OF CRYPTOASSETS

Zlobin E.V.
MGIMO University

Due to the active application of blockchain technologies, the use of cryptocurrencies in the economy and the introduction of the digital euro in the European Union, more and more attention is paid to the preservation of personal data privacy in the new technological environment. The article considers the problems of compliance of blockchain technologies with the provisions of the General Data Protection Regulation of the European Union (GDPR). Practical and theoretical ways to resolve the contradictions are considered on the example of the circulation of cryptocurrencies and the digital euro. The article provides recommendations for further development of regulation in the area under consideration.

Keywords: blockchain, cryptocurrencies, digital euro, GDPR, personal data.

References

1. Gu, J., Sun, B., Du, X., Wang, J., Zhuang, Y., & Wang, Z. (2018). Consortium blockchain-based malware detection in mobile de-

- vices. *IEEE Access*, 6, 12118–12128. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2018.2805783>
2. M. PILKINGTON, *Blockchain Technology: Principles and Applications* (September 18, 2015), in *Research Handbook on Digital Transformations*, edited by F. X. OLLEROS, M. ZHEGU, Edward Elgar Publishing (2016), available at: <https://ssrn.com/abstract=2662660>.
 3. M. ATZORI, *Blockchain Technology and Decentralized Governance: Is the State Still Necessary?* (December 1, 2015), 14, available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2709713>.
 4. Melikhovsky Viktor Mikhailovich REASONS FOR THE EMERGENCE OF CRYPTOCURRENCY AND ECONOMIC PROPERTIES OF BLOCKCHAIN IN THE DIGITAL ECONOMY // *Theoretical Economics*. 2019. No. 8 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-vozniknoveniya-kriptovalyuty-i-ekonomicheskie-svoystva-blokcheyna-v-tsifrovoy-ekonomike> (date of access: 06/28/2024).
 5. Silchenkov Ivan Aleksandrovich Cryptocurrency as a modern challenge to the economic security system of the state // *Scientific Bulletin of YUIM*. 2019. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptovalyuta-kak-sovremennyy-vyzov-ekonomicheskoy-sisteme-bezopasnosti-gosudarstva> (date of access: 24.06.2024).
 6. Sherstobitov A.S., Kusik O. A. Cryptocurrencies as a challenge to governance: public policy of modern states in various network and political-administrative contexts // *Social and humanitarian knowledge*. 2018. Vol. 4. No. 2. P. 88–99.
 7. <https://ec.europa.eu/digital-building-blocks/sites/display/EBSI/Home>
 8. <https://www.researchandmarkets.com/reports/5317225/global-blockchain-market-2023-2028-competitive>
 9. Finck, M. (2018). Blockchains and Data Protection in the European Union. *European Data Protection Law Review*, 4(1), 17–35. <https://doi.org/10.21552/edpl/2018/1/6>
 10. Farshid, S., Reitz, A., & Roßbach, P. (2019). Design of a Forgetting Blockchain: A Possible Way to Accomplish GDPR Compatibility. *Proceedings of the 52nd Hawaii International Conference on System Sciences*, 6, 7087–7095. <https://doi.org/10.24251/hicss.2019.850>
 11. Finck, Michèle., & European Parliament. *European Parliamentary Research Service. Scientific Foresight Unit. (2019). Blockchain and the General Data Protection Regulation: can distributed ledgers be squared with European data protection law?: study*. In European Parliament
 12. Lyons, T., Courcelas, L., & Timsit, K. (2018). Blockchain and the GDPR. 4–31. https://www.eublockchainforum.eu/sites/default/files/reports/20181016_report_gdpr.pdf
 13. Mani Karthik Suhas Suripeddi and Pradnya Purandare 2021, *Blockchain and GDPR – A Study on Compatibility Issues of the Distributed Ledger Technology with GDPR Data Processing*. *J. Phys.: Conf. Ser.* 1964 042005 <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1964/4/042005/pdf>
 14. G. Zyskind, O. Nathan, and A. Pentland, “Enigma: Decentralized Computation Platform with Guaranteed Privacy,” *tech. rep.*, Enigma.IO.
 15. Casino, F., Politou, E., Alepis, E., & Patsakis, C. (2020). Immutability and Decentralized Storage: An Analysis of Emerging Threats. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2019.2962017>
 16. Bag, Akash, et al. “Navigating the GDPR Compliance Conundrum: Analyzing Public Blockchain Systems and Personal Data Protection Rights.” *New Perspectives and Possibilities in Strategic Management in the 21st Century: Between Tradition and Modernity*, edited by Javier Martínez-Falcó, et al., IGI Global, 2023, pp. 168–194. <https://doi.org/10.4018/978-1-6684-9261-1.ch010>
 17. G. Ateniese, B. Magri, D. Venturi, and E. Andrade, “Redactable Blockchain; or Rewriting History in Bitcoin and Friends,” in *2017 IEEE European Symposium on Security and Privacy (EuroS P)*, pp. 111–126, Apr. 2017
 18. P. De Filippi, “The Interplay between Decentralization and Privacy: The Case of Blockchain Technologies,” *SSRN Scholarly Paper*, Social Science Research Network, Rochester, NY, Sept. 2016.
 19. On Blockchains and the General Data Protection Regulation Luis-Daniel Ibáñez, Kieron O’Hara, and Elena Simperl https://eprints.soton.ac.uk/422879/1/BLOCKCHAINS_GDPR_4.pdf
 20. Rahime Belen-Saglam, Enes Altuncu, Yang Lu, Shujun Li, A systematic literature review of the tension between the GDPR and public blockchain systems, *Blockchain: Research and Applications*, <https://doi.org/10.1016/j.bcr.2023.100129>.
 21. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2096720923000040>
 22. https://www.ecb.europa.eu/euro/digital_euro/faqs/html/ecb_faq_digital_euro.en.html
 23. [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/634445/EPRS_STU\(2019\)634445_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2019/634445/EPRS_STU(2019)634445_EN.pdf)

Состояние и перспективы правового регулирования отношений в сфере возобновляемой энергетики в Евразийском экономическом союзе

Меджидов Мурат Манапович,
МГИМО (У) МИД России
E-mail: medzidov1999@gmail.com

Статья посвящена проблеме правового регулирования вопросов развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ) на уровне Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как интеграционного объединения с наднациональной правовой системой. Установлено, что, в отличие от Европейского союза, где вопросам ВИЭ уделяется пристальное внимание на уровне актов вторичного права, в ЕАЭС соответствующие отношения пока не урегулированы. Тем не менее, Договор о ЕАЭС предоставляет Союзу широкую компетенцию в сфере сотрудничества по вопросам энергетики, поэтому потенциал для регулирования ВИЭ на уровне ЕАЭС имеется. В статье аргументируется необходимость принятия дополнительного Протокола к Договору о ЕАЭС о сотрудничестве в сфере ВИЭ, разрабатывается структура и намечается примерное содержание данного международного акта.

Ключевые слова: ЕАЭС, евразийская интеграция, энергетическое право, возобновляемые источники энергии, зеленая энергетика, зеленый переход, право ЕАЭС, устойчивое развитие.

Введение

В настоящее время во всех развитых странах мира все острее возникает вопрос рационального использования энергетических ресурсов. Истощение традиционных источников энергии (в основном – углеводородов), а также понимание рисков возрастающей антропогенной нагрузки на окружающую среду приводит и научно-экспертное сообщество, и политические элиты к пониманию необходимости трансформации мировой энергетики, переходу к «зеленым» ресурсам, которые, как правило, носят возобновляемый характер. Правовое регулирование данных переходных процессов, ввиду их значимости, осуществляется на нескольких уровнях: национальном, наднациональном, международном. Следовательно, интеграционные объединения, которые уже на ранних стадиях своего развития претендовали на регулирование энергетических отношений, тоже принимают участие в формировании региональных правовых режимов «зеленой энергетики».

Наибольших успехов в этих процессах достиг Европейский союз (ЕС), как объединение с наиболее глубоким на сегодняшний день уровнем интеграции. ЕС сегодня не только лидирует в разработке технологий в области возобновляемых источников энергии, но и активно способствует «зеленому переходу», принимая акты концептуального характера, а также нормативно-правовые акты (регламенты и директивы) с целью унификации и гармонизации подходов европейских государств к развитию климатически нейтральных технологий в сфере энергетики. К 2050 году ЕС планирует достичь полной климатической нейтральности, а к 2030 году снизить количество выбросов в атмосферу до значения, которое будет на 55% меньше, нежели «исходный» показатель 1990 г. При этом, «зеленая» повестка гораздо шире, чем вопросы поощрения разработки и внедрения технологий в сфере ВИЭ: экологизация в целом является заметным трендом в европейской интеграции, что отвечает и глобальным целям (в частности, ЦУР ООН).

В Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) как более молодом интеграционном объединении вопросы энергетического сотрудничества были сразу зафиксированы в учредительном договоре (далее – Договор о ЕАЭС), однако, несмотря на огромный потенциал практически каждого государства-члена в области использования тех или иных видов ВИЭ, сотрудничество в этой сфере официально не оформлено. Тем не менее, в последние годы все большее число экспертов схо-

дятся во мнении, что достижение индивидуальных (как правило, довольно амбициозных) целей государств-членов ЕАЭС в области развития зеленой энергетики будет более эффективным в случае, если эта работа будет проводиться сообща, на основе согласованных подходов. Ориентиром в части некоторых конкретных инициатив может являться и Европейский союз, а также другие международные объединения и организации.

Основная часть

Несмотря на то, что в ЕАЭС вопросы развития возобновляемой энергетики напрямую не фигурируют в учредительном акте Союза (Договоре о ЕАЭС 2014 г.), разумеется, что и государства-члены ЕАЭС, и наднациональные институты (ВЕЭС, Межправсовет, ЕЭК) не могут игнорировать глобальные тренды в области перехода к «зеленой экономике», тем более, что на уровне каждого из государств-членов существуют как концептуальные, так и правовые рамки, позволяющие реализовывать «зеленые проекты» в привязке к глобальным обязательствам этих государств [1, с. 39].

Напрямую цели устойчивого развития ООН не включены в Договор о ЕАЭС, однако руководящие органы Союза относились к «Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» как к сфере своей ответственности с самого момента принятия данного акта. Этому способствовал и всеобъемлющий характер ЦУР, который сложно игнорировать в любом развивающемся международном объединении. В 2021-м г. Председатель Коллегии ЕЭК Михаил Мясникович заявлял, что все 17 из ЦУР, а также 108 из 169 ключевых задач ЦУР так или иначе нашли отражение в актах составляющих право ЕАЭС [2].

Уже на ранних стадиях евразийской интеграции позиция ЕЭК в отношении идеальной роли интеграционных институтов в достижении государствами-членами ЕАЭС целей устойчивого развития базировалась на трех положениях. Во-первых, ЕЭК должна была взять на себя координирующую роль в этом вопросе (для чего удобными инструментами становились создание платформы для дискуссий, подготовка аналитических документов, стандартизация оценки и мониторинга). Во-вторых, ЕЭК должна была разработать и реализовать наднациональные меры (включая дорожную карту ЦУР, инструменты для привлечения инвестиций в проекты ЦУР и использования потенциала существующей инфраструктуры). В-третьих, ЕЭК должна была участвовать в распространении знаний (включая создание информационного пула и организацию совместных мероприятий).

По сути, этот подход остается неизменным на протяжении всех лет существования ЕАЭС: как указывают Н.Ю. Сопилко и Ю.А. Назарова, ЕЭК и другие институты Союза стимулируют дискуссию среди представителей государств-членов относительно сближения национальных стандартов развития «зеленой энергетики», проводят многочисленные мероприятия, на которых обсуждаются, в том числе, и передовые практики Евросоюза,

а также других международных объединений в области устойчивого развития [3, с. 14].

Несмотря на то, что Договор о ЕАЭС содержит довольно четко прописанные положения по построению «энергетического союза» за счет поэтапного формирования общих рынков энергоресурсов (электроэнергии, нефти, газа), к сожалению, в нем вообще не содержится положений о сотрудничестве в области развития ВИЭ. Соответствующие обязательства пока еще не содержатся и в других актах права ЕАЭС.

Представляется, что развитие сотрудничества в сфере ВИЭ в рамках ЕАЭС будет неизбежно происходить в рамках интенсификации научно-технического компонента интеграции [4, с. 92]. Текущие инициативы ЕАЭС показывают, что именно в этом направлении и развивается работа по формированию регуляторной среды для поддержки проектов ВИЭ.

Так, в утвержденных в декабре 2020 г. «Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции на период до 2025 года» указывается, что сам документ соответствует «целям устойчивого и инклюзивного развития каждого государства-члена», а в качестве одного из приоритетов евразийской интеграции данный документ называет «повышение энергосбережения и энергоэффективности, решение актуальных экологических проблем и обеспечение устойчивого развития» [5]. Помимо этих политических по своей сути деклараций, в документе содержится официальное обязательство государств-членов ЕАЭС объединить усилия для изобретения и внедрения новых технологий, в том числе «зеленых»; прямо говорится о важности использования ВИЭ, перехода к модели экономики замкнутого цикла. По сути, декларируются те же цели, что были озвучены разработчиками европейского пакета «Чистая энергия для всех европейцев».

Как указывают И.Ю. Юргенс и Р.Б. Ромов, если в ЕАЭС создание общего цифрового пространства, цифровой инфраструктуры и экосистем, как одно из условий глобальной трансформации экономики выделено в отдельный трек, то сама «зеленая» повестка рассматривается в рамках направления «Объединение усилий для стимулирования совместной научной работы» [6, с. 8]. Тем самым можно прогнозировать, что именно сотрудничество в области «зеленых технологий» может стать первым шагом на пути к более широкому наднациональному регулированию вопросов развития зеленой энергетики.

Несмотря на то, что сотрудничество государств-членов ЕАЭС в области возобновляемой энергетики на региональном и двустороннем уровнях не развито, перспективы развития ВИЭ в данном интеграционном объединении не следует недооценивать – тем более, что даже в текущей редакции Договора для этого есть определенные предпосылки. Так, из наименования раздела XX и содержания п. 1 ст. 79 Договора о ЕАЭС путем телеологического толкования можно прийти к выводу,

что авторы данного документа стремились охватить сотрудничество стран-членов ЕАЭС в сфере энергетики в целом, а не ограничиваться сотрудничеством в формировании рынков основных энергетических ресурсов (электроэнергии, нефти, газа).

Поэтому, как справедливо подчеркивает А.У. Назарова, несмотря на наличие пробелов в праве ЕАЭС не стоит концентрироваться на тезисе о т.н. «несоответствии» ЕАЭС, как организационной структуры современным требованиям энергетики и современным тенденциям в этой сфере, поскольку союзный рынок пока находится на стадии становления и носит эволюционный характер; не следует недооценивать его существенный потенциал [7, с. 33]. Именно поэтому, на наш взгляд, сравнительно-правовой анализ ЕАЭС и ЕС по критерию полноты правового регулирования энергетических отношений сегодня является неуместным. Напротив, следует использовать заложенный в Договоре о ЕАЭС потенциал для всестороннего развития энергетического сотрудничества – в том числе, в сфере ВИЭ.

В этой связи предлагается разработать и принять новый акт энергетического права ЕАЭС, который будет призван задать правовые рамки для сотрудничества государств-членов в области ВИЭ. С формально-юридической точки зрения таким актом может стать Протокол об общем рынке ВИЭ ЕАЭС, который следует рассматривать как отдельное приложение к Договору о ЕАЭС. В данном Протоколе должно быть уделено внимание ключевым механизмам в этой сфере – отражению общих для всех стран-членов ЕАЭС обязательств в области декарбонизации (в виде конкретных целевых показателей, которые уже сегодня установлены на национальном уровне), созданию системы торговли квотами на эмиссии парниковых газов (аналог европейского института СВМ), согласованию механизмов технологического обмена, научно-технического сотрудничества, площадок по обмену передовыми практиками и т.п.

Не претендуя на подробное изложение возможного содержания данного акта (разработка которого видится целесообразной в ходе дальнейшей научно-исследовательской деятельности), охарактеризуем лишь его основные блоки, с опорой на механизмы, содержащиеся в ранее изученном опыте ЕС.

Во-первых, в Протоколе должны быть определены его цели и задачи («зеленый переход», содействие интеграции национальных рынков ВИЭ и создание единого пространства для инвестиций и технологий в сфере энергетики), а также обоснована необходимость регулирования данных вопросов на уровне Союза (например, за счет признания важности учета глобальных трендов в области устойчивого развития и изменения климата, а также необходимость диверсификации энергетических ресурсов).

Во-вторых, здесь необходимо отразить основные определения и термины (характеристика от-

дельных видов ВИЭ, понятие «зеленая энергетика» и т.п.).

В-третьих, в указанном Протоколе должны быть определены основные направления сотрудничества стран-членов ЕАЭС в сфере ВИЭ. Среди них особое значение уже в ближайшей перспективе могут иметь, например, совместные проекты (разработка и реализация совместных проектов в области ВИЭ, включая межгосударственные инициативы по строительству и эксплуатации объектов ВИЭ). Так, в ЕАЭС может быть создана платформа для совместной разработки и реализации проектов в области ВИЭ (например, солнечных и ветровых электростанций). В рамках этой платформы удобно организовать обмен опытом, ресурсами и технологиями.

Кроме того, перспективным видится развитие трансграничных проектов, охватывающих несколько стран, поскольку это может повысить эффективность использования ресурсов и снизить индивидуальные затраты. Например, возможно создание ветряных станций на границе двух стран с последующим распределением генерируемой ими электроэнергии.

Следующее направление – это научно-технологическое сотрудничество. Оно, на наш взгляд, должна выражаться в создании совместных научно-исследовательских центров, занимающихся разработкой новых технологий в области ВИЭ и оценкой их воздействия на экономику и экологию. Кроме того, перспективным направлением сотрудничества в данном аспекте видится организация конференций, семинаров и рабочих групп для обмена опытом и лучшими практиками внедрения ВИЭ, за счет чего страны-члены ЕАЭС смогут учиться друг у друга и адаптировать успешные решения. Не менее важной является также поддержка стартапов и инновационных компаний, работающих в области ВИЭ, через совместные фонды и программы, финансируемые за счет средств наднациональных институтов.

В-четвертых, Протокол должен также предусматривать отдельные инвестиционные механизмы, позволяющие привлечь в проекты ВИЭ как государственные, так и частные инвестиции. Такие механизмы уже сегодня предусмотрены в законодательстве большинства государств-членов ЕАЭС, поэтому здесь можно учитывать лучшие практики при гармонизации подходов к финансированию «зеленых проектов».

Пятый блок норм, который может быть отражен в предлагаемом Протоколе – это единые стандарты и нормы для регулирования ВИЭ в странах ЕАЭС, а также меры государственного стимулирования и поддержки. Их принятие призвано упростить процесс реализации проектов и повысит их эффективность (так, например, оптимизация административных процедур для получения разрешений на строительство и эксплуатацию объектов ВИЭ позволит сократить время и затраты на реализацию соответствующих проектов). По сути, речь идет о гармонизации национального законо-

дательства, что потребует масштабной предварительной работы по его сопоставлению, выявлению сходств, различий, путей устранения имеющихся барьеров.

Наконец, шестым блоком норм могут стать обязательства государств-членов в сфере разработки и внедрения образовательных программ и курсов в сфере ВИЭ, в сфере проведения информационных кампаний для повышения осведомленности населения о преимуществах ВИЭ и устойчивого развития.

Представляется, что предлагаемый акт мог бы устранить имеющийся правовой пробел, стать основой для более активного сотрудничества стран ЕАЭС в сфере возобновляемой энергетики, способствуя интеграции и развитию устойчивых энергетических систем в регионе, сближению национальных моделей правового регулирования в исследуемой сфере. В свою очередь, такое сближение позволит обеспечить учет современных глобальных трендов на формирование устойчивой, «зеленой» энергетики.

Заключение

В статье были проанализированы состояние, проблемы и перспективы регулирования ВИЭ в ЕАЭС. Было констатировано, что, несмотря на наличие серьезного потенциала в этой сфере у государств-членов, вопросы возобновляемой энергетики не отражены в учредительном акте ЕАЭС, несмотря на то, что вопросы энергетического сотрудничества не ограничиваются в тексте Договора созданием общих рынков энергоресурсов. Представляется, что эффективное достижение амбициозных целей государств-членов ЕАЭС в области зеленой энергетики возможно только при совместной работе на основе согласованных подходов. Как следствие, целесообразно дальнейшее развитие энергетического права ЕАЭС в исследуемом направлении: создание норм, затрагивающих разработку, внедрение, оборот «зеленых технологий» в энергетике. Как показывают проанализированные в статье тренды последних нескольких лет, эти нормы будут развиваться, в первую очередь, в рамках научно-технического и промышленного сотрудничества, обеспечения единого технологического пространства на территории Союза.

При анализе текущего состояния энергетического права ЕАЭС в части регулирования ВИЭ были выявлены ключевые проблемы: приоритет национальных интересов в ущерб сотрудничеству на уровне ЕАЭС, в силу чего многие инициативы остаются лишь политическими декларациями, а также отсутствие четкой нормативно-правовой базы для сближения национального законодательства и реализации совместных проектов в области ВИЭ. В этой связи предлагается разработать дополнительный Протокол к Договору о ЕАЭС, в котором будут установлены правовые рамки для сотрудничества в целях развития технологий ВИЭ и их внедрения в конкретные проекты (в том числе, совместные). Этот шаг позволит создать концептуальные основы для оптимального учета со-

временных глобальных трендов на формирование устойчивой «зеленой» энергетики с параллельным отказом от традиционных экологически «грязных» подходов.

Литература

1. Коданева С.И. Проблемы и перспективы перехода к зелёной экономике стран ЕАЭС в условиях пандемии COVID-19 // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5–1.
2. Михаил Мясникович представил опыт евразийской интеграции по содействию достижению государствами ЕАЭС Целей устойчивого развития [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/mihail-myasnikovich-predstavil-opyt-evrazijskoj-integratsii-po-sodejstviiyu-dostizheniyu-gosudarstvami-eaes-tselej-ustojchivogo-razvitiya/> (дата обращения: 15.06.2024)
3. Сопилко Н.Ю., Назарова Ю.А. Перспективы развития возобновляемых источников энергии на пространстве Евразийского экономического союза // Инновации и инвестиции. 2018. № 5.
4. Тубденов В.Г. Правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии по законодательству государств-членов Евразийского экономического союза // Правовой энергетический форум. 2021. № 1.
5. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskije-napravleniya-razvitiya.php (дата обращения: 15.08.2024)
6. Юргенс И.Ю., Ромов Р.Б. «Зеленая» интеграция и формирование единого устойчивого пространства развития в формате ЕАЭС. М.: МГИМО, 2023.
7. Назарова А.У. Международно-правовое регулирование энергетического сотрудничества государств-членов ЕАЭС. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2023.

THE STATE AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE FIELD OF RENEWABLE ENERGY IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Medzhidov M.M.

MGIMO (U) MFA of Russia

The article is devoted to the problem of legal regulation of issues of development of renewable energy sources (RES) at the level of the Eurasian Economic Union (EAEU) as an integration association with a supranational legal system. It has been established that, unlike the European Union, where RES issues are given close attention at the level of secondary law acts, in the EAEU the relevant relations have not yet been regulated. Nevertheless, the Treaty on the EAEU provides the Union with broad competence in the field of cooperation on energy issues, so there is potential for regulating RES at the EAEU level. The article argues for the need to adopt an additional Protocol to the Treaty on the EAEU on cooperation in the field of RES, develops a structure and outlines the approximate content of this international act.

Keywords: EAEU, Eurasian integration, energy law, renewable energy sources, green energy, green transition, EAEU law, sustainable development.

References

1. Kodanewa S.I. Problems and Prospects of the Transition to a Green Economy in the EAEU Countries in the Context of the COVID-19 Pandemic // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. 2022. No. 5–1.
2. Mikhail Myasnikovich presented the experience of Eurasian integration in facilitating the achievement of the Sustainable Development Goals by the EAEU states [Electronic resource]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/mihail-myasnikovich-predstavil-opyt-evrazijskoj-integratsii-po-sodejstviiyu-dostizheniyu-gosudarstvami-eaes-tselej-ustojchivogo-razvitiya/> (date accessed: 15.06.2024)

3. Sopilko N.Yu., Nazarova Yu.A. Prospects for the Development of Renewable Energy Sources in the Space of the Eurasian Economic Union // Innovations and Investments. 2018. No. 5.
4. Tubdenov V.G. Legal regulation of the use of renewable energy sources under the legislation of the member states of the Eurasian Economic Union // Legal Energy Forum. 2021. No. 1.
5. Strategic directions for the development of Eurasian economic integration until 2025 [Electronic resource]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (date of access: 15.08.2024)
6. Yurgens I.Yu., Romov R.B. "Green" integration and the formation of a single sustainable development space in the EAEU format. Moscow: MGIMO, 2023.
7. Nazarova A.U. International legal regulation of energy cooperation of the EAEU member states. Diss. cand. legal Sci. M., 2023.

Чувахин Петр Игоревич,

к.ю.н. старший преподаватель кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: chuvakhin.petr@yandex.ru

Статья посвящена вопросам становления и развития прав человека в международном праве. Теоретики права сходятся во мнении, что права человека – это те права, которые присущи абсолютно каждому индивидууму в мире в силу самой природы и сущности человека. По мнению юристов западных государств права человека: универсальны, то есть каждый человек обладает равными правами независимо от культурных, экономических, социальных или других факторов; неделимы, то есть ни одно право не является более важным, чем любое другое; взаимосвязаны между собой, то есть, например, политические и гражданские права нельзя воспринимать обособленно от социальных, экономических или культурных прав, поскольку наличие первых из них гарантирует наличие и осуществление вторых, и наоборот. Однако, существует довольно серьезное противоречие между таким взглядом на права человека, который присущ юристам западных государств и тем, который отстаивают большинство иных государств мира, который основан на культурном релятивизме (отрицание этноцентризма европейско-американской системы оценок и признание всех культур равными), презюмирующим, что права человека (человеческие ценности) абсолютно не универсальны и, таким образом, существенно различаются в зависимости от индивидуальных культурных традиций различных государств.

Ключевые слова: права человека, культурный релятивизм, универсальность прав человека, Венская декларация и программа действий 1993 года.

Основной принцип права в рамках концепции прав человека заключается в том, что каждый индивид должен быть защищен законом от произвольного нарушения их прав (ценностей) со стороны государства в связи с тем, что основная ответственность за защиту прав человека возлагается на само государство и является его основной конституционной обязанностью в рамках общественного договора. Соответственно, государство обязано гарантировать и обеспечивать, чтобы каждый человек, находящийся под его юрисдикцией, был защищен от любых нарушений и (или) ограничений его прав (ценностей) и чтобы, в случае если человек заявляет о нарушении и (или) ограничении его прав (ценностей), компетентный, беспристрастный и независимый суд рассматривая такое нарушение и (или) ограничение на основе принципов равенства и справедливости принимал решение о наличии заявленного нарушения на основе четких правовых норм. Таким образом, на государстве лежит не только обязанность воздерживаться от нарушения и (или) ограничения прав (ценностей) человека, но и обязанность защищать отдельных индивидов от нарушения и (или) ограничения их прав (ценностей) со стороны других лиц [1]. В то же время, с развитием международного права многие ученые стали утверждать, что защита прав человека не должна быть исключительно обязанностью государств, поскольку такая защита также должна возлагаться и на негосударственные субъекты, в частности на транснациональные корпорации. Несмотря на это, по состоянию на настоящее время все попытки закрепить обозначенные нормы в системе международного права Советом по правам человека Организации Объединенных Наций успеха не имели [2].

Исторически первыми правовыми актами, содержащими некоторые права отдельных индивидов, являлись: Великая хартия вольностей 1215 года, венгерская Золотая булла 1222 года, датский закон Эрика Клиппингса Хондфестнинга 1282 года и Брабантская декларация прав человека 1356 года. Особо отметим, что в данных актах содержались правовые нормы о том, что некоторые индивиды в силу своего статуса должны пользоваться определенными правами и свободами. К примеру, Великая хартия вольностей была, по сути, договором между Королем и баронами, которые, недовольные несправедливым и беспорядочным управлением правосудия Королем и тем, как с них взимались налоги, вынудили Короля предоставить им определенные права и свободы, например: равенство перед законом; рассмотрение дел судом присяжных, состоящих из лиц, равных по своему статусу баронам; свобода от постоянных и чрез-

мерных штрафов; неприменение к ним жестоких и необычных наказаний. В то же время, практически с момента своего создания Великая хартия вольностей трактовалась как нечто гораздо большее, чем просто акт, который предоставлял баронам определенные права и свободы. Обозначенный договор принято воспринимать в качестве акта выражения идей о правах и свободах человека при верховенстве закона.

Особо отметим, что несмотря на то, что идея о том, что права человека являются естественными правами, присущими каждому человеку, подразумевается в классических учениях Марка Туллия Цицерона, Аристотеля и святого Фомы Аквинского о естественном праве, впервые она была прямо изложена в работах Франсиско де Виттории (1486–1546) и Бартоломи де Лас Касаса (1474–1566), которые отстаивали права коренных народов, живущих в испанских колониях. В XVII и XVIII веках Гуго Гроций (1583–1645), Самуэль фон Пуфендорф (1632–1694) и Жан-Жак Руссо (1712–1778) внесли свой существенный вклад в развитие концепции прав человека, прежде всего рассматривая их в качестве естественных прав.

Необходимо учитывать, что идея естественных прав легла в основу американской декларации независимости 1776 года, в которой подчеркивалось, что все люди созданы равными, поскольку Бог наделил их определенными и неотъемлемыми правами, к числу которых относятся право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью. Обозначенная концепция также нашла свое отражение во французской декларации прав человека и гражданина 1789 года. Например, в статье 2 названной декларации сказано, что целью любого политического объединения является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека, таких как свобода, право на частную собственность, на право на безопасность и свобода от рабского труда.

На международном уровне первая попытка защитить права человека связана с запретом рабства и работорговли. Так, согласно положениям Венского конгресса 1815 года, работорговля была объявлена противной принципам морали и человечности [3], а Договор о пресечении работорговли в Африке, заключенный между Австрийской империей, Соединенным королевством Великобритании и Ирландии, Королевством Пруссией и Российской Империей в 1841 году закрепил незаконность данных действий. В то же время, в целом в XIX веке защита прав человека относилась исключительно к внутренней компетенции самих государств.

Первым по-настоящему международным договором, связанным с защитой прав человека, стала Конвенция об отмене рабства и работорговли 1926 года, принятая под эгидой Лиги Наций, которая была дополнена Дополнительной Конвенцией Организации Объединенных Наций 1956 года об упразднении рабства, работорговли и институтов, и обычаев, сходных с рабством [4]. Также отметим, что после распада Австро-Венгерской импе-

рии, Османской империи и поражения Германской империи в Первой мировой войне, на основе комплекса мирных договоров 1919 года были созданы новые суверенные государства, что привело к возникновению принципиально новой проблемы в области прав человека – необходимости создания механизмов защиты прав национальных меньшинств, которые приняли две крайние формы: во-первых, положения о защите прав национальных меньшинств были включены в мирные договоры между странами Антанты (странами-победителями в Первой мировой войне), вновь созданными суверенными государствами и проигравшими потерпевшими поражение, например Версальский мирный договор 1919 года, Сен-Жерменский мирный договор 1919 года, Трианонский мирный договор 1920 года, Севрский мирный договор 1920 года и Лозаннский мирный договор 1923 года; во-вторых, первый этап создания международной организации – Лиги Наций сопровождалось передачей Совету Лиги декларации, гарантирующей защиту прав меньшинств, проживающих на территории желавших присоединиться государств.

Вышеуказанные меры были направлены на обеспечение того, чтобы национальные меньшинства не подвергались на территории суверенных государств дискриминации, а также имели право на свободу вероисповедания и свободу использования своего родного языка, а также право на защиту своих культурных традиций. Именно Лига Наций должна была осуществлять надгосударственный надзор за созданной системой защиты прав национальных меньшинств. Иные инициативы того времени, направленные на международную защиту прав человека под эгидой Лиги Наций, включали создание мандатной системы в отношении колоний, принадлежащих проигравшим Первую мировую войну суверенным государствам; надзор за запрещением торговли женщинами и детьми; надзор за запрещением торговли опасных наркотических средств; создание первых механизмов международной защиты беженцев. Кроме того, в рамках Версальского мирного договора 1919 года была также создана Международная организация труда, деятельность которой была направлена на защиту прав трудящихся на основе принятых международных конвенций.

Геноцид, зверства и страдания, причиненные миллионам людей нацистскими, фашистскими и милитаристскими режимами в 1930-х и 1940-х годах, дали серьезный толчок для «универсализации» и «интернационализации» концепции защиты прав человека на международном уровне благодаря разработки огромного количества универсальных и региональных международных правовых норм, как конвенционных, так и обычных для обеспечения защиты прав человека. По мнению Луи Хенкина, «универсализация» означает всеобщее признание прав человека государствами, в то время как «интернационализация» означает признание того, что обращение с индивидами в одной стране стало делом других стран [5]. Однако, необходимо

подчеркнуть, что многие суверенные государства оспаривают универсальность прав человека на основании того, что они основаны на нормах западной морали и идеологии, которые фактически игнорируют культурные ценности и традиции «незападных» государств, и искусственно навязываются всему международному сообществу и, таким образом, представляют собой форму культурного империализма [6]. В качестве аналогичных проявлений в «незападных» государствах возможно привести в пример пантюркизм, являющийся светской националистической доктриной. В этой связи необходимо отметить следующее:

Во-первых, ратификация Устава Организации Объединенных Наций 193 суверенными государствами, а также ратификация основных международных договоров в области защиты прав человека подавляющим большинством суверенных государств мира показывает, что права человека признаются практически всеми суверенными государствами, несмотря на их культурные, социальные и экономические различия;

Во-вторых, международные правовые нормы в сфере защиты прав человека представляют собой исключительно минимальные стандарты защиты, необходимой для обеспечения достойного существования каждого человека. Кроме того, в большинстве своем международные правовые нормы в области защиты прав человека не устанавливают никаких культурных или традиционных стандартов, а требуют от суверенных государств обеспечения права на свободу, равенство и надлежащие условия жизни всему населению;

В-третьих, нормы о защите прав человека являются достаточно гибкими и учитывают культурное разнообразие и культурные ценности всех стран мира, например, в резолюции 62/1559 Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций была признана необходимость предотвращения и смягчения культурной гомогенизации посредством расширения межкультурного обмена, направленного на поощрение и защиту культурного разнообразия государств [7]. Кроме того, на Всемирном саммите 2005 года, в котором приняли участие 170 глав суверенных государств и правительств, была признана важность уважения и понимания религиозного и культурного разнообразия.

В-четвертых, во время Всемирной конференции по правам человека 1993 года, проходившей в Вене, произошло столкновение идей об универсальности прав человека и культурном релятивизме. В частности, позиция азиатских государств в Заключительной декларации Регионального совещания для Азии Всемирной конференции по правам человека (Бангкокская декларация), несмотря на подтверждение концепции универсальности прав человека, закрепляла, что права человека должны рассматриваться в контексте динамичного и развивающегося процесса создания международных правовых норм, принимая во внимание важность национальных и региональных особенностей суверенных государств, а также сопутствующих

их развитию различных исторических, культурных и религиозных факторов [8].

Несмотря на разногласия между государствами, компромисс был достигнут. Так, в пункте 5 Венской декларации и программы действий 1993 года сказано, что все права человека универсальны, неделимы и взаимообусловлены [9]. Кроме того, несмотря на то, что значение национальной и региональной специфики и различных исторических, культурных и религиозных особенностей необходимо иметь в виду, суверенные государства, независимо от их политических, экономических и культурных систем, несут обязанность поощрять и защищать все права человека и основные свободы;

В-пятых, важно отметить, что сам базис культуры является не является статичным. Культура и ее сущность в понимании человечества видоизменяется по мере развития философско-правовой мысли, которая отражает в себе преобладающие ценности и мировоззрение, соответствующее конкретному историческому состоянию международного сообщества. Отметим, что уклады, ценности и культурные традиции, существовавшие в большинстве западных государств до середины XX века, например, расовая дискриминация, дискриминация и насилие в отношении женщин, принуждение детей к труду, телесные наказания в отношении женщин и детей, социальная дискриминация людей с ограниченными возможностями, сегодня считаются неприемлемыми, нарушающими основные права и свободы индивидов. В то же время, в тот исторический момент философско-правовая мысль основывалась на совершенно иных догматах. В качестве примера возможно указать на судебную практику Верховного суда Соединенных Штатов Америки: дело Дред Скотт против Сэндфорда 1857 года, которое устанавливало, что Конституция Соединенных Штатов Америки не предполагает включение в американское гражданство для «черных людей», независимо от того, были ли они порабощены или свободны от рождения (рождены на территории на территории, законы которой не предполагают рабство, именуемая в материалах дела «свободным штатом») [10]; дело Плесси против Фергюсона 1896 года, закрепляющая доктринальный принцип расовой сегрегации «отдельные, но равные» в соответствии с которым подтверждалась законность «черных кодексов», ограничивающих гражданские права и свободы афроамериканцев, и продержавшийся в качестве одного из важнейших прецедентов Верховного суда Соединенных Штатов Америки вплоть до вынесения решения по делу Браун против Совета по образованию 1954 года, однако, процесс отмены законов и правоприменительной практики сегрегации даже после утверждения указанного прецедента продолжался на протяжении большей части 1950-х, 1960-х и 1970-х годов, включая внесение изменений в федеральное законодательство, в том числе принятие закона Соединенных Штатов Америки «О гражданских правах» 1964 года [11]; дело Адэр против Соединенных Штатов Америки 1908 года,

которое известно в истории права в качестве прецедента, которым признаны неконституционными трудовые контракты «желтой собаки» (запрещающие работнику вступать в профсоюз) [12]; дело Silverthorne Lumber Co. против Соединенных Штатов, устанавливающее, что любые доказательства полученные даже косвенно в результате незаконного обыска, недопустимы в суде; дело Бак против Белла 1927 года, подтверждающий на уровне государства конституционность законов о принудительной стерилизации организма, в том числе умственно отсталых, которые принимаются для «охраны и здоровья государства» в интересах «общественного благосостояния», интересы которого перевешивают интересы отдельных людей в их телесной целостности [13]; дело Маклафлин против Флориды 1964 года, которым в качестве неконституционных законов признаны законодательные запреты на сожительство двух неженатых лиц противоположного пола, если один из них был «чернокожим», а другой «белым» (отметим, что оспариваемая статья 798.05 Устава штата Флорида гласила: «любой негр и белая женщина или любой белый мужчина и негритянка, не состоящие в браке друг с другом, которые обычно живут и занимают в ночное время одну и ту же комнату, наказываются тюремным заключением на срок не более двенадцати месяцев или штрафом в размере не более пятисот долларов»); дело Стрит против Нью-Йорка 1969 года, разъясняющее неконституционность запрета выступлений против свободы слова; дело Айзенштадт против Бэрда 1972 года, в рамках которого неконституционным признан запрет незамужним парам пользоваться контрацептивами; и иные.

Относительно упомянутого дела Бак против Белла необходимо особо акцентировать внимание читателей, что данный прецедент Верховного суда Соединенных Штатов Америки, играющий важнейшую роль в контексте прав и свобод человека, действует до сих пор – Верховный суд Соединенных Штатов Америки никогда не отменял решение по данному делу и не пересматривал его. Постановление Верховного суда Соединенных Штатов Америки по делу Бак против Белла 1927 года было написано судьей Оливером Уэнделлом Холмсом-младшим и содержало следующее утверждение: «Мы уже не раз видели, что общественное благо может призвать к жизни лучших граждан. Было бы странно, если бы оно не могло призвать тех, кто уже истощает силы государства для этих меньших жертв, часто не ощущаемых таковыми заинтересованными сторонами, чтобы предотвратить наше захлестывание некомпетентностью. Для всего мира будет лучше, если вместо того, чтобы ждать казни дегеративных отпрысков за преступления или позволить им голодать за их слабоумие, общество сможет помешать тем, кто явно непригоден, продолжать свой род. Принцип, который поддерживает обязательную «вакцинацию» достаточно широк, чтобы покрыть перерезание маточных труб». Кроме того, в заключительных положениях указанного постановления судья отметил, что «трех поколе-

ний идиотов вполне достаточно». Обращаем внимание, что по результатам рассмотрения обозначенного дела на территории Соединенных Штатов Америки был узаконены законы о евгенической стерилизации в целом и даже те штаты, которые к моменту вынесения решения не имели положений о принудительной стерилизации впоследствии дополнили ими свое законодательство.

Дополнительно в контексте данного дела и его роли в международном праве необходимо особо отметить, что ряд нацистских врачей Третьего Рейха цитировали на Нюрнбергском процессе по результатам Второй мировой войны правовую позицию судьи Верховного суда Соединенных Штатов Америки Оливера Уэнделла Холмса-младшего по делу Бак против Белла 1927 года в качестве обоснования своей защиты по причине введения в законодательство Третьего Рейха норм о принудительной стерилизации в 1933 году в связи с принятием «Закона о предотвращении рождения потомства с наследственными заболеваниями».

Необходимо учитывать, что ряд вышеупомянутых решений и толкований норм права, касающихся прав и свобод в настоящее время не имеют ничего общего с пониманием ключевых задач современного общества по защите прав и свобод индивидов и не соотносятся с современными тенденциями изменения культурных «ценностей» в западном обществе. Продвижение так называемой инклюзивности сексуальных меньшинств (гомосексуалов, лесбиянок, трансгендеров) и не просто защита их прав, а искусственное возведение их прав на «пьедестал почёта» никаким образом не связано с необходимостью защиты прав таких индивидов. Примером искусственного навязывания такой инклюзивности является представленная на открытии Олимпийских игр 2024 года пародия на работу Леонардо Да Винчи «Тайная вечеря», представленная представителями сексуальных меньшинств и высмеивающая культурные и религиозные традиции всего человечества. Таким образом, суверенные государства, преследующие современную культурную «повестку», прямым образом навязывают права данных меньшинств всему международному сообществу, вешают ярлык «тоталитарных государств, нарушающих права человека» тем суверенным государствам, которые отстаивают свою культурную идентичность вне современной «повестки» и открытым образом выступают прежде всего за культурную гомогенизацию и культурный империализм;

В-шестых, искусственное навязывание прав сексуальных меньшинств всему международному сообществу и выделение их «инклюзивности» среди всего населения мира, носит характер обратной дискриминации по отношению к традиционному человечеству. В то же время, актуальным примером проявления инклюзивности является возникновение обратной (позитивной) дискриминации, в соответствии с которой членам общества разъясняется, что предоставление привилегий по сравнению с другими членами общества лицу,

например относящему (квалифицирующего и (или) идентифицирующего) себя к фурри-личности или гендерфлюидному вертосексуалу фактически унижает такое лицо, а предоставление льгот и иных предпочтений, связанных с индивидуальными особенностями самоидентификации является предметом судебных споров на территории Соединенных Штатов Америки и государств-членов Европейского Союза.

С учетом изложенного, представляется возможным сделать вывод о том, что на современном этапе развития прав человека, их универсальность признается всем международным сообществом, однако, универсальность не означает допустимость искусственного навязывания новых культурных «укладов», присущих абсолютному меньшинству суверенных государств мира.

Литература

1. F. Lafontaine and F. Larocque (eds.), *Doing Peace the Rights Way: Essays in International law and Relations in Honour of Louise Arbour*, Cambridge: Intersentia, 2019
2. M. Noortmann, A. Reinisch and C. Ryngaert (eds.), *Non-State Actors in International Law*, Oxford: Hard Publishing, 2015
3. Act of the Congress of Vienna (signed 9 June 1815) (1815)
4. UN 1956 Supplementary Convention on the Abolition of Slavery, the Slave Trade, and Institutions and Practices Similar to Slavery. 266 UNTS.
5. Internationalisation of Human Rights, Human Rights: A Symposium, Columbia University, Proceedings of the General Education Seminar, 6, No 1 (1977)
6. J. Waldron, *Law and Disagreement*, Oxford: OUP, 1999
7. UNGA Res 60/1 (12 September 2005) GAOR 60th Session Supp 49 vol 1, 3 para. 14
8. N. K. Agyeman and A. Momodu, Universal Human Rights “Versus” Cultural Relativism: the Mediating Role of Constitutional Rights, (2019) 12/1 African Journal of Legal Studies, 23–46
9. UN World Conference on Human Rights (25 June 1993) UN Doc A/CONF. 157/23
10. Judgment in the U.S. Supreme Court Case *Dred Scott v. John F.A. Sandford*; 3/6/1857; *Dred Scott, Plaintiff in Error, v. John F.A. Sandford*; Appellate Jurisdiction Case Files, 1792–2010; Records of the Supreme Court of the United States, Record Group 267; National Archives Building, Washington, DC
11. *Plessy vs. Ferguson*, Judgement, Decided May 18, 1896; Records of the Supreme Court of the United States; Record Group 267; Plessy v. Ferguson, 163, #15248, National Archives
12. *Adair v. United States*, 208 U.S. 161 (1908)
13. Wolfe, Brendan. *Buck v. Bell* (1927). (2021, February 12). In *Encyclopedia Virginia*

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF HUMAN RIGHTS IN INTERNATIONAL LAW

Chuvakhin P.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the formation and development of human rights in international law. Legal theorists agree that human rights are those rights that are inherent to absolutely every individual in the world by virtue of the very nature and essence of man. According to lawyers of Western states, human rights are universal, that is, everyone has equal rights regardless of cultural, economic, social or other factors; indivisible, that is, no right is more important than any other; They are interrelated, that is, for example, political and civil rights cannot be perceived separately from social, economic or cultural rights, since the presence of the first of them guarantees the existence and exercise of the second, and vice versa. However, there is a rather serious contradiction between such a view of human rights, which is inherent in lawyers of Western states and that advocated by most other states of the world, which is based on cultural relativism (denial of ethnocentrism of the European-American assessment system and recognition of all cultures as equal), presupposing that human rights (human values) are absolutely not universal and, thus, they differ significantly depending on the individual cultural traditions of different States.

Keywords: human rights, cultural relativism, universality of human rights, Vienna Declaration and Programme of Action of 1993

References

1. F. Lafontaine and F. Larocque (eds.), *Doing Peace the Rights Way: Essays in International law and Relations in Honour of Louise Arbour*, Cambridge: Intersentia, 2019
2. M. Noortmann, A. Reinisch and C. Ryngaert (eds.), *Non-State Actors in International Law*, Oxford: Hard Publishing, 2015
3. Act of the Congress of Vienna (signed 9 June 1815) (1815)
4. UN 1956 Supplementary Convention on the Abolition of Slavery, the Slave Trade, and Institutions and Practices Similar to Slavery. 266 UNTS.
5. Internationalisation of Human Rights, Human Rights: A Symposium, Columbia University, Proceedings of the General Education Seminar, 6, No 1 (1977)
6. J. Waldron, *Law and Disagreement*, Oxford: OUP, 1999
7. UNGA Res 60/1 (12 September 2005) GAOR 60th Session Supp 49 vol 1, 3 para. 14
8. N. K. Agyeman and A. Momodu, Universal Human Rights “Versus” Cultural Relativism: the Mediating Role of Constitutional Rights, (2019) 12/1 African Journal of Legal Studies, 23–46
9. UN World Conference on Human Rights (25 June 1993) UN Doc A/CONF. 157/23
10. Judgment in the U.S. Supreme Court Case *Dred Scott v. John F.A. Sandford*; 3/6/1857; *Dred Scott, Plaintiff in Error, v. John F.A. Sandford*; Appellate Jurisdiction Case Files, 1792–2010; Records of the Supreme Court of the United States, Record Group 267; National Archives Building, Washington, DC
11. *Plessy vs. Ferguson*, Judgement, Decided May 18, 1896; Records of the Supreme Court of the United States; Record Group 267; Plessy v. Ferguson, 163, #15248, National Archives
12. *Adair v. United States*, 208 U.S. 161 (1908)
13. Wolfe, Brendan. *Buck v. Bell* (1927). (2021, February 12). In *Encyclopedia Virginia*

Формирование общих рынков энергоресурсов ЕАЭС как фактор обеспечения энергетической безопасности

Назарова Азиза Улугбековна,

к.ю.н., старший преподаватель, специалист по УМР, кафедра правового регулирования ТЭК МИЭП, МГИМО (У) МИД России
E-mail: nazarazizaa@gmail.com

В статье поставлена цель проанализировать особенности обеспечения энергетической безопасности в рамках ЕАЭС, выявить существующие проблемы и перспективы развития регулирования в данной сфере посредством анализа современного состояния уровня обеспечения энергетической безопасности в рамках ЕАЭС за счет формирования общих рынков энергоресурсов – электроэнергии, нефти, газа. В статье подробно рассматриваются предпосылки перехода к модели общих рынков, выявляются интересы государств-членов ЕАЭС в области энергетической безопасности, анализируется состояние и тенденции формирования каждого из трех общих энергетических рынков.

Ключевые слова: ЕАЭС, евразийская интеграция, энергетическая безопасность, общие рынки, электроэнергия, энергетическое право, ОЭР, общий рынок нефти, общий рынок газа, энергоресурсы.

Введение

Стратегическая значимость развития сотрудничества в области энергетики связана с необходимостью обеспечения энергетической безопасности. Как подчеркнул Министр энергетики России Н. Шульгинов, для достижения высокого уровня энергетической безопасности недостаточно усилий отдельных стран, необходимы меры на уровне Союза в целом [1]. На сегодняшний день выстраивание системы энергетической безопасности требует учета таких внешних факторов, как развитие глобального энергетического кризиса и международные санкции в отношении России и Беларуси. В этих условиях сотрудничество на уровне ЕАЭС становится более актуальным. По этой же причине создание общих рынков энергоресурсов становится важнейшей мерой по обеспечению энергетической безопасности. Формирование общих рынков позволяет существенно повысить эффективность использования энергетического потенциала стран-членов, а также обеспечить стабильность энергосистем государств ЕАЭС и обеспечить потребителей в необходимом объеме.

Можно говорить о том, что страны ЕАЭС обладают необходимым потенциалом для снабжения своих экономик энергией и обеспечения энергетической безопасности. Так, на общую территорию ЕАЭС приходится примерно одна пятая доля всемирных запасов таких природных энергоресурсов, как нефть, газ и уголь [2, с. 91]. Взаимное расположение стран Союза также благоприятствует тому, чтобы эффективно осуществлять транспортировку энергоресурсов как в рамках ЕАЭС, так и за его пределы в другие страны. В этой связи именно наднациональный уровень сотрудничества приобретает особое значение, и в этом сотрудничестве на настоящий момент ключевым этапом выступает формирование общих рынков ключевых энергоресурсов.

Основная часть

Договор о ЕАЭС в качестве одной из задач энергетического сотрудничества закрепляет формирование общих рынков энергоресурсов, что служит цели обеспечения энергетической безопасности.

При этом, говоря об обеспечении энергетической безопасности ЕАЭС важно подчеркнуть, что системы энергетической безопасности в рамках отдельного государства и на региональном уровне имеют существенные отличия. В особенности эти отличия проявляются в таких региональных объединениях, как ЕАЭС, где энергетические комплексы

сы и рынки энергетики государств-членов имеют существенную специфику. Для более объемного понимания различий между энергетическими ком-

плексами стран-участниц ЕАЭС, можно обратиться к сравнительной таблице, составленной Е.Г. Бондарь [3, с. 41].

Таблица 1. Национальные особенности энергетических рынков стран-членов ЕАЭС

Страна	Национальные особенности энергетического рынка
Армения	– необеспеченность ископаемыми видами энергоресурсов, развитие возобновляемой энергетики; – передача электроэнергии от продавца (генерирующие компании) к покупателю (распределительная компания «Электрические сети Армении»); – регулирование цен на электроэнергию государственной компанией (Комиссия по регулированию общественных услуг)
Беларусь	– преобладание импортного газа; – вертикально-интегрированная государственная монополия; – вопросы, связанные с генерацией, передачей и сбытом электроэнергии, отнесены к полномочиям государственно-производственного объединения «Белэнерго»; – государственное регулирование тарифов
Казахстан	– значительные запасы ископаемых видов топлива на территории страны; – оптовый (доминирующий) и розничный рынки, рынок электроэнергии, мощности, системных и вспомогательных услуг. – государство устанавливает предельные цены на производство, тарифы на передачу, распределение электроэнергии, плату за проведение торгов
Кыргызстан	– необеспеченность ископаемыми видами энергоресурсов, гидроэлектростанции и две угольные теплоэлектростанции – основа электрогенерации; – генерирующие, сетевые и сбытовые компании объединены в государственную «Национальную энергетическую холдинговую компанию»; – тарифы регулируются государством
Россия	– значительные запасы ископаемых видов топлива на территории страны; – оптовый и розничный рынки, оптовый рынок электроэнергии и мощности; – преобладание объектов генерации, работающих на газе; – свободное ценообразование при производстве и сбыте энергетической продукции, регулирование тарифов для населения

Из данного сопоставления можно увидеть, что государства, входящие в ЕАЭС, существенно отличаются с точки зрения своего ресурсного потенциала, а также структуре внутреннего энергетического рынка, объема потребления и пр. Таким образом, работа по созданию общих энергетических рынков в рамках ЕАЭС осуществляется в условиях неравенства государств в сфере энергетики [4, с. 146].

Помимо этого, авторы, исследующие данную проблему, отмечают целый ряд сложностей, влияющих на современном этапе на интеграцию ЕАЭС в сфере энергетики. Во-первых, это различные позиции государств-членов по вопросам, касающимся формирования цен на энергоресурсы и регулирования тарифов. Так, как отмечает А.А. Маркаров, такие страны как Армения и Беларусь (как государства, не обладающие собственными значимыми месторождениями природного газа, и не осуществляющие его добычу) выступают за установление единых тарифов на газ, тогда как другие государства-члены, которые могут выступать в качестве экспортеров предпочитают рыночное ценообразование [5, с. 124].

Во-вторых, заметным упущением Договора о ЕАЭС является отсутствие регулирования сотрудничества в области ВИЭ. Процесс такого регулирования также может быть заторможен в результате противоречий между государствами, стремящимися развивать ВИЭ и странами, дела-

ющими упор на традиционные энергоресурсы [6, с. 19].

В-третьих, как отмечает Д.С. Кришталь, создание стратегии единой энергетической безопасности не должно вступать в противоречие с приоритетами энергетической безопасности отдельных государств-участников [7, с. 136]. В отдельных случаях это не просто, поскольку среди членов ЕАЭС есть как экспортеры, так и импортеры различных энергоресурсов, что влияет на их задачи и приоритеты в области энергобезопасности. Также экономики стран ЕАЭС в различной степени подвержены влиянию более глобальных изменений энергетического рынка. На сегодняшний день эта ситуация усугубляется также существенным объемом международных санкций против России, которые затрагивают и сферу энергетики. В таких условиях при углублении интеграции и формировании единых рынков государства должны сопоставлять существующие возможности и риски, связанные с такими процессами. Так, например, как указывает Ю.М. Борисова, для России формирование единого рынка электроэнергии на уровне ЕАЭС связано с рисками сокращения спроса на такие энергоресурсы, задействованные в производстве электроэнергии, как газ и уголь [8, с. 44].

В то же время, нельзя отрицать, что создание единых рынков энергоресурсов также способно решить многие проблемы отдельных стран и обеспечить устойчивое развитие их экономик.

Договор о ЕАЭС предполагает, что единые энергетические рынки должны поэтапно формироваться в отношении трех основных энергоресурсов, охваченных Договором (нефти, газа и электроэнергии). Так, статья 81 Договора о ЕАЭС изначально предусматривала, что страны Союза должны обеспечить поэтапное создание рынка электроэнергии на базе параллельно функционирующих национальных систем электроэнергии. Норма предполагает, что правовой базой данного процесса должны стать Концепция и Программа развития рынка электроэнергии на уровне ЕАЭС, положения которых впоследствии должны быть закреплены соответствующим международным договором стран Союза. При этом в 2019 году содержание статьи 81 Договора о ЕАЭС было изменено, закрепив, что формирование общего рынка электроэнергии должно осуществляться на основании Приложения № 21. Введение данного положения, в частности, означает, что был совершен переход к осуществлению согласованной политики в области электроэнергии на уровне ЕАЭС. Этот переход стал возможен благодаря прохождению ряда важных этапов в подготовке и формировании промежуточного регулирования. Так, в 2015 году в ЕАЭС в рамках исполнения статьи 81 Договора, была принята Концепция формирования общего рынка электроэнергии в ЕАЭС [9]. Данная Концепция содержала положения, устанавливающие стадии формирования общего рынка, его планируемую структуру и состав участников, а также необходимые мероприятия по созданию условий для функционирования такого рынка. Вслед за этим, в 2017 году была принята и Программа формирования общего рынка [10]. Благодаря такой поэтапной подготовке к 2019 году были созданы основные предпосылки для формирования общего рынка электроэнергии Союза.

Принятие Протокола № 21, регулирующего работу общего рынка электроэнергии, позволило субъектам оптовых рынков электроэнергии стран-членов ЕАЭС свободно и на основании общих условий транзита внутри ЕАЭС экспортировать и импортировать электроэнергию на основании двусторонних договоров или путем торгов на специализированных площадках. При этом, если поставки осуществляются на основании двустороннего договора, то его условия определяются по соглашению сторон. В случае торгов условия поставок формируются путем использования биржевых механизмов. Протокол также предусматривает функционирование системы электронной торговли по срочным договорам и на сутки вперед.

Государства-члены для обеспечения экспорта и импорта электроэнергии в пределах существующих у них возможностей обязуются обеспечивать доступ к межгосударственным линиям электропередачи. Условия передачи электроэнергии определяются на основании Правил, установленных межправительственным советом ЕАЭС [11].

Исследование содержания положений Протокола № 21 позволяет заключить, что он содержит до-

вольно подробное регулирование основ функционирования общего рынка электроэнергии. В то же время, как замечает А.У. Назарова, данное регулирование не в полной мере способно преодолеть существующие экономические препятствия к полноценному формированию единого рынка [12, с. 53]. Это подтолкнуло страны-члены ЕАЭС к формированию плана мероприятий по обеспечению условий работы общего рынка электроэнергии. Полноценный запуск работы общего рынка электроэнергии должен произойти не позже начала 2025 года. Такой запуск предполагает начало функционирования единого рынка, который действует на основании четырех ключевых правил: 1) о взаимной торговле электроэнергией; 2) об определении и распределении пропускной способности; 3) о доступе к услугам по межгосударственной передаче электрической энергии; 4) об информационном обмене на ОЭР Союза.

Таким образом, можно говорить о том, что не смотря на вступление в силу Протокола № 21 общий рынок электроэнергии в рамках ЕАЭС еще продолжает формироваться, что означает сохранение потребности в совершенствовании и дополнении его нормативно-правового регулирования. Данный процесс осложняется существующими различиями в национальном регулировании и общем состоянии рынков электроэнергии стран-членов ЕАЭС. Важно подчеркнуть, что существующее регулирование общего рынка на уровне Союза не предполагает полного стирания границ и упразднения национальных рынков. Таким образом, предполагается параллельное функционирование национальных рынков электроэнергии и единого рынка электроэнергии ЕАЭС как дополнительного уровня, в рамках которого действуют общие правила трансграничной торговли. Сложность составляет то, что сами подходы к работе национальных рынков электроэнергии в странах ЕАЭС существенно отличается, что осложняет процесс гармонизации регулирования [13, с. 179]. Это позволяет предположить, что для создания единого рынка и унификации национальных законодательств потребуется значительное количество времени. В связи с этим наиболее перспективным представляется сохранение существующего разделения на национальные рынки, не стремящиеся к полной унификации регулирования, и рынок Союза с общими правилами. При этом, для эффективного функционирования такой системы целесообразно дополнительно урегулировать разграничение сфер функционирования национальных рынков и рынка ЕАЭС. Такое разграничение может быть осуществлено путем установления на уровне Протокола № 21 конкретных критериев, позволяющих отграничить такие рынки. Помимо этого, для избежания путаницы, в разделе XX Договора о ЕАЭС должны быть напрямую указаны правовые акты, регулирующие отношения в области единого рынка электроэнергии и круг правоотношений, к которым они применяются. Такой подход не отрицает необходимости определенного уровня гар-

монизации национальных законодательств, однако не требует глобальной трансформации национальных моделей регулирования отношений в области электроэнергетики. Для дальнейшего развития общего рынка электроэнергии целесообразно также учитывать опыт других региональных объединений (например, опыт интеграции в ЕС).

Процесс формирования общего энергетического рынка ЕАЭС происходит в области торговли нефти и нефтепродуктов. Статья 84 Договора о ЕАЭС устанавливает, что государства-члены должны принимать меры для обеспечения поэтапного формирования единого нефтяного рынка. Для создания условий формирования такого рынка был избран подход, аналогичный с описанным выше, применительно к рынку электроэнергии. В частности, также были разработаны и приняты Программа и Концепция формирования общего рынка нефти в ЕАЭС. Данные акты должны обеспечить основу для международного договора, регулирующего функционирование нефтяного рынка Союза. Такой договор должен будет урегулировать ключевые принципы работы общего рынка нефти и нефтепродуктов на территории ЕАЭС, порядок установления правил торговли данными энергоресурсами, общие правила доступа к инфраструктуре для транспортировки нефти и нефтепродуктов, правила межгосударственного транзита, компетенции органов, уполномоченных на регулирование общих энергетических рынков и пр. Вступление в силу подобного договора было запланировано на 2025 год.

На сегодняшний день ключевым источником регулирования формирования единого нефтяного рынка является раздел XX (в первую очередь статья 84) и Приложение № 23 к Договору о ЕАЭС. Важно отметить, что часть 4 ст. 84 предусматривает необходимость обеспечения беспрепятственного доступа к системам транспортировки нефти и нефтепродуктов на территориях Союза. Порядок доступа к таким системам, управляемые субъектами естественных монополий, регулируется положениями Приложения № 23. Приложение также предусматривает необходимость формирования единой информационной системы, на основании данных которой производится оценка энергетического потенциала стран Союза, а также непосредственных показателей добычи и потребления нефти и нефтепродуктов. На сегодняшний день такая система уже функционирует, что позволяет обеспечивать необходимую информацию для согласования различных аспектов торговли и транспортировки нефти и нефтепродуктов в рамках рынка ЕАЭС [12, с. 98]. На основании данной системы уполномоченные органы стран-членов ЕАЭС могут ежегодно определять объемы межгосударственных поставок. ЕЭК в свою очередь, на основании получаемых данных, разрабатывает прогнозы производства и потребления энергоресурсов, рассчитанные на трехлетний срок [14].

Тем не менее в ЕАЭС сохраняются значимые барьеры для создания единого рынка, связанные

с различиями ресурсных потенциалов и подходов к организации национальных энергетических рынков. Это диктует различный подход и приоритеты в области обеспечения энергетической безопасности.

Для смягчения данных препятствий необходимо обеспечение условий, в которых создание единого рынка нефти и нефтепродуктов будет не только служить энергетической безопасности всего региона, но и укреплять позиции входящих в ЕАЭС государств. Представляется, что ключевыми шагами на этом пути должны стать, во-первых, создание условий для недискриминационного доступа к системам транспортировки нефти и нефтепродуктов с учетом технических возможностей и ограничений соответствующей инфраструктуры государств-членов. Для этого, в частности, должны быть разработаны правила, рассчитанные на ситуации, когда объем заявок превышает возможности существующих систем транспортировки. Во-вторых, необходимо создание единого биржевого пространства, где будет обеспечен свободный недискриминационный доступ к торгам нефтью и нефтепродуктами. Доступ к такому пространству должен осуществляться в электронной форме. В-третьих, должно быть созданы условия для рыночного формирования цен на территории Союза в рамках единого подхода к ценообразованию. В-четвертых, необходимо обеспечить эффективные меры защиты конкуренции, в частности, путем гарантии наступления ответственности за нарушение антимонопольных правил.

Перечисленные меры позволят обеспечить привлекательность единого рынка для стран-членов ЕАЭС, что является важнейшим условием успешной экономической интеграции и формирования системы энергетической безопасности.

В случае такого энергоресурса как природный газ, процесс формирования единого рынка Союза движется наиболее медленно. В 2018 году была издана Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, которая подчеркивала необходимость создания общих энергетических рынков. В отношении рынка газа, как и в случае других рассмотренных энергоресурсов, в 2016 году была принята Концепция развития. Факт принятия данной Концепции демонстрирует заинтересованность стран-членов в данном направлении работы. Также можно увидеть прогресс в области сотрудничества отдельных стран-членов Союза. Однако, для создания единого рынка необходимо устранение существующих барьеров в области согласования правового регулирования и экономических практик государств-членов. В частности, целесообразно введение общих правил формирования технической документации в области работы объектов инфраструктуры транспортировки газа. Это позволит упростить взаимодействие субъектов рынка природного газа из разных стран-членов ЕАЭС в процессе трансграничной торговли.

Хотя создание общего рынка газа признается важной целью, в направлении которой уже совершены некоторые шаги, однако на сегодняшний день процесс продвигается медленнее, чем предполагалось в Концепции. Так, в 2023 году Межправительственным советом было принято решение отложить процесс подготовки международного договора о формировании общего рынка газ в ЕАЭС [15]. Такое решение было мотивированно сохраняющимися разногласиями между государствами-членами, которые пока не удалось преодолеть. Это в первую очередь разногласия, связанные с установлением цен на транспортировку газа¹, с судьбой действующих двусторонних договоров между отдельными государствами в области торговли газом и вопросом об условиях транзита газа из третьих стран (данный вопрос, как было показано выше, особо важен для Кыргызстана, которому важны поставки из третьих стран).

Заключение

В рамках ЕАЭС поставлена цель по созданию общих энергетических рынков в целях обеспечения энергетической безопасности и развития региональной экономики. Общие энергетические рынки создаются в области торговли тремя ключевыми энергоресурсами: электроэнергией, газом, а также нефтью и нефтепродуктами. На этом пути сделан целый ряд значимых шагов, в частности в области нормативно-правового регулирования. Ключевые основы формирования общего рынка закреплены в Приложениях № 21, 22 и 23 к Договору о ЕАЭС. При этом, если Приложения № 21 и 23 регулируют формирование общего рынка электроэнергии и нефти в рамках стран-членов Договора, то в случае газа (Приложение № 22) речь идет только о формировании общего подхода к доступу к услугам, ценообразованию и тарифной политике. Необходимо также подчеркнуть, что процесс формирования общих рынков нефти и электроэнергии не является до конца завершенным. Это обусловлено довольно значимыми отличиями в энергетическом потенциале стран-участниц, и особенностях их энергетических рынков и регулирующих их национальных законодательств. Поэтому можно сделать вывод о том, что для формирования единых энергетических рынков в рамках ЕАЭС требуется время для гармонизации национальных законодательств, а также разрешения существующих противоречий во взглядах стран на отдельные аспекты энергетического сотрудничества.

Литература

1. Общая система энергетической безопасности – одна из приоритетных задач при формировании общих рынков энергетических ре-

¹ Россия и Казахстан выступают за раздельное ценообразование на внутреннем и внешнем рынках, потребители газа в лице Белоруссии, Армении и Киргизии – за равные условия для всех участников ЕАЭС

сурсов ЕАЭС [Электронный ресурс] // URL: <https://forum.eaeunion.org/news/obshchaya-sistema-energeticheskoy-bezopasnosti-odna-iz-prioritetnykh-zadach-pri-formirovanii-obshchi/> (дата обращения: 20.02.2024)

2. Абакумова М.М. Энергетическая безопасность ЕАЭС: вызовы и риски // Инновации и инвестиции. 2018. № 1. С. 91.
3. Бондарь Е.Г. Проблемы и перспективы энергетического сотрудничества стран Евразийского экономического союза // Проблемы современной экономики. 2022. № 4.
4. Сопилко Н.Ю. Энергетическая интеграция государств Евразийского экономического союза // Вопросы региональной экономики. 2019. № 1(38).
5. Маркаров А.А. Интеграция Армении в общий электроэнергетический рынок ЕАЭС: риски и возможности // Геоэкономика энергетики. 2021. № 2.
6. Цедрик А.В. Общий энергетический рынок стран ЕАЭС: анализ, риски и барьеры на пути к интеграции, рекомендации // Тенденции экономического развития в XXI веке: Материалы II Международной научной конференции, Минск, 28 февраля 2020 года / Редколлегия: А.А. Королёва (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Белорусский государственный университет, 2020.
7. Кришталь Д.С. Обеспечение энергетической безопасности Республики Беларусь в условиях формирования общего рынка энергоресурсов международных организаций региональной интеграции // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики: Материалы международного научно-практического круглого стола. – Минск: Белорусский государственный университет, 2021.
8. Борисова Ю.М. Будущий общий рынок электроэнергии в странах ЕАЭС: проблемы и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 1.
9. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 8 мая 2015 года № 12 «О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс»
10. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26.12.2016 № 20 «О Программе формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс»
11. Решение Евразийского межправительственного совета от 03.02.2023 N 2 «Об утверждении Правил доступа к услугам по межгосударственной передаче электрической энергии (мощности) в рамках общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс»
12. Назарова А.У. Международно-правовое регулирование энергетического сотрудничества

государств-членов ЕАЭС. Дисс. канд. юрид. наук. Москва. 2023.

13. Белова О.С. Международно-правовое регулирование формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза. Дисс. кандидата юрид. наук. М., 2021.
14. Темирбек Асанбеков. Реальны ли единые цены на нефть и нефтепродукты? [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕЭК. Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/temirbek-asanbekov-realny-li-edinnye-ceny-na-neft-i-nefteprodukty/> (дата обращения: 18.03.2024)
15. Главы правительств ЕАЭС отложили до октября вопрос об общем рынке газа [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЕЭК. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/85837> (дата обращения: 18.03.2024)

FORMATION OF COMMON ENERGY MARKETS OF THE EAEU AS A FACTOR IN ENSURING ENERGY SECURITY

Nazarova A.U.

Moscow Institute of Energy Policy MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

This article aims to analyze the features of ensuring energy security within the EAEU, to identify existing problems and prospects for the development of regulation in this area by analyzing the current state of the level of energy security within the EAEU through the formation of common energy markets – electricity, oil, gas. The article similarly examines the prerequisites for the transition to a common market model, identifies the interests of the EAEU member states in the field of energy security, analyzes the state and trends in the formation of each of the three common energy markets.

Keywords: EAEU, Eurasian integration, energy security, common markets, electricity, energy law, Common Economic Zone, common oil market, common gas market, energy resources.

References

1. The common energy security system is one of the priority tasks in the formation of common energy resource markets of the EAEU [Electronic resource] // URL: <https://forum.eaeunion.org/news/obshchaya-sistema-energeticheskoy-bezopasnosti-odniz-prioritetnykh-zadach-pri-formirovani-obshchi/> (date of access: 20.02.2024)
2. Abakumova M.M. Energy security of the EAEU: challenges and risks // Innovations and investments. 2018. No. 1. P. 91.
3. Bondar E.G. Problems and prospects of energy cooperation of the countries of the Eurasian Economic Union // Problems of modern economy. 2022. No. 4.
4. Sopilko N. Yu. Energy integration of the states of the Eurasian Economic Union // Issues of regional economy. 2019. No. 1(38).
5. Markarov A.A. Integration of Armenia into the Common Electricity Market of the EAEU: Risks and Opportunities // Geoeconomics of Energy. 2021. No. 2.
6. Tsedrik A.V. Common Energy Market of the EAEU Countries: Analysis, Risks and Barriers to Integration, Recommendations // Trends in Economic Development in the 21st Century: Proceedings of the II International Scientific Conference, Minsk, February 28, 2020 / Editorial Board: A.A. Koroleva (editor-in-chief) [et al.]. – Minsk: Belarusian State University, 2020.
7. Krishtal D.S. Ensuring Energy Security of the Republic of Belarus in the Context of the Formation of a Common Market for Energy Resources of International Regional Integration Organizations // Theoretical and Applied Prospects of Legal Support for Economic Development: Proceedings of the International Scientific and Practical Round Table. – Minsk: Belarusian State University, 2021.
8. Borisova Yu.M. Future common electricity market in the EAEU countries: problems and prospects // Problems of the post-Soviet space. 2019. No. 1.
9. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of May 8, 2015 No. 12 “On the Concept of Forming a Common Electricity Market of the Eurasian Economic Union” // SPS “Consultant-Plus”
10. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of December 26, 2016 No. 20 “On the Program for Forming a Common Electricity Market of the Eurasian Economic Union” // SPS “ConsultantPlus”
11. Decision of the Eurasian Intergovernmental Council of February 3, 2023 N 2 “On Approval of the Rules for Access to Services for Interstate Transmission of Electric Energy (Capacity) within the Framework of the Common Electricity Market of the Eurasian Economic Union” // SPS “ConsultantPlus”
12. Nazarova A.U. International Legal Regulation of Energy Cooperation of the EAEU Member States. Diss. Cand. of Law. Moscow. 2023.
13. Belova O.S. International legal regulation of the formation of a common electricity market of the Eurasian Economic Union. Diss. candidate of legal sciences. M., 2021.
14. Temirbek Asanbekov. Are single prices for oil and oil products realistic? [Electronic resource] // Official website of the EEC. Access mode: <https://eec.eaeunion.org/news/speech/temirbek-asanbekov-realny-li-edinnye-ceny-na-neft-i-nefteprodukty/> (date accessed: 03/18/2024)
15. The heads of government of the EAEU postponed the issue of a common gas market until October [Electronic resource] // Official website of the EEC. Access mode: <https://www.interfax.ru/business/85837> (date of access: 18.03.2024)

Фрагментация международного права в контексте разрешения правовых споров при реализации проекта «Один пояс – один путь»

Чувахин Петр Игоревич,

к.ю.н. старший преподаватель кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: chuvakhin.pet@yandex.ru

Статья посвящена проблемам фрагментации международного права. В настоящее время наблюдаются устойчивые тенденции сохранения геополитической напряженности по причине распространения механизма прямого или косвенного участия суверенных государств в инвестиционных проектах. При реализации таких проектов суверенные иммунитеты государства ограничиваются самими государствами и международными организациями в рамках их контрактных обязательств, что порождает последующие правовые коллизии и споры, основанные на толковании норм международного права в контексте правоотношений субъектов международного права при реализации инвестиционных проектов, в том числе направленных на достижение экономического суверенитета и безопасности государства. В качестве актуального примера последних лет реализации такого проектного взаимодействия выступает реализация инициативы продолжения и развития духа древнего Шелкового пути «Один пояс и один путь» в рамках китайского проекта «Экономического пояса Шелкового пути».

Ключевые слова: фрагментация международного права, проект «Один пояс и один путь», арбитраж, двусторонние инвестиционные договоры, концепция «forum shopping»

Необходимо отметить, что функциональная проблема разрешения правовых споров в рамках инициативы «Один пояс и один путь» (далее – проектная инициатива) сама по себе представляет собой важную тему для междисциплинарного исследования в области международного права. Кроме того, существует весьма актуальный вопрос о том, ведет ли создание механизма разрешения правовых споров в рамках данной проектной инициативы к формированию единого правового пространства на международном уровне или приводит к его имманентной фрагментации, которая является предметом дискуссий в профессиональном сообществе.

Один из ключевых аспектов данной проблемы заключается в том, каким образом правовые споры, возникающие в рамках проектной инициативы, регулируются и разрешаются в соответствии с международным правом. Следует особо учитывать, что механизмы разрешения различных правовых споров в рамках проектной инициативы могут оказывать прямое влияние на формирование и развитие международного правопорядка. В свою очередь, возникновение новых правил и процедур может повлечь процесс систематизации (единения) норм международного права или напротив создать основы для его последующей фрагментации. Соответственно, исследование проблемного вопроса о порядке разрешения правовых споров в рамках данной китайской инициативы имеет принципиальное значение для понимания текущих процессов развития системы международного права. Осуществление всестороннего, анализа различных взаимообусловленных факторов и роли их воздействия на эффективность и устойчивость данного процесса поможет определить, выстраивается ли проектная инициатива на принципах согласования и взаимовыгодного сотрудничества или создает правовые основы противостояния между суверенными государствами и конфронтации правоотношений между субъектами международного права, влекущего неизбежный процесс пересмотра основополагающих принципов международного права и подходов к роли суверенного иммунитета государства при реализации проектной инициативы.

Проектная инициатива, официально анонсированная в 2013 году, представляет собой попытку воссоздания взаимовыгодных устойчивых торгово-логистических цепочек прошлого в эпоху деглобализации мировой экономики со свойственными ей последствиями фрагментации и распада связей между суверенными государствами, их обособление и построение технологического суверените-

та с внедрением принципов импортозамещения. В контексте изложенного представляются интересными выводы, изложенные исследователями в рабочем докладе «Макроэкономические последствия переориентации цепочек поставок» Европейского центрального банка от февраля 2024 года, что текущая попытка снизить зависимость государств-членов Европейского Союза от иностранных поставщиков и с одновременным дополнительным стимулированием внутреннего производства в самом Европейском Союзе может обернуться существенными расходами «переходного периода» и повлечь долгосрочный негативный тренд по усилению инфляции и сокращению объемов глобальной торговли [1]. Кроме того, исследователи отмечают, что «бесконтрольное» импортозамещение снижает конкурентоспособность европейских товаров и общую устойчивость экономики к циклическим спадам. В свою очередь, к наиболее вероятным последствиям импортозамещения относят – постоянно ускоряющийся рост цен на продукцию местных производителей, обеспеченный усилением их влияния и ростом доли на внутреннем рынке, снижение качества и объемов их производства, связанное с использованием более дорогих и значительно менее качественных ресурсов из числа доступных, а также ответные меры и протекционизм торговых партнеров на внешних рынках сбыта, влияющее на конечный объем местных производителей в глобальной торговле.

С учетом изложенного, отметим, что китайская проектная инициатива прежде всего направлена на развитие торгово-логистических цепочек и инфраструктурных связей между Китайской Народной Республикой и суверенными государствами Евразии, Африки и иных регионов мира. Ключевой принцип данной проектной инициативы заключается в создании единой современной сети транспортно-логистической инфраструктуры, которая позволит обеспечить свободный поток движения товаров (работ и услуг) между государствами, что создает новые возможности для торговли и инвестиций между Китайской Народной Республикой и государствами-участниками проектной инициативы. Строительство новых и реконструкция старых инфраструктурных объектов, придающая действующим торгово-логистическим цепочкам системность и взаимосвязанность, позволяет обеспечить формирование единой транснациональной взаимообусловленной системы транспортной инфраструктуры и телекоммуникационных сетей, имеющих единые стандарты и порядок работы, значительно сокращает время и логистические издержки, связанные с формированием конечной стоимости товаров (работ и услуг), что непременно способствует активизации экономического роста государств-участников проектной инициативы [2].

Китайская Народная Республика в рамках обеспечения реализации проектной инициативы в качестве институционального инвестора обеспечивает проектное финансирование и кредитование деятельности в рамках инициативы «Один пояс

и один путь» на территории иностранных государств, предоставляет консультационную и технологическую поддержку, а также финансовые ресурсы для лоббизма законодательных изменений местного законодательства, позволяющего обеспечить единообразные подходы к правовому регулированию составляющих элементов проектной инициативы. Кроме того, необходимо отметить, что проектная инициатива сама по себе имеет весомый потенциал для развития глобальной торговли и экономики государств-участников проектной инициативы. Реализация данной проектной инициативы позволяет укреплять взаимодействие и сотрудничество между суверенными государствами, способствует общему повышению уровня жизни населения и содействует комплексному территориальному развитию, обеспечивает интеграцию государств-участников в систему глобальной торговли. По причине активности на международной арене Китайской Народной Республики в проектную инициативу планомерно вовлекаются различные суверенные государства и международные организации, что способствует укреплению дипломатических и экономических отношений между странами и содействует международной стабильности. В то же время, в процессе непосредственной реализации проектной инициативы при взаимодействии с привлекаемыми международными организациями и инвесторами на территории различных государств возникают взаимообусловленные проблемы и вызовы.

Вопреки тому, что проектная инициатива проповедует формирование единого экономического пространства на территориях суверенных государств, именуемое в программных документах китайских органов власти «сообщество единой судьбы», с момента начала реализации возникло несколько концептуальных проблем, которые прямо способствуют фрагментации международно-правовой системы, которые, по мнению Цзэн Линяна, не имеют однозначного решения в настоящее время [3]. Несмотря на проведение обстоятельного анализа подходов по устранению существующих проблем путем принятия различных международных договоров или актов мягкого права, доктор философии юридической школы Ен Панг Хоу Сингапурского университета менеджмента Хэн Ванг считает, что в рамках проектной инициативы намеренно не решаются эти вопросы, а вместо этого формируются правовые рамки, обладающие «максимальной гибкостью», соответствующие актуальным потребностям проектной инициативы [4]. Проявление обозначенной тенденции происходит в рамках механизма по разрешению правовых споров и несмотря на то, что китайский подход к формированию проекта, заключающийся в том, чтобы сосредоточиться именно на рамочной основе регулирования проектной инициативы, избегая определенных жестких нормативных обязательств, имеет преимущества с точки зрения гибкости правовых норм и автономии воли сторон, в настоящее время существует значительный риск фрагментации си-

стемы международного права вследствие расширения правоприменительной практики, связанной с использованием данного подхода к регулированию правоотношений.

Отметим, что по мнению таких авторов, как Ювэнь Ли и Чэн Бянь, в случае возникновения правовых споров ни существующие двусторонние инвестиционные договоры (далее – ДИД), ни иные двухсторонние или многосторонние договоры, которые Китайская Народная Республика заключила сравнительно недавно или по которым ведет переговоры, такие как Всеобъемлющее соглашение по инвестициям с Европейским Союзом или Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – ВРЭП), не обеспечивают решения проблемы фрагментации в урегулировании правовых споров в рамках инвестиционных правоотношений, возникающих при реализации проектной инициативы [5]. Кроме того, в работах Эрнста-Ульриха Петерсмана высказывается точка зрения, что существующие китайские ДИД и иные схожие договоры будут впоследствии просто сосуществовать в рамках проектных инициатив или будут расторгнуты (деконсигурованы), что создает потенциальные сложности в формировании единого механизма разрешения правовых споров, в том числе по вопросу транснациональных инвестиционных проектов [6]. В то же время, без такого единого механизма не смогут быть сформированы единые подходы в разрешении правовых споров в рамках проектной инициативы. Более того, согласно позиции профессора Центра изучения коммерческого права Лондонского университета Малика Далана, отсутствие единых подходов в регулировании правовых споров в рамках проектной инициативы может повлечь злоупотребление концепцией «forum shopping» (далее – форум шоппинг) в связи с тем, что суверенные государства, а также юридические и физические лица (далее – частные лица) будут использовать более выгодные для них способы разрешения правовых споров среди множества существующих [7]. Соответственно, реализация данной проектной инициативы поднимает все больше вопросов о перспективах фрагментации всей системы международного права и ставит под сомнение его единство.

Фрагментация международного права представляет собой разделение международно-правовых норм на различные сферы и уровни регулирования, которая может происходить как в горизонтальном, так и в вертикальном измерении. Горизонтальная фрагментация связана с разделением норм и принципов на различные области права, такие как международное торговое право, право прав человека, инвестиционное право и иные. Каждая из перечисленных областей права имеет собственные специальные нормы и принципы регулирования, которые могут отличаться от норм в иных сферах и отраслях права, что потенциально может привести к возникновению коллизий, влекущих конфликт между различными областями меж-

дународного права влекущий усложнение их согласованности. Вертикальная фрагментация прежде всего связана с разделением норм на различные уровни регулирования. Например, существуют международные нормы, закрепленные в универсальных международных договорах, например в Уставе Организации Объединенных Наций (далее – ООН), Марракешском соглашении об учреждении Всемирной торговой организации (далее – ВТО), а также в отдельных региональных договорах, таких как Договор о создании Евразийского экономического союза. Помимо этого, существуют национально-правовые нормы, в том числе имплементированные на основании норм международного права, в частности Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма, финансированию распространения оружия массового уничтожения Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ), которые могут в значительной степени отличаться от предписанных международными документами. Обозначенное отличие может проявляться в некорректном переводе, в конечном счете не имеющим влияния на правоприменительную практику, однако, существуют коллизии имплементации норм международных договоров, вследствие которых искажается функциональная сущность нормы права, ее содержание и пределы применения.

В целом, по мнению исследователей из Килского университета Марио Проста и Пола Кингсли Кларка, такая ситуация прежде всего связана с глубинными процессами фундаментальной трансформации системы международного права, вызванной ростом количества усложняющих друг друга взаимообусловленных правовых норм, усилением обособленности различных сфер и отраслей права, увеличением числа международных организаций и интеграционных объединений [8]. Проблема фрагментации международного права стала довольно очевидной, когда Генеральная Ассамблея ООН поручила Комиссии международного права изучить риски, возникающие в результате фрагментации международно-правовой системы. Необходимо отметить, что фрагментационные процессы по общему правилу считаются опасными по многим различным причинам. В числе прочего, в своих изысканиях представитель Комиссии международного права Пеммараджу Сриниваса Рао полагает, что они создают правовую неопределенность нарушающую общую системность и согласованность всего международного правопорядка [9], однако, по мнению ряда ученых, таких как сотрудник Центра торговли и экономической интеграции Института международных исследований и развития Йост Паувелин, фрагментацию можно рассматривать, как относительно «здоровое» проявление эволюции системы международного права настоящего времени, поскольку она может способствовать развитию специализированных областей международного права и обеспечить обновление и улучшение эффективности его правоприменения.

менительных походов в конкретных ситуациях [10]. Кроме того, в своих работах они отстаивают тезис, что происходит не фрагментация системы международного права, а его развитие влекущее расширение многообразия, поскольку сама децентрализованная основа международного права делает его по своей сути неоднородным, что не должно рассматриваться в негативном ключе. Более того, Кристофер Гринвуд утверждает, что существует множество примеров, свидетельствующих о том, что система международного права сохраняет свою монолитность, несмотря на существование различных независимых судов и трибуналов, поскольку существует определенная последовательность в их решениях, а также то, что во многом они опираются на правовые позиции друг друга [11].

Возвращаясь к анализу проектной инициативы, необходимо отметить, что не смотря на то, что этому проекту немногим более 10 лет, его существование непосредственно связано с фрагментационными процессами в международно-правовой системе, поскольку, как утверждает Эрнст-Ульрих Петерсманн, Китайская Народная Республика, как создатель данной проектной инициативы, придерживается идеи о совмещении разнообразных и взаимодополняющих методов урегулирования правовых споров, в которых подчеркиваются преимущества политических методов над судебными [6]. Данный подход, по мнению отдельных исследователей, может послужить в качестве одной из причин фрагментации международно-правовой системы, поскольку в отсутствии единого органа по разрешению правовых споров, суверенные государства и частные лица смогут использовать различные методы и подходы к толкованию права и формированию правоприменительной практики. Абсолютно разные механизмы разрешения правовых споров непременно повлекут возникновение проблемы форум шопинга. В исследованиях проектной инициативы отмечается, что до сих пор Китайской Народной Республикой предпринято непозволительно мало конкретных шагов в отношении некоего единства и сближения различных правовых систем. Такая ситуация вызывает вопросы, поскольку создание единой системы позволяет государствам взаимодействовать в рамках существующих ограничений международного экономического права. В контексте проектной инициативы, как считают Ювэнь Ли и Чэн Бянь, применение более институционального подхода могло бы стать способом, посредством которого, можно было бы заверить участников бизнес-проектов, связанных с реализацией проектной инициативы, в том, что правовые основы проекта, в частности такие как обеспечение соблюдения законных прав и интересов инвестора, доступная защита инвестиций, развиваются гармонично по отношению к существующим международным аналогам [5]. Таким образом, необходимо не просто осуществить анализ перспектив создания единого механизма разрешения правовых споров, но и проанализировать роль проектной инициативы в контексте фрагмен-

тации международно-правовой системы и способов ее преодоления.

Правовая фрагментация, по мнению Мадса Анденаса и Эйрика Бьорге, обычно рассматривается в трех различных формах: материально-правовая фрагментация, институциональная фрагментация и методологическая фрагментация [12]. В связи с этим, применительно к урегулированию правовых споров в рамках проектной инициативы очевидно существование всех перечисленных форм. Во-первых, в проектной инициативе существует материально-правовая фрагментация, поскольку правовые нормы инициативы формально не могут быть идентифицированы, в связи с тем, что она опирается на смесь взаимообусловленных обязательных и рекомендательных норм права. Во-вторых, существует неотъемлемая институциональная фрагментация, поскольку не существует признанной формальной правовой структуры проектной инициативы или какого-либо механизма разрешения правовых споров. В-третьих, методологическая фрагментация также широко распространена в рамках проектной инициативы, поскольку не все государства-участники проектной инициативы имеют ДИД с Китайской Народной Республикой, являются членами Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (далее – МЦУИС) и (или) членами Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года.

В то же время существует проблема современного международного права, которая вытекает из сущности концепции единства правовой системы. Согласно данному подходу, международное право на протяжении долгого времени было последовательным, интегрированным и единым сводом правовых норм. Впоследствии с появлением международных организаций и различных судебных органов, как утверждает исследователями, прежнее единство системы международного права находится под угрозой фрагментации на самоизолированные и отдельные нормы в каждой области правоотношений, что может повлечь возникновение правовой неопределенности и несогласованности во всей международно-правовой системе. В определенном смысле можно сказать, что в рамках проектной инициативы существует определенное «единство правовых норм», обусловленное их отсутствием по большинству вопросов – от разрешения правовых споров, до вопросов членства суверенных государств. В то же время, такое «единство» не является единством международно-правовой системы в традиционном смысле, которое требует наличия коллективной системы, вырабатывающей последовательные и согласованные правовые нормы. С учетом изложенного, некая «скелетообразная» структура проектной инициативы, способствующая увеличению числа арбитражей по урегулированию правовых споров, по нашему мнению, способствовала усилению фрагментации системы международного права.

Проектная инициатива по-прежнему вызывает у исследователей больше вопросов, чем дает ответов. Особенно, это проявляется в контексте урегулирования правовых споров, в которых, по мнению Жюльена Чейса и Манзура Ахмада, существует огромное количество концептуальных недостатков. В то же время, Сунгджин Кан полагает, что проектная инициатива не уникальна с точки зрения наличия таких недостатков, например, схожим «международным организациям» потребовались десятилетия, чтобы нормы права обрели полностью институционализированный и оформленный вид. Отметим, что ВТО образованное в 1995 году, имело почти полувековой опыт существования и применения Генерального соглашения по тарифам и торговле [13].

Относительно урегулирования правовых споров в рамках проектной инициативы, то следствием таких концептуальных недостатков, даже если они возникли преднамеренно, является то, что правовая структура проектной инициативы остается неопределенной и, как считают Дэниел Р. Рассели и Бергер Б., совсем неудивительным является тот факт, что это повлекло значительный рост количества критических замечаний в адрес китайского подхода, так как отдельные бизнес-проекты, связанные с проектной инициативой, породили целый ряд взаимосвязанных проблем, включая противоречия, связанные с порядком их финансирования, коррупцией, компенсацией ущерба окружающей среде и многие другие [14]. Несмотря на присущий исследователю Хэн Ванг «творческого» подхода, связанного с интерпретацией проектной инициативы в качестве некой «сети международных хабов» или в качестве «трехвекторного-институционально-механического или двухвекторного-нормативного подхода» [15], такая структура не может стать удовлетворительной заменой прямым формальным правовым источникам по причине отсутствия правовой определенности – основы верховенства международного права.

По мнению Цзэн Линляна, с правовой точки зрения невозможно однозначно определить данную проектную инициативу и поэтому остается неурегулированной ее правовая сущность. Кроме того, с одной стороны проектная инициатива представляет собой некую принципиально новую форму глобального управления основанную на отдельных элементах региональной экономической интеграции, а с другой стороны, в определенной степени напоминает систему партнерских правоотношений между суверенными государствами [3]. Кроме того, обращаем внимание, что проектная инициатива не является эксклюзивной формой сотрудничества из которой только непосредственные участники могут извлечь выгоду (подобно различным интеграционным объединениям), в рамках которой поощряется использование существующих двусторонних и многосторонних механизмов сотрудничества для продвижения развития самой проектной инициативы и укрепления основ регионального сотрудничества.

Кроме того, несмотря на формальное существование официального перечня государств-участников проектной инициативы [16], не существует никаких конкретных правовых оснований препятствующих включению или вовлечению того или иного суверенного государства в данный перечень. Отсутствие таких ограничительных рамок размывает предъявляемые для потенциального членства критерии к государствам, желающим примкнуть к проектной инициативе. Данное обстоятельство выгодно отличает проектную инициативу по сравнению с жестко урегулированной правовой процедурой отбора в членство в таких глобальных международных организациях, как Всемирная торговая организация и Международный валютный фонд. На практике, по мнению Ольги Болтенко, это означает, что не существует никаких функциональных различий между государствами, которые полноправно участвуют в данной проектной инициативе и государствами, которые в ней не участвуют [17]. Более того, поскольку отсутствует рамочный документ или многосторонний договор по проектной инициативе неизвестно каким образом возможно определить причисление конкретного государства к числу участников проектной инициативы.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что проектная инициатива представляет собой «форум для всех желающих», позволяющий любым суверенным государствам принять в ней участие в любой момент времени, а также приостановить и (или) покинуть реализацию проектной инициативы, если иное не предусмотрено в рамках исполнения отдельных договорных обязательств, связанных с исполнением обязательств по кредитным контрактам (включая синдицированные кредитные контракты), строительные контракты «полного цикла» и иные обязательства. В связи с этим стоит выделить еще один концептуальный недостаток данной проектной инициативы, как с точки зрения самой проектной инициативы, так и с точки зрения урегулирования правовых споров в рамках исполнения принятых обязательств, который состоит в отсутствии конкретных правовых критериев членства. Следовательно, невозможно однозначно определить субъектный состав проектной инициативы, а также четко обозначить сроки принятия на себя соответствующих обязательств, их последующего исполнения (приостановления), что вносит неопределенность в урегулирование правовых споров в рамках реализации названной проектной инициативы, в том числе основанных на предоставлении государствами-участниками по отношению к друг другу специальных налоговых и таможенных режимов, механизмов снижения административной нагрузки, а также предоставлении иных различных льгот и преференций, в том числе режима наибольшего благоприятствования в торговле.

Кроме того, стоит учитывать, что такая неопределенность, по мнению Эрнста-Ульриха Петерсмана, в первую очередь связана с тем, что предлагается около семи различных официальных механизмов разрешения правовых споров в рам-

ках проектной инициативы, что может привести к возникновению ранее обозначенной проблемы – форум шопинга [6]. Более того, поскольку создание универсального и эффективного механизма по разрешению правовых споров, который бы подходил абсолютно всем государствам-участникам данной проектной инициативы, учитывая их существенные различия по уровню экономического развития и несовпадению регулирования в национальных правовых системах, оказалось невозможным, государствам-участникам различных бизнес-проектов в рамках данной проектной инициативы приходится обходиться без специализированных посредников, специальных систем разрешения правовых споров, а также необходимых механизмов принудительного исполнения контрактных обязательств, в том числе в рамках внешнеэкономических контрактов. Данное положение может поставить под угрозу связанные с проектной инициативой крупные инвестиционные проекты, реализуемые на территории отдельных государств, и, как утверждает Ольга Болтенко, если соответствующая институциональная структура по разрешению правовых споров не будет создана в ближайшее время, то это поставит под удар реализацию всей проектной инициативы [17].

С учетом вышеизложенного, необходимо отметить, что существующие шаги по формированию подходов по противодействию фрагментации системы норм международного права и попытки гармонизации норм материального права и правоприменительной практики в государствах-участниках проектной инициативы находятся на начальной стадии. Кроме того, фактическое закрепление в системе норм международного права обязательства суверенных государств по обеспечению гармонизации и систематизации материального права и правоприменительной практики в рамках реализации проектной инициативы способно нарушить существующий баланс интересов субъектов международного права, поскольку ввиду концептуального обособления правовых подходов и норм в национальном законодательстве государств-участников проектной инициативы, действующих в рамках различных по своему происхождению правовых систем достижение консенсуса по всем спорным правовым вопросам не представляется возможным. Представляется возможным разрешить возникающие противоречия в подходах к толкованию норм права и обеспечить единообразные подходы по противодействию фрагментации норм системы международного права при реализации проектной инициативы исключительно посредством полноценной экономической интеграции, проявляющейся в рецепции и имплементации единых подходов в отдельных отраслях права государств-участников проектной инициативы.

Литература

1. Working Paper Series. The macroeconomic effects of global supply chain reorientation. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2903~8bc715c800.en.pdf> (data of access: 20.08.2024)
2. Erie M. (2020) The new legal hubs: the emergent landscape of international commercial dispute resolution. *Va J Int Law* 59:25–30
3. Liangliang Z. (2016) Conceptual analysis of China's Belt and Road Initiative: a road towards a regional community of common destiny. *Chin J Int Law* 15:517–541
4. Wang H. (2019a) China's approach to the Belt and Road Initiative: scope, character and sustainability. *J Int Econ Law* 22:29–55, p. 43
5. Liu Y., Bian C. (2020) China's stance on investor-state dispute settlement: evolution, challenges, and reform options. *Neth Int Law Rev* 67:503–551
6. Petersmann E. (2020) International settlement of trade and investment disputes over Chinese 'Silk Road projects' inside the European Union. *European University Institute Working Papers*, February 2020, pp. 6–7.
7. Dahlan M. (2018) Dimensions of the New Belt and Road international order: an analysis of the emerging legal norms and a conceptualisation of the regulation of disputes. *Beijing Law Rev* 9:87–112, p. 109.
8. Prost M., Clark P. (2006) Unity, diversity and the fragmentation of international law: how much does the multiplication of international organizations really matter? *Chin J Int Law* 5:341–370, p. 342
9. Rao P. (2004) Multiple international judicial forums: a reflection of the growing strength of international law or its fragmentation? *Mich J Int Law* 25:929–962, p. 931–932
10. Pauwelyn J. (2004) Bridging fragmentation and unity: international law as a universe of interconnected islands. *Mich J Int Law* 25:903–916; Hafner G (2004) Pros and cons ensuing from fragmentation of international law. *Mich J Int Law* 25:849–863
11. Greenwood C. (2015) Unity and diversity in international law. In: An den assem, Jorge E (eds) *A farewell to fragmentation: reassertion and convergence in international law*. Cambridge University Press, Cambridge, pp 37–55, p. 39
12. Andenes M., Bjorge E. (2015) Introduction: from fragmentation to convergence in international law. In: Andenes M, Bjorge E (eds) *A farewell to fragmentation: reassertion and convergence in international Law*. Cambridge University Press, Cambridge
13. Kang S. (2017) One Belt, One Road initiative into a new regional trade agreement: implication to the WTO dispute settlement system. *Transnatl Disput Manag* 3:1–12
14. Russel D.R., Berger B. (2019) Navigating the Belt and Road Initiative. A report of the Asia Society Policy Institute
15. Wang H. (2019a) China's approach to the Belt and Road Initiative: scope, character and sustainability. *J Int Econ Law* 22:29–55

16. Belt and Road Portal. Official site. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/>. (дата обращения: 20.08.2024)
17. Boltenko O. (2017) Resolving disputes along the Belt and Road: are the battle lines drawn? *Asian Disput Rev* 19:190–196, p. 192

FRAGMENTATION OF INTERNATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF THE SETTLEMENT OF LEGAL DISPUTES IN THE IMPLEMENTATION OF THE «ONE BELT– ONE ROAD» PROJECT

Chuvakhin P.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the problems of fragmentation of international law. Currently, there are stable trends in maintaining geopolitical tensions due to the spread of the mechanism of direct or indirect participation of sovereign states in investment projects. When implementing such projects, the sovereign immunities of the State are limited by the States themselves and international organizations within the framework of their contractual obligations, which gives rise to subsequent legal conflicts and disputes based on the interpretation of international law in the context of legal relations between subjects of international law in the implementation of investment projects, including those aimed at achieving economic sovereignty and State security. The implementation of the initiative to continue and develop the spirit of the ancient Silk Road “One Belt and One Road” within the framework of the Chinese Silk Road Economic Belt project serves as an actual example of the recent years of the implementation of such project interaction.

Keywords: fragmentation of international law, the “One Belt and One Road” project, arbitration, bilateral investment agreements, the concept of “forum shopping”

References

1. Working Paper Series. The macroeconomic effects of global supply chain reorientation. URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2903~8bc715c800.en.pdf> (data of access: 20.08.2024)
2. Erie M. (2020) The new legal hubs: the emergent landscape of international commercial dispute resolution. *Va J Int Law* 59:25–30
3. Liangliang Z. (2016) Conceptual analysis of China’s Belt and Road Initiative: a road towards a regional community of common destiny. *Chin J Int Law* 15:517–541

4. Wang H. (2019a) China’s approach to the Belt and Road Initiative: scope, character and sustainability. *J Int Econ Law* 22:29–55, p. 43
5. Liu Y., Bian C. (2020) China’s stance on investor-state dispute settlement: evolution, challenges, and reform options. *Neth Int Law Rev* 67:503–551
6. Petersmann E. (2020) International settlement of trade and investment disputes over Chinese ‘Silk Road projects’ inside the European Union. *European University Institute Working Papers*, February 2020, pp. 6–7.
7. Dahlan M. (2018) Dimensions of the New Belt and Road international order: an analysis of the emerging legal norms and a conceptualisation of the regulation of disputes. *Beijing Law Rev* 9:87–112, p. 109.
8. Prost M., Clark P. (2006) Unity, diversity and the fragmentation of international law: how much does the multiplication of international organizations really matter? *Chin J Int Law* 5:341–370, p. 342
9. Rao P. (2004) Multiple international judicial forums: a reflection of the growing strength of international law or its fragmentation? *Mich J Int Law* 25:929–962, p. 931–932
10. Pauwelyn J. (2004) Bridging fragmentation and unity: international law as a universe of inter-connected islands. *Mich J Int Law* 25:903–916; Hafner G (2004) Pros and cons ensuing from fragmentation of international law. *Mich J Int Law* 25:849–863
11. Greenwood C. (2015) Unity and diversity in international law. In: An den assem, Jorge E (eds) *A farewell to fragmentation: reassertion and convergence in international law*. Cambridge University Press, Cambridge, pp 37–55, p. 39
12. Andenes M., Bjorge E. (2015) Introduction: from fragmentation to convergence in international law. In: Andenes M, Bjorge E (eds) *A farewell to fragmentation: reassertion and convergence in international Law*. Cambridge University Press, Cambridge
13. Kang S. (2017) One Belt, One Road initiative into a new regional trade agreement: implication to the WTO dispute settlement system. *Transnatl Disput Manag* 3:1–12
14. Russel D.R., Berger B. (2019) Navigating the Belt and Road Initiative. A report of the Asia Society Policy Institute
15. Wang H. (2019a) China’s approach to the Belt and Road Initiative: scope, character and sustainability. *J Int Econ Law* 22:29–55
16. Belt and Road Portal. Official site. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/>. (дата обращения: 20.08.2024)
17. Boltenko O. (2017) Resolving disputes along the Belt and Road: are the battle lines drawn? *Asian Disput Rev* 19:190–196, p. 192

Специфика расчетов цифровыми рублями: новый этап в развитии валютного законодательства

Чернякова Светлана Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юридических дисциплин, Филиал ЧОУВО Московский университет имени С.Ю. Витте (филиал в Сергиевом Посаде)
E-mail: ChernaykovaS@mail.ru

В статье рассмотрены основные положения, представленные в тексте Федерального закона № 339ФЗ и Федерального закона № 340-ФЗ. Сделан вывод о том, что два акта стали базисом для масштабной денежной реформы, связанной с введением в гражданско-правовой оборот категории «цифровой рубль». Определена сущность и ключевые параметры цифрового рубля. Цифровой рубль определяется с разных позиций: как цифровая форма национальной валюты, как электронное обязательство Банка России, как средство платежа, как мера счета, сохранения стоимости. Обозначены права, компетенции и обязанности Банка России в отношении цифрового рубля. Описана двухуровневая модель эмиссии и обращения цифрового рубля, согласно представленной в 2021 г. Концепции цифрового рубля. Перечислены субъекты, принимающие участие в работе платформы цифрового рубля. Представлены типы операций с цифровым рублем на платформе, осуществляемых банками-посредниками под руководством Банка России. Сделаны выводы о наличии потенциально проблемных аспектов использования цифрового рубля в гражданско-правовых сделках.

Ключевые слова: цифровой рубль, платформа цифрового рубля, расчеты, безналичные расчеты, цифровая валюта, Банк России.

Одним из ключевых направлений развития правового регулирования общественных правоотношений выступает установление принципов и правил проведения наличных и безналичных расчетов по гражданско-правовым сделкам. Российское законодательство довольно подробно описывает специфические черты расчетов наличными и безналичными средствами. Так, к примеру, положения п. 1 ст. 861 Гражданского Кодекса Российской Федерации содержат указание на то, что расчеты, «не связанные с осуществлением ими предпринимательской деятельности, могут производиться наличными деньгами без ограничения суммы или в безналичном порядке» [4]. Кроме того, порядок осуществления наличных и безналичных расчетов фиксируется различными нормативными актами Банка России (Указание Банка России от 11 марта 2014 года № 3210-У «О порядке ведения кассовых операций юридическими лицами и упрощенном порядке ведения кассовых операций индивидуальными предпрятиями и субъектами малого предпринимательства»; Положение Банка России от 29 июня 2021 года № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» и др.) [3, с. 95].

В последние годы ведутся активные дискуссии о новой разновидности расчетов – расчетов цифровыми рублями. В конце 2022 г. на рассмотрение Государственной Думы были внесены законопроекты № 2708388 и № 2708528, где были представлены принципы регулирования обращения цифрового рубля. К середине 2023 г. одна из этих законотворческих инициатив получила реализацию в виде Федерального закона № 339ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [9]. Кроме того, впоследствии был утвержден Федеральный закон Российской Федерации № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10]. Законы № 339ФЗ и № 340-ФЗ повлекли за собой ряд изменений в существующем законодательном массиве – в Гражданском Кодексе, в Федеральном законе от 27.06.2011 № 161ФЗ «О национальной платежной системе», в Федеральном законе от 10.07.2002 № 86ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», в Федеральном законе от 02.12.1990 № 3951 «О банках и банковской деятельности» и др. [8, с. 22]. Два этих акта фактически стали базисом для масштабной денежной реформы, связанной с введением

в гражданско-правовой оборот категории «цифровой рубль».

В новой редакции Гражданского Кодекса отмечается (п. 3 ст. 861 и ст. 862), что расчеты цифровыми рублями представляют собой безналичные расчеты, реализуемые в особой форме – посредством цифрового рубля в рамках специальной платформы [4].

Цифровой рубль, согласно официальным заявлениям Банка России, должен выступить третьей формой российской валюты, циркулирующей в дополнение к существующим формам денег. Цифровой рубль, по мнению исследователей-правоведов, являет собой цифровую форму национальной валюты, а также электронное обязательство Банка России, средство платежа, меру счета, сохранения стоимости [2, с. 11]. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ особенно акцентирует идею об обязательственной природе цифрового рубля: текст Закона гласит, что запись о цифровых рублях выражает объем обязательств оператора платформы перед пользователями [11].

Положения Федерального закона № 340-ФЗ указывают, что Банк России сохраняет за собой контрольную функцию над тем сегментом финансовых и гражданско-правовых отношений, в котором будут циркулировать цифровые рубли. Так, в сферу компетенции Банка России входит фиксация и обновление правил, согласно которым функционирует платформа цифрового рубля; предоставляет другим субъектам доступ к платформе; учитывает цифровые рубли пользователей и формирует записи об объеме цифровых рублей; осуществляет перевод цифровых рублей посредством платформы [3, с. 98].

Цифровые рубли сохраняются в персональных кошельках в Банке России. Коммерческие и государственные банки будут выполнять посредническую функцию и открывать эти кошельки по запросу пользователей. Управление средствами в цифровых рублях будет осуществляться посредством мобильных банковских приложений. Планируется, что цифровой рубль сможет выполнять функцию обычного платежного средства – как в рамках предпринимательской деятельности, так и при расчете между гражданами, а также при оплате покупок и услуг [3, с. 98].

Цифровой рубль будет подлежать обмену на наличные или безналичные денежные средства без процесса конвертации. Тем не менее, функционал цифрового рубля как денег несколько ограничен в сравнении с другими формами рубля: так, отмечается, что цифровой рубль не может быть привлечен во вклады (депозиты). Кроме того, кредиты в цифровых рублях также не выдаются, а процент на остаток на счете клиента платформы – не начисляется.

Тот факт, что кредитование счетов в цифровых рублях запрещается новыми положениями законодательства, обусловлен стремлением к защите интересов участников банковского сектора – при

наличии счетов в цифровых рублях возникнет потребность выплаты процентов по цифровым рублям и Банк России будет «конкурировать» с коммерческими банками за ликвидность или за услуги кредитования.

Гражданско-правовые отношения, связанные с обращением цифрового рубля, будут функционировать на основе договорных принципов: речь идет о том, что в основе взаимоотношений между всеми субъектами финансовой системы, использующими цифровой рубль, будет находиться договор счета цифрового рубля. По условиям договора оператор платформы цифрового рубля принимает на себя обязательства по зачислению цифрового рубля, поступающие счет пользователя, списывать цифровые рубли со счета, выполнять распоряжения пользователей о совершении операций с цифровыми рублями. Цифровой рубль, таким образом, выступает обязательством Банка России, выраженным в цифровой форме и соотносимым с национальной валютой – рублем.

Обновленная редакция п. 7 ст. 845 Гражданского Кодекса гласит: договор счета цифрового рубля представляет собой разновидность договора банковского счета, к которому применяются общие положения о договоре банковского счета [4].

Система эмиссии и обращения цифрового рубля, согласно представленной в 2021 г. Концепции цифрового рубля, имеет в основе двухуровневую модель. Первый уровень представлен Банком России, выполняющий, как отмечено выше, обязанность по созданию и обеспечению функционирования платформы, по эмиссии цифрового рубля [7, с. 13], а также по установлению правил осуществления операций с цифровым рублем. Второй уровень представлен финансовыми организациями и Федеральным казначейством. Финансовые организации играют роль посредников, выполняющих платежи и переводы по поручению пользователей [1, с. 120]. Федеральное казначейство – специальный субъект, ответственный за осуществление операций с цифровым рублем в рамках финансирования деятельности бюджетных организаций [1, с. 121]. Как следует из вышеизложенного, система подразумевает участие трех видов субъектов: (1) оператор – Банк России; (2) участники платформы – операторы по переводу денежных средств, финансовые организации и банки, в т.ч. иностранные; (3) пользователи платформы цифрового рубля.

Банки-посредники будут направлять в адрес Банка России поручения о следующих типах операций (Рисунок 1).

Основные принципы совершения операций с цифровыми рублями представлены в Ст. 7 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 19.12.2023 г.) «О национальной платежной системе» (с изм. и доп. от 25.07.2024 г.). Согласно положениям официальной нормативной документации Банка России, осуществление транзакций посредством цифровых рублей будет сопряжено с процедурой двойной проверки: коммерческий

банк-посредством перед отправкой платежного поручения Банку России должен будет проверить информацию о плательщике, назначении платежа и получателе; аналогичную процедуру должен будет осуществлять и Банк России. Так, согласно Ст. 7.10 Федерального закона № 340-ФЗ, оператор платформы цифрового рубля обязан удостовериться в праве пользователя платформы цифрового рубля распоряжаться остатком цифровых рублей [10].

Рис. 1. Типы операций с цифровым рублем на платформе, осуществляемых банками-посредниками под руководством Банка России

Примечание: источник – собственная разработка с использованием материалов [5, с. 46]

Цифровой рубль, как отмечают юристы, следует считать одним из видов имущества физического или юридического лица, индивидуального предпринимателя – следовательно, в отношении счета на платформе цифрового рубля можно будет реализовать процедуру взыскания со стороны правоохранительных и иных органов. В ситуации ликвидации компании или продаже имущества физического лица, признанного банкротом, цифровые рубли будут зачисляться на счет должника. Если в ходе реализации исполнительного производства по компенсации долгов банкрота окажется, что средств – наличных и безналичных – для исполнения не хватает, приставы получают право взыскать цифровые рубли, сохраняющиеся на счету цифровой платформы. В этих целях представитель Федеральной службы судебных приставов будет должен направить постановление в адрес Банка России, который, в свою очередь, переведет цифровые средства должника на депозитный счет службы.

Цифровые рубли, кроме того, можно будет использовать в гражданско-правовых сделках, наследовать и использовать при разделе имущества. Следовательно, новый вид национальной валюты еще предстоит учесть в договорном и семейном праве.

Следует отметить, что внедрение цифрового рубля в массовый оборот потенциально может сгенерировать риск оттока средств с банковских вкладов российских банков. В данной связи Банк России, по всей вероятности, будет устанавливать для пользователей платформ обязательства по лимитам накопления цифровых рублей на счете. Кроме того, планируется, что коммерческие банки смогут получать за операции с цифровым рублем комиссионное вознаграждение, а Банк России, в свою очередь, будет обязан устанавливать их минимальные и максимальные объемы.

В перечень прав, которыми наделяются пользователи платформы цифрового рубля, входят: право на совершение операций с цифровым рублем; право на защиту персональных данных, переданных в электронную инфраструктуру платформы, право на направление запросов и претензий в адрес оператора. Данным правам корреспондирует обязанность пользователя соблюдать правила платформы [8, с. 30].

Банк России, помимо прочего, наделяется правом дифференцировать счета цифрового рубля в зависимости от правового статуса пользователей или осуществляемого ими вида деятельности. Уточненный перечень типов субъектов (пользователей, операторов, участников и проч.) будет представлен до конца 2024 г. Банком России.

Возможно, в перспективе экосистема цифрового рубля откроется для трансграничных операций и, таким образом, в ней примут участие иностранные участники. На сегодняшний день ведутся дискуссии на предмет допуска к платформе нерезидентов; Банк России в таком случае будет взаимодействовать с оператором платформы цифровой валюты иностранного государства.

Внедрение цифрового рубля в массовую практику планируется с 2025 г. [3, с. 98]. В 2024 г. планируется апробировать первые расчеты между физическими лицами, далее в число участников будут подключены банки, а к 2025 г. небанковские организации. Среди «пилотных» банков называют Сбербанк, ВТБ, Альфа-банк, Т-Банк, Газпромбанк, Росбанк, Промсвязьбанк, Совкомбанк, «Ак Барс», «Дом.РФ», «Синара», «Союз», ТКБ, МТС-банк и КИВИ Банк. В августе 2024 г. было запущено несколько проектов по тестированию расчетов цифровыми рублями. Цифровые рубли для расчетов были выделены клиентам 13 банков: около 600 физическим лицам и 30 юридическим лицам. Постепенно круг пользователей расширится, как и расширится перечень операций, которые можно будет осуществлять используя цифровой рубль [6].

В заключение представим потенциально проблемные аспекты использования цифрового рубля в гражданско-правовых сделках. Безусловно, использование цифрового рубля в гражданско-правовых сделках представляет собой инновацию, которая способна существенно изменить правовую и экономическую реальность в нашей стране. Вопросы, касающиеся правовой квалификации цифрового рубля и спектра сделок и транзакций, в которых его можно будет применить, требуют дальнейшей проработки. В частности, необходимо определить правовой статус цифровой валюты в рамках различных договоров – договоры купли-продажи, аренды, займы и другие.

При совершении сделок с участием иностранных лиц может возникнуть проблема коллизионного права – вопрос о применимом праве. Отсутствие международного признания цифрового рубля может вызвать сложности в определении прав и обязанностей сторон в случае споров, особенно если

иностранные суды не признают цифровой рубль в качестве законного средства платежа.

Кроме того, использование цифрового рубля может породить ряд проблем в области сбора и предъявления доказательств в судебных спорах. Например, могут возникнуть затруднения в подтверждении факта оплаты или её объема при отсутствии стандартных документов (выписок по счету, квитанций и проч.). Кроме того, судебная практика по делам, связанным с цифровыми валютами, только формируется, и отсутствует достаточный массив прецедентов для разрешения потенциальных правовых вопросов.

В случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств (например, при признании сделки недействительной), вопросы возврата цифрового рубля могут быть осложнены. В частности, если одна из сторон утратит доступ к своему электронному кошельку или платформа окажется недоступной, это может затруднить реституцию и защиту прав потерпевшей стороны.

Еще одна проблема заключается в неопределенности налоговых последствий транзакций с цифровыми рублями. В частности, могут возникнуть сложности с учетом таких операций в бухгалтерском учете и определением налоговой базы. Все требует адаптации налогового законодательства и разработки специальных правил учета для цифровых валют.

Возможно, в будущем потребуются внесение изменений в действующее законодательство, которые учтут особенности цифрового рубля и функционирования платформы в реальных контекстах правоприменительной практики. Для успешной реализации проекта по «оцифровке» национальной валюты требуется комплексный подход, включающий как правовые, так и технические меры, направленные на минимизацию рисков и максимизацию преимуществ цифрового рубля.

Литература

1. Андрианова, Н.Г. Цифровой рубль: финансово-правовые особенности порядка обращения / Н.Г. Андрианова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 2. – С. 117–123.
2. Василевская, Л.Ю. Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему / Л.Ю. Василевская // Lex Russica. – 2023. – № 1 (194). – С. 9–19.
3. Вильданова, М.М. Особенности правового регулирования расчетов в наличной и безналичной формах в России / М.М. Вильданова // Право и практика. – 2023. – № 3. – С. 93–100.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – Дата доступа: 29.08.2024.
5. Дробышевский, С.М. Правила и последствия внедрения цифрового рубля / С.М. Дробышевский, Е.В. Синельникова-Мурылева // Экономическое развитие России. – 2023. – № 8. – С. 45–50.
6. Микони, Т. Цифровой рубль: эволюция или революция в сфере расчетов / Т. Микони [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/opinion/249850/>. – Дата доступа: 29.08.2024.
7. Руденко, Т.Ю. Проблемы применения новых технологий в гражданском обороте России, отдельных зарубежных стран и генезис новелл отечественного законодательства / Т.Ю. Руденко // Известия ТулГ У. Экономические и юридические науки. – 2024. – № 2. – С. 9–15.
8. Ситник, А.А. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования / А.А. Ситник // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 8 (153). – С. 20–36.
9. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 24.07.2023 № 339-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452638/. – Дата доступа: 29.08.2024.
10. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.07.2023 № 340-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452645/. – Дата доступа: 29.08.2024.
11. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/. – Дата доступа: 29.08.2024.

SPECIFICITY OF SETTLEMENTS IN DIGITAL RUBLES: A NEW STAGE IN THE DEVELOPMENT OF CURRENCY LEGISLATION

Chernyakova S.A.

Branch of the ChOUVO Moscow University named after S. Yu. Witte (branch in Sergiev Posad)

The article examines the main provisions presented in the text of Federal Law No. 339-FZ and Federal Law No. 340-FZ. It is concluded that these two acts formed the basis for a large-scale monetary reform associated with the introduction of the category of digital ruble into civil law. The essence and key parameters of the digital ruble are determined. The digital ruble is defined from various points of view: as a digital form of the national currency, as an electronic obligation of the Bank of Russia, as a means of payment, as a measure of account, a store of value. The rights, competencies and obligations of the Bank of Russia in relation to the digital ruble are outlined. A two-tier model of the issue and circulation of the digital ruble is described, in accordance with the Concept of the Digital Ruble presented in 2021. The entities participating in the operation of the digital ruble platform are listed. The types of transactions with the digital ruble on the platform carried out by intermediary banks under the guidance of the Bank of Russia are presented. Conclusions are made about the presence of potentially problematic aspects of using the digital ruble in civil transactions.

Keywords: digital ruble, digital ruble platform, settlements, non-cash settlements, digital currency, Bank of Russia.

References

1. Andrianova, N.G. Digital ruble: financial and legal features of the circulation procedure / N.G. Andrianova // Legal policy and legal life. – 2024. – No. 2. – P. 117–123.

2. Vasilevskaya, L. Yu. Digital ruble: a civilian view of the problem / L. Yu. Vasilevskaya // Lex Russica. – 2023. – No. 1 (194). – P. 9–19.
3. Vildanova, M.M. Features of legal regulation of settlements in cash and non-cash forms in Russia / M.M. Vildanova // Law and Practice. – 2023. – No. 3. – P. 93–100.
4. Civil Code of the Russian Federation // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – Access date: 08/29/2024.
5. Drobyshevsky, S.M. Rules and consequences of the introduction of the digital ruble / S.M. Drobyshevsky, E.V. Sinelnikova-Muryleva // Economic development of Russia. – 2023. – No. 8. – P. 45–50.
6. Mikoni, T. Digital ruble: evolution or revolution in the field of settlements / T. Mikoni [Electronic resource]. – Access mode: <https://pravo.ru/opinion/249850/>. – Access date: 08/29/2024.
7. Rudenko, T. Yu. Problems of applying new technologies in civil circulation of Russia, certain foreign countries and the genesis of innovations in domestic legislation / T. Yu. Rudenko // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. – 2024. – No. 2. – P. 9–15.
8. Sitnik, A.A. Digital ruble as an object of financial and legal regulation / A.A. Sitnik // Actual problems of Russian law. – 2023. – No. 8 (153). – P. 20–36.
9. Federal Law “On Amendments to Articles 128 and 140 of Part One, Part Two and Articles 1128 and 1174 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation” dated July 24, 2023 No. 339-FZ // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452638/. – Access date: 08/29/2024.
10. Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated 07/24/2023 No. 340-FZ // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452645/. – Access date: 08/29/2024.
11. Federal Law “On the National Payment System” dated 06/27/2011 No. 161-FZ // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/. – Access date: 29.08.2024.

Особенности договорных отношений с участием потребителя электрической энергии на розничных рынках в условиях энергоперехода

Богданова Анастасия Юрьевна,

аспирант Центра частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: viola55555@mail.ru

Современный энергопереход – переход от ископаемых видов топлива к возобновляемым источникам энергии, связан с изменениями климата, истощаемостью источников жизнеобеспечения человечества.

Цель работы – выявление особенностей договорных отношений с участием потребителя электрической энергии на розничных рынках в условиях энергоперехода

Методы исследования: общенаучный (диалектический) метод познания, методы и приемы формальной логики (анализ, синтез, индукция, дедукция и др.), а также специальные методы познания (в том числе сравнительно-правовой, технико-юридический, системный, эмпирический, статистический).

Рассмотрено законодательство по энергоэффективности и энергосбережению, на основе теоретического обоснования отличий правовых средств и договорных конструкций обоснована договорная конструкция активных потребителей, систематизированы особенности договорных отношений, исследованы договоры энергоснабжения пассивных потребителей, на основе выявленных пробелов в типовых договорах предложены конкретные меры по их устранению

Ключевые слова: защита прав потребителей; договорные отношения; активный потребитель; электрическая энергия; договорная конструкция; особенности договорных отношений; энергопереход; розничные рынки электрической энергии; энергетическая безопасность

Развитие цивилизации, обусловленного научно-техническим прогрессом претерпело уже три энергоперехода (значительные преобразования в структуре энергопотребления), ранее: от биомассы к углю (изобретение паровых двигателей); от угля к нефти (двигатели внутреннего сгорания и нефтяное топливо); от нефти к природному газу (внедрение газовых турбин в электроэнергетике). Современный энергопереход – переход от ископаемых видов топлива к возобновляемым источникам энергии, связан с изменениями климата, истощаемостью источников жизнеобеспечения человечества – «зеленая повестка» и заключается в новой парадигме отношений потребителя с окружающей средой – целеполагание на энергосбережение и энергоэффективность. С этой целью в мировом сообществе инициировались изменения в энергетическом законодательстве как на уровне национальных, так и международных. Для потребителей энергоресурсов – мотивационные программы [6], формирующие новую модель поведения на основе системы методов и механизмов Demand Chain Management, появившегося в 90-х г. и получившего свое развитие в целом ряде работ зарубежных и отечественных авторов на базе теории управления активными системами и теории поведения потребителей.

В Российской Федерации требования по обеспечению энергосбережения и энергоэффективности на законодательном уровне закреплены в Федеральном законе от 23.11.2009 N 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Так в соответствии с ст. 13 потребляемые энергетические ресурсы подлежат обязательному учету с применением соответствующих приборов учета, ст. 14 данного Федерального закона среди основных мероприятий, направленных на повышение энергетической эффективности экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, выделяется повышение эффективности использования энергетических ресурсов в системах коммунальной инфраструктуры; сокращение потерь энергетических ресурсов при их передаче, в том числе в системах коммунальной инфраструктуры.

Так же дополнена ст 10 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 года N 2300–1 «О защите прав потребителей» обязательностью информации об энергетической эффективности товаров с целью возможности выбора потребителем более эффективного товара. Энергосбытовые организа-

ции предложили потребителю возможность управления стоимостью своего электропотребления через программы дифференцированных тарифов в зависимости от временного фактора («участие в пиковых нагрузках»). Таким образом по мере развития инновационного процесса в электроэнергетике у потребителя электрической энергии появились новые технологические возможности, а с ними и новые функции в энергосистеме – возможность ограничения своего электропотребления для выравнивания графика нагрузки энергетической системы – «потребитель-регулятор нагрузки».

Наращивание международных усилий по реализации климатической политики и ускоренному переходу к «зеленой экономике» стало внешнеполитическим вызовом энергетической безопасности нашей страны, одной из внутренних угроз энергетической безопасности – энергетический дисбаланс, в соответствии с Доктриной энергетической безопасности Российской Федерации [2] обеспечение энергетического баланса (в частности, обеспечение экономически эффективного сочетания использования систем централизованного электроснабжения с развитием распределенной генерации электрической энергии и интеллектуализацией энергетических систем), энергосбережения и как следствие гарантирование энергетической безопасности – первоочередные задачи и направления государственного и правового регулирования. Развитие электроэнергетики, основанное на децентрализации, предполагает формирование новой архитектуры энергорынка – потребителей с новым статусом – потребитель-производитель (объекты распределенной генерации с выделением микрогенерации, функционирующие на основе возобновляемых источников энергии) – продавец (возможность реализации излишков электрической энергии, произведенной на объектах микрогенерации) электрической энергии. Потребители, выбравшие отсоединение от электросети и перешедшие на полное самообеспечение не могут являться потребителями электрической энергии. Нормативная база для развития микрогенерации была сформирована с опозданием, к 2021 году т.е. Реализация электроэнергии, произведенной на объектах микрогенерации регулируется нормами Федеральный закон от 26 марта 2003 г. N 35-ФЗ «Об электроэнергетике» и Постановление Правительства РФ от 4 мая 2012 г. N 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» из смысла которых вытекает обязательность гарантирующего поставщика заключать договор купли-продажи электрической энергии с собственником (законным владельцем) объекта микрогенерации, расположенной в зоне его деятельности, таким образом законодатель гарантирует потребителю как энергоснабжение из центральной сети, так и гарантирует реализацию. Следующим важным шагом стала возможность потребителей оказывать услуги для электрической сети по изменению режима своего

потребления электрической энергии – основание – договоров оказания услуг с субъектами розничных рынков – агрегаторами управления изменением режима потребления электрической энергии.

Анализ взглядов российских исследователей показал практическое отсутствие данной проблематики в контексте потребителя. Основное целеполагание – развитие ВИЭ. А.Д. Жанэ исследуя модели энергоснабжения потребителей с точки зрения сокращения объема юридических рисков и обязательств при переходе на собственные генерации рекомендует полное отсоединением от внешней электросети [9]. Низкая экономическая привлекательность микрогенерации является сдерживающим фактором развития микрогенерации [10, 11]. Противоположную точку зрения имеет С.И. Коданева – распределенная микрогенерация имеет достаточно высокий потенциал развития [12]. Анализируя договорные отношения В.П. Камышанский [11] считает несправедливым существующий порядок ценообразования как не обеспечивающий экономическую выгоду потребителю-продавцу. С этим можно поспорить, поскольку государство обеспечивая баланс интересов субъектов гарантирует потребителю–продавцу реализацию. Кроме того, стимулом для потребителя-продавца является экономия на потерях электроэнергии в сетях, а также на выплате надбавок сетевым и сбытовым компаниям. Представляется, что потребители будут заинтересованы в использовании данных объектов в первую очередь для собственных нужд и только во вторую – для продажи энергии [12]. О.А. Символов [18] обратил внимание на положение потребителя – плательщиком за всю поддержку ВИЭ в том или ином виде является потребитель. Е.Волошина предлагает модель, в которой отсутствует посредник в виде гарантирующего поставщика заключение и исполнение договоров осуществляется с использованием цифровых технологий (в т.ч. блокчейн и смарт-контракт) [8].

Остановимся на вопросе какова природа договорных отношений с потребителем – производителем – продавцом?

Принцип научно обоснованного сочетания экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства в целях обеспечения устойчивого развития и благоприятной окружающей среды (ст. 3 Федерального закона от 10 января 2001 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды») весьма сложен в реализации из-за противоречивости, а иногда полной противоположности интересов [4,5]. Исследователи обращают внимание на необходимости поиска новых правовых средств разрешения конфликта интересов, базирующихся в конечном счете на противоречивости экологической и экономической обусловленности человеческого существования [7].

По вопросу правовых средств нет однозначного мнения среди ученых-правоведов [13]. В ходе становления инструментальной теории (инструментализм нацелен на исследование правовых средств, правил их эффективного применения в процессе

юридической деятельности) утвердилось следующее понимание правовых средств – правовые средства представляют собой субстанциональные, институционные правовые явления использование которых приводит к практическому осуществлению объективного и субъективного права [17]. Так, С.С. Алексеев утверждал, что – это юридическая реальность твердая, неизменная «юридическая наличность» (которую можно как бы «взять в руки»), так или иначе использовать [3] А.В. Малько определяет правовые средства как правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, средства – это реакция на конкретные препятствия [14]. В целом в цивилистической науке сформировалось комплексное представление о правовых средствах. Какое средство является базовым или посредством чего устанавливаются права и обязанности субъектов правоотношений, их ответственность? С помощью средств – юридические документы, к которым относится договор. Как отмечает М.Н. Марченко: «середина и особенно конец XX в. сопряжены со стремительным расширением сферы договорных отношений. Договор не только становится основным регулятором экономических отношений, но и приобретает значение универсального регулятора» [15]. Договор купли-продажи электрической энергии (мощности), произведенной на объектах микрогенерации, заключаемый между гарантирующим поставщиком и потребителем, продающим электрическую энергию, произведенную на объектах микрогенерации и не потребленную им в целях удовлетворения собственных бытовых нужд (далее – договор потребителя-продавца), в сравнении с договором энергоснабжения, заключаемый между гарантирующим поставщиком и потребителем, приобретающим электрическую энергию для удовлетворения собственных бытовых нужд (далее – договор потребителя-покупателя) имеет ряд особенностей. Так, договор потребителя-продавца является договором купли-продажи и регулируется статьей 454 ГК РФ, а договор потребителя-покупателя является договором энергоснабжения и регулируется статьей 539 ГК РФ по той причине, что оба договора имеют единый одинаковый признак – в обоих случаях слабая сторона договора (потребитель), выступая в противоположных ролях, не занимается урегулированием отношений, связанных с передачей электрической энергии, данную обязанность осуществляет гарантирующий поставщик. Реализацию электрической энергии потребителем – продавцом законодатель не отнес к предпринимательской деятельности. Также, представляется, что договор потребителя-продавца нарушает принцип равенства участников отношений, который, как отмечают исследователи состоит в равенстве исходного правового положения субъектов гражданского права, и выражается в том, что все участники гражданских правоотношений наделяются гражданской правоспособностью как определен-

ной мерой социальных возможностей в сфере применения гражданского права.

В данной юридической конструкции два правовых средства – договор энергоснабжения и договор купли-продажи. Юридическая конструкция имеет упорядоченную структуру, показывает место и роль правовых средств в правовом регулировании, существует определенный алгоритм решения задач, например, если под воздействием природных явлений возникнут проблемы с производством электроэнергии, то будут нарушены не только обязательства, но и сам продавец может остаться без электрической энергии. Договор энергоснабжения в этом случае может снизить вероятность наступления перечисленных рисков. Правовые средства содержат нормы – рассмотрение в единстве всего комплекса специальных прав, предоставленных потребителю-продавцу так же, позволяет говорить как об особой правовой конструкции. Как отмечается в научной литературе, представленная в законодательстве об электроэнергетике совокупность договоров, слабо вписывается в общепризнанные классификации [16].

Нами были проанализированы ряд договоров крупных энергосбытовых компаний. Правовой статус субъектов (ГП и потребителя) обуславливает наличие и действие принципа единства и дифференциации ответственности сторон за нарушения при энергоснабжении и ДКП. Единство проявляется в том, что к каждой из сторон применима общая мера ответственности (возмещение убытков) и некоторые специальные (например, неустойка), а дифференциация – в том, что отдельные специальные меры ответственности применяются только к исполнителю – компенсация морального вреда, либо только к потребителю – начисление пеней. ДКП в сравнении с договором энергоснабжения более детально прописан.

Так же были исследованы договоры энергоснабжения пассивных потребителей. Анализ типовых договоров энергоснабжения, выставленных на сайтах гарантирующих поставщиков, показал, что в среднем в 3 из 10 договоров установлена обязанность потребителя использовать поставляемую по указанному договору электрическую энергию только для собственных бытовых нужд, и в 1 из 10 установлена обязанность потребителя в случае ее использования для осуществления профессиональной деятельности или индивидуальной предпринимательской деятельности незамедлительно письменно уведомить гарантирующего поставщика. Исходя из того, что потребитель является слабой стороной в том числе ввиду информационной диспропорции, представляется, что указание в договоре обязанности сообщать об использовании электрической энергии в целях, отличных от бытовых, может уберечь потребителя от наступления неблагоприятных правовых последствий, связанных с незнанием об отнесении себя к группе «прочие потребители», осуществляющие профессиональную деятельность в жилом отдельно выделенном помещении, что подтверждается судебной практикой (см. определение Четвертого кассационно-

го суда общей юрисдикции от 27.10.2020 по делу N 88–25104/2020). В связи с чем нами предлагается включить в обязательные элементы договора энергоснабжения информирование о разрешенных видах использования электрической энергии и об обязанности потребителя сообщать гарантирующему поставщику об иных целях использования электрической энергии.

Безусловно, инновационное развитие отрасли должно определять вектор систематизации и обновления законодательства. В такой работе необходимо учитывать формирующиеся уязвимости и риски потребителей, возникающие с развитием технологий. Цифровизация отрасли формирует на сегодняшний момент новые риски (дистанционный несанкционированный доступ оператора к системе управления, например, к приборам учета электроэнергии потребителей и т.д.). В связи с чем нами предлагается обязать гарантирующего поставщика (сетевую компанию, исполнителя услуг при определенных условиях) оповещать потребителя смс уведомлением или по эл.почте (наличие данной информации в настоящее время является существенным условием договора):

1) о всех изменениях состояния, марки, перемещении в пространстве, техническом и технологическом состоянии индивидуального прибора учета (ИПУ), находящегося в их собственности, поскольку непередача показаний собственником имеет юридические последствия;

2) восстановить систему контроля со стороны потребителя за состоянием и показаниями ИПУ, находящимися в собственности гарантирующего поставщика (сетевой компании, исполнителя услуг при определенных условиях) в связи с тем обстоятельством, что при переходе прав собственности на ИПУ к энергетическим компаниям она утрачена.

Важно поддерживать доверие потребителей к цифровой экономике через создание адекватных механизмов защиты экономических интересов потребителей.

Литература

1. Федеральный закон от 23.11.2009 N 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 30.11.2009. N 48. Ст. 5711.
2. Указ Президента РФ от 13.05.2019 N 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 20.05.2019. N 20. Ст. 2421
3. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2002. С. 188.
4. Богданова А.Ю. Геоэкологические аспекты устойчивого развития Московского региона. Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). – М.: Издательство «Горная книга». – 2019. – № 7 (спецвыпуск 26). – 12 С;
5. Богданова А.Ю. Геоэтический подход как ключевой инструмент эффективной стратегии устойчивого развития бизнеса. 13 международная научно-практическая конференция «Новые идеи в науках о земле»- М.: МГРИ,- 2019
6. Брославский Л.И. Энергетическое право США: возобновляемые источники энергии. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020;(3):125–134 URL <https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/1070>
7. Васильева М.И. Публичные интересы в экологическом праве (Теория и практика правового регулирования): дис. ... д-ра юрид. наук.: 12.00.06. – М., 2003. – 417 с.
8. Волошина Е. Микрогенерация как шаг на пути к энергетической безопасности URL <https://zhane.ru/analitika/publikatsii/2977-mikrogeneratsiya-kak-shag-na-puti-k-energeticheskoy-bezopasnosti>
9. Жанэ А.Д. Переход розничного потребителя на собственную генерацию: юридический аспект» UR.<https://consultant.zhane.ru/news/47.htm>
10. Жанэ А.Д. Сложности микрогенерации – проблема в т.ч. правотворческая URL [tps:// https://zhane.ru/analitika/publikatsii/3217-slozhnosti-mikrogeneratsii-problema-v-tch-pravotvorcheskaya](https://zhane.ru/analitika/publikatsii/3217-slozhnosti-mikrogeneratsii-problema-v-tch-pravotvorcheskaya)
11. Камышанский В.П. О микрогенерации в российском энергетическом праве: надежды и разочарования // Власть закона. 2020. № 2(42) С. 13–17.
12. Коданева С.И. Мониторинг правоприменения Перспективы и правовые проблемы развития микрогенерации в России Мониторинг правоприменения 2021 С. 40–45
13. Лапшинов Э.В. Понятие правовых средств в правовой традиции. Аспирантский вестник М62017 г. С. 183–186
14. Малько А.В. Малько А.В. Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики. Тольятти, 1999. С. 65.
15. Проблемы теории государства и права: Учебное пособие / Под ред. М.Н. Марченко С. 356.
16. Предпринимательское право: учебник: в 2 т. (том 2) (6-е издание, переработанное и дополненное) (под ред. В.Ф. Попондопуло) («Прспект, 2023)].
17. Сапун В. А. Механизм реализации советского права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 1. С. 5.
18. Символоков О.А. Правовое обеспечение развития технологий использования возобновляемых источников энергии // Журнал российского права. 2020. № С. 53–67

FEATURES OF CONTRACTUAL RELATIONS WITH THE PARTICIPATION OF CONSUMERS OF ELECTRIC ENERGY IN RETAIL MARKETS IN TERMS OF ENERGY TRANSITION

Bogdanova A.Yu.
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Modern energy transition – the transition from fossil fuels to renewable energy sources, is associated with climate change, the exhaustion of human life support sources.

The purpose of the work is to identify the features of contractual relations with the participation of consumers of electric energy in retail markets in terms of energy transition

Research methods: general scientific (dialectical) method of cognition, methods and techniques of formal logic (analysis, synthesis, induction, deduction, etc.), as well as special methods of cognition (including comparative law, technical law, systemic, empirical, statistical).

The legislation on energy efficiency and energy saving is considered, based on the theoretical justification of the differences between legal means and contractual structures, the contractual structure of active consumers is justified, the features of contractual relations are systematized, energy supply contracts for passive consumers are investigated, specific measures to eliminate them are proposed based on the identified gaps in standard contracts

Keywords: consumer protection; contractual relations; active consumer; electric energy; contractual structure; features of contractual relations; energy transfer; retail electric energy markets; energy security

References

1. Federal Law No. 261-FZ of 11/23/2009 “On Energy Saving and on improving Energy Efficiency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // SZ RF. 11/30/2009. N 48. St.5711.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/13/2019 No. 216 “On approval of the Doctrine of Energy security of the Russian Federation” // SZ RF. 05/20/2019. N 20. St. 2421
3. Alekseev S.S. The ascent to the law. Searches and solutions. M.: Norma, 2002. p. 188.
4. Bogdanova A.Y. Geoeological aspects of sustainable development of the Moscow region. Mining Information and Analytical Bulletin (scientific and technical journal). Moscow: Gornaya Kniga Publishing House. – 2019. – No.7 (special issue 26). – 12 P.;
5. Bogdanova, A. Yu. The geo-ethical approach as a key tool for an effective strategy for sustainable business development. The 13th International scientific and practical conference “New ideas in Earth sciences” – Moscow: MGRI,- 2019
6. Broslavsky L.I. Energy law of the USA: renewable energy sources. Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA). 2020;(3):125–134 URL <https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/1070>
7. Vasilyeva M.I. Public interests in environmental law (Theory and practice of legal regulation): dis. ...Dr. Yurid. Sciences.: 12.00.06. – M., 2003. – 417 p.
8. Voloshina E. Microgeneration as a step towards energy security URL <https://zhane.ru/analitika/publikatsii/2977-mikrogeneratsiya-kak-shag-na-puti-k-energeticheskoy-bezopasnosti>
9. Zhane A.D. The transition of a retail consumer to his own generation: the legal aspect” UR.<https://consultant.zhane.ru/news/47.htm>
10. Zhane A.D. The complexity of microgeneration is a problem, including law-making URL [tps:// https://zhane.ru/analitika/publikatsii/3217-slozhnosti-mikrogeneratsii-problema-v-t-ch-pravotvorcheskaya](https://zhane.ru/analitika/publikatsii/3217-slozhnosti-mikrogeneratsii-problema-v-t-ch-pravotvorcheskaya)
11. Kamyshansky V.P. On microgeneration in Russian energy law: hopes and disappointments // The rule of law. 2020. No. 2(42) pp. 13–17.
12. Kodaneva S.I. Monitoring of law enforcement Prospects and legal problems of microgeneration development in Russia Monitoring of law enforcement 2021 pp. 40–45
13. Lapshinov E.V. The concept of legal means in the legal tradition. Postgraduate Bulletin M6 2017 – pp.183–186
14. Malko A.V. Malko A.V. New phenomena in the political and legal life of Russia: issues of theory and practice. Tolyatti, 1999. p. 65.
15. Problems of the theory of state and law: Textbook / Edited by M.N. Marchenko.P. 356.
16. Business law: textbook: in 2 volumes (volume 2) (6th edition, revised and supplemented) (edited by V.F. Popondopulo) (Prospect, 2023)].
17. Sapun V. A mechanism of the implementation of Soviet law // News of higher educational institutions. Law studies. 1988. No. 1. pp. 5.
18. Symbolokov O.A. Legal support for the development of technologies for the use of renewable energy sources // Journal of Russian Law. 2020. No.9.pp. 53–67

Анализ проблемных моментов деятельности органов дознания при расследований преступлений, связанных с пожарами

Бруевич Марина Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: bruevich1709@mail.ru

Губанова Ольга Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: gubanova-olga@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с качеством проведения доследственных проверок по преступлениям, связанным с пожаром. Особое внимание уделяется несвоевременной регистрации сообщений о преступлениях, подчеркивается низкий уровень взаимодействия органов дознания МЧС и территориальных органов внутренних дел. Приводятся практические примеры из материалов отказного производства и уголовных дел по нарушениям норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства. В статье анализируются проблемные вопросы, связанные с юридической квалификацией криминальных пожаров. Когда при осуществлении надзора за соблюдением требований законодательства при расследовании уголовных дел и проведении доследственных проверок прокуратурой ежегодно выявляются факты грубых нарушений норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Указанным проблемным моментам расследования преступлений, связанных с пожарами, посвящено ряд работ автора [1–5].

Ключевые слова: преступления, связанные с пожаром, органы дознания МЧС России, регистрация сообщений о преступлениях, нарушение норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, юридическая квалификация криминальных пожаров.

По прежнему неудовлетворительным остается качество проведения доследственных проверок по сообщениям о природных пожарах.

Органами дознания при наличии сведений о возможной антропогенной причине возгорания (следы разведения огня, осуществление охоты и рыбалки, близости к месту пожара населенного пункта) версия о нарушении требований пожарной безопасности должным образом не проверяется: осмотры места происшествий не проводятся, местные жители об обстоятельствах проверки либо не опрашиваются, либо их опрос проводится поверхностно.

Так, по результатам доследственной проверки по факту лесного пожара, произошедшего 07.05.2023 г. в 7,5 км от п. Карымкары Окт-ского района 14.06.2023 г. дознавателем было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 261 УК РФ. В ходе изучения материала проверки было установлено, что, несмотря на наличие сведений о пребывании людей на месте возникновения пожара (следы костровища), жители близлежащего населенного пункта – д. Карымкары не опрошены, надлежащая оценка по ч. 1 ст. 261 УК РФ не дана. В связи с допущенными нарушениями ст. 144 УПК РФ указанное постановление было отменено [6].

Зачастую, причиной, препятствующей установлению лиц, виновных в возникновении пожара, является несвоевременная регистрация сообщений о преступлениях.

Так, должностными лицами органов дознания МЧС Бер-ского района с целью своевременной регистрации сообщений о преступлениях журнал регистрации пожаров не изучается, во всех случаях основанием для проверок послужили материалы, поступившие из территориального лесничества.

К примеру, сообщение о произошедшем 12.05.2023 г. в 3 км от д. Анеева Бер-ского района о лесном пожаре, зарегистрировано в органе дознания спустя 12 суток с момента его возникновения. Изучением материала проверки в аппарате прокуратуры установлено, что из служебной записки специалиста по работе с местным населением Р. следует, что от С. ей стало известно, что причиной пожара послужил разведенный Е. костер. Однако опросы Р. и С. были проведены поверхностно, осмотр места происшествия дознавателем проведен без участия Е. Несвоевременная регистрация сообщения о преступлении, невыполнение необходимых проверочных мероприятий послужили при-

чинами вынесения дознавателем незаконного процессуального решения [7].

Одной из причин отсутствия положительных результатов в данном направлении является низкий уровень взаимодействия органов дознания МЧС и территориальных органов внутренних дел.

В нарушении нормативных требований для проведения осмотра места происшествия должностные лица территориальных органов внутренних дел, в том числе эксперты ЭКЦ не привлекаются [8].

О ненадлежащем состоянии учетно-регистрационной дисциплины указывают также выявленные факты укрытия от учета преступлений путем вынесения незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Так, должностным лицом ОНД и ПР по г. Н. по результатам проверки было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. В связи с отсутствием состава преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ. Изучением материала в прокуратуре г. Н. установлено, что в ходе проверки очаг пожара и причиненный пожаром ущерб достоверно не установлены, в связи с чем указанное процессуальное решение отменено, по результатам дополнительных проверочных мероприятий возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 168 УК РФ. Кроме того, нарушения требований уголовно-процессуального закона допущены и при дальнейшем расследовании указанного уголовного дела. Вопреки требованиям ст. 42 УПК РФ владелец поврежденного огнем гаражного бокса Л. потерпевшим не признан, в указанном процессуальном статусе не допрошен[9].

Некачественно проводятся проверки по фактам возгорания автотранспортных средств.

Так, по поступившему 17.06.2023 г. сообщению по факту возгорания автомобиля «КАМАЗ-43118» 17.07.2023 г. дознавателем вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 168 УК РФ. При анализе материала проверки в межрайонной прокуратуре было установлено, что в обстоятельствах прохождения предрейсового технического осмотра не установлены, механик ООО ТК «Ресурс», выдавший путевой лист на поврежденный пожаром автомобиль, по обстоятельствам проверки не опрошен, в связи с чем незаконное постановление отменено. Сложившаяся ситуация является недопустимой и требует принятия безотлагательных и кардинальных мер по ее изменению и устранению нарушений законодательства[10].

Также, дознавателями допускаются случаи неверной оценки собранных в результате процессуальной проверки материалов, и как следствие, вынесение незаконных процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Так, 16.09.2021 г. в КРСП зарегистрировано сообщение о возгорании в д. 56 по ул. Менделеева в г. Н. По данному факту в порядке ст.ст.144 УПК РФ была проведена проверка, по результа-

там которой дознавателем было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Изучение материала проверки показало, что проверка по сообщению о преступлении проведена не в полном объеме. Дознавателем не принято исчерпывающих мер к назначению и проведению пожарно-технического исследования с целью установления причины пожара, опросу В., либо в случае невозможности, опросу его лечащего врача с целью установления перспектив и сроков выздоровления, к истребованию медицинской документации в отношении лиц, пострадавших о пожара, назначению и проведению судебно-медицинской экспертизы в отношении них. В связи с этим, прокуратурой города указанное постановление было отменено и материал направлен на дополнительную проверку[11].

Ненадлежащее расследование уголовного дела, неверная оценка полученных в ходе дознания доказательств, нарушения требований уголовно-процессуального законодательства, повлекли вынесение оправдательного приговора по уголовному делу, расследованному дознавателем Ш.

Так, 22.05.2020 г. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ, по факту уничтожения и повреждения имущества ООО «Римера-Сервис». 30.09.2020 г. указанное уголовное дело было направлено прокурору г. Н. для утверждения обвинительного акта и направления по подсудности. Изучение уголовного дела показало, что при расследовании допущены существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в связи с чем 07.10.2020 г. дело возвращено дознавателю для дополнительного расследования и устранения выявленных нарушений.

В ходе дополнительного расследования дознавателем были проведены дополнительные следственные действия, вновь составлен обвинительный акт, уголовное дело направлено в суд. В ходе судебного рассмотрения было установлено, что дознавателем Ш. в нарушении положений ст. ст. 73, 86 УПК РФ доказательства, подтверждающие в полном объеме событие преступления не собраны, а полученные в полном объеме не отвечали требованиям ч. 1 ст. 88 УПК РФ по критериям относимости, допустимости и достоверности. В связи с тем, что материалами уголовного дела не подтвержден крупный размер причиненного ущерба, мировым судьей был вынесен оправдательный приговор, а подсудимая получила право на реабилитацию.

Судом указано, что в части ущерба, причиненного в результате пожара товарно – материальных ценностей (далее – ТМЦ), заключение товароведческой экспертизы, как было установлено и подтверждено показаниями эксперта, было основано на представленном потерпевшим количестве ТМЦ в виде справки, количество которых экспертом самостоятельно не устанавливалось и не осматривалось. Данный вид подтверждения материального

ущерба правилами бухгалтерского учета не предусмотрен. Нахождение данного имущества на балансе предприятия потерпевшего не подтверждено, соответственно, не может служить доказательством какого-либо ущерба. Кроме того, согласно заключению бухгалтерской экспертизы, шайба ЕЮТИ.Н.354.01.611–35 на балансе потерпевшего не числилась, а согласно инвентаризационной ведомости, уничтожена пожаром в количестве 59.224 штук, что также вызывает неустраимые сомнения в происхождении представленных представителем потерпевшего инвентаризационных и сличительных ведомостей.

Заключение товароведческой экспертизы о стоимости поврежденного пожаром здания также не может являться доказательством размера причиненного ущерба, как было установлено, в том числе, показаниями эксперта. Выводы ею были сделаны на основании визуального осмотра, с проведением замеров дальномером. При определении возможности повторного использования материалов, применялся органолептический метод исследования. При этом наличие внутренней отделки и материалов технического оснащения определены по остаткам данных элементов, что не может быть признано достоверным, поскольку не понятно, как эксперт смогла определить материалы внутренней отделки и технического оснащения строения, которые были уничтожены пожаром.

Кроме того, показания эксперта противоречат данному ему заключению, из которого следует, что исследование проводилось на основании материалов дела, площадь конструктивных элементов внутренней отделки была определена в процессе проведения исследования документов, представленных в материалах дела, заключение не содержит сведений об использовании дальномера и проводимых замерах. При этом материалы дела сведений о замерах поврежденного пожаром строения не содержат. Из протокола осмотра места происшествия следует, что площадь осматриваемых помещений указана дознавателем примерно, из чего следует, что заключение эксперта выполнено без установления фактических размеров поврежденного строения, в отсутствие документов и сведений, подтверждающих его размеры, внутреннюю отделку и материально-техническое оснащение, что влечет его недостоверность.

При установлении факта отсутствия у потерпевшего результатов инвентаризации ТМЦ после пожара, невозможности осмотра поврежденного строения, а также отсутствия документации о размерах строения, его внутренней отделки и материально-техническом оснащении по состоянию до происшедшего пожара, как указал суд, назначение и проведение дополнительной или повторной экспертизы в порядке ст. 207 УПК РФ невозможно ввиду отсутствия предметов экспертизы[12].

Таким образом, основной причиной постановления судом оправдательного приговора явля-

ется ненадлежащие сбор материалов проверки до возбуждения уголовного дела и фиксация причиненного пожаром ущерба. Сложившаяся ситуация является недопустимой и требует принятия обязательных мер по устранению выявленных нарушений федерального законодательства и недопущению их впредь.

Еще несколько проблемных моментов, связанных с юридической квалификацией криминальных пожаров. При решении вопроса о квалификации деяния по ст. 168 УК РФ, может иметь место случай, когда в результате произошедшего пожара, причиненный ущерб нескольким собственникам имущества превышает сумму в 250.000 рублей, но ущерб каждого в отдельности меньше указанной суммы. Полагаем, что при таких обстоятельствах по уголовному делу потерпевшим может быть признано каждое лицо, пострадавшее от пожара, даже если причиненный ущерб отдельно такому лицу не превышает 250.000 рублей.

Иногда в результате пожаров повреждаются здания, сооружения, которые по данным бюро технической инвентаризации не имеют стоимости (то есть их остаточная инвентаризационная стоимость составляет 0 рублей). По смыслу законодательства РФ размер ущерба, причиненного собственнику пожаром, должен быть определен таким образом, чтобы его возмещением восстановить утраченное право на сгоревшее имущество. Таким критерием отвечает рыночная стоимость объекта, которая может быть определена в соответствии с ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ» специально обученными оценщиками. Государство признает рыночную стоимость, когда для налогообложения применяет рыночную цену (ст. 40 НК РФ) или принимает решение о выплате собственнику стоимости земельного участка, изъятого у него для государственных нужд (ст. 281 ГК РФ). С учетом этих обстоятельств, следует, на наш взгляд, определять размер ущерба причиненного пожаром по рыночной стоимости и в целях единообразного подхода к оценке имущества при применении норм уголовного права необходимо руководствоваться федеральными законами.

Оценка ущерба, причиненного лесным насаждениям в результате пожара, должна определяться специалистами лесного хозяйства. Если это невозможно сделать до истечения предельных сроков проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ, следует принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела. После того, как по истечении определенного срока, произошли биологические изменения растительности и это позволяет специалистам дать оценку ущерба, принятое процессуальное решение следует пересмотреть в установленном законом порядке. При производстве дознания для определения вышеназванного, должна быть проведена соответствующая экспертиза на определение размера ущерба древесно-кустарной растительности. Если это возможно только по истечении срока дознания, необходимо продление срока расследования в установленном законом порядке.

В 2023 году кафедрой переподготовки и повышения квалификации специалистов Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России разработан курс повышения квалификации для старших дознавателей (дознавателей) государственного пожарного надзора ФПС МЧС России для дистанционного обучения. Данный курс нацелен на улучшение теоретических и практических знаний слушателей данной категории обучения. [13,14,15,16]

Литература

1. Бруевич М.Ю., Антонов А.О., Губанова О.А. Актуальные вопросы производства предварительной проверки по преступлениям, связанным с пожаром. Закон и власть. 2024. № 1. С. 85–89.
2. Бруевич М.Ю., Зуев А.В., Платонов А.В. Специфика проблемных моментов расследования криминальных пожаров. Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 8–1. С. 355–363.
3. Бруевич М.Ю. Получение доказательственной информации в процессе использования специальных знаний по преступлениям, связанным с поджогом. В сборнике: Криминалистика наука без границ: традиции и новации. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2024. С. 58–66.
4. Антонов А.О., Бруевич М.Ю., Губанова О.А. Некоторые актуальные аспекты использования технических средств и специальных знаний при осмотре места происшествия, связанного с пожаром. Юридическая наука. 2024. № 3. С. 220–225.
5. Бруевич М.Ю., Сикорова Г.А. К вопросу о способах подготовки, совершения и сокрытия поджогов чужого имущества. Проблемы управления рисками в техносфере. 2016. № 1 (37). С. 106–112.
6. Материалы доследственной проверки по факту лесного пожара, произошедшего 07.05.2023 г. в 7,5 км от п.Карымкары Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа- Югры России (КРСП ОНД № 37 от 07.05.2023 г.).
7. Сообщение о лесном пожаре, произошедшем 12.05.2023 г. в 3 км от д. Анеева в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры России (КРСП ОНД № 45 от 24.05.2023 г.).
8. Инструкция о порядке взаимодействия при выявлении, пресечении, расследовании и раскрытии преступлений в сфере лесопользования», утвержденной приказом ГП РФ, МВД России, МЧС России, Минприроды России, СК России и ФТС России от 08.11.2018 № 740/758/502/598/104/1807
9. Материалы уголовного дела № 1231071102404 5902 по факту пожара в ГСК «Авиатор-2» по адресу: Ханты-Мансийский автономный округ, Нижневартовск, улица Авиаторов, 2Д. (КРСП ОНД № 233 от 24.06.2023 г.).
10. Материалы доследственной проверки по факту возгорания автомобиля «КАМАЗ-43118», произошедшего 17.07.2023 г. на территории ТК «Ресурс» по адресу: Ханты-Мансийский автономный округ г. Пыть-Ях, ул. Магистральная, к.12 (КРСП ОНД № 146 от 17.07.2023 г.).
11. Материалы доследственной проверки о возгорании в многоквартирном жилом доме по адресу: Ханты-Мансийский автономный округ г. Нижневартовск, ул. Менделеева д.66 (КРСП ОНД № 329 от 16.09.2021 г.).
12. Материалы уголовного дела № 120107110240 45901 по факту уничтожения и повреждения имущества ООО «Римера-Сервис» по адресу: Ханты-Мансийский автономный округ, Нижневартовск, Северная улица, 53.
13. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе профессиональной подготовки курсантов вузов МЧС России: дис ... канд. пед. наук: 13.00.08 / О.А. Губанова. – СПб., 2008. – 154 с.
14. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Правовые аспекты социальных гарантий сотрудников Федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы МЧС России// Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013 № 2(19) С. 58–63
15. Губанова О.А., Бородин М.П., Алибеков А.А. Применение электронного учебно-методического комплекса при дистанционном освоении слушателями курса повышения квалификации // Педагогический журнал. 2021. № 5–1. С. 412–418.
16. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе дополнительного профессионального образования слушателей МЧС России: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2022. 176 с.

ANALYSIS OF PROBLEMATIC ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF THE BODIES OF INQUIRY IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO FIRES

Bruevich M.Yu., Gubanova O.A.

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev

The article examines issues related to the quality of pre-investigation checks on fire-related crimes. Particular attention is paid to the untimely registration of crime reports, and the low level of interaction between the inquiry bodies of the Ministry of Emergency Situations and territorial internal affairs bodies is emphasized. Practical examples are given from materials of refusal proceedings and criminal cases on violations of criminal and criminal procedural legislation. The article analyzes problematic issues related to the legal qualification of criminal fires. When, during the supervision of compliance with the requirements of the law in the investigation of criminal cases and the conduct of pre-investigation checks, the prosecutor's office annually reveals facts of gross violations of criminal and criminal procedural legislation. A number of the author's works are devoted to these problematic aspects of the investigation of fire-related crimes [1–5].

Keywords: crimes related to fire, bodies of inquiry of the Ministry of Emergency Situations of Russia, registration of reports of crimes,

violation of the norms of criminal and criminal procedure legislation, legal qualification of criminal fires.

References

1. Bruevich M.Yu., Antonov A.O., Gubanova O.A. Current issues of preliminary investigation of fire-related crimes. *Law and power*. 2024. No. 1. Pp. 85–89.
2. Bruevich M.Yu., Zuev A.V., Platonov A.V. Specifics of problematic aspects of criminal fire investigation. *Issues of Russian and international law*. 2023. Vol. 13. No. 8–1. Pp. 355–363.
3. Bruevich M. Yu. Obtaining evidentiary information in the process of using special knowledge on arson-related crimes. In the collection: *Forensic science without borders: traditions and innovations. Proceedings of the international scientific and practical conference*. St. Petersburg, 2024. Pp. 58–66.
4. Antonov A.O., Bruevich M.Yu., Gubanova O.A. Some current aspects of the use of technical means and special knowledge when inspecting the scene of an incident related to a fire. *Legal science*. 2024. No. 3. P. 220–225.
5. Bruevich M.Yu., Sikorova G.A. On the issue of methods of preparing, committing and concealing arson of other people's property. *Problems of risk management in the technosphere*. 2016. No. 1 (37). P. 106–112.
6. Materials of the pre-investigation check on the fact of a forest fire that occurred on 05/07/2023. 7.5 km from the village of Karymkary, Oktyabrsky district, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Russia (KRSP OND No. 37 dated 05/07/2023).
7. Report of a forest fire that occurred on 05/12/2023, 3 km from the village of Aneeva in the Berezovsky district of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Russia (KRSP OND No. 45 dated 05/24/2023).
8. Instructions on the procedure for interaction in identifying, preventing, investigating and solving crimes in the field of forest management, approved by the order of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Emergency Situations of Russia, the Ministry of Natural Resources of Russia, the Investigative Committee of Russia and the Federal Customs Service of Russia dated 08.11.2018 No. 740/758/502/598/104/1807
9. Materials of criminal case No. 12310711024045902 regarding the fire in the Aviator-2 garage cooperative located at the address: Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug, Nizhnevartovsk, Aviatorov Street, 2D. (KRSP OND No. 233 dated 24.06.2023).
10. Materials of the pre-investigation check on the fire of the KAMAZ-43118 vehicle that occurred on July 17, 2023 on the territory of the Resurs shopping center at the address: Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug, Pyt-Yakh, Magistralnaya St., Bldg. 12 (KRSP OND No. 146 dated July 17, 2023).
11. Materials of the pre-investigation check on the fire in an apartment building at the address: Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug, Nizhnevartovsk, Mendeleev St., Bldg. 6b (KRSP OND No. 329 dated September 16, 2021).
12. Criminal case materials No. 12010711024045901 regarding the destruction of and damage to the property of Rimeria-Service LLC located at the address: Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug, Nizhnevartovsk, Severnaya Street, 53.
13. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of professional training of cadets of higher education institutions of the Ministry of Emergency Situations of Russia: diss ... Cand. Ped. Sciences: 13.00.08 / O.A. Gubanova. – St. Petersburg, 2008. – 154 p.
14. Vorobeychikova O. P., Gubanova O.A. Legal aspects of social guarantees for employees of the Federal Fire Service of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia // *Law. Security. Emergencies*. 2013 No. 2 (19) P. 58–63
15. Gubanova O. A., Borodin M.P., Alibekov A.A. Application of the electronic educational and methodological complex in distance learning by students of the advanced training course // *Pedagogical journal*. 2021. No. 5–1. P. 412–418.
16. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of additional professional education of students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. SPb.: St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2022. 176 p.

Закон о партнерском финансировании: первый шаг по легализации исламского банкинга в России

Панюшкин Михаил Алексеевич,
магистр права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: mikhail.panyushkin@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности закона о партнерском финансировании (далее – «Закон») [1] в свете основных принципов исламского финансового права. Автор анализирует правовую природу исламских финансовых продуктов и опыт зарубежных стран в законодательном регулировании данной сферы. Актуальность настоящей работы обусловлена не только динамичным развитием исламских финансов в 21 веке и высоким спросом на них в разных странах мира, но и важностью внедрения данного института в отечественный правовой порядок, которое обусловлено культурно-историческим и политическими предпосылками. В рамках исследования автор рассуждает о проблемных аспектах действующего регулирования и высказывает собственное мнение о вариантах совершенствования законодательства в целях создания благоприятных условий для развития исламского банкинга в России.

Ключевые слова: исламский банкинг, партнерское финансирование, нормы шариата, банковская деятельность.

Исламский банкинг в 20 веке имел локальное и незначительное присутствие, как правило, в ряде стран, где общественные отношения традиционно строились по канонам ислама (Пакистан, Египет, ОАЭ). При этом в 21 веке исламские финансы получили настолько стремительное развитие, что в значительном количестве стран они постепенно стали не только серьезным конкурентом стандартному рыночно-банковскому финансированию, но и в некоторых странах начали вытеснять и даже полностью заменять классический банкинг. Так, по состоянию на начало 2024 года доля исламских финансов на мировом рынке составляет 4 трлн долларов на мировом рынке [2].

Причем исламские финансовые продукты пользуются спросом, причем не только в странах с традиционно высоким процентом мусульманского населения, но и в европейских странах. В условиях нестабильной финансовой ситуации исламские финансовые инструменты привлекают все большее внимание, и число стран, заинтересованных в развитии исламских финансов на его основе, постоянно увеличивается [3, с. 53–58].

Первые банки, действующие по принципам шариата, начали появляться в 1970-х годах, а термин «исламская финансовая система» начал использоваться в середине 1980-х. Согласно информации Исламской корпорации по развитию частного сектора (ICD), по состоянию на 2021 год механизмы исламского финансирования были реализованы более чем в 136 странах, а исламский банковский сектор представлен более чем в 60 странах мира [4]. В отчете The Banker говорится, что в этом году 70 исламских банков попали в список 1000 крупнейших банков мира, а общий капитал этих банков составляет более 312 миллиардов долларов [5]. Ожидается, что рынок исламского банкинга будет продолжать расширяться в ближайшие годы, главным образом благодаря растущему спросу на финансовые продукты, соответствующие исламским принципам, в развивающихся странах с большим числом мусульман. При этом ряд исследователей, включая Беккина Р.И. и Алискерова М.С., подчеркивают, что в Западной Европе 10% клиентов исламских банков и «исламских окон» в традиционных финансовых учреждениях составляют люди других вероисповеданий [6, с. 60–64].

Банковская деятельность по нормам шариата имеет специфические особенности в сравнении с классическим европейским банкингом, что обусловлено происхождением первого непосредственно связано с религиозными нормами, тогда как

второе развивалось исключительно на основе рыночных принципов.

Хотя как исламские, так и традиционные банки стремятся к получению прибыли, они используют разные инструменты. Основное отличие исламских банков от западных финансовых учреждений заключается в том, что их операции основаны на реальных активах, а не на процентных ставках. Однако это далеко не единственный критерий, по которому проводится граница между классической и исламской банковской банковскими системами.

Соответственно, важно понимать главные постулаты исламского финансового права.

Исламское финансирование основывается на четырех основных принципах: (i) запрет на ростовщичество (выдача денег взаймы под проценты), (ii) запрет на неопределенность (неясность в доходах, недостоверные данные о сроках и характеристиках товаров), (iii) запрет на чрезмерный риск (который может привести к большим потерям) и (iv) запрет или «харам» на инвестиции в запрещенные виды деятельности (например, азартные игры, производство алкоголя, табака, наркотиков и свинины).

Важным элементов исламского банкинга является «гарар». «Гарар» – это понятие, прочно связанное с исламскими финансами, которое имеет важное значение для обеспечения прозрачности и справедливости в исламском банкинге. Этот термин происходит от арабского слова, означающего неопределенность или двусмысленность, и относится к договорам или сделкам, сопряженным с высоким риском или неопределенностью, что может привести к эксплуатации или ущербу для одной из сторон. «Гарар» может проявляться в различных формах, таких как неясные условия контракта, неопределенность по поводу предмета или цены, а также наличие скрытой информации, которая может повлиять на сделку. Для предотвращения «гарар» исламские финансовые учреждения придерживаются определенных принципов и норм. Одним из ключевых требований является обеспечение прозрачности и полного раскрытия информации для всех участников сделки. Это помогает сторонам ясно понимать условия и риски, связанные с транзакцией. Например, в рамках «мурабаха» (финансирование затрат плюс) банк должен предоставить клиенту информацию о стоимости и согласованной наценке, исключая любые неопределенности или двусмысленности в сделке. Например, запрещено инвестировать в криптовалюту, фьючерсы и свопы.

Исламские финансовые инструменты можно условно разделить на несколько категорий: (i) партнерство, где инвестор и получатель ресурсов делят риски и прибыль; (ii) торговые операции, при которых одна сторона покупает товар и передает его другой с наценкой; (iii) заемные средства, которые возвращаются по предварительной договоренности; (iv) беспроцентное финансирование, предполагающее добровольную благодарность от получателя.

Кроме того, исламские банки осуществляют финансовые операции, аналогичные традиционным, такие как расчеты, обмен валюты и торговля драгоценными металлами, если они не содержат запрещенных элементов.

Исламская финансовая модель не ограничивается только банковскими сделками (операциями) – также развивается «такафул» (взаимное страхование), где владельцы полисов становятся акционерами страховщика.

На фондовых рынках исламские операции также имеют место, при этом акции проходят строгий отбор, в ходе которого анализируется вовлеченность компании в запрещенные отрасли и ее финансовая устойчивость. Также следует заметить, что исламские банки более строго относятся к отбору инвестиционных проектов и средств вкладчиков, требуя их прозрачности и легитимности, что контролируется шариатскими советами. Аналогично можно сказать и про одну из самых востребованных услуг – потребительский кредит, который в исламских банках заменяется финансовым инструментом «мурабаха» (перепродажа). Банк покупает товар по запросу клиента и продает его с заранее установленной в договоре наценкой, которая не подлежит изменению. Клиент может погашать сумму в рассрочку. В договоре отсутствуют штрафы за просрочку и пени, поэтому банк заранее проводит детальный анализ платежеспособности клиента, чтобы минимизировать риски сделки.

Кредитное финансирование заменяется на «мушараку» (соучастие), что означает партнерское финансирование. В этом случае банк, предоставляя средства, становится совладельцем бизнеса. В зависимости от полученной или не полученной прибыли, банк и клиент разделяют доходы или убытки. Прибыль и убытки распределяются в заранее согласованных пропорциях, соответствующих доле участия в партнерстве.

Альтернативой ипотечному кредитованию и лизингу является «иджара» (аренда). В этом случае банк по договору покупает и страхует для клиента недвижимость или транспортное средство, зарабатывая на арендных платежах. В отличие от обычной ипотеки и лизинга, здесь нет скрытых наценок, и клиент может выкупить объект в любой момент по его балансовой стоимости.

Если рассматривать проценты по привлеченным вкладам, то исламские банки их не выплачивают клиентам, однако, вместо них в некоторых странах распространена практика выплаты «подарков» владельцам исламских депозитов или предоставление привилегий при использовании другими банковскими продуктами.

Согласно шариату, каждый исламский банк обязан создать фонд, в который он и его клиенты вносят 2,5% исламского налога (закят) на помощь нуждающимся мусульманам. Для банка закят представляет собой налог, который изначально взимается с основного и резервного капитала, а затем ежегодно с его прибыли. В будущем такой взнос (закят) может быть введен как обязательный или

добровольный для организаций, предоставляющих финансовые услуги в соответствии с нормами шариата.

Законодательный опыт светских государств, в особенности стран СНГ, чьи правовые системы близки отечественному правопорядку, показывает, что законодатели в этих странах на постоянной основе легализовали исламский банкинг в противовес ковенциональному (классическому) банковскому финансированию без установления временных экспериментальных правовых режимов или переходных периодов. Например, Казахстан пошел по пути дополнения Закона о банковской деятельности отдельными положениями, устанавливающими правовой режим для исламского банкинга, а также внесения в ГК точечных корреспондирующих изменений [7]. В Таджикистане был введен в действие специальный закон, устанавливающий, среди прочего, правовой режим отдельных исламских финансовых сделок, правила о комитете по исламским финансовым услугам (шариатский совет), критерии соответствия сделок нормам шариата, статус «исламского банковского окна» и иные положения, необходимые для функционирования исламского банкинга [8]. В Узбекистане был принят закон, в котором статья 4 предоставляет небанковским кредитным организациям возможность выдавать кредиты, предлагать лизинг, гарантии, а также осуществлять факторинг и услуги исламского финансирования для предпринимателей. Услуги исламского финансирования предоставляются в соответствии с регламентом, разработанным Центральным банком Узбекистана, который соответствует стандартам международных организаций, занимающихся регулированием исламского финансирования [9].

Если говорить про историю развития исламских финансов в России, то первые исламские финансовые организации начали свою работу в России еще в начале 1990-х годов. Однако это стало трендом только на время, и такая практика не получила широкого распространения из-за отсутствия необходимой нормативной основы. При этом в дальнейшем все равно предпринимались попытки внедрения исламских финансовых продуктов на российский рынок. Так, банк «АК БАРС» в 2011 и 2013 годах участвовал в сделках по конструкции «мурабаха», предметом которых являлись, в том числе, драгоценные металлы [10]. В 2015 году создана рабочая группа с участием представителей Государственной думы, Банка России, Минфина и Минэкономразвития, которой была разработана дорожная карта по внедрению инструментов исламского банкинга в России [11]. В 2017 году сообщалось, что «Сбербанк» планирует структурировать финансирование по одному из проектов по принципу «мудароба» (проектное финансирование) [12]. В том же году Банком России был зарегистрирован выпуск первых в России исламских облигаций «сукук» [13]. Другим ярким примером внедрения исламских финансовых продуктов является программа «исламской ипотеки», реализу-

емая банком «АК БАРС» с 2019, при которой клиент покупает недвижимость не напрямую у банка, а через посредническую компанию. Запуск такого продукта был одобрен Духовным управлением мусульман Республики Татарстан.

Тем не менее, все вышеуказанные прецеденты имели место в условиях, когда российское право существенно ограничивало реализацию проектов, основанных на нормах шариата. В таких условиях интересам исламского финансирования приходилось структурировать сделки по иностранному праву или пользоваться теми минимальными возможностями, которые предоставляло действующее на тот момент российское законодательство.

Из-за введенных в 2022 году беспрецедентно масштабных экономических санкций со стороны западных стран, российская экономика в ускоренном режиме начала процесс переориентации на страны Азии, Африки и Ближнего Востока, где исламское финансирование уже достаточно давно является неотъемлемой частью финансового сектора большинства стран.

В то же время запрос на распространение исламских финансовых продуктов в России был предопределен существенным процентом населения, исповедующего ислам [14].

Принятый Закон означивал начало в России 1 сентября 2023 года двухлетнего эксперимента, направленного на создание условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию. Экспериментальный правовой режим действует до 1 сентября 2025 года в четырех российских регионах с преимущественно исламским населением (Татарстане, Дагестане, Чечне и Башкирии). Несмотря на то, что ни в тексте самого закона, ни в пояснительной записке нет упоминаний ислама и норм шариата, фактически принятый закон формирует правовую основу для совершения участниками эксперимента финансовых и иных сделок по правилам, идентичным некоторым нормам шариата. Данный закон позволяет банкам-участникам эксперимента заниматься торговой деятельностью, которая в исламском банкинге заменяет процентные ссуды и позволяет получать доход за счет перепродажи товаров. Участие в партнерском финансировании является добровольным, и новые правила не ограничивают инвесторов в использовании традиционных финансовых инструментов. На момент написания настоящей работы участниками эксперимента являются 22 российские компании, среди которых не только такие крупные российские банк, как «АК БАРС», «Сбербанк» и «ТБанк», но и региональные компании, не являющиеся финансовыми организациями [15]. Предполагается, что введение подобного экспериментального правового режима позволит апробировать исламское финансирование в условиях российской экономики, а также выявить правовые проблемы, решение которых позволит имплементировать исламское финансирование в российскую правовую систему на постоянной основе.

Согласно Закону, финансовые учреждения и юридические лица, которые участвуют в эксперименте по партнерскому финансированию, смогут привлекать средства от физических и юридических лиц через займы, выпуск облигаций и доверительное управление имуществом. Они также будут иметь возможность предоставлять займы и финансировать покупки товаров и недвижимости с отсрочкой платежа, а также выступать поручителями для третьих лиц. Кроме того, закон включает и социальные аспекты, например, позволяет клиентам банков-участников использовать материнский капитал для оплаты жилья.

Закон устанавливает ограниченный круг субъектов, которые могут стать участниками эксперимента или организациями проектного финансирования (далее – «ОПФ»), а также требования к минимальному размеру собственных средств, способам формирования и увеличения уставного капитала, порядку ведения бухгалтерского учета и иным аспектам их деятельности (ст. 3 и ст. 4 Закона).

При этом круг лиц, которые могут участвовать в эксперименте ограничен кредитными организациями, некредитными финансовыми организациями, а также иными юридическими лицами в форме потребительского кооператива, общественно полезного фонда, автономной некоммерческой организации, хозяйственного общества или товарищества, и только при условии, что такие компании являются резидентами РФ и местом их нахождения (или) их филиала являются регионы, на территории которых установлен экспериментальный правовой режим. Такой подход к критериям, которым должны соответствовать ОПФ, трудно назвать в полной мере обоснованным. Во-первых, настолько широкий перечень лиц, которые могут заниматься исламским банкингом существенно снижает «входной» порог, что может оттолкнуть потенциальных инвесторов / потребителей к участию в исламских сделках. Во-вторых, ограничение круга участников эксперимента исключительно резидентами не соответствует цели привлечения иностранных инвестиций, однако, данный минус может быть нивелирован возможностью ведения деятельности по партнерскому финансированию иностранными инвесторами через российские дочерние компании или филиалы. В-третьих, критерий привязки ОПФ к конкретным территориям исключает из этого процесса более крупные и экономически развитые регионы с существенной долей мусульманского населения (например, города федерального значения Москву и Санкт-Петербург).

Нашел свое отражение в Законе такой базовый принцип, как запрет на финансирование «харамных» (т.е.) запрещенных видов деятельности, закрепленный в п. 3 ст. 2, согласно которой ОПФ при осуществлении деятельности по партнерскому финансированию не вправе финансировать деятельность, связанную с производством табачной и алкогольной продукции, оружия, боеприпасов, торговлей такими товарами, а также с игорным бизнесом.

Установление исчерпывающего перечня запрещенных видов деятельности в данном случае нельзя признать полностью соответствующим нормам исламского права, поскольку «харам» является гораздо более обширным понятием, и включает множество иных запретов (например, разведение свиней, ставки, букмекерская деятельность, оборот наркотических веществ и прекурсоров, сделки по покупке акций, противоречащие нормам шариата, долговые финансовые инструменты, инвестиции в криптовалюту, запрещенные развлечения и т.д.) [16]. Для сравнения, Закон Республики Таджикистан об исламской банковской деятельности содержит более общий запрет на финансирование «харамных» видов деятельности. По смыслу п. 2 ст. 5 Закона Республики Таджикистан «Об исламской банковской деятельности» исламские кредитные организации не вправе финансировать любые виды предпринимательской деятельности, которые запрещены шариатом.

Соответственно, если использование такой юридической техники в рамках экспериментального регулирования может быть вполне оправданным, то для постоянного действующего закона потребуются более широкий перечень запретов, оценка которых должна осуществляться в экспертном порядке – шариатским советом или отдельными экспертами по исламскому финансовому праву.

Также ч. 2 ст. 2 Закона предусматривает запрет на установление процентов при совершении участниками эксперимента сделок (операций), что в целом соответствует исламскому подходу о беспроцентном финансировании.

Обращает на себя внимание отсутствие в Законе норм о банковской тайне или конфиденциальности сделок (операций) в рамках партнерского финансирования, что может снизить привлекательность исламских финансовых продуктов. Если брать зарубежный опыт, то, например, в Таджикистане на сведения о клиенте, ставшие известными исламской кредитной организации, распространяется режим банковской тайны [17].

В связи с этим представляется целесообразным распространить режим банковской тайны на сделки (операции) в рамках партнерского финансирования.

К сожалению, Закон не предусматривает требование по созданию участниками эксперимента в своей структуре шариатских консультационных (наблюдательных) советов [18] или иных аналогичных экспертных органов для проверки соблюдения принципов шариата при совершении сделок. Это является явным недостатком правового регулирования, т.к. подлинное исламское финансирование тесно связано с деятельностью таких экспертных советов, которые дают свои заключения (фетвы) относительно соответствия конкретных сделок или финансовых продуктов нормам шариата [19].

Кроме того, явным недостатком Закона является отсутствие норм о специальном налоговом режиме для ОПФ. Учитывая то, что действующее налоговое законодательство построено исходя

из классических рыночных сделок и соответствующего гражданско-правового регулирования, выведение партнерского финансирования из-под действия общего налогового режима является не просто дополнительной привилегией для ОПФ, а скорее необходимостью. В данном контексте наиболее очевидным является исключение наценки по заключаемым ОПФ договорам купли-продажи в рассрочку, также вознаграждения по договорам партнерского инвестирования и агентским договорам из объекта налогообложения НДС.

Некоторые из ранее изложенных замечаний к содержанию Закона находят свое отражение и в трудах специалистов в сфере банковского права. Так, Ручкина Г.Ф. обращает внимание на недостаточную отработанность положений Закона и необходимость его существенной корректировки, в том числе, относительно закрытого перечня видов деятельности, которые могут финансировать ОПФ [20].

Стоит отметить, что очевидные недостатки Закона нужно непременно учесть законодателю при развитии следующих сценариев: (i) если срок проведения эксперимента будет продлен, или (ii) в случае внедрения регулирования исламской банковской деятельности на постоянной основе. Причем для имплементации исламского банкинга в рамках ординарного (обычного) правового режима потребуются внесение существенных изменений в различные отрасли законодательства, включая гражданское, банковское, административное, налоговое законодательство, а также в отдельные федеральные законы. Также на законодательном уровне важно решить и регуляторный аспект, а именно то, как будет координироваться и контролироваться деятельность исламских финансовых институтов: посредством государственного регулирования или саморегулирования.

Если законодатель обратит внимание на данный спектр правовых проблем, которые можно преодолеть за счет устранения неопределенностей и пробелов в регулировании, то исламский банкинг сможет развиваться в России на долгосрочной основе, стать конкурентноспособной альтернативой классическому финансированию и привлечь необходимый иностранный инвестиций. Однако немало будет зависеть от результатов применения рассматриваемого Закона по итогам двухлетнего срока, который отведен законодателем для этих целей.

Литература

1. Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

2. Доклад Евразийского банка развития. URL: <https://eabr.org/press/releases/universalnyy-instrument-dlya-investirovaniya-uchastniki-godovogo-sobraniya-i-biznes-foruma-eabr-obsu/>.
3. Гарифуллин И.И., Галеева Г.М. Перспективы и динамика развития исламского банковского сектора в странах QISMUT // Казанский экономический вестник, 2017, № 2 (28), с. 53–58.
4. Отчет Исламской корпорации развития частного сектора (ICD) за 2022 г.: https://icd-ps.org/uploads/files/ICD%20Refinitiv%20ifdi-report-20221669878247_1582.pdf.
5. Islamic Finance Outlook 2022 / S&P Global Ratings. URL: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research/pdf-articles/islamic-finance-outlook-2022-28102022v1.pdf>.
6. Беккин П.И., Алискеров М.С. Особенности исламского финансового сектора в России на современном этапе и перспективы его роста // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 60–64.
7. Закон Республики Казахстан от 12 февраля 2009 года № 133-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам организации и деятельности исламских банков и организации исламского финансирования». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000133_ (дата обращения: 21.08.2024).
8. Закон Республики Таджикистан от 26 июля 2014 года № 1108 «Об исламской банковской деятельности» URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=70095 (дата обращения 21.08.2024 – платный доступ).
9. Закон Республики Узбекистан от 20 апреля 2022 г. № ЗРУ-765 «О небанковских кредитных организациях и микрофинансовой деятельности». URL: <https://lex.uz/ru/docs/5972413> (дата обращения: 21.08.2024).
10. «Сделка по шариату» // Банки.ру // <https://www.banki.ru/news/bankpress/?id=6144680>.
11. ««Дорожная карта» по внедрению исламского банкинга в РФ будет выполнена досрочно» // ТАСС // <https://tass.ru/ekonomika/3318924>.
12. «Олег Ганеев, Сбербанк: «Есть подготовленный пакет документов, имеется фетва...»» // БИЗНЕС Online // URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/346319#10>
13. «Компания из Татарстана впервые в РФ выпустила облигации по законам шариата» // ТАСС // <https://tass.ru/ekonomika/4522289>
14. Доклад исследовательского центра Пью (Pew Research Center) URL: <https://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/05/10104852/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf>.
15. Реестр участников эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию https://www.cbr.ru/vfs/finmarkets/files/supervision/list_PF.xlsx.

16. Богословское заключение № 2/23 Совета улемов Духовного управления мусульман Российской Федерации «Дозволенность торговли акциями различных компаний» от 15 марта 2023 г.
17. ч. 1 ст. 54 Закона Республики Таджикистан от 26 июля 2014 года № 1108 «Об исламской банковской деятельности».
18. Стандарт управления № 1 «Наблюдательный совет по шариату: Назначение, состав и отчет», принятый Организацией бухгалтерского учета и аудита исламских финансовых учреждений (AAOIFI).
19. «Сбербанк в девяти регионах начал привлекать деньги у населения по нормам шариата» // Forbes // <https://www.forbes.ru/finansy/498843-sberbank-v-devati-regionah-nacal-privlekat-den-gi-u-naselenia-po-normam-sariata?ysclid=m0fdudv7gn348354654>.
20. Ручкина Г.Ф. Партнерское финансирование в России: проведение эксперимента по установлению специального регулирования // Банковское право. 2024. № 1. С. 7–13.

LAW ON PARTNERSHIP FINANCING: THE FIRST STEP TOWARDS LEGALISATION OF ISLAMIC BANKING IN RUSSIA

Panyushkin M.A.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article is devoted to the peculiarities of the Law on partnership financing in the light of the basic principles of Islamic banking. The author analyses the legal nature of Islamic financial products and the legislative experience of foreign countries in the regulation of this sector. The actuality of this paper is determined not only by the dynamic development of Islamic finance in the 21st century and the high demand for it in different countries but also by the importance of introducing this instrument into the Russian legal order, which is conditioned by cultural, historical and political prerequisites. The author discusses the problematic aspects of the current regulation and expresses his own opinion on ways to improve the legislation in order to create favourable conditions for the development of Islamic banking in Russia.

Keywords: Islamic banking, partnership financing, sharia law, banking activity.

References

1. Federal Law No. 417-FZ dated 4 August 2023 “On the experiment in introducing special regulation to create necessary conditions for partnership financing activities in individual constituent territories of the Russian Federation and on amending certain laws of the Russian Federation”.
2. Eurasian Development Bank Report. URL: <https://eabr.org/press/releases/universalnyy-instrument-dlya-investirovaniya-uchastniki-godovogo-sobraniya-i-biznes-foruma-eabr-obsu/>.

3. Garifullin I.I., Galeeva G.M. Prospects and dynamics of development of islamic banking sector in QISMUT countries // Kazan Economic Bulletin, 2017, No. 2 (28), pp. 53–58.
4. Islamic Corporation for the Development of the Private Sector (ICD) – ICD – Refinitiv Islamic Finance Development Report 2022: https://icd-ps.org/uploads/files/ICD%20Refinitiv%20ifdi-report-20221669878247_1582.pdf.
5. Islamic Finance Outlook 2022 / S&P Global Ratings. URL: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research/pdf-articles/islamic-finance-outlook-2022-28102022v1.pdf>.
6. Bekkin R.I., Aliskerov M.S. Peculiarities of the Islamic Financial Sector in Russia at the Present Stage and the Perspectives for its Development. Actual Problems of Russian Law. 2017; (4): 60–64.
7. Law of the Republic of Kazakhstan dated 12 February 2009 № 133-IV “On introduction of amendments and additions to some legislative acts of the Republic of Kazakhstan on the issues of organisation and activity of Islamic banks and organisation of Islamic financing”. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000133_ (date of reference: 21 August 2024).
8. Law of the Republic of Tajikistan No. 1108 dated 26 July 2014 “On Islamic Banking” URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=70095 (reference date 21.08.2024 – paid subscription).
9. Law of the Republic of Uzbekistan No. LRU-765 dated 20 April 2022 “On Non-Bank Credit Organisations and Microfinance Activities”. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5972413> (reference date: 21 August 2024).
10. “Transaction under Shariah” // Banki.ru // <https://www.banki.ru/news/bankpress/?id=6144680>.
11. “Roadmap” for the introduction of Islamic banking in the Russian Federation will be fulfilled in advance” // TASS // <https://tass.ru/ekonomika/3318924>.
12. “Oleg Ganeyev, Sberbank: “There is a prepared set of documents, there is a fatwa...” // BUSINESS Online // URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/346319#10>
13. “The company from Tatarstan issued bonds under Sharia law for the first time in the Russian Federation” // TASS // <https://tass.ru/ekonomika/4522289>
14. Pew Research Center Report. URL: <https://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2017/05/10104852/CEUP-Overview-Russian-FOR-WEB.pdf>.
15. Register of participants in the experiment in introducing special regulation to create necessary conditions for partnership financing activities. https://www.cbr.ru/vfs/finmarkets/files/supervision/list_PF.xlsx.
16. Theological Opinion No. 2/23 of the Ulema Council of the Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation ‘Permissibility of trading in shares of various companies’ dated 15 March 2023.
17. Paragraph 1 of Article 54 of the Law of the Republic of Tajikistan dated 26 July 2014 No. 1108 “On Islamic Banking”.
18. Accounting and Auditing Organization for Islamic Financial Institutions (AAOIFI) Governance Standard No. 1 “Shari’a Supervisory Board: Appointment, Composition and Report”.
19. “Sberbank has started to attract money from the people in nine regions in accordance with Shariah law” // Forbes // <https://www.forbes.ru/finansy/498843-sberbank-v-devati-regionah-nacal-privlekat-den-gi-u-naselenia-po-normam-sariata?ysclid=m0fdudv7gn348354654>.
20. Ruchkina G.F. Counterpart Financing in Russia: Conducting an Experiment on the Establishment of the Special Regulation // Banking Law. 2024. No. 1, pp. 7–13.

Особенности защиты прав потребителей электрической энергии на розничных рынках

Богданова Анастасия Юрьевна,

аспирант Центра частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
E-mail: viola55555@mail.ru

Одной из целей энергетической безопасности является поддержание защищенности экономики и населения страны в сфере энергоснабжения потребителей. Данная цель может быть достигнута в том числе эффективной защитой прав потребителей электроэнергии. Выделяя общие и особенные (отраслевые) характеристики потребителя в тесной связи с трансформацией отрасли, изменением роли потребителя на розничном рынке, с учетом общих принципов организации экономических отношений и основ государственной политики в сфере электроэнергетики предлагается авторская формулировка дефиниции «активный потребитель»; на основе систематизации и актуализации – отраслевая классификация потребителей и архитектура гарантий прав потребителей. Выделяя отраслевые особенности защиты прав потребителей электрической энергии (мощности) на розничных рынках автор резюмирует соответствие их общим представлениям о должном осуществлении правового регулирования и обосновывает, что защита прав потребителей как граждан, так и иных лиц в сфере электроснабжения и введение государством для них дополнительных гарантий обусловлены задачами обеспечения национальной безопасности страны.

Ключевые слова: защита прав потребителей; гарантирование прав; права потребителей; электрическая энергия; охрана прав; особенности защиты прав; розничные рынки электрической энергии.

Значение электрической энергии для существования и развития цивилизации неоспоримо, с целью своего жизнеобеспечения каждое физическое и юридическое лицо приобретает электрическую энергию, тем самым становятся потребителями и как «слабая» сторона отношений с энергетическими компаниями нуждаются в защите своих прав. В соответствии с Доктриной энергетической безопасности Российской Федерации поддержание защищенности экономики и населения страны в сфере энергоснабжения потребителей [1], причем надежного, устойчивого обеспечения и стандартного качества, является одной из целей энергетической безопасности. Энергопереход и изменения технологического базиса энергетики (формирование интеллектуальных энергетических систем) приводят к децентрализации принятия экономических решений, существенным изменениям в управлении отраслью и правилах взаимодействия субъектов рынка, в первую очередь граждан и организаций, до последнего времени выступавших только в роли пассивных потребителей услуг. Важную роль в эффективности энергоперехода имеет обеспечение инновационных процессов актуальной нормативной правовой базой. Как справедливо отметил министр энергетики Сергей Евгеньевич Цивилев изменение внешнеэкономической ситуации поставило на повестку дня вопрос актуализации действующей Энергетической стратегии Российской Федерации, которая будет осуществляться в том числе «с соблюдением принципов экологической и социальной ответственности; рационального сочетания государственного регулирования с рыночным механизмом развития ТЭКа». В числе приоритетных задач Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года также определено совершенствование законодательства Российской Федерации о защите прав потребителей и его актуализация. Статистика такова – тенденция к росту жалоб потребителей, в 2023 году 66,2% исков Роспотребнадзор предъявил в защиту прав неопределенного круга лиц, например, иск против ресурсоснабжающей компании (неправомерное отключение электроэнергии от 4 до 15 часов в сутки). Что подтверждает наличие проблем в сфере защиты прав потребителей электрической энергии.

Различным аспектам проблематики защиты прав потребителей уделялось и уделяется в настоящее время большое внимание [3,4,5,7]. Следует отметить, что сущность понятия «защита прав потребителей» является дискуссионной: оно

рассматривается учеными как в широком смысле, а именно – весь комплекс правовых явлений, посредством которых удовлетворяются интересы субъектов права (меры правового, экономического, политического, организационного и иного характера), направленный на предоставление возможности для беспрепятственного осуществления субъективных прав, так и узком – один из элементов данного комплекса, частный случай общего понятия когда право нарушено. В связи с чем интересен подход М.В. Маматова, рассматривающего защиту прав как комплекс средств применяемых при нарушении прав, а систему мер, обеспечивающую удовлетворение прав – как охрану, им предложена замена в Законе РФ от 07.02.1992 N 2300–1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон 2300–1) понятия «защита» понятием «охрана» [12]. Защита прав потребителей – межотраслевой институт, включающий и уголовную и административную отрасли права, цели и задачи данного исследования ограничивают рассмотрение института защиты прав потребителей рамками гражданской отрасли. По мнению М.Ю. Челышева в настоящее время развитие законодательства о защите прав потребителей во многом обеспечивается теорией правовой охраны прав потребителей, современные основы которой заложены в работе А.Е. Шерстобитова. Гражданско-правовая охрана прав потребителей и дальнейшее ее развитие должно идти в том числе в направлении отраслевой дифференциации прав потребителей [18]. Действительно, выявление отраслевых особенностей защиты прав потребителей электрической энергии позволит обогатить институт защиты прав потребителей в целом и повысить эффективность защиты прав потребителей электрической энергии, в частности.

Прежде всего необходимо исследование особенностей, связанных с понятием «потребитель». Системный анализ источников права, регулирующих отношения в сфере электроэнергетики, нормативных технических актов данной сферы, жилищного законодательства (коммунальная услуга) по отношению к Закону 2300–1 дает возможность сформулировать общие и особенные признаки потребителя электрической энергии:

общие – потребитель приобретает товары или услуги на основании договора с коммерческой организацией; приобретает товары или услуги для собственных бытовых нужд, без цели осуществления предпринимательской деятельности (часть потребителей);

особенные – потребителем признается не только гражданин, но и иные лица; потребитель может производить, продавать товар (электрическую энергию (мощность)) и участвовать в энергетическом балансе через изменение режима потребления товара (электрической энергии (мощности)); часть потребителей приобретает товар (электрическую энергию (мощность)) для производственных нужд; к потребителям при определенных условиях могут быть отнесены и энергетические организа-

ции розничных рынков при осуществлении своей основной деятельности.

Потребители электроэнергии на розничных рынках разделены на категории по целевому признаку. Договорные отношения с различными категориями потребителей имеют свои особенности в части прав и обязанностей, ценообразования и т.д. в связи с чем нами систематизированы существующие основные категории в единую классификацию, которая далее нами актуализирована:

- по надежности электроснабжения: первой категории, второй категории, третьей категории;
- по величине бытовой надбавки: население и приравненные к нему категории потребителей; сетевые организации, покупающие электрическую энергию для компенсации потерь электрической энергии; прочие;
- по ценообразованию: использующие электроэнергию на коммунально-бытовые нужды и использующие электроэнергию для осуществления коммерческой (профессиональной) деятельности;
- по категории опасности: высокой категории и средней категории;
- в зависимости от вида используемого возобновляемого источника энергии: солнечной, ветровой энергетики, гидроэнергетики, биоэнергетики, геотермальной энергетики;
- по секторам потребления: жилой недвижимости, коммерческой недвижимости, производство, транспорт и прочее;
- по отношению к Закону-2300–1 – граждане и иные лица;
- по видам лиц – физлица и юрлица;
- по отношению к организациям энергетической отрасли – внутренние и внешние;
- по месту в перетоке: транзитные и конечные;
- по организации: индивидуальные и групповые;
- по цели потребления: бытовые; производственные; хозяйственные и возмещение потерь;
- наличие ограничений энергетическим объектом: обремененный и свободный от обременения;
- по участию в балансировке энергосистемы – пассивный и активный (подразделяется на управление объемом потребления и на управление стоимости потребления).

На законодательном уровне отсутствует дефиниция «активный потребитель». С учетом Общих принципов организации экономических отношений и основ, государственной политики в сфере электроэнергетики, нами предлагается следующая дефиниция: «активный потребитель» – потребитель электрической энергии, обладающий технической и технологической возможностью по управлению объемом своего потребления и по управлению стоимостью своего потребления через участие в программах оптимизации баланса электрической энергии (мощности) на розничных рынках электрической энергии тем самым способствующий обеспечению энергетической безопасности страны. Несмотря на меняющуюся роль потребителя

на розничном рынке электрической энергии энергетические компании продолжают недооценивать эти процессы – «ситуация с монополистом» – если потребитель подключен к единой энергосистеме, то он по большому счету ограничен в своих действиях в части выбора условий потребления электрической энергии (мощности): обязан оплачивать содержание резервных мощностей, инвестиционные проекты сетевых компаний и т.д. Однако, с развитием технологий у потребителя появляются возможности – вплоть до полного выхода из системы. В этих условиях для целей удержания потребителя необходим поворот в сторону удовлетворенности потребителя организацией, ее товаром, услугами и др. Необходимо понимание различия между мнением организации о своей деятельности и ожиданиями потребителя, в связи с чем рекомендуется проводить мониторинг и измерение удовлетворенности потребителей в соответствии с ГОСТ Р ИСО 10004–2020, где главный показатель – степень удовлетворенности потребителей. В локальных актах энергетических компаний заявлено создание некоего систематизированного документа со стандартными жизненными ситуациями потребителей и их решением, но в открытом доступе нам не удалось его найти. Анализ отчетов сетевых и энергосбытовых компаний, проведенный нами выявил отсутствие расчетов степени удовлетворенности потребителя, вместе с тем ряд компаний рассчитывает показатель удовлетворенности потребителя (метрика – индекс удовлетворенности, CSI – недостатки: величина его зависит от настроения и занятости потребителя, места проведения опроса и т.д., кроме того, CSI еще и не конкретизирует необходимый вектор движения по улучшению показателя), например, ПАО «Россети Московский регион» – удовлетворенность потребителя по процессу «Коммерческий учет и передача э/э, усреднено» на уровне 38%, а «Надежность и качество энергоснабжения (усреднено)» на уровне 35%. Такого рода статистика не позволяет актуализировать правовые средства и тем более предвосхищать, можно только предположить рост нагрузки на судебную систему. Кроме того, в локальных актах декларирован некий систематизированный материал со стандартными «жизненными ситуациями» потребителей и их («ситуаций») решением – позиция организации понятна и важна для потребителя, однако в открытом доступе заявленный материал найти не удалось. Хотя бы тенденция приближения к ожиданиям уже позволит укрепить доверие потребителей и привести к коммерческим выгодам. В противном случае потребитель будет искать более эффективные варианты, что уже и происходит на розничных рынках электрической энергии – уход крупных потребителей ведет к значительному снижению прибыли энергетических организаций. Так же следует учитывать фактор взаимообусловленности. Рассмотрим пример с ОАО «РЖД» – являясь одним из крупных потребителей электроэнергии (порядка 4% общероссийского потребления) уже несколько раз пы-

тается напрямую выйти на оптовый рынок в качестве покупателя с целью без посредников закупать электроэнергию на оптовом рынке для собственных нужд, что может дать экономию затрат на бытовой надбавке ООО Русэнергосбыт и как следствие синергический эффект в рамках экономики страны, снижение социальной напряженности вызванное ростом цен (Минэкономразвития России в свое время выходило с предложениями по снижению величины надбавки к энергосбытовой компании, а в свою очередь Минэнерго России к ОАО «РЖД» – по применению к энергетическим компаниям льготных тарифов на железнодорожные перевозки (существенный фактор ценообразования, например на уголь). Антимонопольный комитет не поддерживает решение ОАО «РЖД» в силу нарушения в таком случае энергетического законодательства – запрет на совмещение передачи и купли-продажи электроэнергии (ОАО «РЖД» в том числе занимается передачей электрической энергии). Ассоциация «НП Совет рынка» поддерживает решение ОАО «РЖД», руководствуясь социально-экономическими факторами. Профессор Г.Ф. Шершеневич предостерегал об опасности «судов стать на точку зрения справедливости и целесообразности вместо строгого применения закона» [19] – принцип законности. Такие дилеммы должны решаться только новыми правовыми средствами [10] при этом развитие нормативной правовой базы должно быть опережающим [11].

Следующая весьма важная отраслевая особенность связана со специфичностью самого товара – электрическая энергия и соответственно особенность реализации права потребителя на качественный товар и право на его безопасность. Электроэнергия как товар имеет количественные характеристики качества, надежности и бесперебойности. В случае их отклонения от стандартных, потребитель вправе требовать приведение их в соответствие, а также требовать возмещения реального ущерба в случае наступления неблагоприятных событий, при этом право требования компенсации морального вреда (зависит от статуса потребителя). Однако, невозможность требования возврата товара ненадлежащего качества; соразмерного уменьшения покупной цены. Единым центром ответственности перед потребителем является гарантирующий поставщик, наделенный обязанностью урегулирования вопросов с третьими лицами; единый центр ответственности по передаче электроэнергии – системообразующая территориальная сетевая организация, что является весьма важным дополнительным механизмом гарантирования качественных услуг. Кроме гарантирующего поставщика (энергоснабжающей организации – в зависимости от вида договора) виновниками в снижении качества электрической энергии и отключения электроэнергии могут быть исполнитель коммунальной услуги и третье лицо (подрядчик работ, соседи и т.д.). Электрическая энергия – источник, повышенный опасности – сетевая компания обязана обеспечить безопасность элек-

троснабжения в своих границах, внутриквартирную (внутри домовладений) – собственник, безопасность общедомовых электросетей при коммунальной услуге – в компетенции исполнителя услуг, что относится к жилищно-коммунальной сфере, которая характеризуется многообразием субъектов деятельности, отсутствием должного правового регулирования, ведущего к несогласованности действий и т.д. Владимир Владимирович Путин отметил, что надо отслеживать правоприменительную практику, не допускать новых проблем [2]. В Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» проблемы преступности в сфере ЖКХ поднимаются на уровень национальной безопасности, в связи с чем нами предлагалось и предлагается передача общедомовых электросетей на баланс электроэнергетических организаций с внесением соответствующих изменений в нормативные правовые документы [6].

Ограничение поставки электроэнергии является основным средством воздействия на потребителей с задолженностью, при этом существует много нюансов, например, при электроснабжении потребителей по схеме перетока электрической энергии необходимо учитывать интересы законопослушного конечного потребителя. В соответствии с действующим законодательством – все потребители отключаемы – существует индивидуальный подход к так называемым «неотключаемым» потребителям. Основной способ обеспечения исполнения обязательств в этих случаях – банковская гарантия. В процессе электроснабжения – неустойка в форме пени, определение размера зависит от статуса потребителя (в том числе различный график оплаты). В случае начисления пени без подтвержденной задолженности, необходимо считать поведение энергетической компании – недобросовестной.

При электроснабжении обязательное договорное и учетное потребление. Незавершенность регулирования данной сферы приводит к проблемам в трактовке норм права. Споры электроэнергетики весьма сложны и неоднозначны, в связи с чем неоднократно разъяснения и обзоры Верховного суда. Однако они не являются источником права, и правоприменительная практика остается разнообразной.

Важную роль в судебном процессе играет распределение бремени доказывания. Как следует из Определения Судебной коллегии ВС РФ от 20.09.2012 № 26-КГ16–12 бремя доказывания непричастности энергоснабжающей организации к причиненному имуществу потребителя электроэнергии ущерб возлагается на самого поставщика электроэнергии.

Сфера применения досудебного порядка урегулирования споров с участием потребителей в РФ показала свою эффективность и уверенно расширяется. В электроэнергетике, имеющей сложное законодательство, организации объединились в Ассоциацию по защите прав потребителей,

а граждане остаются более в сложном положении поскольку, получая коммунальную услугу по электроснабжению накладываются пробелы жилищного законодательства, а общества по защите прав в жилищной сфере в основном нацелены на вызовы новостроек, в том числе реновации. Эту проблему надо решать.

Социальность, цивилизованность современного общества определяется не только и не столько объемом прав и свобод личности, сколько уровнем их гарантирования. Рассмотрим наиболее значимые подходы к понятию «гарантия». Под гарантиями прав Н.В. Витрук рассматривает общие условия и специальные (юридические) средства, которые обеспечивают их правомерную реализацию, а в необходимых случаях их охрану [8]. О.Е. Кутафин полагает, что гарантии – это меры, обеспечивающие возможность реализации физическим лицом принадлежащих ему прав и свобод [11]. В.С. Нерсесянц понимает как систему взаимосвязанных форм и средств (нормативных, институциональных и процессуальных) [17]. Следует учитывать, что надежное и качественное снабжение потребителей электрической энергией – результат совместных действий целой системы субъектов электроэнергетики и зависит от надлежащего исполнения каждого из них своих обязанностей по заключаемым ими на оптовом рынке и розничных рынках договорам. Архитектура системы гарантий защиты прав потребителей электроэнергии нами систематизирована и предлагается в виде трех ступеней: Первая ступень гарантий – нормативная (потребитель рассматривается как субъект права: правоотношения по поводу электроснабжения еще не возникли и субъективное право потенциальным потребителем еще не приобретено) – при этом весь перечень элементов можно разделить на 3 группы – нормативное правовое и техническое регулирование, договорное регулирование и саморегулирование; Вторая ступень гарантий – операционная (субъективное право приобретено потребителем в силу юридического факта вместе с возникновением договорного правоотношения); Третья ступень – институциональная (гражданско-правовые последствия нарушения прав потребителя в следствии какой-либо проблемы, например, неисполнения обязательств контрагентом или пробелы в законодательстве и т.д.) – в рамках данной ступени согласно теории охранительных правоотношений, получившей в настоящее время широкое применение как в общей теории права, так и в доктрине гражданского права [13, 14, 15], спорное регулятивное правоотношение прекращается или «приостанавливается» до результативности охранительного правоотношения. Как справедливо отмечает Т.П. Подшивалов в регулятивном правоотношении есть обязанность не нарушать право (пассивно), а в охранительном правоотношении обязанность является активной и обеспечена принуждением со стороны государства [16]. В электроэнергетике специфика данных отношений зависит от правового статуса потребителя.

Итак, подводя итог можно резюмировать, что защита прав потребителей в сфере электроснабжения и введение государством для них дополнительных гарантий обусловлены задачами обеспечения национальной безопасности страны, на этом основании в качестве базы более эффективной защиты прав потребителей необходимы актуальные правовые средства. Рассмотрение отраслевых прав и их гарантий через призму Руководящих принципов защиты прав потребителей констатирует о соответствии их общим представлениям о должном осуществлении правового регулирования. Учитывая сложность, неоднозначность, изменчивость энергетического и жилищного законодательства нами предлагается Уполномоченный по правам потребителей электрической энергии (граждан).

Литература

1. Указ Президента РФ от 13.05.2019 N 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 20.05.2019. № 20. Ст. 2421.
2. Заседание коллегии Генпрокуратуры // Сайт Президента России. URL: [http:// kremlin.ru/ events/president/news/65165](http://kremlin.ru/events/president/news/65165).
3. Алексеев С.С. Общая теория права: Учебник. М.: «Проспект», 2009;
4. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: «Норма», «Инфра-М», 2010.
5. Баранов С.Ю. Гражданско-правовые средства охраны прав потребителей: практическое пособие. Статут, 2014–159 с.
6. Богданова А.Ю. Становление и развитие договорных отношений в сфере электроснабжения в аспекте защиты прав потребителей на розничных рынках электрической энергии Юридическая наука. – 2024. – № 7. – С. 319–322.
7. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: «Волтерс Клувер», 2009.
8. Витрук Н.В. Социально-правовой механизм реализации конституционных прав и свобод граждан // Конституционный статус личности в СССР. – М.: Наука, 1980. – С. 195–209.
9. Герасимов Е. Справедливый энергопереход. Энергетика и промышленность России № 13–14 (489–490) июль 2024 года. URL: <https://www.eprussia.ru/epr/489-490/9270177.htm> (дата обращения: 08.07.2024).
10. Защита прав потребителей: в поисках оптимальной модели: монография / П.Д. Багрянская, М.О. Дьяконова, П.П. Кабытов и др.; отв. ред. С.А. Сеницын, М.Л. Шелютто; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021. – 268 с.
11. Кутафин О.Е. Государственное право РФ: курс лекций для юрид. ин-тов и фак. / под ред. О.Е. Кутафина. М., 1993.
12. Маматов М.В. Проблемы прокурорского надзора за соблюдением законодательства о правах потребителей: автореферат дис. кандидата юридических наук: 12.00.11. 2007–27 с.
13. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. с. 55;
14. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. Проблемы общей теории права и государства: учебник / П78 под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – 2-е изд., пересмотр. – Москва: Норма 2022. – 816 с.
15. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права // Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М., 2004. – 765 с.
16. Подшивалов Т.П. Охранительные правоотношения и нормы: гражданско-правовой аспект. Вестник ЮУрГУ, № 43, 2012, с 73–76.
17. Социалистическое правовое государство: Концепция и пути реализации / ред.-сост. Э.А. Чиркин; отв. ред. В.С. Нерсесянц. М.: Юрид.лит., 1990. – 320 с.
18. Челышев М.Ю. О формировании концепции законодательства о защите прав потребителей // Сфера услуг: гражданско-правовое регулирование: Сб. ст. / под ред. Е.А. Суханова, Л.В. Санниковой. М., 2011.
19. Шершеневич Г.Ф. О чувстве законности // Шершеневич Г.Ф. Избранное / вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2016.- 496 с.

FEATURES OF RIGHTS PROTECTION FOR CONSUMERS OF ELECTRICITY IN RETAIL MARKETS

Bogdanova A.Yu.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

One of the objectives of energy security is to ensure the safety of the country's economy and population with regard to energy supply. This objective can be achieved through, among other measures, effective protection of electricity consumers' rights. In order to achieve this goal, it is necessary to take into account the specific characteristics of consumers, both in general and in specific sectors, in close connection with industry transformation and the changing role of consumers in the retail market. It is also necessary to take into consideration the general principles of economic relations and the fundamentals of state policy in the field of electricity. Based on these considerations, the author proposes a definition of "active consumer", which is formulated through systematization and updating of industry classification and consumer rights guarantees. The author emphasizes the sectoral aspects of consumer protection in the context of electric energy supply in retail markets and summarizes their conformity with general principles of effective legal regulation. The paper argues that protection of consumers, including citizens and other parties involved in electricity supply, and the provision of additional state guarantees for them, are essential for ensuring the national security of the country, as they align with the objectives of protecting the interests of all parties.

Keywords: consumer protection; guarantee of rights; consumer rights; electric energy; protection of rights; features of protection of rights; retail electric energy markets.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/13/2019 No. 216 "On approval of the Doctrine of Energy security of the Russian Federation" // SZ RF. 05/20/2019. No. 20. St. 2421.
2. Meeting of the Board of the Prosecutor General's Office // Website of the President of Russia. URL: [http:// kremlin.ru/ events/ president/news/65165](http://kremlin.ru/events/president/news/65165)

3. Alekseev S.S. General theory of law: Textbook. M.: "Prospect", 2009;
4. Andreev Yu.N. The mechanism of civil protection. M.: "Norm", "Infra-M", 2010.
5. Baranov S. Yu. Civil legal means of consumer protection: a practical guide. Statute, 2014–159 p.
6. Bogdanova A. Yu. Formation and development of contractual relations in the field of electricity supply in the aspect of consumer protection in retail electricity markets. Legal science. – 2024. – No. 7. – pp. 319–322.
7. Vavilin E.V. Implementation and protection of civil rights. M.: "Walters Kluwer", 2009.
8. Vitruk N.V. Socio-legal mechanism for the realization of constitutional rights and freedoms of citizens // Constitutional status of the individual in the USSR. – M.: Nauka, 1980. – pp. 195–209.
9. Gerasimov E. Fair energy transfer. Energy and Industry of Russia No. 13–14 (489–490) July 2024. URL: <https://www.eprussia.ru/epr/489-490/9270177.htm> (date of appeal: 07/08/2024).
10. Consumer protection: in search of an optimal model: monograph / P.D. Bagryanskaya, M.O. Dyakonova, P.P. Kabytov, etc.; ed. S.A. Sinitsyn, M.L. Shelutto; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – M.: LLC "LAW FIRM CONTRACT", 2021. – 268 p.
11. Kutafin O.E. State law of the Russian Federation: a course of lectures for jurists. in-tov and fac. / edited by O.E. Kutafin. M., 1993.
12. Mamatov M.V. Problems of prosecutorial supervision of compliance with legislation on consumer rights: abstract of the dissertation. Candidate of Law Sciences: 12.00.11. 2007–27 p.
13. Motovilovker E. Ya. Theory of regulatory and protective law. Voronezh, 1990. p. 55;
14. Problems of the general theory of law and the state / under the general editorship of V.S. Nersesyants. Problems of the general theory of law and the State: textbook / P78 under the general editorship of V.S. Nersesyants. – 2nd ed., revised. – Moscow: Norm 2022. – 816 p.
15. Muromtsev S.A. Definition and basic division of law // Selected works on Roman and civil law. M., 2004. – 765 p.
16. Podshivalov T.P. Protective legal relations and norms: the civil aspect. Bulletin of SUSU, No. 43, 2012, pp. 73–76.
17. The socialist rule of law: The concept and ways of implementation / ed.-comp. E.A. Chirkin; ed. V.S. Nersesyants. M.: Yurid. lit., 1990. – 320.
18. Chelyshev M. Yu. On the formation of the concept of legislation on consumer protection // Sphere of services: civil law regulation: Collection of articles / edited by E.A. Sukhanov, L.V. Sannikova. M., 2011.
19. Shershenevich G.F. About the sense of legality // Shershenevich G.F. Favorites / introduction. slovo, comp.: P.V. Krashennikova. M.: Statute, 2016.- 496 p.

Генезис понятия «квалификация преступлений» и современные подходы к его пониманию

Тугутова Дулма Аюровна,

аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации
E-mail: tugutova.dulma@gmail.com

Статья посвящена познанию сущности понятия «квалификация преступлений» путем анализа как его генезиса, так и современных подходов к его пониманию. Квалификация преступлений исследуется с помощью этимологического анализа понятия «квалификация», образованного в латинском языке и заимствованного отечественным уголовным правом. В статье показана трансформация лексического значения заимствованного термина от прилагательного «квалифицированный» до отглагольного существительного «квалификация». Последнее содержит в себе одновременную характеристику как процесса, так и его результата, что напрямую взаимосвязано с понятием квалификации преступления. Автором приводятся сложившиеся в настоящее время подходы к пониманию сущности исследуемого явления.

Ключевые слова: уголовное право; квалификация преступлений; понятие квалификации преступлений.

Введение

Теория квалификации преступлений является одним из важнейших и неотъемлемых направлений исследования уголовно-правовой науки. При этом, по нашему мнению, в юридической науке уделено недостаточно внимания вопросу генезиса понятия квалификации преступления. Происхождение изучаемого термина имеет основополагающее значение для современных подходов к пониманию его сути. В целях познания сущности исследуемого явления небезыntenесным представляется провести этимологический анализ понятия «квалификация» и отследить его закрепление в отечественной правовой системе.

Основная часть

Для проведения этимологического анализа имеет первоочередное значение установление происхождения слова. Первая часть исследуемого термина заимствована от латинского «*qualis*», «*qualia*» – какой, свойства, качества [3, с. 842]. Этимологический словарь [17] указывает – в середине XV века впервые произошла рецепция глагола «*qualify*» в значении «вкладывать, придавать определенное качество». С латинским глаголом «*facere*», самостоятельное употребление которого способствует реализации терминативной семантики, предполагающей достижение предела действия, его результат («сделать что-то, что будет существовать», «изготовить», «создать») [2, с. 46], образовалось отглагольное существительное «*qualification*» («квалификация»).

Дальнейшее изменение смысла исследуемого термина произошло в 1530–1580-х гг. и ему придавалось значение «компетенция, пригодность к работе». Этимологическое исследование свидетельствует о том, что с конца XIX – середины XX века прилагательное «квалифицированный» стало употребляться в качестве эвфемизма к британскому «*dampnen*», имеющему негативный смысл – «проклятый, приговоренный, осужденный» [16], которое в свою очередь произошло от латинского «*damnare*» – признать виновным.

Взаимосвязь обозначенных терминов прослеживается в объяснительном словаре иностранных слов от 1883 г., в котором находят свое закрепление слова:

- «квалификация» в значении «обозначение качеств»;
- «квалификатор» в значении «наименователь, член инквизиции» [5, с. 305].

В словаре 1909 года помимо основного значения квалификации как «определения качества, степени чего-либо» указывается юридическое:

- «выделение по особым, вину отягчающим признакам некоторых видов из целого ряда уголовных преступлений»;
- квалифицированное преступление – «совершенное при особых увеличивающих вину его, обстоятельствах»;
- квалифицированная смертная казнь – особо мучительная, которой в старину подвергались наиболее тяжкие преступники [14, с. 694].

В контексте нашего исследования в качестве примера может быть приведен УК РСФСР 1922 года, в котором кража разделялась на простую и квалифицированную [15]. Простой признавалась кража у частного лица без применения технических приемов. Состав квалифицированной кражи содержал следующие признаки: применение каких-либо технических приемов, инструментов; «профессиональный» признак субъекта, который занимался кражами в качестве профессии; хищение имущества, необходимого для существования потерпевшего; соучастие лиц по предварительному сговору.

Очевидно, что в квалифицированных преступлениях наличествуют особые отягчающие признаки. В этом качестве квалификация выступает в качестве результата, тем самым проявляется результативная сторона данного отглагольного существительного. При этом возникает закономерный вопрос каким же образом исследуемое понятие закрепилось в нашей правовой системе? Р.А. Сабитов отмечает, что в до-революционный период он не использовался, первыми примерами его употребления стали постановления Пленума Верховного Суда РСФСР [13, с. 5].

Нами найдены примеры употребления в искомом контексте в циркулярах Верховного трибунала при ВЦИК РСФСР. Так, в Циркуляре № 159 от 16.10.1922 года, приводятся следующие положения:

- «квалификация подделки железнодорожной накладной карается по ст. 189 УК»;
- «квалификация кражи, учиненной часовым из охраняемого им склада, карается по п. «е» 180 ст. и 208 ст. УК» [4, с. 55–56].

В отечественной доктрине классическое определение разработано А.А. Герцензоном: «Квалификация преступлений – установление соответствия данного конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом» [1, с. 3]. Оно следует пониманию только стороны процесса, поскольку не охватывает его результативную сторону.

Академик В.Н. Кудрявцев выделял обе стороны изучаемого отглагольного существительного: «установление (процесс) и юридическое закрепление (результат) точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой» [9, с. 5–6]. Приведенная позиция совпадает с лингвистической характеристикой отглагольного существительного.

В современной уголовно-правовой науке выделяются узкий и широкий подходы к предмету нашего исследования [5, с. 89–92; 7, с. 191]. Узкий под-

ход предполагает, что «квалификация преступлений составляет только ту часть процесса применения нормы права, которая заключается в выборе единственной уголовно-правовой нормы, точно соответствующей признакам реально совершенного опасного деяния, и закреплении этого выбора в юридическом акте (приговоре, определении, постановлении)» [8, с. 4–5]. При этом подходе исследователи видят сущность квалификации в юридической оценке деяния путем установления его тождества уголовно-правовой норме, что по мнению профессора А.В. Наумов «является центральной стадией правоприменительного процесса, его юридической основой. Она состоит не только в формальном выборе нормы права, а включает в себя и проверку подлинности нормы, ее действия в пространстве и времени, ее толкование» [15, с. 20].

Широкий подход видит необходимость в установлении имеющих правовое значение признаков преступления. Наиболее широкий вариант позволяет включить в содержание оценку и закрепление всех имеющих юридическое значение обстоятельств совершенного, например:

1. отграничение от деяния, не запрещенного УК РФ;
2. вопросы выбора применимой нормы Особенной части УК РФ;
3. определение стадии преступления;
4. установление наличия либо отсутствия соучастия в совершении деяния;
5. выявление фактических и юридических ошибок;
6. любые иные обстоятельства, имеющие юридическое значение для характеристики преступления [6, с. 33–34].

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что судам необходимо учитывать все обстоятельства содеянного, характеристику личности преступника, степень его вины, а также иные факты, имеющие значение для правильного разрешения дела – наличие смягчающих и отсутствие отягчающих обстоятельств, малозначительность деяния [12].

Заключение

Термин «квалификация» образован на основе латинского языка путем сочетания «*qualis*», «*qualia*» – какой, свойства, качества и «*facere*» – «сделать что-то, что будет существовать», «изготовить», «создать». Первоначально в нашей правовой системе закрепилось прилагательное «квалифицированный», то есть имеющий отягчающие ответственность признаки, что остается актуальным и в современности. Сам по себе термин «квалификация» является отглагольным существительным, что одновременно характеризует его и как процесс, и как результат. Уголовно-правовая наука следует лингвистической характеристике изучаемого понятия, включая в содержание квалификации и её процесс, и её результат. В настоящее время выделяются два подхода к пониманию сущности исследуемого термина – узкий и широкий.

Литература

1. Герцензон А.А. Квалификация преступлений. – М.: РИО ВЮА, 1947. – 26 с.
2. Гончарова Н.А. Способы выражения побудительного значения у глагола *facere* (на материале классической и постклассической латыни) // «Вестник БГУ»: научно-теоретический журнал Белорусского государственного университета. – 1984. – № 1. – С. 46–49.
3. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Около 50 000 слов. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
4. Еженедельник советской юстиции. – М., 1922. – № 39–40. – 56 с.
5. Закомолдин Р.В., Кондратюк С.В. К вопросу о нормативном определении понятия и сущности квалификации преступлений // Гуманитарные балканские исследования. – 2020. – Т. 4, № 1(7). – С. 89–92;
6. Карбанова Е.Н. Многообъектные преступления: теория, законодательство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2020. – 469 с.
7. Квалификация преступлений: учеб. пособие / Под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 559 с.
8. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособие / под ред. А.И. Рарога. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 176 с.
9. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М.: «Юридическая литература», 1972. – 352 с.
10. Михельсон А.Д. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. – М.: Русская тип. А.О. Лютецкого, 1883. – 752 с.
11. Наумов А.В. Законы логики при квалификации преступлений. – М.: Юрид. лит., 1978. – 104 с.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2020 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Демьшиной» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
13. Сабитов Р.А., Сумский Д.В. Квалификация и переквалификация уголовно-правовых деяний. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 686 с.
14. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. – Т. 4, вып. 3: Качалка-Класться. – СПб.: типография Императорской Академии наук, 1909. – 960 с.
15. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.
16. Qualified (adj.) [Электронный ресурс] // Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/qualified#etymonline_v_54980 (дата обращения 22.08.2024).

17. Qualify (v.) [Электронный ресурс] // Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/qualify> (дата обращения 22.08.2024).

THE GENESIS OF “QUALIFICATION OF CRIMES” CONCEPT AND MODERN APPROACHES TO ITS UNDERSTANDING

Tugutova D.A.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The article is devoted to understanding the essence of the concept of «crime qualification» by analyzing both its genesis and modern approaches to its understanding. The qualification of crimes is investigated using an etymological analysis of the concept of «qualification», formed in Latin and borrowed by domestic criminal law. The article shows the transformation of the lexical meaning of the borrowed term from the adjective “qualified” to the verbal noun “qualification”. The latter contains a simultaneous characterization of both the process and its result, which is directly interrelated with the concept of crime qualification. The author presents the currently established approaches to understanding the essence of the phenomenon under study.

Keywords: criminal law; qualification of crimes; the qualification of crimes concept.

References

1. Gertsenzon A.A. Qualification of crimes. – М.: RIO VUA, 1947. – 26 p.
2. Goncharova N.A. Ways of expressing the imperative meaning of the verb *facere* (based on classical and postclassical Latin) // “Bulletin of BSU”: scientific and theoretical journal of the Belarusian State University. – 1984. – No. 1. – P. 46–49.
3. Dvoretzky I. Kh. Latin-Russian dictionary. About 50,000 words. – 2nd ed. – М.: Russian language, 1976. – 1096 p.
4. Weekly of Soviet justice. – М., 1922. – No. 39–40. – 56 p.
5. Zakomoldin R.V., Kondratyuk S.V. On the issue of the normative definition of the concept and essence of the qualification of crimes // Humanitarian Balkan studies. – 2020. – Vol. 4, No. 1 (7). – P. 89–92;
6. Karabanova E.N. Multi-object crimes: theory, legislation, practice: dis. ... Doctor of Law. – М., 2020. – 469 p.
7. Qualification of crimes: textbook. manual / Ed. by K.V. Obrazhiev, N.I. Pikurov. – 2nd ed., revised. and enlarged. – М.: Yurilitinform, 2019. – 559 p.
8. Korneeva A.V. Theoretical foundations of the qualification of crimes: textbook. manual / edited by A.I. Rarog. – М.: TK Velbi, Prospect Publishing House, 2006. 176 p.
9. Kudryavtsev V.N. General Theory of Crime Qualification. – М.: “Legal Literature”, 1972. – 352 p.
10. Mikhelson A.D. Explanatory Dictionary of Foreign Words That Have Come into Use in the Russian Language, with an Explanation of Their Roots. – М.: Russian Type. A.O. Lyutetsky, 1883. – 752 p.
11. Naumov A.V. Laws of Logic in the Qualification of Crimes. – М.: Legal Literature, 1978. – 104 p.
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 27, 2020 No. 10-P “On the case of verifying the constitutionality of Article 324 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen N.M. Demenshina” // Reference legal system “Consultant Plus”.
13. Sabitov R.A., Sumsky D.V. Qualification and requalification of criminal acts. – М.: Yurilitinform, 2020. – 686 p.
14. Dictionary of the Russian language, compiled by the Second Section of the Imperial Academy of Sciences. – Vol. 4, issue 3: Kachalka-Klastsya. – St. Petersburg: printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1909. – 960 p.
15. Criminal Code of the RSFSR of 1922 // SU RSFSR. – 1922. – No. 15. – Art. 153.
16. Qualified (adj.) [Electronic resource] // Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/qualified#etymonline_v_54980 (date of access 08/22/2024).
17. Qualify (v.) [Electronic resource] // Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/qualify> (date of access 08/22/2024).

Генезис и развитие правового регулирования института международной электронной торговли

Тюхтенкова Екатерина Игоревна,

преподаватель кафедры английского языка в сфере таможенной деятельности Российской таможенной академии

Стремительное развитие электронной торговли в последние годы под влиянием различных факторов, актуализирует проблему эффективности правового регулирования. Электронная торговля становится не просто трендом современного времени, а постепенно входит в обычный обиход повседневной жизни человека, чему способствует развитие процессов цифровизации, в различных странах мира. Особенностью развития правового регулирования института международной электронной торговли является как постоянное изменение норм, внесение изменений и дополнений в законодательные акты в силу развития общественных отношений, так и разный подход государств в рамках национальной правовой основы в области регулирования электронной торговли. Правовое регулирование института международной торговли прошло определенный путь становления и эволюции, что обусловлено различными этапами общественного развития и необходимостью государственного и международного регулирования. Генезис правовой основы международной электронной торговли напрямую связан с особенностями информационно-коммуникативного развития мира в целом и отдельных государств, в частности. Система правового регулирования в каждой стране складывалась на основе специфики национального права. В различных странах существует как разный уровень развития электронной торговли, так и специфика правового регулирования, что и будет рассмотрено в данной статье.

Ключевые слова: электронная торговля, электронная коммерция, электронный бизнес, международная электронная торговля, правовое регулирование, генезис, интернет, веб-технологии.

Понятие и правовые особенности института международной электронной торговли

На сегодняшний день, электронная торговля активно развивается и постоянно видоизменяется под влиянием развития процессов цифровизации. Анализ динамики развития международной электронной торговли показывает, что в 2020 г. объем розничной электронной торговли составил 4,248 триллионов долларов США [24], в 2021 г. – 4,9 триллионов долларов США [11], в 2022 г. объем розничной электронной торговли составил 5 триллионов долларов США [24], в 2023 г. – 5,8 триллиона долларов США [18]. За последние годы в период с 2020 по 2023 г. оборот электронной торговли увеличился на 0,9 триллионов долларов США.

Эти статистические данные показывают, что международная электронная торговля активно развивается и наращивает темпы. В экономическом плане, оборот от данной торговли свидетельствует о повышении значимости данной торговли в системе экономических отношений за последние годы. В некоторых государствах электронная торговля развивается небывалыми темпами.

В рамках странового разреза лидерами электронной торговли являются: Китай, США и Япония [23]. Среди ключевых игроков на мировой арене китайский розничный гигант Alibaba удерживает звание крупнейшего розничного продавца электронной коммерции в мире, занимая 23 процента доли рынка международной электронной торговли.

Тем не менее, прогнозы предполагают, что к 2027 году базирующийся в Сиэтле электронная коммерция Amazon превзойдет Alibaba по предполагаемым продажам, достигнув ошеломляющих 1,2 триллиона долларов США в онлайн-продажах [22]. И в дальнейшем в перспективе, предполагается, что международная электронная торговля будет лишь увеличивать обороты. Значимость электронной торговли создает необходимость определения данного вида торговли.

В международной практике в целом, так и в рамках отдельных государств, сложились различные подходы к понятию электронной торговли. На сегодняшний день употребляются такие понятия как: «электронная торговля», «электронный бизнес», «электронная коммерция», «дистанционная торговля».

Следует отметить, что данное понятие не является статичным, оно постоянно видоизменяется под влиянием развития веб-технологий, процессов цифровизации.

Первые определения электронной торговли, возникшие на этапе ее становления и развития, отличаются от современных трактовок, что обусловлено видоизменением общественных и иных отношений. На этапе становления «термин «электронная торговля» означал процесс выполнения коммерческих транзакций в электронном виде с помощью ведущих технологий, таких как электронный обмен данными (EDI) и электронная передача средств (EFT – электронный перевод денег), которые давали пользователям возможность обмениваться деловой информацией и совершать электронные сделки» [19]. Этап становления международной электронной торговли напрямую связан с постепенным информационно-коммуникативным развитием и первыми попытками различных государств урегулировать данные виды правоотношений.

В настоящее время, как в системе правового регулирования, так и в науке различных стран сложились разные подходы к понятию электронной торговли. По мнению Т.А. Власовой, А.А. Власова «электронная торговля – это обмен товаров и услуг посредством Сети Интернет при помощи потенциального потребителя, продавца товаров и гаджетов. Этот тип экономической деятельности стремительно охватывает весь мир» [14; с. 241].

Ю.К. Баженов указывает на двойственную природу понятия электронной торговли, указывая, что с одной стороны, электронная торговля – это предпринимательская деятельность, отвечающая определенным в законодательстве признакам предпринимательской деятельности, а с другой – это использование информационно-телекоммуникационных сетей в целях осуществления торговой деятельности» [13; с. 235].

В системе понятийного аппарата, особо стоит выделить трактовки международной электронной торговли предложенные международными организациями. Согласно Всемирной торговой организации (далее по тексту ВТО) «электронная торговля является специфической формой торговли, принципиально новым способом покупки, продажи и распределения товаров и услуг, регулируемых в настоящее время международно-признанными многосторонними правилами торговли, в частности Генеральным соглашением о торговле услугами (ГАТС)» [16; с. 88].

Поскольку торговая и торгово-посредническая деятельность называется коммерцией [15; с. 29], к электронной торговле применяется и понятие электронной коммерции. Так, например, в зарубежных странах, англоязычных употребляется в большей степени термин «e-commerce». Однако стоит отметить, что понятие электронной коммерции несколько шире термина электронной торговли. Электронная коммерция включает в себя все торговые, а также финансовые операции (различные транзакции), а также цепочки бизнес-процессов.

При этом стоит отметить не только взаимосвязанность различных процессов торговли, финансо-

вых операций и других, но и их влияние на развитие. Электронная торговля на первый взгляд предоставляет новые средства для охвата и обслуживания клиентов, партнеров, сотрудников и инвесторов.

В глобальном смысле, она трансформирует общественно-экономические процессы. Она разрушает барьеры между государственными органами, компаниями и странами. Электронная торговля позволяет делить и распределять деловую активность неограниченными способами. Особенности правового регулирования электронной торговли напрямую связаны с развитием права в данной области и охватывают систему регулирования, касающегося не только торговых отношений, но и международных финансовых расчетов, правового регулирования Интернет.

В современных условиях в системе правового регулирования электронной торговли можно выделить несколько уровней: международный, региональный (на основе различных интеграций), национальный.

Международный уровень представлен системой унификации и различного рода стандартов международного уровня, что может быть применимо к любой стране. Международные нормативные акты создают базовую основу данного вида торговли, вне зависимости от специфики национальной правовой системы.

С развитием интегративных образований возникла систем наднационального права, что позволяет говорить о правовом регулировании в рамках того или иного интегративного объединения, например Европейского Союза (далее по тексту ЕС), Содружества независимых государств (далее по тексту СНГ), Евразийского экономического союза (далее по тексту ЕАЭС). Также стоит выделять систему национального правового регулирования в рамках законов отдельных государств.

Генезис правового регулирования института международной электронной торговли

Использование предприятиями США первых компьютеров для коммерческой деятельности в 1954 г. [21] создало первые предпосылки для внедрения электронных систем в коммерческую деятельность и создания системы правового регулирования. На протяжении 60–90-ых гг. XX в. в различных странах мира происходила автоматизация различных процессов, например электронного резервирования билетов, появления в 70-ые годы XX в. электронного трейдинга.

Активное использование компьютеров, появление Интернет в массовом пользовании создало возможность для активного развития электронной торговли в 90-ые годы XX в. и изменения системы правового регулирования в данной области. В частности, возникла потребность в новых законах. Как выше отмечалось, постоянно изменялся и термин электронная торговля. Если сначала он предполагал процесс выполнения коммерческих

транзакций в электронном виде, то к 2000ым годам, под электронной торговлей стали понимать «процесс покупки доступных товаров и услуг через Интернет с использованием безопасных соединений и услуг электронных платежей» [20; с. 10].

Первый шаг к необходимости международного правового регулирования был еще сделан в 90-ые годы XX в. В 1996 году, когда уполномоченная комиссия ООН по вопросам международной торговли, приняла так называемый «Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле» [1]. Большое значение имела и роль ВТО в выработке международных норм в указанной области.

В 1998 г. были заложены первые основы на Второй Министерской конференцией ВТО, в результате чего была принята Декларация о всемирной электронной торговле [2]. Начиная с 90-ых гг. XX в. с активным развитием европейского права в рамках ЕС формируются нормативно-правовые основы наднационального уровня в виде различного рода Директив, которые действуют до сих пор.

Значение имело в 90-ые годы XX в. и создание национальных правовых актов. Как правило, они касались регулирования Интернет. Например, в Японии был принят Towards the Age of the digital Economy. Ministry of International Trade and Industry, Government of Japan. 1997, в котором указывалось понятие электронной торговли как сделок с использованием современных интернет-технологий.

В рамках национального правового регулирования государства сначала создавали акты, регулирующие электронную торговлю, затем возникла потребность в правовом регулировании электронных платежных систем, а также обеспечения безопасности, о чем будет подробно указано далее в сравнительно-правовом анализе стран.

В России, правовое регулирование электронной торговли прошло различные этапы, начиная с 90-ых гг. XX в. С принятием Конституции Российской Федерации в 1993 г. потребовалась замена всех актов. Большое значение имели различные доктрины и концепции информационного развития, программы России, которые стимулировали принятие новых правовых основ в указанной области.

В 2017 г. была закреплена категория «Интернета вещей» закреплена в нормативном акте, а именно Указе Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [4]. Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее ГК РФ) [5] внесена ст. 141.1. определяющая понятие цифровых прав. Большое значение имело внесение изменений в ГК РФ и закрепление в ст. 497 дистанционного способа продажи товара. Правовое регулирование электронной торговли в России постоянно развивается, что отражается и в иных подзаконных актах устанавливающих не только особенности организации данной торговли, но и ответственность субъектов права данного вида торговли.

Сравнительно-правовой анализ нормативно-правового регулирования международной электронной торговли в Америке, странах ЕС и СНГ

Обращаясь к законодательному регулированию электронной торговли в зарубежных странах, стоит отметить, что многие акты принятые в 90-ые гг. XX в. действуют до сих пор. В них просто вносятся изменения и дополнения. Как выше указано США находится на втором месте по обороту электронной торговли в международной оценке стран.

Обращение к опыту США показывает, что правовое регулирование электронной торговли впервые было сформировано в налоговом законодательстве. В 1998 г. в США был принят нормативный акт регулирующий особенности налогообложения в Интернет [6], где впервые было закреплено понятие электронной торговли как любых сделок, которые совершаются сторонами с использованием доступа в сети Интернет.

В рамках американской правовой системы существуют особенности правового регулирования, акт может быть принят как на федеральном уровне, так и на уровне штатов, распространяя свое действие лишь на конкретную территорию. Так, в 1997 г. в штате Калифорния был принят акт Закон «Об электронных сделках» 1999 г. [7]

Федеральный закон США «Об электронной подписи» 2000 г. [8] предусматривает, что электронные подписи, контракты и записи должны иметь ту же юридическую силу, что и подписи на бумаге. В соответствии с Законом США о единообразных электронных транзакциях (Uniform Electronic Transactions Act) (принят в 47 штатах), транзакции могут проводиться электронными средствами, так что этот закон дает юридическое признание электронным подписям, записям и договорам. Также в США действует Унифицированный коммерческий кодекс США (закон, принятый во всех 50 штатах, регулирующих сделки) [9].

ЕС. Право ЕС представляет собой систему наднационального правового регулирования, в связи с чем, значение имеют как нормы права ЕС – для стран-участниц данного интегративного образования, так и национальных нормативных актов. На сегодняшний день, в ЕС действует ряд директив, в частности:

- Директива об электронных подписях(1999/93/ЕС);
- Директива об электронной торговле (2001/31/ЕС);
- Директива о дистанционных продажах (97/7 /ЕС);
- Директива о правах потребителей (2011/83 /EU).

Директива № 2000/31/ЕС по вопросам правового регулирования тех или иных «онлайн – услуг» и всех иных элементов «международной электронной торговли» должна была полностью устранить как все имеющиеся «внутренние барьеры» транс-

граничных «онлайн – услуг», так и всех иных вопросов аналогичного порядка и содержания. Дополнительно ко всему, именно этот правовой акт ЕС, поставил требования о выполнении прозрачности, защищенности и безопасности ко всем без исключения Интернет – провайдерам, как неотъемлемую часть их обязанности в вопросах дальнейшего и успешного развития «международной электронной торговли».

Директивы №№ 1999/93/ЕС, 2000/31/ЕС45, 2006/123/ЕС46, /83/ЕС47 разработали и утвердили порядок использования и удостоверения «цифровой электронной подписи», как неотъемлемой части – дальнейшего развития всей «международной электронной торговли».

Национальное правовое регулирование стран участниц ЕС имеет свои особенности. Так во Франции ключевыми нормативными актами в области электронной торговли являются: Торговый кодекс Франции и Закон о доверии в цифровой экономике от 21 июня 2004 года, первый акт устанавливает особенности сделок в системе электронной торговли, а второй содержит КК понятие данной торговли, так и требования к веб-сайтам для торговли, обеспечению безопасности.

Исходя из положений п. 1 ст. 14 Закона Франции «О принципе доверия в цифровой экономике» 2004 года, «электронная торговля определялась как экономическая деятельность, при осуществлении которой гражданин дистанционно или с помощью каналов связи предлагает приобрести или намеревается купить определенный товар или услугу» [10].

В Италии все вопросы, связанные с электронными контрактами, регулируются положениями Декретом об электронной коммерции Италии № 70/2003 [11], в ст. 7, 12, 13 которого закреплены требования, которым должен соответствовать поставщик услуг, продающий свои услуги или продукты через сеть интернет. В Декрете указано, что поставщики услуг обязаны предоставлять пользователям (клиентам) условия договора и общие условия в форме, допускающей их хранение и воспроизведение.

В ст. 13 рассматриваемого Декрета закреплена ряд принципов, которые должны соблюдаться, если что-либо иное не было согласовано с клиентом: подтверждение субъектом, предоставляющим услуги, факта получения заказа с использованием электронных инструментов; подтверждение получения заказа будет считаться полученным, когда стороны, которым адресованы сообщения, смогут получить к ним доступ.

СНГ

Содружество независимых государств представляет собой интегративное объединение, что предполагает создание правовой основы в рамках СНГ, так и национального права стран участниц СНГ. Эволюция правового регулирования электронной торговли в СНГ связана не только с информацион-

ным развитием, но и трансформацией, связанной с распадом СССР. В этой связи, правовая основа стала формироваться только в 2000-ые годы на основе модельных законов.

Так, в 2000 г. был принят модельный закон «Об электронной цифровой подписи», через пять лет принят модельный закон «Об информатизации, информации и защите информации» и еще через три года, в 2008 г. согласован и принят модельный закон «Об электронной торговле» (2008 г.). В настоящее время Закон «Об электронной торговле», утвержденный постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 25 ноября 2008 г. № 31–12 [12] является базовым для стран участниц в регулировании электронной торговли. Также страны участницы приняли ряд национальных законов.

Например, в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 28 июля 2003 года «О торговле», Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года «Об информации, информатизации и защите информации», Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 года «Об электронном документе и электронной цифровой подписи»; в Казахстане: Закон Республики Казахстан от 12 апреля 2004 года № 544 «О регулировании торговой деятельности», Закон Республики Казахстан от 7 января 2003 года № 370 «Об электронном документе и электронной цифровой подписи».

Система правового регулирования стран показывает, что, несмотря на то, что многие акты были приняты в 90-ые – 2000-ые годы, в них периодически вносятся изменения.

Литература

1. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле от 12 июня 1996 года // [Электронный ресурс]: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_commerce (дата обращения 15.08.2024)
2. Декларация о глобальной электронной коммерции. – URL: Режим доступа: <https://www.vavt.ru/wto/wto/GlobalElectronicCommerce> (дата обращения 15.08.2024)
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета 1993. 25 декабря.
4. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ 2017. № 20. ст. 2901.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ 1994. № 32. ст. 3301.
6. The Internet Tax Freedom Act 1998. – URL: Режим доступа: <https://www.congress.gov/108/>

- plaws/publ435/PLAW-108publ435.htm (дата обращения 12.08.2024)
7. Electronic Transactions Act of 1999. – URL: Режим доступа: <http://euro.ecom.cmu.edu/program/law/08-732/Transactions/ueta.pdf> (дата обращения 12.08.2024)
 8. Federal Electronic Signatures in Global and National Commerce Act 2000 (дата обращения 12.08.2024)
 9. Uniform Commercial Code of the United States. – URL: Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/ucc> (дата обращения 16.08.2024)
 10. Law for Confidence in the Digital Economy of 21 June 2004. – URL: Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/12761> (дата обращения: 16.08.2024).
 11. E-commerce Decree (Legislative Decree No. 70/2003). – URL: Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/13291> (дата обращения 16.08.2024)
 12. Закон «Об электронной торговле», утвержденный постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 25 ноября 2008 г. № 31–12. – URL: Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902157685> (дата обращения 16.08.2024)
 13. Баженов Ю.К. Коммерческая деятельность. – М.: Дашков и К, 2023. – 286 с.
 14. Власова Т.А., А.А. Власов Электронная торговля в Российской Федерации: принципы и правовое регулирование // Экономика, управление и финансы в XXI веке: факты, тенденции, прогнозы. Материалы международной научно-практической конференции. – Курск: КИК, 2020. С. 241–249.
 15. Гаврилов Л.П. Электронная коммерция: учебник и практикум для вузов / Л.П. Гаврилов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 579 с.
 16. Салихова Р.Р. Управление конкурентоспособностью торговых организаций: монография / Р.Р. Салихова, Р.Р. Дыганова. – М.: РУСАЙНС, 2020. –190 с.
 17. E-commerce sales worldwide set to increase by 50% by 2025, reaching 7.5 trillion dollars. – URL: Режим доступа: <https://www.asendia.com/asendia-insights/e-commerce-sales-worldwide-set-to-increase-by-50-by-2025> (дата обращения 11.08.2024)
 18. Global retail e-commerce sales 2014–2027. – URL: Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/379046/worldwide-retail-e-commerce-sales/#:~:text=In%202023%2C%20global%20retail%20e,estimated%205.8%20trillion%20U.S.%20dollars.> (дата обращения 12.08.2024)
 19. History of Ecommerce // [Электронный ресурс]: https://www.ecommerce-land.com/history_ecommerce.html (дата обращения 16.08.2024)
 20. Kenneth C. Laudon, Carol G. Traver E-Commerce: Business, Technology, Society, Second Edition (Hardcover) 2008.
 21. Press G. A Very Short History of Digitization // [Электронный ресурс]: <https://www.forbes.com/sites/gilpress/2015/12/27/a-very-short-history-of-digitization/?sh=2d7de29149ac> (дата обращения 12.08.2024)
 22. Retail e-commerce sales worldwide from 2014 to 2027. – URL: Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/379046/worldwide-retail-e-commerce-sales/#:~:text=In%202023%2C%20global%20retail%20e,estimated%205.8%20trillion%20U.S.%20dollars.> (дата обращения 12.08.2024)
 23. Revenue of e-commerce worldwide in 2023, by country. – URL: Режим доступа: <https://www.statista.com/forecasts/1283912/global-revenue-of-the-e-commerce-market-country> (дата обращения 12.08.2024)
 24. Worldwide ecommerce sales set to top \$5 trillion for first time in 2022. – URL: Режим доступа: <https://www.emarketer.com/insights/worldwide-ecommerce-sales-to-top-7-trillion/#:~:text=Worldwide%20retail%20ecommerce%20sales%20will,top%20%247%20billion%20in%202025.> (дата обращения 11.08.2024)

GENESIS AND DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE OF INTERNATIONAL ELECTRONIC COMMERCE

Тюкhtenkova E.I.
Russian Customs Academy

The rapid development of e-commerce in recent years, influenced by various factors, actualizes the problem of the effectiveness of legal regulation. E-commerce is becoming not just a trend of modern times, but is gradually entering the ordinary everyday life of a person, which is facilitated by the development of digitalization processes in various countries of the world. The peculiarity of the development of legal regulation of the institution of international e-commerce is both a constant change in norms, amendments and additions to legislative acts due to the development of public relations, and a different approach of states within the framework of the national legal framework in the field of regulation of e-commerce. Legal regulation of the institution of international trade has gone through a certain path of formation and evolution, which is due to different stages of social development and the need for state and international regulation. The genesis of the legal basis of international e-commerce is directly related to the peculiarities of the information and communication development of the world in general and individual states in particular. The system of legal regulation in each country was formed on the basis of the specifics of national law. In different countries, there are both different levels of development of e-commerce and the specifics of legal regulation, which will be discussed in this article.

Keywords: electronic trade, electronic commerce, electronic business, international electronic trade, legal regulation, genesis, internet, web technologies.

References

1. UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce of 12 June 1996 // [Electronic resource]: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_commerce (date of access 15.08.2024)
2. Declaration on Global Electronic Commerce. – URL: Access mode: <https://www.vavt.ru/wto/wto/GlobalElectronicCommerce> (date of access 15.08.2024)
3. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta 1993. December 25.

4. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030" // SZ RF 2017. No. 20. Art. 2901.
5. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 24.07.2023) // SZ RF 1994. No. 32. Art. 3301.
6. The Internet Tax Freedom Act of 1998. – URL: Access mode: <https://www.congress.gov/108/plaws/publ435/PLAW-108publ435.htm> (date of access 08/12/2024)
7. Electronic Transactions Act of 1999. – URL: Access mode: <http://euro.ecom.cmu.edu/program/law/08-732/Transactions/ueta.pdf> (date of access 08/12/2024)
8. Federal Electronic Signatures in Global and National Commerce Act 2000 (date of access 08/12/2024)
9. Uniform Commercial Code of the United States. – URL: Access mode: <https://www.law.cornell.edu/ucc> (date of access 16.08.2024)
10. Law for Confidence in the Digital Economy of 21 June 2004. – URL: Access mode: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/12761> (date of access: 16.08.2024).
11. E-commerce Decree (Legislative Decree No. 70/2003). – URL: Access mode: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/13291> (date of access 16.08.2024)
12. The Law "On Electronic Commerce", approved by the Resolution of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States dated November 25, 2008 No. 31–12. – URL: Access mode: <https://docs.cntd.ru/document/902157685> (date of access 16.08.2024)
13. Bazhenov Yu.K. Commercial activity. – M.: Dashkov i K, 2023. – 286 p.
14. Vlasova T.A., A.A. Vlasov Electronic Commerce in the Russian Federation: Principles and Legal Regulation // Economy, Management and Finance in the 21st Century: Facts, Trends, Forecasts. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. – Kursk: KIK, 2020. Pp. 241–249.
15. Gavrillov LP Electronic Commerce: Textbook and Workshop for Universities / LP Gavrillov. – 6th ed., revised. and additional. – M.: Yurait, 2024. – 579 p.
16. Salikhova RR Competitiveness Management of Trade Organizations: Monograph / RR Salikhova, RR Dyganova. – M.: RU-SAINS, 2020. – 190 p.
17. E-commerce sales worldwide set to increase by 50% by 2025, reaching 7.5 trillion dollars. – URL: Access mode: <https://www.asendia.com/asendia-insights/e-commerce-sales-worldwide-set-to-increase-by-50-by-2025> (accessed on 11.08.2024)
18. Global retail e-commerce sales 2014–2027. – URL: Access mode: <https://www.statista.com/statistics/379046/worldwide-retail-e-commerce-sales/#:~:text=In%202023%2C%20global%20retail%20e,estimated%205.8%20trillion%20U.S.%20dollars.> (Accessed 12.08.2024)
19. History of Ecommerce // [Electronic resource]: https://www.ecommerce-land.com/history_ecommerce.html (Accessed 16.08.2024)
20. Kenneth C. Laudon, Carol G. Traver E-Commerce: Business, Technology, Society, Second Edition (Hardcover) 2008.
21. Press G. A Very Short History of Digitization // [Electronic resource]: <https://www.forbes.com/sites/gilpress/2015/12/27/a-very-short-history-of-digitization/?sh=2d7de29149ac> (Accessed 12.08.2024)
22. Retail e-commerce sales worldwide from 2014 to 2027. – URL: Access mode: <https://www.statista.com/statistics/379046/worldwide-retail-e-commerce-sales/#:~:text=In%202023%2C%20global%20retail%20e,estimated%205.8%20trillion%20U.S.%20dollars.> (date accessed 08/12/2024)
23. Revenue of e-commerce worldwide in 2023, by country. – URL: Access mode: <https://www.statista.com/forecasts/1283912/global-revenue-of-the-e-commerce-market-country> (date of access 12.08.2024)
24. Worldwide ecommerce sales set to top \$5 trillion for first time in 2022. – URL: Access mode: <https://www.emarketer.com/insights/worldwide-ecommerce-sales-to-top-7-trillion/#:~:text=Worldwide%20retail%20ecommerce%20sales%20will,top%20%247%20billion%20in%202025.> (date of access 11.08.2024)

Право бенефициара на получение доступа к документам и информации в отношении подконтрольных обществ в Российской Федерации

Черешнев Александр Витальевич,

аспирант Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

E-mail: alexanderchermsu@gmail.com

В статье рассмотрено регулирование права бенефициара на получение доступа к документам и информации о деятельности подконтрольных обществ в России. Представлены результаты оценки текущего состояния законодательства и судебной практики. По результатам проведения анализа выявлены тенденции развития судебной практики и сделаны практические выводы относительно необходимости обеспечить эффективную реализацию бенефициаром права на информацию.

Ключевые слова: право на информацию, права бенефициаров, корпоративные правоотношения, бенефициар (бенефициарный собственник), корпоративное управление.

По мере развития отечественного правопорядка и усложнения корпоративных структур все большее значение начала приобретает фигура бенефициара. Однако, правовой статус бенефициара в Российской Федерации стал в большей степени развиваться в связи с увеличивающейся практикой привлечения контролирующих лиц к субсидарной ответственности. Стоит отметить, что большое внимание фигуре бенефициара уделяется и в налоговом законодательстве в качестве лица, имеющего фактическое право на доход, и в законодательстве о противодействии легализации и отмыванию доходов, полученных преступным путем. Тем не менее, несмотря на завершение нескольких резонансных дел и увеличивающийся объем судебной практики по спорам с участием бенефициаров, не были выработаны самостоятельные критерии, по которым можно было бы определить, является ли то или иное лицо бенефициаром. Таким образом, развитие правового статуса бенефициара в отечественном правопорядке является фрагментарным и хаотичным.

Несомненно, привлечение таких лиц к ответственности для целей предотвращения злоупотребления корпоративной формой является обоснованным, но, как видится автору, без наличия эффективных средств правовой защиты и необходимых прав в отношении дочерних компаний такой подход представляется несбалансированным и несправедливым.

Защита прав бенефициара, а также его имущественной сферы, в которую входят и подконтрольные общества со всеми активами, заслуживает не меньше внимания, чем привлечение такого лица к ответственности в интересах кредиторов подконтрольных компаний в делах о несостоятельности (банкротстве).

Тем не менее, на данный момент уже встречаются судебные решения, предметом которых выступал анализ допустимости наделения бенефициара правом на доступ к информации о деятельности подконтрольных юридических лиц, а также правом на заявление многоуровневого косвенного иска. Тем не менее, пока рано говорить о сложившейся судебной практике или наметившейся последовательной позитивной тенденции, направленной на защиту бенефициаров.

Отсутствие эффективных средств правовой защиты не позволяет бенефициарам разрешать корпоративные конфликты и защищать активы на другом «корпоративном этаже», что в свою очередь не позволяет бенефициарам защитить подконтрольные общества от риска несостоятельности

(банкротства), что влечет риски и для кредиторов. Более глобально это приводит к многочисленным злоупотреблениям и нарушениям прав и интересов бенефициаров.

Именно право бенефициара на получение доступа к документам и информации о деятельности подконтрольных обществ, по мнению автора, позволит бенефициару эффективно управлять и контролировать группу компаний, избегая возникновения корпоративных конфликтов, некачественного управления соответствующими директорами, расхищения активов, а также предотвращая потенциальное банкротство компании.

Право на доступ к информации является важным и необходимым инструментом контроля за лицами, которые осуществляют фактическое управление бизнесом. Полученная информация служит основой для принятия будущих бизнес-решений, а также для выявления нарушений, допущенных лицами, осуществляющими управление, и принятия соответствующих мер, вплоть до инициирования судебных разбирательств.

Рассматривая вопрос о праве бенефициара на доступ к информации в Российской Федерации, изначально следует отметить, что консервативной является позиция о том, что бенефициар, не являясь напрямую участником общества, не имеет права на истребование информации и/или документов у подконтрольного общества.

Такая позиция обосновывается тем, что право на получение информации о деятельности подконтрольного общества неразрывно связано с наличием статуса участника общества, а также тем, что законодательство не наделяет бенефициаров правом требовать предоставления документов и информации о деятельности обществ, прямыми участниками которых они не являются. В основе такой позиции также лежит и п. 6 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 18 января 2011 года № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ», где указано, что не могут быть удовлетворены требования лица об обязанности хозяйственного общества предоставить информацию, если на момент рассмотрения дела такое лицо не является участником хозяйственного общества¹.

Говоря о системообразующей судебной практике, хочется начать с Постановления Арбитражного Суда Восточно-Сибирского округа от 23 мая 2019 года по делу № А74–3819/2018², вынесенного в рамках одного из судебных разбирательств, касающихся *Разреза Аршановского*. В рамках данного дела бенефициар (Постригайло Алексей Сергеевич) обратился в суд с требованием о предостав-

¹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23 мая 2019 года по делу № А74–3819/2018 // СПС «Консультант Плюс».

лении документов о деятельности общества, ссылаясь на наличие законного интереса в сохранении имущества общества, у которого запрашиваются документы, а, следовательно, и на наличие права на получение информации о деятельности такого общества.

Отказывая в удовлетворении исковых требований суд занял консервативную позицию, прямо указав, что право на получение информации о деятельности общества неразрывно связано с наличием статуса участника общества, а также что законодательство не наделяет бенефициаров правом требовать предоставления документов и информации о деятельности обществ, прямыми участниками которых они не являются. Стоит отметить, что суд не учитывал иные сопутствующие статусу бенефициара факторы, в том числе и наличие интереса в получении документов и информации, как это сделал суд по делу № А76–18239/2018.

Соответственно, ключевым аргументом суда является буквальное толкование применимого законодательства и соответствующий вывод о строгой необходимости наличия статуса участника общества для истребования документов и информации в отношении последнего. Такой позиции придерживаются российские суды и при рассмотрении других дел³, что позволяет нам говорить о наличии сформированной и последовательной судебной практики, которая связывает наличие права на истребование документов и информации с наличием статуса участника соответствующего общества.

Данная позиция не поддерживается автором, так как применительно к бенефициарам, консервативное и буквальное толкование субъектов права на доступ к информации видится излишним и приводящим к нарушению интересов бенефициаров. Позиция автора заключается в том, что в силу самого статуса конечного бенефициара за ним признается наличие законного интереса в истребовании документов от обществ нижестоящих корпоративных уровней.

Логика о том, что право на доступ к информации строго связано с непосредственным участием в соответствующем обществе не учитывает многообразие структур корпоративного управления. Именно в таких вопросах право не должно быть статичным, а наоборот должно проявлять свою

³ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 октября 2019 года по делу № А45–728/2019 // СПС «Консультант Плюс»; Решение Арбитражного суда Рязанской области от 31 октября 2019 года по делу № А54–7578/2019 // СПС «Консультант Плюс»; Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 10 апреля 2019 года по делу № А75–2735/2019 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20 февраля 2020 года по делу № А53–9810/2019 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 июня 2018 года по делу № А37–1168/2017 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23 мая 2019 года по делу № А74–3819/2018 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 октября 2022 года по делу № А76–44999/2021 // СПС «Консультант Плюс»;

гибкость и предоставлять решения и инструменты, которые требуются участникам оборота.

Важно понимать, что по общему правилу чем сложнее и чем больше уровней содержит структура корпоративного управления, тем меньше возможности у бенефициара возможности контролировать принятие лицами, осуществляющими фактическое управления, решений. В совокупности с интересом бенефициара в сохранении и преумножении инвестиций и активов, а также существенным риском привлечения бенефициаров к субсидиарной ответственности при процедуре несостоятельности (банкротства) в отсутствие механизмов, посредством которых бенефициар мог бы эффективно контролировать процесс принятия решений на нижних уровнях корпоративного контроля, по мнению автора настоящей работы, приводит к выводу о необходимости в определенных случаях признавать за бенефициаром право на истребование информации о деятельности подконтрольных обществ.

Такое решение отвечало бы не только интересам бенефициара и подконтрольной группы компаний, но и интересам соответствующих кредиторов, так как при наличии у бенефициара всей необходимой информации такое лицо потенциально сможет предпринять действия, направленные на замену неэффективных менеджеров, воспрепятствование выводу активов, повышение прибыльности деятельности компаний и защиту интересов группы, чтобы избежать неплатежеспособности и последующей несостоятельности.

Стоит отметить, что на уровне Верховного Суда Российской Федерации начинает формироваться позиция о том, что в отдельных ситуациях допускается предоставление права бенефициару получить документы и информацию о деятельности подконтрольных обществ¹. Тем не менее, прямо подчеркивается, что суды признают за бенефициарными владельцами право на предъявление косвенных исков в порядке исключения².

На момент подготовки настоящей работы можно обнаружить судебные акты, в которых суд занимает про-бенефициарную позицию, что прямо и явно не свидетельствует о тенденции к предоставлению и расширению прав бенефициара в рамках российского правопорядка, а скорее показывает исключительность случая и условий, при которых право на истребование документов может быть реализовано бенефициаром.

Анализ упомянутой судебной практики можно произвести на примере примечательного судеб-

ного акта – Решения Арбитражного суда Челябинской области от 31 октября 2018 года по делу № А76–18239/2018³. В качестве истца в данном деле выступило физическое лицо, являющееся через несколько компаний бенефициаром общества первого уровня, от которого истребуются информация и документы, в том числе корпоративные документы, бухгалтерская отчетность, информация о сделках общества. Забегая вперед, исковые требования были удовлетворены, а общество первого уровня суд обязал предоставить бенефициару соответствующие документы (более того суд предусмотрел судебную неустойку на случай неисполнения судебного акта).

Обосновывались требования истца рядом факторов, в том числе тем, что:

- внесудебные требования истца в адрес генерального директора общества третьего уровня о предоставлении соответствующей информации о деятельности общества первого уровня не были удовлетворены;
- истец обладал информацией об ухудшении финансового положения подконтрольной группы компаний; и
- отсутствовали иные средства правовой защиты прав и интересов истца.

Примечательным данное дело является в связи с тем, что суд прямо указал на то, что в силу статуса истца как конечного бенефициара за ним признается наличие законного интереса в истребовании документов от общества первого уровня. Важным является и то, что суд указал на существенное увеличение рисков истца-бенефициара в связи с ухудшением финансового состояния группы, что также свидетельствовало о наличии интереса и необходимости в удовлетворении требований истца.

Удовлетворяя требования истца суд руководствовался тем, что истец до обращения в суд предпринял попытку получить требуемую информацию и документы, отсутствовало иное средство правовой защиты интересов истца. Последнее подкреплялось тем, что выбранная истцом структура корпоративного управления не позволяла истцу контролировать решения, которые принимались подконтрольными общества, у истца отсутствовала возможность контролировать генерального директора общества первого уровня, запрашиваемые документы помогли бы истцу оценить эффективность работы руководства компаний группы и в случае необходимости предпринять те или иные действия, например оспорить сделки или привлечь руководителей к ответственности.

Анализ именно этих аргументов и привел к вынесению исключительно верного решения по делу № А76–8239/2018. Как видится автору, вполне вероятно, что именно предоставление запрашиваемых документов бенефициару позволило спасти группу компаний от впадения в процедуру несостоятельности (банкротства) несмотря на наличие

¹ Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // СПС «Консультант Плюс»;

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 июня 2022 года по делу № А40–166870/2020 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 марта 2018 года по делу № А40–229166/15 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 6 марта 2023 года по делу № А40–99028/2022 // СПС «Консультант Плюс».

³ Решение АС Челябинской области от 31 октября 2018 года по делу № А76–18239/2018 // СПС «Консультант Плюс».

финансовых трудностей на момент рассмотрения спора.

Тем не менее, подводя итог, исходя из действующего законодательства Российской Федерации и устоявшейся судебной практики можно утверждать то, что бенефициарам, по общему правилу, не доступно право на получение доступа к документам и информации.

Несмотря на вышесказанное, автор настоящей работы видит право на доступ к информации как один из базисных элементов статуса бенефициара. В силу отсутствия какого-либо значительного массива судебной практики невозможно выделить те или иные условия и критерии, которые суд бы анализировал при рассмотрении соответствующего спора. Однако, шансы бенефициара на получение информации и документов в судебном порядке возрастут, если бенефициар:

- предпринимал попытки получить соответствующую информацию и документе внесудебным способом (направлением запросов интересующему обществу и генеральному директору, направлением запросов через свои подконтрольные общества, которые являются непосредственными участниками интересующего общества);
- докажет, что существует законный интерес в получении информации и документов;
- докажет, что отсутствуют иные средства правовой защиты законного интереса;
- докажет, что реализация его прав необходима для обеспечения эффективности судебной защиты, в частности, при наличии корпоративных конфликтов, которые препятствуют непосредственным участникам/акционерам обращению в суд и иные подобные фактические обстоятельства.

В отсутствие самостоятельного права бенефициаров на доступ к информации, несколько улучшить положение таких лиц может введение в законы о хозяйственных обществах прямого указания на возможность участника соответствующего хозяйственного общества на вершине корпоративной структуры в определенных случаях и при соблюдении тех или иных установленных критериев, в частности, в случаях и при соблюдении критериев, указанных автором выше, получить информацию и документы в отношении деятельности подконтрольных организаций через общество, в котором такой бенефициар является прямым участником или акционером.

Литература

1. Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // СПС «Консультант Плюс»;
2. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.04.2022 по делу № А15–306/2021 // СПС «Консультант Плюс»;
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17.12.2021 по делу № А53–35233/2019 // СПС «Консультант Плюс»;
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20.02.2020 по делу № А53–9810/2019 // СПС «Консультант Плюс»;
5. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23.05.2019 по делу № А74–3819/2018 // СПС «Консультант Плюс»;
6. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 31.10.2018 по делу № А76–18239/2018 // СПС «Консультант Плюс»;
7. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.06.2018 по делу № А37–1168/2017 // СПС «Консультант Плюс»;
8. Белова М., Макин Р. Двойные (множественные) косвенные иски: сравнительно-правовой обзор и некоторые соображения о перспективах института в российском праве // Журнал РШЧП. 2019. № 2. С. 92–103;
9. Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // СПС «Консультант Плюс»;
10. Егоров А.В. Пределы проникновения за корпоративную вуаль в пользу участников многоуровневой корпоративной структуры / Анализ дела Постригайло v. «Разрез Аршановский» // Журнал РШЧП. Выпуск № 2 2019, С. 104–122;
11. Егоров А.В., Усачева К.А. Снятие корпоративного покровы. Как суды применяют «проницающее вменение» в Германии и России // Арбитражная практика. 2014. № 1. С. 74–79;
12. Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. Исследовательский центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. – Москва: Статут, 2017. – 158;
13. Кузнецов В.А., Степанов Д.И. Право акционера на информацию // Закон. 2011. № 7. С. 97–108;
14. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика её применения в хозяйственных обществах // СПС «Консультант Плюс»;
15. Михалева О.В. Информационные права в холдинговых структурах: опыт Германии // СПС «Консультант Плюс»;
16. Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников // СПС «Консультант Плюс»;
17. Усачева К.А. Доктрина снятия корпоративного покровы как альтернатива инструментам ex ante контроля. Корпоративное право: проблемы и решения: Сборник работ / Сост. и отв. ред. И.С. Чупрунов. – Москва: Ассоциация выпускников РШЧП, 2020. С. 480–639;
18. Черешнев А.В. Правовой статус, права и защита интересов бенефициарного владельца: 40.04.01 «Юриспруденция», Выпускная квалификационная работа (магистратура); Образовательная автономная некоммерческая организация высшего образования «Московская

высшая школа социальных и экономических наук» – Москва, 2023. – 63 с.;

19. Черешнев А.В. Право бенефициара на получение доступа к документам и информации в отношении подконтрольных обществ в Российской Федерации. Конференция: Future вызовы и тренды современной экономики в парадигме эффективного социального, цифрового, правового и экономического развития, 2024;
20. Шиткина И.С. Выявление и учёт общих экономических интересов группы компаний (участников холдинга) при совершении крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность // СПС «Консультант Плюс».

THE RIGHT OF THE BENEFICIARY TO OBTAIN ACCESS TO DOCUMENTS AND INFORMATION IN RELATION TO THE COMPANIES UNDER ITS CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION

Chereshnev A.V.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The article considers the regulation of the right of the beneficiary to obtain access to documents and information on the activities of the companies under its control in Russia. The results of the assessment of the current state of legislation and court practice are described. Based on the results of the analysis, trends in the development of court practice are identified and practical conclusions are drawn regarding the need to ensure the effective enforcement of the right of the beneficiary to information.

Keywords: right to information, rights of beneficiaries, corporate relations, beneficiary (beneficial owner), corporate governance.

References

1. Summary of court practice on corporate disputes regarding the provision of information by commercial companies (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 15.11.2023) // Legal Information System «Consultant Plus»;
2. Resolution of the Arbitration (State Commercial) Court of the North Caucasus District of 19.04.2022 on the case № A15–306/2021 // Legal Information System «Consultant Plus»;
3. Resolution of the Arbitration (State Commercial) Court of the North Caucasus District of 17.12.2021 on the case № A53–35233/2019 // Legal Information System «Consultant Plus»;
4. Resolution of the Arbitration (State Commercial) Court of the North Caucasus District of 20.02.2020 on the case № A53–9810/2019 // Legal Information System «Consultant Plus»;
5. Resolution of the Arbitration (State Commercial) Court of the East Siberian District of 23.05.2019 on the case № A74–3819/2018 // Legal Information System «Consultant Plus»;
6. Decision of the Arbitration (State Commercial) Court of the Chelyabinsk region of 31.10.2018 on the case № A76–18239/2018 // Legal Information System «Consultant Plus»;
7. Resolution of the Arbitration (State Commercial) Court of the Far Eastern District of 28.06.2018 on the case № A37–1168/2017 // Legal Information System «Consultant Plus»;
8. Belova M., Makin R. Double (multiple) derivative claims: comparative legal review and certain considerations on the prospects of the mechanism in Russian law // Journal of the Russian School of Private Law. 2019. № 2. P. 92–103;
9. Gutnikov O.V. The substance of corporate relations // Legal Information System «Consultant Plus»;
10. Egorov, A.V. Limits to the piercing of the corporate veil in favour of the participants in the multilevel corporate structure / Analysis of the case *Postrigailo v. «Razrez Arshanovsky»* // Journal of the Russian School of Private Law. Issue No. 22019, P. 104–122;
11. Egorov A.V., Usacheva K.A. Lifting the corporate veil. How the courts apply «piercing imputation» in Germany and Russia // Arbitration Practice. 2014. № 1. P. 74–79;
12. Kuznetsov A.A. Limits of autonomy of will in corporate law: a brief overview. Research Centre of Private Law named after S.S. Alekseev under the President of the Russian Federation. – Moscow: Statut, 2017. – 158;
13. Kuznetsov V.A., Stepanov D.I. Shareholder's right to information // Zakon. 2011. № 7. P. 97–108;
14. Lomakin D.V. Corporate legal relations: general theory and practice of its application in commercial companies // Legal Information System «Consultant Plus»;
15. Mikhaleva, O.V. Information rights in the holding structures: German experience // Legal Information System «Consultant Plus»;
16. Stepanov, D.I. Interests of a legal entity and its participants // Legal Information System «Consultant Plus»;
17. Usacheva K.A. The doctrine of lifting the corporate veil as an alternative to ex ante control mechanisms. Corporate Law: Problems and Solutions: Collection of Papers / Compiled and edited by I.S. Chuprunov. – Moscow: Association of Graduates of the Russian School of Private Law, 2020. P. 480–639;
18. Chereshnev A.V. Legal status, rights and protection of interests of the beneficial owner: 40.04.01 «Jurisprudence», Graduate qualification work (Master's degree); Educational autonomous non-profit organisation of higher education «Moscow School of Social and Economic Sciences» – Moscow, 2023. – 63 p.;
19. Chereshnev A.V. The right of the beneficiary to obtain access to documents and information in relation to the companies under its control in the Russian Federation. Conference: Future challenges and trends of modern economy in the paradigm of effective social, digital, legal and economic development, 2024;
20. Shitkina I.S. Identification and consideration of the common economic interests of a group of companies (participants of the holding company) in the course of execution of major transactions and interested-party transactions // Legal Information System «Consultant Plus».

Правовое регулирование поднадзорных организаций Банком России: аспекты реализации риск-ориентированного подхода

Александрова Аглая Александровна,

аспирант, Российский государственный университет правосудия

E-mail: aleksa.94@inbox.ru

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования поднадзорных организаций Банком России через призму правотворческого и правоприменительного аспекта его деятельности. В исследовании произведено сравнение основных элементов риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) в Российской Федерации и разработанной с учетом указанного подхода концепции Банка России. Значительное внимание уделяется оценке отдельных положений данного подхода и необходимости его дальнейшего совершенствования. Даны предложения по доработке указанной концепции, в том числе в части деления организаций на категории с учетом влияния внешних факторов, в связи с необходимостью введения антисанкционных мер. Автором предложено рассматривать пропорциональное регулирование и риск-ориентированный надзор в качестве специальных принципов, определяющих кросс-секторальный характер регулирования финансового рынка.

Ключевые слова: риск-ориентированный надзор, пропорциональное регулирование, Банк России.

В условиях динамичного развития финансового рынка не теряют своей актуальности вопросы необходимости тщательной оценки уровня принимаемых участниками финансового рынка рисков и их соответствия характеру и масштабу совершаемых операций, а также обязательным требованиям, установленным в правовых актах и направленным на организацию деятельности таких участников, в том числе требованиям Банка России, закрепленным его нормативными актами. Для целей регулирования финансового рынка сохраняется необходимость поддержания баланса между тщательной регламентацией правоотношений с учетом особенностей деятельности поднадзорных организаций и необходимостью сохранения целостной структуры, прозрачности и надежности функционирования финансового рынка.

В этой парадигме реализуемая Банком России модель мегарегулирования, в рамках его полномочий [1], основана на применении единых принципов, стандартов и подходов, позволяющих организовать деятельность поднадзорных организаций, а также учитывать в регулировании особенности их деятельности.

Для целей эффективного регулирования, как представляется, необходима организация регулярного мониторинга состояния финансового рынка в целом, а также в отношении организаций, поднадзорных Банку России в каждом из секторов финансового рынка. Необходимые сведения аккумулируются путем анализа и обобщения информации о финансовом состоянии поднадзорных организаций, которые в силу обязательных требований по предоставлению отчетности, а также в рамках осуществления контрольно-надзорной деятельности, реализации мер надзорного реагирования, предоставляют соответствующую информацию Банку России.

Такая практика формирования полноценной картины финансового рынка нарабатывается за счет функционирования Банка России в качестве мегарегулятора, действующего в рамках кросс-секторальной модели [2], особенность которой состоит в консолидации компетенций, охватывающих все аспекты регулирования организации, в рамках единого органа. Такая модель дает возможность вырабатывать общие направления регулирования с учетом практики принятия единообразных решений, в том числе по вопросам применения различных регуляторных требований к поднадзорным организациям в силу специфики их деятельности, а также приведения регуляторных требований к единым стандартам деятельности.

Соответственно указанная модель позволяет для целей регулирования рассматривать финансовый рынок в качестве единого целого, которое включает в себя взаимосвязанные элементы, имеющие собственную специфику регулирования, но при этом объединенные единой моделью регулирования [3].

Положительными результатами введения модели, основанной на мегарегулировании, в первую очередь, является разработка и распространение на все структурные элементы финансового рынка единых подходов к правовому регулированию его участников, в том числе инфраструктурных организаций [4], аккумуляция полномочий в рамках единого органа регулирования, что позволяет предупреждать и оперативно реагировать на кризисные явления на финансовом рынке, поддерживать эффективное взаимодействие внутри Банка России в ходе развития правотворческой и правоприменительной деятельности Банка России.

Правотворческая деятельность Банка России реализуется в рамках издания нормативных актов [1]. При этом в качестве обязательного элемента стоит отметить наличие правовых оснований их издания, которые указываются в преамбуле нормативного акта. В этой связи актуальным является соотношение предусмотренной компетенции и объема регуляторных требований, включенных в нормативный акт Банка России, что соответственно может являться показателем того, насколько полно реализована Банком России соответствующая компетенция, с учетом многообразия практических аспектов деятельности поднадзорных организаций, в том числе в рамках представленной от них информации для целей оценки регулирующего воздействия соответствующего проекта нормативного акта. Кроме того, стоит отметить возможность Банка России осуществлять ненормативное регулирование, что выражается в издании по вопросам применения нормативных требований, в соответствии с компетенцией, решений Совета директоров Банка России, официальных разъяснений и методических рекомендаций.

Правоприменительная деятельность Банка России осуществляется с применением различных форм контрольно-надзорной деятельности с учетом риск-ориентированности и пропорциональности регулирования, а также с учетом контроля микро- и макропоказателей, необходимости анализа источников системного риска [5] для целей обеспечения безопасности финансового рынка. Исходя из полученных в рамках контрольно-надзорной деятельности сведений, с учетом аналитической оценки различных показателей, Банк России, в том числе, выстраивает сценарии развития финансового рынка, которые впоследствии находят свое отражение в основных направлениях денежно-кредитной политики на очередной год. Соответственно, использование различных форм в рамках указанной деятельности, как представляется, способствует повышению качества мероприятий, проводимых в отношении оценки соблюде-

ния поднадзорными организациями нормативных требований, предписаний и рекомендаций Банка России.

Вместе с тем, развитие указанной выше правотворческой и правоприменительной деятельности осуществляется, в числе прочего, в рамках взаимодействия структурных подразделений Банка России, отвечающих за разработку нормативных актов, с кураторами, осуществляющими правоприменительную практику в рамках контроля и надзора, а также постоянного обмена информацией между поднадзорными организациями и мегарегулятором, который образует каналы связи для обмена информацией: о разрабатываемых регуляторных подходах, формировании общего понимания направленности регуляторных требований, возможности их совершенствования, в частности с учетом предложений по усовершенствованию регуляторных требований, поступающих от поднадзорных организаций в структурные подразделения Банка России.

Указанный обмен информацией осуществляется в том числе в ходе рассмотрения Банком России обращений, публикации информационных писем, аналитических материалов, а также в рамках деятельности рабочих групп и экспертных советов при Банке России, анализирующих правоприменительную практику с целью последующего совершенствования правового регулирования деятельности поднадзорных организаций.

В этой связи, правовое регулирование поднадзорных организаций Банка России базируется на общих подходах реализации государственного контроля (надзора) в зависимости от определенных критериев, позволяющих дифференцировать деятельность поднадзорных организаций [6].

Риск-ориентированный подход получил свое развитие, начиная с практики его применения в стандартах ФАТФ по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и распространению оружия массового уничтожения 2012 года, что впоследствии имплементировалось в национальную систему государственного контроля (надзора) [7], путем нормативного закрепления соответствующих положений (далее – концепция Правительства). Указанный подход внедряется в качестве метода организации и проведения государственного контроля (надзора), при котором в предусмотренных случаях выбор интенсивности (формы, продолжительности, периодичности) проведения мероприятий по контролю, мероприятий по профилактике нарушения обязательных требований определяется отнесением деятельности подконтрольного субъекта к определенной категории риска либо классу (категории) опасности [8]. Кроме того, специфические критерии могут быть установлены отдельно для целей оптимизации применения указанного подхода по отдельным направлениям организации государственного контроля (надзора) [9].

Одним из положительных элементов концепции Правительства является формирование про-

граммы по ее внедрению, содержащей основные направления и этапы указанного подхода, связанные с развитием системы управления рисками, включая четкое понимание объекта контроля (надзора), определение критериев, на основании которых осуществляется контроль (надзор), организацию системы сбора необходимой для контроля (надзора) информации, в целях обновления показателей для формирования и, при необходимости, переоценки указанных критериев. Также позитивным является введение межведомственных карт рисков, проведение мероприятий по анализу и сравнению положительных и негативных элементов организации управления рисками в различных юрисдикциях [10].

Правительственная концепция была модернизирована Банком России и интегрирована в систему контроля и надзора с 2016 года с целью реализации гибкой модели взаимодействия с поднадзорными организациями в зависимости от категории, присваиваемой в соответствии с характером, сложностью и масштабом их деятельности. Деление организаций на категории с последующим определением режима надзора и присвоением риск-профиля соответствует периодичности осуществления в отношении таких организаций контрольных мероприятий. Указанная периодичность в том числе зависит от степени влияния организации на деятельность других участников, а также возможности минимизации рисков при наступлении неблагоприятных последствий, вызванных как внутренними, так и внешними факторами.

В концепции Банка России, состоящей из двух элементов, помимо риск-ориентированного надзора, добавляется пропорциональное регулирование. Оба элемента идейно близки, поскольку предполагают зависимость интенсивности действий субъекта контроля и надзора от набора определенных показателей, применительно к объекту регулирования. В основу критериев пропорциональности легли нормативные финансовые показатели, а также требования, охватывают основные элементы внутреннего управления организацией [6].

Общее деление поднадзорных Банку России организаций на категории осуществляется на основе количественных показателей по объему сделок, клиентам, финансовым инструментам, что позволяет обозначить границы регулирования для последующего включения поднадзорными организациями нормативных требований, получивших свое развитие в разработанных такими организациями локальных актах [11]. В частности, для категории крупных организаций предусмотрены отдельные требования к внутреннему аудиту и внутреннему контролю, формированию совета директоров, помимо общих лицензионных требований [12].

Такой подход в регулировании позволяет пересматривать объем сведений и периодичность их предоставления, дифференцировать требования к внутренним документам организации, в частности по вопросам организации системы управления

рисками. Кроме того, Банк России, функционируя в качестве мегарегулятора, посредством сбора и анализа данных, поступающих от поднадзорных организаций, осуществляет задачи по централизованному управлению такими данными, организации взаимодействия с участниками финансового рынка для совместной проработки с последующим внедрением усовершенствованных регуляторных практик, модернизации решений по управлению указанными данными, прогнозированию рисков, в частности для целей дальнейшей проработки сценариев стресс-тестирования.

Вместе с тем, по аналогии с концепцией Правительства, представленную концепцию Банка России, как представляется, необходимо дополнить поэтапной программой совершенствования применяемых подходов, развитием целеполагания с учетом анализа практики применения концепции Банка России. Также для целей совершенствования указанной концепции представляется целесообразным включение ее основных элементов в качестве принципов развития финансового рынка в Стратегию развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года [13].

В этой связи, необходимо доработать элементы концепции Банка России в части дополнения классификации участников финансового рынка делением организаций на категории с учетом влияния внешних факторов, в том числе временных послаблений, вводимых антисанкционными мерами, являющимися объективной реальностью последних лет, влияние которых не нашло отражения в концепции Банка России. Важность организации дальнейшей работы по совершенствованию указанной концепции подтверждается, в том числе, указанием в послании Президента Российской Федерации на необходимость отказа с 01.01.2025 от временных мораториев и завершения перехода на модель регулирования, основанную на риск-ориентированном подходе, а для организаций с низкими показателями риска – применения профилактических мер, чтобы максимально снизить число проверок. Также целесообразно прорабатывать вопросы расширения применения профессионального суждения, стресс-тестирования и консолидированного надзора [14].

Кроме того, представляется целесообразным установить периодичность актуализации критериев, применяемых к организациям, а также возможность пересмотра присвоенного организациям риск-профиля, исходя из оценки их деятельности с использованием некредитных рейтингов, представляющих собой оценку деятельности рейтинговых агентств, основанную, в том числе, на сопоставимости показателей деятельности организации с другими участниками финансового рынка, с учетом отнесения к общественно значимым организациям финансового рынка, и степени удовлетворенности потребителей от представленных организациями услуг, их качества и возможности применения усовершенствованных технологий, направленных на развитие финансовой сферы.

Анализируя особенности регулирования деятельности участников финансового рынка с использованием концепции Банка России, сформированный в концепции подход можно, с одной стороны, рассмотреть в качестве логически упорядоченной совокупности способов, процедур и приемов организационного и правового характера для выполнения задач, призванных обеспечить эффективное функционирование финансового рынка, то есть в качестве метода регулирования. С другой стороны, данный подход выступает в качестве фундаментального правила, идеи, на которой строится нормативно-правовое регулирование, «мягкое регулирование» (рекомендации, официальные разъяснения Банка России, стандарты саморегулируемых организаций), а также ведется целенаправленная информационная политика в целях взаимодействия с поднадзорными организациями Банка России, что, по сути, можно отнести к специальным принципам регулирования [15].

В качестве специальных принципов регулирования пропорциональное регулирование и риск-ориентированный надзор, как представляется, являются центральными понятиями, представляющими собой обобщение основных идей концепции Банка России, на которых выстраивается система регулирования всех участников финансового рынка, что позволяет рассматривать указанные специальные принципы, в том числе, как принципы, определяющие кросс-секторальный характер регулирования. Указанная специфика проявляется за счет процесса взаимопроникновения, межсекторальной интеграции и развития идеи мегарегулирования на финансовом рынке.

Стоит отметить, что такой подход коррелирует с концепцией интегративного правопонимания [16], поскольку данные принципы способствуют повышению степени определенности права, непротиворечивости и последовательности в принятии Банком России норм, регулирующих правоотношения на финансовом рынке, а также представляют собой основу для дальнейшего построения правового регулирования.

В ходе построения эффективной модели регулирования деятельности поднадзорных организаций, представляется целесообразным использование Банком России указанных принципов для выстраивания пропорциональной регуляторной нагрузки, основываясь на специфике деятельности поднадзорных организаций, что, в конечном итоге, способствует систематизации регулирования финансового рынка с учетом фактора сглаживания границ между различными сегментами, кросс-секторального характера деятельности участников финансового рынка, появления экосистем, обособления наиболее крупных участников финансового рынка, зачастую попадающих в категорию системно-значимых организаций [17].

С учетом изложенного, реализация Банком России дальнейшего развития регулирования финансового рынка, основанного на принципах, в достаточной мере способствует поддержанию

оптимального соотношения между нормативной регламентацией деятельности поднадзорных организаций и оценкой их деятельности на основе заданных и актуализируемых критериев, направленных на превентивное устранение возникающих рисков, с учетом применения пропорционального регулирования и риск-ориентированного надзора в качестве специальных принципов, определяющих кросс-секторальный характер регулирования финансового рынка.

Литература

1. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 10.06.2024).
2. Иванов М.Е. Оценка кросс-секторальной модели регулирования и надзора на финансовых рынках Российской Федерации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 651–655. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54394.htm> (дата обращения: 10.06.2024).
3. Ситник А.А. Поведенческий надзор на финансовом рынке // Lex Russica. 2023. № 3 (196). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povedencheskiy-nadzor-na-finansovom-rynke> (дата обращения: 10.06.2024).
4. Александрова А.А. Инфраструктура финансового рынка: понятие и правовое регулирование // Финансовое право. 2023. № 4. С. 30–33.
5. Чистюхин В.В. Современная модель надзора за некредитными финансовыми организациями // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. С. 60–72.
6. Концепция пропорционального регулирования и риск-ориентированного надзора за НФО // URL: <https://www.cbr.ru/content/document/file/46871/propnadz.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).
7. Кикавец В.В., Цареградская Ю.К. Финансовый контроль публичных закупок в Российской Федерации: монография / под ред. В.В. Кикавца. М.: Проспект, 2022. – 208 с.
8. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/ (дата обращения: 10.06.2024).
9. Постановление Правительства РФ от 17.08.2016 № 806 «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных

предпринимателей и (или) используемых ими производственных объектов к определенной категории риска или определенному классу (категории) опасности») // СПС Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_203819/ (дата обращения: 10.06.2024).

10. Паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам, протокол от 21.12.2016 № 12) (с изменениями и дополнениями) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_222109/?ysclid=m0kwpzuays1107759 (дата обращения: 10.06.2024).
11. Банк России создал основу для перехода к пропорциональному регулированию деятельности профучастников // URL: <http://www.cbr.ru/Press/event/?id=2398> (дата обращения: 10.06.2024).
12. Положение Банка России от 27.07.2015 № 481-П «О лицензионных требованиях и условиях осуществления профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, ограничениях на размещение отдельных видов профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, а также о порядке и сроках представления в Банк России отчетов о прекращении обязательств, связанных с осуществлением профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, в случае аннулирования лицензии профессионального участника рынка ценных бумаг» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185227/ (дата обращения: 10.06.2024).
13. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года» // СПС Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436693/f62ee45faef-d8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=m0kwsd5838848555756 (дата обращения: 10.06.2024).
14. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному собранию» // СПС Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/ (дата обращения: 10.06.2024).
15. Александрова А.А. Особенности правового регулирования инфраструктурных организаций финансового рынка в условиях санкционных ограничений // Безопасность бизнеса. 2023. № 4. С. 27–32.
16. Ершов В.В. Регулирование правоотношений: Монография. – М.: РГУП, 2020, – 562 с.
17. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/155957/onfr_2024-26.pdf (дата обращения: 30.08.2024).

ru/Content/Document/File/155957/onfr_2024-26.pdf (дата обращения: 30.08.2024).

LEGAL REGULATION OF SUPERVISED ORGANIZATIONS BY THE BANK OF RUSSIA: ASPECTS OF IMPLEMENTATION OF A RISK-BASED APPROACH

Alexandrova A.A.

Russian state University of justice

The article examines Bank of Russia activities, aimed at legal regulation of supervised organizations through the prism of the rule-making and application of law enforcement aspects of its activities. The study touches upon the comparison of the basic features to use risk-oriented elements for organization state control (supervision) and the concept of proportional regulation and risk-oriented supervision. The focus of interest in the evaluation of specific positions of the risk-oriented approach and the need for its further application. Proposals are made for finalizing the specified concept, including in terms of dividing organizations into categories taking into account the influence of external factors, in relation to the need for launching anti-sanction measures. The author proposes to consider proportional regulation and risk-oriented supervision as special principles determining the cross-sectoral nature of financial market regulation.

Keywords: proportional regulation, risk-based supervision, the Bank of Russia.

References

1. Federal Law of 10.07.2002 No. 86-FZ “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)” // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (date of access: 10.06.2024).
2. Ivanov M.E. Assessment of the cross-sectoral model of regulation and supervision in the financial markets of the Russian Federation // Scientific and methodological electronic journal “Concept”. – 2014. – Vol. 20. – P. 651–655. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54394.htm> (date of access: 10.06.2024).
3. Sitnik A.A. Behavioral supervision in the financial market // Lex Russica. 2023. No. 3 (196). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povedencheskiy-nadzor-na-finansovom-rynke> (date of access: 10.06.2024).
4. Aleksandrova A.A. Financial market infrastructure: concept and legal regulation // Financial law. 2023. No. 4. Pp. 30–33.
5. Chistyukhin V.V. Modern model of supervision of non-credit financial organizations // Actual problems of Russian law. 2022. No. 1. Pp. 60–72.
6. The concept of proportional regulation and risk-oriented supervision of NFO // URL: <https://www.cbr.ru/content/document/file/46871/propnadz.pdf> (date of access: 10.06.2024).
7. Kikavets V.V., Tsaregradskaya Yu.K. Financial control of public procurement in the Russian Federation: monograph / edited by V.V. Kikavets. M.: Prospect, 2022. – 208 p.
8. Federal Law of 26.12.2008 No. 294-FZ “On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control” // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/ (date of access: 10.06.2024).
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of 17.08.2016 No. 806 “On the application of a risk-oriented approach in organizing certain types of state control (supervision) and amending certain acts of the Government of the Russian Federation” (together with the “Rules for classifying the activities of legal entities and individual entrepreneurs and (or) production facilities used by them as a certain risk category or a certain class (category) of hazard”) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_203819/ (date of access: 10.06.2024).
10. Passport of the priority program “Reform of control and supervisory activities” (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and Priority Projects, minutes of 21.12.2016 No. 12) (with amendments and additions) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_222109/?ysclid=m0kwpzuays1107759 (date of access: 10.06.2024).

11. The Bank of Russia created a basis for the transition to proportional regulation of the activities of professional participants // URL: <http://www.cbr.ru/Press/event/?id=2398> (date of access: 10.06.2024).
12. Bank of Russia Regulation of 27.07.2015 No. 481-P “On licensing requirements and conditions for carrying out professional activities in the securities market, restrictions on combining certain types of professional activities in the securities market, as well as on the procedure and deadlines for submitting reports to the Bank of Russia on the termination of obligations related to the implementation of professional activities in the securities market, in the event of revocation of the license of a professional participant in the securities market” // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185227/ (date of access: 10.06.2024).
13. Order of the Government of the Russian Federation of 29.12.2022 No. 4355-r “On approval of the Strategy for the Development of the Financial Market of the Russian Federation until 2030” // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436693/f62ee45faefd8e2a11d6d-88941ac66824f848bc2/?ysclid=m0kwsd5838848555756 (date of access: 10.06.2024).
14. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation dated 29.02.2024 “Message of the President to the Federal Assembly” // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/ (date of access: 10.06.2024).
15. Aleksandrova A.A. Features of legal regulation of infrastructure organizations of the financial market in the context of sanctions restrictions // Business Security. 2023. No. 4. P. 27–32.
16. Ershov V.V. Regulation of legal relations: Monograph. – M.: RGUP, 2020, – 562 p.
17. Main directions of development of the financial market of the Russian Federation for 2024 and the period 2025 and 2026 // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/155957/onrfr_2024–26.pdf (date of access: 08/30/2024).

Проблемы рассмотрения гражданских дел о причинение вреда здоровью и жизни граждан вследствие применения лекарственных средств

Баринова Ирина Владимировна,

аспирант кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета
E-mail: i_barinova@mail.ru

В статье рассматриваются ключевые условия, при которых наступает гражданско-правовая ответственность медицинских организаций, в случае причинения вреда здоровью. Автор выделяет такие условия как вред и наличие вины. Приводятся конкретные примеры судебной практики по гражданским делам – решения и определения судов различных инстанций о компенсации морального вреда, по итогам установления судом фактов ненадлежащего оказания ответчиком лечебно-диагностической помощи, а также возмещение вреда здоровью граждан, причиненного некачественным оказанием медицинской помощи. В заключение автором сделан вывод о малом количестве гражданских дел о возмещении вреда здоровью, вследствие применения лекарственных препаратов. Как правило, по таким делам отказывают в удовлетворении исковых требований в связи с проблемами доказывания причинно-следственной связи между причиненным вредом и применением лекарственного средства.

Ключевые слова: лекарственные средства, вред, гражданское право, ответственность, потребитель.

В связи с активным развитием фармацевтической промышленности, все больше граждан сталкиваются с негативными последствиями применения лекарственных средств, либо сталкиваются с ошибками лечения, что ведет к возникновению споров и судебных разбирательств. По статистическим данным во всем мире четыре из каждых десяти пациентов получают вред во время лечения, причем до 80% вреда считается предотвратимым.

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), пять пациентов умирают каждую минуту в результате неадекватного оказания медицинской помощи [6], что в общей сложности достигает 2,6 миллиона пациентов в год в странах с низким и средним уровнем дохода. Безопасность пациентов является одним из краеугольными вопросами обеспечения качества системы здравоохранения, поскольку даже в странах с высоким уровнем дохода неадекватное оказание медицинской помощи составляет более 10% всех госпитализаций [7]. Наиболее распространенные ошибки включают неправильные назначения лекарств, ошибки в планировании лечения отклонения от выбранного плана и неправильный диагноз. В то же время диагностические ошибки приводят как к выбору неправильной тактики лечения (например, в хирургии, стоматологии, травматологии), так и к назначениям препаратов (семейная медицина, неврология и др.). Это не только угроза здоровью и жизни пациентов, но и наносит значительные финансовые потери медицинским организациям. Особую актуальность приобрел вопрос правовой оценки действий врача в уголовном или гражданском судопроизводстве по оказанию медицинской помощи пациентам.

Основной задачей здравоохранения является обеспечение населения качественными, безопасными и эффективными лекарственными средствами. Основные положения о порядке, условиях и размере возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации. Причинение вреда лекарственными средствами регулируется Федеральным законом от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» и Федеральным законом от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Применение лекарственных препаратов всегда связано с риском причинения вреда здоровью и жизни граждан, как вследствие самостоятельного неправильного применения лекарственного средства, так и в случае, если врач в процессе

осуществления своей профессиональной деятельности неправильно сделал неправильное назначение.

Несмотря на имеющиеся механизмы нормативного правового контроля, Россия сталкивается с рядом проблем в эффективном управлении медицинскими препаратами. Такие проблемы, как некачественные и контрафактные лекарства и несанкционированная продажа создают значительные риски для безопасности пациентов и здоровья населения. Изучение этих проблем дает представление о пробелах в системе нормативного регулирования и необходимости целенаправленных мер по снижению рисков и обеспечению доступности безопасных и эффективных лекарств.

В России также широко распространено самолечение, то есть употребление безрецептурных препаратов без медицинского наблюдения. Изучение практики самолечения помогает понять мотивы такого поведения, типы обычно используемых лекарств и потенциальные риски, связанные с самолечением. Это помогает определить области, где необходимы кампании общественного здравоохранения, образование и нормативные меры для продвижения ответственной практики самопомощи и смягчения неблагоприятных последствий.

Изучение моделей соблюдения и несоблюдения режима лечения дает представление о поведении пациентов и факторах, влияющих на употребление лекарств. Выявление препятствий на пути к соблюдению режима лечения, таких как стоимость, доступность, образование и убеждения пациентов, помогает в разработке стратегий по улучшению соблюдения режима лечения. Кроме того, понимание закономерностей несоблюдения режима лечения помогает принимать меры по решению проблем пациентов и улучшению соблюдения режима лечения.

Механизмы нормативного контроля играют решающую роль в обеспечении безопасности, эффективности и качества медицинских препаратов в России. Процессы одобрения и мониторинга лекарственных средств, реализуемые регулирующими органами, имеют жизненно важное значение для защиты общественного здоровья и поддержания целостности фармацевтической промышленности. Благодаря строгой оценке, постмаркетинговому надзору и соблюдению стандартов качества эти механизмы защищают общественное здравоохранение, способствуют ответственному производству и распространению лекарств и поддерживают доверие к фармацевтической промышленности. Постоянные усилия по укреплению механизмов нормативного контроля имеют решающее значение для обеспечения безопасных и эффективных медицинских препаратов для населения. В конечном счете, понимание моделей использования медицинских препаратов, усиление механизмов нормативного контроля, совершенствование правовой базы и решение проблем контроля над наркотиками и доступа к ним являются реша-

ющими шагами на пути к совершенствованию системы здравоохранения в России.

ГК РФ предусматривает условия наступления гражданской правовой ответственности за вред и основания для возмещения причиненного вреда жизни или здоровью гражданина в России из-за ненадлежащего оказания медицинской помощи. Однако немногие другие категории гражданских судебных разбирательств настолько сложны для рассмотрения в судебной системе.

Важнейшим условием для наступления гражданско-правовой ответственности является наличие вреда, причиненного здоровью и жизни граждан, однако данное понятие в юридической литературе не является однозначным и строго определенным [3, с. 72; 4, с. 45].

Законодатель под вредом понимает «всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любое неблагоприятное изменение в охраняемом законом благе, которое может быть имущественным или неимущественным (нематериальным)» [8], такая же позиция нашла свое отражение и в судебной практике [9].

В Постановлении Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» под вредом здоровью понимаются нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека [10].

Таким образом, причиненный здоровью и жизни пациента вред определяется как негативные физические, эмоциональные или финансовые последствия для пациентов, непосредственно возникающие в результате оказания медицинской помощи, выходящие за рамки обычных последствий оказания помощи.

Количественные и качественные показатели вреда, нанесенного ненадлежащим оказанием медицинских услуг, необходимо рассчитывать на основе демографических данных пациентов (возраст, пол, этническая принадлежность и др.) и клинической информации (количество медицинских вмешательств и их качество, соответствие назначения лекарственных средств заболеванию пациента и иные клинические факторы). Так, пожилые и ослабленные пациенты с большей вероятностью испытывают вред, связанный с приемом лекарств.

Определение тяжести вреда здоровью пациента должно проводиться врачом (судебно-медицинский эксперт или индивидуальным предпринимателем с лицензией), в соответствии с приказом Минздравсоцразвития от 24.04.2008 № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

Роль медико-правовой экспертизы в установлении ответственности, вменяемости, виновности и в расследовании утверждений о недостатках в медицинском обслуживании становится все более значительной, принимая во внимание форму организации и компетентность действующей су-

дебной системы, а также в установлении ответственности медицинских работников. Несмотря на ограниченную компетенцию в области доктрины и судебных постановлений, перед судебно-медицинским экспертом стоит фундаментальная задача предоставить основные описательные элементы события, нормы надлежащей медицинской практики, применимые к анализируемому случаю, а также вред, обязательный в сочетании с демонстрацией причинной значимости всех факторов, влияющих на наступление конечного состояния. Дополнительно, исходя из этих общих целей, необходимо выделить критерии, необходимые для анализа случая, с точки зрения юридических понятий врачебной халатности, не уклоняясь от контрфактуального анализа с помощью общих положений условий снятия юридической ответственности, часто применимых в области должной осмотрительности, возложенной на медицину.

Следует различать врачебную халатность, представляющую собой неисполнение или недобросовестное исполнение своих обязанностей врачом, не имеющее преступного умысла и связанное с определенными недостатками в диагностике (обследовании), лечении или организации лечебного процесса, и преступления, совершенные медицинскими работниками. Зачастую грань между ними очень тонка, и различить их без помощи судебно-медицинских экспертов следователям или судебным работникам сложно или невозможно [1, с. 185]. С этой целью назначается судебно-медицинская экспертиза. Его назначению предшествует кропотливая работа следователя по изъятию всей медицинской документации, имеющей отношение к делу, допросу сторон, свидетелей и т.д. Заключение комиссии судебно-медицинской экспертизы является важным доказательством по делу, поэтому к нему предъявляются высокие требования: объективность, достоверность, научная обоснованность, доступность изложения. Однако даже если они доходят до суда, «медицинские дела» обычно могут длиться годами и зачастую заканчиваются либо оправданием, либо закрытием в связи с истечением срока давности.

Стоит отметить, что суд может признать правомерными качественно оказанные и безопасные медицинские услуги, направленные на улучшение здоровья пациента и с его одобрения, которые в последствии причинили вред пациенту. В данной ситуации именно на ответчика (медицинскую организацию) ложиться бремя доказывания данных обстоятельств [8].

Наличие вины является неотъемлемым условием для наступления гражданско-правовой ответственности. Согласно Е.А. Суханову «Виной в гражданском праве следует признавать неприятие правонарушителем всех возможных мер по предотвращению неблагоприятных последствий своего поведения, необходимых при той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от него по характеру лежащих на нем обязанностей в силу закона или договора»

[2, с. 292]. В свою очередь основные признаки вины, были определены еще в римском частном праве как «проявление той меры осмотрительности, которую можно требовать от всякого, и той меры заботливости, которая присуща доброму хозяину» [7, с. 388].

Согласно статье 401 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности). Стоит отметить, что именно причинно-следственная связь между возникновением вреда и действиями медицинской организации является предметом доказывания в судебном производстве.

Вопрос об ответственности врачей за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей является очень сложным, поскольку деятельность по оказанию медицинских услуг довольно часто несет в себе риск неблагоприятных результатов лечения для пациента, в виде неизбежных последствий. Во многих случаях врач, который старательно выполняет свои профессиональные обязанности, делает все возможное, но по независящим от него причинам он не в состоянии предотвратить причинение вреда здоровью пациента. В таком случае медицинский работник не несет ответственности даже в случае смерти пациента. Однако в некоторых случаях обстоятельства, осложняющие состояние здоровья пациента или его приводящие к его гибели, возникают из-за неисполнения врачом или ненадлежащим исполнением им своих профессиональных обязанностей.

Неисполнение профессиональных обязанностей означает, что медицинский работник не выполняет те действия, которые он обязан выполнять в силу своей профессии. Неисполнение или ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей соответствующим субъектом может быть как разовым, так и систематическим. В каждом конкретном случае для доказательства вины медицинского работника необходимо установить, какие профессиональные обязанности были возложены на виновное лицо и не были выполнены вообще, что является абсолютным бездействием медицинского работника при реальной возможности действовать, а какие из таких обязанностей исполняются ненадлежащим образом, т.е. медицинские работники выполняют свои профессиональные обязанности, но со значительными нарушениями прямых обязанностей, которые регламентируются должностными инструкциями, квалификационными требованиями и протоколами лечения с четким алгоритмом действий.

Несомненно, важным вопросом по медицинским делам является вопрос о предмете доказывания. В судопроизводстве весь процесс направлен на установление различных факторов (ст. 55 ГПК РФ). Можно выделить следующие основные факты:

1. Имеющие юридическое значение факты (ч. 2 ст. 56 ГПК РФ);

2. Доказательственные факты (будучи доказанными, позволяют вывести логическим путем искомый юридический факт);

3. Имеющие исключительно процессуальное значение факты (процессуальные права в соответствии со ст. 35 ГПК РФ).

Исходя из анализа судебной практики по медицинским делам, для всестороннего рассмотрения и правильного разрешения дела суд должен установить следующие обстоятельства:

1. Наличие вреда, причиненного жизни или здоровью;

2. Установить причинно-следственную связь между вредом и действием причинителя вреда;

3. Установить вину причинителя вреда.

Для грамотного и всестороннего рассмотрения дел о причинении вреда здоровью или жизни граждан вследствие применения лекарственных средств, важными являются письменные доказательства и иные представленные доказательства, такие как объяснения сторон, опрос свидетелей, лечащего врача и иных экспертов. Вместе с тем опрос лечащего врача сопровождается вопросом о «врачебной тайне». Хотя врачебная тайна широко признана важным принципом терапевтических отношений, ее систематическая и последовательная практика была сложной с этической точки зрения обязанностью медицинских работников из-за различных проблем клинического, морального, религиозного, социального, этического и юридического характера. Врачебная тайна может быть нарушена для защиты пациента и/или других лиц, если сохранение конфиденциальности причиняет серьезный вред.

В 2020 году появилась положительная судебная практика по делам о компенсации морального вреда по медицинским делам. Суды стали принимать во внимание и давать правовую оценку заключениям судебно-медицинских экспертов о наличии косвенной связи между дефектами лечения и смертью больного препятствием для удовлетворения иска, указывая, что «характер связи не может служить основанием для отказа в иске» [11].

К сожалению, российские суды чаще всего встают на сторону ответчика, защищая интересы фармакологических компаний и медицинских организаций. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации указывает нижестоящим судам о необходимости принимать во внимание правовую позицию высшей судебной инстанции и неправомерности возложения бремени доказывания вины в причинении вреда жизни или здоровью пациента на истца, тем самым нарушая нормы процессуального закона в части распределения бремени доказывания [12].

Истцу зачастую трудно доказать свою претензию в судебном процессе о врачебной халатности, поскольку эти дела связаны со сложными техническими вопросами. В судебном процессе о врачебной халатности, причинившей смерть по неосторожности, истцы должны доказать, что лицо, осуществляющее уход, имело обязательства, не спра-

вилось с обязанностями по уходу и смерть наступила непосредственно в результате медицинской халатности.

Таким образом, рассмотрение гражданских дел по данной категории являются довольно сложными. Судебная практика по медицинским делам отличается многообразием подходов, которые весьма противоречивы. Проведя анализ гражданских дел о возмещении вреда, причиненного вследствие применения лекарственных средств, можно сделать вывод, что при установлении обязательных условий наступления ответственности наибольшие затруднения вызывает установление причинно-следственной связи. Бремя доказывания вины причинителя вреда, как правило, возлагается на истца.

Полагаю необходимо закрепить на законодательном уровне презумпцию причинно-следственной связи между вредом, причиненным жизни и здоровью пациента и лекарственным средством, пока ответчик не доказал обратное.

Литература

1. Врачебные дела: юридическая и экспертная оценка проблем ненадлежащего оказания медицинской помощи: монография / отв. ред. А.А. Мохов. – Москва: Блок-Принт. 2023. – 368 с.
2. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Ем В.С. и др.]; отв. ред. – Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006–720 с.
3. Даутбаева-Мухтарова А.Е. Гражданско-правовая ответственность при причинении вреда жизни и здоровью пациента // Право и государство. 2016. № 1(70). – С. 69–73
4. Егоров К.В. Правомерное и неправомерное причинение вреда в сфере медицинской деятельности: гражданско-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань. 2006. – 190 с.
5. Римское частное право: учебник / коллектив авторов; Р51 под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. – М.: КНОРУС, 2014–608 с.
6. Five Avoidable Deaths Per Minute Shows Urgent Need for Action on Patient Safety (Новости ООН, 17 сентября 2019 г.) <<https://news.un.org/en/story/2019/09/1046552>> дата обращения 5 августа 2023 г.
7. Patient Safety (Всемирная организация здравоохранения, 9 марта 2019 г.) <<https://www.who.int/news-room/facts-in-pictures/detail/patient-safety>> дата обращения 5 августа 2023 г.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ ст. 1064 // СЗ РФ. 1994 г. № 32. ст. 3301
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.2015 г. № 81-КГ14–19

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил определения тяжести вреда, причиненного здоровью человека» п. 2 // «Собрание законодательства Российской Федерации». 27.08.2007. № 35. Ст. 4308
11. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 10.02.2020 № 33–1935/2020
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // «Российская газета». № 24.

PROBLEMS OF CONSIDERATION OF CIVIL CASES OF HARM TO THE HEALTH AND LIFE OF CITIZENS DUE TO THE USE OF MEDICINES

Barinova I.V.

Southwest State University

The article discusses the main conditions for the occurrence of civil liability of medical organizations in the event of harm to health. The author highlights such conditions as harm and the presence of guilt. Specific examples of judicial practice in civil cases are given – decisions and rulings of courts of various instances on compensation for moral damage, after the court has established the facts of improper provision of medical and diagnostic assistance by the defendant, as well as compensation for damage to the health of citizens caused by poor-quality medical care. In conclusion, the author concludes that there are a small number of civil cases for compensation for harm to health due to the use of medicines. As a rule, in such cases, claims are denied in connection with the problems of proving a causal relationship between the harm caused and the use of the drug.

Keywords: medicines, harm, civil law, liability, consumer.

References

1. Doctor's cases: legal and expert assessment of the problems of improper provision of medical care: a monograph / ed. by A.A. Mokhov. – Moscow: Blok-Print, 2023. – S.368
2. Civil Law. In 4 vol. T. 1: General part: textbook for university students studying in the direction 521400 "Jurisprudence" and specialty 021100 "Jurisprudence" / [Em V.S. and others]; ed. by E.A. Sukhanov. – 3rd ed., revision and additions. – M.: Wolters Kluwer, 2006 – P. 720.
3. Dautbaeva-Mukhtarova A.E. Civil-law liability in causing harm to the life and health of the patient // Law and State. 2016. No. 1(70). – P. 69–73
4. Egorov K.V. Lawful and unfair infliction of harm in the sphere of medical activity: civil-law aspect: diss. ...kand. jurid. nauk. Kazan. 2006. – P. 190
5. Roman private law: textbook / collective of authors; R51 ed. by I.B. Novitsky, I.S. Peretersky. – M.: KNORUS, 2014 – P. 608
6. Five Avoidable Deaths Per Minute Shows Urgent Need for Action on Patient Safety' (UN News, 17 September 2019) <<https://news.un.org/en/story/2019/09/1046552>> accessed 5 August 2023.
7. Patient Safety' (World Health Organization, 9 March 2019) <<https://www.who.int/news-room/factsin-pictures/detail/patient-safety>> accessed 5 August 2023.
8. Civil Code of the Russian Federation (part one)" dated 30.11.1994 No. 51-FZ Art. 1064 // SZ RF. 1994. No. 32. Art. 3301
9. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.01.2015 No. 81-KG14–19
10. Resolution of the Government of the Russian Federation of 17.08.2007 No. 522 "On approval of the Rules for determining the severity of harm caused to human health" paragraph 2 // "Collection of Legislation of the Russian Federation". 27.08.2007. No. 35. Art. 4308
11. Appellate ruling of the Krasnoyarsk Regional Court dated 10.02.2020 No. 33–1935/2020
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.01.2010 No. 1 "On the application by courts of civil legislation governing relations under obligations due to harm to life or "to the health of the citizen" // "Rossiyskaya Gazeta". No. 24.

Квалификация экономических преступлений, совершаемых путем сознательного введения в заблуждение

Курносова Валерия Михайловна,

специалист, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина
E-mail: lerakurnosova@yandex.ru

Предметом исследования послужили экономические преступления, совершаемые путем сознательного введения в заблуждение. В частности, к рассмотрению представлено «налоговое мошенничество», направленное на создание видимости мнимой хозяйственной деятельности с целью получения незаконных налоговых вычетов и, соответственно, хищения денежных средств из бюджета Российской Федерации. Поскольку правоприменительная и судебная практика сложились таким образом, что подобные мошеннические манипуляции квалифицируются по ст. 199 Уголовного кодекса Российской Федерации (тяжесть санкции которой несопоставима со степенью общественной опасности вышеуказанного преступления), целью настоящего исследования является необходимость установления принадлежности подобных деяний к составу преступления, поименованному в ст. 159 Уголовного Кодекса Российской Федерации. В целях поддержания полноты исследования первоначально проведен анализ налогового законодательства о порядке осуществления налоговых вычетов. Результаты проведенной работы отражают необходимость формации сложившейся практики в пользу квалификации деяний, связанных с намеренным введением в заблуждение налоговый орган, как мошенничество.

Ключевые слова: мошенничество; квалификация; налоговые преступления; разграничение; правоприменение; уголовно-правовая характеристика.

Введение

Налоговая система Российской Федерации – сложный механизм государственного управления, направленный не только на реализацию конституционной обязанности граждан Российской Федерации по оплате законно установленных налогов и сборов, но и пополнению бюджета государства. В поиске наиболее эффективных систем и способов оплаты налогов, государством принимается ряд мер, «смягчающих» налоговое бремя граждан [1]. К числу таких налоговых льгот относится и право на налоговый вычет. Тем не менее, не все налогоплательщики относятся к таким преимуществам добросовестно. Как показывает правоприменительная практика органов предварительного расследования, тенденции налоговых преступлений меняются. Преступные практики по незаконному снижению налогового бремени (уклонению от уплаты налогов) сменяются схемами, направленными на хищение путем обмана денежных средств из бюджета Российской Федерации. Анализ свидетельствует о том, что конечной целью такого обмана не всегда является уклонение от обязанностей по уплате налогов. Посредством предоставления в налоговый орган ложных сведений, искажающих финансово-хозяйственную деятельность лиц-налогоплательщиков, осуществляется хищение денежных средств из бюджета Российской Федерации. На сегодняшний день подобные деяния квалифицируются как уклонение от уплаты налогов или сборов, подлежащих уплате организацией (ст. 199 УК РФ).

Однако, немаловажным является то, что от состояния бюджета (его дефицит или профицит) зависит степень и качество реализации государством, установленных законом прав граждан. Учитывая, что подобное деяние по своей общественной опасности, как правило, несопоставимо с тяжестью санкции ст. 199 УК РФ, правоприменителю следует уметь правильно квалифицировать деяние, связанное с мошенничеством при злоупотреблении получением налогового вычета, уметь аргументировать обоснованность квалификации.

Анализ налогового законодательства о порядке получения налогового вычета

В целях детального изучения предмета исследования необходимо ознакомиться с положениями налогового законодательства, регулирующим порядок осуществления налоговых обязанностей и порядка возмещения части налоговых отчислений юридическим лицом.

В соответствии со ст. 247 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ)¹ под объектом налогообложения по налогу на прибыль понимаются полученные в ходе осуществления предпринимательской деятельности доходы, уменьшенные на величину произведенных организацией расходов.

Вместе с тем, объект налогообложения по налогу на добавленную стоимость (далее – НДС) – реализация товаров (а также работ и услуг) на всей территории государства. Налоговый период по НДС согласно ст. 163 НК РФ установлен как квартал. Согласно методу зачета НДС продавец, ввозящий товар на территорию Российской Федерации уплачивает первичный НДС. В целях компенсации издержек по НДС уплаченная сумма закладывается в конечную стоимость товара. В итоге издержки по уплате налога несёт конечный покупатель (потребитель).

В соответствии с п.п. 1, 2 ст. 171 НК РФ налогоплательщик вправе уменьшить уплачиваемую сумму НДС. Уважительным основанием для вычета являются суммы налога, предъявленные налогоплательщику за товары, приобретенные им для перепродажи Источником для применения налоговых вычетов по НДС, являются суммы налога, уплаченные в бюджет на всех этапах перепродажи товара (работ, услуг) внутри страны.

Вычеты НДС осуществляются на основании счетов-фактур, представленных продавцами при приобретении налогоплательщиком товаров. Счет-фактура – документ, подтверждающий фактическую уплату сумм налога при ввозе товаров на территорию государства.^[2] Согласно позиции законодателя, счет-фактура – документ, который служит основанием для принятия покупателем предъявленных продавцом товаров (работ, услуг), имущественных прав, а также сумм налога к вычету.

В целях получения налогового вычета конечный покупатель товара, приобретенного для перепродажи, вправе обратиться к налоговому агенту для получения налогового вычета по НДС.

Практика квалификации экономических преступлений, совершаемых путем сознательного введения в заблуждение

Современные правоприменительные реалии фиксируют случаи искажения злоумышленниками истинных сведений налоговой декларации, счетов-фактур^[3]. В частности, сведения об объектах налогообложения, о полученных доходах и произведенных расходах, об источниках доходов, о налоговой базе, налоговых льготах, об исчисленной сумме налога.

Согласно приговору Чертановского районного суда г. Москвы² Куловой И.И., генеральным дирек-

тором ООО «ТЭСКОМ», образованном для целей, связанных с оптово-розничной торговле косметическими средствами и биологическими добавками, отдавая отчет о совершенном преступлении, выраженном в искажении данных счетов-фактур и налоговой декларации, в целях получения вычета из НДС, уклонилась от уплаты налогов (такой точки зрения придерживаются суды и правоприменители при квалификации подобных деяний).

Так, осужденная, осведомленная об отсутствии у ООО «Сильвер», ООО «Компания МедиСэйл», ЗАО «Юппитэ» фактически самостоятельной финансово-хозяйственной деятельности разработала систему действий, смысл которых заключался в формальном оформлении от имени вышеуказанных организаций документов (в частности, договоров и счетов-фактур), которые создают ложное представление о финансово-хозяйственных отношениях по оказанию маркетинговых услуг и поставке активных добавок в адрес ООО «ТЭСКОМ» без цели осуществления фактических хозяйственных операций. В последующем осужденной проводились манипуляции по включению ложных сведений о величине произведенных расходов и суммах налоговых вычетов по НДС в налоговую и бухгалтерскую документацию организации.

Во исполнение преступного замысла осужденная, осуществляя коммерческую деятельность по оптово-розничной торговле косметическими средствами и биологическими добавками, осознавая, что своими преступными действиями причиняет ущерб бюджетной система Российской Федерации, получила в свое распоряжение реквизиты и данные расчетных счетов организаций, обладающих всеми необходимыми внешними признаками юридических лиц-налогоплательщиков, но не осуществлявших реальной хозяйственной деятельности.

В целях создания видимости наличия законных оснований для применения налоговых вычетов совершила ряд мнимых сделок (в форме письменных договоров), якобы имеющих у ООО «ТЭСКОМ» и ООО «Сильвер», ООО «Компания МедиСэйл», ЗАО «Юппитэ» гражданско-правовых взаимоотношений. Так, злоумышленницей были заключены подложные договоры с вышеуказанными юридическими лицами, имитирующие финансово-хозяйственные отношения по оказанию маркетинговых услуг и поставке биологически активных добавок в адрес ООО «ТЭСКОМ», без намерения осуществления фактических хозяйственных операций, и включению ложных сведений о величине произведенных расходов, суммах налоговых вычетов по налогу на добавленную стоимость, суммах налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организации, подлежащих уплате в бюджетную систему Российской Федерации.

По итогам предоставления налоговой декларации, вышеуказанных договоров и счетов-фактур с заведомо ложными сведениями в налоговый орган, осужденная получала налоговые вычеты. Об Чертановского районного суда Российской Федерации;

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // «Российская газета», № 148–149, 06.08.1998;

² Приговор Чертановского районного суда г. Москвы от 10.12.2019 по делу № 1–565/19 / Картотека уголовных дел

щая сумма причинного бюджету Российской Федерации ущерба: 537 586 548 рублей.

Судом вышеуказанные деяния квалифицированы по п. б ч. 2 ст. 199 УК РФ.

Выводы

Подводя итог анализа судебного акта, резюмируем: злоумышленница заключила ряд подложных договоров с юридическими лицами, фактически не осуществляющими оперативно- и финансово-хозяйственную деятельность (с прямым осознанием и намерением, что условия договора выполняться не будут). На основании платежных поручений осужденная обеспечила оплату на счета юридических лиц, за якобы предоставленные товары и услуги на общую сумму более 1 млрд рублей. Сделано это для создания ложного представления о реальности правоотношений между ООО «ТЭСКОМ» с юридическими лицами. Подготовив ложные данные, подтверждающие право на получение налогового вычета, злоумышленница направила искаженные сведения в налоговый орган, по итогам чего получила налоговый вычет по НДС в размере 500 млн. рублей.

Проблема квалификации подобных деяний давно обсуждается среди правоприменителей. Одни считают, что такое преступление следует квалифицировать как мошенничество (159 УК РФ), что на сегодняшний день в редких случаях находит свое отражение в судебной практике. Другие придерживаются позиции Конституционного Суда Российской Федерации¹, указывающему, что действия по искажению налоговой документации, направленные на незаконное получение налогового вычета следует квалифицировать по ст. 199 УК РФ.

Необходимо составить самостоятельную характеристику, указанного в приведенной практике деяния. Во-первых, для квалификации подобного преступления, следует отразить сущность намерений. В настоящее время правоприменители и суды в целях таких действий видят уклонение от уплаты налогов. То есть, лицо, умышленно не выполняя конституционные обязанности по уплате законно установленных налогов и сборов, не уплачивает денежные средства в бюджетную систему Российской Федерации. Деяние может быть выражено как бездействие (оставление обязанности по предоставлению налоговой декларации), так и в форме активного действия (предоставления налоговой декларации, искажающей сведения о финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика).

Так, согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации неуплата (или неполная уплата) суммы налога, осуществляемые посредством представлением искаженных данных в налоговый орган, ставшие следствием возникновения

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.03.2023 № 477-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каретникова Леонида Михайловича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.04.2024).

недоимки по налогам, влечёт не только к налоговой (ст. 122, 129.3 и 129.5 НК РФ), но и к уголовной ответственности. Например, когда уклонение от уплаты налога совершено способом, поименованным в уголовном законодательстве и сопровождается иными, предусмотренными в нем признаками (ст. 198–199.2 УК РФ), но только лишь после истечения установленного для налоговой задолженности срока уплаты налогоплательщиком суммы недоимки (пункт 3 статьи 32 НК РФ).

Считаем, что вышеуказанное в полной мере относится и к налогу на добавленную стоимость, порядок уплаты которого предполагает исчисление суммы подлежащего перечислению в бюджет налога, в том числе с учетом уменьшающих ее сумм налоговых вычетов, в применении которых не может быть отказано.

При разграничении возможности применения ст. 159 УК РФ и 199 УК РФ Конституционный Суд Российской Федерации указывает, что определяющим показателем при квалификации является способ совершенного преступного посягательства.

Таким образом, учитывая, что вопрос квалификации высшими судебными органами до сих пор не разрешен, современная правоприменительная позиция указывает на принадлежность таких деяний к составу преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ. Важно, что Конституционный Суд не указывает на возможность нижестоящим судам применять норму ст. 159 УК РФ к подобным преступлениям.

Такое положение отражает необходимость в научном исследовании. Представляется, что для квалификации описываемого деяния первоначально необходимо определить истинные намерения лица, поскольку действия может быть совершено не только в целях незаконного снижения величины налоговых уплат. В ряде случаев намерения злоумышленника направлены на получение корыстной выгоды путем предоставления ложных сведений и получения налогового вычета [4]. Для определения целей преступления правоприменителю следует оценивать хозяйственную деятельность юридического лица. А именно совокупность наличных денег, находящихся в обращении, и безналичных средств на счетах, которыми располагает юридическое лицо; Характер и цены договоров, заключаемых налогоплательщиком. В случае, если реальный показатель доходов юридического лица составляет 1–2 млн руб., а сумма, полученная из средств бюджет Российской Федерации, посредством введения налоговый орган в заблуждение, исчисляется сотнями миллионов, крайне затруднительно утверждать о том, что деяние совершено в целях уклонения от уплаты налогов. Проще говоря, если цена договоров, заключенных добросовестно в рамках осуществления предпринимательской деятельности, значительно ниже цены представленных в налоговый орган ложных договоров, а полученный в ходе преступных действий налоговый вычет за условный период во много выше среднего дохода организации, следует при-

завать подобные деяния как хищение денежных средств из бюджета Российской Федерации.

К тому же, учитывая, что характер подобных преступлений причиняет значительный ущерб бюджетной системе и носит высокую общественную опасность, указанная в ст. 199 УК РФ санкция кажется несоразмерно низкой. В этой связи квалификация деяний связанных с хищением денежных средств из бюджета Российской Федерации по вышеуказанной статье не отвечает требованиям карательной функции уголовного наказания.

По нашему мнению, состав преступления, отраженный в ст. 159 УК РФ ближе по ряду определяющих признаков, однако не способен в полной мере отразить специфику исследуемого налогового противоправного деяния.

Итоги проведенного анализа отражают необходимость законодательных инициатив на предмет разработки и введения в УК РФ положений, которые могли бы в полной мере изложить состав и определяющие признаки исследуемого деяния. При оценке преступления установить соразмерное общественной опасности уголовное наказание. Надеемся, что вышеуказанное станет предметом дальнейшего исследования.

Литература

1. Корчагин А.Г. Уголовная политика борьбы с финансовыми преступлениями // Финансовые правонарушения и преступления. 2019. № 5. С. 112–114.
2. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. – Саратов: Изд-во СГАП. 2019. С. 256;
3. Сайдашева М.О. Проблемы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: Сборник статей VII Международной научно-

практической конференции, Пенза, 15 декабря 2020 года. – Пенза: «Наука и Просвещение». 2020. С. 161–163;

4. Тактоева В.В. Понятие экономической преступности и проблемы квалификации преступлений в сфере экономики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 2. С. 23–29.

QUALIFICATION OF ECONOMIC CRIMES COMMITTED THROUGH DELIBERATE MISREPRESENTATION

Kurnosova V.M.

O.E. Kutafin Moscow State Law University

The subject of the study was economic crimes committed by deliberate deception. In particular, "tax fraud" is presented for consideration, aimed at creating the appearance of imaginary economic activity in order to obtain illegal tax deductions and, accordingly, embezzlement of funds from the budget of the Russian Federation. Since law enforcement and judicial practice have developed in such a way that such fraudulent manipulations are qualified under art. 199 of the Criminal Code of the Russian Federation (the severity of the sanction of which is incomparable with the degree of public danger of the above-mentioned crime), the purpose of this study is the need to establish whether such acts belong to the corpus delicti named in Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation. In order to maintain the completeness of the study, an analysis of tax legislation on the procedure for making tax deductions was carried out. The results of the work carried out reflect the need to form the established practice in favor of qualifying acts related to intentional misleading of the tax authority as fraud.

Keywords: Fraud; qualification; tax crimes; differentiation; law enforcement; criminal law characteristics.

References

1. Korchagin A.G. Criminal policy for combating financial crimes // Financial offenses and crimes. 2019. No. 5. P. 112–114.
2. Lopashenko N.A. Crimes in the sphere of economic activity: concept, system, problems of qualification and punishment. – Saratov: Publishing house of SGAP. 2019. P. 256;
3. Saydasheva M.O. Problems of qualification of crimes in the sphere of economic activity // Jurisprudence in theory and practice: topical issues and modern aspects: Collection of articles of the VII International scientific and practical conference, Penza, December 15, 2020. – Penza: "Science and Education". 2020. P. 161–163;
4. Taktoeva V.V. The concept of economic crime and problems of qualification of crimes in the sphere of economy // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. 2018. No. 2. P. 23–29.

К вопросу об эффективности основных внесудебных способов защиты трудовых прав работников в сфере малого предпринимательства

Перевалов Андрей Геннадьевич,

аспирант, Уральского института управления филиала

РАНХиГС

E-mail: perevalov-1993@mail.ru

Статья посвящена анализу основных внесудебных способов защиты трудовых прав работников малого бизнеса с целью определения уровня их эффективности. Автор констатирует, что на сегодняшний день самый действенный внесудебный способ защиты трудовых прав работников малых предприятий – это федеральный государственный контроль за соблюдением трудового законодательства, который осуществляется специализированной системой органов – федеральной инспекцией труда. При этом в условиях ограничений контрольно-надзорной деятельности и моратория на проверки, направленных на поддержку субъектов предпринимательства, большое значение приобретает прокурорский надзор, поскольку на него названные ограничения и запреты не распространяются. Автором поднимается проблема большого распространения в малых предприятиях таких типовых нарушений трудового законодательства как неформальная занятость и выплата нелегальных заработных плат. Делается вывод о том, что повышение эффективности государственного контроля и надзора за соблюдением трудового законодательства в сфере малого бизнеса возможно благодаря совместной работе и непрерывному взаимодействию федеральной инспекции труда, налоговых органов и прокуратуры. В условиях развития цифровизации совместная аналитика контрольно-надзорных органов, обмен информацией способствуют выявлению скрытых нарушений трудовых прав в малых предприятиях.

Ключевые слова: трудовое право, трудовые отношения, работодатель, работник, защита трудовых прав, государственный контроль (надзор), малое предпринимательство.

Статья 1 ТК РФ закрепляет защиту прав и интересов работников и работодателей как одну из целей трудового законодательства. Гарантия государственной защиты прав и свобод сторон трудового договора основана на положении ст. 45 Конституции РФ, провозглашающей право каждого защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом.

Тема защиты трудовых прав и свобод участников трудовых отношений никогда не теряла своей актуальности, при этом особый интерес представляет изучение фактического применения основных способов защиты прав работников сферы малого предпринимательства, поскольку она охватывает 26 млн трудящихся, что составляет 37% от общего числа занятых в экономике [9].

Под работодателями – субъектами малого предпринимательства (малыми предприятиями) понимаются вступившие в трудовые отношения юридические лица определенных организационно-правовых форм и индивидуальные предприниматели, соответствующие критериям, установленным Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Эти критерии определяются малой численностью персонала и небольшим, по сравнению с крупными и средними предприятиями, уровнем дохода от предпринимательской деятельности.

Важно отметить, что с правовой точки зрения малое предпринимательство представляет собой комплексный, межотраслевой институт российского права [4, с. 7], составной частью которого, наряду с нормами гражданского, административного и финансового права, являются и нормы трудового права. При этом трудовое право способствует поддержке и развитию малого бизнеса путем установления особенностей регулирования труда в этой сфере, направленных на снижение издержек работодателя в связи с соблюдением труд правовых норм. К таким особенностям относятся, например, возможность работодателей – субъектов малого предпринимательства заключать с работниками срочные трудовые договоры без каких-либо объективных на то оснований (абз. 2 ч. 2 ст. 59 ТК РФ), а также право работодателей – микропредприятий отказаться от принятия локальных нормативных актов, регулирующих трудовые отношения (гл. 48.1 ТК РФ) и другие.

Применение наемного труда в малом бизнесе сложно контролировать, в нем широко распространена неформальная занятость, что приводит к многочисленным нарушениям трудовых прав. В этой

связи защита трудовых прав работников данной сферы на сегодняшний день является серьезной проблемой. Распространенные нарушения включают в себя: отсутствие официального трудоустройства работников со стороны работодателей; заключение с работниками гражданско-правовых договоров подряда или оказания услуг; выплату работникам неофициальной заработной платы; несоблюдение работодателями обязательных требований ТК РФ. По данным Государственной инспекции труда в Свердловской области (далее – ГИТ в Свердловской области), большое количество жалоб в инспекцию касается неоформленных трудовых отношений между работником и работодателем и «серых» зарплат [10]. Скрытые зарплаты чаще всего предлагаются именно малыми предприятиями с целью сокращения налоговых и страховых выплат.

Не оформление с работником письменного трудового договора нарушает его фундаментальное право на труд (ст. 37 Конституции РФ) и взаимосвязанные с ним социально-трудовые права (на справедливую оплату труда, на отдых, на социальное обеспечение). В связи с этим, работа по легализации трудовых отношений относится к вопросам стратегического значения для обеспечения национальной безопасности России (пп. 28 п. 67 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»).

В условиях экономической нестабильности положение малых предприятий ухудшается, что также негативно отражается на правах трудящихся в этой сфере работников и усиливает названные выше проблемы.

С учетом изложенного, представляется важным и актуальным исследовать основные внесудебные способы защиты трудовых прав работников в сфере малого бизнеса с целью выявления степени их эффективности.

В научной литературе под способами защиты трудовых прав работников понимаются «предусмотренные законом процедуры, в рамках которых осуществляется применение правовых мер защиты нарушенных или оспариваемых прав работников» [7, с. 371].

В ст. 352 ТК РФ установлены следующие основные способы защиты трудовых прав и свобод: 1) самозащита работниками трудовых прав; 2) защита трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами; 3) федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; 4) судебная защита.

Следует заметить, что перечень способов защиты трудовых прав, поименованный в статье 352 ТК РФ, не является исчерпывающим.

Самозащите трудовых прав работников посвящена глава 59 ТК РФ.

В трудовом законодательстве нет легального определения самозащиты, однако оно содержит

в юридической литературе. Например, Е.Б. Хохлов понимает самозащиту как «действия работника, направленные на пресечение нарушения работодателем его прав, устранение препятствий для осуществления прав работника и понуждение работодателя к надлежащему исполнению своих обязанностей без обращения в уполномоченные органы, осуществляющие защиту трудовых прав» [7, с. 389].

Самозащита трудовых прав может осуществлена только через отказ работника от выполнения своих трудовых обязанностей. Это допустимо если: а) работнику поручили работу, не предусмотренную договором (ст. 379 ТК РФ); б) выполняемая работа напрямую угрожает жизни и здоровью работника (ст. 379 ТК РФ); в) работодатель задерживает выплату заработной платы более чем на 15 дней (ст. 142 ТК РФ).

Во всех трех случаях установлены исключения из правила. В частности, в случае задержки заработной платы не допускается приостановление работы отдельными категориями работников (в том числе выполняющими работы, связанные с обеспечением жизнедеятельности населения).

Чтобы воспользоваться правом на самозащиту, работнику необходимо письменно уведомить об этом работодателя. Если у работника имеются правовые основания для самозащиты, и им соблюдена процедура уведомления о временном прекращении работы, то невыполнение им своих трудовых обязанностей будет считаться законным, что исключает возможность привлечения его к дисциплинарной ответственности. В период отказа от работы за работником сохраняются все права, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативно-правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

Как указано выше, в малом бизнесе распространены нарушения в виде выплаты работникам неофициальных заработных плат, а также неоформления трудовых отношений. Анализ судебной практики (см. например, решение Городского городского суда Нижегородской области от 12.05.2023 № 2–284/2023(2–2289/2022), апелляционное определение Липецкого областного суда от 16.01.2023 по делу № 2–2568/2022 и др.) показывает, что суды при определении среднего заработка, подлежащего взысканию с работодателя за время приостановления работы в порядке самозащиты, руководствуются документально подтвержденным размером заработной платы. То есть работник, получающий неофициальную заработную плату, воспользовавшись правом на самозащиту, может претендовать на получение среднего заработка в гораздо в меньшем размере, чем его фактический заработок. В случае отсутствия между сторонами оформленного трудового договора право работника на самозащиту получится реализовать только при условии установления факта трудовых отношений в судебном порядке.

Таким образом, в сфере малого предпринимательства эффективность механизма самозащиты

ты снижается, если имеются такие типовые нарушения трудовых прав работников как отсутствие оформленных трудовых отношений и выплата неофициальных заработных плат.

К основным способам защиты прав работников относится также профсоюзный контроль.

Правовой статус и направления деятельности профсоюзов подробно регламентированы в Федеральном законе от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». Вопросам защиты трудовых прав и интересов профсоюзами посвящена глава 58 ТК РФ, в которой определены основные формы такой защиты:

- контроль профсоюзов за соблюдением работодателями трудового законодательства и других нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права (ст. 370 ТК РФ);
- выражение мнения профсоюзами при принятии работодателем решений, касающихся прав и интересов работников (статьи 371–373 ТК РФ).

На сегодняшний день роль деятельности профсоюзов существенно снижается. Так, К.В. Нуштайкина отмечает, что «количество профсоюзов в современных условиях неуклонно сокращается, в основном они существуют на крупных производственных предприятиях. На современном же этапе развития экономики наблюдается рост числа работодателей, относящихся к среднему и малому, в том числе микробизнесу, работники которых, как правило, не объединены в профсоюзы» [5, с. 3].

Результаты опросов работников малого бизнеса г. Москвы также показывают, что члены профсоюза составили только 5% от числа респондентов, а охват московских малых предприятий коллективными договорами составляет всего 0,6% [2, с. 21].

Ю.Ю. Чилипенко на основании данных анкетирования работников предприятий малого и среднего бизнеса приходит к выводу, что основной причиной отсутствия профсоюзов в малых и средних предприятиях является нежелание самих работников объединяться в подобные организации в связи с нежеланием платить профсоюзные взносы и уделять время профсоюзной деятельности [8, с. 138].

Таким образом, наблюдается крайне низкий спрос работников малого бизнеса на деятельность профсоюзов. Соответственно, на сегодняшний день в сфере малого предпринимательства такой способ защиты трудовых прав работников является непопулярным и малоэффективным в связи с небольшим распространением профсоюзного движения в этой сфере.

Фактическое неравенство сторон трудовых отношений, а также заинтересованность самого государства в создании благоприятных условий труда определяют необходимость защиты трудовых прав граждан независимыми от работодателя государственными органами, посредством государственного контроля и надзора за соблюдением трудового законодательства.

Основные положения об осуществлении контрольно-надзорной деятельности, а также полномочия контролирующих органов определены в главе 57 ТК РФ. Согласно действующей редакции этой главы, существует два вида контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства: федеральный государственный контроль (осуществляется федеральной инспекцией труда); ведомственный контроль (осуществляется органами государственной власти и местного самоуправления в отношении подведомственных организаций в отдельных сферах деятельности).

Таким образом, в научной литературе верно отмечается, что «органы государственного контроля и надзора, осуществляющие функцию защиты трудовых прав работников, делятся на две группы:

1) Специализированная система государственных органов – федеральная инспекция труда и ее территориальные подразделения, осуществляющие контроль (надзор) за соблюдением законодательства о труде;

2) Государственные органы, включающие: прокуратуру, Федеральную службу по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), Федеральную службу по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор) и иные государственные органы, для которых функция защиты трудовых прав не является основной» [6, с. 12–13].

Важно отметить, что в России проводится реформа контрольно-надзорной деятельности, являющаяся одним из ключевых аспектов стратегического развития нашего государства до 2025 года и направленная, помимо прочего, на снижение административного давления на коммерческие организации и индивидуальных предпринимателей (см. Паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности», утвержденный Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 21.12.2016 № 12. Начало указанной реформы связано с принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон о госконтроле), который определяет следующие принципы: приоритет профилактических мер над контрольно-надзорными; стимулирование добросовестного выполнения обязательных требований; предотвращение злоупотребления полномочиями со стороны контрольно-надзорных органов; соразмерность их вмешательства в деятельность контролируемых лиц и др.

Наряду с реформой контрольно-надзорной деятельности, направленной на снижение административного бремени работодателей, в 2022 году Постановлением Правительства РФ от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» был установлен мораторий на проведение плановых и внеплановых проверок для подавляющего большинства хозяйству-

ющих субъектов. Мораторий на внеплановые проверки продлен до конца 2024 года. Ограничение плановых проверок для большинства субъектов хозяйственной деятельности продлено до 2030 года. Как отмечает Е. Кожемякина, «причина введения моратория на проверки состоит в необходимости снижения административной нагрузки со стороны государства с целью поддержки бизнеса в условиях международных санкций и экономической нестабильности» [3, с. 41].

Очевидно, что стремление оказать поддержку бизнесу в виде ограничения государственного контроля в отношении работодателей вступает в противоречие с интересами работников, поскольку делает бессмысленными их жалобы в государственные инспекции труда на нарушение трудовых прав и тем самым снижает уровень их защиты.

Существенные ограничения функций федеральной инспекции труда по защите трудовых прав работников в период действия моратория частично компенсируются усилением роли органов прокуратуры, которые на сегодняшний день обладают широкими полномочиями в области контрольно-надзорной деятельности. Они согласуют большинство внеплановых проверок, включая те, что проводятся государственными инспекциями труда, и имеют право проводить свои прокурорские проверки, так как Закон о госконтроле и мораторий на проверки не распространяются на прокурорский надзор.

Тем не менее, на сегодняшний день неформальная занятость, неофициальные зарплаты являются распространенным явлением, особенно в малом бизнесе.

Так, по данным Росстата, «теневая» выплата заработной платы работникам различных предприятий в России составила 19,5% от общего объема оплаты труда наемных сотрудников в 2022 году [11].

Согласно докладу о результатах деятельности Государственной инспекции труда в Свердловской области за 2023 год, за отчетный период в инспекцию поступило 6925 обращений граждан, из которых 962 – по вопросу ненадлежащего оформления трудовых отношений. Кроме того, в разделе доклада, касающемся анализа состояния и причинах производственного травматизма, подчеркивается, что в строительной отрасли инспекцией проводятся расследования несчастных случаев, произошедших с работниками, с которыми заключены ГПД или вообще отсутствуют какие-либо трудовые отношения, что является грубейшим нарушением трудового законодательства. По всем фактам проводятся дополнительные расследования, выдаются предписания с обязательным требованием составить Акт Н-1 [12].

Наличие данных нарушений и их распространенность, несмотря на принимаемые меры, свидетельствует о необходимости усиления государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства о труде.

В этой связи, например, С.И. Коряченцова и С.В. Королёва указывают, что добиться видимого результата в сфере борьбы с «серыми» зарплатами возможно только при постоянном мониторинге и анализе ситуации, который осуществляется на основе системного обмена информацией с правоохранительными и контролирующими органами, органами государственной власти и местного самоуправления [11].

Так, выплата работнику неофициальной заработной платы приводит к неполной уплате НДФЛ, а потому является, прежде всего, нарушением налогового законодательства, контроль за соблюдением которого осуществляют налоговые органы (ст. 82 НК РФ).

Налоговые органы в рамках своих полномочий ежеквартально получают от работодателей сведения (отчет 6-НДФЛ) о доходах работников, полученных в связи с осуществлением трудовой деятельности, и суммах НДФЛ, начисленных и удержанных в пользу государственного бюджета (п. 2 ст. 230 НК РФ).

В ходе налоговых проверок налоговые органы проверяют правильность начисления НДФЛ, и если будут обнаружены нарушения в виде неполной уплаты налога, то работодателя ожидают такие негативные последствия как доначисление налога за весь период нарушений; штраф 20% от неуплаченной суммы подоходного налога (ст. 123 НК); пени, которые рассчитываются с момента неуплаты налога.

Кроме того, по результатам проверок налоговые органы могут на основании теории о признаках трудового договора переквалифицировать гражданско-правовые договоры в трудовые и обязать работодателя произвести доначисления налогов и страховых взносов.

Таким образом, в ходе налогового контроля налоговые органы выявляют прямые нарушения законодательства о труде со стороны работодателей. Эта информация должна в обязательном порядке передаваться государственным инспекциям труда для принятия ими мер по восстановлению трудовых прав работников и привлечению к ответственности работодателей, нарушивших закон.

Важно отметить, что на законодательном уровне уже приняты меры по объединению усилий ФНС и Роструда в борьбе с неофициальной занятостью и нелегальными выплатами работникам.

В новом Федеральном законе от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (далее – Закон о занятости) содержится глава 13, посвященная борьбе с нелегальной занятостью, то есть с трудовой деятельностью, осуществляемой с нарушением правил оформления трудовых отношений, предусмотренных трудовым законодательством

Закон о занятости создает правовую основу для формирования региональных межведомственных комиссий по борьбе с нелегальной занятостью. Участвовать в этих комиссиях будут представители государственной инспекции труда, налоговых

органов, Социального фонда России, органов прокуратуры и МВД. Комиссиям предоставлено вправо: 1) запрашивать определенную информацию в органах государственной власти, местного самоуправления и государственных внебюджетных фондах, включая конфиденциальные сведения, содержащие налоговую тайну; 2) предоставлять информацию контрольно-надзорным органам для принятия мер по борьбе нелегальной занятостью; 3) создавать рабочие группы в муниципальных образованиях в пределах субъекта РФ.

В силу ч. 4 ст. 67 Закона о занятости налоговые органы обязаны направлять в государственные инспекции труда и указанные выше межведомственные комиссии определенные сведения, включая данные о работодателях, выплачивающих зарплату ниже МРОТ не менее чем десяти работникам, если их доля превышает 10% от общего количества персонала; информацию о работодателях, у которых в ходе налоговых проверок были выявлены факты нелегальной занятости; сведения о хозяйствующих субъектах, сотрудничающих более чем с десятью самозанятыми, чей среднемесячный доход превышает 20 тысяч рублей и работа длится более трех месяцев. Полный перечень передаваемых сведений утвержден Приказом Минтруда России от 02.02.2024 № 40н.

Здесь следует отметить, что передача в межведомственную комиссию сведений только о работодателях с признаками нелегальной занятости в отношении минимум десяти работников выводит из поля зрения комиссии работодателей – микропредприятий, где количество персонала не превышает пятнадцати человек. Думается, что в этой части законодателю стоит пересмотреть критерии передачи данных о работодателях в межведомственную комиссию.

Закон о занятости также предусматривает создание открытого реестра работодателей, у которых были обнаружены случаи нелегальной занятости. Реестр начнет функционировать с 01.01.2025 и будет находиться в ведении Роструда.

Безусловно, данные законодательные нововведения можно охарактеризовать как сугубо положительные. Как указывается в научной литературе, межведомственное взаимодействие ФНС России и Роструда дает возможность создать единую информационную базу о работодателях и работниках, что позволит определить факты несоответствия между объявленными доходами и фактической оплатой труда. Благодаря использованию современных технологий и аналитических систем ведомства смогут эффективно выявлять случаи нарушений в сфере труда и применять соответствующие санкции [1, с. 16].

Итак, проведенный анализ основных внесудебных способов защиты трудовых прав работников показывает, что самым действенным способом, позволяющим реально восстановить нарушенные права работников, является федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства о труде, который осуществля-

ется специализированной системой органов – федеральной инспекцией труда. В то же время, учитывая существующие ограничения контрольно-надзорной деятельности, включая мораторий на проверку, направленный на поддержку бизнеса, особую важность приобретает дополнительный способ защиты трудовых прав – прокурорский надзор, поскольку на него названные ограничения и запреты не распространяются.

Кроме того, повышения эффективности государственного контроля и предотвращения типовых нарушений трудовых прав работников в сфере малого бизнеса возможно достичь путем сотрудничества ФНС, Роструда и надзорных органов. Обмен информацией, совместная аналитика, развитие цифровизации позволят более эффективно контролировать трудовую отчетность, выявлять нарушения и применять соответствующие санкции, что в итоге приведет к повышению прозрачности и законности в сфере трудовых отношений, в том числе в сфере малого предпринимательства.

Литература

1. Зимакова М.А. Актуальные проблемы борьбы с «серыми» зарплатами и нелегальной занятостью в Российской Федерации // *Налоги*. 2024. № 2. С. 15–18.
2. Козина И.М., Зангиева И.К. Защищенность труда и удовлетворенность работой в малом бизнесе // *Социологические исследования*. 2016. № 7. С. 19–29.
3. Кожемякина Е. Когда и почему прокуратура решит проверить работодателя в 2022 году? // *Кадровая служба и управление персоналом предприятия*. 2022. № 6. С. 41–45;
4. Крымский А.И. Правовое регулирование трудовых отношений в субъектах малого предпринимательства: Дис. ... канд. юрид. наук. Томск. 2004. С. 229.
5. Нуштайкина К.В. Непрофсоюзное (альтернативное) представительство интересов работников в социальном партнерстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2016. С. 25;
6. Сапфинова А.А. Защита трудовых прав и законных интересов работников органами государственного надзора и контроля: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Москва. 2009. С. 47.
7. Трудовое право России в 2 т. Том 2. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. Е.Б. Хохлова, В.А. Сафонова. М.: Издательство Юрайт, 2023. С. 475.
8. Чилипенко Ю.Ю. Профсоюзы, ассоциации промышленников и предпринимателей, службы занятости и кадровые агентства: отношения с малым и средним бизнесом // *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2016. № 1 (33). С. 133–143.
9. URL: <https://мсп.пф/analytics/> (дата обращения: 28.08.2024);

10. URL: <https://git66.rostrud.gov.ru/news/1146521.html> (дата обращения: 28.08.2024);
11. «Власти обсудили, как сократить число получающих зарплату «в конверте» // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/04/2023/644a69299a79470b33e7efe1> (дата обращения: 28.08.2024);
12. URL: https://git66.rostrud.gov.ru/osnov/otchet_y_o_rabote_gosudarstvennoy_inspektсии_truda_v_sverdlovskoy_oblasti/1256080.html (дата обращения: 28.08.2024).

ON THE ISSUE OF THE EFFECTIVENESS OF THE MAIN NON-JUDICIAL METHODS OF PROTECTING THE LABOR RIGHTS OF WORKERS IN THE FIELD OF SMALL BUSINESS

Perevalov A.G.

Ural Institute of Management, RANEPА branch

The article is devoted to the analysis of the main extrajudicial methods of protecting the labor rights of small business workers in order to determine the level of their effectiveness. The author states that today the most effective non-judicial way to protect the labor rights of employees of small enterprises is the federal state control over compliance with labor legislation, which is carried out by a specialized system of bodies – the Federal labor Inspectorate. At the same time, in conditions of restrictions on control and supervisory activities and a moratorium on inspections aimed at supporting business entities, prosecutor's supervision is of great importance, since these restrictions and prohibitions do not apply to it. The author raises the problem of the widespread occurrence in small enterprises of such typical violations of labor legislation as informal employment and payment of illegal wages. It is concluded that improving the effectiveness of state control and supervision of compliance with labor legislation in the field of small business is possible thanks to the joint work and continuous interaction of the Federal Labor Inspectorate, tax authorities and the prosecutor's office. In the context of the development of digitalization, joint analytics of control and supervisory authorities, information exchange contribute to the identification of hidden violations of labor rights in small enterprises.

Keywords: labor law, labor relations, employer, employee, protection of labor rights, state control (supervision), small business.

References

1. Zimakova M.A. Actual problems of combating “gray” salaries and illegal employment in the Russian Federation // *Taxes*. 2024. No. 2. pp. 15–18.
2. Kozina I.M., Zangieva I.K. Labor protection and job satisfaction in small business // *Sociological research*. 2016. No. 7. pp. 19–29.
3. Kozhemyakina E. When and why will the prosecutor's office decide to check the employer in 2022? // *HR department and personnel management of the enterprise*. 2022. No. 6. pp. 41–45;
4. Krymsky A.I. Legal regulation of labor relations in small business entities: Dis. ... cand. Jurid. sciences. Tomsk. 2004. p. 229.
5. Nushtaikina K.V. Non-union (alternative) representation of workers' interests in social partnership: Abstract. ... cand. Jurid. sciences. Yekaterinburg. 2016. p. 25.
6. Saphirova A.A. Protection of labor rights and legitimate interests of employees by state supervision and control bodies: Abstract ... doct. Jurid. sciences. Moscow. 2009. p. 47.
7. Labor law of Russia in 2 volumes. Volume 2. Special part: textbook for universities / edited by E.B. Khokhlov, V.A. Safonov. M.: Yurayt Publishing House, 2023. p. 475.
8. Chilipenok Yu.Yu. Trade unions, associations of industrialists and entrepreneurs, employment services and recruitment agencies: relations with small and medium-sized businesses // *Vestn. Volume of the State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2016. No. 1 (33). pp. 133–143.
9. URL: <https://mcn.pdf/analytics/> (date of request: 08/28/2024);
10. URL: <https://git66.rostrud.gov.ru/news/1146521.html> (date of application: 08/28/2024);
11. “The authorities discussed how to reduce the number of people receiving salaries “in an envelope” // [Electronic resource]. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/04/2023/644a69299a79470b33e7efe1> (date of application: 08/28/2024);
12. URL: https://git66.rostrud.gov.ru/osnov/otchet_y_o_rabote_gosudarstvennoy_inspektсии_truda_v_sverdlovskoy_oblasti/1256080.html (date of application: 08/28/2024).

Значение принципов корпоративного управления в контексте субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве

Петрова Татьяна Петровна,

аспирант; кафедра международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, МГИМО МИД России
E-mail: ptrv.tatiana@yandex.ru

Статья посвящена вопросу о роли принципов корпоративного управления в практике привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве. Цель работы заключается в выявлении значения принципов корпоративного управления при разрешении споров о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках банкротства. В статье прослеживается, как банкротства крупных компаний повлияли на развитие принципов корпоративного управления, и ставится вопрос о том, существует ли обратная взаимосвязь, заключающаяся во влиянии принципов корпоративного управления на особенности привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве. Помимо этого, в статье проанализирована практика российских арбитражных судов по спорам о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, рассмотрены примеры споров, в которых суды ссылались на принципы корпоративного управления, закрепленные как в Кодексе корпоративного управления, рекомендованном Банком России, так и в локальных кодексах корпоративного управления компании-должника и внутренних корпоративных политиках. В результате исследования автор приходит к выводу, что хотя принципы корпоративного управления могут восприниматься как носящие исключительно рекомендательный характер, они учитываются судом при рассмотрении отдельных аспектов споров о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц.

Ключевые слова: принципы корпоративного управления, кодекс корпоративного управления, субсидиарная ответственность, банкротство.

Институты банкротства и корпоративного управления тесно переплетены, поскольку осуществление экономической деятельности, функционирование и платежеспособность юридического лица напрямую зависят от осуществляемого его органами корпоративного управления.

Случаи банкротства крупных корпораций способствуют развитию принципов корпоративного управления. Например, банкротство американских компаний Enron и WorldCom повлекло за собой принятие специального закона Сарбейнза-Оксли (Sarbanes-Oxley Act) в 2002 г. [1] Закон был назван по фамилиям парламентариев, участвовавших в его разработке Пола Сарбейнза и Майка Оксли.

Закон содержит рамочное регулирование по вопросам корпоративного управления, управления рисками, финансовой отчетности и пр., прежде всего, в отношении компаний, акции которых обращаются на фондовой бирже. При этом закон предусматривает, что Комиссия США по ценным бумагам и биржам (SEC) должна разрабатывать более детальное регулирование во исполнение и в целях конкретизации рамочных норм закона [2, с. 16]. Так, раздел 406 Закона Сарбейнза-Оксли устанавливает, что SEC должна выпустить правила, требующие от компаний, чьи акции обращаются на фондовой бирже, периодически раскрывать информацию о том, приняли ли они кодекс корпоративной этики для старших финансовых сотрудников (code of ethics for senior financial officers). В случае принятия такого кодекса корпоративной этики компании должны раскрывать причину его отсутствия [3].

Таким образом, банкротство крупных корпораций дало стимул к развитию новой формы регулирования корпоративных правоотношений – посредством кодексов корпоративного поведения.

В свою очередь кодексы корпоративного управления (корпоративного поведения, корпоративной этики), внутренние политики компаний также играют немаловажную роль в рамках споров о привлечении менеджмента компании к субсидиарной ответственности при банкротстве.

В российской судебной практике суды нередко ссылаются на Кодекс корпоративного управления, рекомендованный Банком России письмом от 10 апреля 2014 г.

Например, в деле о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих лиц банка «Развитие» суд сослался на положения рекомендованного Банком России Кодекса корпоративного управления об обязанностях совета директоров, о назначении и компетенции этого органа управления юридического лица, об обязанности членов

совета директоров действовать добросовестно и разумно в интересах общества и его акционеров на основе достаточной информированности, с должной степенью заботливости и осмотрительности (п. 2.1, п. 2.1.1, п. 2.6.1) [4]. Ссылка на положения Кодекса корпоративного управления в данном деле была использована судом в опровержение доводов бывшего председателя совета директоров банка о том, что несмотря на вхождение в состав совета директоров банка, его функции были исчерпывающими и сводились к стратегическому планированию; при принятии решений об одобрении сделок, причинивших банку ущерб, он полагался на мнения сотрудников Банка, готовящих заключения по кредитной заявке, что одобрение отвечает признакам разумного предпринимательского риска.

При пересмотре решения суда в кассационной инстанции бывший председатель совета директоров попытался оспорить применимость к его деятельности Кодекса корпоративного управления. Однако суд кассационной инстанции счел, что бывший председатель совета директоров был правомерно привлечен к субсидиарной ответственности, отметив (без ссылки на Кодекс корпоративного управления), что к его компетенции как председателя совета директоров было отнесено создание такой системы управления банком, которая максимально ограждала бы банк от рисков, в том числе риска потери ликвидности [5]. При этом обязанность совета директоров по определению принципов и подходов к организации в обществе системы управления рисками и внутреннего контроля закреплена именно в Кодексе корпоративного управления (п. 2.1, п. 2.1.3).

Примечательно, что в том же деле суд обратил внимание на значение внутренних регламентов (корпоративных политик) в контексте привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности. В опровержение довода бывшего председателя совета директоров о том, что принятие руководством решений происходило на основании мнения и заключений профильных сотрудников, суд указал, что при выдаче спорного кредита грузинскому банку АО «Прогресс Банк» имело место нарушение внутреннего положения о порядке предоставления кредитов юридическим лицам, согласно которому банк выдает без ограничения кредиты заемщикам – резидентам стран, имеющих страновые оценки ОЭСР «0» или «1», а Грузия к данным странам не относится.

Следует отметить, что в российской судебной практике выработан стандарт, что наличие положительных заключений профильных подразделений банка и решения об одобрении (заключении) сделок коллегиальным органом банка (кредитный комитет либо комитет по проблемным активам в случае сделок с активами в дефолте или на грани дефолта), принятых в соответствии с утвержденной в банке процедурой, презюмирует, что действия контролирующего лица не отклонялись

от стандартов разумности и добросовестности, обычно применяемых в этой сфере деятельности.

Так, в рамках дела о банкротстве банка «Балтика» Верховный Суд РФ отказал в привлечении к субсидиарной ответственности бывшего члена совета директоров и бывшего члена правления банка, поскольку, по мнению суда, не были представлены доказательства, что спорные кредитные договоры были подписаны контролирующими лицами вопреки заключениям профильных комитетов либо в отсутствие их одобрения или при неполной (недостовой) информации по соответствующему заемщику [6].

Вместе с тем из этого же следует, что контролирующее лицо может быть привлечено к субсидиарной ответственности, если спорная сделка заключена или одобрена, либо спорное решение принято при отсутствии положительного заключения профильного подразделения или в нарушение внутренних политик.

При рассмотрении вопроса о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности суд также обращает внимание на кодекс корпоративного управления, принятый соответствующим юридическим лицом, а также на характер норм, обозначенный в самом кодексе корпоративного управления. Так, в рамках обособленного спора в рамках дела о банкротстве ОАО «Тверские коммунальные системы» суд обнаружил, что взаимодействие несостоятельного лица и его единственного акционера (т.е. контролирующего должника лица) противоречило нормам кодекса корпоративного управления, принятого в компании, являющейся контролирующим лицом [7]. Причем как было закреплено в самом кодексе корпоративного управления, его нормы являются обязательными для этой компании. В результате суд установил, что действия контролирующего должника лица стали причиной ухудшения финансового состояния должника и увеличения его неплатежеспособности и принял решение о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности.

Безусловно, принятие судом решения о привлечении единственного акционера должника к субсидиарной ответственности было основано на целой совокупности обстоятельств. Тем не менее учет судом факта нарушения положений кодекса корпоративного управления и того, что контролирующее должника лицо, в сущности, самостоятельно определило эти положения для себя обязательными, свидетельствует о значимости таких корпоративных документов.

Таким образом, несмотря на то что Кодекс корпоративного управления, разработанный Банком России, и внутренние корпоративные политики могут восприниматься как носящие рекомендательный характер, их положения подлежат изучению в контексте привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности и в результате могут иметь юридические последствия.

Положения Кодекса корпоративного управления подробно раскрывают обязанности и компетенцию органов управления юридического лица, и используются судами при определении круга обязанностей контролирующих лиц в дополнение к законодательным нормам и Постановлениям Пленума Верховного суда РФ в рамках споров о привлечении к субсидиарной ответственности при банкротстве.

Положения кодексов корпоративного управления, разработанные на уровне компании-должника, также принимаются во внимание при решении вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности суд учитывает, были ли нарушены нормы таких кодексов.

Внутренние корпоративные политики, относимые некоторыми учеными к локальным правовым обычаям [8], в свою очередь используются в судебной практике при определении, нарушены ли контролирующим лицом стандарты разумности и добросовестности, обычно применяемые в конкретной сфере деятельности.

Литература

1. Доронина Н.Г., Семилютин Н.Г., Цирина М.А. Современные проблемы корпоративного права в трансграничных отношениях // *Международное публичное и частное право*. 2023. N 4. С. 9–13.
2. Peter A. CSR and Codes of Business Ethics in the USA, Austria (EU) and China and their Enforcement in International Supply Chain Arbitrations // Springer Singapore, 2021.
3. Public Company Accounting Reform and Investor Protection Act (Sarbanes Oxley Act of 2002) // Public Law (United States) 107–204, 116 Stat. 746. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-107publ204/pdf/PLAW-107publ204.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).
4. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.09.2023 N 16АП-2867/2017 по делу N A25–2194/2016. Доступ: СПС «Консультант Плюс».
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.01.2024 N Ф08–12485/2023 по делу N A25–2194/2016. Доступ: СПС «Консультант Плюс».
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2021 N 305-ЭС18–13210(2) по делу N A40–252160/2015. Доступ: СПС «Консультант Плюс».
7. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 24.10.2019 N 02АП-7872/2019,

02АП-8466/2019, 02АП-8467/2019 по делу N A82–12211/2011. Доступ: СПС «Консультант Плюс».

8. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М.: Проспект, 2019. 384 с.

SIGNIFICANCE OF CORPORATE GOVERNANCE PRINCIPLES IN THE CONTEXT OF SUBSIDIARY LIABILITY OF CONTROLLING PERSONS IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Petrova T.P.
MGIMO University

This article is devoted to the role of corporate governance principles in the practice of imposing subsidiary liability on persons controlling the debtor in bankruptcy. The aim of the article is to identify the importance of corporate governance principles in resolving disputes over the imposition of subsidiary liability in bankruptcy. The article traces how the bankruptcies of large companies have influenced the development of corporate governance principles and brings up an issue whether there is an inverse relationship, i.e. the influence of corporate governance principles on the aspects of bringing subsidiary liability in bankruptcy. In addition, the article analyses the practice of Russian commercial courts in disputes over the imposition of subsidiary liability on the debtor's controlling persons and considers examples of disputes in which the courts referred to the corporate governance principles enshrined both in the Corporate Governance Code recommended by the Bank of Russia and in the bankrupt entity's local corporate governance codes and internal corporate policies. As a result of the research, the author concludes that although the principles of corporate governance may be perceived as purely advisory in nature, they are taken into account by the court when considering certain aspects of disputes on the imposition of subsidiary liability on the debtor's controlling persons.

Keywords: principles of corporate governance, corporate governance code, subsidiary liability, bankruptcy.

References

1. N.G. Doronina, N.G. Semilyutina, M.A. Tsirina. Modern Problems of Corporate Law in Cross-Border Relations // *Public International and Private International Law*. 2023. N 4. P. 9–13.
2. Peter A. CSR and Codes of Business Ethics in the USA, Austria (EU) and China and their Enforcement in International Supply Chain Arbitrations // Springer Singapore, 2021.
3. Public Company Accounting Reform and Investor Protection Act (Sarbanes Oxley Act of 2002) // Public Law (United States) 107–204, 116 Stat. 746. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-107publ204/pdf/PLAW-107publ204.pdf> (date of application: 01.09.2024).
4. Ruling of the Sixteenth commercial court of appeal dated 29.09.2023 No. 16АП-2867/2017 in case No. A25–2194/2016. Mode of access: SPS Consultant Plus.
5. Ruling of the Commercial court of the North Caucasus Circuit dated 25.01.2024 No. Ф08–12485/2023 in case No. A25–2194/2016. Mode of access: SPS Consultant Plus.
6. Order of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 07.10.2021 No. 305-ЭС18–13210(2) in case No. A40–252160/2015. Mode of access: SPS Consultant Plus.
7. Ruling of the Second commercial court of appeal dated 24.10.2019 No. 02АП-7872/2019, 02АП-8466/2019, 02АП-8467/2019 in case No. A82–12211/2011. Mode of access: SPS Consultant Plus.
8. V.A. Laptev. Corporate Law: Legal Organisation of Corporate Systems: Monograph. M.: Prospect, 2019. 384 p.

Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа перед юридическим лицом при совершении некоторых видов ничтожных сделок

Сафин Талгат Ильнорович,

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета

E-mail: talgat.safin.1998@gmail.com

В рассматриваемой статье на примере конкретного судебного акта Верховного Суда Российской Федерации автор анализирует правовые последствия совершения единоличным исполнительным органом юридического лица сделки с так называемой «фирмой-однодневкой» в случаях, когда директор не присваивает полученные «обналиченные» денежные средства, а использует их для финансирования производственной деятельности юридического лица (с нарушением норм публичного права). Автор не соглашается с правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации, взыскавшего с директора денежные средства, перечисленные «фирме-однодневке», только на том основании, что они не были возвращены. Со ссылкой на представителей научной доктрины и судебную практику высших судебных инстанций представлена точка зрения, согласно которой необходимо учитывать тот положительный экономический эффект, который получило юридическое лицо в результате заключенных директором сделок. Поскольку реальных убытков от этих операций юридическое лицо не понесло, ущерб причинен не был, в связи с чем нет оснований привлекать директора к гражданско-правовой ответственности (хотя предусмотренные статьями 53 и 53.1 ГК РФ требования о разумности и добросовестности директором были нарушены).

Ключевые слова: ответственность директора, «фирмы-однодневки», убытки юридического лица, добросовестность директора, разумность директора.

Несмотря на многолетнюю борьбу государства с «фирмами-однодневками» («техническими компаниями»), судебная практика по налоговым и банкротным спорам изобилует примерами, когда российские предприятия (далее – «Общества») активно используют этот (очевидно, незаконный) «инструмент» в своей предпринимательской деятельности. Судебная практика (включая Верховный Суд России) использует эту терминологию в отношении компаний, которые не ведут реальной экономической деятельности и заведомо неспособны исполнить свои обязательства (см., например, пункт 7 Постановления Пленума ВС РФ N 53 от 21.12.2017).

В данной работе мы не будем рассматривать примеры «собственно налоговых» злоупотреблений и хищений. С правовой точки зрения они понятны и интереса не представляют. Если единоличный исполнительный орган «Общества» (далее – «директор») должен был оплатить налог, имел на это средства, но (используя фиктивную документацию «фирмы-однодневки») платить не стал, нет никаких сомнений в том, что причиненные «Обществу» убытки директор возместить обязан. Как и в случае с кражей – платеж «Общества» в адрес «технической компании» влечет за собой обязанность директора покрыть возникшие у «Общества» убытки (если, конечно, встречное предоставление заведомо не предполагалось). Это в полной мере соотносится с разъяснениями пункта 4 Постановления Пленума ВАС РФ № 62 от 30.07.2013.

В фокусе нашего внимания будет ситуация, когда директор перечисляет денежные средства «фирме-однодневке», и при этом «Общество» фактически получает необходимый ему «эквивалент» в виде товаров (работ, услуг). Сам «контрагент-однодневка» реально никаких обязательств перед «Обществом» не исполняет (он по определению сделать этого не может). Необходимые «Обществу» товары (работы, услуги) предоставляет некое третье лицо (часто правопорядку неизвестное). Сохраняя в тайне факт реализации «Обществу» товаров (работ, услуг), такое третье лицо стремится избежать риска предъявления к нему требований об уплате налогов (начисляемых в связи с осуществлением такой предпринимательской деятельности).

В одном из последних своих рассмотренных дел Верховный Суд России коснулся вышеуказанных вопросов (применительно к ответственности директора перед «Обществом»). Определением

№ 303-ЭС24–276 от 14.06.2024 высшая судебная инстанция отменила акты нижестоящих судов, указав (в числе прочих доводов), на наличие основания для взыскания с директора сумм, перечисленных «фирмам-однодневкам». Фабула спора состояла в следующем: 1) «Общество» заключило с муниципалитетом договор подряда на выполнение строительно-монтажных работ; 2) «Общество» «привлекло» субподрядчиков («технические компании»); 3) «Общество» рассчиталось с субподрядчиками в безналичном порядке, как пишет ВС РФ, «дальнейшая судьба этих денег не установлена»; 4) Субподрядчики («однодневки») никаких работ не выполняли. Имел место так называемый *формальный документооборот для получения необоснованной налоговой выгоды и обналичивания*; 5) Фактически договор с муниципалитетом исполнен (работы выполнены); 6) Директору «Общества» инкриминирован «*противоправный вывод денежных средств*» (платежи в адрес «фирм-однодневок»); 7) Директор настаивал на том, что денежные средства фактически были уплачены лицам, реально выполнившим строительно-монтажные работы; 8) Процессуальные оппоненты директора не оспаривали того факта, что работы были выполнены («Обществом» и его реальными (неизвестными) контрагентами). Претензии к директору сводились к тому, что договор перед муниципалитетом исполняли «реальные контрагенты», а не те «технические компании», которым «Общество» перечислило денежные средства.

Сославшись на противоправность действий директора, указав что денежные средства «Обществу» не возвращены, Верховный Суд России признал обоснованным взыскание с директора «выведенных денежных средств». При этом «*факт реального исполнения обязательств по муниципальным контрактам*» судом во внимание принят не был.

Учитывая фактические обстоятельства (являющиеся однотипными для данной категории споров), считаем правовую позицию Верховного Суда РФ весьма спорной, о чем свидетельствует следующая аргументация:

1. Прежде всего следует учесть одно важное фактическое обстоятельство, которое, очевидно, в силу своей специфики всегда остается юридически недоказанным (см. абз. 6 п. 1 настоящей статьи). Никакое третье лицо бесплатно выполнять работы для муниципалитета не станет. Единственным заинтересованным лицом в такой оплате является «Общество», которое: а) получило от муниципалитета вознаграждение за подрядные работы; б) приняло на себя обязательство обеспечить их выполнение; в) сдало муниципалитету результат работ.

Как мы указывали ранее, материалы подобных дел, как правило, содержат доказательства того, что «фирма-однодневка» занимается обналичиванием денежных средств (передачей наличных таким «клиентам», как «Общество»). В вышеуказанном деле этот факт был установлен налоговым органом в ходе налоговой проверки.

Таким образом, фактические обстоятельства с высокой долей вероятности свидетельствуют о том, что у «Общества» появилась неучтенная и потраченная наличность, а некто (получатель наличных денег) выполнил подрядные работы для муниципалитета. Прямых доказательств тому нет и быть не может ввиду очевидного отсутствия у «технической компании» и «конечного получателя наличных» («реального исполнителя работ», уклоняющегося от уплаты налогов) «*заинтересованности в раскрытии документов, отражающих реальное положение дел и действительный оборот*» (см. п. 56 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 53 от 21.12.2017). Для подобных случаев высшая судебная инстанция констатирует необходимость использования косвенных доказательств, поскольку: а) «*объективная сложность доказывания ... не должна снижать уровень правовой защищенности участников экономического оборота*» (см. Определения Верховного Суда РФ № 305-ЭС23–27635 от 22.07.2024, № 307-ЭС24–2577 от 04.07.2024, № 310-ЭС23–14012 от 05.12.2023 и др.); б) «Общество» «*как правило, не имеет доступа к доказательствам, связанным с финансово-хозяйственной деятельностью*» фирмы-однодневки и «реального исполнителя работ», которые «*напротив, обладают таким доступом и фактически могут его ограничить по своему усмотрению*» (см. Определения Верховного Суда РФ № 303-ЭС24–372 от 02.07.2024, № 305-ЭС24–809 от 27.06.2024, № 305-ЭС23–29091 от 26.04.2024 и др.).

Конечно, здесь нет оснований для применения части 1 статьи 69 АПК РФ, согласно которой «*обстоятельства дела, признанные арбитражным судом общеизвестными, не нуждаются в доказывании*». Но в силу общегражданского стандарта доказывания «баланс вероятностей» (другое название – «разумная степень достоверности»). факт оплаты «Обществом» третьему лицу выполненных работ (наличными) следует признать скорее достоверным, чем ложным. Это единственное разумное и логичное объяснение того обстоятельства, что «третье лицо» выполнило работы для муниципалитета. Данный стандарт доказывания прямо признается и поддерживается, в частности, таким ученым как А.Г. Карапетов [1, с. 948].

В Определении № 303-ЭС24–276 от 14.06.2024 Верховный Суд РФ рассуждает иначе:

а) Игнорирует стандарт доказывания «баланс вероятностей», который устоявшейся судебной практикой и конституционным принципом состоятельности признается применимым в подобных спорах (см., например, Определения Верховного Суда РФ № 307-ЭС17–10793(26–28) от 14.11.2022, № 18-КГ19–186 от 03.03.2020, № 305-ЭС16–18600(5–8) от 30.09.2019 и др.).

б) Указывая на тот факт, что денежные средства «Обществу» не возвращены, суд полагает законным взыскать их с директора. При этом «*факт реального исполнения обязательств по муниципальным контрактам*» ВС РФ не просто обходит вниманием, а прямо предлагает игнорировать.

в) Получается, что единственным допустимым доказательством отсутствия вреда ВС РФ считает возврат денег «Обществу».

Подобная позиция противоречит как закону, так и юридической логике. Статья 68 АПК РФ разрешает ограничивать участников спора в средствах доказывания только законом (и такого закона в нашем случае нет). А что касается существа вопроса, то, совершенно очевидно, что кроме возврата денег существует множество вариантов, когда «Общество» получает свой экономический интерес другими способами. В рассматриваемом примере это фактическое выполнение «третьим лицом» (получившим от «Общества» наличные) обязательств «Общества» перед муниципалитетом. При этом именно «Общество» (а не директор) освободилось от своих подрядных обязательств и заработало прибыль.

2. Отдельно отметим, что имеется судебная практика Верховного Суда России, согласно которой в спорах по статье 53.1 Гражданского кодекса РФ применяется *повышенный* (а не общегражданский) стандарт доказывания («ясные и убедительные доказательства»). Так, в Определении № 305-ЭС16–18600(5–8) от 30.09.2019 ВС РФ констатирует, что «стандарт доказывания по искам ... о взыскании убытков с лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица (ясные и убедительные доказательства), отличается от соответствующего стандарта по спорам о признании недействительными сделок по специальным основаниям законодательства о банкротстве (баланс вероятностей)». Это означает, что для взыскания убытков с директора в Определении № 303-ЭС24–276 от 14.06.2024 Верховный Суд РФ должен был быть абсолютно уверен в том, что «Обществу» ущерб причинен. Совершенно недостаточно одного только факта невозврата денег от «фирмы-однодневки». В ситуации, когда работы перед муниципалитетом выполнены (то есть положительный экономический эффект «Обществом» получен и этот эффект сопоставим с суммой платежа в адрес «технической компании»), заявления о причиненных «Обществу» убытках не могут считаться доказанными.

3. При вынесении Определения № 303-ЭС24–276 от 14.06.2024, Верховный Суд России, очевидно, не мог игнорировать явную противоправность в деятельности директора, который: а) Выступая от имени «Общества» во взаимоотношения с «фирмами-однодневками», избегал уплаты налогов; б) Расплачиваясь наличными (с лицами, которые выполняли работы по муниципальному контракту), помогал им уклоняться от налогообложения; в) Умышленно и грубо нарушал требования законодательства об ограничении расчетов наличными (см. пункт 6 настоящей публикации).

С политико-правовой точки зрения позиция высшего суда очевидна и понятна. Недопустимо поощрять подобное поведение директора, которое по нормам публичного права наказуемо (как в административном, так и в уголовном порядке).

Но поскольку предметом спора в данном случае является гражданско-правовая ответственность директора, Верховный Суд России, постановляя свой акт, должен был руководствоваться исключительно нормами гражданского права. Далее по тексту мы рассмотрим именно гражданско-правовую квалификацию казуса.

4. Вернемся к фабуле рассматриваемого примера. «Общество» заключает с «технической компанией» «формальный» договор на приобретение товаров (работ, услуг) и в безналичном порядке производит их оплату. Правонарушители (которые стоят за «фирмой-однодневкой») передают директору документы о якобы исполненном договоре и «наличные денежные средства». Не приходя на наличные в кассу, «Общество» использует полученные документы в своей налоговой и бухгалтерской отчетности (как «квазидоказательства» получения товаров, работ, услуг). Как мы видим, здесь имеет место классическая притворная сделка, квалифицируемая по п. 2 ст. 170 ГК РФ. «Прикрывающая сделка» – это договор на приобретение товаров (работ, услуг). «Прикрываемая сделка» – это договор, по которому «Общество» вместо «безналичных денег» получает от представителей «технической компании» наличные рубли.

Гражданский оборот знает случаи, когда сделки «обмена наличных и безналичных денег» являются вполне законными. Так, например, следует квалифицировать операции по получению клиентом банка наличных рублей «со своего счета в банке» (для осуществления клиентом своей хозяйственной деятельности). Безналичные денежные средства, «находящиеся» на счете клиента в банке, являются ничем иным как «правом требования» клиента к банку по договору банковского счета (согласно ст. 128 ГК РФ, перечисляющей объекты гражданских прав, «безналичные деньги» являются «имущественным правом»). Именно поэтому «законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации» (ст. 140 ГК РФ) является наличный рубль, а не «право требования» клиента к кредитной организации [2, с. 317–319.] [3, с. 4–6.] [4, с. 4–6.]. Таким образом, рассматриваемая нами сделка предусматривает обмен объектами, имеющими разную правовую природу. Получая наличные «со своего счета в банке», клиент взамен своего «права требования» к банку, приобретает от последнего вещи (банкноты). И это законно.

Договор между «Обществом» с физическим лицом (предметом которого является простой «обмен» «безналичных денег» на «наличные») также будет вполне легитимным. Это вытекает из конституционного принципа свободы договора, законодательного разрешения на расчеты наличными с физическими лицами, а также из отсутствия в составе каузы данной сделки намерения незаконно уклониться от уплаты налогов.

Понятно, что применительно к сделке с «технической компанией» говорить о законности «при-

крываемой сделки» невозможно. Договор по «обналичиванию», заключенный с целью безналичной оплаты несуществующего товара (работ, услуг) и получению неучтенных наличных, по своему определению, ничтожен. Он прямо посягает на указанные в п. 2 ст. 168 ГК РФ публичные интересы (направлен на незаконное снижение налоговых обязательств «Общества»). Ничтожность такой противоречащей закону сделки несомненна. При этом экономически «Общество» никаких потерь не понесло (взамен одного актива (безналичные деньги) был получен другой (наличные)).

5. «Реституция» по ничтожному «договору на обналичивание» также не несет для «Общества» рисков имущественных потерь. Потратив полученные от «технической компании» наличные, «Общество» (в силу прямого указания пункта 2 статьи 167 ГК РФ) должно возместить их стоимость. Такое возмещение допускается и в безналичном порядке, а, значит, «Общество» вправе зачесть этот долг с обязательством «фирмы-однодневки» вернуть ранее полученный от «Общества» безналичный платеж (по «прикрывающей сделке»).

В качестве альтернативной зачету аргументации можно предложить следующую. «Общество» в порядке реституции не вправе требовать от «фирмы-однодневки» возврата перечисленных «безналичных денежных средств», поскольку «Общество» *de facto* уже получило наличные и такое получение (получение «законного платежного средства») по п. 1 ст. 140 ГК РФ, очевидно, является полноценной компенсацией ранее произведенного «безналичного платежа». Сам по себе наличный платеж (совершенный с превышением установленного законодательством лимита) является законным (хотя и влечет за собой публично-правовую ответственность). Он порождает те гражданско-правовые последствия, на которые был направлен – возникновение у «Общества» права собственности на вещь (банкноты). Подтверждение тому см., например, в п. 24 «Обзора судебной практики Верховного Суда РФ N 4 (2018)».

6. Что касается сделок, в результате которых полученные от «технической компании» наличные «Общество» расходует на реальное приобретение товаров, то их совершение также не порождает возникновения убытков у «Общества».

Правовая квалификация данных сделок свидетельствует о том, что при их совершении и исполнении имеет место нарушение норм публичного права, а именно: а) нарушение запрета на расчеты наличными (пункт 2 статьи 861 ГК РФ, статья 82.3 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», пункт 4 Указания Банка России № 5348-У от 09.12.2019); б) нарушение налогового законодательства (контрагенты реализуют «Обществу» товары (работы, услуги) за наличные (для того, чтобы не учитывать эти сделки в налоговом учете и не платить с них налоги)); в) применительно к выплате «Обществом» так называемых «конвертных зарплат» (нередко встречающаяся ситуация, когда «Общество» вы-

полняет работы «своими силами») имеет место неуплата «Обществом» налога на доходы физических лиц с зарплат своих работников, а также неуплата самим «Обществом» платежей в государственные внебюджетные фонды (с «фонда оплаты труда»).

В связи с вышеизложенным рассматриваемые сделки по приобретению товаров (работ, услуг) за наличные являются ничтожными по пункту 2 статьи 168 ГК РФ («Сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы»). Ими являются фискальные интересы государства и его заинтересованность в ограничении оборота наличных (которые часто используются в противоправных целях).

Выводы о ничтожности подобных сделок подтверждаются и представителями научной доктрины [5].

В данном случае неприменимы правила статьи 180 ГК РФ, согласно которой *«недействительность части сделки не влечет недействительности прочих ее частей, если можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной ее части»*. Та часть договора, в которой содержится обязанность контрагента предоставить «Обществу» товары (работы, услуги) не может считаться действительной, поскольку каузой всего договора является их оплата именно (и только) за наличные.

7. Ничтожность сделки по приобретению товаров (работ, услуг) за наличные влечет за собой необходимость применения правил о реституции. Возвращаясь к анализируемому нами Определению ВС РФ № 303-ЭС24–276 от 14.06.2024, это означает следующее:

- «Общество» обязано возместить стоимость работ («реальным подрядчикам», которые исполнили муниципальный контракт);
- Вышеуказанные «реальные подрядчики» обязаны вернуть «Обществу» полученные наличные (и поскольку они в реальности уже потрачены, обязанность «Общества» трансформируется в «возмещение стоимости»).

Вышеуказанные выводы основаны на положениях пункта 2 статьи 167 ГК РФ, согласно которому *«при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость...»*.

Пунктом 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015 в целях применения пункта 2 статьи 167 ГК РФ установлена презумпция равенства взаимных предоставлений по недействительной (исполненной сторонами) сделке. Действительно, если стороны договорились о цене работ, нет никаких оснований считать иначе.

В связи с вышеизложенным, «Общество» имеет все возможности (посредством зачета) прекратить все взаимные реституционные обязательства с ре-

альным исполнителем муниципального контракта. Это также свидетельствует об отсутствии у «Общества» убытков, которые можно было бы взыскать с директора.

8. Далее вышеуказанные сделки и правовые последствия их совершения будут рассмотрены применительно к обоснованности привлечения к гражданско-правовой ответственности директора «Общества».

Как уже было сказано, из Определения ВС РФ № 303-ЭС24–276 от 14.06.2024 следует, что «Общество» (в лице директора) не просто заплатило «фирме-однодневке» денежные средства, а реально получило в свою пользу соответствующий «экономический эквивалент» (исполнение муниципального контракта произведено в интересах «Общества»). Юридический факт (результат работ), бесспорен – работы выполнены, обязательства «Общества» перед муниципалитетом прекратились. Весь положительный экономический эффект (и прибыль) получило «Общество». Директор лично не обогатился.

Конечно, с этической, налоговой и даже уголовно-правовой точек зрения, действия директора являются правонарушением и в рамках публичных правоотношений, безусловно, наказуемы. Но нас интересует поставленный в Определении № 303-ЭС24–276 от 14.06.2024 вопрос о том, может ли «Общество» требовать взыскания с директора в *гражданско-правовом* порядке сумм, уплаченных «фирме-однодневке» по ничтожной сделке?

С учетом рассмотренных ранее по тексту гражданско-правовых последствий заключения директором ничтожных сделок, представляется, что ответ должен быть отрицательным. По той простой причине, что фактически никаких убытков «Обществу» причинено не было. С экономической точки зрения «Обществом» получено встречное предоставление за безналичный платеж, произведенный в адрес «технической компании». При таких фактических обстоятельствах директор ничего возмещать не должен. Далее по тексту нами будут приведены примеры из судебной практики, где Верховный Суд России совершенно справедливо решал вопрос ответственности директора в зависимости от наличия и размера экономических потерь «Общества», перечислившего деньги «фирме-однодневке».

9. В Определении № 303-ЭС24–276 от 14.06.2024 Верховный Суд РФ не подверг сомнению выводы нижестоящих инстанций о том, что с директора в пользу «Общества» могут быть взысканы только налоговые пени и штрафы. Саму же недоимку директор возмещать не должен, поскольку обязанность платить налог «Общество» несет в любом случае (независимо от попыток директора снизить размер фискального бремени «Общества» посредством заключения противоправных сделок с «техническими компаниями»). Это совершенно справедливо. Суды не должны принимать во внимание лишь сам факт наличия

правонарушения со стороны директора. Необходимо оценивать экономическое положение «Общества» «до» и «после» правонарушения и только по результатам такого анализа констатировать наличие либо отсутствие ущерба. В ситуации, когда «Общество» экономический эквивалент получило, говорить о причиненном ущербе нельзя. В таком случае невозможна и корпоративная ответственность директора перед «Обществом».

Вышеуказанная правовая позиция проявляется в практике Верховного Суда России абсолютно последовательно. Так, в другом деле, директор вывел денежные средства через «фирму-однодневку» и не представил доказательств расходования наличности в интересах «Общества». С такого директора (кроме налоговых пеней и штрафов) был взыскан и неуплаченный «Обществом» налог (поскольку неправомерными действиями директора «Общество» потеряло актив, и эти потери директор обязан возместить для погашения, в том числе, налоговой недоимки (Определение ВС РФ № 306-ЭС22–4660 от 21.07.2022)).

10. В своем специализированном «Обзоре практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды» от 13.12.2023 Президиум Верховного Суда РФ неоднократно отмечает, что если «Общество», ранее оплатившее товар (работу, услугу) «фирме-однодневке», впоследствии укажет на конкретное «лицо, осуществившее фактическое исполнение» (и докажет это), то оплаченные такому лицу суммы «Общество» вправе учесть в качестве расходов при исчислении налогов (пункты 5, 6, 8 Обзора). На данном примере также наглядно показано, что Верховный Суд РФ при оценке экономических результатов сделки, оформленной с «технической компанией», реальные расходы и выгоды «Общества» учитывает (даже если эти расходы производились наличными в адрес исполнителей, формально не подписавших с «Обществом» договоры на предоставление товаров, работ, услуг).

В таких ситуациях уплаченные «фирме-однодневке» суммы, принятые судом в качестве расходов (при исчислении налога на прибыль), экономически не могут считаться причиненным директором ущербом и потому взыскиваться с него не должны.

Таким образом, по результатам настоящего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Заключение договора «на обналичивание», безусловно, является противоправным, порицаемым правопорядком поведением директора «Общества». Оно совершенно точно не подпадает под критерии «разумности» и «добросовестности», установленные пунктом 3 статьи 53 и статьей 53.1 ГК РФ. Такие действия явно выходят за пределы обычного делового (предпринимательского) риска» (принцип «business judgement rule» («доктрина защиты делового решения»), признанного ключевым в подобных спорах *Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 62*

от 30.07.2013 (пункт 1)). Но всё вышеизложенное не отменяет того факта, что отсутствие у «Общества» экономического ущерба (от сделки, совершенной с «технической компанией») должно влечь за собой неизбежный отказ в иске к директору (о взыскании «обналиченных» сумм). Постановление Пленума ВАС № 62 от 30.07.2013 в пунктах 6 и 8 подтверждает два совершенно справедливых обстоятельства: а) «По делам о возмещении директором убытков истец обязан доказать наличие у юридического лица убытков (пункт 2 статьи 15 ГК РФ)»; б) «... если юридическое лицо уже получило возмещение своих имущественных потерь ..., в удовлетворении требования к директору о возмещении убытков должно быть отказано...».

2. В рассмотренном нами Определении № 303-ЭС24–276 от 14.06.2024 Верховный Суд РФ уклонился от обсуждения вопроса, был ли причинен «Обществу» экономический ущерб. Признав факт выполнения муниципального контракта, высшая судебная инстанция на стала высказываться относительно наличия/отсутствия причинной связи между безналичным платежом в адрес «технической компании» и фактом исполнения обязательств «Общества» перед муниципалитетом. На наш взгляд, стандарт доказывания «баланс вероятностей» сделать вывод о наличии такой связи позволяет. Представляется, что Верховный Суд России не стал высказываться в отношении сделок с «фирмами-однодневками» в таком положительном для директора ключе, стремясь защитить оборот от противоправных действий подобных руководителей. С политико-правовой точки зрения такую позицию понять можно. Однако при ее жестком следовании «Общества» будут неосновательно обогащаться за счет своих директоров, взыскивая с них убытки, которые «Общество», в действительности, не понесло.

Литература

1. «Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации» (отв. ред. А.Г. Карапетов) («М-Логос», 2022). – С. 948.
2. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суха-

нов. – 2-е изд., – М.: Статут, 2011. – С. 317–319.

3. Новоселова Л.А. Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. – М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 1996. – 1606 с. – С. 4–6.
4. Белов В.А. Юридическая природа безналичных расчетов и «безналичных денег» // Бизнес и банки. 1998. N 52. – С. 4–6.
5. М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, «Договорное право. Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты...», книга 5, том 2, «Статут», 2006).

CIVIL LIABILITY OF THE SOLE EXECUTIVE BODY TO A LEGAL ENTITY IN THE COMMISSION OF CERTAIN TYPES OF VOID TRANSACTIONS

Safin T.I.

Saint Petersburg State University of Economics

In this article, using the example of a specific judicial act of the Supreme Court of the Russian Federation, the author analyzes the legal consequences of a transaction by the sole executive body of a legal entity with a so-called “one-day company” in cases where the director does not appropriate the received “cash” funds, but uses them to finance the production activities of a legal entity (in violation of public law). The author does not agree with the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation, which recovered from the director the funds transferred to the “one-day company” only on the grounds that they were not returned. With reference to representatives of scientific doctrine and judicial practice of higher judicial instances, the point of view is presented, according to which it is necessary to take into account the positive economic effect that a legal entity has received as a result of transactions concluded by the director. Since the legal entity did not suffer any real losses from these operations, no damage was caused, and therefore there is no reason to bring the director to civil liability (although the requirements for reasonableness and good faith provided for in Articles 53 and 53.1 of the Civil Code of the Russian Federation were violated by the director).

Keywords: director’s responsibility, “one-day firms”, losses of a legal entity, director’s integrity, director’s reasonableness.

References

1. “The change of persons in the obligation and responsibility for the violation of the obligation: commentary on the articles 330–333, 380–381, 382–406.1 The Civil Code of the Russian Federation” (ed. by A.G. Karapetov) (M-Logos, 2022). – p. 948.
2. Russian civil law: Textbook: In 2 vols. Vol. I: General part. Property law. Inheritance law. Intellectual property rights. Personal non-property rights / Ed. by E.A. Sukhanov. – 2nd ed., – М.: Statute, 2011. – pp. 317–319.
3. Novoselova L.A. Monetary calculations in entrepreneurial activity. – М.: Educational and consulting center “YurinfoR”, 1996. – 1606 p. – pp. 4–6.
4. Belov V.A. The legal nature of non-cash payments and “non-cash money” // Business and banks. 1998. N 52. – pp. 4–6.
5. M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky, “Contract law. Agreements on bank deposits, bank accounts; bank settlements...”, book 5, volume 2, “Statute”, 2006).

Нормативное определение подходов к квалификации мошенничества в сфере образовательных услуг: на примере личного развития

Курносова Валерия Михайловна,

специалист, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина
E-mail: lerakurnosova@yandex.ru

В статье обсуждаются вопросы мошенничества в сфере образовательных услуг. Дискуссионным является вопрос квалификации продаж образовательных или иных информационных услуг мотивационного характера. Кроме вопроса «этичности» и «неэтичности» продажи возникает вопрос разграничения от мошенничества. Представляется, что такое понятие является не только неэтичным, но и не дает объективного представления о совершенном деянии. Учитывая вышеизложенное, предлагаем конкретизировать определение с учетом всех специфических особенностей данного преступления. В статье разбираются формы такого мошенничества: обогащение за счет рекламы, обман при оплате курсов, подделка документов, ведение курсов недобросовестными и неквалифицированными преподавателями. Рассматриваются способы избежать обмана: проверка документов образовательных учреждений и тренеров, отзывов и рекомендаций от предыдущих обучаемых, изучать условия возврата денег за не предоставление услуг. В результате обсуждения высказывается предложение о развитии законодательной деятельности в этой сфере.

Ключевые слова: мошенничество; квалификация; информационные услуги; дифференциация; правоохранительная деятельность; уголовно-правовая характеристика.

Введение

Образование играет ключевую роль в развитии личности и общества. Оно включает в себя передачу знаний, умений и навыков, которые необходимы для профессионального роста и личного развития. Эффективное образование требует качественного преподавания, доступности ресурсов и поддержки со стороны семей и общества. Важными аспектами являются также адаптация образовательных программ к меняющимся требованиям рынка труда и инновациям в различных областях. Образование является составной частью развития личности и общества. В корне этого слова стоит слово «образ». Иными словами, образование – это создание некоторого образа человека. Образ человека создается по запросу общества. При переходе России на новую идеологическую платформу одним из целей образования стало быстрое обогащение, стяжение не духовных знаний, а материальных ценностей. Запрос общества породил большое количество мошенников магов, блогеров, «коучеров», целью которых является обогащение за счет обманутых учеников. Показывая, каких денежных материальных ценностей они достигли при помощи своих знаний, они собирают деньги с учеников. Реально эти знания являются либо мнимыми, либо нацелены на прямое мошенничество.

Под воздействием информационных технологий общество стремительно развивается. Некогда неизвестные механизмы гражданско-правового взаимодействия (например, договор об участии в долевого строительстве, смарт-контракты, крипто биржи или процессуальные инструменты в рамках корпоративного права) становятся повседневностью жизни не только для хозяйствующих субъектов, но и рядовых граждан. Оттого возрастает необходимость в обеспечении защиты охраняемых законом прав в быстроразвивающихся сферах.

Активная цифровизация общества привносит в обыденный цикл жизнедеятельности человека множество возможностей [1, 2]. Так, посредством коммуникации в сети Интернет, человечество активно обменивается знаниями, становящимися в итоге предметом монетизации. Активность обучения через Интернет существенно увеличилось во время пандемии коронавируса [3, 4, 5]. Однако нередки случаи распространения мнимых уроков и лекций, приносящих вред охраняемым законом интересам [6, 7].

Мошенничество в сфере предоставления образовательных услуг

В сфере образовательных услуг мотивационного характера мошенничество может проявляться в не-

скольких формах [8]. Основные квалификации таких мошеннических действий включают:

Мошенничество с рекламой и обещаниями. Эта категория включает ложные или преувеличенные обещания о результатах, которые можно достичь с помощью образовательных программ. Это может включать гарантии получения сертификатов, дипломов или карьерных преимуществ, которые не соответствуют действительности.

Мошенничество с оплатой. Вымогательство денежных средств под предлогом предоставления образовательных услуг или материалов, которые на самом деле не существуют или не соответствуют заявленному уровню качества.

Мошенничество с подделкой документов. Продажа поддельных сертификатов, дипломов или других документов, удостоверяющих участие в образовательных курсах или мероприятиях. Это может вводить в заблуждение работодателей или учебные заведения.

Мошенничество с личными данными. Использование образовательных программ для сбора личных данных с целью их последующей продажи или использования в мошеннических схемах.

Мошенничество с недобросовестным ведением курса. Предоставление некачественных образовательных материалов или программ, которые не соответствуют описанию, при этом сбор средств производится под видом настоящего курса.

Мошенничество с некомпетентными тренерами. Найм преподавателей или тренеров, которые не имеют необходимых квалификаций или опыта, при этом заявляя о высоком уровне их профессиональных навыков.

Меры по предотвращению мошенничества в сфере образовательных услуг

Для предотвращения мошенничества в сфере образовательных услуг важно:

- проверять репутацию образовательных учреждений и тренеров;
- исследовать отзывы и рекомендации от предыдущих обучаемых;
- проверять подлинность предоставляемых документов и сертификатов;
- изучать условия возврата денег и предоставления услуг.

Мошенничество в сфере блогеров и коучей

К числу современных мошеннических преступлений можно отнести преступные действия «блогеров», «коучей» и «бизнес-тренеров», предоставляющие образовательные услуги сомнительной ценности.

Образовательный коучинг – принципиально новое направление в педагогической науке и практике, в основе которого лежит постановка и максимально быстрое достижение личностных целей путем мобилизации внутреннего потенциала, освое-

ния передовых стратегий получения образовательного результата¹.

Целью бенефициаров таких мероприятий служит извлечение корыстной выгоды из числа обучающихся. Вместе с тем содержание самого продукта не включает в себя подлинного образовательного процесса. В таких случаях потерпевший (приобретатель услуги), введенный в заблуждение наставниками, рассчитывает на получение исключительных, специальных знаний в той или иной сфере.

Примечательно, что высокая потребность в услугах подобного рода навязана самим «коучем», путем рекламы «роскошного образа жизни».

Ввиду новизны правового явления отсутствует определение, которым можно охарактеризовать данные действия. В публицистических кругах подобные преступления названы «инфоцыганством». Представляется, что такое понятие является не только неэтичным, но и не дает объективного представления о совершенном деянии. Учитывая вышеизложенное, предлагаем конкретизировать определение с учетом всех специфических особенностей данного преступления. Во-первых, преступление совершено путем предоставления информационных услуг в сфере образования. Во-вторых, качество таких услуг не отвечает заявленным требованиям. В-третьих, субъект преступления, полностью осознавая низкую ценность предоставляемых услуг, заверяет потребителя об иллюзорной результативности учебных мероприятий с целью извлечения корыстной выгоды. Представляется, что состав такого преступления можно охарактеризовать как «информационное мошенничество», то есть мошенничество в сфере предоставления информационных услуг. Согласно Постановлению № 49–14 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О новой редакции модельного закона «О научно-технической информации», информационная услуга – услуга, ориентированная на удовлетворение информационных запросов потребителей путем предоставления информационной продукции².

Таким образом, дефиниция подобной преступной деятельности выглядит следующим образом: умышленное преступное действие, направленное на извлечение корыстной выгоды, путем обмана или введения в заблуждение при предоставлении информационных (образовательных) услуг.

Вместе с тем, правоприменителю не следует путать «информационное мошенничество» с предо-

¹ Постановление № 51–20 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О Согласованном словаре терминов в области образования»/ Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2021. № 73 (часть 3) / СПС «Консультант-Плюс»2024 (дата обращения: 11.04.2024).

² Постановление № 49–14 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О новой редакции модельного закона «О научно-технической информации» / Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2019. N 71 (часть 2) / СПС «КонсультантПлюс» 2024 (дата обращения:11.04.2024).

ставлением некачественных образовательных услуг (последнее не образует состав преступления). Необходимо понимать, что в рамках «здоровых» правоотношений деятельность педагогов и коучей по предоставлению информационных услуг регулируется ГК РФ и Законом РФ № 2300–1. То есть, для установления гражданско-правовых отношений между исполнителем услуги и потребителем (приобретающим такую услугу для личного развития, в личных целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности) заключается договор, в котором указываются, как минимум, предмет, содержание и цена. Содержание составляют права и обязанности сторон. В случае ненадлежащего исполнения обязанностей по договору оказания подобной услуги потребитель вправе возместить понесенные ввиду некачественных образовательных услуг убытки, в порядке, установленном ГК РФ.

Предоставление некачественных услуг потребителю образует состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.4 КоАП РФ.

В целях полной оценки действий исполнителя услуги, правоприменителю следует установить субъективное отношение исполнителя к тому обману, который послужил основанием нарушения прав потребителя. Если потребитель введен в заблуждение относительно качеств, предоставляемых услуг намеренно с целью получения выгоды. То есть, исполнитель услуги в полной мере осознавал низкую ценность продукта и намеренно с целью получения выгоды распространял информацию об эффективности услуги (например, как в случае с «информационным мошенничеством»), то такое деяние должно расцениваться как преступление (ст. 159 УК РФ). В случае если, исполнитель услуги добросовестно рассчитывал, что продукт, созданный и предоставляемый им соответствует заявленным требованиям, а его цели направлены на осуществление законной предпринимательской деятельности, его действия не могут быть основаниями для привлечения к уголовной ответственности. Такая модель логики находит свое отражение и в случаях выполнения работ по договору (например, строительного подряда).

Судебная и правоприменительная практика по делам об «информационном мошенничестве» малочисленна. Тем не менее, примером для правоприменителя может послужить громкое дело блогера и основателя ООО «Лайк центр» А.Р. Шабутдинова, обвиненного в 73 эпизодах мошенничества¹. По версии следствия обвиняемый путем обмана и введения в заблуждение создал у граждан искаженное представление о возможности построения прибыльного бизнеса благодаря уникальным образовательным программам. Высокая образовательная потребность в таком обучении вызвана навязыванием ложного образа «преуспевающего» человека в сети «Интернет». Так, Шабутди-

нов в целях привлечения аудитории распространял рекламу, центрирующую успешность своей личности, указывая на необходимость участия в его тренингах для достижения аналогичных результатов. Потерпевшими признаны 50 человек. Они указывают на отсутствие, в проводимых мероприятиях, конструктивного образовательного процесса. Подобное деяние образует состав преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. В настоящее время уголовное преследование в отношении А.Р. Шабутдинова продолжается, обвиняемый находится под стражей².

Заключение

Бурное развитие информационных технологий привело к тому, что существующее законодательство в сфере информационного мошенничества сильно отстало от современных темпов развития мошеннических схем. Личности, предприятия и общество в целом сильно страдают от большого числа мошенников, которых никто не наказывает, да и нет законов и организаций, которые бы этим занимались. Это сильно подрывает доверие граждан к государству, которое не заботится о безопасности граждан.

Литература

1. Шайтура С.В. Контуры новой матрицы // Материалы международного научно-образовательного форума Бургас.- 2014. – № 2 (6) – с. 156–159.
2. Шайтура С.В. Цифровая валюта / С.В. Шайтура, Н.В. Останкова, Г.Я. Зеленова [и др.] // Отходы и ресурсы. – 2023. – Т 10. – № 4.
3. Шайтура С.В. Дистанционное образование во время пандемии // Славянский форум. 2020. № 2 (28). С. 201–205.
4. Shaitura S.V., Minitaeva A.M., Ordov K.V., Gospodinov S.G., Chulkov V.O. Review of distance learning solutions used during the Covid-19 crisis – In: “Advances in Social Science, Education and Humanities Research” 2020. С. 1–9.
5. Shaitura S.V., Ordov K.V., Pigoreva O.V., Kostarina I.V., Zyukin D.A., Gerasimova V.G. Problems of distance education // Revista Inclusiones. – 2020. – V. 7. № S4–1., p. 24–38.
6. Кулагин В.П. Качество образовательных услуг и «ухудшающий отбор» // Славянский форум. – 2012. – № 1 (1) – с. 20–24.
7. Кулагин В.П. Рынок образовательных услуг: особенности, состояние // Славянский форум. – 2012. – № 2 (2) – с. 18–21.
8. Беркович О.Е., Матрешина Е.Б., Павлова И.И. Социально-психологические причины и способы совершения мошенничества в современном обществе // Российский следователь. 2024. N 6. С. 46–48.

REGULATORY DEFINITION OF APPROACHES TO QUALIFYING FRAUD IN THE FIELD OF EDUCATIONAL

² Постановление Таганского районного суда г. Москвы от 11.04.2024 по делу № 3/2–0084/2024.

¹ Коуча Шабутдинова обвинили в 73 эпизодах мошенничества/ РИА новости: [сайт] URL: <https://ria.ru/20240411/shabutdinov-1939340325.html> (дата обращения: 01.05.2024)

SERVICES: THE EXAMPLE OF PERSONAL DEVELOPMENT

Kurnosova V.M.

O.E. Kutafin Moscow State Law University

The article discusses the issues of fraud in the field of educational services. The issue of qualification of sales of educational or other information services of a motivational nature is debatable. In addition to the issue of "ethics" and "unethics" of sales, the issue of distinction from fraud arises. It seems that such a concept is not only unethical, but also does not give an objective idea of the committed act. Given the above, we propose to specify the definition taking into account all the specific features of this crime. The article examines the forms of such fraud: enrichment through advertising, fraud when paying for courses, forgery of documents, teaching courses by unscrupulous and unqualified teachers. Ways to avoid fraud are considered: checking the documents of educational institutions and trainers, reviews and recommendations from previous students, studying the conditions for returning money for failure to provide services. As a result of the discussion, a proposal is made to develop legislative activity in this area.

Keywords: fraud; qualification; information services; differentiation; law enforcement; criminal law characteristics.

References

1. Shaitura S.V. Contours of the new matrix // Proceedings of the international scientific and educational forum Burgas.- 2014. – No. 2 (6) – pp. 156–159.
2. Shaitura S.V. Digital currency / S.V. Shaitura, N.V. Ostankova, G. Ya. Zelenova [et al.] // Waste and resources. – 2023. – T 10. – No. 4.
3. Shaitura S.V. Distance education during a pandemic // Slavic forum. 2020. No. 2 (28). P. 201–205.
4. Shaitura S.V., Minitaeva A.M., Ordov K.V., Gospodinov S.G., Chulkov V.O. Review of distance learning solutions used during the Covid-19 crisis – In: "Advances in Social Science, Education and Humanities Research" 2020. P. 1–9.
5. Shaitura S.V., Ordov K.V., Pigoreva O.V., Kosterina I.V., Zyukin D.A., Gerasimova V.G. Problems of distance education // Revista Inclusiones. – 2020. – V. 7. № S4–1., p. 24–38.
6. Kulagin V.P. Quality of educational services and "deteriorating selection" // Slavic forum. – 2012. – № 1 (1) – pp. 20–24.
7. Kulagin V.P. Educational services market: features, state // Slavic forum. – 2012. – № 2 (2) – pp. 18–21.
8. Berkovich O.E., Matreshina E.B., Pavlova I.I. Social and psychological causes and methods of committing fraud in modern society // Russian investigator. 2024. N 6. P. 46–48.

Формирование модели регулирования экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых валют

Соломатин Евгений Олегович,

преподаватель права в ГБОУ Школа № 2123 им. М. Эрнандеса
E-mail: eo.solomatin@gmail.com

В статье рассматриваются нормативно-правовые и теоретические обстоятельства, которые привели к необходимости создания законодательства в области экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых валют, а также приводится оценка правовых нововведений и устанавливается дальнейший возможный вектор регулирования. Отмечается необходимость консолидации усилий различных органов по всестороннему мониторингу и изучению «регулятивных песочниц». Автор позитивно оценивает законодательные изменения и видит возможности для их дальнейшего совершенствования. Сделан вывод о том, что современные условия стимулируют внедрение инновационных технологий с использованием особых правовых режимов. Широкий круг методов функционального и системного анализа нормативно-правовых актов позволил изучить правовое регулирование, теоретические подходы и сформулировать предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: цифровой рубль, криптовалюта, экспериментальный правовой режим, регулятивная песочница, специальный регулятивный режим, Банк России, национальная платежная система.

Введение

Современный этап развития большинства государств и интеграционных объединений характеризуется стремлением к широкому внедрению инновационных решений, применению технологий искусственного интеллекта и использованию различных цифровых платформ. В связи с этим, особо актуальной представляется задача обеспечения цифровизации всех сфер предпринимательской и промышленной деятельности России, а также формирования устойчивого технологического развития и сотрудничества с дружественными юрисдикциями и международными организациями, в частности, в рамках Евразийского экономического союза (далее – «ЕАЭС»). Технологическое лидерство и повсеместная цифровая трансформация являются одними из ключевых целей развития государства на ближайшую перспективу¹.

В настоящее время все большую популярность приобретает такой инструмент реализации цифровой повестки, как экспериментальный правовой режим («правовой эксперимент», «регулятивная песочница», «специальный правовой режим»). Под ним понимается особый регуляторный режим, который действует в течение определенного срока среди конкретной группы участников и позволяет пилотировать новые технологические решения². Также такие специальные регулятивные режимы могут предусматривать полное или частичное освобождение от соблюдения обязательных требований или отказ от осуществления разрешительной деятельности³. К его достоинствам ученые-юристы относят оптимизацию темпоральных издержек при проектировании правового регулирования, устранение ряда рисков и неопределенности [1, с. 3], гибкость, стимулирование инициатив в сфере инноваций и инвестиций [2, с. 937], обеспечение безопасной среды для тестирования новых технологий [3, с. 110]. В России институт регулятивных песочниц получил развитие с апреля 2018 года, когда Банком России была запущена одна из первых масштабных площадок для пилоти-

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // «Российская газета», N 100, 11.05.2024.

² п. 1 ст. 2 Федерального закона от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // «Российская газета», N 173, 06.08.2020.

³ п. 1 ст. 13 Федеральный закон от 31.07.2020 N 247-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // «Российская газета», N 171, 05.08.2020.

рования финансовых продуктов, технологических решений и услуг [8]. Помимо финансовой сферы, сегодня компании также заинтересованы в тестировании проектов в сфере беспилотных авиационных систем, цифровых инноваций, телемедицинских технологий, связи, строительства, торговли и многих других [9]. На фоне растущей потребности в скорейшей апробации различных инновационных технологий и стремлении обеспечить полный технологический суверенитет развивается и российское законодательство в сфере экспериментальных правовых режимов. Очередным важным шагом на этом пути стало принятие, так называемого, закона об экспериментальных правовых режимах с цифровой валютой, который вступает в силу с 1 сентября 2024 года (Федеральный закон от 08.08.2024 N 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹) (далее – **«Закон»**).

Предпосылки

Довольно долгое время Банк России не поддерживал обращение криптовалют и выступал против всякой легализации деятельности, связанной с ними, по причине отсутствия какого-либо закрепления правового статуса криптовалют в законодательстве Российской Федерации [10]. Например, в Информации Банка России от 27 января 2014 года сделан вывод о наличии потенциально высокого риска легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма при свободном обороте криптовалют, что полностью исключает возможность их признания. Центральный Банк также обращал внимание на то, что «виртуальные валюты» ничем не обеспечены и несут существенный риск потери стоимости на «виртуальных биржах» [11]. Тем не менее, совершенствование и развитие законодательства привело к появлению легального определения «цифровой валюты», а также постепенному признанию сделок с криптовалютой, за исключением оплаты за товары, услуги². Принято разделять понятия «цифровая валюта», «криптовалюта» и «цифровой рубль». Так, под цифровыми валютами понимают *«совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа...»*³. Иными словами, цифровая валюта может представлять собой

цифровую валюту национального банка (цифровой рубль в России) или криптовалюту. Цифровой рубль эмитируется Банком России и фактически представляет собой форму национальной валюты, наряду с наличной и безналичной [4, с. 42]. Понятие криптовалюты неразрывно связано с блокчейном. В широком смысле, блокчейн можно определить как децентрализованный распределенный реестр данных, который функционирует на основе криптографических алгоритмов и содержит информацию обо всех подтвержденных транзакциях, совершенных в отношении какого-либо актива [5, с. 112]. Одним из первых и наиболее популярных распределенных реестров является блокчейн биткойна [12]. Последний по праву считается одной из самых популярных криптовалют. В самом общем виде, криптовалюта – это одна из разновидностей электронной валюты, создание и контроль за которой осуществляются с помощью криптографических решений неограниченным количеством связанных между собой узлов. Таким образом, цифровой рубль выпускается на платформе Банка России, представляет собой одну из форм платежа, имеет единый центр, который несет обязательства по ней. В то же время, криптовалюта не имеет центрального органа регулирования и контроля и функционирует на основе децентрализованной системы записи транзакций при помощи криптографических средств защиты. Контроль за действительностью транзакций с криптовалютой осуществляется неограниченным количеством связанных между собой узлов. С технической точки зрения, криптовалюта – это не только возможное средство платежа, но и обеспечение функционирования платформ и систем блокчейн. К сожалению, принятие Федерального закона от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не поставило точку в вопросе о правовой природе цифровых валют: с одной стороны, они в силу определения *«могут быть приняты в качестве средства платежа»*, а с другой стороны, запрещается их принимать в качестве встречного предоставления за товары, работы или услуги, за исключением ряда внешнеторговых договоров (контрактов)⁴. В связи с этим, в доктрине даже высказывается мнение о суррогатной природе цифровых валют, которая не противоречит тому факту, что она используется в гражданском обороте [6, с. 56].

Исходя из анализа текущего законодательного регулирования, а также разъясняющих писем уполномоченных органов и судебной практики, можно сделать вывод о том, что принятие Закона, устанавливающего особенности экспериментальных правовых режимов в сфере оборота цифровых валют, является неизбежным этапом развития

¹ Федеральный закон от 08.08.2024 N 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // «Российская газета», N 178, 13.08.2024.

² Определение Верховного Суда РФ от 11.10.2023 N 306-ЭС23-10386(3) по делу N А65-18296/2021; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 N 09АП-16416/2018 по делу N А40-124668/2017; Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 01.03.2023 N 88-9876/2023 // СПС-КонсультантПлюс.

³ п. 3 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета», N 173, 06.08.2020.

⁴ ст. 1 и ст. 4 Федерального закона от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета», N 173, 06.08.2020.

российского законодательства. «Регулятивные песочницы» в сфере цифровых валют позволят найти реперные точки и донстроить существующие механизмы в правовом поле, устранить неточности в регулировании и практике, а также внести ясность в части дальнейших законодательных изменений.

Перспективы

Вступающий в силу Закон об экспериментальных правовых режимах в области цифровых валют включает в себя пакет поправок в различные федеральные законы, регулирующие не только «регулятивные песочницы» и цифровые финансовые активы, но и валютное регулирование, национальную платежную систему, организованные торги и положение Банка России. Все полномочия, связанные с управлением и взаимодействием с участниками экспериментальных правовых режимов с цифровыми валютами, возложены на Банк России. Так, особенности установления подобных «регулятивных песочниц» связаны с принятием Центральным Банком программы экспериментального правового режима, которая позволяет модифицировать действующее правовое регулирование¹ в части обращения цифровых валют², использования основных понятий и категорий (например, «электронная платформа», «оператор электронной платформы»)³, транзакций с цифровыми валютами, полномочий резидентов и нерезидентов при проведении внешнеэкономических операций, критериев допуска к организованным торгам и требований к операторам платформы⁴ и организатору торгов⁵. Банк России осуществляет мониторинг «регулятивной песочницы», и, если в рамках такой проверки будут выявлены потенциальные угрозы безопасности и информационной инфраструктуре, а также, например, риски легализации (отмывания) преступных доходов или финансирования терроризма, Банк России будет уполномочен в десятидневный срок информировать об этом органы ФСБ России и Росфинмониторинг⁶.

Таким образом, Закон в первую очередь направлен на тестирование использования цифровых валют в рамках международных расчетов

¹ п. 6 ст. 2 Федерального закона от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»

² ст. 1.1 Федерального закона от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета», N 173, 06.08.2020.

³ ст. 2 Федерального закона от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О национальной платежной системе» // «Российская газета», N 139, 30.06.2011.

⁴ ст. 2 Федерального закона от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О национальной платежной системе»

⁵ ст. 1 Федерального закона от 21.11.2011 N 325-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об организованных торгах» // «Российская газета», N 266с, 26.11.2011.

⁶ п. 1.1 и п. 1.2 ст. 18 Федерального закона от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // «Российская газета», N 173, 06.08.2020.

по внешнеторговым контрактам и при осуществлении организованных торгов, а также на учреждение оператора расчетов в цифровых валютах на базе национальной платежной системы. Использование децентрализованной валюты при расчетах по внешнеторговым договорам обсуждалось Банком России и Минфином не один год [7, с. 6], однако сегодня эти меры представляются особенно актуальными в условиях санкционного давления. По новому Закону подобные операции будут возможны под контролем Банка России в соответствующей согласованной «регулятивной песочнице», которая будет установлена в отношении определенных участников и на ограниченный срок.

Заключение

Принятие Закона представляется позитивным шагом на пути формирования устойчивого законодательного регулирования экспериментальных правовых режимов, которые в последнее время получают все большее распространение благодаря способности в кратчайшие сроки понизить градус правового воздействия на общественные отношения в наиболее чувствительных сферах. Возможность пилотирования различных способов применения цифровых валют в изолированной среде позволит ускорить принятие необходимых шагов для сокращения дистанции между технологическим прогрессом и правовым регулированием. Следующим этапом развития может стать создание «регулятивных песочниц» в сфере первых российских криптовалютных бирж. А в дальнейшем, и формирование соответствующей правовой базы в рамках интеграционных объединений с дружественными государствами, например, ЕАЭС, для ведения совместных проектов. На текущем этапе важна консолидация усилий государства, частных компаний, научных организаций, ассоциаций и объединений по изучению и применению лучших практик в сфере эффективного использования экспериментальных правовых режимов.

Литература

1. Зайнутдинова Е.В. Цифровые права и цифровая валюта: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. N 1. С. 117–129.
2. Толмачев Ю.А., Лисовский М.И. Перспективные возможности и преимущества внедрения регулятивных песочниц // Экономика и социум. 2019. N 1 (56). С. 934–938.
3. Сушильников И.С. Конституционно-правовые основы экспериментальных правовых режимов // Теоретическая и прикладная юриспруденция», N 1 (15) 2023. С. 109–121.
4. Полежаев О.А. Виртуальные валюты как законные платежные средства. Экономика. Право. Общество. 2018 N 4. С. 41–48.

5. Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94–117.
6. Турбанов А.В. Сущность денежного суррогата // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. N 3. С. 56–72.
7. Васянина Е.Л. Правовое регулирование денежно-кредитного механизма // Финансовое право. 2023. N 8. С. 2–5.
8. Регулятивная песочница. URL: https://cbr.ru/fintech/regulatory_sandbox/ (дата обращения: 29.08.2024).
9. Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/ (дата обращения: 29.08.2024).
10. Ответы Банка России на вопросы (предложения) банков, поступившие в рамках ежегодной встречи кредитных организаций с руководством регулятора (Приложение к Письму Банка России от 24.07.2023 N 03–23–16/6611) // Ассоциация «Россия»: официальный сайт. 2023. URL: <https://asros.ru> (дата обращения: 29.08.2024).
11. Информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» // «Вестник Банка России», N 11, 05.02.2014.
12. Технологии в криптоиндустрии: состояние, стратегии и эффекты. Центр финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления Сколково. Декабрь 2018. URL: <https://finance.skolkovo.ru/ru/sfice/research-reports/1865–2018–12–21/> (дата обращения: 29.08.2024).

FORMATION OF A MODEL FOR REGULATING EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES IN THE FIELD OF DIGITAL CURRENCIES

Solomatin E.O.

GBOU School No. 2123 named after M. Hernandez

This article covers the regulatory and theoretical circumstances that led to the need to create legislation in the field of experimental le-

gal regimes in the field of digital currencies, as well as provides an assessment of legal innovations and establishes a further possible regulatory vector. It is noted that there is a need to consolidate the efforts of various bodies for comprehensive monitoring and study of “regulatory sandboxes”. The author positively evaluates the legislative changes and sees opportunities for their further improvement. It is concluded that modern conditions stimulate the introduction of innovative technologies using special legal regimes. A wide range of methods of functional and systemic analysis of normative legal acts made it possible to study legal regulation, theoretical approaches and formulate proposals for its improvement.

Keywords: digital ruble, cryptocurrency, experimental legal regime, regulatory sandbox, special regulatory regime, Bank of Russia, national payment system

References

1. Zainutdinova E.V. Digital rights and digital currency: a comparative legal study // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2024. N 1. pp. 117–129.
2. Tolmachevets Yu.A., Lisovsky M.I. Promising opportunities and advantages of introducing regulatory sandboxes // Economy and Society. 2019. N 1 (56). pp. 934–938.
3. Sushilnikov I.S. Constitutional and legal foundations of experimental legal regimes // Theoretical and Applied Jurisprudence, N 1 (15) 2023. pp. 109–121.
4. Polezhaev O.A. Virtual currencies as legal tender. Economy. Law. Society. 2018 N 4. P. 41–48.
5. Saveliev A.I. Some legal aspects of the use of smart contracts and blockchain technologies under Russian law // Law. 2017. No. 5. P. 94–117.
6. Turbanov A.V. The nature of a monetary surrogate // Actual problems of Russian law. 2024. T. 19. N 3. P. 56–72.
7. Vasyanina E.L. Legal regulation of the monetary mechanism // Financial law. 2023. N 8. P. 2–5.
8. Regulatory sandbox. URL: https://cbr.ru/fintech/regulatory_sandbox/ (date of access: 08/29/2024).
9. Register of experimental legal regimes in the field of digital innovations. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/ (date of access: 29.08.2024).
10. Responses of the Bank of Russia to questions (proposals) of banks received during the annual meeting of credit institutions with the management of the regulator (Appendix to the Letter of the Bank of Russia dated 24.07.2023 N 03–23–16/6611) // Association “Russia”: official website. 2023. URL: <https://asros.ru> (date of access: 29.08.2024).
11. Information of the Bank of Russia dated 27.01.2014 “On the use of “virtual currencies” in transactions, in particular, Bitcoin” // “Bulletin of the Bank of Russia”, No. 11, 05.02.2014.
12. Technologies in the crypto industry: status, strategies and effects. Center for Financial Innovations and Cashless Economy of the Skolkovo Moscow School of Management. December 2018. URL: <https://finance.skolkovo.ru/ru/sfice/research-reports/1865–2018–12–21/> (date of access: 29.08.2024).